

ЗАПИСКИ ИВАНА СТЕПАНОВИЧА ЖИРКЕВИЧА.

1789—1848.

Авторъ Записокъ—отставной генераль-маіоръ Иванъ Степановичъ Жиркевичъ, сынъ бѣдныхъ мелкопомѣстныхъ смоленскихъ дворянъ, родился въ 1789 г., въ Смоленскѣ, и на 5-мъ году отъ рожденія отданъ на воспитаніе въ сухопутный шляхетный корпусъ, находившійся тогда еще подъ начальствомъ графа Ангальта, гдѣ былъ помѣщенъ въ малолѣтнее отдѣленіе. Окончивъ тамъ свое воспитаніе, Жиркевичъ, по 16-му году, былъ выпущенъ офицеромъ въ гвардейскій артиллерійскій баталіонъ и прямо со школьной скамейки попалъ въ аустерлицкое сраженіе. По возвращеніи гвардіи въ Петербургъ, Жиркевичъ, по званію баталіоннаго адъютанта, имѣлъ ежедневный докладъ у графа Аракчеева (который въ то время былъ инспекторомъ всей артиллеріи) и въ короткое время на столько снискалъ довѣрія у суроваго начальника, что графъ, не смотря на молодость Жиркевича, началъ давать ему довольно важныя порученія. Не скрывая въ своихъ Запискахъ тяжесть характера Аракчеева въ домашнемъ и служебномъ быту, Жиркевичъ не умаляетъ въ немъ достоинствъ, какъ въ человѣкѣ трудившемся и въ особенности отдастъ ему справедливость въ томъ, что единственно его заботами русская артиллерія была доведена до той степени совершенства, въ какой она себя показала во всѣхъ послѣдующихъ войнахъ. До сего времени съ именемъ Аракчеева у читателя связано было понятіе какъ о существѣ гнусномъ, отталкивающемъ; въ настоящихъ же Запискахъ авторъ, напротивъ, вездѣ, гдѣ тому представляется случай, выставляетъ Аракчеева съ болѣе выгодной стороны, описывая его, правда, брюзгой и ворчливымъ, но вообще довольно снисходительнымъ и справедливымъ начальникомъ.

Въ должности адъютанта при Аракчеевѣ Жиркевичъ находился до самаго назначенія графа военнымъ министромъ; затѣмъ вернулся во фронтъ и первое время далеко не пользовался расположеніемъ Ал. Петр. Ермолова, принявшаго въ свое командованіе гвардейскую артиллерию; Ермоловъ подозрѣвалъ въ немъ клевету Аракчеева, а можетъ быть даже и наущника, такъ какъ расположеніе сего послѣдняго къ Ивану Степановичу ни для кого въ гвардейской артиллеріи не составляло тайны; но въ послѣдствіи Ермоловъ, при содѣйствіи Вельяминова, съ которымъ Жиркевичъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, узнавъ его хорошо, не только отдалъ ему полную справедливость, но почтилъ своей дружбой, продолжавшейся до самой его смерти.

Жиркевичъ участвовалъ въ достопамятной отечественной войнѣ отъ самаго ея начала до вступленія русскихъ въ Парижъ, въ 1814 г. Непріятное столкновеніе между офицерами гвардейской артиллеріи со вновь назначеннымъ къ нимъ начальникомъ, полковникомъ Таубе, побудило Жиркевича заблаговременно оставить службу въ гвардіи и перечислиться въ полевую артиллерию, гдѣ онъ получилъ въ командованіе роту, т. е., батарею.

Получивъ въ Парижѣ отпускъ, по болѣзни, авторъ Записокъ возвратился на родину, въ Смоленскъ, и вскорѣ женился на Александрѣ Ивановнѣ Лаптевой.

Во время стоянки съ своей ротой въ губернскомъ городѣ Орлѣ, Жиркевичъ познакомился съ проживавшимъ тамъ, подъ опалой, генераломъ отъ инфантеріи графомъ Сергѣемъ Михайловичемъ Каменскимъ, братомъ главнокомандующаго русской арміи на Дунаѣ и сыномъ фельдмаршала.

Вслѣдствіе разныхъ непріятныхъ обстоятельствъ, будучи вынужденнымъ оставить строевую службу, Жиркевичъ, по желанію великаго князя Михаила Павловича, поступилъ въ артиллерійскій департаментъ начальникомъ отдѣленія. Здѣсь не замедлили возникнуть у него столкновенія съ директоромъ и другими членами, вслѣдствіе вопіющихъ злоупотребленій, которымъ тѣ, какъ рассказываетъ Жиркевичъ, потворствовали. Не смотря на нравственную поддержку, оказанную ему великимъ княземъ, врагамъ Жиркевича удалось его очернить въ мнѣніи великаго князя и, удаливъ изъ департамента, запятнать его формуляръ отмѣткой: „къ повышенію, по строптивости характера, не достоинъ“. Жиркевичъ обратился съ энергическимъ письмомъ къ великому князю и просилъ назначить строжайшее слѣдствіе надъ всѣми его дѣйствіями, относящимися до его департаментской службы. Вполнѣ оправданный, онъ вновь былъ приглашенъ на службу въ

тотъ же департаментъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ. Съ этой должности онъ поступилъ въ Тульскій оружейный заводъ помощникомъ командира, гдѣ пробылъ около 2-хъ лѣтъ.

Не поладивъ съ заводскимъ начальствомъ и опять принужденный выйти въ отставку во избѣжаніе чего-нибудь худшаго, Иванъ Степановичъ остался съ одними долгами безъ всякихъ средствъ къ жизни, что и побудило его нѣсколько разъ обращаться съ просьбами о полученіи какого-нибудь мѣста, могущаго прокормить его съ семействомъ, къ нѣкоторымъ изъ своихъ прежнихъ товарищей, которые уже занимали высокія должности и достигли извѣстныхъ степеней отличія; на просьбы являлись уклончивые отвѣты или прямые отказы. Вдругъ совершенно неожиданно получилъ онъ письмо отъ А. А. Вельяминова, который предложилъ ему свои услуги, увѣдомляя, что онъ писалъ къ морскому министру, князю Меншикову, ходатайствуя у него, чтобы онъ предоставилъ Жиркевичу приличную должность, такъ какъ „нахожденіе его въ отставкѣ есть, какъ выразился Вельяминовъ, великая потеря для пользы службы“.

Прибывъ въ Петербургъ, Жиркевичъ, противъ всякаго чаянія, встрѣтилъ у кн. Меншикова самый радушный, пріятливый пріемъ и, чрезъ его посредство, сдѣлался извѣстнымъ графу Дмитрію Николаевичу Блудову, бывшему въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ. Послѣ краткаго причисленія къ министерству, авторъ Записокъ получилъ мѣсто симбирскаго губернатора.

Назначеніе это въ то время считалось весьма важнымъ и обращало на себя особое вниманіе правительства вслѣдствіе перевода нѣсколькихъ сотъ тысячъ казенныхъ крестьянъ въ удѣльное вѣдѣство. По новизнѣ дѣла и порядковъ, вводимыхъ тогда въ управленіи крестьянъ, опасались волненій въ народѣ и потому на этой должности желали видѣть лицо, которое, при умѣни и твердости, избѣгло бы: во-первыхъ, всякаго столкновенія съ мѣстнымъ удѣльнымъ начальствомъ; во-вторыхъ, предупредило, а если нужно, то строгими и рѣшительными мѣрами усмирило бы всякую народную вспышку.

Послѣ аудіенціи у императора Николая Павловича, снабженный всякаго рода инструкціями, свѣдѣніями и т. п., наслушавшись кучу любезностей и всевозможныхъ себѣ похвалъ отъ сильныхъ міра сего, къ которымъ онъ, по обязанности своей службы, являлся, — Жиркевичъ выѣхалъ изъ Петербурга прямо къ новому мѣсту своего назначенія, гдѣ въ самый день пріѣзда, по горячности и неукротимости своего характера, взбѣшенный дерзкимъ выраженіемъ помощника управляющаго удѣльной конторой Бестужева, имѣлъ съ нимъ сильное столкновеніе. Это послужило основаніемъ всѣмъ дальнѣйшимъ

непріятностямъ, испытаннымъ Жиркевичемъ какъ на службѣ въ Симбирскѣ, такъ равно и впослѣдствіи преслѣдовавшимъ его почти до самой смерти.

Обласканный государемъ, посѣтившимъ Симбирскъ, и возскаанный его милостями за успѣшное и благоразумное распоряженіе при успокоеніи раздраженныхъ лашманъ (казенныхъ крестьянъ изъ татаръ, переведенныхъ въ удѣльные), Жиркевичъ получилъ другое назначеніе, именно на должность витебскаго губернатора.

То время было для каждого начальника Западныхъ губерній самое критическое. Присоединеніе униатовъ къ православной церкви было только что начато. Православное духовенство, занимая въ этомъ политическомъ событіи одно изъ самыхъ видныхъ и главныхъ мѣстъ, въ сознаніи своей силы и необходимости, пользовалось и, какъ увѣряетъ Жиркевичъ, иногда злоупотребляло своею властью и значеніемъ. Витебскій и смоленскій генералъ-губернаторъ—князь Хованскій, витебскій губернаторъ Шредеръ и др., хотѣвшіе положить нѣкоторую законную преграду непомернымъ требованіямъ духовенства, принуждены были оставить свои должности. Причина паденія такихъ лицъ ни для кого не составляла тайны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, служила урокомъ для всего остальнаго чиновничьяго люда въ губерніи, а потому всѣ единогласно вторили духовенству и рабски ему повиновались.

Каеэдру полоцкой епархіи занималъ тогда не безызвѣстный въ лѣтописяхъ уничтоженія Уніи епископъ Смарагдъ Крыжановскій¹⁾. Не старый годами, видный мужчина, довольно образованный, деспотъ и жестокий въ обращеніи съ своими подчиненными, высокомерный, страстно любящій подарки, Смарагдъ въ короткое время подчинилъ своему вліянію всю витебскую администрацію. Ни мало не стѣсняясь, онъ вездѣ выставлялъ, будто бы дѣйствуетъ по высочайшей волѣ, высочайшимъ именемъ, и всѣ были такъ напуганы предшествовавшими обстоятельствами, что безпрекословно исполняли всѣ его желанія.

Вновь назначенный генералъ-губернаторъ—генералъ-адъютантъ Дьячковъ, честный, доброжелательный человѣкъ, но совершенно не свѣдущій въ дѣлахъ, своей деликатностью и даже отчасти ро-

¹⁾ О происхожденіи своемъ онъ никогда не говорилъ и избѣгалъ этого разговора. Но разъ, будучи въ обществѣ литовскаго митрополита Іосифа, тогда еще архіерея, который былъ изъ дворянъ Симашко, когда тотъ упомянулъ что-то о своемъ благородномъ происхожденіи, Смарагдъ рѣзко сказалъ:

— «Ничего тутъ нѣтъ удивительнаго, что вы, владыка, изъ дворянъ, да попали въ архіереи; а вотъ мой дѣдъ былъ еврей, бабка съ голоду жевала пшрей, отецъ іерей, а я — архіерей!..».

бостью, происходящей отъ незнанія дѣлъ, дѣлая видъ, будто бы не жаждетъ раздражать духовенство, потворствовалъ ему и тѣмъ самымъ предавалъ ему еще болѣе смѣлости заявлять разныя неподлежащія притязанія.

Въ такомъ положеніи нашелъ Жиркевичъ, по приѣздѣ своемъ, Витебскую губернію,—и не прошло двухъ мѣсяцевъ, по вступленіи его въ должность, какъ у него уже начались непріятности съ архіереемъ. Въ высшей степени честный, самостоятельный, ревниво оберегая достоинство своего званія отъ малѣйшаго посягательства, не отступавшій ни на шагъ отъ буквы закона, губернаторъ не могъ соглашаться на всѣ дѣлаемые ему заявленія и слѣпо исполнять чужія желанія, а потому вскорѣ неудовольствія перешли въ явную вражду. Кромѣ того, новый губернаторъ, не будучи свѣтскимъ, салоннымъ человекомъ, ничѣмъ несчастіе заслужить нерасположеніе супруги генералъ-губернатора. Начались мелкія придирки, колкости, которыхъ Жиркевичъ не умѣлъ и не могъ, по вспыльчивости своего характера, перенести молча, а всякій разъ съ лѣхвой возвращалъ таковыя, такъ что, наконецъ, отношенія между обѣими властями сдѣлались до того непріязно-натяннуты, что Жиркевичъ, какъ младшій и лишенный всякой протекціи и поддержекъ, принужденъ былъ покинуть службу и выйти въ отставку.

По выходѣ своемъ изъ службы, онъ поселился съ семействомъ въ Полоцкѣ, гдѣ до кончины жилъ самымъ скромнымъ образомъ, за немѣнѣемъ средствъ. Умеръ онъ отъ холеры въ 1848 году. Жена его, Александра Ивановна, неразлучная его спутница, не могла его пережить, и не прошло шести недѣль, какъ ова, въ свою очередь, сошла въ могилу. Иванъ Степановичъ оставилъ послѣ себя двухъ дочерей Н. И. Глушкову и Зин. Ив. Ганъ, и сына Владиміра Ивановича, просвѣщенному вниманію котораго мы обязаны сообщеніемъ нѣнѣ печатаемыхъ Записокъ.

Послужной списокъ чиновника не можетъ служить руководствомъ для нравственной оцѣнки человека. Если судить о покойномъ И. С. Жиркевичѣ по его формуляру, можно сдѣлать выводы далеко не въ его пользу. „Безпокойный, строптивый, неуживчивый человекъ“... вотъ что могутъ сказать о немъ люди, которымъ неизвѣстно, что неуживчивость и строптивость Жиркевича вытекали изъ чистѣйшаго источника, именно—изъ неподкупной, фанатической честности, изъ преданности и любви къ царю и отечеству. Этими свойствами характера покойнаго запечатлѣны его „Записки“. Впрочемъ, при изданіи ихъ, сохраняя страницы, лично до автора относящіяся, мы имѣли въ виду лишь характеристику нравовъ и быта русскаго

общества его времени; затѣмъ все, что не имѣетъ этого значенія, нами опущено.

Записки Жиркевича, какъ читатель увидитъ, при совершенной безыскусственности, даже небрежности разсказа, вносятъ нѣсколько характерныхъ подробностей въ исторію достопамятныхъ войнъ 1805—1814 гг., ярко рисуютъ военный бытъ въ послѣдующіе годы, вскрываютъ язвы канцелярій и департаментовъ минувшаго времени, наконецъ, останавливаютъ вниманіе на эпохѣ, очень еще мало изслѣдованной, начала воссоединенія униатовъ.....

Записки А. Т. Болотова прерываются на 1795 годѣ. И. С. Жиркевичъ въ своихъ Запискахъ какъ-бы продолжаетъ это повѣствованіе; но въ немъ является уже не мирный дворянинъ-помѣщикъ, а дворянинъ-воинъ, дворянинъ-чиновникъ, дворянинъ-администраторъ..... Любопытно, что разсказъ Жиркевича именно начинается съ тѣхъ годовъ, на которыхъ остановилось сказаніе Болотова. При разности достоинствъ литературныхъ, прямодушіе, честность и искренность обоихъ разсказчиковъ одинаковы...¹⁾

Городъ Дисва.

С. Д. Карповъ.

I.

Дѣтство.—Шляхетный корпусъ.—Мишорадовичъ.—Генералъ Клингеръ.—Малолѣтнее отдѣленіе. — Посѣщеніе корпуса императоромъ Павломъ и великими князьями.—Начальникъ гренадерской роты.—Учителя.—Товарищи.—Выпускъ изъ корпуса.—Аустерлицъ.—Подвигъ Демидова.

1789—1805.

Одинъ изъ пріятелей моихъ, слушая разсказъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ моей жизни, сказалъ:

— «Я бы на мѣстѣ вашемъ написалъ что-нибудь, такъ много любопытнаго видѣли вы и испытали въ жизни вашей. — и эта мысль нѣсколько разъ невольно забѣгала въ мою голову; но съ одной стороны, лѣнь, а болѣе затрудненіе почерка до сего дня останавливали меня. А теперь пришла благая мысль взяться за перо. Вотъ повѣсть моего настоящаго маранія.

При всѣхъ превратностяхъ моей кочевой жизни, справедли-

¹⁾ Записки И. С. Жиркевича состоятъ изъ четырехъ частей; онѣ занимаютъ объемистыя рукописи въ листъ, писанныя крайне связною, дурною скорописью, видимо, на-черно. Изъ помѣты автора видно, что вначалу Записки 14-го января 1841 года.

вость словъ Св. Писанія: «не надѣйся на князи, на сыны человѣческія»—сбывался со мною въ самомъ строгомъ и буквальномъ смыслѣ. Всегда и вездѣ видѣлъ я на себѣ слѣды лишь одной благодати Божей, а не суетныхъ домогательствъ и заботъ человѣчества.

Я родился въ Смоленскѣ 1789 года, мая 9-го дня, по утру, въ половинѣ 6-го часа, въ тотъ самый моментъ, когда князь Потемкинъ имѣлъ вѣздъ въ сей городъ и былъ привѣтствованъ, какъ фельдмаршалъ, пушечными выстрѣлами; бабушка, принимавшая меня, тогда же изрѣкла пророчество матери моей, что я буду губернаторомъ,—и эта идея, съ самаго юнаго возраста моего, была для матери моей постоянною, такъ что я болѣе ста разъ слышалъ отъ нея слова сіи, и, такъ сказать, надежду, что оное пророчество сбудется тогда, какъ самъ я вовсе и помышленія о себѣ не имѣлъ.

Едва исполнилось мнѣ пять лѣтъ, въ 1795 г., безъ малѣйшаго, особаго ходатайства, по одному прошенію отца моего, записанъ былъ я въ Сухопутный Шляхетный кадетскій корпусъ и, какъ рассказывали мнѣ, былъ послѣдній недоросль, помѣщенный въ корпусъ распоряженіемъ добродѣтельнаго графа Ангальта, — чему я очень вѣрю, ибо зачисленіе мое значитъ въ актахъ 12-го іюля, а смерть графа послѣдовала въ томъ же мѣсяцѣ. Въ сентябрѣ сего года привезли меня въ Петербургъ и съ этого дня я началъ жить, такъ сказать, самъ собою.

Память я имѣлъ всегда сверхную, а объемъ умственный достаточно быстрый, такъ что, безъ особеннаго усилія, слылъ умнымъ и хорошимъ ученикомъ; но при этомъ, страннѣе всего было, что я слылъ хорошимъ ученикомъ и по классу черченія, и рисованія, тогда какъ рука моя не провела никогда ни одинъ прямой штрихъ, не нарисовала ни одной правильной головы или даже уха, или глаза,—по другимъ же предметамъ я шелъ хорошо и былъ изъ первыхъ учениковъ. Въ 1805 году покойный Милорадовичъ, передъ началомъ кампаніи противъ французовъ, пріѣхалъ въ корпусъ и въ классахъ хотѣлъ выбрать нѣсколько кадетъ для своего штата. Я помню, какъ онъ обратился къ полковнику Арсеньеву (инспектору корпуса) и сказалъ:

— «Ну, этого вы, вѣрно, мнѣ также не дадите» (указывая на меня), а тотъ отвѣчалъ:

— «Это у насъ лучший ученикъ, котораго мы готовимъ въ артиллерію, а вѣрнѣе въ гвардію»; и въ сентябрѣ того же года я былъ произведенъ въ подпоручики лейбъ-гвардіи въ артиллерійскій баталіонъ, вмѣстѣ съ другимъ кадетомъ Поторенемъ, который и былъ, по кончину свою (1813 г.), моимъ постояннымъ другомъ.

Наканунѣ выпуска нашего, директоръ корпуса, генералъ Клиггеръ, при собраніи всего корпуса, вызвалъ меня впередъ, погладилъ по головѣ и сказалъ:

— «Вотъ вамъ примѣръ, господа: ему не болѣе 12-ти лѣтъ отъ роду, а завтра онъ будетъ гвардіи офицеромъ!»

На что я отозвался, что я 11 лѣтъ уже какъ въ корпусѣ... Но обстоятельство это показываетъ, какъ я былъ малъ ростомъ и моложавъ при выпускѣ, и слѣдствіемъ того было, что первая пара моей гвардейской обмундировки, а именно: гвардейскій мундиръ, съ бархатнымъ воротникомъ и золотымъ шитьемъ, казимировое исподнее платье, съ золотомъ, обошлось мнѣ 28 руб. на ассигнаціи; остальная часть обмундировки въ такой же пропорціи, такъ что вся экипировка стоила 47 руб. на ассигнаціи.

Обращаясь въ малолѣтству моему, я не могу безъ признательности вспомнить первыхъ моихъ попечителей. Поступилъ я въ отдѣленіе малолѣтнихъ, въ камеру къ madame Савье, а по увольненіи ея, къ mademoiselle Эйлеръ; какъ въ первой, такъ и въ другой, и особенно въ послѣдней, я нашелъ истинную материнскую заботу и нѣжность, и, по малому возрасту, пробылъ у нея годы болѣе положенныхъ.

Два случая этого времени вѣзались въ мою память; первый изъ нихъ—пріѣздъ въ корпусъ государя Павла Петровича. Мы всѣ были въ классахъ и насъ учили, когда пріѣдетъ государь, привѣтствовать его: «Ваше императорское величество, припадаемъ къ стопамъ вашимъ!» но этотъ возгласъ приказано было дѣлать только тогда, когда государь будетъ въ залѣ, а не въ классахъ. Павелъ I пріѣхалъ во время классовъ и, войдя къ намъ въ классъ, съ самой послѣдней скамейки взялъ на руки одного кадета (Яниша, теперь, въ 1841 году, служащаго въ артиллеріи подполковникомъ), взнесъ его самъ на кафедру и, посади на столъ, своими руками снялъ съ него обувь; увидя на ногахъ совершенную чистоту и опрятность, обратился къ главной

начальницѣ съ привѣтомъ благодарности. Теперь еще не могу забыть минуту блѣдности и страха, а потомъ душевнаго успокоенія и слезъ на лицѣ этой начальницы, г-жи Бугсгевденъ, и какъ она, упавъ на одно колѣно, цѣловала руку монарха. По окончаніи класса, когда государь прибылъ въ залу, мы его встрѣтили, какъ научены были, а онъ, не разслушавъ, что мы кричали, спрашивалъ:

— «Что такое они кричатъ?» и былъ весьма доволенъ и съ нами раздѣлилъ полдникъ нашъ, скушавъ двѣ булки, такъ что двоимъ не достало оныхъ, и затѣмъ приказалъ всѣмъ дать конфектъ.

Другой случай—пріѣздъ поутру наслѣдника престола Александра Павловича и великаго князя Константина Павловича вмѣстѣ съ княземъ Зубовымъ. Константинъ былъ назначенъ шефомъ корпуса. Когда они обходили наши камеры, генерал-маіоръ Адамовичъ, мой внучатный братъ, командовавшій тогда павловскимъ гренадерскимъ полкомъ, сопровождалъ ихъ и, поровнявшись противъ меня, остановилъ наслѣдника словами:

— «Ваше высочество, вотъ это мой братъ!»

Великій князь Александръ Павловичъ ущипнулъ меня за щеку и сказалъ:

— «Купидонъ!»

А я закричалъ: больно, ваше высочество!

Потомъ, когда мы прошли въ столовую для утренняго завтрака, гдѣ обыкновенно я читалъ на каѳедрѣ вслухъ предстольную молитву, наслѣдникъ, узнавъ меня, обратился къ Адамовичу и сказалъ:

— «Изъ него славный будетъ попъ!»

Въ томъ же (1800) году я былъ переведенъ изъ малолѣтнаго возраста въ гренадерскую роту, которой командовалъ маіоръ баронъ Черкасовъ. Послѣ него были моими начальниками: подполковникъ Пурпуръ, маіоръ Желѣзняковъ и маіоръ Ралестинъ,—въ командованіе ротою послѣднимъ, я выпущенъ изъ корпуса. Не смотря на то, что я, можно сказать, былъ крошкою и необыкновенно молодымъ, еще въ самомъ корпусѣ я пользовался расположеніемъ и дружбою капитана Черкасова,—онъ же былъ моимъ учителемъ фортификаціи,—и у другихъ офицеровъ, а именно: Ріля, Ореуса, Эллермана и др.; я пользовался

уваженіемъ не сообразно вовсе моему возрасту. Припоминая со всею строгостью о штрафахъ, неизбѣжныхъ съ малолѣтствомъ и юностью, я только одинъ разъ былъ наказанъ розгами подполковникомъ Пурпуромъ за то, что былъ записанъ въ классъ географіи учителемъ Спирокъ за лѣность; но и этотъ разъ несправедливо, въ чемъ и самъ Спирокъ въ послѣдствіи сознался, оправдываясь лишь тѣмъ, что онъ это сдѣлалъ, получивъ выговоръ отъ директора, что онъ ничего не пишетъ въ лѣнливомъ спискѣ и что, такимъ образомъ, одинъ только жребій, павъ на меня, былъ виною моего наказанія.

Мои законоучителями въ корпусѣ были: Феофилактъ, Михаилъ и Евгеній — пастыри, въ послѣдствіи извѣстные въ Россіи; изъ нихъ первые два были потомъ митрополитами.

Въ мое время начальники корпуса, одинъ за другимъ, такъ слѣдовали: Кутузовъ, Ферзенъ, Андреевскій и Клиngerъ. Перваго я и теперь очень помню, и живо себя представляю въ голубомъ плащѣ, три звѣзды — двѣ на лѣвой, одна на правой сторонѣ, и шляпа на головѣ. Видъ грозный, но не пугающій юности, а болѣе привлекательный. Съ кадетами обходился ласково и такого же обхожденія требовалъ и отъ офицеровъ. Часто являлся между нами во время нашихъ игръ, въ свободные наши часы отъ занятій, и тогда мы всѣ окружали его толпой и добились какой-нибудь его ласки, на которыя онъ не былъ скупъ. Второй, Ферзенъ, былъ въ общемъ смыслѣ нѣмецъ; третій, Андреевскій, просто солдатъ, а послѣдній, Клиngerъ, суровостью вида и непривѣтливостью характера навлекъ на себя общую нелюбовь воспитанниковъ и слылъ не только строгимъ, но даже жестокимъ человѣкомъ. Изъ офицеровъ того времени живы въ моей памяти: Арсеньевъ — большой крикунъ, но любимый кадетами; Перской — іезуитъ въ полномъ смыслѣ слова, былъ одаренъ необыкновенною памятью, такъ что, увидѣвъ въ первый разъ новое лицо воспитанника, онъ спрашивалъ всегда имя его и отчество, а потомъ уже никогда не забывалъ, — и когда чрезъ 25 лѣтъ, во время бытности Перскаго уже директоромъ корпуса, я привезъ для отдачи туда своего племянника, при вступленіи моемъ въ комнату, онъ меня встрѣтилъ словами: «Не ошибаюсь, Иванъ Степановичъ Жиркевичъ». Хорошо былъ образованъ, но никогда не былъ любимъ кадетами. Желѣзняковъ, учитель русскаго

слова и душею русскій, къ несчастію, держался крѣпкихъ напитковъ, но кадетами былъ любимъ за необыкновенную доброту свою. Ралгертъ — нѣмецкій драгунъ, добрѣйшей души человѣкъ, но никѣмъ не уважаемый. Готовцевъ — буфонъ, но души необыкновенной, былъ любимъ вообще. Чужинъ — страшный взыскательностью и хлопотливый, надъ которымъ кадеты издѣвались безпрестанно. Гераковы — два брата: одинъ — писатель и учитель исторіи, шутъ въ обществѣ, но держалъ кадетъ въ уваженіи и слылъ ученымъ; другой — простой офицеръ, безъ вычуровъ. Кадеты, съ которыми я былъ болѣе друженъ и въ связи: Ахшарумовъ, Поморскій, баронъ Пирхъ, Глинка, Милорадовичъ, два брата Берхмановы и два брата Краснокутскіе.

Во все время нахождения въ корпусѣ, благодѣтелемъ и отцемъ мнѣ былъ Степанъ Павловичъ Краснопольскій, служившій при дворѣ оберъ-келлермейстеромъ, а семейство его и старшіе сыновья были для меня первыми примѣрами быта житейскаго; младшій же сынъ его, Петръ Степановичъ, совоспитанникъ со мною, былъ не только отцемъ, но и братьями любимъ менѣе моего въ своемъ семействѣ.

Здѣсь я ознакомился съ семействами Фигнеровыхъ и Шестаковыхъ. Первыхъ второй сынъ, впослѣдствіи извѣстный партизанъ 1812 года, былъ мнѣ еще тогда другомъ, а младшій братъ его оставилъ на головѣ моей всегдашнюю память, разсѣвши мнѣ шаромъ съ билліарда голову, — ему было 3 года, а мнѣ 8 лѣтъ. Александръ Антоновичъ Шестаковъ и по сіе время (1841 г.) дружбою своей оцѣняетъ меня, ибо такихъ людей, какъ онъ, надо поискать въ мірѣ; онъ былъ судьей въ Красненскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи, и живетъ теперь (1841 г.) въ своемъ помѣстьѣ того же уѣзда.

По выпускѣ¹⁾ изъ корпуса, въ 1805 году, въ октябрѣ мѣсяцѣ, отправился я къ батальону своему, бывшему тогда уже на походъ противъ французовъ. Сопутниками моими были, выпущенные въ одно со мною время изъ пажей: Дохтуровъ и Козловъ. Батальонъ нашъ нагнали мы въ Слонимѣ.

Когда я прибылъ къ батальону, командиромъ былъ генераль-майоръ Иванъ Ѳеодоровичъ Касперскій, обласкавшій меня и

¹⁾ Все что далѣе — писано «15-го декабря 1842 г.».

принявшій, какъ сына; онъ помѣстилъ меня для квартированья съ адъютантомъ Саблинымъ, съ которымъ всегда располагался вмѣстѣ другъ его лекаръ Флѣровъ, — и хотя я былъ зачисленъ во 2-ю легкую роту, которою командовалъ полковникъ Роселемъ, но я всегда оставался при генеральной штабъ-квартирѣ и пользовался столомъ генерала. По молодости моей, по непривычкѣ къ походу и по ненастному осеннему времени, на третій или на четвертый день, послѣ приѣзда моего къ баталіону, оказался у меня отекъ въ ногахъ и я съ трудомъ могъ, съ посторонней помощью, ходить къ генералу, что продолжалось со мной все время похода даже до Ольмюца, въ Австріи, гдѣ я въ первый разъ вблизи увидѣлъ государя. Здѣсь же увидалъ и австрійскаго императора Франца, бывшаго тогда еще римскимъ.

Трудно представить, какой духъ одушевлялъ тогда всѣхъ насъ, русскихъ воиновъ, и какая странная и смѣшная самонадѣянность была спутницей такого благороднаго чувства. Намъ казалось, что мы идемъ прямо въ Парижъ! Тогда и было только разговору о генералъ-адъютантѣ князѣ Долгорукомъ, юношѣ лѣтъ 25-ти, который ѣздилъ отъ государя съ отвѣтнымъ письмомъ къ Наполеону, приславшему Дюрока поздравить государя съ прибытіемъ его къ арміи, — и всѣ дивились остроумію адреса на письмѣ, гдѣ будто, избѣгая титула царскаго, называли его: «*Chef de la nation française!*» Такъ, по крайней мѣрѣ, рассказывалось въ войскѣ, съ добавкой, что когда кн. Долгорукій представилъ письмо и Наполеонъ остался въ шляпѣ предъ нимъ, то и онъ тоже надѣлъ свою. Прошло нѣсколько дней и, увы! измѣнился тонъ нашихъ сужденій!.. Черезъ три дня послѣ того, мы подошли къ Аустерлицу и расположились на бивуакахъ по сю сторону города, воображая французовъ еще, по крайней мѣрѣ, верстъ за 100 отъ насъ. На другой день, поутру, 20-го ноября, объявлено намъ, что во время марша, чрезъ городъ, будетъ смотрѣть насъ государь. Обозы приказано оставить на мѣстѣ. Прекрасная погода. Цѣль смотра обманула наши ожиданія, — мы всѣ были только въ однихъ мундирахъ. Пройдя до города не болѣе, какъ версты полторы, насъ свернули съ дороги въ сторону, вправо, и объявили намъ, что мы идемъ занимать позицію. Вдругъ говорятъ намъ: «Французы! Заряжайте пушки!» Этого сюрприза мы вовсе не ждали. Я былъ прикомандированъ съ двумя легкими

орудіями къ батареинной ротѣ его высочества, которою командовалъ полковникъ Ралль—единственное лицо между нами, бывавшее въ огнѣ противъ непріятеля; я же, съ своей стороны, отъ роду не слыхалъ пушечнаго выстрѣла вблизи, а въ бытность мою въ корпусѣ во время парадовъ и пальбы съ крѣпости затыкалъ уши, едва не падая отъ страха: такъ былъ пугливъ! А теперь пришлось вдругъ быть въ настоящемъ дѣлѣ!.. Легкими орудіями командовалъ старше меня—подпоручикъ Сукинъ, а я былъ безъ орудій и потому, чтобы дать мнѣ особое занятіе, генералъ приказалъ мнѣ быть при вторыхъ зарядныхъ ящикахъ и стоять внѣ выстрѣловъ. Къ нашей батареѣ присоединились 10 австрійскихъ орудій. Полки гвардіи расположились въ двѣ линіи на правомъ флангѣ; въ первой линіи стоялъ Семеновскій полкъ, а во второй—Преображенскій; на лѣвомъ флангѣ въ первой линіи—Егерскій, а во второй—Измайловскій. Между баталіонами, по флангамъ, поставлены были легкія орудія. Пѣхота сняла ранцы, положила ихъ передъ собою на землю и стала заряжать ружья. Внезапно раздались крики: «Гвардія на лѣвый флангъ!» и баталіоны, по отдѣленіямъ, на лѣво, сейчасъ построились заднимъ строемъ, т. е., на заднюю шеренгу, позади батареи, отошли, оставя всѣ свои ранцы на мѣстѣ и батарею нашу одну въ полѣ. Вдругъ видимъ въ отдаленіи, впереди насъ, на разстояніи, навѣрно, менѣе двухъ верстъ, тянется войско. Намъ говорятъ, что это — французы и мы открыли по нимъ огонь! Я отъ ящиковъ изъ любопытства ушелъ впередъ къ орудіямъ. Здѣсь-то въ моихъ ушахъ раздались первые пушечные выстрѣлы и на нихъ французскіе отзвуки и здѣсь впервые увидѣлъ я кровь и смерть, но страха во мнѣ какъ-будто вовсе не бывало! Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ замѣтили мы, что отъ французскаго войска отдѣлилась небольшая толпа и подвинулась впередъ, какъ бы для наблюденія насъ. Ихъ, конечно, озадачивала линія ранцевъ, манѣрами обращенныхъ вверхъ, и отъ солнечныхъ лучей отражавшійся блескъ по линіи: казалось, что лежатъ, скрываясь, цѣлые баталіоны, и толпа французовъ видимо колебалась—двигаться-ли впередъ, или нѣтъ. Спустя же нѣсколько минутъ, съ лѣва отъ нее начала показываться конница. Тогда полковникъ Ралль, вызвавъ офицеровъ предъ фронтъ, сталъ совѣтываться, что намъ дѣлать, и какъ у насъ не оставалось вовсе прикрытія, положили: «Отсту-

пять через орудіе». Къ батарей подъѣхалъ генералъ Касперскій и, не найдя меня при ящикахъ, сталъ шумѣть на меня; но, испугавшись начавшагося наступленія французовъ, приказалъ отступать, а самъ уѣхалъ выбирать сзади новую позицію. Одна половина батареи, по принятому предположенію, через одно орудіе отошла, а другая стала отстрѣливаться; но французская кавалерія тронулась на рысяхъ и полковникъ тотчасъ же scomандовалъ: «назадъ, на передки!» Въ это время взорвало одинъ ящикъ, пошла суматоха, но кое-какъ успокоились и собрались. Отойдя саженой сто или болѣе, потянулись по гати къ мельницѣ въ одну струну лѣвымъ флангомъ. Передними орудіями командовалъ подпоручикъ Базилевичъ; вдругъ слышимъ его команду: «стой! стой! съ передковъ долой! передки кругомъ! назадъ поѣзжай!» Сдѣлалась ужасная суматоха. Въ это время пробѣгаетъ верхомъ государь, при немъ были: князя Волконскій и Долгорукій и баронъ Винценгероде; всѣ они пробираются между орудіями, а государь говоритъ солдатамъ:

— «Не годится, ребята, не годится идти назадъ: впередъ — опять впередъ! Не хорошо!..» и съ этими словами поѣхалъ далѣе; но, доѣхавъ до середины батареи, государь поскакалъ назадъ, сказавъ: «Поворотить опять назадъ!.. Ступай, куда шли!..».

Въ концѣ батареи были австрійцы и они уже находились подъ палашиами французской конницы. Мы же, протянувшись чрезъ гать, на правомъ возвышенномъ берегу начали выстраиваться. Въ это время на встрѣчу къ намъ показались два баталіона лейбъ-гренадеръ; вытянулись въ линію съ распущенными знаменами, стрѣлки впереди, и стали выравниваться съ нами, подходя все ближе и ближе къ мельничному ручью, протекавшему подъ плотину. Здѣсь собственно кончилось для насъ сраженіе. Два орудія наши сдѣлали по одному выстрѣлу, французская конница отошла; неизвѣстно только, куда дѣвались австрійскія орудія. Говорили, будто бы два изъ оныхъ, головныхъ, отбили французы; но остальные, шедшія за нами, скрылись незамѣтно для всѣхъ насъ. По ту сторону ручья, гдѣ были французы, появились казаки въ разсыпную, и мы видѣли только изрѣдка, какъ мелькали пистолетные выстрѣлы. Часа въ четыре начало смеркаться. Я выше сказалъ, что всѣ мы были въ однихъ мундирахъ, безъ куса хлѣба. Продрогли мы и проголодались. Къ совершенному моему благополучію, у

одного изъ товарищей оказался сыръ и на мою долю достался кусочекъ. Вдругъ начался шепотъ: «Сраженіе проиграно; мы будемъ отступать!» Затѣмъ получено и приказаніе. Тихо, безъ шума снимаемся съ мѣста и идемъ чрезъ городъ назадъ. Въ городѣ — тѣснота, давка, стонъ отъ раненыхъ, разбитые погребалъ.. Вино изъ бочекъ рѣкой течетъ по улицамъ; сыро, снѣгъ съ вѣтромъ и мятелью..... Вотъ все, что у меня осталось въ памяти отъ аустерлицкаго сраженія.

Пошли мы къ Галичу. На ночномъ привалѣ сонъ одолѣлъ меня; но прежде чѣмъ я уснулъ, фейерверкеръ, старый, лѣтъ около 50, подошелъ ко мнѣ и, сожалься о моей молодости, подалъ мнѣ булку ржаного хлѣба. Ълъ-ли я ее — того не помню, но товарищи въ минуту уничтожили всю порцію; я же хлѣбнулъ глотка два или три распушенной въ кипяткѣ муки, безъ соли и масла, въ манерѣ, и зарылся въ сѣно. Ночью, слышу, кричатъ: «Стой! держи! Раздавите подпоручика, стервецы!» и тотъ же Ивановъ держитъ въ рукахъ правую ящичью лошадь, а то едва не переѣхали меня, соннаго, ящикомъ.

Въ Галичѣ попалъ я на теплую квартиру вмѣстѣ съ Саблинымъ и Флёровымъ, кажется, что на генеральскую; рота же наша была на бивуакахъ. Я легъ около печи... и уже что было далѣе, ничего не помню болѣе. Открылась у меня жестокая нервная съ желчью горячка. Послѣ узналъ я, что меня уложили въ коляску генерала и везли двое сутокъ до Тренчина, гдѣ въ квартирѣ генерала Малутина, съ которымъ вмѣстѣ стоялъ и Касперскій, передали меня на попеченіе помѣщика мѣстечка Тренчинъ, графа Елешчани, который поручилъ меня хозяину моей квартиры — портному, объявивъ ему, что всѣ лекарства и содержаніе мое будетъ на его счетъ, а для похоронъ моихъ, на случай моей смерти, оставлено было моимъ командиромъ 10 червонцевъ.

Пришелъ я въ память около 15-го декабря, весьма скоро началъ поправляться и 26-го декабря 1805 г., получивъ отъ графа, котораго отъ души поблагодарилъ, оставленные имъ 10 червонцевъ, по подорожной, въ тамошней фурѣ покатилъ обратно въ Россію ¹⁾).

¹⁾ «Въ этомъ Аустерлицкомъ сраженіи русскіе въ послѣдній разъ употребили одинъ довольно странный пріемъ, которому до того времени постоянно слѣдовали: прежде чѣмъ ударить въ атаку противъ непріятеля и

Здѣсь, встати, приведу анекдотъ о подпоручикѣ нашей батареи Николаѣ Петровичѣ Демидовѣ. Въ сраженіи онъ былъ съ орудіями при Семеновскомъ полку, подъ командой капитана Эйлера. Орудія, какъ выше сказали, стали по флангамъ баталіоновъ такъ, что пришлось быть при одномъ орудіи Эйлеру, а при другомъ—Демидову. Когда приказано было отступать баталіону (я говорилъ уже, какой духъ одушевлялъ насъ, едва-ли не всѣхъ, въ это время, а Демидовъ въ этомъ смыслѣ былъ фанатикъ), видя, что баталіонъ его отступаетъ, онъ сталъ горячиться, бранить всѣхъ трусами и рѣшительно отвѣчалъ, что, не сдѣлавъ выстрѣла, не пойдетъ назадъ. Эйлеръ началъ уговаривать его къ отступленію, но онъ и его не послушался. Въ сумятицѣ, съ орудіями Эйлера отъѣхали и передки орудій Демидова и, такимъ образомъ, онъ остался одинъ въ полѣ! Видя уже, что ему дѣлать нечего, онъ приказалъ всѣмъ солдатамъ отъ орудій своихъ идти за другими, но не могъ убѣдить къ тому двухъ солдатъ—одного артиллериста, а другаго—семеновца, которые сказали, что умрутъ вмѣстѣ съ нимъ. Батарея отошла уже далеко, когда подсказали французскіе драгуны. Демидовъ приложилъ фитиль—раздался выстрѣлъ и Демидовъ со шпагой бросился на перваго подска-

пронести ее съ большею стремительностью и силой, отдано было приказаніе—снять всѣмъ ранцы, сложить ихъ на землю, гдѣ они и оставались во все время битвы. Всякому военному извѣстно, до какой степени важно солдату сохранить свое маленькое хозяйство. Обувь, бѣлье, сложенные въ ранцѣ, патроны, тамъ храняемые и т. д.,—все это тѣсно связано съ сохраненіемъ здоровья и съ возможностью сражаться, двигаться и, наконецъ, съ благосостояніемъ солдата. Какъ понять этотъ русскій обычай?

«Одно изъ двухъ: или остаешься побѣдителемъ или побѣжденнымъ. Въ послѣднемъ случаѣ, всѣ ранцы потеряны и армія разстроена; даже въ случаѣ побѣды, то и тогда,—какъ весьма часто случается въ большихъ сраженіяхъ, если ей предшествуютъ отступательныя движенія, — результатъ выходитъ одинаковый; а если непріятель сбить и его преслѣдуютъ, отдаются, то волею или неволею необходимо остановиться, оставить бѣгущаго въ покоѣ, и даже придется отступить, чтобы взять оставленные ранцы, теряя на это драгоценное время. Французская армія подъ Аустерлицомъ нашла и захватила болѣе 10 т. ранцевъ, сложенныхъ въ порядкѣ и на самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли русскіе корпуса. Этотъ обычай,—за исключеніемъ штурма крѣпости или атаки какого-нибудь укрѣпленнаго поста, послѣ конхъ войска возвращаются обратно въ лагерь,—есть самый безразсудный, и русскіе отъ него уже отказались».

Записки маршала Мармона, герцога Рагузскаго, т. II, кн. VIII, стр. 205—306 (парижское изданіе 1867 г.). С. Е.

кавшего драгуна, ранилъ его; но, конечно, тутъ же былъ окруженъ и съ двумя находившимися при немъ солдатами взятъ въ плѣнъ и чрезъ полчаса представленъ лично Наполеону. О подвигѣ этомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ потомъ я читалъ самъ во французскихъ бюллетеняхъ объ аустерлицкомъ сраженіи и, какъ слышалъ, онъ изображенъ на картинѣ аустерлицкаго сраженія, въ Тюльерійскомъ дворцѣ, написанной во славу побѣдителя и побѣжденнаго!

II.

Краковъ.—Брестъ-Литовскъ.—Михельсонъ.—Прибытіе въ Петербургъ.—Первый проступокъ.—Аракчеевъ.—Его заслуги и строгость.—Эйлеръ.—Тѣлесное наказаніе георгіевскихъ кавалеровъ.—Походъ.—Гейльсбергъ.—Фридландъ.—Подполковникъ Штаденъ.—Женитьба Аракчеева.—Его приближенные.—Размова съ женою.—Настасья Минкина.—Корсаковъ и Шумской.—Балъ императору Александру, данный гвардіею.—Король и королева прусскіе въ Петербургѣ.—Новая кампанія.

1806 — 1809.

Изъ Тренчина отправился я въ Краковъ, куда прибылъ на Новый годъ. У меня въ кошелькѣ оставалось еще 4 червонца. Спросивъ, кто здѣсь остался изъ русскихъ начальниковъ, я явился къ нему. Это былъ главный смотритель госпиталей — Карловскій. На просьбу мою о совѣтѣ и пособіи для проѣзда далѣе, онъ предложилъ переѣхать къ нему на квартиру и списаться съ моимъ начальствомъ о высылкѣ мнѣ жалованья моего, — что я и сдѣлалъ весьма охотно, желая здѣсь пожить подольше, ибо изъ рассказовъ моего хозяина я зналъ, что въ Краковѣ русскихъ принимаютъ хорошо. Съ Карловскимъ жилъ другъ его, коммиссіонеръ Кентѣевъ, считавшійся побочнымъ сыномъ Орлова, человѣкъ высшаго образованія. Здѣсь началась первая моя общественная жизнь, юношеское чувство любви.... Здѣсь вообще русскихъ, а въ особенности Кентѣева, плѣняла собою красавица графиня Пазисъ. Мужъ ея игралъ съ русскими въ карты и обыгрывалъ ихъ, а они отыгрывались въ волокитствахъ за его супругой. У нихъ была дочь 14-ти лѣтъ, Эмилиа, и это былъ первый предметъ моей страсти. Мать смотрѣла и любовалась на насъ, какъ на дѣтей, и полагала меня значительнымъ и богатымъ, ибо я служилъ въ гвардіи!.. Здѣсь я получилъ еще 50 червонцевъ моего жалованья и прожилъ ихъ еще прежде, чѣмъ они дошли до меня, такъ что въ февралѣ, когда стали требовать меня, я очутился опять безъ гроша денегъ,

да въ прибавку кое съ какими должниками. Занялъ у Кентѣева 30 червонцевъ, съ которыми едва доѣхалъ до Бреста. Отъ графини Пазисъ и ея дочери уже въ Петербургѣ получилъ два письма и на одно изъ нихъ я отвѣтилъ. Послѣ узналъ я, что графиня Эмилиа, чрезъ два года, вышла въ Варшавѣ замужъ за французскаго генерала графа Моранда, а потомъ случилось мнѣ читать въ «Запискахъ Жуи» о примѣрной ея семейной и добродѣтельной жизни съ дѣтьми во Франціи.

Приѣхавъ въ Брестъ-Литовскъ, я заглянулъ въ кошелекъ свой (отъ Кракова я поѣхалъ на почтовыхъ, не разсчитывая кармана своего) и нашелъ всего два червонца! За границею квартира, подводы и обѣды—все даромъ, а тутъ долженъ былъ или голодать и идти пѣшкомъ, или искать новыя средства и извороту! Узналъ я, что въ Брестѣ находится новый главнокомандующій арміею Михельсонъ. Отправился въ нему и, явись въ полуформѣ, откровенно объяснилъ свое положеніе. Онъ тотчасъ мнѣ сдѣлалъ предложеніе—взять команду выздоровѣвшихъ гвардейцевъ и идти съ ними вслѣдъ за гвардіею до Петербурга. На отзывъ мой, что я молодъ еще и неопытенъ, похвалилъ меня за смысленность мою и велѣлъ тотчасъ выдать мнѣ прогоны на счетъ моего жалованья. Молодость впередъ не смотритъ и, такимъ образомъ, я нагналъ баталіонъ недалеко отъ Порхова, еще на пути въ Петербургъ.

Въ Петербургъ мы пришли въ апрѣлѣ 1806 г. Здѣсь, вовсе неожиданно, въ числѣ прочихъ, я получилъ орденъ св. Анны на шпагу—за что и самъ не знаю. Еще на походѣ умеръ казначей нашъ; вмѣсто его, въ казначей назначенъ былъ адъютантъ Саблинъ; я занялъ временно его должность, а потомъ въ Петербургѣ, съ одобренія графа Аракчеева, утвержденъ адъютантомъ.

Въ Петербургѣ квартиру я имѣлъ надъ квартирой генерала, а подъ нимъ жилъ поручикъ Наумъ Ивановичъ Салдинъ—человѣкъ, слывшій степеннымъ и холоднымъ, и къ которому я ходилъ иногда обѣдать, а чаще на чай, и между тѣмъ иногда понтировать помаленьку. Пробывши 3 или 4 мѣсяца адъютантомъ, я поѣхалъ принимать разные солдатскіе наградные деньги,—пришлось получить 600 и нѣсколько болѣе рублей. Въ тотъ же день случилась вечеромъ у Салдина игра, и я рубль за рубль спустилъ всѣ 600 р. и еще съ излишкомъ. Что дѣлать?.. Явился

къ генералу, объявляю о проигрышѣ, а на вопросъ: «кому?» не знаю отвѣта. Получаю угрозу: «Арестъ и подъ судъ!» Отвѣчаю: «Не вѣрю, ибо знаю благородство души генерала!» Наконецъ, получаю обѣщаніе пособія и прощенія, ежели объявлю имя обывавшаго меня,—не поддаюсь и на это; наконецъ, разбранивъ меня за упрямство, генералъ даетъ записку казначею выдать мнѣ проигранную сумму въ счетъ жалованья. Благодарность одна заставила меня тому, чему не вынудили угрозы; слезы на глазахъ свидѣтельствовали мое чистое раскаяніе. Генералъ опѣнилъ и отдалъ мнѣ всю справедливость за сіе. Съ того времени одарилъ меня своимъ полнымъ расположеніемъ и даже дружбою. Но, увы! проигранные 600 р. разстроили меня до того, что до послѣдняго времени я былъ въ безпрестанной нуждѣ и часто даже не находилъ средства показаться въ люди.

1806-й годъ познакомилъ меня съ графомъ Аракчеевымъ. Слышалъ я много дурнаго на счетъ его и вообще весьма мало доброжелательнаго; но, пробывъ три года моего служенія подъ ближайшимъ его начальствомъ, могу безъ пристрастія говорить о немъ. Честная и пламенная преданность къ престолу и отечеству, проникательный природный умъ и смысленность, безъ малѣйшаго, однако же, образованія, честность и правота—вотъ главныя черты его характера. Но безконечное самолюбіе, самонадѣянность и увѣренность въ своихъ дѣйствіяхъ порождали въ немъ часто злопамятность и мстительность; въ отношеніи же тѣхъ лицъ, которыя одинъ разъ заслужили его довѣренность, онъ всегда былъ ласковъ, обходителенъ и даже снисходителенъ къ нимъ.

Меня всегда ласкалъ онъ и каждый разъ, когда я былъ у него поутру съ рапортомъ, отпускалъ не иначе, какъ благословляя крестомъ, сопровождая словами: «Съ Богомъ, я тебя не держу!». Ставилъ меня примѣромъ для адъютантовъ своихъ, какъ дѣятельнаго, такъ и памятливаго служаку,—и въ сентябрѣ 1806 г., когда я былъ у него на дежурствѣ, пригласилъ меня къ себѣ въ инспекторскіе адъютанты и на отказъ мой на меня не осердился за это. Чтобы дополнить черту о немъ, прибавлю, что въ семь или восемь лѣтъ его инспекторства надъ артиллеріею, при всѣхъ разсказахъ о злобѣ и мучительности его, изъ офицеровъ разжалованъ только одинъ Нелединскій, за сдѣланіе фальшивой ассигнаціи, за что обыкновенно ссылаютъ въ Сибирь. На

гауптвахту сажали ежедневно; многихъ отставляли съ тѣмъ, чтобы послѣ не опредѣлять на службу, и по его же представленію принимали. А при преемникѣ его, добрыйшей души Меллерѣ, въ первый годъ надѣлано было несчастныхъ въдесятеро болѣе, нежели во все время управленія Аракчеева. Объ усовершенствованіяхъ артиллерійской части я не буду распространяться: каждый въ Россіи знаетъ, что она, въ настоящемъ видѣ создана Аракчеевымъ, и если образовалась до совершенства настоящаго, то онъ же всему положилъ прочное начало.

Кстати объ артиллеріи... Мы возвратились изъ аустерлицкаго похода въ апрѣлѣ 1806 года и въ концѣ того же мѣсяца было первое ученіе съ пальбою на Артиллерійскомъ плацѣ. Въ ротѣ генерала Касперскаго, которою командовалъ Эйлеръ, во время ученія сдѣланъ былъ выстрѣлъ ядромъ, попавшимъ въ госпиталь Преображенскаго полка. Орудіе оставалось не разраженнымъ и не осмотрѣннымъ, вѣроятно, съ Аустерлица! Разумѣется, пошли толки, предположенія и даже мысль, что хотѣли ядромъ убить командира. Всякое непріятное событіе по гвардейской артиллеріи доходило до Аракчеева не иначе, какъ чрезъ меня; послали отыскивать меня по городу и, чрезъ мое посредство, обошлось все мирно и безъ тревоги. Наказали, и то не строго, одного канонира, прибавившаго будто бы зарядъ въ пушку. Добрая старина!... А теперь?...

Вотъ другая черта взыскательности Аракчеева. Мнѣ, какъ адъютанту гвардейскаго баталіона, приказано было отъ него показывать ему въ рапортѣ обо всѣхъ артиллерійскихъ офицерахъ, которые не являлись къ разводу. Для исполненія чего, я всегда узнавалъ напередъ, кто имѣлъ законную причину маневрировать своей обязанностью, и таковыхъ, всѣхъ безъ изыятія, вписывалъ въ мой рапортъ, присовокупляя, однако же, всякій разъ къ общему списку и извѣстнаго шурина Аракчеева — Хомутова. Но число внесенныхъ никогда не превышало пяти или шести человекъ. Въ одинъ день случилось, что у развода не было болѣе двадцати офицеровъ; я внесъ въ рапортъ четырехъ, и когда ожидалъ времени моего доклада, генералъ Касперскій, заглянувъ въ рапортъ, сказалъ:

— «Хорошо! Ты обманываешь графа, я скажу ему!»

Дѣлать было нечего,—я присѣлъ къ столу и вписалъ остальныхъ. Едва успѣлъ это сдѣлать, позванъ былъ къ графу, который, взглянувъ на рапортичку, тотчасъ встрѣтилъ меня словами:

— «Это что значитъ? Сей же часъ напиши выговоръ своему генералу, что онъ худо смотритъ за порядкомъ!»

Я, выйдя въ залу опять, съ торжествующимъ лицомъ принялся тотчасъ исполнять сіе приказаніе. Подошелъ ко мнѣ Касперскій, спрашивая меня:

— «Что, графъ веселъ?»

Я отвѣчалъ:

— «Очень! а мнѣ велѣлъ написать вамъ выговоръ по вашимъ же хлопотамъ!»

— «Ну, братъ», сказалъ онъ, «что дѣлать! Теперь и я вижу, что не за свое дѣло взялся учить тебя».

И, не дожидаясь выхода графа, уѣхалъ совсѣмъ....

Въ 1809 г., когда графъ былъ уже (съ 1808 г.) сдѣланъ военнымъ министромъ и прославился строгостью, вотъ каковъ былъ случай. Во время представленія въ Михайловскомъ манежѣ прусскому королю 4-хъ легкихъ орудій,—артиллерія съ упряжью отъ роты Касперскаго, а люди и лошади были отъ его высочества,—отъ сильнаго мороза, при первыхъ движеніяхъ, одно колесо застыло въ оси, осталось безъ движенія; разумѣется, графъ вышелъ изъ себя и послѣ смотра, Эйлера, командовавшаго ротой, посадили подъ арестъ—на гауптвахту! А фельдфебелей Никитина и Худякова графъ приказалъ мнѣ наказать палками при разводѣ. Не остапавливаясь гнѣвомъ его, я доложилъ, что оба фельдфебеля имѣютъ георгіевскіе кресты и не могутъ быть наказываемы тѣлесно. Замѣчаніе мое взбѣсило его еще болѣе, и съ сильной запальчивостью онъ отвѣчалъ мнѣ:

— «Хорошо, сударь! Если вы не хотите выполнять моихъ словесныхъ приказаній, напишите приказъ объ этомъ, я подпишу!»

За мной тоже не стало: присѣлъ къ столу, занесъ приказъ въ книгу и на замѣчаніе приближенныхъ графа и моихъ начальниковъ, что я отвѣтомъ своимъ еще болѣе его разсердилъ, хладнокровно отвѣчалъ:

— «Не ваше дѣло, я знаю, что вздоръ!»

Поехалъ къ нему въ кабинетъ и подалъ книгу для подписи.

Графъ въ совершенномъ бѣшенствѣ кинулся ко мнѣ, закричавъ:

— «Неужели вы думаете, что у меня другаго дѣла нѣтъ, какъ ваша приказная книга,—успѣете еще, сударь! Я васъ не держу, идите съ Богомъ!»

На другой день, когда, по обыкновенію, я пришелъ съ рапортомъ въ 6 часовъ утра, дежурный адъютантъ, поручикъ Чихачевъ, встрѣтилъ меня словами, что «графъ не велѣлъ мнѣ дожидаться, а приказалъ принять отъ меня только рапортъ». Я подалъ его, а вмѣстѣ съ тѣмъ, подалъ и приказную книгу, прибавивъ, что тутъ приказъ, который долженъ быть подписанъ графомъ. Чихачевъ понесъ книгу, но въ ту же минуту возвратился, говоря:

— «Что ты надѣлалъ? Графъ разругалъ меня, объявля, что онъ пошлетъ меня и тебя на ординарцы—для посылокъ!»

Два дня графъ не допускалъ меня въ себѣ; между тѣмъ, Эйлера чрезъ 6 часовъ ареста выпустилъ съ гауптвахты, а на 4-й день послѣ того назначено было практическое ученіе ротѣ его высочества на Волковомъ полѣ.

Въ день ученія, при морозѣ въ 28 градусовъ, людямъ при орудіяхъ велѣно быть въ шинеляхъ, а офицерамъ—въ сюртукахъ; когда я пришелъ поутру въ графу, онъ тотчасъ принялъ меня, но приказалъ немедленно ѣхать на мѣсто и озаботиться, чтобы были приняты всѣ мѣры для сбереженія людей по случаю необыкновенной стужи. Государь и король прусскій пріѣхали на ученіе и все время были въ медвѣжьихъ шубахъ. Ученіе производилось съ полчаса и съ отличною удачею. По окончаніи онаго, графъ былъ удостоенъ посѣщенія монарховъ и, принятімъ ими завтрака въ балаганѣ, устроенномъ нарочно въ большой кучи снѣга, такъ что даже о существованіи чего-либо подъ снѣжною массою предполагать было невозможно. Завтракъ былъ совершенно русскій и артиллерійскій. Кушали: блины, щи, рыбу, икру и подобные предметы, плоды и фрукты, а равно и другіе припасы на лоткахъ въ видѣ платформы, на обращенныхъ вверхъ дулами пушкахъ, мортирахъ и пр. Обоимъ государямъ служилъ лично самъ графъ, а другимъ родственнымъ имъ лицамъ—адъютанты. На мою долю достался принцъ Ольденбургскій, старшій братъ того, который былъ женатъ на великой княгинѣ Екате-

ринѣ Павловнѣ. Графъ предложилъ тостъ за здоровье короля. Но тотъ, обратясь къ государю, просилъ обратить оное на лицо графа, что и было сдѣлано. Графъ бросился на колѣна, поцѣловалъ руки у обоихъ вѣнценосцевъ, а затѣмъ все шло обыкновеннымъ порядкомъ. За столомъ сидѣло человѣкъ 60. Тутъ я впервые увидѣлъ, въ концѣ стола, молодого графа Каменскаго, лѣтъ 30-ти, полного генерала и украшеннаго уже тремя звѣздами на лѣвой груди.

По окончаніи стола, графъ, выходя, сказалъ мнѣ:

— «Собери свѣдѣнія о числѣ обморозившихся во время ученія и тотчасъ пріѣзжай ко мнѣ!».

Случаевъ обмороженія, къ счастью, не оказалось, и, по пріѣздѣ моемъ, графъ встрѣтилъ меня самымъ ласковымъ образомъ, потребовалъ приказную тетрадь, собственноручно написалъ преогромную благодарность всѣмъ и каждому, относя успѣхъ къ рвенію дорогихъ своихъ сослуживцевъ—гвардейскихъ артиллеристовъ, и, по обычаю, перекрестивъ меня, съ привѣтствіемъ, сказалъ:

— «Съ Богомъ! я тебя не держу! Оставь меня отдохнуть!».

А я, перевернувъ въ книгѣ нѣсколько листовъ назадъ, сказалъ:

— А этотъ приказъ угодно вашему сіятельству подписать?

— «Да ты не исполнилъ еще его?».

— Нѣтъ! Не смѣлъ до подписи!

Графъ взялъ перо и подписалъ:

«Прощаются! во уваженіе бывшаго сего числа ученія», мѣсяцъ и число, и, обратясь ко мнѣ, прибавилъ:

— «На тебя я не сержусь никогда, да и сердиться не буду!».

Никитинъ и Худяковъ, въ жизни не наказанные тѣлесно, служатъ теперь (въ 1842 г.) одинъ—полковникомъ, а другой—подполковникомъ по артиллеріи.

Всѣ приказанія графа ту же минуту я заносилъ лично въ книгу своею рукою,—въ торопливости иногда испорчу, вычеркну и продолжаю писать, что слѣдуетъ далѣе; также и въ рапортахъ поправки очень часто дѣлалъ своею рукою, графъ никогда за это не сердился, а хвалилъ меня, и одинъ разъ, когда его любимецъ и родственникъ, адъютантъ Мякининъ, которому онъ отдавалъ довольно длинное приказаніе, сталъ просить

позволенія записать оное и вышелъ, чтобы взять карандашъ, онъ сказалъ:

— «Ты, братъ, не Журкевичъ (такъ звалъ меня): ты карандашъ всегда долженъ носить съ собой!»

Въ томъ же 1809 году я вышелъ изъ адъютантовъ; потомъ чрезъ 14 лѣтъ, когда я, за отсутствіемъ бригаднаго командира 15-й артиллерійской бригады, оною командовалъ, Аравчеевъ, проѣзжая Тульскою губерніею, остановился на три дня въ деревнѣ помѣщика Арапетова, гдѣ квартировала часть бригадной роты. По долгу службы, я отправился въ нему съ рапортомъ и едва подалъ ему оный, онъ сталъ спрашивать о служебномъ порядкѣ. Бывшій при немъ Эйлеръ спросилъ его:

— Графъ! Вы вѣрно не узнали полковника?

— «Виноватъ! Ваша фамилія?»

— Журкевичъ.

— «Видно, что совсѣмъ потерялъ глаза, не узнавъ лучшаго, однимъ словомъ, единственнаго своего хорошаго адъютанта», и, обратясь къ Клейнмихелю, велѣлъ позвать флигель-адъютанта Шумскаго, котораго считалъ своимъ побочнымъ сыномъ. При входѣ его, онъ взялъ его за руку и, подведя ко мнѣ, сказалъ ему:

— «Познакомься съ этимъ человѣкомъ, братецъ, — вотъ тебѣ лучший образецъ, какъ должно служить и какъ можно любить меня!...»

Пригласилъ меня остаться на все время, что тутъ пробылъ.

Прошло много времени, но и теперь вспоминаю съ благодарностью къ человѣку строгому, но, по моему мнѣнію, справедливому и особенно благосклонному ко мнѣ начальнику ¹⁾.

Въ концѣ 1806 года генералъ Касперскій уѣхалъ лѣчиться на Кавказъ, а въ началѣ 1807 г. мы выступили вторично въ походъ противъ французовъ, въ февралѣ мѣсяцѣ. До возвращенія Касперскаго, баталіономъ командовалъ полковникъ Эйлеръ; отъ Гатчины начались для насъ усиленные переходы и подъ артиллерію давали на каждой станціи до тысячи подводъ, такъ что орудія, переставленные на сани, двѣ трети дороги везлись на обывательскихъ лошадяхъ, а офицеры всѣ ѣхали на подводахъ. Со всѣмъ тѣмъ, большихъ особенно переходовъ мы не дѣлали, но

¹⁾ Помѣтъ въ рукописи: «16-го декабря 1842 г.» Продолженіе затѣмъ писано: «Полодеъ. Декабря 27-го дня 1845 г.»

только дневки или разстахи были чрезъ 3 или 4 дня. Около Шавли нагналъ насъ Касперскій и я опять попалъ на его хлѣбъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ мы перешли границу Пруссіи и тутъ узнали, какъ мы называли «пятую стихію», грязь! Дороги отъ весенней ростепели до такой степени распустились, что артиллерія въ сутки не могла идти, въ иной день, болѣе 2 или 3 верстъ переходомъ,—и одинъ изъ офицеровъ нашихъ—Глуховъ, на большой дорогѣ, съ лошадыю едва не утонулъ, но лично самъ былъ спасенъ, а конь его совсѣмъ пошелъ..... въ землю! Такимъ образомъ танулись мы до Инстербурга. Въ апрѣлѣ подались мы впередъ до Бартсонстельна; оттуда генералъ мнѣ далъ коммиссію—отправиться въ Кенигсбергъ для приему на бригаду овса. Собственная же цѣль моего туда отправленія была въ томъ, что я узналъ, что братъ мой Александръ тяжело раненъ въ январѣ мѣсяцѣ подъ Берфридомъ, лежитъ въ Кенигсбергѣ, гдѣ я и отыскалъ его, проживъ съ нимъ болѣе 2-хъ недѣль, а гвардію нагналъ уже послѣ сраженія подъ Губрштатомъ (при Гутштатѣ, 27-го мая).

Два брата мои Николай и Александръ служили въ Углицкомъ мушкетерскомъ полку, гдѣ былъ шефомъ генералъ-маіоръ баронъ Герсдорфъ. Онъ любилъ обоихъ братьевъ, какъ сыновей своихъ. Николай былъ маіоромъ, Александръ—штабъ-капитаномъ. За два или за три дня до сраженія подъ Прейсишъ-Эйлау, полкъ ихъ былъ расположенъ около деревни Берфридъ и въ распахъ былъ атакованъ французами. Братъ Николай первый собралъ баталіонъ, бросился съ нимъ на плотину, опрокинулъ французовъ и далъ время собраться и опомниться всему полку,—однимъ словомъ, спасъ честь, а можетъ быть, и жизнь своему начальнику, но самъ получилъ рану въ животъ пулею. Другой братъ, Александръ, пробитъ пулею въ грудь на вылетъ. На послѣднемъ была шинель на овчинномъ мѣху, мундиръ, по тогдашнему, въ груди подложенный ватою, теплая шерстяная фуфайка,—и выстрѣлъ по немъ былъ сдѣланъ весьма близко, потому что пуля пробила шинель, мундиръ и проч., прошла подъ правые сосуды груди, вышла назадъ подъ правую лопатку, пробивъ опять рубашку, фуфайку, стаметовую подкладку, остановилась между оною и сукомъ мундира. Сочли его за мертвого и оставили на мѣстѣ сраженія, Николая же положили на подводу и отправили къ обозу.

Считая свою рану легкою, онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ разсвѣта, чтобы освободили его животъ отъ пули; о ранѣ, или, какъ полагали, о смерти брата отъ него скрывали. Баталіонъ же, прогнавъ французовъ, подался нѣсколько впередъ; но къ ночи ему приказано было возвратиться назадъ къ полку, а полку тоже ретироваться далѣе прежней ихъ позиціи; брата Николая положили опять на подводу и чрезъ два часа его не стало. Братъ же Александръ въ полѣ, на 20-ти градусномъ морозѣ, пролежалъ часовъ 6 на землѣ, истекая кровью. Но какъ неисповѣдны судьбы Божіи! Онъ только за нѣсколько дней до сраженія поступилъ во фронтъ, а до того времени былъ полковымъ казначеемъ. Когда сочли его убитымъ, то оставили въ полѣ и накрыли его шинелью; мѣсто, гдѣ онъ лежалъ, было саженьей въ 40 отъ дороги. Когда баталіонъ ретировался къ полку, унтеръ-офицеръ, бывшій когда-то писаремъ при братѣ, шелъ стороною, не по дорогѣ, а полемъ, и набрелъ на убитого офицера. Ночь была лунная; онъ снимаетъ шинель и начинаетъ шарить въ боковомъ карманѣ мундира брата, находитъ тамъ золотые часы и узнаетъ оные! Наклонившись къ лицу убитого, дабы разсмотрѣть хорошенько, — слышитъ слабое дыханіе, тотчасъ же бѣжитъ на большую дорогу и проситъ помощи подобрать раненаго. Между тѣмъ, баталіонъ его уже прошелъ, а шелъ баталіонъ другого полка, — не помню какого, — но только поручикъ этого баталіона, князь Абамелекъ, идетъ съ нѣсколькими солдатами къ раненому, берутъ его на руки и почти волокомъ тащатъ до большой дороги, гдѣ, увидя идущую артиллерію, упрашиваютъ артиллеристовъ положить раненаго на лафетъ, и такимъ образомъ везли брата слишкомъ 15 верстъ до первой перевязки его раны.

Братъ умеръ въ 1842 году, страдая, конечно, во всю свою жизнь слабостью груди.

При этомъ не могу безъ признательности вспомнить добрымъ и теплымъ словомъ поступокъ генерала барона Герсдорфа. Въ память покойнаго брата, пожертвовавшаго жизнью за спасеніе его и чести полка, онъ назначилъ его семейству, по свою смерть, производить лично отъ себя по 500 р. асс. ежегодно, а по смерти своей приказалъ выдать единовременно 10 т. р., что и было выполнено въ точности. Николай похороненъ въ Пруссіи, не далеко отъ того мѣста, при которомъ былъ раненъ.

Прибывъ къ бригадѣ послѣ Гупштатскаго сраженія, послѣ одного перехода еще впередъ, мы пошли опять обратно къ Гейльсбергу, гдѣ еще предварительно были устроены сильныя укрѣпленія; тутъ 27-го мая (28-го мая) произошло небольшое сраженіе, въ которомъ и я тоже участвовалъ въ званіи адъютанта. Отъ Гейльсберга пошли мы къ Фридланду; погода въ это время была прекраснѣйшая. Къ Фридланду мы подошли вечеромъ 1-го іюня. Тутъ слышалъ я разговоръ генерала, что наши набрели на небольшой отрядъ французовъ въ городѣ, и какъ тотъ отрядъ ретировался, то вслѣдъ онаго отправлена часть гвардейской кавалеріи, а для подкрѣпленія начали посылать, чрезъ городъ, полкъ за полкомъ и пѣхоту. Кавалерія, пройдя городъ, тотчасъ же расположилась въ позиціи подъ стѣнами города. За пѣхотою пошла и наша артиллерія. Послѣ полудня всѣ наши роты выдвинуты были впередъ и сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ,—равно и по нимъ было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ со стороны французовъ и подбитъ одинъ лафетъ въ ротѣ графа Аракчеева. Генераль, къ которому подъѣхалъ командиръ роты, объявивъ объ этомъ, послалъ меня за рѣку, обратно, привести запасный лафетъ, съ подтвержденіемъ, чтобы остальные артиллерійскіе запасы оставались на томъ же берегу. Я выполнилъ сіе приказаніе, и когда пріѣхалъ къ батарее, моего генерала уже не засталъ,—мнѣ сказали, что онъ только-что отъѣхалъ за рѣку. Это было уже около 5-ти или 6-ти часовъ пополудни. Я вернулся и отыскалъ генерала, который мнѣ сказалъ, что ему приказано на этомъ берегу отыскать позицію для батарей и что гвардія вся придетъ на эту дорогу.

Возвращаясь къ генералу, я видѣлъ множество гвардейскихъ офицеровъ въ городѣ сидящими подъ окнами въ домахъ; солдаты же были, какъ я сказалъ, у самыхъ стѣнъ города. Изъ всего должно было полагать, что до серьезнаго дѣла не дойдетъ, и беззаботные офицеры ожидали только прохожденія своихъ полковъ чрезъ городъ. Часовъ въ 7 вечера вокругъ города открылась канонада. Совершенный адъ!.. Изъ трехъ мостовъ на рѣкѣ, лѣвѣе передъ городомъ, изъ которыхъ нижній былъ постоянный, а два—пontonные, послѣдніе два тотчасъ запылали. Поднялась кутерма и всѣ улицы наполнились солдатами безъ начальниковъ. Офицеры бросились къ мѣстамъ своимъ, но тамъ уже солдатъ не было, а пред-

ставлялся невообразимый хаосъ. Все перемѣшалось: пѣхота, артиллерія, кавалерія—другъ друга топчетъ, зарядные ящики взрываютъ, непріятель такъ и насѣдаетъ на насъ; мы столпились въ улицахъ такъ, что нѣтъ возможности двинуться куда-нибудь; наконецъ, часть кавалеріи винулась въ рѣку вплавь, а пѣхота вытянулась въ нитку, человѣкъ за человѣкомъ: вотъ картина, которую я видѣлъ и которую называютъ «сраженіе подъ Фридландомъ». А къ довершенію всего — флегма-главнокомандующій, (Бенингсенъ), ѣдущій съ небольшою свитой, но, какъ-будто не его дѣло, не обращаетъ никакого вниманія.

Въ эту же ночь мы пошли къ Ваму, берегомъ рѣки, а оттуда потянулись на Тильзитъ.

Послѣдствія и происшествія, приведшія къ Тильзитскому миру, всѣхъ печалили; а какъ я пишу то, что лично видѣлъ и гдѣ самъ участвовалъ, то скажу, что мой генералъ мнѣ предлагалъ отправиться въ Тильзитъ, съ полуротою при первомъ баталіонѣ Преображенскаго полка, отряженнаго въ главную квартиру Наполеона, для содержанія тамъ карауловъ при государѣ; но я изъ патріотизма отъ сего отказался.

Въ Петербургъ мы возвратились въ октябрѣ мѣсяцѣ и, за дѣла при Гейльсбергѣ и подъ Фридландомъ, я награжденъ золотою шпагою, съ надписью: «за храбрость».

По моемъ возвращеніи, я нашелъ въ графѣ къ себѣ тоже самое расположеніе, какъ и прежде; но когда я сталъ у него проситься въ отпускъ, то онъ шутокъ мнѣ отказалъ, говоря: «еще рано тебѣ ѣздить, надо прежде послужить», а потомъ согласился вмѣсто 4-хъ мѣсяцевъ отпустить меня только на 28 дней, но я предварилъ его, что буду просить отсрочки; онъ отвѣчалъ, что не дастъ мнѣ ее. Когда я пріѣхалъ въ Смоленскъ, гдѣ, такъ сказать, познакомился съ моею матерью,—ибо, будучи отданъ въ корпусъ 5-ти лѣтъ, я совершенно не зналъ и не помнилъ ее,—нашелъ тамъ сестру, бывшую замужемъ за комиссіонеромъ Фроловымъ, назначеннымъ въ турецкую армію казначеемъ, и брата Александра, только что возвратившагося изъ-за границы и вышедшаго въ отставку.

Я прібылъ въ Смоленскъ наканунѣ 1808-го года и тотчасъ же подалъ рапортъ, что я болѣнъ, и взялъ свидѣтельство о томъ изъ врачебной управы, отъ тестя покойнаго моего брата,

служившаго членомъ оной. Гр. Аракчеевъ, сдѣлавшійся въ это время (13-го янв.) военнымъ министромъ, предписалъ немедленно выслать меня изъ Смоленска, — что, однако же, не исполнилось и я дѣйствительно пробылъ въ отпуску 4 мѣсяца, а когда возвратился, то Аракчеевъ замѣтилъ мнѣ: «ты упрямѣ меня — поставилъ на своемъ!...»

Еще до отбытія моего въ отпускъ, онъ приказалъ мнѣ, по бытности въ Смоленскѣ, обратить вниманіе на двѣ артиллерійскія роты, тамъ квартировавшія, предупредивъ, что, по возвращеніи моемъ, онъ подробно меня на счетъ ихъ разспроситъ. Принявъ это порученіе въ нѣкоторомъ родѣ за секретное полицейское, я душевно оскорбился, но ослушаться Аракчеева не смѣлъ и не рѣшался; а какъ на мое счастье въ Смоленскѣ былъ командированъ нашей же бригады подпоручикъ Козловъ для показанія въ упомянутыхъ ротахъ порядка строевого, — то я тотчасъ же, по прибытіи моемъ, объявилъ ему о сдѣланномъ мнѣ порученіи и просилъ его познакомить меня съ обоими ротными командирами, съ подполковникомъ Штаденемъ и майоромъ Залдекъ-Пиковскимъ. Перваго въ городѣ не случилось, а послѣдній очень понялъ мою должность и принялъ меня съ большимъ радушіемъ. Когда же возвратился Штаденъ, то я, почитая обязанностью моею представиться ему, какъ старшему въ городѣ артиллерійскому начальнику, немедленно поѣхалъ къ нему. Онъ предупрежденъ былъ Залдекомъ обо мнѣ, и когда я явился, то онъ очень сухо встрѣтилъ меня словами: «мнѣ связывали, что вы имѣете порученіе отъ Аракчеева — осмотрѣть вѣренныя мнѣ роты; не прикажете-ли, я ихъ обѣ выведу въ строй и представлю вамъ, какъ инспектору!»

Обиженный такимъ пріемомъ, я отвѣчалъ, что «графъ не давалъ мнѣ порученія инспекторскаго, но частно приказалъ мнѣ озаботиться о свѣдѣніяхъ, относящихся къ положенію ротъ, и я частью уже сіе исполнилъ. Но, по благородству чувствъ, не желалъ, чтобы меня принимали за шпиона, и потому просилъ товарища моего, Козлова, предупредить его, Штадена, и Залдека, чтобы они не рисковали своею репутаціею, ибо я начальника моего обманывать не хочу и не стану! Но ежели онъ принимаетъ это въ другомъ видѣ, а соглашается показать мнѣ роту свою по

формѣ, то я и отъ этого не откажусь и, по осмотрѣ, форменно донесу обо всемъ графу!»

Строптивый Штаденъ, видя мою рѣшимость, съ шуткою по-дозвавъ своего сына, лѣтъ 5-ти мальчика, свомандовалъ ему: «Сми-рно! На пра-во! Во-фронтъ! На лѣ-во! Во-фронтъ! На лѣво кру-гомъ! Скорымъ шагомъ—маршъ!»—обратился ко мнѣ: «вотъ видите, какъ я учу собственнаго своего рекрута, то мнѣ нечего бояться за свою роту»,—и мы разстались очень холодно.

Первое мое знакомство въ Смоленскѣ было съ домою Лаптевыхъ и я почти ежедневно бывалъ тамъ и только тамъ встрѣчался со Штаденомъ. Передъ выѣздомъ моимъ изъ Смоленска, обѣимъ ротамъ дано приказаніе выступить въ С.-Петербургъ и я въ пути обогналъ ихъ на второй станціи. Штаденъ, узнавъ, что я проѣзжаю, пріѣхалъ самъ на станцію и просилъ меня отобѣдать у него. Тутъ онъ перемѣнилъ совершенно свой тонъ—хлопоталъ о моемъ спокойствіи въ вояжѣ и просилъ, когда они придутъ въ Петербургъ, о болѣе короткомъ съ нимъ знакомствѣ. По прибытіи моемъ въ столицу, явился я къ Аракчееву, бывшему уже военнымъ министромъ, который подробно меня разспрашивалъ о положеніи ротъ, находившихся въ наружномъ отношеніи вовсе не въ завидномъ видѣ. Я, расхвали обоимъ командировъ, откровенно сказалъ все, что зналъ на счетъ лошадей и обученія солдатъ. Недѣли чрезъ двѣ, изъ Гатчины тайно пріѣхалъ ко мнѣ Задекъ-Пиговскій и просилъ меня объявить, что разспрашивалъ графъ и какъ я ихъ описалъ,—я и ему отвѣчалъ со всею откровенностью. Обѣ роты вступили въ Петербургъ во вторникъ, на Ооминной недѣлѣ.

Аракчеевъ велѣлъ имъ парадировать мимо себя, и когда рота Штадена прошла, а Задека начала проходить, то, при обоихъ ротныхъ командирахъ, онъ подозвалъ меня къ себѣ и сказалъ вслухъ:

— «Благодарю тебя, «Журкевичъ», что ты не сдѣлалъ привычки обманывать меня; роты нахожу, какъ ты описалъ мнѣ ихъ. Жаль, что онѣ опоздали дня три, а то я приказалъ бы имъ маршировать прямо подъ качели. Тамъ было бы для нихъ приличное мѣсто».

Штадену особенно приказалъ заботиться лучше о строѣ и въ этомъ отношеніи руководствоваться моими совѣтами, что Шта-

день охотно и усердно принялся выполнять. Этотъ случай описанъ мною подробно, съ цѣлю ознакомить Штадена, бывшаго послѣ непосредственнымъ моимъ начальникомъ.

Весь 1808-й годъ прошелъ для меня въ усиленныхъ занятіяхъ; Аракчеевъ, бывши военнымъ министромъ, хотѣлъ сему званію придать особенное уваженіе. Всѣхъ вообще, даже лицъ близкихъ по родству къ государю, принималъ какъ начальникъ, съ прочими генералами обращался, какъ съ далекими подчиненными; ѣздилъ по городу и во дворецъ всегда съ особымъ конвоемъ. Одинъ разъ, сдѣлавшись нездоровъ, цѣлую недѣлю никуда не выѣзжалъ изъ дома и государь былъ столь внимателенъ къ заслугамъ сего государственнаго человѣка, что каждый день пріѣзжалъ къ нему разсуждать о дѣлахъ. Въ одинъ изъ таковыхъ дней, за болѣзнию двухъ адъютантовъ графа, я былъ имъ приглашенъ дежурить у него и долженъ былъ стоять у дверей кабинета, когда онъ читалъ свой докладъ государю. Въ подобныхъ случаяхъ, стоящій обыкновенно у дверей, камердинеръ всегда былъ удаляемъ изъ покоя, дабы не могъ слышать, о чемъ говорилось въ кабинетѣ,—что было весьма благоразумно, такъ какъ государь на слухъ былъ нѣсколько крѣпокъ, то графъ долженъ былъ докладывать весьма громогласно, такъ что на томъ дежурствѣ я слышалъ вполнѣ читанное донесеніе изъ турецкой арміи фельдмаршала князя Прозоровскаго, представлявшаго армію въ весьма жалкомъ отношеніи.

Когда Аракчеевъ переѣхалъ на дачу, на Выборгскую сторону, то государь, щадя его здоровье, и туда продолжалъ ѣздить ежедневно.

Кстати, здѣсь разскажу нѣсколько о домашнемъ бытѣ графа. Въ началѣ 1806 года онъ женился на дворянѣ Ярославской губерніи, Настасѣ Васильевнѣ Хомутовой, дѣвицѣ лѣтъ 18-ти, очень недурной собой и весьма слабого и деликатнаго сложенія. Графу въ то время было лѣтъ 50, а можетъ быть и болѣе; собою былъ безобразенъ и въ рѣчахъ произношенія гнусливаго, что еще болѣе придавало ему лично непріятности, — и съ самыхъ первыхъ дней его женитбы замѣчено было, что онъ жену свою ревнуетъ. Еще до женитбы, ведя жизнь отдаленную отъ общества, онъ еще болѣе послѣ того отдалился отъ него. Обыкновенно вставалъ поутру около 5-ти часовъ; до развода онъ занимался въ кабинетѣ

дѣлами съ неумѣренною дѣятельностью; читалъ все самъ и на онѣя клалъ собственноручныя резолюціи. Весьма часто выходилъ къ разводу и всегда бывалъ при этомъ взыскателемъ, такъ что ни одинъ разводъ не оканчивался безъ того, чтобы одинъ или нѣсколько офицеровъ не были бы арестованы. Въ 12 часовъ или въ первомъ — ѣздилъ во дворецъ съ докладомъ, и проѣздъ его мимо карауловъ и вообще всѣхъ военныхъ былъ всегда грозою. Около половины 3-го возвращался домой и въ 3 часа аккуратно садился за столъ; кромѣ жены, брата ея, — графскаго шурина Хомутова, служившаго у насъ подпоручикомъ, — почти всегда обѣдывали графскіе адъютанты, Твороговъ и Мякиннинъ, и кто бывалъ дежурными, въ томъ числѣ и мнѣ приводилось нѣсколько разъ обѣдать у него. Изъ постороннихъ гостей, что бывало, впрочемъ, весьма рѣдко, чаще другихъ бывали у него: Сергѣй Михайловичъ Танѣевъ, павловскій отставной генераль-маіоръ, вѣчно носившій длиннополый сюртукъ, смазные сапоги и голову обстриженную въ кружокъ; генераль-маіоръ Федоръ Ивановичъ Апрѣлевъ и Петръ Ивановичъ Римской-Корсаковъ — надворный совѣтникъ и совѣтникъ ассигнаціоннаго банка; оба они были сосѣдями графа по его имѣнію, въ Новгородской губерніи; иногда обѣдывали генераль Касперскій и полковникъ Ляпуновъ, командовавшій ротой графа. Обѣдъ былъ всегда умеренный, много изъ 5-ти блюдъ, приготовленный просто, но очень вкусно; вина подавалось мало. За столомъ сидѣли не болѣе получаса и графъ всегда былъ разговорчивъ и шутливъ, иногда даже весьма колко, на счетъ жены. Такъ, однажды при мнѣ онъ сказалъ ей:

— «Вотъ, матушка, ты все хочешь ѣздить, кататься, гулять, — рекомендую тебѣ въ кавалеры адъютанта моего «Жиркевича».

— «Что же», отвѣчала графиня, «я совершенно увѣрена, что г. Жиркевичъ не отказалъ бы мнѣ въ этомъ, если бы я его попросила».

— «Хорошо, если ты будешь просить», возразилъ графъ; «онъ еще самъ не проситъ, ребенокъ еще, а впрочемъ, и теперь не владѣ палецъ ему въ зубы — откусить!..»

Графиня видимо сконфузилась и покраснѣла.

Другой разъ, тоже за обѣдомъ, — не знаю именно, по какому случаю, обѣдали я и бывшій наванунъ дежурнымъ адъютантомъ

Козляиновъ,—графъ въ продолженіе обѣда былъ необыкновенно веселъ, а въ концѣ подозвалъ камердинера и на ухо отдалъ ему какое-то приказаніе; тотъ немедленно вышелъ и тотчасъ же подалъ графу какую-то записку.

— «Послушайте, господа», сказалъ графъ, обращаясь къ присутствующимъ, которыхъ было человѣкъ съ 10. «Высочайшій приказъ. Такого-то числа и мѣсяца. Пароль таковой-то. Завтрашняго числа разводъ въ 11 часовъ. Подписано: баталіонный адъютантъ Жиркевичъ (при этомъ онъ взглянулъ на меня). Тутъ нѣтъ ничего особеннаго, кажется», продолжалъ графъ, «а вотъ гдѣ начинается рѣдкость, такъ рѣдкость! Слушайте! «Любезный Синица! (это былъ первый камердинеръ графа). Если нѣтъ графа дома, то положи ему приказъ на столъ, а если онъ дома, то увѣдомъ меня немедленно, но отнюдь не говори, что уходилъ съ дежурства!» — «Тутъ недостаетъ нѣсколькихъ словъ», продолжалъ графъ, «твой вѣрный другъ», или «вашъ покорнѣйшій слуга», а подписано, посмотрите сами, «М. Козляиновъ!» и передалъ записку, чтобы она обошла кругомъ стола. «Вотъ, господа, какіе окружаютъ меня люди, что собственный адъютантъ учить плутаслугу моего меня обманывать и подписываетъ свое имя. Впрочемъ, это замѣчаніе я не обращаю къ вамъ, г. Козляиновъ, вы болѣе не адъютантъ мой!...».

Въ другой разъ, по ежедневной службѣ моей, прибывъ въ предкабинетный покой, гдѣ обыкновенно ожидали приѣма графа генералы и другія важнѣйшія лица, я увидѣлъ на дверяхъ кабинета прибитый листъ, въ видѣ объявленія. Я полюбопытствовалъ взглянуть на оный; что же оказалось? Крупными литерами написано: «Я, Власть Васильевъ, камердинеръ графа Алексѣя Андреевича, симъ сознаюсь, что въ день Новѣго года ходилъ съ поздравленіемъ къ многимъ господамъ и они мнѣ пожаловали въ видѣ подарковъ...» (тутъ по-иному значилось, кто и сколько ему далъ денегъ) и далѣе Васильевъ изъясняетъ свое раскаяніе и обѣщается впередъ не отлучаться за милостынею.

Изъ министровъ, кажется, никто съ графомъ не былъ лично близокъ, кромѣ министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева, который иногда тоже у него обѣдывалъ.

Вотъ какъ рассказывали мнѣ разводъ графа Аракчеева съ его женою. Въ 1807 году, отъѣзжая въ армію, Аракчеевъ отдалъ

приказаніе своимъ людямъ, чтобы графиня отнюдь не выѣзжала въ нѣкоторые дома, а самъ, вѣроятно, ее не предварилъ,—и одинъ разъ, когда та сѣла въ карету, на отданный ею приказъ куда-то ѣхать, лакей доложилъ ей, что графомъ сдѣлано запрещеніе туда ѣздить!—Графиня хладнокровно приказала ѣхать на Васильевскій Островъ къ своей матери и оттуда уже домой не возвращалась. Когда же, по окончаніи кампаніи, графъ возвратился въ Петербургъ, онъ немедленно побѣждалъ къ женѣ и потомъ, недѣли съ двѣ, ежедневно туда ѣздилъ раза по два въ день. Наконецъ, однажды графиня сѣла съ нимъ въ карету и, проѣхавъ съ нимъ Исаевскій мостъ, графъ остановилъ экипажъ, выпелъ изъ него и пошелъ домой пѣшкомъ, а графиня возвратилась къ матери и болѣе не сѣзжалась съ нимъ.

До женитьбы Аракчеева, въ домѣ у него хозяйничала крѣпостная, но имъ отпущенная на волю, женщина Настасья. Достоверно никто не знаетъ, были-ли у него отъ нея дѣти, но два пріемыня, воспитанные въ Пажескомъ корпусѣ, а потомъ служившіе въ артиллеріи и дошедшіе до чиновъ генераль-маіора—Корсаковъ и до поручичьяго чина и флигель-адъютантскаго званія—Шумской, почитаемы были за его сыновей, а послѣдняго онъ почти самъ выдавалъ за такового. Но этотъ ему заплатилъ особой неблагодарностью: бывъ за границу, въ нетрезвомъ видѣ, наговорилъ ему лично много дерзостей, за что лишенъ былъ флигель-адъютантскаго званія и переведенъ въ гарнизонъ. Когда графиня Аракчеева отказалась жить съ мужемъ, то Настасья, по прежнему, вступила къ нему въ права хозяйки, въ деревню его Грузино, и тамъ имѣла жестокий конецъ. Одинъ изъ комнатныхъ лакеевъ ее зарѣзалъ, а графъ, изъ привязанности къ ней и подъ видомъ благодарности, приказалъ похоронить ее въ грузинской церкви, возлѣ того мѣста, гдѣ подъ особымъ монументомъ, воздвигнутымъ въ память государя Павла Петровича, онъ заблаговременно притотавилъ для своего праха склепъ, и гдѣ дѣйствительно и положенъ. Сіе происшествіе случилось не задолго предъ кончиной государя Александра Павловича и надѣлало много шума въ столицѣ.¹⁾

¹⁾ См. рассказъ объ убійствѣ Настасьи, по подлинному дѣлу, въ «Русской Старинѣ» изд. 1871 г. т. IV, стр. 262—294.

Въ 1808 году государь ѣздилъ въ Эрфуртъ для свиданія съ Наполеономъ. Предъ возвращеніемъ его, пришла мысль гвардіи дать ему балъ, для чего съ каждого офицера было взято 50 р. Балъ былъ въ домѣ графа Кушелева, гдѣ теперь Главный штабъ, противъ Зимняго дворца. Народу было множество, но, по обширности дома и по раздѣленію предметовъ празднества, т. е., танцы, театры, акробатическія представленія, ужинъ и т. п., все разбивалось въ разныя отдѣленія и заблю, ибо на дворѣ стужа была необыкновенная, а покоевъ, сколь ни силились топить, согрѣть не могли. Во время танцевъ на канатѣ у акробатовъ начали воевать ноги, главный танцоръ упалъ и сломалъ себѣ ногу; въ залѣ было такъ холодно, что мѣстахъ въ десяти горѣлъ спиртъ, а дамы всѣ были закутаны въ шали и мѣха.

Изъ благодарности за этотъ балъ, государыня императрица Марія Ѳеодоровна дала особый балъ въ Зимнемъ дворцѣ, къ которому были приглашены безъ изыятія всѣ офицеры гвардейскихъ полковъ (чего прежде не случалось, ибо приглашали известное число таковыхъ) и по гвардейскому корпусу было отдано особое приказаніе отъ великаго князя Константина Павловича, чтобы, кромѣ дежурныхъ, непременно быть всѣмъ на балѣ въ 8-ми часамъ вечера; за небытіе или опозданіе будетъ взыскано, какъ за безпорядокъ по службѣ.

Около новаго 1809 года прибыли въ Петербургъ прусскіе король и королева, и въ продолженіе 4-хъ недѣль мы были даже измучены веселостями и приглашеніями ко двору. Я, какъ адъютантъ, долженъ былъ всегда сопровождать генерала своего, Касперскаго. При одномъ парадѣ, когда гвардейская артиллерія была представляема королю, я былъ верхомъ на лошади моего генерала; но парадъ какъ-то не удался. Отъ Аракчеева отданъ былъ приказъ по артиллеріи съ замѣчаніями, гдѣ и на мой счетъ досталась выходка: «Адъютантъ былъ на такой лошади, на каковой офицеру вовсе не прилично быть въ строю!»

Я сказалъ выше, что зять мой, Фроловъ, находился въ ту-репцкой арміи казначеемъ при коммиссіонерствѣ. Онъ пріѣхалъ въ мартѣ мѣсяцѣ съ какимъ-то донесеніемъ въ графу; это подало мнѣ мысль просить о переводѣ его изъ арміи на мѣстную службу въ Смоленскъ, и когда я сдѣлалъ это, то графъ отвѣчалъ мнѣ:

— «Не было еще примѣра, чтобы изъ турецкой арміи выпустили комиссіонера иначе, какъ со штрафомъ, и этого нельзя сдѣлать и для Фролова».

Но вслѣдъ за тѣмъ, не предвара меня, приказалъ немедленно перевести его въ Смоленскъ, гдѣ онъ и получилъ мѣсто Главнаго смотрителя госпиталя. Когда онъ подалъ графу привезенныя бумаги, тотъ спросилъ его:

— «По дорогѣ заѣзжали вы къ женѣ вашей?»

Тотъ испугался, ибо дѣйствительно свернулъ съ прямого пути и пробылъ въ Смоленскѣ нѣсколько часовъ, однако же, отвѣчалъ:

— «Точно, заѣзжалъ.»

— «Когда поѣдете назадъ», прибавилъ графъ, «я позволяю вамъ пробыть дома съ женою, а далѣе, что будетъ, посмотримъ. Я знаю, что вы женаты на сестрѣ адъютанта моего Жиркевича, кланяйтесь ей отъ меня!»

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ стали носиться слухи о новой кампаніи противъ австрійцевъ въ совокупности съ французами. Мнѣ пришло въ голову проситься въ армію и едва я сказалъ о томъ графу, какъ онъ съ ласкою одобрилъ мое намѣреніе и передъ отъѣздомъ приказалъ мнѣ явиться за письмомъ отъ него къ главнокомандующему арміею генералу, князю Сергѣю Фёдоровичу Голицыну. Но когда я пріѣхалъ откланиваться передъ отъѣздомъ и объявилъ ему, что имѣю намѣреніе, въ проѣздъ мой чрезъ Смоленскъ, пробыть нѣсколько дней у моей матери, онъ сказалъ, что теперь писать со мной не будетъ, но напишетъ особо, что въ точности исполнилъ.

Я пріѣхалъ въ Бѣлостокъ, гдѣ была еще главная квартира, въ послѣднихъ числахъ мая, явился къ князю Голицыну и къ графу Кутайсову — начальнику артиллеріи. Послѣдній тотчасъ же предложилъ мнѣ занять должность его адъютанта и я благодарилъ его за это предложеніе. Кутайсовъ поѣхалъ къ Голицыну просить его разрѣшенія на этотъ предметъ, а тотъ отвѣчалъ:

— «Я вамъ не совѣтую этого дѣлать! Этотъ офицеръ присланъ въ армію отъ Аракчеева съ какою-то особенною рекомендаціею, а можетъ быть, имѣетъ порученіе присматривать за нами, — я слышалъ, что онъ будетъ вести переписку съ графомъ».

И точно. Графъ, отпуская меня отъ себя, вслухъ, при нѣкоторыхъ присутствовавшихъ, сказалъ мнѣ:

— «Я буду писать къ Голицыну о тебѣ, а ты не забывай самъ писать ко мнѣ,—я съ удовольствіемъ буду получать твои письма!»

Когда, передавая мнѣ слова князя Голицына, Кутайсовъ напомнилъ это обстоятельство,—я рѣшился вовсе не пользоваться дозволеніемъ графа, дабы не прослыть шпиономъ, да и графъ, вѣроятно, позабылъ самъ объ этомъ, ибо послѣ никогда уже не вспоминалъ объ этомъ.

Я былъ назначенъ въ 10-ю артиллерійскую бригаду въ батареиную роту, которою командовалъ майоръ Данненбергъ. Мы двинулись съ мѣста и перешли границу въ іюнѣ. Начальникъ 10-й дивизіи, генералъ-лейтенантъ Левизъ, и шефъ Фанагорійскаго гренадерскаго полка, генералъ-майоръ Инзовъ, приласкали и приглашали меня всегда съ привѣтливостью. Всѣ наши дѣйствія ограничились одними передвиженіями и, наконецъ, стоянкою въ Галиціи. Наша рота расположилась въ Ярославлѣ, между Краковымъ и Лембергомъ. Лично я проводилъ время довольно пріятно, находясь часто въ кругу генераловъ, гдѣ много слыжалъ политическихъ разговоровъ; между прочимъ, приведу нѣсколько фактовъ.

Вся кавалерія у насъ состояла изъ 9-ти дивизій, которою командовалъ князь Аркадій Александровичъ Суворовъ. Онъ былъ обожаемъ офицерами и солдатами, сколько въ память незабвеннаго отца своего, столько по личнымъ своимъ качествамъ ¹⁾. Дивизія его одна, которая встрѣчалась съ непріателемъ, т. е., австрійцами, но другъ по другу никогда не стрѣляли, а всегда оканчивалось переговорами: «Если вы не уступите намъ позицію, которую вы занимаете», объявлялъ имъ князь, «и не отойдете далѣе, мы начнемъ дѣйствовать»; и австрійцы за этимъ снимали свой лагерь, а наши занимали мѣсто, гдѣ прежде стояла австрійская армія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ польскіе офицеры изъ войска, находившигоса подъ командою князя Понятовскаго, дѣлали наборъ рекрутовъ изъ поляковъ. Суворовъ,

¹⁾ См. самый добрый отзывъ о князѣ Аркадіѣ Суворовѣ — Мих. Ил. Голышева-Кутузова въ письмѣ его къ женѣ въ Бухареста, отъ 13-го апрѣля 1811 г. «Русская Старина», 1872 г. т. V, стр. 262.

проходя города, гдѣ дѣлался наборъ, распускалъ конскриптовъ, утверждая, что они, какъ подданные австрійскаго императора, не могутъ искренно служить противъ него. Но за то поляки принимали другія мѣры: они подеупали лучшихъ солдатъ нашихъ и уговаривали ихъ къ побѣгамъ, — и это было такъ часто, что въ той ротѣ, гдѣ я служилъ, дезертировали изъ Ярославля болѣе 10-ти человекъ лучшихъ рядовыхъ и даже два съ георгіевскими крестами, чего прежде никогда не случалось.

При Левизѣ былъ адъютантомъ драгунскій капитанъ Прендель. Физіономія совершенно еврейская и о немъ носились слухи, что онъ, точно, изъ евреевъ и бываетъ употребляемъ отъ насъ, какъ шпионъ во французской арміи. Не знаю, до какой степени было это справедливо, но въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, которые мы провели въ Ярославлѣ, онъ исчезалъ раза три изъ круга нашего, и когда возвращался, то мы имѣли самые свѣжіе и вѣрнѣйшіе свѣдѣнія о положеніи дѣлъ какъ въ главной нашей квартирѣ, такъ равно и у французовъ. Даже утверждали, что, съ воли главнокомандующаго, онъ будто представлялъ подобную же роль во французской арміи при маршалѣ Неѣ, передавая ему то, что было приказано на счетъ нашихъ войскъ.

Здѣсь же я познакомился съ маіоромъ Ховеномъ, впоследствии сдѣлавшимся моимъ непосредственнымъ начальникомъ и желавшимъ мнѣ причинить большія непріятности и даже несчастіе. Онъ былъ назначенъ командиромъ конной роты при 10-й дивизіи; прибывъ въ Ярославль для принятія роты, приласкалъ меня и почти всякій день проводили мы вмѣстѣ. Онъ отличался особенною дѣятельностью, какъ строевою, такъ и хозяйственною, и завелъ примѣрное щегольство въ ротѣ. Офицеры его крѣпко любили и уважали, ибо внѣ службы онъ со всѣми былъ необыкновенно привѣтливъ и обходителенъ, къ тому же большой хлѣбосоль. Но я тотчасъ примѣтилъ, что все это было въ немъ не натуральное, но натянутое и съ расчетомъ, ибо предъ нашимъ ротнымъ командиромъ Данненбергомъ, какъ предъ старшимъ себя, онъ вытягивался въ струнку и даже унижался излишними вниманіями, а за глаза безпрестанно смѣялся на его счетъ и критиковалъ всѣ его поступки. Здѣсь же я былъ произведенъ на вакансію поручика.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ ИВАНА СТЕПАНОВИЧА ЖИРКЕВИЧА.¹⁾

1789—1848.

III.

Аракчеевъ уволенъ отъ званія военнаго министра.—Барклай де-Толли.—Ермоловъ.—Безразсудная отвага офицеровъ.—Сухожанеть.—Объявленіе о войнѣ съ французами.—Дѣло подъ Вязьмами.—Рахмановъ и гр. Ожаровскій.—Движеніе Депрерадовича къ Смоленску.—Спасеніе тещи и невесты.

1810 — 1812.

Въ маѣ 1810 года возвратился я въ Петербургъ. Припоминаю забавный анекдотъ съ однимъ изъ моихъ товарищей, поручикомъ Базилевичемъ. Высокаго роста, широкоплечій, красивый собою, но довольно ограниченный, онъ имѣлъ привычку, возвращаясь съ какихъ-либо маневровъ, шутливо рассказывать всѣмъ о своихъ продѣлкахъ; подобнымъ образомъ, при обратномъ переходѣ съ Смоленскаго поля въ казармы, на Исакиевскомъ мосту, онъ подѣлхалъ ко мнѣ и спросилъ: «Видѣль-ли ты какъ сегодня государь, проѣзжая мимо меня, обласкалъ меня, поклонился,—и ни слова не сказалъ тебѣ!» Едва онъ успѣлъ кончить эти слова, сзади подѣлжаетъ, верхомъ, командовавшій бригадою полковникъ, Эйлеръ, и самымъ жесткимъ голосомъ говоритъ Базилевичу: «Александръ Ивановичъ! Государь императоръ приказалъ васъ арестовать на 24 часа и посадить на арсенальную гауптвахту за то, что вы очень рано открыли пальбу изъ вашихъ орудій, когда еще не построились колонны къ атакѣ!» Это насъ всѣхъ такъ разсмѣшило, что у насъ обратилось въ пословицу, когда кого-либо

¹⁾ См. «Русскую Старину», томъ IX, 1874 г., февраль, стр. 207—244.

посадить подъ арестъ, говорить: «его обласкали какъ Базилевича....»

Въ августѣ или сентябрѣ того же 1810 г. гр. Аракчеевъ передалъ званіе военнаго министра Барклаю де-Толли и былъ причисленъ состоять при особѣ государя. По этому случаю, онъ давалъ, такъ называемый, прощальный обѣдъ корпусу офицеровъ гвардейской артиллеріи, единственный, сколько запомню, во все время моего служенія съ нимъ; ибо съ этого времени онъ уже рѣшительно не вмѣшивался ни въ какое служебное отношеніе по бригадѣ. Послѣ обѣда, перейдя въ другія комнаты, мы съ жаднымъ любопытствомъ читали въ особой книжкѣ собранныя собственноручныя записки къ Аракчееву государей Павла и Александра и, какъ кажется, книжка эта съ умысломъ была оставлена на столѣ въ гостинной. Множество записокъ изъ этого числа были сокрыты подъ бумагою, съ приложеніемъ по угламъ печати Аракчеева, другія же лежали сверху, на виду. Теперь не припомню содержанія многихъ изъ нихъ, кромѣ писанной карандашемъ государемъ Павломъ Петровичемъ, слѣдующаго содержанія: «Баронъ! кто такой дуракъ, который маршировалъ сегодня въ вахтъ-парадѣ, въ зѣмкѣ такого-то звода?....»¹⁾

Ген.-маіоръ Касперскій, еще въ началѣ 1811 года, уволенъ былъ въ отпускъ для излеченія болѣзни, и въ его отсутствіе командовалъ бригадой полковникъ Эйлеръ. Бывши ротнымъ командиромъ, онъ занимался фронтовою службою, какъ мы тогда называли, «педантски», т. е. со всѣми малѣйшими подробностями; а какъ, въ продолженіе двухъ военныхъ кампаній, въ сраженіяхъ подъ Аустерлицомъ и подъ Фридландомъ, онъ заслужилъ репутацію не лестную для воина, то сослуживцы его крѣпко за это не любили. Но какъ удивился я, когда, возвратясь изъ похода моего въ Галицію, я засталъ его уже командующимъ бригадою и слышалъ отзывы своихъ товарищей, что Эйлеръ совершенно перебрѣнился, изъ педанта сдѣлался, такъ-сказать, товарищемъ для офицеровъ; расположеніе офицеровъ къ себѣ онъ удержалъ до конца своего командованія; а ко мнѣ онъ даже былъ особенно внимателенъ.

¹⁾ Письма и записочки императора Павла къ Аракчееву перепечатали въ «Русской Старинѣ» (изд. 1873 г., т. VII, стр. 477 — 490) съ секретнаго Аракчеевскаго изданія; упоминаемая Жиркеничемъ записка императора Павла Аракчеевымъ не напечатана.

Въ первыхъ числахъ сентября 1811 г., пріѣхалъ въ Петербургъ ген.-маіоръ Ермоловъ. Онъ тогда былъ еще командиромъ конной роты, которую, однакоже, сдалъ, по новому положенію, другому шт.-офицеру и потому считался только по артиллеріи. Во время прошедшихъ войнъ съ французами, Ермоловъ и кн. Яшвиль составили себѣ громкую репутацію первыхъ артиллеристовъ по арміи, хотя были оба совершенно отличны и образованіемъ, и храбростью. Яшвиль—грузинъ, пылкій, болѣе невѣжда, нежели образованный, но не глупый, опытный и отчаянно заносливый въ сраженіяхъ. Ермоловъ же, напротивъ, твердый, скрытный, необыкновеннаго ума, съ познаніями обширными и теоретическими, и практическими, въ сраженіяхъ примѣрно хладнокровенъ. Оба они относительно насъ, гвардейской артиллеріи, отзывались весьма не лестно и въ особенности о нашихъ полковникахъ Эйлеръ и Ляпуновъ; даже слухъ носился, что Ермоловъ, при ретирадѣ подъ Фридрихсборгомъ, нагнавъ обѣ батареинныя роты, которыми тогда они командовали, искалъ хотя одного изъ нихъ, громко угрожая ударами нагайки. А теперь вдругъ и неожиданно Ермоловъ назначается командиромъ гвардейской артиллерійской бригады. Это случилось въ тотъ самый день, когда получено было предписаніе отправить меня немедленно въ Смоленскъ проселочною дорогою на Старую-Русу, Холмъ, Торопецъ и Духовщину, на встрѣчу артиллерійскимъ рекрутскимъ партіямъ, направленнымъ уже изъ Смоленска въ Петербургъ по описанному тракту, съ тѣмъ, чтобы я оныя обратно отвелъ въ Смоленску. Получивъ въ тотъ же день всѣ бумаги, я, на другой день, когда прочіе офицеры представлялись Ермолову, хотя еще не выѣхалъ, не считъ, однако, нужнымъ ему являться. Онъ спросилъ обо мнѣ и выразился: «Знаю, это тоже любимецъ Аракчеева!»

Я не знаю, почему тогда считали всѣ, будто Аракчеевъ, съ удаленіемъ отъ военнаго министерства, впалъ въ немилость, когда, напротивъ, онъ сдѣлался совершеннымъ подручникомъ государя, не только по военной части, но и вообще по всѣмъ государственнымъ дѣламъ. Обо всемъ этомъ я узналъ уже послѣ, на походѣ, отъ товарища своего, особенно меня любившаго, Вельяминова, который въ это время былъ въ одномъ чинѣ со мной, т. е. поручикомъ.

Первымъ приступомъ Ермолова было, такъ называемое имъ,

очищеніе бригады. Онъ сталъ жаловаться инспектору, что нашелъ большой застой въ производствѣ по бригадѣ; что онъ желалъ бы очень подвинуть впередъ нѣкоторыхъ, лично ему извѣстныхъ или по храбрости, или по образованію своему, для чего онъ почитаетъ весьма удобнымъ такъ называемыхъ «фронтовиковъ» перевести въ армію, гдѣ они съ пользою могли бы употребляться въ приготовленію запасныхъ войскъ. На первый разъ онъ предложилъ перевести въ армію полковниковъ Эйлера и Ляпунова; капитановъ Саблина, Фриша, Королькова и Сукина. О низшемъ разрядѣ офицеровъ на этотъ разъ онъ умолчалъ. Инспекторъ, по соглашенію съ Аракчеевымъ, убѣдилъ, однакоже, Ермолова, что Эйлеръ ему необходимъ, какъ помощникъ по фронту, а остальные всѣ тотъ же часъ были переведены въ другія бригады. Это сдѣлалось не болѣе какъ въ двѣ недѣли со дня принятія Ермоловымъ бригады, а черезъ недѣлю пришло обо мнѣ предписаніе, чтобы меня считать въ отпуску на 3 мѣсяца со дня окончанія моего порученія,— что крѣпко Ермолову не понравилось, и онъ еще болѣе возымѣлъ противу меня предубѣжденіе, такъ что, когда Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ, котораго онъ предпочиталъ всѣмъ, принявъ во вниманіе свое, сталъ меня хвалить ему, какъ хорошаго офицера, любимаго всѣми товарищами, онъ никакъ этому не хотѣлъ вѣрить, ссылаясь, что я непростительно и посредствомъ интриги уклонился отъ моего съ нимъ знакомства, тогда какъ я былъ долженъ искать его, еслибы я былъ дѣйствительно такимъ, какимъ меня описывалъ Вельяминовъ.....

Въ Петербургѣ я вернулся изъ отпуска въ послѣднихъ числахъ февраля 1812 г., а 5-го марта бригада наша выступила въ походъ, въ Вильно. Когда я явился къ Ермолову, онъ меня принялъ весьма сухо; а въ продолженіе похода, замѣтивъ, что я не имѣю ни верховой лошади, ни хорошей обмундировки, сталъ обращаться со мной еще холоднѣе и даже съ нѣкоторой небрежностью, что меня чрезвычайно огорчало, но я не находилъ средствъ пособить этому. Одно утѣшало меня, что Ермоловъ каждый день болѣе и болѣе сближался съ Вельяминовымъ и рѣдкій день проходилъ, чтобы не былъ въ квартирѣ у него, гдѣ всегда заста-
валъ и меня, ибо я могу похвалиться, что, преимущественно

предъ всѣми моими товарищами, пользовался дружбой Вельяминова.

Не доходя до Вильны, насъ остановили въ м. Даугелишкахъ, гдѣ мы простояли до послѣднихъ чиселъ мая 1812 г., а около этого времени пришли въ Вильну, гдѣ находился уже государь и гдѣ были дѣлаемы маневры. Когда мы стояли въ Даугелишкахъ, наша рота была расположена въ деревнѣ, отдѣленной отъ мѣстечка небольшимъ озеромъ, такъ что чрезъ оное до штабъ-квартиры было не болѣе $\frac{1}{4}$ версты, а въ объѣздъ должно было ѣхать около 4 верстъ. Въ апрѣлѣ, когда уже въ полѣ снѣгу вовсе не было, но на озерѣ еще держался остатокъ льда, въ нашу роту пріѣхали въ гости изъ штаба наши офицеры: Вельяминовъ, Базилевичъ, Демидовъ, кн. Михаилъ Горчаковъ, адъютанты Ермолова: Фонъ-Визинъ, Поздѣевъ и бывший при немъ же ротмистръ Кавалергардскаго полка Римскій-Корсаковъ. Всѣ они были пріатели товарища нашего Аѳонасыя Столыпина. Пообѣдавъ хорошенъко у насъ и по какому-то особому случаю спѣша возвратиться въ штабъ-квартиру, они замѣтили, что немного опоздали, тогда Столыпинъ вдругъ предложилъ ѣхать обратно черезъ озеро, взявши на себя быть ихъ вожатымъ. Сперва стали смѣяться такому вызову; потомъ, видя его настойчивость и насмѣшку съ выраженіемъ «струсили», и другіе стали требовать непременно ѣхать черезъ озеро, а у береговъ уже саженой на десять и льда не оставалось. Вельяминовъ и Поздѣевъ одни поѣхали въ объѣздъ, а прочіе, въ глазахъ нашихъ, сперва вплавъ, а потомъ, проламываясь на каждомъ шагу, черезъ ледъ, побрели озеромъ. Ермоловъ, съ другаго берега, увидѣвъ въ окно это безразсудство, вышелъ къ нимъ на встрѣчу, и когда они перебрались, порядкомъ намылилъ имъ головы, грозилъ арестовать ихъ и отдалъ приказъ по пѣхотному гвардейскому корпусу, которымъ онъ уже тогда командовалъ, не оставляя начальства и надъ бригадой нашей, не называя, однакоже, именъ, но выставляя какъ безразсудный поступокъ, нисколько не приписывая таковой мужеству. Я здѣсь упоминаю это происшествіе не въ упрекъ Ермолову и не въ осужденіе, а для того, чтобы можно было судить о духѣ товарищей моихъ и объ образѣ мыслей моего начальника, котораго, при явномъ его нерасположеніи ко мнѣ, я не переставалъ въ душѣ уважать.

Во время маневровъ въ Вильнѣ, главнокомандующій 1-й западной арміею, военный министръ Барклай де-Толли, сдѣлалъ мнѣ очень строгое замѣчаніе, что я принимаю маневры не въ видѣ настоящаго сраженія, ибо, имѣя предъ собою, въ нѣсколькихъ саженьяхъ, небольшое возвышеніе, при наступленіи, открылъ пальбу изъ орудій, не занявши этой высоты. Замѣчаніе вполне справедливое, по тактикѣ; но еслибы я, забывъ равненіе фронта, самовольно рѣшился податься впередъ и тѣмъ нарушилъ линію фронта, тогда, вѣроятно, дѣло со мной окончилось бы не замѣчаніемъ, а арестомъ, и меня вѣрно бы не спросили о самовольной моей выскочкѣ, на сколько саженьей впереди отъ меня находилось упомянутое возвышеніе...

До поступленія моего въ канцелярскую службу, я пользовался необыкновенно хорошимъ зрѣніемъ, чѣмъ даже хвасталъ. Приготовляясь ко вторымъ маневрамъ подъ Вильною, наша бригада ночевала подъ монастыремъ на Антоколѣ, гдѣ было назначено сборное мѣсто. Это, я думаю, около 4-хъ верстъ отъ города. Собравшись въ кружокъ, мы стояли нѣсколько офицеровъ вмѣстѣ. Къ намъ подошелъ Ермоловъ и съ видомъ нетерпѣнія говорилъ о замедленіи нѣкоторыхъ полковъ и обратилъ наше вниманіе, что по другую сторону города, нѣсколько вправо, идетъ, кажется, какой-то полкъ, что можно было заключить по отблеску штыковъ на ружьяхъ.

— «Ну, господа», сказалъ Ермоловъ, «кто угадаетъ, какой это полкъ?»

Взглянувъ въ ту сторону, я отвѣчалъ: «должно быть, егеря!»

— «Почему ты это заключаешь?» сухо спросилъ онъ у меня.

— Другіе имѣютъ бѣлые панталоны,—отвѣчалъ я,—а этотъ весь въ темномъ.

— «Ну, братъ, на этотъ разъ я поймалъ тебя», возразилъ онъ мнѣ опять очень сухо. «Сегодня у насъ 15-е мая и всѣ полки въ бѣлыхъ панталонахъ; не хорошо, братъ, пули лить!»

Я покраснѣлъ, но повторилъ: «можетъ быть, я ошибаюсь, но еще разъ подтверждаю, что идущіе солдаты съ ногъ до головы имѣютъ одежду темную!» Прошло около часа времени; прошелъ мимо егерскій полкъ и въ зимнихъ панталонахъ. Ермоловъ сейчасъ поѣхалъ на встрѣчу и спросилъ, отчего не въ лѣтнихъ панталонахъ. Затѣмъ подѣхалъ опять ко мнѣ:

— «Виновать, товарищъ», сказалъ онъ, «признаюсь въ этомъ и всѣмъ буду рассказывать, какое у тебя отличное зрѣніе: чутили не за 5 верстъ отличилъ одежду!»

Егера пришли прямо съ караула и потому одни они были въ зимнихъ панталонахъ.

Послѣ маневровъ мы опять отошли отъ Вильны и штабъ-квартира нашей бригады расположилась въ Свенцянахъ, а мы по окрестнымъ деревнямъ. Во время стоянки здѣсь, у Ермолова ожереблялась его верховая кобыла; онъ приказалъ хорошенько отпоить жеребенка, а потомъ зарѣзать и зажарить; приглашая офицеровъ на это жаркое; онъ говорилъ, что хочетъ заблаговременно приучить ихъ ко всякой случайной пищѣ, такъ какъ, Богъ знаетъ, что придется еще ѣсть. Обстоятельство это мнѣ тѣмъ памятно, что Ермоловъ къ обѣду этому приглашалъ не только всѣхъ офицеровъ изъ штаба, но даже изъ близъ квартировавшихъ деревень, кромѣ меня, что меня ужасно потревожило и огорчило, ибо это было явное доказательство его ко мнѣ нерасположенія и небреженія.

Вотъ чѣмъ еще памятна для меня стоянка около Вильны. Въ 1808 г. къ намъ въ гвардію переведенъ былъ изъ арміи поручикъ Сухозанетъ тѣмъ же чиномъ, и какъ я былъ въ это время 4-мъ подпоручикомъ, то онъ сталъ мнѣ, какъ называютъ, «на голову». Въ 1809 г. я произведенъ былъ въ поручики, слѣдовательно недалеко отъ Сухозанета. Въ 1811 г., въ первыхъ числахъ февраля, Сухозанетъ, числясь адъютантомъ при кн. Яшвицѣ, переименованъ капитаномъ по артиллеріи и назначенъ командиромъ роты Яшвицка. Въ концѣ февраля того же года, артиллеріи, инженерамъ и кадетскимъ корпусамъ дано старшинство одного чина передъ арміею и вмѣстѣ сдѣлано производство и уравниеніе изъ майоровъ и капитановъ въ подполковники, причемъ также произведенъ Сухозанетъ. Въ 1812 г., когда мы были въ Свенцянахъ, государь смотрѣлъ двѣ роты: батарейную 1-й бригады, полковника Глухова, старика лѣтъ 70-ти и имѣвшаго орденъ Георгія 4-й степени, и конную — Сухозанета. Послѣдняя ему такъ понравилась, а первая, напротивъ, такъ не понравилась, что онъ Сухозанета тѣмъ же чиномъ перевелъ опять къ намъ въ гвардію, а Глухова, для исправленія, предоставилъ подъ команду Сухозанета, а потомъ и вовсе лишилъ бригады и роты, и Сухо-

залетѣть сталъ у насъ старше всѣхъ капитановъ. Въ декабрѣ, при производствѣ по линіи, онъ произведенъ былъ въ полковники, а въ маѣ за Бауценское дѣло получилъ чинъ генераль-маіора. Онъ былъ изъ вадетъ; выпущенъ въ 1804 г. 16-ти или 17-ти лѣтъ, а въ 1813 г., т. е., чрезъ 9 лѣтъ, на 25-ти лѣтнемъ возрастѣ, имѣлъ уже генеральскій чинъ и за Лейпцигъ ленту св. Анны. Не помню что-то весьма остроумно выразился на этотъ счетъ, что онъ одного человѣка знаетъ только, который въ чинахъ шелъ шибче Сухозанета, и этотъ человѣкъ былъ Барклай де-Толли, который, въ 1807 г., командовалъ полкомъ въ чинѣ генераль-маіора, а въ 1814 г. былъ уже генераль-фельдмаршаломъ.

14-го іюня бригаду нашу собрали на тѣсныя квартиры въ штабъ, въ Свенцяны, и тутъ мы узнали, что французы перешли границу. Вечеромъ того же дня, возвѣстили намъ о скоромъ прибытіи государя и гвардіи. Для государя заняли квартиру въ небольшомъ домикѣ гр. Платера, на концѣ города. Для караула была поставлена пѣхотная батареинная рота его высочества. Всѣ офицеры бригады стояли на флангѣ, когда подѣхалъ государь и вышелъ изъ коляски. Еще выходя, онъ поздоровался съ солдатами и громко объявилъ:

— «Поздравляю, господа, съ военными дѣйствіями, примемся работать! Французы перешли Нѣманъ въ Ковно 12-го числа, а теперь къ дѣлу!» Потомъ, поцѣловавъ Ермолова, присовокупилъ: «Будетъ работы, мы имѣемъ дѣло не съ обыкновеннымъ человекомъ. Ну, какъ думаешь, Алексѣй Петровичъ, чья возьметъ?»

— «Государь», отвѣчалъ Ермоловъ, «мы имѣемъ дѣло, точно, съ необыкновеннымъ человекомъ, но все-таки съ человекомъ! Его надобно бить его же оружіемъ!»

— «Какимъ?» живо спросилъ государь.

— «Упрямствомъ! *Le plus opiniâtre sera toujours vainqueur!*¹⁾ (Кто переупрямитъ, тотъ и выиграетъ!)

— «Ну, что касается до этого», сказалъ весело государь, «то я съ нимъ готовъ буду поспорить», и потомъ сказалъ: «На что ты поставилъ мнѣ пѣлую роту молодцевъ для караула, отпусти; пусть отдыхаютъ, для меня довольно и десятирехъ!»

¹⁾ Замѣчаніе Ермолова, какимъ оружіемъ можно побѣдить Наполеона, было сказано по-французски, весь же разговоръ, а равно и отвѣтъ государя на это замѣчаніе, происходилъ на русскомъ языкѣ. И. Ж.

На замѣчаніе Ермолова, что сейчасъ пришелъ Преображенскій полкъ и что не прикажетъ-ли государь смѣнить артиллеристовъ.

— «Не надо», сказалъ государь, «и они сберегутъ меня», — что намъ всѣмъ чрезвычайно полюбилось.

Я въ этотъ день назначенъ былъ главнымъ рундомъ. По пробитіи зари, когда я пошелъ съ патрулемъ обходить посты, я имѣлъ обнаженную шпагу. Войдя въ садъ, у двери, выходящей туда и отворенной, я увидѣлъ, что часовой задремалъ... А между тѣмъ, всѣ окна въ садъ были отворены. Съ одной стороны, не слыша оклика себѣ, а съ другой—при мысли о несчастіи, которое должно неизбѣжно постигнуть задремавшаго часового, если государь замѣтитъ сію небрежность, поставило меня, на минуту, въ затруднительное положеніе. Концомъ шпаги разбудилъ я часового, но тотъ такъ смѣшался и испугался за свою вину, что отъ робости все-таки не сдѣлалъ оклика, такъ что я былъ уже вынужденъ заговорить съ нимъ объ этомъ и, возвратясь на гауптвахту, приказалъ немедленно смѣнить этого часового, все еще не зная, довести ли о такомъ проступкѣ до начальства, или наказать его по домашнему порядку. Я пошелъ далѣе по городу и чрезвычайно обрадовался, встрѣтивъ на улицѣ государя въ одномъ сюртукѣ и фуражкѣ, выходящаго изъ квартиры Аракчеева. По формѣ я окликнулъ государя и онъ, отозвавшись «солдатъ», сказалъ мнѣ, улыбаясь: «Я говорилъ, молодцы артиллеристы, знаютъ свое дѣло!» Это меня удивительно какъ облегчило; такъ что о винѣ часового, я никому другому, кромѣ его ротнаго командира, не объявлялъ и его очень милосердно наказали противу того, чего тотъ заслуживалъ за свой важный проступокъ. На другой день мы выступили на бивуаки и для насъ тоже началась уже дѣйствительная кампанія.

Первые непріятельскіе выстрѣлы, въ 1812 году, которые мы слышали вдаль, были подъ Видзами. Туда, въ числѣ прочихъ раненныхъ, привезли мнѣ двоихъ знакомыхъ: полковника Рахманова, бывшаго адъютантомъ при Барклаѣ, до того издававшего «Военный Журналъ», и гусарскаго поручика Фигнера, женатаго на воспитанницѣ Мордвинова, съ которымъ въ февралѣ я видѣлся въ Смоленскѣ. Рахмановъ былъ весьма бодръ на языкѣ. Государь посѣтилъ его и Фигнера. Съ государемъ былъ генераль-адъютантъ гр. Ожаровскій. Тотъ, шутя, надѣялся, что

Рахманова, у котораго картечью оторвало два пальца на правой рукѣ, поострился, сказавъ государю: «Rakhtanoff est puni, par où il a pèché!» (Рахмановъ въ томъ наказанъ, чѣмъ грѣшилъ).

— «Берегитесь, графъ», возразилъ Рахмановъ по-русски, «этака не придется вамъ головы снести въ эту кампанію!»

Не помню, кто мнѣ рассказывалъ это: Вельяминовъ или кн. Горчаковъ, которые тутъ были у Рахманова, когда государь неожиданно посѣтилъ его и, несмотря на присутствіе императора, который самъ невольно улыбнулся, всѣ находившіеся тутъ засмѣялись; одинъ графъ Ожаровскій, какъ замѣтно было по выраженію его лица, не сообразивъ тотчасъ всю колкость отвѣта Рахманова, стоялъ съ серьезнымъ выраженіемъ лица.

Изъ лагеря, подъ Дриссою, мы выступили въ первыхъ числахъ іюля 1812 года и шли черезъ Полоцкъ, къ Витебску, гдѣ, какъ слышно было у насъ, готовились дать сраженіе непріятелю. Первоначально мы расположились около большой дороги, идущей въ Оршу, и съ того мѣста, гдѣ была расположена наша бригада, даже простымъ глазомъ видѣли происходившую, подъ мѣстечкомъ Островною, стычку съ непріателемъ, а въ подзорную трубу очень хорошо можно было различать даже передвиженіе войскъ. Послѣ дневки перевели насъ на другую позицію, которая заслоняла проселочную дорогу, прямо идущую на Смоленскъ, черезъ Ліозну и Рудню, и тутъ уже мы были поставлены въ боевую позицію; но, простоявъ одни сутки, потянулись на Ліозну. Всѣ эти переходы и колебанія такъ уронили духъ въ войскѣ, что не только офицеры, но и солдаты начали роптать на главнокомандующаго Барклая.

Государь изъ-подъ Полоцка отбылъ отъ арміи въ Москву, чрезъ Смоленскъ.

Не помню теперь, какого числа, навѣрное между 10 или 15 іюля, когда мы стояли подъ Ліозною, вечеромъ, уже въ совершенныя сумерки, потребовали меня и моего ротнаго начальника, капитана Гогеля, къ генералъ-лейтенанту Депрерадовичу, командовавшему 1-ю гвардейскою кавалерійскою дивизією. Въ его квартирѣ были собраны уже нѣсколько генераловъ и полковыхъ командировъ. Когда мы прибыли, какъ кажется, уже послѣдними, онъ объявилъ намъ, что онъ назначенъ начальникомъ особаго легкаго отряда, отправляемаго открыть дорогу арміи къ Смолен-

ску и, какъ предполагать должно, дорога эта, быть можетъ, занята уже непріятелемъ; а потому, всѣ мы должны ожидать жаркой встрѣчи съ незваннымъ гостемъ.

-- «Хотя я», продолжалъ Депрерадовичъ, «совершенно увѣренъ, что каждый изъ насъ готовъ жертвовать жизнію за государя и отечество, но рѣшился предупредить васъ о нашемъ предназначеніи съ тѣмъ, что если кто-либо не чувствуетъ въ себѣ твердости идти на видимую опасность, то лучше бы и не шель въ этотъ отрядъ!»

Разумѣется, что подобнаго труса ни одного не оказалось

Мы отправились въ своимъ мѣстамъ въ 10 часовъ вечера; съ особенною предосторожностью и тишиною снялись съ бивуаковъ, какъ-будто непріятельская цѣпь насъ окружала въ нѣсколькихъ только шагахъ и выступили въ походъ на Рудню. Въ отрядѣ этомъ были полки: Кавалергардскій, Конногвардейскій, гвардейскіе егеря, лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ, сводный гренадерскій баталіонъ, конная гвардейская артиллерійская рота и наша 2-я легкая рота. Этотъ отрядъ шель съ такой быстротой, что когда приходили къ мѣсту отдыха, то изъ пѣхоты на бивуаки едва-едва вступало нѣсколько человѣкъ, но черезъ часъ или два молодцы-егеря и финляндцы бывали всегда уже въ полномъ комплектѣ. На отдыхахъ мы обыкновенно стояли три или четыре часа и, сваривши кашу, опять подымались въ походъ. Жаръ былъ нестерпимый и мы не болѣе какъ въ 38 часовъ прошли около 75-ти верстъ до Смоленска, безъ малѣйшей встрѣчи съ непріятелемъ. Третій раздохъ мы имѣли около удѣльнаго имѣнія «Приказъ Выдры». Я зналъ, что въ этомъ имѣніи очень часто бываетъ мой внучатный братъ Пирамидовъ, женатый на Лаптевой, сестрѣ моей невѣсты, ибо онъ служилъ по удѣльному вѣдомству. поэтому я, по прибытіи на бивуакъ, отправился въ волостную контору отыскивать голову и разспросить его, дажно-ли былъ у нихъ Пирамидовъ, и когда и куда онъ уѣхалъ изъ Смоленска, а также не знаютъ-ли чего-либо объ Лаптевыхъ, которыхъ деревня была недалеко отъ Выдры. У головы квартировалъ Депрерадовичъ. Каковъ же былъ сюрпризъ для меня, когда голова сказалъ мнѣ, что Пирамидовъ только нѣсколько часовъ какъ выѣхалъ отъ нихъ въ деревню, къ тещѣ своей, за 12 верстъ отъ нихъ, и что ни его семейство, ни семейство Лаптевыхъ во-

все не думали выѣзжать никуда. Это меня такъ сильно озадачило и напугало, что я тутъ же пошелъ къ Депрерадовичу просить позволенія отправиться тотчасъ же къ Лаптевымъ, вывезти оттуда мою невѣсту и всю родню въ Смоленскъ. Депрерадовичъ сдѣлалъ мнѣ вопросъ, въ какую сторону лежитъ деревня?—и когда я сказалъ, что къ Днѣпру, онъ сперва мнѣ рѣшительно отказалъ, говоря, что хотя по другой сторонѣ и тянется цѣпь казавовъ, но что на это полагаться никакъ нельзя, что непріятель, мѣстами, можетъ очень легко пробраться на нашу сторону для розысковъ и что я тогда могу даромъ попасться въ плѣнъ. Но я сталъ его убѣдительно просить отпустить меня и онъ благословилъ меня, подтвердивъ, чтобы я самъ на себя пенялъ и не выдавать бы извѣстія о томъ, что отрядъ нашъ идетъ на Смоленскъ.

Взявши у головы подводу, часовъ въ 10 утра поѣхалъ я въ Нолинцы (деревня Лаптевыхъ), куда и прибылъ въ самый полдень. Во дворъ господскій я долженъ былъ въѣхать аллеєю, такъ что можно было пріѣздъ мой видѣть еще сажень за 100 отъ дома. Первый предметъ, бросившійся мнѣ въ глаза, когда я въѣхалъ на дворъ, была огромная масса сухарей, приготовленныхъ для арміи и сушившихся на солнцѣ, а затѣмъ въ окнѣ я увидѣлъ все семейство Лаптевыхъ, сидящихъ за обѣденнымъ столомъ, и въ концѣ стола, прямо противъ окна, мою невѣсту, которая, вскочивши, закричала: «Ахъ! Иванъ Степановичъ пріѣхалъ!» Тутъ и другіе всѣ бросились къ окну, а потомъ и на подъѣздъ, съ вопросомъ: что значить мой пріѣздъ изъ похода? Этотъ вопросъ мнѣ показался весьма страннымъ; но каково же было мое изумленіе, когда мать моей невѣсты и даже Пирамидовъ объявили мнѣ, что они вовсе не имѣютъ понятія ни о какой опасности; что они слышали, будто армія приближалась къ Витебску или Могилеву; но что около этихъ мѣстъ гдѣ-то было сраженіе и французы уже прогнаны назадъ; что на дняхъ государь былъ въ Смоленскѣ, смотрѣлъ тамъ 12-ть армейскихъ ротъ и рекрутовъ, всѣхъ успокоилъ и обнадежилъ; и что они вовсе не собираются и не думаютъ куда-либо выѣхать. Я, объяснивъ имъ нѣкое ослѣпленіе, сталъ убѣдительно просить матушку тотчасъ насъ поворотить и ѣхать по крайней мѣрѣ, въ Смоленскъ, что составляетъ не болѣе 16-ти верстъ; тамъ она сама

могла удостовѣриться, что имъ никакъ нельзя долѣе остаться въ деревнѣ. Она же мнѣ объявила, что это вовсе не такъ легко сдѣлать, какъ я предполагаю, что она обыкновенно все лѣто живетъ въ деревнѣ, слѣдовательно, на лѣто у нея въ Смоленскѣ вовсе нѣтъ запаса; теперь же пора рабочая, мужики всѣ въ полѣ и отъ работы отрывать ихъ грѣшно. Въ дальній путь, съ семействомъ, ей ѣхать и вовсе нельзя: «На это нужны деньги, а у меня ихъ вовсе нѣтъ».—сказала она и потомъ прибавила: «Да что это, Иванъ Степановичъ, вы насъ путаете, васъ вѣрно послали по какому-нибудь дѣлу въ Смоленскъ и вы хотите, чтобы ваша невѣста была ближе къ вамъ и потому всѣхъ насъ за собой и тянете? Раненько, молодой человѣкъ, вздумали надо мной шутить».

Послѣ долгихъ и долгихъ убѣжденій, она по немногу начала давать вѣру моимъ словамъ, обѣщала подумать и дня чрезъ два пріѣхать въ Смоленскъ на нѣсколько дней. Пробывши часа два у нихъ, отправился я къ отряду своему, въ деревню Ольшу. Когда я явился послѣ къ Депрерадовичу, онъ съ любопытствомъ сталъ спрашивать меня, что слышно около Дибра о французахъ, но я удивилъ его моимъ рассказомъ и онъ мнѣ серьезно сказалъ: «Напишите сейчасъ къ вашимъ роднымъ, что я вамъ велѣлъ ихъ увѣдомить: они не могутъ оставаться въ деревнѣ и отправьте къ нимъ нарочнаго». Разумѣется, я поспѣшилъ исполнить приказаніе генерала, и будущая теща моя, съ 4-мя дочерьми, изъ коихъ двѣ беременныя, съ двумя малютками, съ дворней, человѣкъ до 15-ти, безъ денегъ, безъ гардероба, безъ запасовъ на другой день, въ 5-ть часовъ утра, перебралась въ Смоленскъ; а чрезъ полчаса послѣ ея выѣзда, въ деревню наѣхали свои мародеры и весь домъ повернули верхъ дномъ, такъ что оставшаяся дворня, а частью и крестьяне, бѣгомъ прибѣжали въ Смоленскъ и принесли вѣсть о томъ....

IV.

Смоленскъ. — Дер. Шеломедъ. — Барклай и Багратионъ. — Битвы 3-го и 4-го августа. — Предсказаніе объ иконѣ Божіей матери. — Пожаръ и отступление. — Общая несправедливость къ Барклаю. — Ошибка начальства. — Бородино. — Партизанъ Фигнеръ. — Первая побѣда. — Кафтанъ Мюрата. — Выговоръ. — Разсказы о Кутузовѣ. — Бѣдствія непріятельскихъ и нашихъ войскъ.

1812.

Въ тотъ же день, вечеромъ, подойдя къ Смоленску, безъ всякаго приказанія мы расположились на Поворовской горѣ, а на другой день ввечеру и армія подошла, и мы заняли слѣдующую позицію: лицомъ къ Петербургу, такъ что лѣвый флангъ упиралъ въ Днѣпръ, а правый — примывалъ къ дорогѣ на Духовщину. По другую же сторону Днѣпра, у Краснаго, позицію занимала дивизія Невѣровскаго. Тогда носились слухи, что Наполеонъ дѣйствительно приказалъ одному корпусу идти отъ Орши, усиленнымъ маршемъ, къ Смоленску, но что сіе не исполнилось изъ опасенія, ибо французы получили свѣдѣнія, что государь въ Смоленскѣ дѣластъ смотръ большому числу войскъ, при которомъ было не менѣе 200 орудій артиллеріи. Послѣднее было дѣйствительно справедливо. Это обстоятельство дало возможность 2-й арміи, которою командовалъ князь Багратионъ, соединиться съ 1-й. Багратионъ, въ чинѣ полнаго генерала, былъ старѣе Барклая; но послѣдній, кромѣ званія главнокомандующаго, носилъ еще званіе военнаго министра. Когда князь, предупредивъ прибытіе своихъ войскъ, пріѣхалъ часомъ или двумя ранѣе въ Смоленскъ, то въ ту же минуту отправился къ Барклаю; но тотъ, узнавъ, что пріѣхалъ Багратионъ, самъ поѣхалъ къ нему на встрѣчу, и оба, одинъ другому, предоставляли честь первенства. Но князь Багратионъ настоятельно самъ подчинилъ себя младшему, утверждая, что тотъ, какъ военный министр, болѣе облеченъ довѣріемъ государя. Къ несчастію, между сими двумя главными военачальниками согласіе было непродолжительно.

Утвержденіе наше около Смоленска ознаменовалось тотчасъ событіемъ, не имѣвшимъ до того времени подобнаго себѣ въ арміи.... Безпрестанное отступление отъ границы до Смоленска, какъ я уже говорилъ выше, возбудило ропотъ, но сверхъ того, оставляя большое пространство родной земли непріятелю, сол-

даты привыкли не только равнодушно смотрѣть на развореніе своего роднаго края, но даже и сами тому способствовали, рассуждая: «лучше самимъ взять, чѣмъ отдать непріятелю». Они не считали для себя особенно важнымъ преступленіемъ, если по домамъ и оставленнымъ усадьбамъ и брали что-либо, и вотъ источникъ мародерства, для котораго на русскомъ языкѣ и названія не придумано. Около Смоленска оно дошло до чрезвычайности, и главнокомандующій, скрѣпя сердце, рѣшился самою строгою мѣрою положить тому преграду. Около 20-го іюля, при собраніи отрядовъ отъ каждой части войскъ, расстрѣляли 7 человекъ на Покровской горѣ. Говорили, что въ числѣ ихъ два человека, едва-ли пиновные на самомъ дѣлѣ, подверглись той же участи. Они были уличены въ грубостяхъ военному полиціймейстеру, которому, по своему понятію, считали ни мало неподчиненными, ибо военная полиція была еще новостью для цѣлой арміи и какъ бы что-то ей чуждое. Военные у насъ привыкли смотрѣть на полицію презрительно, и этотъ взглядъ былъ распространенъ, начиная отъ солдата до высшаго начальства.

До нашествія французовъ, въ самомъ Смоленскѣ жилъ мой зять, Фроловъ, служившій тамъ при военномъ госпиталѣ смотрителемъ; сестра же моя скончалась въ мартѣ мѣсяцѣ, когда мы подошли къ Смоленску. Зять я засталъ еще въ его домѣ, но онъ уже собирался выѣхать въ слѣдъ за моей матерью, которую я успѣлъ найти у моей тетки Адамовичевой, за Смоленскомъ, верстахъ въ 15-ти. Она перебиралась въ Дорогобужъ, въ родному своему брату, весьма на-легкѣ; такъ мало думали, чтобы французы пошли далѣе Смоленска! Да и мы мечтали, что, по соединеніи обѣихъ армій, дадутъ рѣшительный отпоръ непріятелю. Конечно, были люди, которые рассчитывали и на противные результаты.

Деревня моей матери была за Днѣпромъ, верстахъ въ 6-ти отъ Смоленска, и почти въ одномъ разстояніи отъ нашихъ бивуаковъ, не проѣзжая городъ. Мужички наши съ усердіемъ, ежедневно, таскали ко мнѣ живность и другіе занасы, пока мы стояли близко къ Днѣпру, и не только я, но и мои товарищи въ эту стоянку имѣли хорошее продовольствіе; кромѣ того, я каждый день, по нѣсколько часовъ, проводилъ съ невѣстою, ибо семейство ея прожило въ Смоленскѣ дней десять, а потомъ отправи-

лось чрезъ Ельну въ Москву, незная рѣшительно, гдѣ и у кого со временемъ будутъ имѣть пристанище.

Близъ Смоленска мы простояли около двухъ недѣль. Разъ пять насъ подавали впередъ по береговой дорогѣ къ Витебску на Рудню и два раза доходили до деревни Гаврики, слѣдуя всегда на деревню Шеломецъ. А какъ въ каждой дислокаціи похода встрѣчалось это послѣднее названіе, то солдаты прозвали эти передвиженія «ошеломѣлыми», и дѣйствительно, мы сами не могли понять причину нашихъ маршей и контръ-маршей. Впослѣдствіи, Алексѣй Петровичъ Ермоловъ при мнѣ рассказывалъ, «что тогдашнее наше положеніе до такой степени было сомнительно, что одинъ Богъ могъ распутать наши дѣла..... Наполеона потеряли изъ виду: то думали, что онъ обходитъ Смоленскъ и тянется боковыми путями на Москву; то — что онъ заслонилъ намъ Петербургъ и думаетъ дать туда направленіе всей своей арміи.»

— «Одинъ разъ въ Гаврикахъ», говорилъ Ермоловъ, «я былъ въ такомъ положеніи, что едва-ли когда кто другой находился въ подобномъ. Барклай сидѣлъ среди двора одного дома на бревнахъ, приготовленныхъ для построекъ; Багратионъ большими шагами расхаживалъ по двору, и ругали, въ буквальный смыслъ, одинъ другаго: «Ты нѣмецъ! тебѣ все русское ни почемъ», говорилъ князь. «Ты дуракъ и самъ не знаешь, почему себя ты называешь кореннымъ русскимъ», возражалъ Барклай. Оба они обвиняли одинъ другаго въ томъ, что потеряли изъ виду французовъ и что собранныя каждымъ изъ нихъ свѣдѣнія, чрезъ своихъ лазутчиковъ, одни другимъ противорѣчатъ! Я же въ это время» — добавилъ Ермоловъ — «будучи начальникомъ штаба у Барклая, заботился только объ одномъ, чтобы кто-нибудь не подслушалъ ихъ разговора и потому стоялъ у воротъ, отгоняя всѣхъ, кто близко подходилъ, говоря, что «главнокомандующіе очень заняты и совѣщаются между собой».

Наконецъ, 2-го августа, когда мы стояли въ паралель дороги на Духовщину, намъ опять объявили походъ на Шеломецъ и на Гаврики. Мы выступили вечеромъ, часовъ въ девять, всю ночь таянулись нога за ногу и едва прошли верстъ 10, какъ вдругъ, въ третьемъ часу утра, услышали пушечные выстрѣлы за Днѣпромъ и насъ опять повернули, усиленнымъ маршемъ, къ Смоленску. Французы, маскируя свои движенія, между Краснымъ и

Лядами, у мѣстечка Рососны, сдѣлали дѣйствительную переправу и ударили на Невѣровскаго. Я не буду описывать то, что уже извѣсто изъ реляцій и чего самъ не видалъ; но когда мы подошли въ городу, то въ глазахъ нашихъ, по другую сторону, происходила жаркая свалка. Невѣровский, съ своими остатками, припертъ былъ уже къ самой стѣнѣ города; гренадеры были высланы къ нему на подкрѣпленіе и удержали французовъ. Справедливо-ли, но какъ тогда, такъ и послѣ слышалъ я, что возможностью подкрѣпленія Невѣровскаго гренадерами опять руководилъ случай. Гренадерами командовалъ принцъ Мекленбургскій. Вечеромъ, 2-го числа, когда была прислана въ его дивизію дислокація о походѣ, онъ такъ вѣрѣнно спалъ, что его долго не могли добудиться; будили въ нѣсколько прѣмовъ, что взяло времени около 2-хъ часовъ, и двумя часами дивизія запоздала выступленіемъ; а это опаздываніе, вмѣсто вреда, обратилось въ нашей выгодѣ. Еслибы гренадеры были нѣсколько верстъ далѣе на походѣ, французы, оттѣснивши Невѣровскаго, непремѣнно бы заняли Смоленскъ и были бы уже въ тылу нашихъ.

Бой 3-го и 4-го августа происходилъ въ виду нашихъ армій, которыя, въ теченіе 2-хъ недѣль, стояли тыломъ въ Смоленску, а лицомъ—въ Петербургу; теперь же, когда дрались за Смоленскъ, мы стояли уже повернувшись на своей оси. Наша бригада въ резервѣ стала на лѣвомъ флангѣ, противъ Раевскаго пролома, и одна изъ ротъ, вмѣстѣ съ нами составлявшая резервъ артиллерійскій, подполковника Нилуса, была отдѣлена отъ насъ и съ этого берега Днѣпра фланкировала стѣну города, у этого пролома, съ большею, конечно, славою, но безъ всякой для себя опасности; ибо въ то время, когда французскія колонны, пользуясь кустарниками и рывинами, съ этой стороны стали спускаться въ обходъ стѣны въ пролomu, удачными выстрѣлами Нилусовой батареи были удержаны и не дошли до Днѣпра, а потому не могли на этотъ разъ отрѣзать и уничтожить переправу для бѣжавшихъ за Смоленскомъ нашихъ войскъ. Но до Нилусовой батареи не долетало ни одно непріятельское ядро, ибо она стояла гораздо выше той французской батареи, которая была направлена противъ нея.

Нашею бригадою, за отдѣленіемъ Ермолова къ важнѣйшимъ занятіямъ, командовалъ полковникъ Эйлеръ. 3-го августа, когда

мы заняли нашу позицію, онъ, подойдя къ моему бивуаву, вы-
звалъ меня и сказалъ:

— «Ты хорошо знаешь, Иванъ Степановичъ, церковную службу,
и вѣрно знаешь, какое читають евангеліе, когда служатъ моле-
бенъ Божіей матери? Правда-ли, что тутъ говорится, что она про-
будетъ въ отсутствіи изъ дома три мѣсяца и потомъ возвратится
опять къ себѣ?»

Я отвѣчалъ, что хотя и говорится о трехъ мѣсяцахъ, но
это уже въ прошедшемъ, а не въ будущемъ отношеніи, и повто-
рилъ ему буквально выраженіе этого текста евангелія.

Онъ мнѣ тутъ же прибавилъ:

— «Ну, вотъ теперь на этомъ текстѣ основываютъ нашу на-
дежду! Говорятъ, что мы Смоленскъ отдадимъ французамъ, но
черезъ три мѣсяца опять будемъ тутъ же.»

Тотчасъ вынесли чудотворный образъ Божіей матери изъ
церкви, что надъ Дибровскими воротами и при этомъ пѣли
непрестанные молебны, причемъ всѣ повторяли эти слова.¹⁾

Въ то время, когда происходила самая жаркая битва въ Смо-
ленскѣ, который переходилъ на глазахъ нашихъ нѣсколько разъ
изъ рукъ въ руки, и когда городъ весь былъ объятъ пламенемъ,—
я увидѣлъ Барклая, подѣхавшаго въ батарею Нилуса и съ не-
обыкновеннымъ хладнокровіемъ смотрѣвшаго на двигавшіяся не-
пріятельскія колонны, въ обходъ Раевского, и отдававшего свои
приказанія.... Но какая злость и негодованіе были у каждого на
него въ эту минуту за наши постоянныя отступленія, за Смо-
ленскій пожаръ, за раззореніе нашихъ родныхъ, за то, что онъ
не русскій! Все, накипѣвшее у насъ, выражалось въ глазахъ на-
шихъ, а онъ, по иржежнему, безстрастно, громко, отчетливо, отда-
валъ приказанія, не обращая ни малѣйшаго вниманія на насъ.
Тутъ вдругъ увидѣли, что по мостамъ переходятъ войска наши
на эту сторону Дибпра, за ними толпою тащатся на повозкахъ
и пѣшими бѣдные смоленскіе обыватели; резервъ нашъ передви-

¹⁾ Образъ этотъ былъ теперь у насъ въ резервѣ, при ротѣ Нилуса, при ко-
торой онъ и находился въ теченіе всего похода до возвращенія въ Смоленскъ.
Пророчество это, переданное мнѣ Эйлеромъ 3-го августа, на позиціи подъ
Смоленскомъ, дѣйствительно сбылось, ибо Смоленскъ занятъ обратно
3-го ноября, в образъ этого пменно числа, внесенъ опять на Смоленскую
стѣну....

нулся за 5 верстъ на дорогу, идущую въ Порѣчье, и двѣ батареинныя роты наши заняли возвышеніе, въ перерѣзъ большой дороги, а позади расположились гвардейскіе кавалерійскіе полки. Толпы несчастныхъ смолянъ, рассыпавшихся по полю безъ крова, приюта, по немногу собирались сзади, около насъ, чтобы продолжать далѣе свое тяжелое странствованіе. Крики дѣтей, рыданія раздирали нашу душу, и у многихъ изъ насъ пробились невольно слеза и вырвалось не одно проклятiе тому, кого мы всѣ считали главнымъ виновникомъ этого бѣдствiя. Здѣсь я самъ слышалъ, своими ушами, какъ великій князь Константинъ Павловичъ, подъѣхавъ къ нашей батарее, около которой столпилось много смолянъ, утѣшалъ ихъ сими словами: «Что дѣлать, друзья! Мы не виноваты. Не допустили насъ выручать васъ. Не русская кровь течетъ въ томъ, кто нами командуетъ. А мы, и больно, но должны слушать его! У меня не менѣе вашего сердце надрывается».

Когда такіа слова вырывались изъ груди брата царева, что должны были чувствовать и что могли говорить низшаго слоя люди?

Ропотъ былъ гласный, но духъ Барклая ни мало не поколебался и онъ все хранилъ одинаковое хладнокровіе; только изъ Дорогобужа онъ отправилъ великаго князя съ депешами къ государю, удостовѣривъ его, что этого порученія, по важности, онъ никому другому довѣрить не можетъ. Великій князь, какъ говорить, рвалъ на себѣ волосы и сравнивалъ свое отправленіе съ должностію фелдъегеря. Въ этомъ случаѣ, Барклая обвинять нельзя. Трудно повелѣвать надъ старшими себя и отвѣчать за нихъ же. А великій князь и Багратионъ были старѣе Барклая; и они оба роптали не менѣе другихъ.

На этой позиціи мы простояли только нѣсколько часовъ, потомъ насъ повели по дорогѣ на Духовщину. Едва мы сдѣлали нѣсколько верстъ, какъ насъ своротили по проселку, на большую дорогу изъ Смоленска въ Москву. Проселекомъ мы шли около 20-ти верстъ, и на дорогѣ имѣли ночлегъ. Этотъ переходъ былъ до такой степени затруднителенъ, что колонны безпрестанно останавливались, ибо, кромѣ того, что по этой дорогѣ едва-едва могла пробраться крестьянская телега въ одиночку, — до такой степени она была узка, — она, сверхъ того, была вся въ горахъ и

пересѣчена источниками, на которыхъ еле держались мосты, а другіе-таки просто обрушивались подъ орудіями. Наконецъ, мы стали вытягиваться на большую дорогу въ 16-ти или 18-ти верстахъ отъ Смоленска.

Послѣ слышалъ я сужденіе Ермолова, что здѣсь была самая важная ошибка въ эту кампанію. Багратіонъ шель уже по Московской дорогѣ; мы были въ гористыхъ ущельяхъ; французы, хотя и не перешли Днѣпра, но уже стояли почти противу того пункта, гдѣ мы гусемъ выходили изъ ущелья, и у нихъ подъ носомъ былъ бродъ; такъ что, ежели бы Жюно схватился и перешель чрезъ Днѣпръ, мы всѣ живьемъ были бы перехвачены или самое лучшее еще—отрѣзаны опять отъ Багратіона и отброшены въ Духовщинѣ, тогда бы намъ другаго пути не было, какъ идти на Бѣлую и оттуда искать случая вновь соединиться съ Багратіономъ. Но, къ нашему счастью, казаки, не помню теперь, подъ командою Исаева или Карпова, цѣпью своей такъ хорошо закрывали наше критическое положеніе и удерживали натиски французской кавалеріи, переправленной, безъ пѣхоты, за Днѣпръ, что мы этому обязаны своимъ спасеніемъ. Когда мы вышли на большую дорогу, тогда гренадеры обращены были къ Валутиной горѣ и тамъ, твердостью своею, загородили путь французскому напору въ преслѣдованіи насъ.

Выйдя на большую дорогу, мы благополучно слѣдовали къ Дорогобужу. Здѣсь со мною встрѣтился странный случай. Года за четыре, бывши въ отпуску, ѣдиль я изъ Смоленска, проселкомъ, къ дядѣ моему, въ деревню Михайловку, находящуюся верстахъ въ 8-ми отъ Дорогобужа, въ сторону къ Смоленску. Въ Дорогобужѣ я не былъ и мѣстности не зналъ. Когда мы теперь пришли къ Дорогобужу, насъ поставили въ позицію: разумѣется, армія впереди, а резервъ — позади ея. Меня откомандировали фуражировать въ тылу нашихъ. Я поѣхалъ по проселку и слѣдалъ верстъ 10. Приѣхавши въ одну деревню, приказалъ командѣ отправиться по дворамъ для отысканія овса и сѣна, а самъ остался у входа въ селеніе. Вдругъ подходитъ ко мнѣ человѣкъ и называетъ меня по имени. Не узнавши его, я спрашиваю, кто онъ и что ему нужно? Онъ отвѣчаетъ, что онъ—человѣкъ моего дяди и что удивляется, какъ я приѣхалъ на эту дорогу за французами, ибо французы въ 2-хъ верстахъ отсюда по дорогѣ отъ

Ельни къ Дорогобужу. Изъ словъ его замѣчая, что французы обходятъ уже Дорогобужъ, я сталъ подробнѣе его разспрашивать, и за чѣмъ онъ самъ тутъ, ибо я полагалъ, что деревня дяди, Михайловка, уже нами пройдена и находится впереди нашей линіи. Какъ же я удивился, и вмѣстѣ съ этимъ испугался, когда онъ удостоверилъ, что эта и есть самая деревня дяди и что я, вмѣсто того, чтобы ѣхать въ тылъ арміи, самъ теперь нахожусь впереди оной и почти на носу у французовъ! Собравши фуражировъ, я пошелъ на рыскахъ къ ротѣ, но роту уже не нашелъ на старомъ мѣстѣ, а на новой позиціи, и въ проѣздъ мой я уже перерѣзалъ передовую линію. Это обстоятельство долго было для меня загадкою; но въ 1830 году, когда я служилъ въ Тулѣ и Ермоловъ былъ у меня, въ разговорѣ съ нимъ, я коснулся этого обстоятельства и онъ вдругъ остановилъ меня вопросомъ: «Какъ ты знаешь это? Вѣдь это наша государственная тайна! За нее Багратіонъ настаивалъ, чтобы нашего тогдашняго генераль-квартирмейстера Толля, ежели не разстрѣлять, то, по крайней мѣрѣ, облечь въ «бѣлый крестъ»¹⁾ (т. е. разжаловать въ солдаты), ибо онъ расположилъ подъ Дорогобужемъ армію такъ, что она стояла тыломъ къ французамъ, а лицомъ—къ Москвѣ.» Я объяснилъ Ермолову все мною написанное выше.

По прибытіи къ арміи—Кутузова, духъ солдатъ ожилъ и мы положительно уже стали готовиться къ сраженію. Около Бородина первая наша позиція, т. е. резерва, была лѣвѣе, сзади онаго, и 24-го числа я тутъ встрѣтилъ Б. Н. Гольцова, мужа старшей сестры моей невѣсты; онъ сообщилъ мнѣ послѣднее о ней свѣдѣніе, которое я имѣлъ въ Россіи, и чрезъ него я написалъ къ ней. Въ этотъ день французы дѣлали большое обозрѣніе нашихъ войскъ и упорно насъ атаковали, такъ что ядра ихъ ложились даже у насъ, въ резервѣ, около нашихъ орудій, хотя и безъ вреда намъ. Того же числа насъ подвинули впередъ, къ самой линіи, и расположили насъ на лѣвомъ флангѣ арміи, гдѣ мы и провели все 25-е августа 1812 г.

26-го августа, по утру съ зарею, раздался первый пушечный выстрѣлъ, и этотъ звукъ уже не прерывался до захожденія солнца.

¹ Въ то время ремни, поддерживающіе ранцы, были бѣлые и сходились крестъ-на-крестъ на груди у солдатъ,—вотъ на что намекалъ Ермоловъ.

При самомъ началѣ, рота наша хотя и не была въ линіи и стояла позади батарейной роты гр. Аракчеева, но ядра долетали до насъ и много насъ тревожили; одно изъ нихъ разбило колесо подъ однимъ орудіемъ и, сдѣлавъ рикошетъ, поднялось прямо надъ моей головой, такъ что повышеніе онаго отъ земли мнѣ было видимо и я, едва успѣвъ присѣсть, почувствовалъ, что воздухомъ отъ полета ядра какъ будто ударило меня въ поясницу, отчего я весь согнулся. Солдаты закричали: «поручика убило!» но я, выпрямившись, отвѣчалъ: «Погодите, ребята! Мы еще не у мѣста. Вотъ посмотримъ, что будетъ, когда сами будемъ въ дѣлѣ!» Часа два мы были на этомъ мѣстѣ, потомъ намъ приказано было отойти назадъ, сближаясь съ центромъ. Тутъ мы простояли часу до перваго, вѣн выстрѣловъ, и успѣли даже пообѣдать. Но едва кончили нашу закуску, какъ подѣхалъ какой-то адъютантъ. Послѣ мы узнали, что это былъ одинъ изъ адъютантовъ Дохтурова — Дохтуровъ же.

— «Гдѣ здѣсь батарейная рота капитана Гогеля?» закричалъ онъ.

Я и поручикъ Столыпинъ вскочили и подбѣжали къ нему, закричавъ: «Наша!» Гогель же началъ объясняться, что хотя это рота и его, но она не батарейная, а легкая. Не различая этого, Дохтуровъ сказалъ намъ, что мы должны идти на лѣвый флангъ, гдѣ намъ онъ укажетъ мѣсто. Гогель сталъ-было затрудняться, но мы, а вмѣстѣ и всѣ прочіе офицеры настояли, чтобы идти туда. Дохтуровъ поѣхалъ впередъ и повелъ насъ кустарниками, почти безъ дороги; а какъ въ этомъ пунктѣ ядра ложились въ учащенномъ количествѣ, то нашъ вожатый началъ забирать лѣвѣе и лѣвѣе, дабы выйти изъ-подъ выстрѣловъ. Но едва мы вышли изъ кустовъ, какъ по насъ раздался залпъ и мы прямо очутились предъ двухъ-ярусной непріятельской батареею. Адъютантъ поскакалъ назадъ. Гогель смѣшался, крича ему въ слѣдъ: «Покажите намъ мѣсто!» Я же, будучи впереди, при первомъ орудіи, тронулся, скомандовавъ: «рысью», и, встанувшись въ интервалъ двухъ колонъ въ линіи, закричалъ: «выстраиваться въ лѣво!» Нижняго яруса непріятельская батарея дала нѣсколько выстрѣловъ картечью, а верхняя пустила ядрами, такъ что въ одно время ядромъ убило лошадь подъ Гогелемъ и оконтузило картечью подпоручика Ваксмута, который былъ при сосѣднихъ отъ меня

орудіяхъ. Мы распорядились сами и открыли огонь. Нижняго яруса батарея тотчасъ же отошла къ верхней, но зато ядра просто посыпались на насъ, какъ градъ — и мы едва-едва простояли съ часъ. Множество людей выбыло изъ фронта, довольно перебито лошадей и подбито 3 или 4 лафета.

Гогель давно уже послалъ извѣстить о нашемъ трудномъ положеніи и насъ смѣнила другая легкая рота Вельяминова; но какъ и онъ получилъ контузію, то этою ротою командовалъ Лодыгинъ. Когда подъ Гогелемъ убили лошадь, онъ былъ возлѣ меня. Упавши вмѣстѣ съ конемъ, онъ едва выпуталъ ноги и, весь блѣдный, дотащился до меня. «Что же это ты, Александръ Григорьевичъ?» сказалъ я ему, «или тебѣ сѣдла не жаль? Вели снять, а то послѣ будетъ поздно!» и приказалъ это солдату сдѣлать; самъ же Гогель не въ состояніи былъ и этого приказать.

Когда нашу роту смѣнили, мы пошли на прежнее мѣсто, но уже другимъ и гораздо кратчайшимъ путемъ. Тутъ передъ сумерками подъѣхалъ какой-то адъютантъ, сталъ разспрашивать насъ о нашихъ потеряхъ и поврежденіяхъ, записывая все карандашемъ, и объявилъ именемъ Кутузова, чтобы мы на завтра были бы готовы сами атаковать французовъ, чему мы очень вѣрили; но когда смерелось, то получили другое приказаніе — идти назадъ къ Можайску.

Подъ Можайскомъ, гдѣ всѣ наши 4 роты сошлись опять вмѣстѣ, возникъ споръ у офицеровъ батареинной роты его высочества съ Лодыгинымъ, который утверждалъ, что офицеры первой роты много прихвастываютъ, за что вступился подпоручикъ князь Михайла Горчаковъ и вызвалъ Лодыгина на дуэль. Они дрались на сабляхъ и Лодыгинъ получилъ рану въ руку, и затѣмъ помирились. Поводомъ же къ спору послужило составленіе реляціи о сраженіи и представленіе въ наградамъ.

Когда мы дошли до Москвы, то на бивуакахъ, при деревнѣ Фили, 1-го сентября, Вельяминовъ, князь Горчаковъ, я и еще нѣсколько изъ нашихъ товарищей, обѣдали у поручика Столыпина. Передъ самымъ обѣдомъ зашелъ ко мнѣ и къ Вельяминову артиллерійскій штабсъ-капитанъ Фигнеръ; мы его пригласили съ собой въ Столыпину, и тутъ зашелъ разговоръ, въ которомъ Фигнеръ съ горячностью сталъ утверждать, «что настоящая война — есть война народная; что она не можетъ быть ведена

на общихъ правилахъ; что ежели бы ему дали волю и дозволеніе выбрать человекъ 50 охотниковъ, онъ пробрался бы внутрь французскаго лагеря, до мѣста пребыванія Наполеона, и непременно бы убилъ его, и хотя увѣренъ, что и самъ бы живъ не остался, но охотно бы пожертвовалъ жизнью!—

Противъ этихъ мыслей возникло много возраженій и предположеніе это называли варварствомъ. Но когда кончился обѣдъ, Фигнеръ обратился съ просьбой къ Вельяминову, чтобы онъ вмѣстѣ съ нимъ отправился къ начальнику штаба, Ермолову, и поддержалъ бы его вызовъ на партизанство, что тотъ охотно исполнилъ.

2-го сентября 1812 г., противу всякаго ожиданія, въ ночь, мы оставили Москву и расположились по рязанской дорогѣ. Отсюда мы видѣли зарево пожара, уничтожавшаго нашу древнюю столицу. Черезъ нѣсколько дней, легкія роты были раздѣлены на половины, и мнѣ съ одною изъ таковыхъ пришлось состоять при Семеновскомъ полку, которымъ тогда командовалъ полковникъ Посниковъ. Впрочемъ, это причисленіе ничего особеннаго не значило, ибо во время похода рота всегда соединялась вмѣстѣ, а только при квартирномъ расположеніи, на возвратномъ походѣ, каждая половина располагалась вмѣстѣ съ полкомъ. Полковникъ Посниковъ былъ такъ ко мнѣ внимателенъ, что нѣсколько разъ приглашалъ меня квартировать съ собой.

Съ рязанской дороги, мы, боковыми трактами, перешли на валажскую, около города Подольска, а потомъ подались черезъ Тарутино до деревни Латышевки, гдѣ была главная квартира Кутузова, а гвардія передъ этой деревней—на бивуакахъ. Мы стояли на одномъ мѣстѣ до 6-го октября.

6-го октября было извѣстное дѣло подъ Тарутинимъ. Какъ ни маловажно было это дѣло по своему исходу, какъ ни старалось все начальство путать, гдѣ безъ пользы погибъ достойный сожалѣнія храбрый генералъ Багговутъ, тѣмъ не менѣе, мы всѣ въ лагерьъ ликовали этой побѣдѣ. Во-первыхъ, это была, если можно сказать, наша первая побѣда надъ французами, которые отъ насъ бѣжали, между тѣмъ какъ мы до сего времени все отъ нихъ уходили, и во-вторыхъ, значить, чувствовали себя уже на столько сильными, а французовъ не такими грозными, что перешли въ наступленіе.

Въ лагерѣ много продавалось казаками изъ вещей, принадлежавшихъ неаполитанскому королю Мюрату, весь обозъ котораго былъ захваченъ казаками и разграбленъ. Пришелъ мнѣ на память одинъ замѣчательный случай: въ числѣ продаваемыхъ вещей былъ какой-то темно-пунцовый бархатный кафтанъ Мюрата, вышитый на груди, на спинѣ и по подолу золотомъ, отороченный какимъ-то мѣхомъ, и такого же цвѣта бархатная шапка, на манеръ конфедератовъ, но безъ пера; все это купилъ за ничтожную цѣну, кажется за 5 рублей, офицеръ нашей бригады, Добрынинъ, и посаѣ одной попойки, происходившей у князя Горчакова, когда уже порядочно нагрузились, пришла шутовская мысль намъ одѣть Добрынина въ мюратовское платье, воткнуть въ шапку, вмѣсто недостающаго пера, красный пампонтъ мушкетерскій и въ такомъ нарядѣ пустить его по всему лагерю. Эффектъ произошелъ необыкновенный! Гдѣ мы ни проходили, всѣ выбѣгали изъ палатокъ и съ хохотомъ присоединялись къ намъ. Дежурный генералъ Коновницынъ, Кайсаровъ и многіе другіе изъ штабныхъ и близкихъ лицъ главнокомандующаго раздѣляли нашу общую веселость.

Вдругъ показались дрожки и на нихъ Кутузовъ, который съ изумленіемъ глядитъ на эту толпу, которая съ хохотомъ и шутками приближается къ нему. Онъ остановился, зоветъ къ себѣ Добрынина и спрашиваетъ: кто онъ такой? Тотъ называетъ себя и на новый вопросъ: офицеръ онъ или нѣтъ? отвѣчаетъ, что онъ офицеръ.

— «Стыдно, господинъ офицеръ», громко и явственно заговорилъ Кутузовъ, глядя сердито на несчастнаго Добрынина, а равно и на всѣхъ насъ. «Не подобаетъ и неприлично русскому офицеру наряжаться шутомъ, а вамъ всѣмъ этимъ потѣшаться, когда врагъ у насъ сидитъ въ матушкѣ-Москвѣ и полчища его топчутъ нашу родную землю. Плакать нужно, молиться, а не комедіи представлять; повторяю вамъ всѣмъ, что стыдно! Такъ и передайте всѣмъ своимъ товарищамъ, кого здѣсь нѣтъ, что старику Кутузову въ первый разъ въ жизни случилось покраснѣть за своихъ боевыхъ товарищей. Ступайте, такъ и скажите, что я за васъ покраснѣлъ! А ты, голубчикъ» — продолжалъ Кутузовъ обращаясь къ Добрынину, который стоялъ все время какъ ошпаренный — «ступай поскорѣе къ себѣ домой, переѣхни

это дурацкое платье и отдай его поскорѣ кому-нибудь, чтобы оно не кололо тебѣ глаза.»

Можете себѣ представить, какъ мы себя чувствовали послѣ такого неожиданнаго урока и какъ всѣмъ намъ было совѣстно глядѣть другъ другу въ глаза! Куда дѣвался и хмѣль!

Въ ночь съ 11-го на 12-е октября мы пошли къ Малому-Ярославцу, на перерѣзъ пути французской арміи.

Подъ Малымъ-Ярославцемъ сраженіе происходило въ виду нашемъ и на походѣ одно непріятельское ядро упало на мою батарею. Это было единственное ядро, которое удостоило долетѣть до гвардіи.

Къ ночи, за моей батареею разбита была палатка, принадлежавшая Семеновскаго полка штабсъ-капитану Кошкареву; въ ней ночевалъ Кутузовъ. Около 10-ти часовъ вечера, когда онъ, вѣроятно, начиналъ засыпать, вдругъ пальба, прекратившаяся совершенно у города часу въ восьмомъ, внезапно открылась въ большомъ размѣрѣ. Кутузовъ вышелъ изъ палатки и съ сердцемъ сказалъ:

— «Охъ, ужъ этотъ мнѣ Дмитрій Сергѣевичъ (Дохтуровъ), и уснуть не дастъ! Оставилъ бы ихъ, провлятыхъ, въ покоѣ. Кашиаровъ! Пошли узнать, что это за тревога?» Потомъ, войдя въ палатку, онъ проспалъ уже до разсвѣта, до новаго похода.

На одномъ изъ маршей, Кутузовъ, на дрожкахъ, подѣхавъ къ Семеновскому полку, впереди котораго ѣхали верхомъ Посниковъ, я и другіе ближайшіе офицеры, объявилъ намъ, что перехваченъ курьеръ, везшій извѣстіе къ Наполеону о Маллетовскомъ заговорѣ, возникшемъ въ Парижѣ. Разсказавъ подробно обстоятельства этого дѣла, онъ прибавилъ: «я думаю, собачьему сыну эта вѣсточка не по нутру будетъ. Вотъ что значить не законная, а захваченная власть!»

Кутузовъ былъ вообще краснорѣчивъ; но при солдатахъ и съ офицерами онъ всегда говорилъ такимъ языкомъ, который бы имъ врѣзывался въ память и ложился бы прямо на сердце.

Въ одну деревню, гдѣ назначена была квартира для Семеновскаго полка и вмѣстѣ главная квартира Кутузова, онъ пріѣхалъ впередъ одинъ, въ крытыхъ саняхъ, парю, и съ конвоемъ двухъ только казаковъ. Сани вѣхали во дворъ, а самъ онъ вошелъ въ избу и усѣлся на скамьи. Квартиргеръ полка, подпоруч-

чизъ Буйницкій, прибывшій туда незадолго, для занятія квартиры, внезапно воѣхалъ въ ту же избу и, найдя неожиданно главнокомандующаго, оробѣлъ и спѣшилъ выйти. Кутузовъ остановилъ его и спросилъ:

— «Какого полка и что тебѣ надобно, мой другъ?»

Буйницкій отвѣчалъ: «Семеновскаго, прибылъ для занятія квартиры».

— «Чего же ты испугался меня и бѣжишь вонъ», продолжалъ Кутузовъ, «а еще гвардеецъ, и не нашелся! Обожди. Присядь со мной и побесѣдуемъ вмѣстѣ. Успѣешь еще занять квартиры—полкъ далеко». Усадилъ его съ собой и продержалъ съ четверть часа.

Такъ какъ я пишу здѣсь не реляціи, а то, что случилось со мной, или что до слуха моего доходило необыкновеннаго, то, не вдаваясь въ подробности преслѣдованія непріятеля отъ Малаго-Ярославца до Краснаго, въ которомъ мнѣ ни разу не пришлось дѣйствовать, перейду просто уже къ Красному.

3-го ноября мы подошли къ Красному. Тутъ, послѣ сильныхъ морозовъ, начавшихся отъ Вязьмы и продолжавшихся дней 10-ть, сдѣлалась сильная оттепель. На дневкѣ, вечеромъ, часу въ пятомъ, Кутузовъ объѣзжая бивуаки, подѣхалъ къ Семеновскому полку. За нимъ ѣхало человекъ пять генераловъ, въ числѣ которыхъ были принцъ Александръ Виртембергскій, Опперманъ и Лавровъ, а позади ихъ семь человекъ конногвардейцевъ везли отбитые у непріятеля знамена.

— «Здравствуйте, молодцы-семеновцы!» закричалъ Кутузовъ. «Поздравляю васъ съ новою побѣдою надъ непріятелемъ. Вотъ и гостинцы везу вамъ! Эй, кирастры! Нагните орлы пониже! пускай кланяются молодцамъ! Матвѣй Ивановичъ Платовъ доноситъ мнѣ, что сегодня взялъ 115-ть пушекъ и сколько-то генераловъ.... не помнишь-ли ты, Опперманъ, сколько именно?»

Опперманъ отвѣчалъ: «15-ть».

— «Слышите-ли, мои друзья, 15-ть, т. е., 15-ть генераловъ! Ну, если бы у насъ взяли столько, то остальныхъ сколько бы осталось? Вотъ, братцы, пушки пересчитать можно на мѣстѣ, да и тутъ не вѣрится; а въ Питерѣ скажутъ: «хвастаютъ!»

Затѣмъ Кутузовъ подѣхалъ къ палаткѣ генерала Лаврова, командовавшаго въ то время 1-й гвардейской пѣхотной дивизіей

и расположившагося за Семеновскимъ полкомъ. Кутузовъ и прочіе генералы сошли съ лошадей и приготовились пить чай у Лаврова. Тутъ же кирасиры сошли съ лошадей, стали въ кружокъ и составили изъ знаменъ навѣсъ, въ родѣ шатра. Кто-то изъ офицеровъ, подойдя къ знаменамъ, сталъ читать надписи, на одномъ изъ нихъ, вслухъ всѣ тѣ сраженія, въ которыхъ отличался тотъ полкъ, которому принадлежало знамя, и въ числѣ прочихъ побѣдъ прочелъ: «Аустерлицъ!»

— «Что тамъ», спросилъ Кутузовъ, «Аустерлицъ? Да, правда! Жарко было и подъ Аустерлицемъ! Но омываю руки мои предъ всѣмъ войскомъ: неповинны онѣ въ крови аустерлицкой! Вотъ, хотя бы и теперь, къ слову, не далѣе какъ вчера, я получилъ выговоръ за то, что капитанамъ гвардейскихъ полковъ, за Бородинское сраженіе, далъ брилліантовые кресты въ награду. Говорятъ, что брилліанты—принадлежность кабинета и что я нарушаю предоставленное мнѣ право. Правда, и въ этомъ я безъ вины виноватъ. Но ежели по совѣсти разобрать, то теперь каждый, не только старый солдатъ, но даже и послѣдній ратникъ, столько заслужили, что осыпъ ихъ алмазами, то они все еще не будутъ достаточно награждены. Ну, да что и говорить! Истинная награда не въ крестахъ или алмазахъ, а просто въ совѣсти нашей. Вотъ здѣсь встати я расскажу о дошедшей мнѣ наградѣ. Послѣ взятія Измаила, я получилъ звѣзду св. Георгія; тогда эта награда была въ большой чести. Я думаю, здѣсь есть еще люди, которые помнятъ молодаго Кутузова. (Тутъ Кутузовъ вздернулъ носъ къверху). Нѣтъ? Ну, послѣ! Когда мнѣ матушка-царица приказала прибыть въ Царское Село, къ себѣ, я поспѣшилъ выполнить ея приказаніе—поѣхалъ. Приѣзжаю въ Царское. Приемъ мнѣ былъ назначенъ парадный. Я вхожу въ залу въ одну, въ другую, всѣ смотрятъ на меня, а ни на кого и смотрѣть не хочу. Иду себѣ и думаю, что у меня Георгій на груди? Дохожу до кабинета, открываются двери; что со мною случилось? И теперь еще не опомнюсь! Я забылъ и Георгія, и то, что я Кутузовъ. Я ничего не видѣлъ, кромѣ небесныхъ, голубыхъ очей, кромѣ царскаго взора Екатерины. Вотъ была награда!» И съ чувствомъ, постепенно понижая голосъ,¹⁾ Кутузовъ пріостановился—и все вкругомъ его молчало.

¹⁾ Зачеркнуто: «какъ актеръ».

Потомъ весь этотъ разсказъ онъ повторилъ на французскомъ языкѣ принцу Александру Виртембергскому, видимо съ цѣлью, чтобы отъ него перешло это выше—въ Петербургъ....

Тутъ одинъ изъ офицеровъ Семеновскаго полка сказалъ громко:

— «Не правда-ли, какъ эта сцена походитъ на сцену изъ трагедіи «Дмитрій Донской» (трагедія Озерова)!

Поснижковъ закричалъ: «Ура! спасителю Россіи!» и громкое «ура» понеслось и разлилось по всему войску. Столь неожиданный восторгъ тронулъ каждого изъ присутствующихъ, а Кутузова, конечно, болѣе всѣхъ.

Онъ вдругъ всталъ на скамейку и закричалъ: «Полноте, друзья, полноте! Что вы! Не мнѣ эта честь, а слава русскому солдату!» и потомъ, бросивъ вверхъ свою фуражку и сильно возвысивъ свой голосъ, закричалъ: «Ура! ура! ура! доброму русскому солдату....»

Потомъ, когда «ура» утихло, Кутузовъ усѣлся опять на скамью и, обращаясь къ Лаврову, продолжалъ такъ:

— «Гдѣ это собачій сынъ сегодня ночуетъ? Я знаю, что въ Лядахъ онъ не уснетъ покойно. Александръ Нивитичъ (партизанъ Сеславинъ, въ это время только капитанъ гвардіи) далъ мнѣ слово, что онъ сегодня не дастъ ему покоя. Вотъ послушайте, господа, какую мнѣ прислалъ побасенку нашъ краснобай Крыловъ: Собрался волеѣ на псарню, псовъ потревожить. Войди-то онъ вошелъ, да вотъ какъ пришлось выбираться оттуда—давай за умъ! Собаки на него стаю, а онъ въ уголъ, ошетинился и говорить: «Что вы, друзья! За что это вы на меня? Я не врагъ вамъ. Пришелъ только посмотреть, что у васъ дѣлается, а вотъ сейчасъ и вонъ пойду». Но тутъ подоспѣлъ псарь, да и отвѣчаетъ ему: «Нѣтъ, братъ волчище, не провести тебѣ ниясь! Правда! ты сѣрый уменъ, но и я, дружище, сѣдъ уже и не глупѣе тебя»; (тутъ Кутузовъ снялъ шапку и рукою, кругомъ головы, показавъ сѣдины свои), «не уберешься такъ легко отсюда, «какъ пришелъ сюда!»—и пустилъ стаю псовъ на него»,—прибавилъ онъ. Громкое «ура» повторилось вновь по войску!...

Эта сцена разсказана не вполне вѣрно Данилевскимъ въ его «Исторіи войны 1812 года» со словъ Вахсмута, бывшаго въ моей полуротѣ подпоручикомъ и находившагося тутъ же, вмѣстѣ со мной. Здѣсь сцена эта описана съ историческою вѣрностью.

Около Краснаго, верстахъ въ 12-ти, находится деревня моего двоюроднаго брата Платона Васильевича Жиркевича. Въ молодыхъ лѣтахъ, дослужившись до чина надворнаго совѣтника и въ званіи оберъ-секретаря сената, онъ, женившись, оставилъ службу. Не зная никакого языка, кромѣ русскаго, безъ особеннаго образованія, онъ слылъ всегда, однакоже, умнымъ и дѣловымъ человекомъ и неоднократно приглашаемъ былъ дворянствомъ и начальствомъ на службу, по выборамъ, но рѣшительно и всегда отъ сего отказывался; занимался же болѣе всего торговлей, сплавляя изъ Порѣчья хлѣбъ, по Двинѣ, въ Ригу. Въ 1812 году у него скопилось хлѣба въ Ригѣ 2-хъ-годовая пропорція, по случаю запрещенія вывоза онаго за границу. Когда открылась кампанія, по всѣмъ вѣроятіямъ, можно было предполагать, что хлѣбъ примутъ въ казну, и онъ въ началѣ іюня, лично для сего отправился въ Ригу. Но какою же былъ ему сюрпризъ, когда, вмѣсто обращенія на продовольствіе, приказано было всѣмъ магазицамъ, на форштатѣ, предъ крѣпостью, гдѣ былъ сложенъ и его хлѣбъ — предать огню! И онъ, бѣдняга, оставивъ дома беременную жену на сносяхъ, долженъ былъ немедленно выбраться изъ Риги и двѣ станціи шелъ пѣшкомъ. Къ Смоленску онъ прибылъ 1-го или 2-го августа и нашелъ жену уже въ Смоленскѣ. На вопросъ, какъ и когда она туда прибыла? — она отвѣчала ему, что только наканунѣ выбралась изъ дома и ровно ничего не взяла съ собой. Проводивъ жену къ одному родному своему, верстъ за 20, за Смоленскъ, онъ верхомъ поспѣшилъ къ себѣ въ деревню, чтобы захватить серебро и часть одежды. Но едва добрался до дома, какъ окруженъ былъ французами и посаженъ подъ присмотръ. Жена его родила 6-го августа. Когда французы положительно заняли всю Смоленскую губернію, тогда она отправилась обратно къ мужу, который, присутствіемъ своимъ въ деревнѣ, спасъ свое имущество отъ расхищенія вполне, такъ какъ въ нему въ домъ поставленъ былъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, караулъ для присмотра за нимъ; а за тѣмъ, по неимѣнію въ виду значительныхъ помѣщиковъ и по знанію о личномъ уваженіи къ нему сосѣдей, онъ былъ назначенъ французскимъ начальствомъ подпрефектомъ Смоленской провинціи. Префектомъ же былъ опредѣленъ нѣкто Г. (В.) Сольтской (?), помѣщикъ Могилевской губерніи.

Когда мы расположились у Краснаго и узнавъ, что мы бу-

демъ дневать тутъ, я отпросился у полковника съѣздить въ деревню брата, узнать что-нибудь объ его участи, и каково же было мое удивленіе, когда я засталъ тамъ все семейство и услыхалъ всѣ подробности, выше мною описанныя. Я тотчасъ посовѣтовалъ брату ѣхать въ главную квартиру и тамъ объяснить все дѣло. Послѣдствія были очень непріятныя для него, и только одинъ милостивый манифестъ 12-го декабря успокоилъ его личность, хотя совѣсть нисколько и никогда его не упрекала. Свиданіе же мое съ нимъ доставило мнѣ нѣсколько удовольствія, а важнѣе всего я получилъ тулупъ, хотя простой и крытый затрапезомъ, но когда я явился въ немъ на бивуаки, товарищи мои встрѣтили меня съ большою завистью.

По возвращеніи моемъ къ ротѣ, узналъ я, что капитанъ мой Гогель, который оставался старшимъ артиллерійскимъ офицеромъ при гвардіи, получилъ приказаніе — отрядить одну полуроту съ егерскимъ полкомъ, назначеннымъ въ особый отрядъ, для встрѣчи идущей отъ Смоленска въ Красному, французской колонны. Я убѣдительно просилъ его командировать меня туда, но онъ отказалъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что не можетъ самъ остаться только при 6-ти орудіяхъ своей роты, бывши начальникомъ, когда другая рота, состоящая въ его командѣ, будетъ оставаться безъ раздробленія, въ комплектѣ, и назначилъ изъ той роты Вельяминова, а при немъ — Лодыгина и Зварковскаго.

Эта полурота, на другой день, не наведя на себя ни одного непріятельскаго выстрѣла, поврѣлась честью отличнаго подвига, такъ что Вельяминовъ и Лодыгинъ получили георгіевскіе кресты, а Зварковскій — золотую шпагу. На мою же долю только пришлось нѣсколько благосклонныхъ словъ прямо отъ Кутузова, и вотъ по какому случаю.

Послѣ оттепели, сдѣлался легкій морозецъ. На походѣ моя полурота перевозилась съ одной горы на другую и тутъ же подѣхалъ въ крытыхъ санихъ Кутузовъ. Пара, везшая его, была не подкована, и при началѣ спуска съ горы одна лошадь упала. Я тотчасъ же приказалъ солдатамъ спустить сани съ горы и на себѣ поднять ихъ на другую сторону. Кутузовъ, увидя мою заботливость, велѣлъ подовзвать меня къ себѣ, и когда я подошелъ, спросилъ, какъ меня зовутъ? Получивъ отвѣтъ, сказалъ мнѣ: «Припомни, другъ мой Жиркевичъ, меня старика подъ старость.

Какъ ты меня бережешь, старика, такъ и тебя когда-нибудь беречь стануть!»

Въ этотъ же день я видѣлъ, до какой степени начали доходить съ одной стороны отчаяніе, а съ другой стороны ожесточеніе въ этой войнѣ. При выходѣ нашемъ на большую дорогу, путь нашъ пересѣлся гвардейскимъ егерскимъ полкомъ. Вдругъ я вижу, что въ рядахъ онаго преспокойно идетъ себѣ одинъ французскій солдатъ, съ ружьемъ на плечѣ. Онъ до такой степени былъ обезумѣвшимъ, что, конечно, полагалъ себя въ тылу своихъ товарищей. Но тутъ замѣтилъ его одинъ егерскій солдатъ и не говоря ни слова, прикладомъ ударилъ его по головѣ такъ, что тотъ, безъ чувствъ, упалъ на землю. Я сталъ строго за сіе выговаривать ударившему, но тотъ съ жестокостью возразилъ мнѣ:

— «Ваше благородіе! у меня не стало ни отца, ни матери отъ этихъ бестій; и другаго утѣшенія не имѣю, какъ не щадить ни одного изъ нихъ; я поклонялся передъ Богомъ въ этомъ».

Въ Копысѣ мы простояли три дня. Сюда прибылъ изъ Петербурга великій князь Константинъ Павловичъ, и первымъ приступомъ его къ начальству надъ гвардейскимъ корпусомъ было требованіе, чтобы офицеры не отступали, на походѣ, отъ установленной формы. Но главнокомандующій отдалъ приказъ противъ этого и требовалъ, чтобы каждый сберегалъ здоровье свое, одѣвался теплѣе, но избѣгалъ безобразія. Со всѣмъ тѣмъ, не взирая на то, что морозы доходили до 25°, великаго князя мы иначе не видали на походѣ, какъ верхомъ, въ шпензерѣ сверхъ мундира, и всегда въ шляпѣ.

Изъ Копыса мы опять пошли боковою дорогою и вышли на большую—уже у Опшмянъ. Здѣсь (верстъ 40 или 50 до Вильны) намъ представилось зрѣлище нанужаснѣйшее, подобнаго которому не случалось никогда видѣть и на поляхъ битвъ.... Морозы стояли постоянно около 30°, при жестокихъ мятеляхъ и вѣтрѣ, дувшемъ все время намъ въ лицо; слѣдовательно, и колонновожатые наши, т. е., французы, претерпѣвали ту же участь, но только съ тою разницею, что мы въ своемъ климатѣ болѣе или менѣе освоились съ этими непогодами, а имъ она была въ диковинку и въ новинку. Но и у насъ было не безъ бѣдъ. Очень и очень часто случалось видѣть даже гвардейскихъ молодцовъ, замерзающихъ на дорогѣ, а пособить было нечѣмъ. Въ рядахъ

ослабѣть солдатъ, не можетъ идти, оставляютъ его за собою, въ ожиданіи слѣдующихъ за корпусомъ подводъ и обоза, а для присмотра за нимъ остается свѣжій и исправный товарищъ его. Но не только обывательскія, но даже обозныя лошади, не бывъ подкованы, по гололедицѣ едва передвигали ноги и только на дневкахъ, или уже на другой день, утромъ, когда полки выходили въ новый походъ, достигали бывшаго ночлега. А между тѣмъ, не только ослабѣвшій, но и оставшійся при немъ, засыпали сномъ вѣчнымъ, и эта смерть для слабого была менѣе страшна, чѣмъ для бодрого человѣка, ибо послѣдній видитъ заблаговременно то, что и его ожидаетъ тоже самое, когда онъ начнетъ слабѣть.

Болѣе, нежели на 50 верстѣ, не только по дорогѣ, но и въ стороны отъ селеній, виднѣлись однѣ лишь трубы да печи, а все, что только имѣлось въ деревнѣ удобосгораемаго, употреблено на топливо, и отъ Ошмянъ до Вильны нельзя было двухъ шаговъ пройти безъ того, чтобы не наткнуться на одинъ или на нѣсколько труповъ. Въ другихъ мѣстахъ видно было, что нѣкоторыхъ смерть заставляла на трупахъ ихъ товарищей въ то время, когда они готовились ими утолить свой голодъ. Еще ужаснѣе было видѣть, какъ десятками загнѣзали въ самую середину костровъ и обгорѣвшіе, оставались въ такомъ положеніи. Другіе, не испустившіе еще послѣдняго дыханія, тлѣли, буквально, на угляхъ, не высказывая ни малѣйшаго страданія въ потухающихъ глазахъ.

Почти на каждахъ 20-ти саженьяхъ встрѣчалось или покинутое орудіе, или съ зарядами фура, и подъ оными по четыре, по три, по двѣ и одной лошади, съ упряжью, павшихъ. О взятіи этихъ фуръ или орудій на подводы, никто даже не имѣлъ помысленія, ибо каждый заботился о личномъ своемъ сохраненіи, или о сбереженіи вѣренной ему команды. Счастливъ былъ тотъ, у кого имѣлся тулупъ, какъ у меня, или кто еще не износилъ своей ватной шинели, а бѣдные солдаты, хотя въ Копысѣ и получили полушубки, но страшно терпѣли отъ несообразной, по времени года, обуви. Тогдашняя форма заключалась въ такъ-называемыхъ «ежовыхъ крагахъ», плотно облегающихъ икру ноги и застегивающихся мѣдными пуговицами. Для красоты, въ этомъ мѣстѣ не вставлялось сукно при панталонахъ, а припи-

вался кусокъ холста. А какъ солдатъ не имѣлъ возможности ничего подвертывать подъ враги, то тутъ и пачиналось для него самое гибельное отъ стужи пораженіе. Мы, артиллеристы, были счастливыѣ тѣмъ, что ранцы и кивера клали на орудія и зарядные ящики, шли безъ ружей и съ тепло-покрытою головою, и дѣлали больше движенія; имѣли возможность на ходу одинъ другому пособлять и отогрѣвать отмороженные члены. Лошади у насъ ковались на шипы и мы всегда имѣли запасъ въ подковахъ. Вотъ примѣръ для будущихъ временъ. Боже сохрани еще отъ подобныхъ обстоятельствъ.

Въ Вильну мы пришли 5-го декабря 1812 г. Тутъ я узналъ, что мнѣ за Бородино дали орденъ св. Владиміра 4-й степени.

Я квартировалъ на форштатѣ въ Вильнѣ; когда мнѣ случилось проходить въ городъ, я насчиталъ неубранныхъ до 20-ти труповъ. Потомъ, дня черезъ два, улицы въ городѣ и на форштатѣ очистились. Въ устроенныхъ французами лазаретахъ, въ канавахъ, на дворахъ, вблизи жилыхъ улицъ, валялось около 30,000 труповъ, которые вывозились, на лошадяхъ напихъ, за городъ. Тамъ ихъ складывали въ костры и сжигали. Но хотя мы простояли въ Вильнѣ двадцать два дня и ежедневно совершалась подобная операція, все-таки осталось болѣе половины изъ нихъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ ИВАНА СТЕПАНОВИЧА ЖИРКЕВИЧА.¹⁾

1789—1848.

V.

Походъ за границу. — Болзавъ. — Малчевская. — Прусскій король. — Приѣмъ русской арміи въ Германіи. — Назначеніе кн. Витгенштейна главнокомандующимъ. — Сраженіе 21-го апрѣля 1813 г. — Вѣсть о кончинѣ кн. Кутузова. — Отступленіе. — Сраженіе 9-го мая. — Подполковникъ Марковъ. — Шутка Костенецкаго. — Отступленіе отъ Гохенрхена и отъ Дрездена.

1813 г.

11-го декабря 1812 г. Александръ I прибылъ въ Вильну, а 12-го декабря, въ день его рожденія, объявлены были различные манифесты; 26-го декабря мы опять выступили въ походъ и я съполуротою, въ Вильнѣ, присоединился къ своей бригадѣ.

1-го января 1813 года мы перешли границу и вступили въ Пруссію.

На второмъ или третьемъ переходѣ, передъ городомъ Лыкъ, у меня открылась горячка: бригадный лекаръ объявилъ, что я едва-ли проживу два дня. Когда рота пришла въ городъ, мой ротный начальникъ, капитанъ Гогель, объявивъ товарищамъ моимъ, что хотѣлъ бы лично похоронить меня, остался со мной въ Лыкѣ. На 8-й или 9-й день послѣ кризиса я всталъ уже съ постели, а взаимнъ меня, бывший до того времени здоровымъ, Гогель слегъ и на 3-й день скончался. Это меня такъ поразило, что я получилъ вторичный приступъ горячки и меня

¹⁾ См. «Русскую Старину», т. IX, 1874 г., стр. 207—244; т. X, стр. 633—666

перенесли на другую квартиру. На этотъ разъ это была скорѣе необыкновенная слабость, нежели раздраженіе, такъ что съ приближеніемъ вторичнаго кризиса я не могъ даже говорить отъ слабости, не помнилъ и не слыхалъ, что около меня дѣлается. Въ это время не сходили у меня съ ума мать и невѣста и думалъ, что онѣ скажутъ, когда прочтутъ въ газетахъ, что я исключенъ изъ списковъ умершимъ. Но молодость свое взяла и я сталъ выздоравливать.

Дней чрезъ пять послѣ моего кризиса, привезли въ Лыкъ товарища моего, поручика Стаховича, который оставленъ былъ, на второй станціи отъ Лыка, больнымъ тоже горячкой. При первомъ возвращеніи его къ памяти, онъ вспомнилъ, что и я нахожусь въ Лыкѣ, желалъ, чтобы его перевели туда и положили бы со мной на одной квартирѣ; онъ привезъ мнѣ извѣстіе, что я, 13-го января, произведенъ въ штабсъ-капитаны. Когда меня оставили въ Лыковѣ, при мнѣ было около 100 р. асс. и покуда я былъ боленъ, лѣчившій меня докторъ при военномъ госпиталѣ Хановъ, ни за свои посѣщенія, ни за прописываемыя лекарства которыя отпускались изъ госпиталя — ничего не бралъ, и деньги были всѣ цѣлы; но когда я началъ поправляться, то докторъ присовѣтовалъ мнѣ, для укрѣпленія, пить вино и это скоро истощило мои финансы. Узнавши, что въ Лыкѣ оставленъ по болѣзни оберъ-провіантмейстеръ гвардейскаго корпуса Гове, я обратился къ нему съ запиской и онъ прислалъ мнѣ еще 100 р. асс. съ тѣмъ, чтобы послѣ удержать изъ моего жалованья. Когда привезли Стаховича, то на вопросъ его: «есть-ли у меня деньги?» я ему объявилъ, что имѣю 8 р. сер., а онъ мнѣ сказалъ, что имѣетъ 2 р. сер.

Хотя я еще не вставалъ съ постели, но уже говорилъ твердо; Стаховичъ же былъ еще очень слабъ, часто впадалъ въ безпамятство, забывался, но, приходя въ себя, всегда возобновлялъ разговоръ о деньгахъ, не зная гдѣ достать оныхъ. Въ Лыкѣ, кромѣ насъ, еще насчитывалось человѣкъ 11-ть гвардейскихъ офицеровъ, оставшихся здѣсь по болѣзни, и на наше счастье никто не случился изъ числа ихъ, знающій нѣмецкій языкъ лучше меня, хотя и я по-нѣмецки едва-едва могъ выпросить для себя необходимое. Въ одно утро входитъ къ намъ городекой почтмейстеръ и проситъ меня, чтобы я объяснилъ ему и прочелъ ему

бумагу на русскомъ языкѣ, поданную ему какимъ-то русскимъ человѣкомъ; но онъ не знаетъ ни кто онъ, ни чего требуетъ. Взявъ ее въ руки, я увидѣлъ, что это подорожная, по которой какой-то хорунжій слѣдуетъ въ Россію до Харькова, и что для него требуется пара лошадей. Когда я объяснилъ это почтмейстеру, аккуратный нѣмецъ сталъ требовать, чтобы я сказалъ, кѣмъ подписана подорожная? По неясности подписи, я долго не могъ разобрать фамилію подписавшаго и его званіе и это затруднило наши обоюдныя объясненія. Нетерпѣливый хорунжій, съ азартомъ вошелъ въ комнату и малороссійскимъ нарѣчіемъ закричалъ:

— «Ну, що вы тамъ робите? Долго-ли мнѣ будетъ ожидать коней?»

Стаховичъ въ эту минуту только лишь пришелъ въ память и слабымъ голосомъ просилъ меня узнать, кто этотъ малороссіанинъ и куда онъ ѣдетъ? На сдѣланный ему отъ меня перепросъ онъ отвѣчалъ, что онъ самъ изъ-подъ Ромны, воевалъ въ армию лошадей, пожертвованныхъ харьковскимъ дворянствомъ, а теперь ѣдетъ въ Харьковъ представить отчеты. Я, зная, что и Стаховичъ самъ Роменскаго уѣзда, спросилъ у хорунжаго:

— «Не знаетъ-ли онъ въ Ромнахъ кого-нибудь изъ Стаховичей?»

— «А чи не ты-ли тоже Стаховичъ?» спросилъ меня малороссіанинъ

— «Нѣтъ, отвѣчалъ я, а вотъ кто», и показалъ ему на лежавшаго товарища.

Тогда мой хорунжій бросился со всѣхъ ногъ на больного, началъ цѣловать его ноги, съ плачемъ и рыкомъ продолжалъ соболѣзновать и утверждалъ, что не только покойный отецъ Стаховича, но и мать его, и вѣтчимъ — его благодѣтели! Потомъ, вдругъ, какъ бы угадавъ нужду Стаховича, спросилъ:

— «А есть-ли у тебя гроши? а то будешь въ болѣзни нуждаться!»

Стаховичъ откровенно признался, что денегъ у него вовсе нѣтъ, и тогда хорунжій объявилъ, что у него въ кожахъ зашито 1,000 р. асс., нажитые имъ отъ продовольствія лошадей, и потому если Стаховичъ возьметъ ихъ всѣ и дастъ ему записку, то для него же сдѣлаетъ большое одолженіе, такъ какъ онъ боится, чтобы

дорогой не ограбили его. Но Стаховичъ, поблагодаривъ его за вызовъ, не рѣшился взять болѣе 300 р., о чемъ малороссіянинъ крѣпко горевалъ и потомъ, съ видимою совѣстливостію и озабоченностью, просилъ, не напишетъ-ли Стаховичъ матери, чтобы ему за одолженіе, на мѣстѣ, дали нѣсколько возовъ соломы. Разумѣется, со Стаховичемъ и я разбогатѣлъ въ совокупности.

Оправившись отъ болѣзни, мы, вмѣстѣ съ Стаховичемъ, отправились къ бригадѣ, которую нашли недалеко отъ Калиша. Моя рота стояла въ Конинѣ. Вмѣсто Гогеля командиромъ былъ назначенъ капитанъ Демидовъ. Тутъ мнѣ удалось познакомиться съ семействомъ Брониковскихъ, имѣніе которыхъ было отъ Конина верстахъ въ 8-ми. Семейство это состояло изъ двухъ стариковъ—мужа и жены, сына и племянницы ихъ, лѣтъ 16-ти, Малчевской; когда главная квартира проходила эти мѣста, государь квартировалъ у Брониковскихъ и видимо заняла его Малчевская, ибо онъ пробылъ тутъ дня три или четыре, и одарилъ все семейство: старику далъ ленту, сына пожаловалъ въ камеръ-юнкеры и уѣхалъ въ Калишъ, гдѣ главная квартира простояла около мѣсяца. Государь не одинъ разъ прѣзжалъ оттуда къ Брониковскимъ, несмотря на 40-верстное разстояніе, на распутицу и на самую неисправную дорогу, и два раза присылалъ за ними приглашенія на балы, въ Калишъ. Это мнѣ рассказывала сама Малчевская, въ то время уже невѣста молодого Брониковскаго. Меня же она особенно сконфузила, увидѣвши въ строю, на парадѣ, данномъ по случаю прѣзда прусскаго короля. Въ то время, когда мы проходили церемоніальнымъ маршемъ мимо государя и короля, которые стояли по правой сторонѣ, я вдругъ слышу, съ лѣваго бока, кто-то громко кричить:

— «Пане капитане! Пане Жиркевичу! добрый день пане!»

Я обернулся и вижу — Малчевская машетъ мнѣ платкомъ. Признаюсь, я очень испугался, ибо мнѣ тотчасъ пришло въ голову, что государь можетъ это замѣтить и приметъ это въ худую для меня сторону.

Подъ Калишемъ сформировали сводную роту изъ 8-ми батарейныхъ и 4-хъ легкихъ орудій, подъ командою полковника Ладыгина, а при легкихъ орудіяхъ я поступилъ тоже въ составъ этой роты. Прочія же орудія гвардейской артиллеріи поступили въ особый резервъ.

Въ первыхъ числахъ апрѣля или въ концѣ марта мы выступили, въ новомъ составѣ, въ походъ и тутъ случилось со мной забавное происшествіе. По случаю наступившихъ жаровъ поля съ мѣста выходили всегда очень рано, а наша артиллерійская рота даже до полуночи. За станцію передъ Штейнау мой командиръ, Ладыгинъ, съ вечера уѣхалъ въ городъ, а я остался вести роту на походѣ. Идучи ночью, рота, не ожидая никакой для себя встрѣчи, одѣта была въ старую аммуницію. Версты за двѣ не доѣзжая до Лигница, когда начинало только разсвѣтать, подъѣхалъ ко мнѣ верхомъ какой-то прусскій штабъ-офицеръ и спросилъ: «какая это идетъ команда? и не принадлежитъ-ли рота въ гвардейскому корпусу?» Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ объявилъ мнѣ, что прусскій король, желая сдѣлать сюрпризъ государю, вечеромъ прибылъ въ Лигницъ и послалъ его на встрѣчу войскамъ, которыя будутъ проходить, объявить имъ, что онъ желаетъ ихъ видѣть, а потому посланный попросилъ меня у самаго города нѣсколько пріостановиться, пока короля разбудятъ и доложить ему о прибытіи моей роты.

Я тотчасъ исполнилъ его требованіе и, пріостановясь, велѣлъ людямъ по возможности прибраться и перемѣнить аммуницію, весь же хламъ сложить на обозъ и на запасные лафеты, которыми приказалъ тронуться не прежде, какъ чрезъ полчаса послѣ нашего выступленія, рассчитывая, что этого времени достаточно намъ будетъ, чтобы пропарадировать мимо короля.

Едва успѣла рота пройти съ версту, какъ представилось намъ до того невиданное зрѣлище: мостъ чрезъ рѣку Одеръ былъ убранъ арками изъ цвѣтовъ, а на передней аркѣ красовалась надпись: «Kommt uns Willkommen» (т. е. «приди къ намъ желанный»). У моста ожидалъ меня тотъ же адъютантъ короля съ извѣстіемъ, что его величество всталъ и ожидаетъ моего въ городъ вступленія. Сообщивъ это мнѣ, онъ поскакалъ къ королю. Я ѣхалъ передъ ротою; улица, по которой мы вступили въ городъ, была обсажена, по обѣимъ сторонамъ, деревьями и, подходя къ площади, насъ встрѣтилъ Ладыгинъ пѣшкомъ, и только что успѣлъ мнѣ сказать:

— «Смотри на право! король!»

Я принялъ первыя слова за указаніе поворота, скомандовалъ двумъ первымъ орудіямъ «лѣвое плечо впередъ» и поворотилъ ихъ

у самого угла площади, а самъ, съ поворотомъ моеѣ лошади, увидѣлъ короля, сходящаго по ступенькамъ съ незначительной террасы перваго дома. Это произошло такъ быстро и такъ неожиданно, что я едва успѣлъ сдержать лошадь передъ самымъ, такъ сказать, носомъ короля. Давъ шпоры коню, чтобы подѣхать и отпрапортовать ему, я встрѣтилъ новую препоны. Надъ террасою былъ сдѣланъ навѣсъ для солнца и я ударился такъ сильно о желѣзный пруть, придерживавшій навѣсъ, что потатнулся на лошади и виверъ повисъ на чешуѣ, у меня на затылкѣ. Я оправился и отпрапортовалъ ему. Король, ломанымъ русскимъ языкомъ, милостиво спросилъ у меня:

— «Не ушиблись-ли? Какая эта бригада и рота?»

Сдѣлавъ первые отвѣты по-русски, на прочіе вопросы я сталъ отвѣчать по-французски и тѣмъ видимо облегчилъ королю разговоръ со мной. Тутъ озадачило меня новое обстоятельство: орудія благополучно заѣзжали на углу, дѣлая повороты на-право. Король сталъ у самого угла, я—съ правой у него стороны. На углу случились деревья и проточная канава, а прислуга оволо орудій, съ правой стороны, не зная и не бывъ предупреждена, что король стоитъ у нашего угла, каждый, возлѣ него, обхватывалъ дерево и перескакивалъ канаву. Я же, не имѣя возможности никакъ пособить этому неустройству, только разводилъ руками и хмурилъ лицо при каждомъ ихъ прыжкѣ. Король въ самыхъ милостивыхъ и благосклонныхъ выраженіяхъ благодарилъ меня за порядокъ и за веселый и бодрый видъ людей, продержалъ меня оволо себя еще съ $\frac{1}{4}$ часа; затѣмъ пришлось мнѣ показать королю еще новый спектакль. Прямо въ намъ подошелъ нашъ обозъ и запасные лафеты, нагруженные разнымъ хламомъ, и по верхъ всего этого на каждомъ возу стояли кѣтки съ курами, утками и др. птицами; лежали связанные бараны и телята, купленные, а вѣрнѣе всего, забранные во владѣніяхъ его королевскаго величества. Все это кричало, кудachtало, мычало и вмѣсто того, чтобы пройти мимо короля какъ можно скорѣе, начали ровняться и заѣзжать по два въ рядъ. На-силу кончилось мое мученіе, и получивъ отъ короля еще привѣтъ, мы разстались съ нимъ. Чего не случается въ походѣ!

Недостанетъ словъ описывать, какъ мы были принимаемы, слѣдуя чрезъ Силезію, Савсонію до Люцена. Тамъ, гдѣ проѣз-

жалъ государь, не только въ городахъ, но и въ селеніяхъ, въѣзды украшались арками, цвѣтами, флагами и на всѣхъ возможныхъ языкахъ надписями, и мы всегда бывали первыми, которые проходили подъ этими триумфальными воротами. Государя вездѣ встрѣчали толпы народа, во главѣ котораго стояли самыя красивыя дѣвушки, всѣ въ бѣломъ, и усыпали путь его цѣлымъ дождемъ цвѣтовъ. А Силезія и Саксонія не бѣдны красавицами! У каждаго въѣзда привѣтствовали государя рѣчами многоглаголивые нѣмцы, называя его не иначе какъ «ангеломъ и спасителемъ!» Насъ же встрѣчали съ самымъ искреннимъ радушіемъ, а хлѣбъ-соль—по средствамъ каждаго хозяина, но всегда въ довольствіи: а хозяйки или хозяйскія дочери, непремѣнно и сплошь, воѣ въ насъ влюблялись! Было время...¹⁾

Въ половинѣ апрѣля 1813 г. мы вступили въ Дрезденъ, гдѣ провели праздникъ св. Воскресенія Христова. Наша рота квартировала въ верстѣ отъ города. по дорогѣ въ Лейпцигу, въ деревнѣ Лабгейде. Я стоялъ на квартирѣ вмѣстѣ съ Ладыгинимъ. Хозяева у насъ были необыкновенно милые и для насъ дали нѣмецкій спектакль; играли комедію Коцебу—весьма мило, въ особенности двѣ хозяйскія дочери. 15-го или 16-го апрѣля мы опять тронулись въ походъ, а вн. Кутузовъ оставался, по нездоровью, въ Бунцлау. Черезъ три перехода мы подошли къ Люцену. Передъ этимъ, по общему согласію, товарищъ нашъ, прапорщикъ вн. Трубецкой, отправился въ Альтенбургъ, для закупки намъ разныхъ запасовъ, какъ-то: сахару, кофею, сыру и т. п. и возвратился къ ротѣ 21-го апрѣля утромъ, въ то самое время, когда мы уже выстроились въ линію, передъ враженіемъ, а всѣ запасы, съ посѣщенностью, были положены въ зарядный ящикъ моего орудія, гдѣ также лежалъ мой офицерскій знакъ. Первый непріятельскій выстрѣлъ попалъ въ нашу провизію и взбросилъ ее на воздухъ.

Кутузовъ въ это время считался главнокомандующимъ всѣми нашими арміями, а 1-я западной арміею командовалъ Торма-совъ. 21-го апрѣля мы въ первый разъ сошлись съ пруссаками на походѣ и я помню, какъ кавалерія ихъ, въ одномъ селеніи,

¹⁾ Изъ помѣти автора на полѣ страницы видно, что это писано: «въ Полоцкѣ, 15-го сентября 1846 г.» Ред.

переходя съ правой стороны на лѣвую, часа два задерживала походъ нашъ.

Тотчасъ за деревней нашли мы Тормасова, лежащаго на травѣ, подъ деревомъ, и окруженнаго адъютантами; насъ удивило, что онъ, при нашемъ прохожденіи, даже не приподнялся, чтобы взглянуть на насъ! Пройдя нѣсколько сажени, насъ остановили въ колоннѣ, позади прусскихъ войскъ. Правѣ нашей роты стояли Преображенскій и Семеновскій полки, тоже въ колоннахъ. Подѣхалъ государь къ войскамъ и, поздоровавшись, сказалъ:

— «Ребята! вотъ вашъ главнокомандующій!» указывая при этомъ на гр. Витгенштейна. «Поздравьте его хорошенъко побѣдою!»

Едва ура раздалось въ линіяхъ, какъ открылась канонада, впереди насъ, между пруссаками и французами. Государь въ ту же минуту сказавъ Ладыгину: «Будьте готовы и ждите приказаній!» поскакалъ впередъ, къ линіи, вправо отъ насъ. Не прошло $\frac{1}{2}$ часа, къ нашей ротѣ подскакалъ флигель-адъютантъ прусскаго короля и объявилъ, что государь велѣлъ намъ идти впередъ. Въ дивизионной колоннѣ, съ пѣсennиками впереди, мы тронулись съ мѣста. Государь съ прусскимъ королемъ стоялъ на небольшомъ возвышеніи у Гроссъ-Гершена, гдѣ, какъ говорятъ, въ 30-ти-лѣтнюю войну былъ убитъ Густавъ-Адольфъ. Когда мы подошли ближе, государь, отдѣлясь отъ толпы, шагомъ подѣхалъ къ намъ и сказалъ:

— «Молодцы! Спасибо! Смотрите поработайте, когда будетъ нужно, а теперь стой!»

Простояли мы тутъ съ полчаса. Прусскій король, окруженный огромной свитой, поѣхалъ мимо насъ къ своей кавалеріи, которая была влѣво выстроена въ линію и въ это самое время, изъ-за деревни, бывшей у насъ передъ глазами, полетѣла вуча ядеръ. Король, не смѣшавшись, даже не прибавивъ шагу, продолжалъ свой путь по кавалерійской линіи. Къ намъ подскакалъ флигель-адъютантъ съ приказаніемъ государя — немедленно выстроиться восьмъ фронтомъ, подавъ лѣвый флангъ батареи впереди такъ, чтобы можно было анфилировать деревню. Въ то же время гвардейскіе егеря пошли въ атаку, на деревню. Исполнивъ приказаніе, мы открыли сильный огонь и держались часа съ полтора въ виду самаго государя. Но такъ какъ флангъ нашъ

былъ очень выдвинуть, то французы, поставивъ новую батарею, взяли насъ во флангъ, смѣшали въ кашу и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ мы потеряли одного офицера и около 6-й части прислуги; у насъ подбили 5-ть лафетовъ подъ орудіями, такъ что мы едва утащили ноги, сопровождаемые тучею ядеръ съ фланга и съ фронта. Отойдя за кавалерію, начали мы немного исправляться и въ это время она свернулась въ колонны. Наступили сумерки, мы прошли еще нѣсколько назадъ; остановились, отирали лошадей и часть изъ нихъ отправили за дровами и за соломой. Наконецъ совсѣмъ стемнѣло. Около 10-ти часовъ, внезапно, впереди изъ пѣхотной колонны, стоявшей у насъ правѣе, раздалась ружейная пальба батальнымъ огнемъ. Потомъ говорили, будто бы нашъ или прусскій какой-то разъѣздъ, подѣлалъ близко къ пѣлотѣ, которая приняла его за непріятеля. Эта перестрѣлка указала французамъ точку расположенія пѣхоты и они со всѣхъ своихъ батарей открыли туда быстрый и непрерывный огонь. Несмотря на наше отдаленіе и къ намъ залетѣло нѣсколько ядеръ; само собою разумѣется, что это произвело у насъ тревогу и безпорядокъ, но нельзя себѣ представить, что сдѣлалось съ прусскою кавалеріею, стоявшею предъ нами! У нихъ тоже все приготовлено было къ покою: всадники спѣшны, лошади размуштучены и подпруги ослаблены; часть людей отправлена тоже за дровами и за соломой, а тѣ, которые оставались при коняхъ, имѣли въ поводѣ по 3 и 4 лошади. Все это внезапно смѣшалось и понеслось назадъ. И мы, которые сражались со втораго часу дня, причемъ не только не потеряли ни одного шагу мѣста, а, напротивъ, значительно подались впередъ, должны были безъ видимой причины спастись бѣгствомъ. Къ счастью, французы, за темнотою, не видали всей нашей суматохи и не воспользовались ею какъ слѣдуетъ, иначе мы поплатились бы дорого. Къ утру, за какой-то небольшой рѣчку, начали собираться наши разстроенные отряды и опять началась наша ретирада.

На бѣду, 22-го апрѣля, разнеслась у насъ вѣсть о кончинѣ Кутузова.

Прошло уже слишкомъ 30 лѣтъ, а и теперь (въ 1846 г.) не могу вспомнить безъ волненія тѣ минуты, когда произошелъ рассказанный выше кризисъ. Бодрость духа, возраставшая, можно

сказать не по днямъ, а по часамъ, въ войскѣ, вдругъ упала. Возвращаясь къ Дрездену, то при обходѣ стараго города пришлось намъ проходить деревню Либгейде, гдѣ мы, не болѣе какъ пять дней тому назадъ, пировали героями и хвастались, что французамъ не видать болѣе саксоновъ, а теперь, несмотря на теплую погоду, я все старался укрыть свое лицо въ шинель такъ, чтобы проѣхать чрезъ деревню и не быть узнаннымъ своими хозяевами, которые, стоя на болвонѣ, съ изумленіемъ глядѣли на наше обратное шествіе и, узнавъ меня, жалобно спрашивали, что все это значитъ и зачѣмъ мы идемъ назадъ.

Около Дрездена мы простояли три дня, потомъ опять стали отступать далѣе и остановились, пройдя Бауценъ. Тутъ приготовлены уже были временныя укрѣпленія. Гвардія находилась на самомъ лѣвомъ флангѣ, у подножьи Богемскихъ горъ. 8-го мая, въ день моего ангела, въ палаткѣ, мы играли въ бостонъ: я, капитанъ Демидовъ, назначенный командиромъ 2-й легкой роты, въ которому я поступилъ съ моими орудіями у Дрездена, и адъютантъ нашего корпуснаго командира Лаврова, Семеновскаго полка поручикъ Бибииковъ. Игра наша была довольно крупная и у меня было записано болѣе 1,000 привовъ, какъ въ часу четвертомъ, послѣ обѣда, ударили вездѣ «подъемъ» и началось передвиженіе войскъ. Гвардія вытянулась ближе къ центру, а мои 4 орудія поставлены были въ передней линіи, въ небольшомъ укрѣпленіи; позади меня расположился прусскій батальонъ, подъ командой капитана Гунта. Вправо отъ меня была главная батарея, занятая ротой великаго князя (Константина Павловича?) и выстроенная на одномъ изъ семи возвышеній, составлявшая центръ позиціи и вмѣстѣ уголъ, ибо тутъ правый уголъ нѣсколько загибался назадъ, такъ что гвардія, расположенная въ самомъ центрѣ позади, составляла базисъ треугольника. Около 8-ми часовъ вечера показались передъ линіей нашей колонны войскъ и до насъ дошла канонада, начавшаяся за Бауценомъ и приближавшаяся къ намъ постепенно, такъ что нѣсколько ядеръ упало и на мою батарею. Когда стало смеркаться, на нашу линію перешли войска, сражавшіяся днемъ подъ самымъ Бауценомъ, и составили передовую цѣпь почти у самой моей батареи, такъ что и наши, и французы ночевали отъ батареи моей не далѣе какъ въ саженьяхъ во 100. Разумѣется, ночь для насъ была не

очень покойна, и дабы лучше судить объ этомъ предметѣ, приведу здѣсь случай съ нашимъ адъютантомъ, подпоручикомъ Тиманомъ старшимъ. Онъ былъ посланъ съ приказаніемъ къ линіи и, вмѣсто своихъ, заѣхалъ въ колонну французовъ. Его наиболѣе обманулъ окликъ, сдѣланный ему на нѣмецкомъ языкѣ (въ этой колоннѣ были и саксонцы): «Weg da?» — «Freund!» отвѣчалъ Тиманъ; вмѣсто отвѣта кто-то схватилъ его лошадь подъ уздцы и чрезъ двѣ минуты онъ уже стоялъ передъ французскимъ генераломъ, ужинавшимъ въ своемъ каре. Тотъ пригласилъ его раздѣлить съ нимъ ужинъ, а потомъ отправилъ его за свою линію. Послѣ Тиманъ рассказывалъ, что 8-го числа плѣнныхъ нашихъ у французовъ было очень немного—и большею частью раненные. Такъ какъ Тиманъ былъ сынъ друга и любимца гр. Аракчеева, то на другой день, когда онъ не явился передъ товарищами, всѣ мы считали его убитымъ, и Аракчеевъ, при самомъ началѣ перемирія, велѣлъ справиться между плѣнными, взятыми у насъ французами, нѣтъ-ли, въ числѣ ихъ, Тимана, и получилъ утвердительный отвѣтъ; тогда, по волѣ государя, отправлено было ему 50 червонцевъ, но онъе чрезъ два дня возвращены съ извѣстіемъ, что Тиманъ скрылся. Это насъ очень удивило, ибо тогда онъ еще не явился, но дня чрезъ три спустя. пришелъ къ намъ переодѣтый студентомъ. Около Дрездена, при пособіи одного нѣмца, удалось ему съ однимъ прусскимъ офицеромъ переодѣться и пробраться въ Богемію, гдѣ онъ явился къ начальнику австрійскихъ войскъ. Этотъ, какъ рассказывалъ Тиманъ, долго колебался, что съ ними дѣлать: слѣдовало-ли ихъ возвратить французамъ или отправить въ русскую армію? Наконецъ рѣшился на послѣднее, но, кромѣ пропускнаго билета, не далъ никакого пособія и они, во время пути, пытались подаяніемъ.

9-го мая, въ день моего рожденія, едва стало разсвѣтать, я приготовился привѣтствовать французовъ заревымъ выстрѣломъ. Но, замѣтивъ, что колонны находятся на походѣ, обратно къ Бауцену, я поопасался своимъ выстрѣломъ произвести тревогу по линіи; когда же совершенно разсвѣло, то предо мной не осталось и слѣда непріятеля. Цѣпь наша тотчасъ стянулась за линію.

Укрѣпленіе, доставшееся мнѣ на долю, отстояло саженьей на 1,000 отъ Бауцена. Линія шла косвенно: лѣвый флангъ упирался

въ горы и была отъ города не болѣе какъ на 500 сажень, а передовая батарея едва-ли отстояла отъ города на 300 сажень, такъ что ея выстрѣлы достигали на дрезденскую дорогу за Бауценъ. Бауценъ лежитъ на высотѣ и французская позиція, кромѣ упомянутой батареи, доминировала нашу; но насъ защищало отъ выстрѣловъ—отдаленіе и рѣчка, протекавшая у самаго города.

Поутру, часу въ восьмомъ, французы повели атаку на нашъ лѣвый флангъ и по горахъ, покрытымъ лѣсомъ, загремѣла ружейная перестрѣлка; со стороны французовъ видны были двѣ небольшія пушечни, что составляло живописную картину для насъ. Но потомъ пушечная пальба стала приближаться къ намъ, а такъ какъ передъ моей батареей не было видно ни пѣхоты, ни кавалеріи, то предполагать должно было, что приближается одна артиллерія. Непріятель спустился съ гребня высотъ, прилегающихъ къ Бауцену, и за городомъ, точно чешуя, серебрился блескъ отъ ружей пѣхоты. Выстрѣлы стали достигать до меня и у меня убило 2-хъ человѣкъ, у орудія лѣваго фаса моего укрѣпленія. Узнавъ, что противъ насъ дѣйствуютъ гаубицы и зная, что они фланжируютъ мой лѣвый фасъ, тогда какъ мои выстрѣлы не могли доставать до французской батареи, я приказалъ два орудія перевезти за ровъ и поставить въ поле, а людямъ приказалъ прилечь въ ровъ. Подозвавъ капитана Гунта, я объяснилъ ему, что онъ можетъ отвести свой батальонъ подалѣе отъ выстрѣловъ, ибо французскихъ войскъ, кромѣ батареи, передъ нами не видно и, кромѣ того, находится еще рѣва, которую безъ переправы перескочить нельзя, слѣдовательно, при малѣйшемъ движеніи, онъ всегда будетъ имѣть время приблизиться къ батарее—онъ это исполнилъ.

Еще 8-го мая (1813 г.), вечеромъ, когда я только что былъ поставленъ на позицію, подскакалъ ко мнѣ конно-артиллеристъ въ солдатской шинели и въ солдатской аммуниціи, и закричалъ:

— «Гдѣ командиръ батареи?»

— Что тебѣ, братъ, надобно? спросилъ я.

— «Кстати, ты меня называлъ братомъ. Будемъ же имъ дѣйствительно! Я—подполковникъ Марковъ! отвѣчалъ артиллеристъ. Вотъ моя рота позади васъ, саженой двѣсти. Прошу полагаться на меня. Мы въ самомъ центрѣ и вѣрно жутко придется вамъ. Когда не выдержите, захотите отдохнуть, пожалуйста, тогда до-

плате до меня, я и безъ приказанія смѣю васъ!— и, подавши мнѣ руку, онъ поѣхалъ къ своему мѣсту.

9-го числа, когда я перевезъ два орудія изъ-за бруствера за ровъ, а людямъ приказалъ однимъ—спуститься въ ровъ, а другимъ, праваго фаса,—пригнѣсть за брустверъ, чтобы ихъ напрасно не тревожили непріятельскіе выстрѣлы; самъ я перешелъ впередъ, за правый фасъ моего реданта и, упершись спиною на валъ, наблюдалъ, что дѣлается у французовъ и любовался картиною сраженія на горахъ. Вдругъ вижу, съ лѣваго фланга, ѣдетъ, шагомъ, по линіи генераль-маіоръ Костенецкій, въ эти два дня командовавшій артиллеріею гвардейскаго корпуса; не дожидая сажень 50-ти до моего укрѣпленія, онъ, вынувъ саблю изъ ноженъ, пустился ко мнѣ въ галопъ. Зная множество различныхъ проказъ за нимъ, я не удивился этому, но не могъ придумать, чтобы это значило? Шагалъ въ 10-ти отъ меня онъ поѣхалъ опять шагомъ и саблю вложилъ въ ножны. Откачнувшись отъ бруствера и обойдя спереди ровъ, я пошелъ къ нему на встрѣчу и въ эту самую минуту, между нимъ и мною, упало французское ядро, дало рикошетъ и полетѣло далѣе. Лошадь Костенецкаго уперлась и подалась нѣсколько назадъ, а онъ, дунувъ кулакомъ по головѣ, хладнокровно мнѣ говорить:

— «Я-было скакалъ, чтобы васъ изрубить. Но теперь прошу у васъ извиненія: я думалъ, что вы трусите! Вижу теперь, что вы бережете людей вашихъ. Это благородно! Пожалуйста, стойте, гдѣ и прежде стояли. Очень хорошій примѣръ для прислуги вашей!...»

Поговоривъ еще немного со мною, Костенецкій поѣхалъ далѣе.

За этимъ слѣдовало еще приключеніе. Начальникъ прусскихъ войскъ, генералъ Пирхъ, подъ командой котораго состоялъ капитанъ Гунтъ, объѣзжая свою линію, спросилъ его: «зачѣмъ онъ такъ далеко стоитъ отъ батареи, ввѣренной его охраненію?» Тотъ отвѣчалъ, что артиллерійскій начальникъ велѣлъ ему отойти. Онъ прищипорилъ лошадь и подскакалъ къ укрѣпленію; я и его встрѣтилъ, подобно Костенецкому.

— «Скажите мнѣ, пожалуйста», спросилъ Пирхъ, «отчего вы не приказываете стрѣлять, когда у васъ непріятельская батарея передъ лицомъ и которая такъ сильно всѣхъ насъ беспокоитъ?»

— Ужели прикажите мнѣ податься впередъ, передъ линіею,

отбѣчалъ я;—я буду жертвовать людьми совершенно бесполезно, такъ какъ мои орудія не достаютъ до французовъ!

— «Сомнѣваюсь!» сказалъ Пирхъ. «Я согласенъ, что выстрѣлы могутъ быть не полные, но чтобы они не долетали до непріятельскихъ батарей, когда его выстрѣлы далеко перелетаютъ за насъ, это невѣроятно!»

Я тотчасъ же приказалъ сдѣлать выстрѣлъ изъ единорога—и гранату въ виду нашего разорвало по сю сторону рѣки, у подошвы Бауценскихъ высотъ.

— «Вижу», сказалъ Пирхъ, «что и генераль не долженъ спорить съ артиллеристомъ, знающимъ свое дѣло!»

— Если вы, генераль, разрѣшите мнѣ выдвинуться впередъ, тогда....

— «Нѣтъ!» перебилъ онъ меня, «этого я не вправѣ сдѣлать! Мы должны ждать, что будетъ далѣе впередъ! Но кажется, что намъ не придется долго ждать!»

— Напротивъ, возразилъ я, не думаю, чтобы эта атака на нашъ флангъ была дѣйствительная, мнѣ кажется, что это одна маска!

— «Изъ чего вы это заключаете?»

— А вотъ посмотрите пристально на высоты и замѣчайте, какая блестящая полоса извивается по гребню горъ и движется все болѣе и болѣе къ нашему правому флангу, хотя войска и не видно!

Онъ сталъ смотрѣть въ подзорную трубу и, удостоверившись въ правильности моихъ замѣчаній, сказалъ, что сейчасъ пошлетъ извѣстить о семъ кого нужно. Пока мы разговаривали съ Пирхомъ, пальба стала уменьшаться и, наконецъ, совершенно прекратилась.

Часу въ двѣнадцатомъ изъ обоза пріѣхалъ ко мнѣ, верхомъ, мой денщикъ Василій и привезъ полуприготовленный бифштексъ, нѣсколько сухихъ щепковъ, чайникъ съ кофеемъ и спросилъ: «гдѣ прикажу разогрѣвать?»

Указавъ ему на ровъ, я послалъ къ капитану Гунту пригласить его ко мнѣ. Онъ думалъ, что зову для совѣщанія и удивился, когда я объявилъ ему объ обѣдѣ. Онъ признался, что уже два дня, кромѣ черстваго сухаря и воды, у него ничего во рту не было, ибо наканунѣ онъ, въ числѣ прочихъ, дрался подъ Ке-

нигсвартомъ; но еще болѣе удивился, когда я ему сказалъ, что я ни разу не оставался безъ обѣда и что мой деньщикъ, въ какое бы время ни было, въ самомъ пылу сраженія, всегда меня отыщеть и привезетъ что-нибудь, и въ доказательство моихъ словъ я привелъ настоящее обстоятельство, что онъ поѣхалъ изъ обоза, отстоящаго отъ насъ почти за милю, когда пальба еще не прекращалась, и поэтому не могъ знать, что не попадетъ подъ выстрѣлы.

Французы дали намъ преспокойно пообѣдать, но въ половинѣ третьяго открылась новая великолѣпная картина: подобной, въ другой разъ, въ жизни не пришлось мнѣ болѣе видѣть. Я сказалъ выше, что правѣ меня, на одной изъ высотъ, находившейся въ центрѣ или на углу линіи, въ такомъ расположеніи, что высоты, понижаясь одна передъ другою, шли въ прямомъ направленіи назадъ линіи; тамъ, на углу линіи, построено было укрѣпленіе, на которомъ была расположена батареинная рота его высочества, и оно отстояло отъ меня не болѣе 150 или 200 саж. Передъ фронтомъ батареи, на дистанціи съ версту, былъ лѣсъ. Во рву, передъ нашею артиллеріею, залегли гвардейскіе егеря. Внезапно, со стороны французовъ, вскачь, справа и слѣва отъ лѣса, понеслась конная артиллерія и, остановясь на половинѣ дистанціи противъ нашей главной батареи, открыла самый учащенный батальный огонь. Въ то же самое время передъ нами, на горахъ, появились густыя колонны, неподвижно утвердившіяся на высотахъ, а внизу оныхъ началась переправа и открылся сильный пушечный огонь по сую сторону рѣки,—къ намъ. За конною же артиллеріею, когда нѣсколько прочистился дымъ и уменьшилась пальба, какъ изъ земли родились, стояло 5 или 6 пѣхотныхъ колоннъ, видимо скрывавшихся до сего времени въ лѣсу. Всѣ эти колонны двинулись на нашу главную батарею и впереди колоннъ, шагомъ, верхомъ на бѣлой лошади, подбоченясь, ѣхалъ, въ синемъ плащѣ, генералъ. Съ нашей стороны посыпалась, какъ градъ, картечь и егеря бросились изъ рва въ атаку. Мимо меня въ этотъ моментъ проскакало 12 орудій нашей конной гвардейской артиллеріи и 8 орудій прусскихъ, которыя, выѣхавъ сажень 50, заняли почти весь промежутокъ между мною и главной батареею; но и мнѣ можно было открыть огонь.

Тутъ открылся совершенный адъ. Я полагаю, что въ самыя

первыя минуты взорвало 5 или 6 ящиковъ или фургъ. Пальба длилась уже около часу, какъ опять, мимо меня, потянулась пѣшая батарейная рота полковника Либштейна и я рѣшительно не знаю даже, гдѣ бы онъ могъ занять мѣсто; думаю, что долженъ былъ замѣнить конную артиллерію. Но въ тотъ моментъ, когда она проходила линію, съ высоты, гдѣ была прежде рота его высочества, во флангъ нашъ направились французскіе выстрѣлы и у Либштейна вдругъ взорвало два ящика. Самъ Либштейнъ, пѣшій, подбѣжалъ ко мнѣ и, усѣвшись за брустверь, закричалъ:

— «Скажите мнѣ, ради Бога, что изъ этого будетъ?»

Какъ ни суетился я около своихъ орудій, но не могъ не разсѣяться и отвѣчалъ:

— Не знаю; но что-то недоброе!

Въ эту минуту подсказалъ адъютантъ и объявилъ мнѣ и Либштейну приказаніе—немедленно сняться, идти назадъ и примкнуть къ кавалеріи, которую мы уже нашли отступающею колоннами, но съ разстановкою, время отъ времени. Тутъ же примкнула къ намъ рота его высочества съ 11-ю цѣлыми и однимъ подбитымъ орудіями; она едва успѣла сняться съ высоты и уйти отъ французской пѣхоты. Всѣ мы потянулись въ Гохенрихенское ущелье.

Сраженіе происходило въ самый ясный и прекраснѣйшій весенній день, 9-го мая 1813 г., и кончилось часу въ 5-мъ или 6-мъ вечера. Счастье наше, что у французовъ не было легкой кавалеріи, а то во время нашего отступленія понесли бы мы огромный уронъ, но зато ихъ артиллерія самымъ ужаснымъ образомъ проводила насъ. Тиманъ, который въ это время находился еще въ плѣну, въ Бауценѣ, послѣ рассказывалъ намъ, что на высотахъ, гдѣ мы видѣли большія неподвижныя колонны, собраны были въ толпахъ окрестные поселяне, служившіе маскою, для усиленія численности непріятеля.

Когда мы входили въ Гохенрихенское ущелье, князь Яшвилъ, начальникъ артиллеріи, приостановилъ—было нашу роту, свернувшуюся уже въ одно (орудіе), и велѣлъ намъ занять высоту для прикрытія ретираты, но, усмотря за нами роту Либштейна, отпустилъ насъ слѣдовать далѣе, и расположилъ для той же цѣли батарейныя орудія.

Ретирата наша безостановочно продолжалась до Швейдница.

Тутъ узнали мы, что заключено перемиріе и подались еще да-
лѣе. Государь и гвардія расположились въ Петервальдѣ; штабъ
гвардейской артиллеріи сталъ въ Франкенштейнѣ, а наша рота
заняла деревню Шенгольде. Здѣсь я получилъ записку отъ ге-
нералъ-маіора Эйлера, нашего бригаднаго начальника (но въ то
время начальствовавшего надъ артиллерійскимъ резервомъ, со-
стоящимъ изъ 18-ти ротъ), приглашавшаго меня къ себѣ въ
замокъ Петольцъ, за Франкенштейномъ. Когда я пріѣхалъ къ
нему, то онъ просилъ меня быть ему помощникомъ и взять въ
мое управленіе его канцелярію. Тутъ мы простояли до оконча-
нія перемирія, т. е. до 3-го августа 1813 г.

Замокъ Петольцъ, верстахъ въ 4-хъ отъ Франкенштейна,
куда было перенесено, временно, управленіе прусской Силезіи,
лежитъ у подношья Богемскихъ горъ и занимаетъ прелестное
мѣстоположеніе. Не помню теперь имени хозяина, но замокъ
изобиловалъ всевозможною сельскою роскошью. Оранжереи, пар-
ники, прекрасное и удобное помѣщеніе. Въ распорядкѣ гене-
рала было два или три комплекта музыки. Меня всѣ, какъ обы-
ватели, такъ и подчиненные генерала почитали и называли его
правою рукою. Я затѣялъ, по воскресеньямъ, въ Петольцѣ, со-
бранія и фейерверки, и къ намъ, съ разныхъ сторонъ, кто пѣш-
комъ, кто въ экипажѣ, непремѣнно къ 4-мъ часамъ, стекались
прелестныя пруссачки и тамъ оставались до фейерверка, который,
по моему распоряженію, всегда отсрочивался какъ можно позже....

3-го августа изъ Силезіи мы пошли горами въ Богемію и
вышли на Теплицъ....

13-го августа, вечеромъ, подошли къ самому Дрездену и по
всему казалось, что произойдетъ жаркое сраженіе: войска под-
ходили со всѣхъ сторонъ. Тутъ мы впервые сошлись съ австрій-
цами. Ночью пошелъ проливной дождь и къ утру, 14-го августа,
изъ черноземнаго грунта сдѣлалось совершенное болото, и я, не
преувеличивая нисколько, говорю, что кирасиры, собственно по
этой причинѣ, по нѣсколько разъ перемѣняли свою позицію,
отыскивая болѣе твердое мѣсто, гдѣ бы лошади не утопали по
колѣна. Со всѣмъ тѣмъ, однакоже, началась перестрѣлка, до-
вольно слабая, подъ самыми стѣнами Дрездена. Дождь продол-
жалъ лить весь день и 15-го августа; въ этотъ день Эйлеръ
отдалъ мнѣ приказаніе отправиться къ самому Дрездену, въ цѣль

стрѣлковъ, отыскать тамъ генерала Рота, который просилъ дать въ его распоряженіе нѣсколько легкихъ орудій, спросить, сколько ему надо, и если не болѣе одной роты, то, чтобы я отыскалъ подполковника Тимошеева и его роту отвелъ бы на то мѣсто, куда укажетъ Ротъ. Здѣсь мнѣ въ первый разъ пришлось слышать визгъ пуль. Генерала Рота я отыскалъ въ кустахъ, въ самой передней линіи стрѣлковъ, и обратился къ нему съ объясненіемъ зачѣмъ я явился. Онъ съ живостью мнѣ сказалъ:

— «Ради Бога, батюшка, дайте скорѣе артиллерію!»

— Гдѣ же прикажите ее поставить? спросилъ я.

Ротъ указалъ мнѣ на небольшое возвышеніе, съ котораго можно было стрѣлять продольно, по аллеѣ, въ концѣ которой строились французскія колонны. Я поскакалъ отъ него къ Тимошееву, привелъ его на указанный путь и подѣхалъ къ Роту, чтобы донести объ исполненіи.

— «Скажите мнѣ, пожалуйста, вы вѣрно не адъютантъ?» спросилъ меня Ротъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ я; я состою по особымъ порученіямъ при моемъ генералѣ.

— «Ну видите, что я угадалъ», сказалъ онъ; «адъютантъ съ этимъ дѣломъ въ другой разъ не пустился бы сюда!»

Въ это время мимо меня просвистало нѣсколько пуль.

Не знаю, какая была причина гнѣва Рота на адъютантовъ.

18-го августа началось отступленіе отъ Дрездена. 1-я гвардейская дивизія еще наканунѣ, съ вечера, отошла по шоссе къ Теплицу и наблюдала дорогу изъ Пирны, а 2-я дивизія и впереди ее резервная артиллерія пошли ущельями горъ на Дило-Донвальцъ, возлѣ котораго имѣли ночлегъ на 17-е августа.

VI.

Трудности похода.—Графъ Остерманъ.—Толстой.—Обѣдъ 30-го августа.—Второе пиршество союзниковъ.—Лейпцигская битва.—Плѣнъ кн. Трубецкаго.—Стоянка во Фрайфургѣ.—Шалости офицеровъ.

1813 г.

Не знаю, какъ сильнѣе выразиться на счетъ этой дороги, иначе какъ выражался о ней, въ кругу нашемъ, полковникъ баронъ Таубе, командиръ 1-й бригады и 1-й батарейной роты:

— «Это таковой дорога, по которой и одинъ разъ ходить не можно, а мой рота тамъ была два и осталась жива!»

Представьте себѣ изъ кремня, вырубленный уступами, ящикъ, по которой можетъ идти въ ширину только повозка саксонскаго крестьянина. Полотно или основаніе этого ящика отъ поверхности углублено мѣстами до 2-хъ и даже до 3-хъ саж. на поверхности, тропинка, удобная для одного пѣшаго, и затѣмъ густой сосновый лѣсъ. Не должно забывать о спускахъ и подъемахъ съ горы на гору, такъ сказать непрерывныхъ, до самаго почти Теплица. Само по себѣ разумѣется, при такой дорогѣ и при такихъ препятствіяхъ движеніе наше не могло обойтись безъ ломовъ. Сломается ось, колесо у ящика или подъ орудіемъ, дабы не задерживать заднихъ, поднимали изъ ящика, т. е. съ полотна дороги на рукахъ поврежденное, но не прежде, пока не вырубали на верху окраинъ дороги деревьевъ, разчищали площадку и дѣлали отъ нея спуски. Но взаимнѣ этихъ трудностей, тамъ, гдѣ дорога нѣсколько выравнивалась, видъ въ низу представлялъ картину, едва-ли воображаемую. Нашъ путь лежалъ по самому хребту горы, а теплицкое шоссе идетъ по отлогостямъ оныхъ къ Эльбѣ, и тамъ, гдѣ, хотя нѣсколько просвѣчивался лѣсъ, мы могли видѣть, какъ на ладони, все, что происходило на шоссе.

Кому неизвѣстно, какъ 1-я гвардейская дивизія и основа 2-го пѣхотнаго корпуса на плечахъ своихъ удерживали натискъ Вандаммы до Теплица и какъ полки Преображенскій и Семеновскій, бросившись на двѣ стороны, направили свои удары на смутившагося непріателя и подавались шагъ за шагомъ къ Теплицу. Это все безъ подзорной трубки можно было разглядѣть, какъ игру въ шахматы. Я въ это время ѣхалъ съзади роты его высочества, гдѣ случайно попалъ фургонъ англійскаго генерала Вильсона, находившагося при главной квартирѣ арміи. Разумѣется, при подобныхъ обстоятельствахъ скоро знакомишься, и мы разговаривались въ особенности о предметѣ, который больше всего насъ всѣхъ тревожилъ. Когда приходилось чрезъ прорѣзъ лѣса видѣть шоссе, замѣтно было, что 1-я дивизія отошла уже впередъ нашей, т. е. находилась ближе къ Теплицу; чѣмъ мы; то зная, что дефиле наше, оканчивается предъ самымъ Теплицомъ, то если дивизія не удержится и непріатель конецъ дефиле займетъ

незначительнымъ отрядомъ, то онъ всѣхъ насъ по-одиночкѣ заберетъ. Не знаю, помнить-ли теперь кто, но я помню очень хорошо, что Вильсонъ говорилъ намъ, между прочимъ, что въ его экипажѣ находятся бумаги и документы, весьма важные для воюющихъ державъ, и еслибы случилось такое несчастіе, о которомъ мы предполагали, то просилъ насъ, чтобы мы схватили его бумаги, бросились бы вправо, лѣсами, стараясь выбраться къ Прагѣ, и тамъ передали бы эти бумаги главному начальству, отнюдь не выдавая оныхъ французамъ.

Наконецъ, часу въ 7-мъ вечера выбрались мы на ровное мѣсто и нашли 1-ю дивизію тоже почти у самаго нашего выхода. Повидавшись съ нашими товарищами и поздравивъ ихъ съ побѣдою, мы пошли тотчасъ за Теплицъ, а ихъ оставили передъ городомъ. Тутъ мы видѣли раненаго графа Остермана-Толстаго (а въ горахъ съ нами вмѣстѣ несли на носилкахъ Моро). О графѣ Толстомъ тутъ же былъ разсказанъ анекдотъ.

Когда ему раздробило руку, выше локтя, онъ упалъ безъ чувствъ и былъ вынесенъ за линію; пришедши въ себя, увидѣлъ, что нѣсколько врачей толкуютъ, по-латыни, о томъ, какъ слѣдуетъ ему отнять руку. Молодой лекарь конно-гвардейской артиллеріи, Кучловской, сказалъ своимъ товарищамъ:

— «Напрасно, господа, толкуемъ по-латыни, графъ ее лучше нашего знаетъ!»

— «Ты, молодецъ!» сказалъ графъ. «На, рѣжь ты, а не другой кто!» и предоставилъ ему сдѣлать операцію.

Въ то время, когда кончилась операція и дѣлали перевязку, подѣхалъ къ группѣ кн. Меншиковъ, бывшій тогда еще въ чинѣ штабсъ-капитана и флигель-адъютантомъ и съ видомъ жалостливаго участія, обращается къ Остерману съ вопросомъ:

— «Какъ вы себя чувствуете?»

— «Voyez, prince», отвѣчаетъ графъ, «quelle mésaventure m'est arrivée! donnez moi une prise!...» (посмотрите, князь, какая случилась со мной непріятность! Дайте мнѣ табакъ понюхать!...).

Лѣтъ 30-ть спустя, мнѣ пришлось слышать отъ самого Алексѣя Петровича (Ермолова), что ему, подъ Кульмомъ, гораздо было труднѣе управиться съ Остерманомъ, нежели съ французами! Въ пылу сраженія, графъ постоянно стоялъ передъ фасомъ-каре,

обращенномъ въ Дрездену; но французы, съ противной стороны, въ обходъ каре, готовились вести атаку.

— «Тогда», говоритъ Ермоловъ, «я спѣшилъ объявить это Остерману, приглашая отдать каре нѣсколько назадъ!»

— «О! это мнѣ никогда даромъ не проходитъ! Ни на шагъ назадъ!» кричалъ графъ. «Вы всѣ трусы! Стоять и умирать на мѣстѣ!...»

— «Такъ что», продолжалъ Ермоловъ, «мнѣ едва ни приходилось его тащить!...»

Когда мы прошли за Теплицъ, лошади подъ артиллеріею почти во всѣхъ ротахъ, исключая гвардейскихъ, были до таковой степени изнурены, что мнѣ никогда не случалось въ другой разъ встрѣчать. Онѣ садились на заднія ноги, подобно собакамъ, и слышанъ былъ отъ нихъ стонъ, похожій на вой!... Это обстоятельство столь покажется невѣроятнымъ, что я вынужденъ объяснить его. Я уже говорилъ, что дефиле имѣло основу кремнистый камень. Лошади съ первыхъ шаговъ при спускахъ съ горъ, привышія упираться задними ногами, теряли подковы, не имѣя чѣмъ замѣнить ихъ, а повторяя это, почти на каждыхъ 10-ти саженьяхъ одну и ту же операцію, такъ утрудили заднія ноги, что, наконецъ, не могли на нихъ держаться. Въ ротахъ же гвардейской артиллеріи, еще съ зимы 1812 года, былъ большой запасъ подковъ, хранившихся въ передкахъ при орудіяхъ, при зарядныхъ ящикахъ, въ торбахъ, что давало возможность на мѣстѣ подновлять ковку. Это сберегло лошадей, такъ что послѣ Кульмскаго дѣла, 18-го числа бывшаго, всѣ роты гвардейской артиллеріи выведены были въ полномъ своемъ составѣ, вмѣстѣ съ войсками, на парадъ 19-го августа 1813 г. и представились въ блестящемъ видѣ, въ удивленію государя...

19-го августа, послѣ бывшаго парада, капитанъ Демидовъ, командовавшій 2-й легкою ротою, въ которой я числился, по какому-то неудовольствію отпрапортовалъ себя больнымъ. Эйлеръ предписалъ мнѣ отправиться въ ротѣ и вступить въ командованіе оной, что и продолжалось во все время стоянки нашей подъ Кульмомъ, слишкомъ двѣ недѣли.

30-го августа гвардейская пѣхота и пѣшая гвардейская артиллерія, въ день ангела государя, давала обѣдъ прусской гвардейской пѣхотѣ и артиллеріи. Съ офицеровъ было взято по 50 р.

ассигн. съ каждаго. Распорядителемъ праздника былъ флигель-адъютантъ Сипягинъ. Моя рота была расположена у селенія, названія не помню, и тутъ была моя квартира. Позади моего дома находилась большая мазанковая рига. Эта рига была главнымъ средоточіемъ торжества. Сперва всѣ стѣны, кромѣ столбовъ, были вынуты, а потомъ къ обонимъ концамъ пристроили дуги, а къ центру еще особенно придѣланъ (навѣсъ); все это составило галлерею изъ однихъ столбовъ. Столбы до потолка увились зеленью и посрединѣ былъ поставленъ столъ въ три аршина ширины, такъ что поперекъ стола могли свободно ѣсть три osoby; въ полукругѣ столы были поставлены такъ, что собесѣдники сидѣли съ одной только стороны и всѣ были обращены лицами къ главному столу. Люстры и арматура снаружи были сдѣланы изъ яркихъ цвѣтовъ, добытыхъ въ Прагѣ. Въ интервалахъ между столбами, передъ обѣдомъ, были разставлены по два гренадера Павловскаго полка. У передняго фасада стояла въ караулѣ рота Преображенскаго полка, со знаменемъ и хоромъ музыкантовъ того же полка, а позади галлерей, въ 3-хъ мѣстахъ, хоры другихъ гвардейскихъ полковъ. Пѣсенники всѣхъ полковъ были собраны тоже позади галлерей. Гости наши собрались въ два часа, а государь прибылъ въ три. За столомъ занимали мѣста: императоръ австрійскій въ срединѣ, прусскій король справа, государь слѣва отъ него; возлѣ прусскаго короля сидѣлъ Барклай-де-Толли, возлѣ государя кн. Шварценбергъ; за Шварценбергомъ — великій князь Константинъ Павловичъ, а за Барклаемъ — прусскій принцъ; за офицерскими столами сидѣли одни пруссаки, а мы прислуживали и угощали гостя, соотвѣтственно тому роду войскъ и оружія, къ которому принадлежалъ угощаемый: такъ гренадеры выбрали гренадеръ, егеря — егерей, саперы — саперъ и т. д., на мою долю пришелся артиллеристъ. Въ самой срединѣ обѣда, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ галлерей, вспыхнулъ огонь въ строеніи, занимаемомъ кухней. Государь встревожился и сказалъ великому князю по-русски:

— «Нѣтъ-ли опасности?»

— «Здѣсь Эртель, ваше величество!» отвѣчалъ великій князь.

Государь и всѣ русскіе, понявшіе остроту, расхохотались. (Эртель, извѣстный петербургскій оберъ-полиціймейстеръ, а тогда генералъ-полиціймейстеръ въ арміи). И дѣйствительно, менѣе не-

жели въ $1\frac{1}{4}$ часа, гвардейцы по бревну разобрали горящее зданіе и разнесли въ сторону, оставивъ на-показъ печь, вастрюли и поваровъ.

Послѣ обѣда государь обходилъ, какъ гостей, такъ и угощавшихъ, и съ каждымъ милостиво разговаривалъ, чѣмъ такъ очаровалъ иностранцевъ, что они, по отъѣздѣ государя, со слезами припоминали каждое сказанное имъ слово. Прусскій же король занялся слушаніемъ пѣсенниковъ нашихъ, гдѣ главнымъ рожечникомъ (играющимъ на рожкѣ) былъ моей роты бомбардиръ Минаевъ. и онъ его заставлялъ нѣсколько разъ проигрывать и повторять обычныя при русскихъ пѣсняхъ «solo», такъ что чрезъ недѣлю мой Минаевъ отъ истощенія въ груди отправился на тотъ свѣтъ, а потомъ чрезъ нѣсколько дней за усердіе его были присланы двѣ медали: одна золотая—отъ австрійскаго императора, а другая серебрянная—отъ прусскаго короля. Сдѣлавшіяся достоинствомъ роты, медали эти были обращены къ образу въ память покойнаго.

5-го сентября 1813 года, въ день ангела императрицы, на томъ же мѣстѣ, гвардейская кавалерія наша угощала прусскихъ кавалеристовъ въ присутствіи монарховъ и военачальниковъ. Этотъ пиръ кончился весьма плачевно. Когда государи отбыли, офицеры продолжали свое угощеніе; головы разгорячились; началась проба лошадей и скачка чрезъ барьеръ. Командиръ прусскаго гвардейскаго уланскаго полка, молодецъ лѣтъ 30-ти, безъ кивера и безъ сабли, пустился перескакивать какую-то преграду и на самомъ вносѣ лошади сорвался съ нея и тутъ же убится до смерти. Это произошло въ виду нашемъ.

4-го октября сраженіе подъ Лейпцигомъ уже было въ полномъ разгарѣ, а мы находились въ резервѣ и варили кашу; часу въ двѣнадцатомъ приказано было опрокинуть котлы и на рысяхъ всей артиллеріи идти впередъ. Это былъ тотъ самый моментъ, когда французы, бросившись на гвардейскую батареиную роту графа Аракчеева, проскакали ее и устремились къ государю. Государь приказалъ своему конвою отразить эту атаку — и батарея была спасена.

Офицеры этой роты, и въ особенности подпоручикъ Тиманъ младшій, рассказывали послѣ подробности сдѣланнаго на нихъ удара. Французскіе конно-егеря бросились вскачь на батарею и,

проскакавъ въ интервалахъ между орудій, понеслись далѣе, а задніе стали рубить канонировъ и приступили уже къ управленію пушками. Въ это время онъ, Тиманъ, бросился на землю и чрезъ него перескочило уже нѣсколько всадниковъ, какъ вдругъ стали поворачивать орудіе и хоботомъ лафета прямо на него!... Онъ вскочилъ, перебѣжалъ на другую сторону орудія и опять бросился на землю. Не прошло 5-ти минутъ, какъ французская кавалерія обратилась назадъ, а за ними наши казаки — и опять нѣсколько лошадей перепрыгнули чрезъ него, но ни одна не задѣла его копытомъ. Онъ лежалъ ни живъ, ни мертвъ и остался невредимъ. Другой офицеръ этой роты, прапорщикъ вн. Трубецкой, попался уже въ плѣнъ и одинъ кавалеристъ, взявъ его за воротникъ, тащилъ его за собою. Но ихъ обскакали сперва французы, за ними казаки, а вслѣдъ за послѣдними подоспѣлъ нашей же гвардейской артиллеріи поручикъ Ярошевицкій, который въ этотъ день былъ командированъ на ординарцы къ начальнику артиллеріи. Князь Яшвилъ находился за болѣзнью въ отсутствіи, а его мѣсто, во время лейпцигскаго сраженія, заступалъ начальникъ его штаба генералъ-маіоръ Сухозанетъ, распорядившійся и насъ подвинуть впередъ въ самый необходимый моментъ, такъ что этимъ дѣломъ обратилъ на себя особенное вниманіе государя. При немъ-то и былъ Ярошевицкій. Желая отличиться въ глазахъ самого государя, онъ пустился въ атаку вмѣстѣ съ казаками и имѣлъ случай отбить князя Трубецкаго у француза, ударивши послѣдняго по рукѣ шпагою. Пока все это происходило, Сухозанетъ распорядился, чтобы на то мѣсто, гдѣ была разстроенная рота графа Аракчеева, поставить нашу роту и немедленно подать ее впередъ. Это было передъ деревней Вахау. Лейбъ-гвардіи финляндскій полкъ въ то же время пустился бѣгомъ для занятія этой деревни и, не доходя оной, взялъ нѣсколько вправо; мы тотчасъ открыли огонь. Каково же было наше удивленіе, что предметы, противъ которыхъ были обращены наши орудія, были: Ярошевицкій и вн. Трубецкой, быстро къ намъ приближавшіеся, одинъ — на лошади, а другой — пѣшій съ блѣднымъ и длиннымъ лицомъ! Князь Трубецкой между товарищами слылъ большимъ нувелистомъ; вращаясь всегда въ кругу генералитета, въ корпусной и дивизіонной квартирахъ, онъ всегда первый доставлялъ намъ политическія и придворныя

новости. Въ настоящемъ случаѣ Ярошевицкій, въ короткихъ словахъ, спѣшилъ намъ объяснить, какъ онъ спасъ Трубецкаго и поспѣвалъ къ Сухозанету. Трубецкой молчалъ и никакъ не могъ придти въ себя, такъ все это быстро сдѣлалось, а мы, вмѣсто того, чтобы пожать бѣднаго товарища, стали подшучивать надъ нимъ:

— «Зачѣмъ туда ходилъ? Не разузналъ-ли чего? Что у нихъ новаго? Кто у нихъ тамъ командуетъ?» и т. д.

Я забылъ сказать, что Демидовъ, мой капитанъ, выздоровѣлъ и командовалъ опять роткою. Уже часа два, какъ мы продолжали пальбу, раздался голосъ одного бомбардира:

— «Капитана убили!»

— «Котораго?» закричало вдругъ нѣсколько голосовъ.

— «Демидова!»

— «Ну хорошо еще, что не Жиркевича!» кто-то отвѣчалъ на это.

Вышло, что подъ Демидовымъ была убита лошадь и онъ, освободясь изъ-подъ нея, хладнокровно подошелъ ко мнѣ рассказать этотъ случай.

5-го октября мы простояли все на томъ же мѣстѣ, а 6-го насъ подняли, когда еще не разсвѣтало, и приказали быть въ готовности. Едва показался свѣтъ, насъ отдѣлили отъ гренадеръ выстроили три роты въ колоннахъ, въ одну линію, и двинули впередъ. Передъ нами уже было нѣсколько ротъ еще впереди, а въ интервалахъ, между ними, гвардейская пѣхота. При первыхъ лучахъ зари, пальба уже загремѣла по всѣмъ направлѣніямъ, а войска двигались, точно на маневрахъ, стѣсняя кругъ свой къ одному центру—Лейпцигу. Погода была ясная, но дулъ сильный вѣтеръ—рѣзкій и холодный. Часовъ въ 9-ть прискакалъ къ намъ государь въ мундирѣ Семеновскаго полка, въ шляпѣ, закрытою клеенкою, и безъ султана. Мы стояли въ это время на небольшомъ возвышеніи; орудія были сняты съ передковъ. Государь остановился, сталъ смотрѣть въ подзорную трубу на происходившую битву, и когда посмотрѣлъ вправо отъ насъ, вдругъ вскричалъ:

— «Что это тамъ дѣлается? Я право разобрать не могу!...» Это восклицаніе заставило насъ всѣхъ пристально посмотрѣть въ ту сторону, куда онъ глядѣлъ. Мы ничего не могли разглядѣть

за дымомъ, но замѣтили только, что на этомъ пунетѣ, съ нашей стороны, вдругъ прекратилась пальба, а потомъ, когда дымъ нѣсколько разчистился, мы могли различить, что какая-то масса войскъ очутилась позади общей линіи нашей, такъ что первая мысль государя и наша была, что французы, сдѣлавъ сильную атаку, осадили нашихъ и теперь, занявъ ихъ мѣсто, съ онаго начнутъ по нимъ стрѣлять. Государь послалъ кого-то немедленно узнать, что это значитъ, и сталъ еще внимательнѣе разсматривать въ подзорную трубу. Едва прошло 10-ть минутъ, какъ прискакалъ капитанъ кн. Голицынъ въ мундирѣ Семеновскаго полка, имѣя руку на перевязи; бросивъ поводъ лошади, онъ соскочилъ съ нея, подбѣжалъ къ государю и подавъ ему какой-то лоскутокъ бумаги. Государь спросилъ его:

— «Что это, раненъ князь?»

— «Ничего государь. Только оцарапанъ,» отвѣчалъ онъ.

Тогда государь прочелъ записку и, обратясь къ намъ и другимъ, тутъ стоявшимъ, съ веселымъ лицомъ сказалъ:

— «Вотъ вамъ разгадка! Это саксонцы перешли на нашу сторону, пишетъ графъ Беннингсенъ!»

— «Ну, что князь, здоровъ графъ?» и съ этими словами государь галопомъ поскакалъ въ ту сторону, откуда пріѣхалъ Голицынъ.

Въ этотъ день намъ не пришлось сдѣлать ни одного выстрѣла, но нѣсколько французскихъ ядеръ долетѣло до насъ, и не безъ вреда для роты. Эту ночь мы провели на мѣстѣ сраженія, а 7-го октября, рано утромъ, обойдя слѣва Лейпцигъ, пустились вслѣдъ за французами, и чрезъ два дня перестали бивуакировать, а стали располагать свои ночлеги на тѣсныхъ квартирахъ.

Мы шли на Веймаръ, Мейнингенъ, Вюрцбургъ и Ашаффенбургъ и около Мейнингена уже такъ отделились, или, лучше сказать, отстали отъ французовъ, что нашимъ ротамъ отводились квартиры, по крайней мѣрѣ, верстъ на пять въ сторону отъ дороги, въ горахъ, а орудія оставляли на трактѣ. Обыватели этихъ мѣстъ до нашего прихода не видали русскаго солдата и имѣли о немъ понятіе, какъ о людоедѣ. Когда мы объявили имъ, что мы—русскіе, они этому вѣрить не хотѣли, называя насъ прусса-

нами и, ссылаясь въ этомъ случаѣ на то, что мы объясняемся съ ними по-нѣмецки.

Около Вюрцбурга намъ пришлось проходить около самой цитадели, гдѣ еще оставался французскій гарнизонъ, который не препятствовалъ намъ пройти. 1-го или 2-го ноября мы прибыли во Франкфуртъ-на-Майнѣ. Подъ Лейпцигомъ командовавшій 1-й ротой, полковникъ Базилевичъ былъ легко раненъ; между тѣмъ, капитаны Ладыгинъ и Демидовъ произведены были въ полковники, Ладыгинъ—за Кульмъ, а Демидовъ, старше его,—за Лейпцигъ, тѣмъ почелъ себя обиженнымъ, и Ладыгину, какъ старшему, поручена была бригада и рота его высочества; мнѣ же велѣно вступить въ командованіе 1-й легкой ротой и съ ней я вступилъ во Франкфуртъ одинъ изъ бригады при гвардіи; прочія же роты оставались версты за четыре въ Оффенбахѣ.

Мнѣ отвели квартиру противъ самой ратуши, у одной дворовой хозяйки большого торговаго дома, по фамиліи Менони ди-Петро. Этотъ домъ имѣлъ свои конторы, кромѣ Франкфурта, въ Ліонѣ и въ Лейпцигѣ; въ послѣднемъ городѣ, въ домѣ ея квартировалъ, взятый въ плѣнъ, саксонскій король.

Когда я прибылъ на квартиру, хозяйка дома встрѣтила меня у подъѣзда и повела въ парадныя комнаты, предоставляя ихъ въ мое распоряженіе. Но я усиленно ее упросилъ, чтобы мнѣ дали двѣ или три комнаты въ сторонѣ, и прибавилъ, что мнѣ больше всего нужны кухня, ибо я, какъ начальникъ роты, держу столъ для своихъ офицеровъ. На счетъ комнатъ мнѣ была сдѣлана уступка, но на счетъ кухни, какъ хозяйка, такъ равно и главный повѣренный по дѣламъ, рѣшительно отказали, утверждая, что это будетъ для нихъ большая обида, если я откажусь отъ ихъ стола. Тутъ, для большаго ихъ вразумленія, я объявилъ, что у меня въ ротѣ пять человѣкъ офицеровъ и что это еще не вся моя компанія; что въ Оффенбахѣ квартируетъ цѣлая наша бригада и что каждый мой товарищъ, пріѣзжая во Франкфуртъ, непременно будетъ останавливаться у меня, а когда придетъ бригада для парадовъ, то наберется у меня офицеровъ человѣкъ до 20-ти. Но все это ни къ чему не послужило. Хозяйка и повѣренный настояли на своемъ и просили только объ одномъ, чтобы часа за два до обѣда объявлять, сколько персонъ обѣдаютъ, а все прочее предоставить имъ на ихъ усмотрѣніе. И точно. Я квартировалъ

во Франкфуртъ до 30-го ноября 1813 г.: мои ротные офицеры каждый день со мной обѣдали; каждый день 2 или 3 гостя являлись изъ Оффенбаха, раздѣляли нашу трапезу и постоянно обѣдъ состоялъ изъ 5-ти блюдъ съ такимъ количествомъ бутылокъ стараго рейнвейна, что мы всегда часть отдавали нашимъ денщикамъ. Въ продолженіе нашей стоянки разъ пять или шесть были парады и хозяйка всякій разъ отправляла на мѣсто парада цѣлыя корзины съ винами и закусками, прося только для принесенія ихъ людей и со всѣмъ тѣмъ, въ день выхода моего изъ Франкфурта, хозяйка меня провожала, какъ сына, со слезами на глазахъ, далеко за городъ. Въ мое распоряженіе предоставлена была ложа въ театрѣ; я былъ записанъ членомъ въ клубъ, и когда хозяйка замѣтила, что я не курю табаку, но мои гости курятъ и не выпускаютъ трубокъ изъ рта, то каждый день приносила ко мнѣ въ кабинетъ по фунту турецкаго табаку. Едва вставалъ я поутру съ постели, которую убирали каждый день тонкимъ постельнымъ бѣлѣмъ и выходилъ въ кабинетъ, тамъ уже стоялъ столъ съ кофе и полудюжиною чашекъ. На другомъ столѣ лежала всѣхъ сортовъ писчая бумага, ¹/₂ ящика карандашей, гусиныхъ ново-очиненныхъ перьевъ, коробки съ вакшафомъ, турецкимъ табакомъ, двѣ или три пачки, разныхъ названій, сигаръ; все это каждый день перемѣняли на свѣжее и новое. Тотчасъ являлся повѣренный съ вопросомъ: не нужно-ли чего-нибудь для меня, сколько будетъ сегодня у меня обѣдать и къ которому часу долженъ быть обѣдъ? Я иначе не соглашался обѣдать, какъ съ хозяевами и они принимали это за большую честь и удовольствіе. Обѣдъ каждый день былъ ровно въ часъ.

Въ моей ротѣ офицерами были тогда: поручикъ Стаховичъ, подпоручики Понкратьевъ, Поповъ и прапорщикъ Похвисневъ. Чаше другихъ навѣщали меня, во Франкфуртъ, два брата Тимана, Сумароковъ, Ладыгинъ, Дунинъ - Барковский, Дивовъ и кн. Горчаковъ. Послѣдній болѣе являлся къ театру. Въ одномъ домѣ со мною квартировалъ прусскій гвардейскій офицеръ Шульцендоретъ и еще какой-то австрійскій капитанъ. Перваго я также приглашалъ къ столу моихъ хозяевъ, а послѣдняго даже вблизи никогда не видѣлъ. Это я все рассказываю для того, чтобы показать, до какой степени русскіе пользовались довѣріемъ и расположеніемъ франкфуртскихъ обывателей.

Молодость бываетъ не безъ шалостей. Всѣ мы вообще, офицерство, куртизировали актрисъ въ театрѣ. Тогда тамъ были двѣ славныя своимъ талантомъ: фрау-фонъ-Бушъ и Генриетта Миллеръ, первая къ тому была еще красавица. Въ концѣ спектакля, играли наші любимыя актрисы или нѣтъ, мы постоянно ихъ вызывали, но, не довольствуясь еще этимъ, выходя изъ театра на улицу, къ подъѣзду, кричали:

— «Вивать фрау-фонъ-Бушъ! Вивать Генриеттѣ Миллеръ!»

Отъ театра до моей квартиры нужно было идти по главной улицѣ, и къ каждому дому подходи, одинъ изъ насъ дергалъ колокольчикъ, дверь отворялась, дворникъ выглядывалъ въ окно съ вопросомъ: «что угодно?»

— «Вивать фрау-фонъ-Бушъ! Вивать Миллеръ!» кричали мы и это повторялось всякій день.

Во Франкфуртѣ были розданы нѣкоторымъ лицамъ медали въ память 1812 года и я надѣлъ ее 21-го ноября. Мы выступили изъ этого города 30-го ноября.

Изъ Франкфурта намъ данъ былъ маршрутъ прямо до Базеля. Мы шли чрезъ Дармштадтъ, Гейдельбергъ и Карлсруэ, но тамъ насъ вдругъ остановили и расположили на кантониръ-квартиры. Моей ротѣ досталось стоять въ городѣ Бренштейнѣ, принадлежавшемъ собственно марк-графинѣ Баденской, матери императрицы Елисаветы Алексѣевны. Во время этой стоянки я откормилъ своихъ лошадей, ибо тамъ смѣло требовалъ удвоенную порцію фуража, потому что нѣмцы намъ ни въ чемъ не отказывали, была бы лишь имъ выдана квитанція. Такимъ образомъ, я заготовилъ для роты болѣе нежели на 200 талеровъ желѣзныхъ подковъ и все это сошло съ рукъ. Конечно, еслибы внослѣдствіи стали свѣрять квитанціи съ настоящею потребностью, то было бы плохо, но этого никогда не могло случиться и никто изъ насъ объ этомъ не беспокоился.

Когда мы вновь пошли въ походъ, въ Фрейбургѣ я находился съ моею ротою одинъ при гвардіи; я парадировалъ мимо государя и австрійскаго императора. Лошади мои поотѣлились и танцевали подъ музыку. При послѣднемъ зарядномъ ящикѣ пристяжная лошадь сбила валежъ съ крюка и какъ это уже былъ конецъ войска, сзади не шло ни одного солдата, а за убылью въ сраженіяхъ при этомъ ящикѣ не было подручнаго, то я под-

скочилъ къ ящику, слѣзъ съ лошади, надѣлъ валекъ на крюкъ и поѣхалъ за ротою. Едва я отъѣхалъ нѣсколько шаговъ, подъѣзжаетъ ко мнѣ графъ Милорадовичъ, командовавшій гвардейскимъ корпусомъ.

— «Богъ мой!» сказалъ онъ, «за что это государь велѣлъ васъ арестовать?»

— Не знаю ничего, отвѣчалъ я; можетъ быть за то, что лошадь сшибла валекъ у ящика..

— «Жаль мнѣ, очень жаль», сказалъ графъ и поѣхалъ далѣе.

Мы прошли городъ Леррахъ и рота моя расположилась въ деревнѣ, верстахъ въ 4-хъ оттуда; тутъ же была дивизіонная квартира Ермолова. Мы простояли два дня и офицеры ѣздили взглянуть на рейнскій водопадъ; я же оставался дома, не имѣя ни желанія, ни духу, такъ былъ убитъ новостью, сказанною мнѣ Милорадовичемъ. Въ самый день происшествія пріѣхалъ ко мнѣ фельдъегерь съ приказаніемъ — явиться къ графу Аракчееву. Я нѣсколько встревожился, но не испугался, ибо обдумалъ, что я не сдѣлалъ ничего такого, чтобы Аракчееву могло быть поручено лично расправиться со мной. Когда я явился къ графу, онъ меня встрѣтилъ словами:

— «У меня, Жиркевичъ, до тебя есть просьба! Но прежде скажи мнѣ, за что на тебя прогнѣвался сегодня государь?»

— Можетъ быть государь призналъ за безпорядокъ, что лошадь подъ ящикомъ валекъ сбила!

— «Не знаю», сказалъ Аракчеевъ, «но все-таки, братъ, не хорошо, ежели государь на кого сердится! А теперь вотъ въ чемъ дѣло. Князь Андрей Николаевичъ Долгорукій прислалъ ко мнѣ сына своего для опредѣленія въ службу. У меня никого нѣтъ близко знакомаго, кому бы я могъ передать и поручить юношу. Сдѣлай для меня дружбу, возьми его къ себѣ въ роту. и прими на свое попеченіе. Все, что ты для него сдѣлаешь, отецъ его приметъ на свой счетъ, а я—на мой собственный! Вотъ молодецъ! Рекомендую его тебѣ!»

Тутъ разговоръ обратился на посторонніе предметы и онъ меня, не задерживая, отпустилъ домой.

По возвращеніи моемъ, когда я все ожидалъ еще напророченнаго мнѣ ареста, принесли мнѣ высочайшій приказъ и я, къ

удивленію моему, прочелъ, что мнѣ, вмѣстѣ съ другими, начальствовавшими на парадѣ, объявлено высочайшее благоволеніе.

Какъ мнѣ послѣ рассказывалъ одинъ изъ адъютантовъ Ермолова развязка этого обстоятельства была слѣдующая. Когда, пройдя мимо государя, я отправился далѣе, государь сказалъ вслухъ Милорадовичу:

— «Прикажите арестовать командира роты!»

Милорадовичъ уѣхалъ, а Ермоловъ приблизился къ государю и сказалъ:

— «Я слышалъ, ваше величество, приказаніе ваше, на счетъ штабсъ-капитана Жиркевича; осмѣлюсь ходатайствовать за него. Рота, которую вы изволили теперь смотрѣть, та самая, о которой я вамъ докладывалъ во Франкфуртѣ, что вовсе не получаетъ фуража для лошадей, а теперь вы изволили видѣть каковы лошади?»

— «Да, это правда твоя, Алексѣй Петровичъ, лошади сыты; но все-таки не въ порядкѣ, потерты и худо вычищены; да и къ тому-же, людей много недостаетъ въ ротѣ!»

— «Что лошади потерты, отъ этого избавиться нельзя, государь», возразилъ Ермоловъ, «не ремонтируя роту отъ начала похода, это не вина командира, да и командиры одинъ другого смѣняютъ, а новые не могутъ отвѣчать за прежнихъ».

— «Ну хорошо, пусть будетъ по твоему. Объявить въ приказѣ командиру роты, какъ и прочимъ, благодарность!» сказалъ государь.

На другой же день былъ переведенъ въ гвардейскую артиллерию командиръ 1-й бригады, полковникъ Таубе. Въ началѣ кампаніи онъ былъ еще поручикомъ и адъютантомъ кн. Яшвиля и въ продолженіе похода, переведенный въ гвардію одинъ за другимъ, до полковника, получалъ чины. Подъ Бородинымъ у насъ былъ тоже полковникъ Таубе, Карлъ Максимовичъ, котораго всѣ офицеры, безъ исключенія, любили и уважали и которому оторвало ногу. Сколько того любили, въ такой же степени къ теперешнему обратилась наша общая антипатія. Этого Таубе у насъ иначе не звали какъ: «Керль-это-Керль!» — по отвѣту его на сдѣланный ему вопросъ однимъ генераломъ объ его имени и отчествѣ. Когда еще онъ не былъ назначенъ къ намъ командовать, но уже былъ произведенъ въ полковники, то, проѣзжая

разъ по фронту нашей бригады, молодежь-офицерство встрѣтило его и провожало криками: «Керль-это-Керль! Ату-его!»

VII.

Франція.—Безпокойный меръ.—Служебныя неприятели.—А. П. Ермоловъ.—
Сраженіе подъ Бріенномъ.

1814 г.

Наконецъ, 1-го января 1814 года мы перешли Рейнъ, въ Базель, и вступили въ предѣлы Франціи. Когда мы шли нѣмецкими провинціями, мы не находили для себя ничего страннаго, такъ уже мы свыклись и съ говоромъ, и съ ихъ обычаями, но на второмъ переходѣ — услышать кругомъ себя чистый французскій языкъ — было для насъ особенной новостью.

Не припомню теперь именно, въ какой деревнѣ, рота, войдя и установя паркъ, стала расходиться по квартирамъ, меня встрѣтилъ мой хозяинъ, деревенскій меръ, со всѣмъ своимъ семействомъ, болѣе состоящаго изъ женскаго пола, ибо мужчины, вѣроятно, всѣ попали въ конскрипцію. Обласкавъ всѣхъ, я сталъ спрашивать мера объ ихъ положеніи и просилъ его доставить намъ, сколько нужно будетъ, фуража и хорошенько кормить людей въ квартирахъ. На послѣдній счетъ онъ меня обнадежилъ, а о фуражѣ объявилъ, что во всей деревнѣ овса нѣтъ ни зерна и ни за какія деньги достать его нельзя. Но мои фуражиры начали уже свое дѣло и тутъ же фельдфебель мнѣ объявилъ, что они нашли на кладбищѣ большую яму, куда ссыпано значительное количество овса. Я расположился спокойно отдохнуть, но не прошло $\frac{1}{4}$ часа вбѣгаетъ меръ и кричить:

— «Разбой! грабительство! святотатство!»

Начинаю его спрашивать, въ чемъ дѣло, хотя и догадываюсь о чемъ онъ кричитъ.

— «Помилуйте», говоритъ онъ, «ваши солдаты разрываютъ могилы нашихъ покойниковъ. Это неслыханное дѣло! Одни варвары въ состояніи это дѣлать!»

— Погодите, не горячитесь очень, возразилъ я, мы постараемся все это разслѣдовать.

Но мой меръ ничего не хотѣлъ слушать и еще болѣе прежняго началъ кричать:

— «Разбой! святотатство!»

Объяснивъ ему все, что мнѣ доложилъ фельдфебель, я добавилъ, что никакого святотатства тутъ не совершено, а что, напротивъ, его бы слѣдовало арестовать за сокрытіе фуража и за ложное донесеніе; но меръ, не принимая никакихъ объясненій, продолжалъ по прежнему кричать на всѣ лады, что мы—варвары! На эти крики въ комнату и къ дому собралась толпа женщинъ съ дѣтьми, которыя еще пуще мера кричали. Вся эта сцена мнѣ сильно прискучила, и чтобы получить себѣ покой и положить этому конецъ, я обратился къ юнкеру кн. Долгорукову и сказалъ ему, указывая на мера:

— Возьмите этого человѣка и разстрѣляйте его за деревню!

Долгорукій взялъ его за воротникъ и потащилъ изъ комнаты, и вдругъ куда дѣвалась у француза прыть. Затрясся, поблѣднѣлъ; жена его и дочери бросились ко мнѣ въ ноги, умоляя о пощадѣ и общая мнѣ достать вдвое болѣе фуража, сколько я требовалъ. Конечно, что вся это траги-комедія этимъ и кончилась, но, вѣроятно, осталась въ памяти и передается, какъ преданіе, позднѣйшему потомству, какъ «варваръ москвитъ» хотѣлъ разстрѣлять мера.....

Во время похода, на одномъ изъ переходовъ, Ермоловъ, командовавшій 2-й гвардейской дивизіею, при которой всегда шла моя рота, подѣхалъ ко мнѣ, сошелъ съ лошади и пошелъ со мной пѣшкомъ.

— «Ну, слышалъ ты новость, любезный сослуживецъ! Вамъ дали новаго командира, да какого еще? Нѣмца! — Карла Таубе! Знаешь что? Шмерцъ разгонитъ всѣхъ моихъ сотоварищей и сослуживцевъ. Нѣтъ, любезный Иванъ Степановичъ, ни одинъ изъ васъ не останется съ нимъ служить».

Я говорилъ выше о неудовольствіи на меня Ермолова и о послѣдствіяхъ онаго. Теперь я промолчалъ, но едва лишь мы пришли на квартиру, рапортовался больнымъ и болѣе передъ фронтъ роты не являлся.

Первое извѣстіе, которое получилъ о бригадѣ полковникъ Таубе, пріѣхавшій не совсѣмъ, но временно, взглянуть на бригаду, былъ мой рапортъ о болѣзни и онъ немедленно сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: полковника Ладыгина, командовавшаго до сего времени бригадою и ротою его высочества и по прибытіи

Таубе, сказавшагося больнымъ, онъ немедленно перечислилъ къ 1-й ротѣ, но далъ предписаніе не вступать въ командованіе оной, прежде какъ по выздоровленіи; по моему же рапорту, для командованія по фронту, приказалъ прикомандировать къ ротѣ изъ роты его высочества штабсъ-капитана князя Горчакова 2-го. За этики на другой день назначилъ инспекторскій смотръ моей ротѣ поутру въ 8 часовъ. Это было подъ городомъ Везулемъ. Ладившій къ ротѣ еще не прибылъ, а я—къ фронту не вышелъ. Таубе приѣхалъ на смотръ верстъ за 25 и прямо къ строю. Тутъ онъ спросилъ у кн. Горчакова обо мнѣ и можетъ ли онъ меня видѣть? Горчаковъ отвѣчалъ, что я не такъ боленъ, чтобы могъ отказать ему въ посѣщеніи. Тотчасъ послѣ парада, онъ и всѣ офицеры вошли ко мнѣ и, вмѣсто привѣтствія, Таубе грубо спросилъ меня:

— «Вы больны, г. Жиркевичъ?»

— Боленъ, отвѣчалъ я.

— «Чѣмъ?»

Я назвалъ такую болѣзнь, что всѣ присутствовавшіе захохотали, ибо никто, да и я самъ, этого не ожидали. Меня возбѣсилъ тонъ, которымъ былъ сдѣланъ вопросъ, а также дурацкое освидѣтельствованіе меня г-мъ Таубе.

— «Ah! c'est une espèce de galanterie!»¹⁾ сказалъ Таубе, и обратился съ распросами о ротѣ.

Я объявилъ Таубе, что, будучи больнымъ, я не въ состояніи разговаривать съ нимъ стоя; онъ отвѣчалъ, что я—хозяинъ дома и могу дѣлать что хочу, а потому я пригласилъ всѣхъ офицеровъ садиться и самъ тоже сѣлъ. Таубе одинъ не сѣлъ и стоялъ въ кругу нашемъ. Наконецъ, видя, что я не обращаю къ нему моего приглашенія, онъ объявилъ откровенно, что, проѣхавъ верхомъ около 25-ти верстъ и пробывъ на морозѣ слишкомъ два часа, онъ съ охотою бы теперь выпилъ рюмку водки. Я ему предложилъ водки и сыру, но болѣе ничего не могъ ему подать, такъ какъ поваръ мой, фронтовой солдатъ, находился на смотру и обѣда еще не готовилъ. Таубе выпилъ двѣ рюмки водки и сѣлъ болѣе чѣмъ $\frac{1}{2}$ круга сыру (frommage de Brie); раскланялся съ нами и уѣхалъ. Вотъ встрѣча, сдѣланная нами новому начальнику; можно-ли послѣ этого обвинять его, что онъ насъ не лю-

¹⁾ А, это своего-рода любезность.

биль. Но совсѣмъ тѣмъ онъ сталъ иже переставалъ искать нашего общаго расположенія.

Какъ скоро Таубе уѣхалъ, мы тотчасъ успѣли объѣдать и во время стола я сочинилъ и подписалъ рапортъ къ нему, въ которомъ объяснилъ, что я будто боленъ застарѣлою болѣзнию, просилъ его поспѣшить назначеніемъ на мое мѣсто новаго командира роты, а мнѣ — испросить увольненіе, для излеченія болѣзни, въ Россію. Этотъ рапортъ я отправилъ за Таубе вслѣдъ, въ роту его высочества, куда онъ на время поѣхалъ. Къ вечеру я получилъ частное письмо отъ адъютанта 1-й бригады при Таубе, Соколова, при которомъ, обращая обратно рапортъ мой, по приказанію Таубе, извѣщалъ меня, что полковникъ дѣлаетъ единственно изъ снисхожденія ко мнѣ и что завтра же пришлетъ лекаря, который дастъ мнѣ форменное свидѣтельство о болѣзни, которое можно будетъ представить для испрошенія мнѣ отпуска. Я опять обратилъ рапортъ къ Соколову и просилъ доложить Таубе, что я снисхожденія ни отъ кого себѣ не прошу и не желаю, кромѣ какъ отъ Бога.

Насмѣшки и издѣвательства на счетъ Таубе не переставали, и на третій день послѣ отсылки моего посланія второй штабсъ-капитанъ Стаховичъ подалъ мнѣ рапортъ, гдѣ пишетъ, что, признавая себя неспособнымъ служить въ артиллеріи по недостатку свѣдѣній, просить о переводѣ по кавалеріи. Этотъ рапортъ я отправилъ тоже къ Таубе въ бригадную квартиру. Прошелъ день, къ намъ явились товарищи изъ другихъ ротъ и приняли участіе въ дѣлѣ. На послѣдующій день я получилъ форменное предписаніе, въ которомъ Таубе съ вѣжливостью, не упоминая обо мнѣ собственно ничего, ставитъ мнѣ на видъ, что я не предотвратилъ непріятностей отъ подчиненнаго мнѣ офицера, не удержавъ его отъ дерзкаго поступка, и что онъ съ сожалѣніемъ долженъ прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ, почему предписываетъ мнѣ штабсъ-капитана Стаховича, арестованнаго, немедленно отправить къ нему въ штабъ-квартиру.

Едва это предписаніе было прочтено, какъ кн. Горчаковъ тоже подалъ рапортъ, прося о переводѣ его, по слабости зрѣнія, въ пѣхоту, и въ то же время въ другихъ ротахъ подали рапорты, кто объ увольненіи въ отпускъ, кто о переводѣ: Ладыгинъ, Демидовъ, Сумарововъ, Дивовъ, кн. Трубецкой и др.,

такъ что Таубе сталъ выходить изъ себя. Когда нашъ бригадный адъютантъ Тиманъ, докладывавъ ему о прибытіи Стаховича, вручилъ ему мое донесеніе съ просьбой кн. Горчакова, онъ обратился къ Тиману съ вопросомъ:

— «Ну что же вы не подаете рапорта и не проситесь никуда?»

— «Сейчасъ подамъ», отвѣчалъ Тиманъ, и тутъ же принесъ отъ себя прошеніе.

Этимъ случаемъ въ особенности воспользовался Ярошевицкій, который за Лейпцигское сраженіе произведенъ былъ уже въ штабсъ-капитаны, сблизился съ Таубе и сдѣлался его наперсникомъ. Между тѣмъ мы подались къ Лангру. Тамъ Ермоловъ, услышавъ объ исторіи, прислалъ приказъ, чтобы офицеры всей бригады прибыли въ его квартиру. Когда тѣ явились, онъ вышелъ къ нимъ и взволнованнымъ голосомъ началъ съ ними бесѣду.

— «Что вы дѣлаете, безумные? Вы хотите, чтобы изъ васъ кого-нибудь разстрѣляли? Это будетъ; вы увидите. Я увѣряю васъ, что это будетъ. Вѣдь это бунтъ!»

Тутъ не знаю кто-то изъ нихъ, такъ какъ я, рапортуясь больнымъ, у Ермолова не былъ, возразилъ:

— «Бунтъ есть умышленное и условленное согласіе, а изъ насъ никто одинъ другаго не подговаривалъ и подговаривать не станетъ».

— «Знаю», сказалъ Ермоловъ; «въ васъ другое чувство дѣйствуетъ. Но, можетъ быть, только я одинъ умѣю оцѣнить это, а всякій другой вправѣ васъ обвинить по наружности. Я увѣренъ, что еслибы стали васъ всѣхъ разстрѣливать, то каждый бы вышелъ впередъ, чтобы съ него начали. Но послушайте, мои друзья, мои сослуживцы, пріостановитесь и опомнитесь! За кѣмъ теперь очередь подавать просьбу?»

Всѣ молчали.

— «Съ вами говорить не генералъ вашъ Ермоловъ, а вашъ товарищъ и другъ. Ну, отвѣчайте искренно.»

Вышли Коробьинъ и Ваксмуть.

— «Ну вотъ дѣло! Еще разъ прошу васъ остановиться. Обождите, дайте мнѣ два дня сроку, а тамъ дѣлайте, что хо-

тите; пусть хоть васъ всѣхъ разстрѣляютъ, я не буду болѣе удерживать».

Тотчасъ послѣ этого Ермоловъ отправился къ Аракчееву, разсказалъ ему о происшедшемъ и просилъ его, какъ носящаго мундиръ гвардейской артиллеріи, вступить въ это дѣло. Аракчеевъ отвѣчалъ, что онъ уже слышалъ объ этомъ и еще прежде представлялъ государю, что назначеніе Таубе огорчитъ офицеровъ, но государю угодно было и затѣмъ все-таки сдѣлать это назначеніе, а потому онъ, Аракчеевъ, какъ слуга и чтилаиъ воли государя, будетъ поддерживать Таубе.

— «Впрочемъ», продолжалъ графъ, «вы сами, Алексѣй Петровичъ, имѣете голосъ. Просите аудіенцію у государя. Онъ не откажетъ вамъ, и объясните ваши мысли».

Ермолову дана была аудіенція. Первымъ словомъ государя было, когда вошелъ Алексѣй Петровичъ:

— «Это просто бунтъ!»

— «Нѣтъ, государь. Общее раздраженіе и огорченіе, влянусь честью и совѣстью моею».

— «Если такъ», отвѣчалъ государь, «то я ихъ всѣхъ распущу, а бригаду наполню новыми».

— «Государь», возразилъ Ермоловъ, «этихъ офицеровъ будетъ трудно замѣнить другими».

Тутъ государь, не говоря ни слова, вышелъ въ другой покой и оттуда принесъ, въ красномъ сафьянномъ переплетѣ, списокъ офицеровъ гвардейскихъ полковъ; развернулъ артиллерійскую бригаду и началъ читать поименно списокъ, и о каждомъ подробно говорилъ, что онъ о немъ и въ какомъ отношеніи разумѣть. Затѣмъ, дойдя до послѣдняго прапорщика, прибавилъ:

— «Вотъ видишь, Алексѣй Петровичъ, что я всѣхъ твоихъ офицеровъ знаю лично. Мнѣ ихъ будетъ жалъ, но потворствовать не хочу и не могу».

Ермоловъ молчалъ. Государь раза три прошелся по комнатамъ и быстро подойдя къ нему, положивъ руку на его плечо, сказалъ:

— «Ну вотъ еще, что я согласенъ сдѣлать. Призови ихъ и скажи имъ, что я знаю ихъ дѣло. Желалъ бы очень, чтобы они свои просьбы взяли назадъ. Кто же не возьметъ», продолжалъ государь, остановившись на минуту, «можетъ идти куда желаетъ. Я отпускаю».

Ермоловъ съ чувствомъ душевнаго умиленія низко поклонился.

Разсказывая мнѣ впоследствии всю эту сцену; Ермоловъ говорилъ, что на ангельскомъ лицѣ государя была видна вся борьба; проходившая въ душѣ его. Чувства строгости, взысканія и собогъзнанія о людяхъ, честно исполнившихъ долгъ свой въ тяжелыя годы, быстро сдѣлались и онъ безъ умиленія до сего времени (1847 г.) не можетъ о семъ вспоминать.

Ермоловъ передалъ желаніе государя офицерамъ и всѣ просьбы были взяты обратно, кромѣ Ладыгина, Демидова, Стаховича и нѣк. Меня и Ладыгина отпустили въ Россію; Демидова — къ германскимъ водамъ, а Стаховича великій князь Константинъ Павловичъ упросилъ перевести въ гвардейскую конную артиллерию.

Адъютанта Тимана мы похоронили вонѣ Труа. Онъ внезапно занемогъ горячкою и на третій день умеръ. За неимѣніемъ нашего священника, пасторъ прусскихъ войскъ совершалъ погребальную службу. Наши похороны гвардейскаго офицера поразили прусскихъ гвардейцевъ. Въ особенности, что ихъ поражаело — это то, что офицеры сами подняли гробъ и несли его на рукахъ болѣе 3-хъ верстъ, до самаго кладбища.

— «Этой чести у насъ и фельдмаршалъ не добьется», говорили они; а мы имъ отвѣчали, «что любимый товарищъ по чувствамъ выше и дороже фельдмаршала».

Къ Труа, до перехода за него, мы подходили два раза. Въ первый разъ я стоялъ на квартирѣ, въ селеніи, у какаго-то священника, который сперва не показывался, а потомъ, во время нашего обѣда, вбѣжалъ въ комнату и закричалъ:

— «Русскіе грабятъ церковь!»

Плохо повѣривъ этому, я однако тотчасъ побѣжалъ за калеромъ. Церковь была заперта; онъ сталъ доставать ключъ изъ кармана, чтобы отпереть двери, но въ то же время спросилъ меня:

— «Что же вы хотите дѣлать? Вы одни, а ихъ тамъ очень много!»

— «Ничего», сказалъ я; и выдернувъ ключъ изъ замка, вбѣжалъ во внутрь церкви. «Разбойники! грабители!» раздался мой голосъ подъ сводами церкви и въ ту же минуту увидѣлъ — человекъ десять, бросившихся мимо главнаго алтара въ оѳнаи,

стали выбираться чрезъ оныя. Я догналъ одного и ударилъ его въ голову ключемъ такъ, что разорвалъ ему затылокъ; но другіе товарищи вытаскивали его за омно. Къ счастью и чести нашей, русскихъ здѣсь ни одного не было, а оказались одни баварцы. Поступокъ мой удивилъ священника, и онъ, возвращаясь въ домъ, рассказывалъ какъ о необыкновенномъ случаѣ и не оставлялъ насъ до самаго нашего выступленія.¹⁾

Во вторичномъ нашемъ движеніи, въ февралѣ 1814 г., вступая въ Труа и за него, передъ сраженіемъ, къ Бриенну, ротой, которой я продолжалъ командовать, рапортуясь болыннмъ, на маршъ проходила мимо князя Ямвиль, только-что вернувшіагося изъ Ландека, гдѣ онъ лечился отъ болѣзни. Передъ ротой ѣхали штабсъ-капитанъ князь Горчаковъ 2-й, а я слѣдовалъ за ротой, на коновѣ. Князь Ямвиль спросилъ кн. Горчакова:

— «Вы командуете ротой?»

— «Нѣтъ», отвѣчалъ Горчаковъ, «полковникъ Ладыгинъ».

— «Гдѣ же Ладыгинъ?»

— «Боленъ».

— «Ну, слѣдовательно, вы же командуете теперь ротой?»

— «Нѣтъ», опять возразилъ Горчаковъ, «не я, а штабсъ-капитанъ Жиркевичъ».

— «Ну гдѣ же этотъ?» спросилъ Ямвиль.

— «И онъ боленъ».

— «Какъ это? Что это значить? Я тутъ вовсе ничего не понимаю! Командиръ боленъ, командующій боленъ тоже. Да гдѣ же они оба?»

— «Слѣдуютъ за ротой на повозкахъ».

— «А! Ну вотъ теперь я знаю! Они больны только на походѣ, а начнется сраженіе, то оба явятся за крестами. Нѣтъ, меня не проведете! Я останавливаю ваши расчеты. Теперь храбростью никого не удивите. Трусы у насъ теперь повывелись и давно уже ихъ нѣтъ въ арміи!»

¹⁾ Далѣе въ подлинникѣ помѣта автора «Воспоминаній»: «Полоцкъ, 1847 г. марта 18-го дня» и затѣмъ слѣдуетъ три страницы замѣтокъ И. С. Жиркевича о бѣдственномъ его положеніи въ этомъ городѣ, гдѣ онъ поселился въ 1845 году почти безъ средствъ, съ женою и дочерью и, какъ самъ выражается: «не имѣя въ виду ничего хорошаго»... Изливъ свою грусть, Жиркевичъ пишетъ: «Затѣмъ обращусь къ бывшему давне со мною и буду продолжать (разсказъ о событіяхъ въ моей жизни) съ 1814 по 1824 годъ».

Затѣмъ, обратясь къ адъютанту, кн. Лшвиль приказалъ тотъ же часъ дать предписаніе бригадному командиру: меня и Ладыгина впредь до выздоровленія перевести въ резервъ.

Бріенское сраженіе было все совершено въ виду нашемъ, но мы въ немъ не участвовали, а послѣ онаго сдѣлали опять нѣсколько маршей назадъ; потомъ вновь стали подаваться впередъ и дошли до Арсисъ-сюр-Объ, гдѣ опять сраженіе происходило передъ нашими глазами, въ равнинѣ, на самомъ берегу рѣки, къ которой наша армія упиралась правымъ флангомъ. Когда же сраженіе кончилось, мы опять отступили одинъ небольшой переходъ назадъ; потомъ вдругъ повернули въ Парижу и пошли къ нему, не останавливаясь болѣе.

17-го марта башни парижскія показались предъ нами. 18-го — происходило извѣстное сраженіе подъ его стѣнами, а 19-го марта 1814 года союзныя войска вступили въ Парижъ во всемъ парадѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ ИВАНА СТЕПАНОВИЧА ЖИРКЕВИЧА.

1789—1848.

VIII.¹⁾

Вступленіе въ Парижъ 19 го марта 1814 г. — Колеикуръ и депутаты. — Представленіе «Весталки» въ Большой Оперѣ — Пребынаніе въ Парижѣ. — Въѣздъ графа д'Артуа и Людовика XVIII. — Театры. — Молебствіе на площади Согласія. — Отпускъ. — Возвращеніе въ Россію. — Женитьба.

1814 — 1815.

Находясь въ резервѣ при ротѣ гр. Аракчеева, я пожелалъ быть свидѣтелемъ перваго момента главнаго торжества Россіи, и рано поутру я, одѣвшись въ форму, выѣхалъ верхомъ въ Бонди, гдѣ была квартира государя. Я туда пріѣхалъ въ ту самую минуту, когда подъѣзжали кареты депутатовъ, присланныхъ къ государю съ привѣтствіемъ отъ города. Каретъ было семь или восемь и въ каждой сидѣло по два сановника; всѣ они, какъ мнѣ показалось, были въ черныхъ фракахъ, но имѣли шарфы черезъ плечо. Они остановились, не доѣзжая дома, гдѣ жилъ государь, и вошли сперва въ другой домъ, ближайшій къ нему, но въ скорости, съ непокрытыми головами, пошли во дворецъ. Повои государя были въ глубинѣ двора, довольно обширнаго и отдѣлявшагося отъ улицы сквозною рѣшеткою. У воротъ и у подъѣзда стояли часовые, а внутри двора — караулъ. Когда депутаты были допущены къ государю, примчался, на сѣрой лошади, въ

¹⁾ См. «Русскую Старину», т. IX, 1874 г., стр. 207—244; т. X, стр. 633—666 т. XI, стр. 411—450.

шитомъ мундирѣ, какой-то генераль въ сопровожденіи двухъ казаковъ, двухъ французскихъ трубачей и двухъ ливрейныхъ лакеевъ. Мы, стоявшіе здѣсь зрителями, съ любопытствомъ начали спрашивать другъ друга, кто это? И намъ кто-то изъ генераловъ сказалъ, что это герцогъ Коленкуръ. Подъѣхавъ къ воротамъ, онъ соскочилъ съ лошади, вошелъ одинъ во дворъ, снялъ шляпу и скорыми шагами пошелъ во дворецъ. Но на подъѣздѣ часовые скрестили ружья, загородили ему входъ, и Коленкуръ сталъ расхаживать взадъ и впередъ подлѣ крыльца. Немного погодя, вышелъ кн. Волконскій и вступилъ съ нимъ въ довольно продолжительный разговоръ. Пока они разговаривали, Коленкуръ все стоялъ безъ шляпы. Депутаты вышли изъ дворца и мѣрными шагами отправились прямо къ каретамъ своимъ. Замѣтно было, что они всѣ были взволнованы, а нѣкоторые изъ нихъ платками утирали слезы. Князь Волконскій вошелъ во дворецъ, тогда Коленкуръ остановился внизу у крыльца, противъ двери, и все вниманіе его обратилось на выходъ изъ дворца. Государь появился. Коленкуръ униженно, почти до земли, преклонилъ голову. Подойдя къ нему, государь съ видимымъ умиленіемъ приготовился его слушать, но потомъ вдругъ быстро повернулся назадъ и опять вошелъ во дворецъ. Видимо было, что Коленкуръ этого не ожидалъ и едва могъ придти въ себя; потомъ, порывисто надѣвъ на себя шляпу, большими шагами пустился со двора, вскочилъ на лошадь и во весь духъ помчался къ Парижу, мимо войскъ, стоявшихъ уже по дорогѣ для вступленія. Это было сдѣлано съ такою поспѣшностію, что два ливрейные лакея едва его догнали, а казаки и трубачи отстали отъ него.

Черезъ полчаса, около 8-ми часовъ утра, государь вышелъ на крыльцо, сѣлъ на свѣтло-сѣраго коня и окруженный свитою, къ которой примкнуло много офицеровъ тѣхъ полковъ, которые не вступали въ Парижъ, сталъ приближаться къ Пантенской заставѣ, около которой стояла несмѣтная толпа народа. По дорогѣ встрѣтили короля прусскаго, который просоединился со своей свитою къ намъ, такъ, что собралось всѣхъ не менѣе двухъ тысячъ генераловъ и офицеровъ, окружающихъ своихъ монарховъ и представлявшихъ великолѣпное зрѣлище. По мѣрѣ приближенія къ Парижу, толпы народа увеличивались; окна, крыши, тротуары, все было залито движущейся массой, которая кричала, махала

платками по мѣрѣ нашего прохожденія. Отъ Пантенской заставы мы ѣхали чрезъ Сенъ-Мартенское предмѣстье, вдоль бульваровъ къ Елисейскимъ полямъ, гдѣ войска прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо государей. Впереди шла баварская и прусская кавалерія; за ними—наша гвардейская легкая кавалерія; потомъ австрійскіе гренадеры, нашъ гренадерскій корпусъ, 2-я гвардейская пѣхотная дивизія, прусская гвардія, 1-я гвардейская пѣхотная дивизія, наша кирасирская дивизія и конвой. Несмотря на долгій изнурительный походъ, въ продолженіе котораго солдаты не получали никакого обмундированія, даже не имѣли порядочной обуви, все мгновенно преобразилось, и предъ нами проходили не тѣ лахмотники, которыхъ мы привыкли видѣть, а щеголи въ чистыхъ, блестящихъ мундирахъ. Смотръ продолжался почти до 3-хъ часовъ, послѣ коего войска отправились на занятія заранѣе для нихъ мѣста, кто въ городѣ, кто за городомъ, а государь пѣшкомъ пошелъ на Сенъ-Флорентинскую улицу, въ домъ Талейрана, а король прусскій—во дворецъ Виллеруа, на Бурбонской улицѣ. Въ караулѣ была 1-я рота Семеновскаго полка со знаменемъ. Вся огромная свита понемногу разсѣялась. Загородные гурьбой возвратились къ своимъ частямъ, на бивуаки, а мы, т. е. больные, заняли квартиру въ Бонди.

Я отправился въ Парижъ уже 20-го марта 1814 г., въ обществѣ нѣсколькихъ товарищей: Ладыгина, кн. Трубецкаго, Тиманова и Стаховича, всѣ верхами, и съ нами двое служителей. Выѣзжая изъ Бонди, едва успѣли сдѣлать нѣсколько шаговъ, замѣтили въ полѣ, съ правой стороны, женщину, машущую платкомъ. Мы всѣ приостановились и, къ удивленію нашему, оказалось, что это была женщина не рабочаго класса, но прилично одѣтая дама, съ пустой корзинкой на рукѣ, которая, вѣроятно, прежде была наполнена провизіею. Она объявила намъ, что она, соболѣзнуя объ участи раненыхъ, рѣшилась пойти на мѣсто бывшаго сраженія, не найдетъ-ли случая пособить кому-нибудь, который можетъ быть еще сохранилъ признаки жизни, и что она дѣйствительно набрела въ вѣсколькихъ шагахъ отъ дороги на тяжело раненаго русскаго офицера, еще живаго, и увидавъ насъ, рѣшилась просить нашей помощи. Въ это время мы увидали маркитанта на повозкѣ, возвращающагося съ провизіею къ войскамъ, въ арьергардъ; подошли къ нему, прося, что-бы онъ взялъ раненаго на

свою повозку, но тотъ и слышать того не хотѣлъ, и только послѣ 15-ти хорошихъ нагаекъ свернулъ въ раненому, котораго мы бережно уложили и отправили при одномъ изъ нашихъ служителей въ лазаретъ, въ Бонди.

Это обстоятельство насъ нѣсколько позадержало, но со всѣмъ тѣмъ, мы въ 10 часовъ вѣхали въ заставу. Сдавъ служителю нашихъ лошадей для отправленія къ ротѣ, сами пошли пѣшкомъ, и при первой встрѣчѣ фіакровъ взяли ихъ и отправились въ Палероаль, гдѣ условились собраться въ 4-мъ часамъ въ трактиръ у Верн и затѣмъ разсѣялись всѣ кто куда глядѣлъ.

Новость предметовъ и обстоятельствъ сократили чрезвычайно время. Не успѣлъ опомниться, какъ уже было четыре часа, и у Верн собралось насъ, т. е. артиллеристовъ, человекъ 10-ть. Разсказамъ и разговорамъ не было конца. Всѣ были въ какомъ-то неопisanномъ восторгѣ. Всѣ наперерывъ передавали свои первыя впечатлѣнія, радуясь, что настало для всѣхъ время отдыха. Обѣдъ и нѣсколько бутылокъ шампанскаго разрумянили лица и еще болѣе развязали языки; со всѣмъ тѣмъ, когда пробило 5-ть часовъ, общій приговоръ состоялся отправиться всѣмъ въ большую оперу, гдѣ назначено было представленіе «Торжество Траяна», и куда ожидали государя—рѣшено и отправились. Черезъ корридоръ мы вышли въ какой-то переулокъ, но тамъ встрѣтили такое стеченіе народа, что рѣшительно не было возможности не только пробраться впередъ, но даже подумать тронуться съ мѣста. На вопросъ нашъ, сдѣланный одному господину, стоявшему тутъ же въ толпѣ, что за причина такой тѣсноты? Онъ отвѣчалъ: «что это — хвостъ отъ дверей театральной кассы, а дальше уже не тѣснота, а настоящая давка, ибо билеты выдаютъ не каждому, но съ разборомъ, а болѣе военнымъ иностранныхъ войскъ, а потому, если мы имѣемъ тоже намѣреніе быть въ оперѣ, то нужно поспѣшить, дабы получить билеты». При этомъ онъ добавилъ, что берется насъ провести чрезъ толпу до кассы, но съ тѣмъ, что-бы мы взяли для него билетъ, на что мы съ радостью согласились; тогда онъ закричалъ: «Place, messieurs! Place pour les généraux russes!» (Мѣсто, господа! Мѣсто русскимъ генераламъ).

И бросился расталкивать народъ, который сторонился съ уваженіемъ и видимымъ любопытствомъ, и мы въ пять минутъ всѣ очутились у входа въ театръ. Взявши билеты, мы уже не пошли

назадъ, а спѣшили занять мѣста наши. Театръ еще не былъ освѣщенъ, исключая пяти или шести горѣвшихъ лампъ по стѣнамъ, но мѣста, кромѣ ложъ, были уже всѣ заняты. Часовъ въ шесть спустилась люстра и кругомъ заблистали кенкеты, а въ половинѣ седьмого ложи начали быстро наполняться дамами, въ блестящихъ нарядахъ. Музыканты стали настраивать инструменты, но ихъ совершенно не было слышно: все заглушалось общимъ разговоромъ. Все вокругъ насъ и вопреки нашимъ обычаямъ говорило вслухъ, безъ всякой женировки; разносчики газетъ, ходя между рядами креселъ, по ложамъ, во все горло выкрикивали названіе своихъ газетъ съ объявленіемъ разныхъ новѣйшихъ извѣстій; другіе предлагали лорнеты и зрительныя трубки на время представленія за дешевую плату; мужчины всѣ были въ шляпахъ. Въ семь часовъ ровно поднялся занавѣсъ. На сценѣ, въ числѣ декораций, виднѣлся Траяновъ столбъ. Какой-то актеръ, выйдя изъ-за кулисъ, подошелъ къ рампѣ и обратился къ публикѣ съ объявленіемъ, что назначенная на афишѣ пьеса: «Le triomphe de Trajan» не можетъ быть представлена по болѣзни актера Ланса. Публика выслушала эти слова со вниманіемъ, но когда объявляющій прибавилъ, что труппа униженно (humblement) проситъ публику, вмѣсто назначенной оперы, принять «Весталку», со всѣхъ сторонъ раздался крикъ:

— «A bas la Vestale! nous ne voulons pas de la Vestale! à bas! Le triomphe de Trajan! Le triomphe de Trajan! (Прочь Весталку! Не хотимъ! Торжество Траяна!)»

Крики стали доходить до изступленія. Провозвѣстникъ кланялся, кланялся и еще что-то хотѣлъ говорить, но тутъ раздалось:

— «A la porte! à la porte le parleur! à la porte! (Вонъ говоруна! вонъ!)»

И сдѣлалась такая путерма, что несчастный актеръ поспѣшилъ убѣжать со сцены. Кто-то изъ ложи закричалъ:

— «La musique! la musique!»

Капельмейстеръ пошепталъ что-то ближнимъ музыкантамъ; шепотъ пошелъ далѣе и оркестръ заигралъ «Vive Henri IV». Нѣсколько голосовъ въ креслахъ произнесли:

— «Qu'est ce que c'est que ça?»

И затѣмъ вновь раздались крики, заглушившіе оркестръ.

Прошло съ полчаса, начали понемногу утихать, какъ изъ ложи бель-этажа, съ правой стороны, раздался возгласъ:

— «Messieurs!»

Всѣ обратились на этотъ призывъ и водворилась глубокая тишина. Новый посланникъ отъ дирекціи театра началъ просить и убѣждать публику согласиться на перемѣну спектакля; но новые «à bas! à la porte!» раздавшіеся сильнѣе прежняго, согнали его съ поприща краснорѣчія. Музыка вновь заиграла «Vive Henri IV» и публика на этотъ разъ прослушала музыку безъ малѣйшаго ропота, но даже подпѣвала оркестру. Все происходившее, какъ невиданное дотошъ нами, чрезвычайно насъ занимало и интересовало и мы съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ всей этой комедіи, но время текло своимъ чередомъ и часы уже показывали половину девятаго. Вдругъ снова поднялся занавѣсъ; сцена оставалась съ прежнею декораціею и опять появился актеръ съ объявленіемъ и опять раздались крики: à bas! à la porte!» Но кто то, подогладивше, въ креслахъ, вкочивъ на свое мѣсто, громко закричалъ:

— «Paix, messieurs, paix! laissez nous entendre que veut donc monsieur!» (Замолчите, гг., дайте намъ выслушать, что этотъ господинъ хочетъ!) Все нѣсколько замолчало и актеръ, раскланиваясь весьма низко, объявилъ: «что труппа привыкла всегда свято исполнять волю публики и готова начать представленіе «Торжество Траяна», но почитаетъ обязанностью предварить, что не собственною волею она хотѣла перемѣнить спектакль, а что на это было объявлено желаніе союзныхъ монарховъ, которые, уклоняясь отъ всего, что хотя бы косвенно могло напомнить ихъ собственный триумфъ, изъ скромности просили перемѣнить пьесу! «Весталку» они почтутъ своимъ присутствіемъ, а въ случаѣ настоянія о представленіи «Траяна», отказываются быть въ театрѣ». Со всѣхъ сторонъ раздалось: «La Vestale! la Vestale!» Музыка заиграла опять: «Vive Henri IV», а зрители начали подпѣвать оркестру, но еще не кончили втораго куплета, какъ вся зала задрожала отъ крика: «Vive Alexandre!» Государь и прусскій король появились въ бель-этажѣ, въ средней ложѣ. Государь былъ въ кавалергардскомъ вице-мундирѣ и съ андреевскою звѣздой. Восторгъ и восхищеніе публики были до такой степени велики, что нѣтъ возможности даже и передать наглядно; всѣ, кто былъ

въ театрѣ, поднялись какъ одинъ человекъ, всѣ взоры устремились на среднюю ложу; махали всѣмъ, что было подъ рукой: платками, шляпами; изъ тѣхъ ложъ, изъ которыхъ не вполне было видно государя, дамы, мужчины становились на балюстрады или свѣшивались чрезъ нихъ, такъ что становилось страшно, ожидая каждое мгновеніе, что вотъ, вотъ да и упадетъ кто-нибудь! Неумолкаемый крикъ и возгласы привѣтствій продолжались болѣе $\frac{1}{2}$ часа и государь безпрестанно раскланивался па всѣ стороны и едва переставалъ кланяться и показывалъ видъ, что садится, раздавались вновь крики: «Vive Alexandre! Vive Alexandre!» и государь подходилъ опять къ барьеру и кланялся. Прусскаго короля никто не замѣчалъ, въ ложѣ онъ или нѣтъ. Оркестръ нѣсколько разъ начиналъ увертюру и нѣсколько разъ принужденъ былъ останавливаться. Наконецъ, около четверти десятаго, волненіе поутихло; въ креслахъ, и въ партерѣ всѣ стояли спиной къ сценѣ, а лицомъ къ государевой ложѣ. Увертюра окончилась и только съ началомъ самой оперы устроился настоящій порядокъ въ мѣстахъ.

Ложа Наполеона находилась надъ самой авансценою, въ бельэтажѣ, съ лѣвой стороны; она была отдѣлана, на сколько могъ замѣтить, съ большою роскошью; надъ ней возвышался одноглавый орелъ.

Въ срединѣ перваго акта, изъ ложи надъ авансценою, съ правой стороны, полетѣло внизъ нѣсколько лоскутковъ бумажекъ. Изъ креселъ кто-то закричалъ: «Лаяса! Лаяса!»¹⁾ Лаясъ не участвовалъ въ спектаклѣ, да къ тому мы полагали, по первому извѣщенію, что, будучи больнымъ, его и въ театрѣ нѣтъ, но, къ удивленію нашему, Лаясъ вышелъ на сцену, одѣтый въ черный фракъ и, поднявъ одинъ изъ билетиковъ, подошелъ къ лампѣ надъ будкой суфлера, прочелъ про себя написанное и потомъ, обратясь

¹⁾ Французск. Лэ дѣи Лаясъ (François Lay dit Lays), знаменитый пѣвецъ, родился въ 1758 г.; въ молодости готовился къ духовному званію и получалъ прекрасное образованіе. Дебютировалъ въ Парижѣ, въ 1779 году, съ большимъ успѣхомъ и въ продолженіе болѣе 40 лѣтъ каждый его выходъ на сценѣ Большой Оперы возбуждалъ восторгъ въ слушателяхъ. Онъ покинулъ сцену въ 1822 году и назначенъ былъ профессоромъ музыки въ консерваторіи, а въ 1827 году оставилъ всѣ свои занятія, поселился въ деревнѣ, гдѣ и умеръ. Во время революціи онъ отличался крайностью своихъ политическихъ пріявціевъ.

къ публикѣ, сказалъ: «Messieurs! ce n'est rien de plus qu'on exige de faire entendre notre chant national.» (Гг., здѣсь ничего болѣе, какъ требованіе нашего народнаго гимна). «Пойте! пойте!» раздалось нѣсколько голосовъ. Лансъ обратился къ музыкантамъ и сказалъ: «Messieurs, maintenant c'est votre affaire! (Гг., теперь это ваше дѣло). Оркестръ повиновался. Но пѣвецъ, вмѣсто: «Vive Henri IV», запѣлъ: «Vive Alexandre!» и едва онъ произнесъ это имя, все обратилось къ ложѣ и повторило въ одинъ голосъ: «Vive Alexandre!» Государь всталъ, приблизился къ краю ложи и привѣтливо раскланялся. «Музыка, по крайней мѣрѣ, разъ семь начинала арію и всякій разъ останавливалась на первыхъ тактахъ, прерываемая общими криками публики. Наконецъ, въ крѣслахъ нѣкоторые зрители начали уговаривать, что эти всѣ оваціи могутъ беспокоить царя и было бы прилично временно воздержаться и дать возможность высокимъ посѣтителемъ наслаждаться музыкой и спектаклемъ, и когда, мало по малу, шумъ и волненіе начали утихать Лансъ запѣлъ:

«Vive Alexandre!
Vive ce roi des rois!
Sans rien prétendre,
Sans nous dicter des lois» и т. д. ¹⁾

Во второмъ куплетѣ привѣтствіе относилось и къ имени прусскаго короля. Въ концѣ 1-го акта произошло новое приключеніе. Актриса, игравшая роль весталки, какъ-будто въ изступленіи и забывши свою роль, вскричала: «Vive le roi!» и повторила это еще два раза. Изъ многихъ ложъ посыпались бѣлые банты и кокарды. Раздалось нѣсколько жидкихъ аплодисментовъ, тотчасъ покрытыхъ ропотомъ, раздавшимся почти во всѣхъ концахъ залы: «C'est une horreur! mais qu'est ce qu'on veut donc?» ²⁾

¹⁾ Да здравствуетъ Александръ, да здравствуетъ царь-царей. Ничего не требующій, не предписывающій намъ законовъ, и проч.

²⁾ Многие Французы положительно заключали, что государь нашъ настоятельно желалъ возвращенія Бурбоновъ изъ того, что русская армія, при вступленіи своемъ въ Парижъ, имѣла на лѣвой рукѣ, выше локтя, бѣлую перевязку. Это было сдѣлано послѣ Лейпцигскаго сраженія, съ тою цѣлью, что шведская армія, пмѣвшая синіе мундиры, ошибочно не могла бы быть принята за французское войско. А какъ вообще Шведы носятъ перевязку на рукѣ, то государь, желая этимъ польстить Шведамъ и сблизить различіе формъ, приказалъ въ нашей арміи имѣть тоже перевязку; но, по занятіи Парижа, этотъ

(это гадость! чего же хотят?), но скоро все смолкло. Тогда надъ наполеоновою ложей, кто-то изъ высшаго надъ нею этажа, спустилъ бѣлое полотно и покрылъ императорскаго орла. Мнѣ показалось въ эту минуту, что все какъ-будто съ умысломъ пріутихло и весталка стала продолжать свою роль съ какимъ-то уже принужденнымъ напряженіемъ. Конецъ 1-го и весь 2-й актъ прошелъ безъ дальнѣйшихъ приключеній, но когда занавѣсъ окончательно опустился, изъ той ложи, изъ которой прежде былъ опущенъ покровъ для орла, показался мужчина во фракѣ, сдернулъ покрывало, сталъ рвать съ мѣста орла и потомъ, разломавъ его, въ кускахъ бросилъ на авансцену. Публика уже расходилась, такъ что демонстрація эта не обратила на себя особеннаго вниманія. Часы показывали четверть втораго. [Государи уѣхали изъ театра между 1-мъ и 2-мъ актомъ, выйдя незамѣтно для публики изъ ложи].

Въ театрѣ мы всѣ какъ-то размѣстились врознь. Я пріѣхалъ, какъ и другіе, въ городъ верхомъ и въ одномъ сюртукѣ, не озабочаясь прінскать себѣ заблаговременно квартиру и теперь, выйдя изъ театра, одинъ, не зная города, я рѣшительно не зналъ гдѣ провести ночь. Къ великой моей радости вспомнилъ, что полковникъ Голубцевъ и Ладыгинъ говорили, что они нашли себѣ пріютъ въ улицѣ de la Victoire, Hôtel Mirabeau, а потому я къ первому попавшемуся мнѣ подъ руку лицу обратился съ вопросомъ, гдѣ эта улица, какъ туда пройти и, къ счастью моему, попалъ на такого, который самъ шелъ въ ту сторону. Пройдя всю улицу Ришелье, дружески разговаривая съ моимъ незнакомымъ спутникомъ, я увидѣлъ передъ собою вывѣску «Hôtel Mirabeau»; поблагодаривъ его за любезность, мы разстались и я, позвонивъ въ колоколь и узнавъ отъ «portier» (привратника), что тутъ стоятъ два русскихъ полковника, приказалъ отвести себѣ номеръ; зайдя предварительно на минутку къ товарищамъ, вернулся къ себѣ, и, несмотря на усталость, на удобство моего помѣщенія, я долго не могъ заснуть, такое сильное впечатлѣніе

знакъ былъ немедленно отмѣненъ. Въ кокардѣ нашей послѣдовало тоже измѣненіе, ибо прежде она была черная съ ранжевымъ, а тутъ присоединенъ цвѣтъ бѣлый, отчего наша кокарда, по ранжевому цвѣту, сдѣлалась сходной съ австрійской, а по цвѣту червому съ бѣлымъ—съ прусскою. Символъ союза.

И. Ж.

произвело на меня все, что я видѣлъ и въ чемъ участвовалъ за эти два дня въ Парижѣ.

На другой день, проснувшись довольно рано, я прежде всего озаботился обмундироваться въ гражданскую одежду и мы, вмѣстѣ съ Ладыгинимъ, отправились въ Пале-рояль и тамъ заказали себѣ полную пару и купили сапоги. Но въ то время, когда Ладыгинъ сталъ разсчитываться за взятые имъ сапоги, вынимая кошелекъ, онъ разсыпалъ на полъ червонцы. Хозяинъ и прислуга бросились подбирать и первый, съ большой заботливостью, спрашивалъ: «вполнѣ-ли собрана монета?» Ладыгинъ, сосчитавъ, отвѣчалъ: «кажется все поднято», а по-русски сказалъ мнѣ, что онъ рѣшительно не знаетъ, все-ли поднято, такъ какъ за эти два дня онъ не считалъ, что у него было въ кошелькѣ, и только все расходовалъ! Прошло послѣ того нѣсколько дней, я, гуляя съ Ладыгинимъ по Пале-роялю, замѣтилъ какого-то незнакомаго человѣка, который, нѣсколько разъ забѣгая впередъ насъ, пристально глядѣлъ намъ въ лицо. Не обративъ первоначально особаго на это вниманія, мы продолжали свою прогулку, но когда сдѣлалась видима настойчивость этого господина въ преслѣдованіи насъ и, подозрѣвая со стороны его умыселъ придраться къ намъ, какъ къ офицерамъ непріятельскихъ войскъ, что случалось нерѣдко со стороны французскихъ офицеровъ, то мы и обратились къ нему довольно сурово съ вопросомъ: «чего ему отъ насъ угодно?» Господинъ съ необыкновенной вѣжливостью просилъ извиненія, что остановилъ насъ, но, имѣя нѣчто сказать намъ, желаетъ знать: были-ли мы тогда-то, въ такой-то лавкѣ и покупали-ли мы тамъ себѣ сапоги? На утвердительный нашъ отвѣтъ, онъ попросилъ, для болѣшей вѣрности, осмотрѣть клеймо на голенищахъ, и, увѣрившись въ справедливости нашихъ показаній, обратился къ намъ съ радостнымъ лицомъ и сказалъ:

«Я, господа, хозяинъ этой лавки и когда вы покупали у меня сапоги, то вы разроняли деньги и хотя увѣряли, что собрали всѣ, тѣмъ не менѣе, послѣ вашего ухода, я нашелъ подъ прилавкомъ три червонца, которые душевно радуюсь возвратить по принадлежности!».

Мы его очень благодарили и сказали ему, что мы постараемся поступокъ его сдѣлать гласнымъ, такъ какъ онъ приносить ему честь, и дѣйствительно, рассказывая это происшествіе, какъ своимъ

товарищамъ, такъ и другимъ знакомымъ офицерамъ, мы настоятельно ихъ просили непременно купить тамъ себѣ сапоги, что они и дѣлали и сапожники этотъ, какъ я слышалъ послѣ отъ кн. Трубецкаго, не успѣвалъ исполнять всѣ заказы, столько ему ихъ дѣлали.

Со мной повторился почти такой же случай. Въ гостинницѣ («Hôtel Mirabeau») я прожилъ девять дней, и когда пришлось мнѣ выбираться оттуда, при расчетѣ моемъ съ хозяиномъ, въ числѣ денегъ, я ему далъ двѣ нашихъ 100 рублевыхъ ассигнаціи. Тогда курсъ еще не утвердился и за 100 рублевую ассигнацію выдавали золотомъ 74 франка. Прошло болѣе мѣсяца и наканунѣ вѣзда Людовика XVIII, идучи какъ-то мимо гостинницы, я зашелъ туда, что-бы спросить себѣ порцію цыплятъ («poulets à la Marengo»), которые мнѣ очень нравились; заказавъ ихъ, я взялъ газету, какъ подходитъ ко мнѣ хозяинъ гостинницы и подаетъ 40-франковую монету, объявляя мнѣ, что, при расчетѣ моемъ съ нимъ, я ему заплатилъ лишнее, потому что въ то время онъ не зналъ курса нашихъ денегъ, но нѣсколько дней тому назадъ размѣнявъ мои ассигнаціи у банкира, онъ получилъ за каждую 94 франка. Поблагодаривъ хозяина за его честность, я подозвалъ прислужницу и велѣлъ принести себѣ бѣлый бантъ или кокарду на шляпу, а деньги эти ей подарилъ, считая ихъ себѣ не принадлежавшими, а случайно дошедшими ко мнѣ.

Во время пребыванія моего въ Парижѣ, въ памяти моей остались слѣдующія происшествія:

Вѣздъ графа д'Артуа.¹⁾ Это было дней чрезъ пять или шесть послѣ нашего вступленія въ Парижъ. Я смотрѣлъ на него изъ окна «Hôtel Mirabeau». Д'Артуа ѣхалъ верхомъ, въ мундирѣ національной гвардіи. Свита его была весьма немногочисленная; изъ русскихъ генераловъ замѣтилъ при немъ только одного Милорадовича. Никакого на улицахъ не стояло войска и не провожало его, только толпа мальчишекъ бѣжала за его сви-

¹⁾ Графъ д'Артуа, 4-й сынъ дофина сына Людовика XV, родился въ Версали 9-го октября 1757 г., былъ младшимъ братомъ королей Людовика XVI и Людовика XVIII. Вступилъ на престолъ 15-го сентября 1824 г. подъ именемъ Карла X. Отрекся отъ престола въ пользу своего внука, герцога Бордосскаго, 30-го іюля 1830 г.; скончался въ Герлицѣ, въ Штиріи, 6-го ноября 1836 г.

той и, махая палками со вздѣтыми на нихъ лоскутками бѣлаго холста, орали: «Vive le roi!» (да здравствуетъ король). Народъ не только не поддерживалъ эти возгласы, но даже проходившіе въ это время по тротуару не останавливались, что-бы посмотреть на шествіе.

Въѣздъ короля Людовика XVIII.¹⁾ Въ то время я занималъ квартиру на улицѣ Ришелье и съ 7-ми часовъ начали проходить мимо оконъ моихъ батальоны національной гвардіи съ знаменами и музыкой, размѣщаясь шпалерами по обѣ стороны тѣхъ улицъ, по которымъ долженъ былъ проѣзжать король. Надъ самой моей головой, черезъ улицу, была перетянута изъ оконъ двухъ насупротивъ лежащихъ домовъ, изъ искусственныхъ цвѣтовъ цѣпь и на оной, посреди улицы, утверждена была, изъ цвѣтовъ же, корона. На крышахъ и въ окнахъ выставлены были флаги и знамена бѣлые съ вышитыми лиліями, а съ балконовъ спускались разноцвѣтные ковры. По обѣимъ сторонамъ улицы стояли подъ ружьемъ національные гвардейцы. Король проѣхалъ мимо этого мѣста часу во второмъ. Онъ ѣхалъ въ большой открытой коляскѣ, запряженной цугомъ, въ восемь лошадей, въ мундирѣ національной гвардіи и въ голубой лентѣ ордена св. Духа, безъ шляпы, кланяясь привѣтливо на всѣ стороны. Рядомъ съ нимъ сидѣла герцогиня Ангилемская,²⁾ а напроивъ ихъ, впереди, старикъ принцъ Конде,³⁾ тоже безъ шляпы. Когда коляска поравнялась съ висѣвшей на воздухѣ короной, она спѣ-

¹⁾ Людовикъ XVIII родился въ Версали 5-го (17-го) ноября 1755 г. и носилъ титулъ графа Прованскаго. Эмигрировалъ 9-го (21-го) іюня 1791 г. и снова, 11-го сентября 1792 г., возвратился во Францію, во главѣ арміи эмигрантовъ, соединясь съ прусскою арміею. До 1809 года имѣлъ пребываніе въ разныхъ государствахъ, но вліяніе Наполеона не дозволяло ему спокойно пользоваться предложеннымъ убѣжищемъ, пока не поселился въ Англію, въ замкѣ Гартвель, гдѣ прожилъ до 1814 г. Признанъ на тронъ французскимъ сенатомъ 25-го марта (6-го апрѣля) 1814 г.; совершилъ въѣздъ въ Парижъ 21-го апрѣля (3-го мая) 1814 г.; скончался 2-го (15-го) сентября 1824 года. С. Е.

²⁾ Герцогиня Ангилемская, дочь короля Людовика XVI, родилась 12-го (24-го) сентября 1778 года. Вышла замужъ за своего двоюроднаго брата герцога Ангилемскаго, въ Митавѣ, въ 1806 г.; ум. 7-го (19-го) октября 1851 года въ Фрошдорфѣ, въ Иллиріи. С. Е.

³⁾ Принцъ Конде (Людвигъ-Генрихъ-Іосифъ, герцогъ Бурбонскій) род. въ 1756 г., найденъ удушеннымъ въ своей спальнѣ, въ замкѣ Шантильи, 15-го (27-го) августа 1830 г. Въ смерти его подозрѣвали участіе короля Людвига-

стилась въ коляску, а цѣпная цѣпь повисла по бокамъ ея. Впереди коляски, прежде всѣхъ ѣхали жандармы, за ними 3 или 4 взвода легкой кавалеріи, потомъ два взвода гренадеръ бывшей императорской гвардіи. Весьма замѣтно было, что съ концовъ фалды мундировъ ихъ и съ сумокъ сняты были орлы, но ничѣмъ другимъ не были еще замѣнены. Передъ самою коляскою, въ буквальный смыслъ, тащились, въ бѣлыхъ платьяхъ съ бѣлыми поясами, съ распустившимися отъ жару и поту волосами, 24 ва-жикъ-то привидѣній! Въ программѣ церемоніала въѣзда, эти несчастныя названы: «дѣвицами высшаго сословія», чему трудно было повѣрить. Около коляски ѣхали французскіе маршалы и десятеа два генераловъ, тоже французскихъ. Ни русскихъ, ни другихъ иностранныхъ войскъ при этомъ не было. Намъ, Русскимъ, было отдано въ приказъ, что-бы находиться въ этотъ день, безотлучно, при своихъ частяхъ, но многіе изъ офицеровъ, подобно мнѣ, прикрываясь гражданскимъ костюмомъ, смотрѣли на церемонію. Народу хотя и было довольно много, но нельзя было сравнить съ той массой, которая толпилась при вступленіи нашемъ въ Парижъ, и привѣтственные клики, какъ со стороны національной гвардіи, такъ и народа, раздавались весьма вяло, но когда показались взводы императорской гвардіи, то раздался дружный крикъ: «vive la garde!» (да здравствуетъ гвардія), и въ одно время съ этимъ крикомъ, такой же громкій и отчетливый: «vive la garde Impériale!» (да здравствуетъ гвардія императорская. На что генералы отвѣчали тутъ же: «vive la France!» но ни одинъ изъ нихъ не прибавилъ: «vive le roi!»).

Вскорѣ я узналъ, что мнѣ въ приказахъ уже вышелъ отпускъ въ Россію, и я, не сносаясь ни съ бригаднымъ командиромъ, ни съ преемникомъ моимъ по ротѣ, прямо отправился въ канцелярію дежурнаго генерала, объявилъ имъ самъ о себѣ и просилъ выдать мнѣ подорожную въ Россію, что и сдѣлали къ великому моему удивленію, не зная лично меня и безъ матѣйшихъ справокъ. Сверхъ подорожной снабдили меня еще открытымъ предписаніемъ чрезъ Францію и всю Германію бесплатно получать: квартиру лично для себя и для прислуги, продовольствіе для себя,

Филиппа, въ корыстолюбивыхъ видахъ дѣйствовавшего чрезъ посредство баронессы Фетеръ, любовницы принца. Сынъ его, герцогъ Энгіевскій, былъ разстрѣлянъ Наполеономъ.

С. Ж.

моимъ людямъ и лошадямъ и, въ случаѣ надобности, подводы. Такъ легки были въ то время канцелярскіе порядки и служебные обряды.

Состоя въ резервѣ и причисленный къ батареинной ротѣ графа Аракчеева, вмѣстѣ съ нею первую назначенную квартиру я имѣлъ около Парижа, въ Нёлли, въ домѣ знаменитой актрисы, любимицы парижской публики, Дюшенуа;¹⁾ отлично устроенная, но въ это время довольно раззоренная вилла. Тамъ я прожилъ не болѣе 4-хъ сутокъ, а когда получилъ подорожную, будучи вольнымъ казакомъ, я перебрался къ своей ротѣ, за Шаронтонскую заставу, въ дер. Валентонъ, верстахъ въ 10-ти отъ Парижа. Квартира мнѣ была отведена у какого-то горожанина (bourgeois), съ отлично отдѣланными комнатами и зеркальными стеклами: при домѣ находился большой садъ и изъ него былъ восхитительный видъ на Парижъ, такъ какъ деревня расположена на первомъ возвышеніи къ городу и хотя я тутъ прожилъ болѣе мѣсяца, но ночевалъ только одинъ разъ, а остальное время безвыѣздно жилъ въ городѣ.

Время препровожденія моего заключалось по утрамъ въ обзорѣ достопримѣчательныхъ мѣстъ въ Парижѣ, начиная съ Луврскаго Музея и кончая китайскими банями (bains chinois) въ которыхъ китайскаго только и есть, что ихъ названіе. Болѣе же всего полюбилъ я Ботаническій садъ (jardin des Plantes), въ которомъ я много нашелъ для себя интереснаго и поучительнаго; въ Парижѣ такъ было много сосредоточено замѣчательнаго, что я всегда почти опаздывалъ къ обѣду, куда заранѣе я условливался сойтись съ своими товарищами. Обѣдывали мы чаще всего въ Пале-роялѣ у «Veu» и «Frères Provençaux», а также и въ другихъ ресторанахъ; но болѣе всего тамъ, ибо это былъ почти центръ Парижа, откуда всѣ театры весьма близки. Вечеромъ, непрѣменно отправлялся въ какой-либо театръ. Въ оперѣ я былъ четыре раза и при мнѣ давали: «Весталку», «Ифигенію» — Глюка, «Торжество Траяна» и «Алцесту» — Глюка, съ участіемъ въ этихъ операхъ двухъ тогдаш-

¹⁾ Дюшенуа (Екатерина-Жозефина Рафенъ (Rafin) извѣстная подъ именемъ) род. въ 1780 г. близъ Валансьенъ, въ дер. Сенъ Соуъ (St. Saulve); вступила на сцену французскаго театра 12-го іюля 1802 г.; оставила сцену въ 1830 г.; ум. 8-го января 1835 г.

нихъ знаменитыхъ пѣвцовъ: Лаиса и г-жи Браншю.¹⁾ Лаисъ имѣлъ довольно высокій теноръ, весьма легко владѣлъ голосомъ, а Г-жа Браншю, обладая большими голосовыми средствами, сверхъ того была неподражаемая драматическая актриса, возбуждавшая восторгъ зрителей до-нельзя

Во французскомъ театрѣ я былъ три раза и видѣлъ тамъ: «Силлу», «Магомета», «Мизантропа» съ Тальмой,²⁾ Флери³⁾ Дюшенуа и Марсъ.⁴⁾

При мнѣ было два парада нашихъ войскъ. Первый—въ день Пасхи, на площади между Елисейскими полями и Тюльерійскимъ садомъ. На этомъ самомъ мѣстѣ, въ 1793 г., казнень король Людовикъ XVI. Въ Св. Христова Воскресенье 1814 г. воздвигнутъ былъ амвонъ въ нѣсколько ступенекъ и на немъ былъ поставленъ налой для Евангелія и столъ для прочей принадлежности къ водосвятію. Я въ это время стоялъ на террасѣ Тюльерійскаго сада, противу самаго амвона, въ числѣ зрителей. Прежде всего государь съ прусскимъ королемъ объѣхали линію войскъ, расположенную около сада и по смежнымъ улицамъ, а потомъ войска стаянулись въ колонны и построились въ каре на площади. 1-я гвардейская пѣхотная дивизія стала спиной къ дворцу Элизе-Бурбонъ, гдѣ жилъ государь; прусская гвардія—спиной къ Тюльерійскому саду, 2-я гвардейская пѣхотная дивизія—спиной къ Сенѣ, а вся кавалерія—вдоль главной аллеи Елисейскихъ полей,

¹⁾ Браншю (Александрина-Каролина Шевалье-де-Левитъ въ замужествѣ) род. въ 1780 г. на остр. Сен-Доминго. Воспитанница знаменитаго Гарати, дебютировала въ 1799 г. на сценѣ Большой Оперы, которая носила тогда названіе: «Театра Ресублики и Искусствъ»; въ 1804 г. вышла замужъ за танцовщика Браншю; оставила сцену въ 1826 г.; ум. 3-го (15-го) октября въ 1850 г. въ Пасси.

²⁾ Тальма (Францъ-Іосифъ) род. 3-го (15-го) февраля 1763 г. въ Парижѣ; дебютировалъ на сценѣ французскаго театра въ 1787 г. въ роли Сенда, Магомета—Вольтера; ум. въ Парижѣ 7-го (19-го) октября 1826 г. С. К.

³⁾ Флери (Іосифъ-Авраамъ Бенаръ, подъ названіемъ) род. въ Люневилѣ въ 1850 г.; дебютировалъ на сценѣ Французской Комедіи, въ 1772 г., въ роли Эшета (Мероппа), всего болѣе имѣлъ успѣхъ въ роляхъ высокой комедіи; оставилъ сцену въ 1818 г.; ум. близъ Орлеана 24-го апрѣля (5-го марта) 1822 г.

⁴⁾ Марсъ (Анна-Франциска-Ипполита Буте, извѣстная подъ именемъ дѣвочки) родилась 9-го февраля 1779 г.; дебютировала, въ 1793 г., на сценѣ театра Фейдо (Feu-deau), а затѣмъ, покровительствуемая актрисой Конта (M-lle Contat) поступила на сцену французскаго театра, которую не покидала до 7-го апр. 1841 г.; ум. 8-го (20-го) марта 1847 г.

спиной къ Нёльсской заставѣ. А такъ какъ дорога по этой аллеѣ къ самой заставѣ подымается все вверхъ, въ гору, то изъ сада можно было видѣть послѣдній рядъ кавалеристовъ, что производило прекрасный видъ. Середина площади, на большое пространство, оставалась свободной, но шагахъ во 100 отъ амвона расположена была цѣпью французская національная гвардія. Когда войска построились и стали на предназначенныя имъ мѣста, государь и прусскій король одни вошли на амвонъ, а свита ихъ осталась въ довольно почтительномъ отдаленіи. Любопытство и вольность обращенія Французовъ, на этотъ разъ не уважили приличія. Лишь только началось богослуженіе, вся цѣпь національной гвардіи, какъ будто по условію, сомкнулась къ самому амвону, такъ что оба государя очутились окруженными однимъ неприятелемъ и отдѣленными совершенно отъ своихъ. Никогда не забуду этихъ величественныхъ и истинно драгоценныхъ для русскаго сердца минутъ! Благоговеніе такъ было сильно для своихъ и для чужихъ, что на террасѣ Тюльерійскаго сада, гдѣ я стоялъ, удаленный почти на 200 саж. отъ амвона, не только было слышно пѣніе пѣвчихъ, но каждый возгласъ дьякона или священника доходилъ до насъ. Пока происходило передвиженіе войскъ, меня осыпали разспросами, что-бы я указалъ государя, великаго князя, главнокомандующихъ и другихъ значительныхъ лицъ, но началась служба, все смолкло и всѣ присутствующіе, а ихъ была несмѣтная толпа, обратились въ слухъ. Когда же гвардіи русская, прусская и съ ними вмѣстѣ, стоящая близъ амвона, національная гвардія, преклонили колѣна, то весь народъ бросился тоже на колѣна, вслухъ читалъ молитвы и многіе утирали слезы. Необыкновенную картину представляла кавалерія, на лошадяхъ, съ опущенными саблями и обнаженными головами. Государь и прусскій король все время, безъ свиты, вдвоемъ, съ одними пѣвчими, сопровождали священника, когда онъ проходилъ по рядамъ войскъ и кропилъ ихъ св. водой; наконецъ пушечные выстрѣлы возвѣстили объ окончаніи этой необыкновенной церемоніи, дотолѣ невиданной парижанами.

Когда народъ началъ расходиться, одинъ изъ зрителей подошелъ ко мнѣ и взявъ въ руки висѣвшій въ петлицѣ у меня крестъ св. Владиміра, спросилъ: «позвольте полюбопытствовать, вѣдь это орденъ св. Анны?» — «Нѣтъ» отвѣчалъ я, «вотъ орденъ св. Анны»

и при этомъ растегнулъ мундиръ свой (въ этотъ день я надѣлъ мундиръ), подѣ которымъ закрытъ былъ на мнѣ этотъ орденъ. Эффектъ вышелъ неожиданный: нѣсколько лицъ, вѣроятно прежде обратившихъ вниманіе на нашъ разговоръ, обступили меня и начали, какъ чудо, разсматривать крестъ и дѣлать о немъ разные вопросы. Дѣйствительно, въ то время орденъ этотъ былъ замѣчательнѣе тѣмъ, что кругомъ былъ осыпанъ стразами, которые принимали за брилліанты. Удовлетворивъ, по возможности, любопытству окружавшихъ меня лицъ, я застегнулъ вновь мундиръ, спрятавъ подѣ него орденъ. Тогда подошла ко мнѣ дѣвушка лѣтъ 17-ти, ее называли въ толпѣ графиней, растегнула мнѣ мундиръ, вынула опять наружу орденъ, сказавъ мнѣ: «присутствующія дамы прислали меня просить васъ не скрывать этого ордена и позволить имъ удовлетворить свое любопытство и, кромѣ того, мы находимъ, что кто носить подобные знаки на груди, тому неприлично скромностію закрывать свою заслугу!» Кругомъ послышались одобрительные голоса: «браво! браво! графиня!»

Во время другаго парада, даннаго собственно для Людовика XVIII, я находился опять на террасѣ Тюльерійскаго сада, но съ другой стороны, т. е. къ набережной Сены. Король сидѣлъ въ павильонѣ и оттуда смотрѣлъ на проходившіе полки нашей гвардіи. Во всѣхъ полкахъ музыканты, вмѣсто маршей, играли «vive Henri IV». Но всего любопытнѣе было это видѣть герцога Веллингтона,¹⁾ который только лишь пріѣхалъ въ Парижъ и услыжавъ о парадѣ, схватилъ какую-то упряжную лошадь, вскочилъ на нее и па этомъ буцефалѣ прискакалъ къ войскамъ. Потомъ ходилъ анекдотъ о немъ, что будто, на сдѣланный ему вопросъ: что всего болѣе ему понравилось въ Парижѣ, онъ отвѣчалъ: «гренадеры русской гвардіи!»

Я былъ свидѣтелемъ снятію статуи съ аустерлицкой колонны на Вандомской площади. Извѣстно, что въ день вступленія союзныхъ монарховъ въ Парижъ, непріязненные лица император-

¹⁾ Веллингтонъ (Артуръ Велеслей, герцогъ), знаменитый полководецъ, разбившій Наполеона при Ватерлоо. Веллингтонъ род. въ Дунганъ-Кестль 19-го апрѣля (1-го мая) 1768 г.; ум. 2-го (14-го сентября) 1852 г. въ Валмеръ-Кестль и преданъ землѣ того же года, 6-го (18-го) ноября. почти съ царскими почестями, въ соборѣ св. Павла въ Лондонѣ.

скому правленію хотѣли стащить статую, и уже были наброшены на нее веревки, но государь, узнавши объ этомъ, повелѣлъ немедленно отрядить баталіонъ Семеновскаго полка для содержанія караула при колоннѣ и этотъ караулъ все время находился до снятія статуи. Новое же временное правительство распорядилось закрыть статую бѣлымъ холщевымъ покровомъ, а чрезъ нѣсколько дней начали устраивать блоки на верху площади колонны, съ тою дѣлюю, что-бы на нихъ поднять статую съ мѣста, а потомъ спустить ее. Столбы для блоковъ представляли точное изображеніе висѣлицы. Я пришелъ на площадь уже тогда, когда статуя была поднята и частью уже занесена за край колонны; внизу стояли большіе роспуски для отвоза ея; народу собралось нѣсколько тысячъ, но такая была тишина, что слышно было каждое слово распорядителя работами; статую спустили и народъ разошелся въ безмолвіи.

Я выѣхалъ изъ Парижа на другой день по подписаніи мира. Ладыгинъ, съ которымъ я долженъ былъ ѣхать вмѣстѣ, отправился прежде всего проститься съ офицерами роты его величества, квартировавшими въ верстахъ 30-ти отъ Парижа, въ деревнѣ, гдѣ былъ замокъ, принадлежавшій Бернадоту, вслѣдствіе чего и я поѣхалъ туда же, гдѣ, пробывъ два дня, пустились въ обратный путь, въ Россію, на долгихъ, на своихъ лошадяхъ... Я съ Ладыгинымъ, четверней, въ его коляскѣ, а прислуга наша—въ моей телѣгѣ, на тройкѣ. При отъѣздѣ нашемъ мы облеклись съ нимъ опять въ военную форму. Повсюду, гдѣ мы имѣли ночлеги или дневные отдыхи, дѣлая обыкновенно два перегона, насъ принимали съ большимъ радушіемъ и гостепріимствомъ, тѣмъ болѣе, что мы первые доставляли извѣстіе о заключеніи мира; только передъ Нанси мы встрѣтили какую-то французскую гусарскую бригаду и какъ она шла въ густой колоннѣ, то мы принуждены были немного свернуть съ дороги и, остановивъ свой экипажъ, ожидать пока она насъ минуетъ и тутъ, признаюсь, мы много наслушались для себя недостатка, въ особенности отъ простыхъ гусаръ. Но мы принуждены были непонимающими французскаго языка и въ душѣ смѣялись надъ произносимыми на счетъ насъ ругательствами. Въ Нанси, откуда только лишь вышло это войско, пока мы были у мера для полученія билетовъ на квартиры, собралась подъ окнами молодежь, съ криками: «Vive l'Empereur!» «Vive la

France!» «A bas les alliés!» (Да здравствуетъ императоръ! Да здравствуетъ Франція! Долой союзниковъ!) и этими криками все и закончилось, безъ дальнѣйшихъ для насъ послѣдствій. За то меръ назначилъ квартиру у каковаго-то изъ самыхъ рьяныхъ роялистовъ и насъ, за вѣсть о мирѣ, запойли шампанскимъ...

Рейнъ мы переѣхали въ Форъ-Луи, откуда ѣхали на Карлсруэ, Бруксгалъ (гдѣ въ гостинницѣ обѣдали за однимъ столомъ со шведскимъ принцемъ, сыномъ послѣдняго короля изъ дома Вазы), Вюрцбургъ, Готу, Лейпцигъ и Берлинъ. До этого города мы блаженствовали: останавливались гдѣ намъ нравилось по три и четыре дня, располагались какъ дома, со всѣми удобствами, нисколько не заботясь о нашемъ продовольствіи, зная, что самое обильное угощеніе будетъ намъ предложено; лошади, за это путешествіе, такъ раздобрѣли и поправились, что мы рѣшились ихъ, вмѣстѣ съ экипажами, продать въ Лейпцигѣ, взявши за все весьма хорошую цѣну, рассчитывая на эти деньги покутить въ Берлинѣ, а сами съ прислугой поѣхали на подводахъ, требуя ихъ отъ земства того края, чрезъ который мы ѣхали. По приѣздѣ въ Берлинъ, разочарованіе наше было велико. Во первыхъ, по желанію нашему пробыть здѣсь дней 10-ть, намъ насилу дозволили пробыть недѣлю и, вмѣсто постоя у обывателей, намъ отвели квартиру въ казармахъ, безъ мебели; а о продовольствіи намъ объявили, что насъ Богъ будетъ кормить, если сами не имѣемъ на то средствъ.» Но какъ я выше сказалъ, что мы продали своихъ лошадей и экипажи въ Лейпцигѣ за хорошую цѣну и, кромѣ того, сберегли всѣ свои небольшія деньги, какія остались у насъ во Франціи, то образовалась приличная сумма, на которую мы тоже прилично кутнули, занявши отличный номеръ въ «Hôtel de la Russie» подъ Липами и поставивши на своемъ, просроча 10-ть дней. Изъ Берлина мы взяли почтовыхъ до первой станціи, а потомъ опять поѣхали на обывательскихъ подводахъ и на продовольствіи обывателей до Юрбурга, гдѣ уже положительно вся наша роскошь кончилась и Ладыгинъ на почтовыхъ поѣхалъ въ Петербургъ, а я — въ Вильну.

Въ Вильнѣ въ это время квартировала новосформированная рота для гвардейской артиллеріи, подъ командой капитана Левашева, у котораго я и остановился, не рѣшаясь пускаться далѣе въ путь, пока не соберу свѣдѣній о мѣстопробываніи моей

матери и прочей родни, почему и прожилъ тамъ до половины іюля 1814 г. Списавшись съ зятемъ моимъ Фроловымъ и получивъ отъ него отвѣтъ, поспѣшилъ въ Смоленскъ, а оттуда поѣхалъ съ нимъ въ Воронежскую губернію, къ двоюроднымъ моимъ братьямъ, Сахаровымъ, у которыхъ мать моя, убѣгая отъ Французовъ, нашла себѣ пріютъ. Невѣста же моя въ это время, съ матерью, была въ Тверской губерніи.

Относительно пребыванія нашего во Франціи мнѣ на память пришло еще одно обстоятельство. Послѣ нашего перваго отступленія отъ Труа, Ермоловъ, бывши у Аракчеева, завелъ съ нимъ разговоръ и коснулся отступленія, оуждая оное.

— Что дѣлать Алексѣй Петровичъ, сказалъ графъ, иначе быть не можетъ.

— «Да помилуйте, ваше сіятельство, сколько же у васъ войска, что-бы можно было опасаться подаваться впередъ! Въ одной австрійской арміи, черезъ Рейнъ, прошло пѣхоты 120 тыс.!»

— Правда ваша, но теперь на лицо въ строю 18 тыс.

— «Гдѣ же прочіе?»

— Позади, на кантониры-квартирахъ; за недостаткомъ обуви въ стужу и грязь не могутъ дѣлать похода!...

И вправду, во всю кампанію, до взятія Парижа, дрались лишь Русскіе и Пруссаки, иногда Баварцы, Виртембергцы и даже Баденцы; но объ австрійскихъ войскахъ ни въ одной реляціи не упоминается, а между тѣмъ главнокомандующій всѣми арміями былъ австрійскій фельдмаршалъ князь Шварценбергъ,¹⁾ который болѣе всѣхъ другихъ настаивалъ, что-бы не идти на Парижъ, а возвратиться въ Рейну...

Цѣль записокъ моихъ—не столько удержаніе въ памяти случайностей моей жизни, сколько наставленіе въ будущности сыну моему, потому тамъ, гдѣ я находилъ или видѣлъ зло, я описываю оное подробнѣе другаго. Такимъ образомъ скажу, что зять мой, Фроловъ, бывши въ 1813 г. смотрителемъ Шкловскаго во-

¹⁾ Шварценбергъ (Карлъ-Филиппъ князь) родился въ Вѣнѣ 3-го (15-го) апрѣля 1771 г.; вступилъ на службу въ 1789 г.; въ 1812 г. командовалъ австрійскимъ корпусомъ, предоставленный въ распоряженіе Наполеона; за эту кампанію, по настоянію Наполеона, въ 1813 г., произведенъ въ фельдмаршала и въ томъ же году, когда Австрія присоединилась къ Россіи и Пруссіи, сдѣлавъ главнокомандующимъ всѣхъ союзныхъ армій; умеръ въ Дейпцигѣ въ 1820 г.

еннаго госпиталя, нажилъ 40 тыс. руб. ассигнаціями. Я пожелалъ знать отъ самого Фролова, какъ онъ накопилъ такую значительную сумму и въ такое короткое время, тѣмъ болѣе, что, по характеру его, я зналъ его всегда за самаго челоѣколюбиваго и при томъ слабаго, близко къ трусости наклоннаго, чиновника. Основаніемъ его фортуны была стачка съ медикомъ, комиссаромъ, священникомъ и съ ревизорами госпиталя. Разумѣется, что при этомъ положеніи онъ долженъ былъ съ ними дѣлиться и многихъ угощать. Усиленное показаніе высшаго разряда порцій, задержаніе выключки своевременно умершихъ, погребеніе сихъ послѣднихъ безъ гробовъ, употребляя при выносѣ ихъ одинъ и тотъ же гробъ подъ всѣхъ, наконецъ искусственное поддержаніе справочныхъ цѣнъ на припасы, а чрезъ это стачка съ подрядчиками — вотъ источники, изъ которыхъ собиралось золото, а пріѣзжавшіе ревизоры, получая свою долю, весьма значительную, находили все отлично и госпитальные чиновники, кромѣ прибыли, получали еще награды.

Прибывъ въ Смоленскъ, я узналъ, что семейство Лаптевыхъ изъ Ярославской губ. переехало въ Тверскую, въ родственницѣ матери моей невѣсты Шипкиной, рожденной Талызиной, по первому мужу Геденовой. (Первый мужъ ея былъ родной братъ Е. Я.). Родной мой край представлялъ все еще только одно пожарное пепелище. Въ имѣніи матушки, Малосельи, болѣе половины крестьянъ перемерло, осталось всего лишь 16 душъ, и Фроловъ, въ которому отъ сестры перешло это имѣніе, по крайней мѣрѣ озаботился продовольствіемъ мужикамъ и обслѣвомъ ихъ и своихъ полей. Въ Новинцахъ же, дер. Лаптевой, все стояло вверхъ дномъ. Поля не засѣяны, крестьяне не призрѣны, и что всего чувствительнѣе для имѣнія — отсутствіе хозяевъ, тѣмъ болѣе, что въ самое это время выдавалось пособіе отъ правительства. Какъ извѣстно, что всѣ подобныя распоряженія въ началѣ какъ-то идутъ живѣе и удовлетворительнѣе для нуждающихся, а впоследствии, по прошествіи нѣвотораго времени, участіе и рвеніе остываютъ и вотъ явное доказательство тому: матушка, не будучи на лицо, по возвращеніи своемъ ничего не получила уже на свою долю.

Въ Смоленскѣ я пробылъ только два дня и поѣхалъ съ Фроловымъ прямо въ Елецъ, а оттуда въ Задонскую деревню

Сергѣя Семеновича Сахарова. У него въ это время жила моя мать. Семейство Сахарова, съ которымъ я до сего времени не только не былъ знакомъ но даже не зналъ о его существованіи, состояло изъ 3-хъ братьевъ: Петра — стараго холостяка, Ивана — женатаго, имѣвшаго деревню въ Елецкомъ уѣздѣ, и Семена — тоже немолодаго холостяка, но еще болѣе устарѣлаго отъ несчастія, ибо онъ былъ разжалованъ въ матросы, но потомъ прощенъ, и 2-хъ сестеръ: Матрены — дѣвицы лѣтъ 35-ти, жившей съ Семеномъ Сахаровымъ, и Марьи, по первому мужу Кожиной, а въ это время Туровской. Мать Сахаровыхъ была родная сестра моей матери, а отецъ ихъ при императрицѣ Еватеринѣ II служилъ при дворѣ и былъ одинъ изъ ея камердинеровъ. Сахаровы обворожили меня своимъ пріемомъ, да въ это время иначе и быть не могло. Въ такомъ краю, гдѣ молодые мужчины, за войной, совершенно исчезли, появленіе военнаго, да къ тому же молодаго гвардейскаго офицера, сотовляло происшествіе, и я, въ кругу моихъ родныхъ, переѣзжая изъ одного дома въ другой, не замѣчалъ какъ летѣли дни....

Съ матерью и съ Фроловыми мы отправились, въ исходѣ октября 1814 г., въ Смоленскъ, куда и прибыли 3-го ноября. Здѣсь я узналъ, что семейство Лаптевыхъ все возвратилось и живетъ въ деревнѣ. Разумѣется, что я сейчасъ же поспѣшилъ туда, но какъ меня поразилъ видъ моей невѣсты! Она предшествовавшую зиму, во время краткаго переѣзда изъ Ярославской губерніи въ Смоленскъ, отъѣхавши изъ города въ деревню, на Днѣпрѣ, съ санями провалилась подъ ледъ и спаслась какимъ-то чудомъ; но съ того времени открылось у нея сильное кровохарканіе, такъ что при малѣйшемъ нравственномъ потрясеніи кровь немедленно вырывалась горломъ чашки по двѣ; да къ этому у нея была корь, отъ которой выпали всѣ волосы на головѣ. Тѣмъ не менѣе я сталъ настаивать на моемъ искательствѣ...

Теперь надо представить себѣ положеніе насъ обоихъ и нашихъ семействъ. У моей матери, въ обрѣзъ, ровно ничего! У Лаптевыхъ, кромѣ той же скромности достатка, большой долгъ, сдѣланный для прокормленія крестьянъ и огромной дворни. На мнѣ одинъ старый мундиръ, два фрака, статскій сюртукъ, безъ жалованья и даже безъ видовъ содержать себя! Я не знаю право, что я думалъ тогда, но упрямство мое было такъ велико, что я

настаивалъ на свадьбу. Иногда мнѣ казалось, что я будто бы добиваюсь, что-бы мнѣ отказали, но сердечная привязанность и вниманіе ко мнѣ моей невѣсты не только не ослабѣли, но съ каждымъ днемъ все больше усиливались, и чѣмъ болѣе я размышлялъ о бѣдственномъ ея положеніи, тѣмъ дороже и милѣе становилась она мнѣ. Наконецъ въ апрѣлѣ 1815 г., на Вербной недѣлѣ, когда я сталъ настоятельно просить Е. Я. рѣшить нашу участь, она, при всей ангельской кротости, вынуждена была сказать мнѣ, что я сошелъ съ ума и что я самъ не знаю чего желаю и чего требую; я съ сердцемъ уѣхалъ и сватовство свое считалъ совсѣмъ разстроеннымъ.

Но въ день Св. Пасхи я получилъ письмо отъ А. И., въ которомъ она извѣщала, что матушка рѣшилась благословить насъ и что она сама будетъ писать къ моей матери; и дѣйствительно Е. Я., извѣщая мою мать о моемъ настояніи, чистосердечно объяснила свое крайнее положеніе, просила, если можно, убѣдить меня обождать, пока я себя не пристрою, но если это покажется недѣйствительнымъ, то она, съ своей стороны, не будетъ болѣе намъ препятствовать. Матушка, зная хорошо мой характеръ, передала мнѣ только письмо, не говоря ни слова, и 2-го мая 1815 г. я сдѣлался мужемъ А. И.

Не взирая на крутость этой свадьбы, на бѣдность нашихъ средствъ, ибо, что-бы заплатить священнику и причетникамъ за вѣнецъ, я взялъ у Фролова 30 руб., а за невѣстой три старыхъ платья, вотъ уже тридцать два года какъ я пользуюсь совершеннымъ семейнымъ счастіемъ и моимъ дѣтямъ не желаю лучшей участи.

Полоцкъ. 1847.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ ИВАНА СТЕПАНОВИЧА ЖИРЧКЕВИЧА.

1789—1848.

IX ¹⁾.

Возвращеніе въ Петербургъ.—Пропсшествіе въ бригадѣ.—Столкновеніе полковника Демидова съ бригаднымъ командиромъ Таубе. — Дуэль.—Доносъ на офицеровъ бригады. — Аресты. — Гнѣвъ императора Александра I на артиллеристовъ.—Переводъ мой въ полевую артиллерию.

1815—1818.

....Въ 1815 году, вскорѣ послѣ свадьбы моей, я получилъ изъ Петербурга предписаніе, какъ можно скорѣе возвратиться къ бригадѣ, которая выступила уже въ походъ въ Вильну по случаю побѣда Наполеона съ острова Эльбы. Не желая продолжать службу мою вмѣстѣ съ Таубе, я не спѣшилъ исполнить его предписаніе, а подалъ рапортъ къ бывшему тогда инспектору артиллеріи, барону Меллеру-Закомельскому, прося перечислить меня въ резервныя роты гвардейской артиллерійской бригады, оставшейся въ Петербургѣ. Отвѣтъ отъ Меллера я получилъ въ концѣ іюля самый удовлетворительный, и въ первыхъ числахъ сентября, съ женой, выѣхалъ изъ Смоленска въ столицу. На пути подъ самымъ Петербургомъ, я обогналъ бригаду, возвращающуюся уже назадъ, ибо расчетъ съ Наполеономъ вторично былъ конченъ. Тутъ мнѣ привелось выслушать разсказъ о довольно необыкновенномъ происшествіи по бригадѣ, давно уже начатомъ, но еще не вполнѣ оконченномъ.

¹⁾ См. «Русскую Старину» 1874 г., томъ IX, стр. 207—244; томъ X, стр. 633—666; томъ XI, стр. 411—450.

Я говорилъ уже, что полковникъ Таубе, за сраженіе подъ Парижемъ, Ярошевицкому изъ младшихъ штабсъ-капитановъ доставилъ чинъ капитана. Несправедливость эта сильно огорчила цѣлый корпусъ офицеровъ, а болѣе всего тронула штабсъ-капитана Столыпина, заслуженнаго и раненаго офицера. За нѣсколько дней до вступленія гвардіи въ Вильну, всѣ офицеры отправились къ Ярошевицкому и объявили ему, чтобъ онъ оставилъ бригаду. Не бывши трусомъ, что онъ въ особенности доказалъ подъ Лейпцигомъ, онъ сначала уперся въ отказъ, но, наконецъ, видя сильное настояніе, понялъ, что онаго не одолѣеть, сталъ просить дать ему принскать удобный случай проситься вонъ, на что офицеры, по убѣжденію капитана Коробьина, согласились. Прошло болѣе трехъ мѣсяцевъ, Ярошевицкій забылъ и не спѣшилъ выполнить даннаго обѣщанія. Всѣ офицеры, кромѣ Ярошевицкаго, рѣшительно ненавидѣли Таубе, но полковникъ Демидовъ, съ эгоистическимъ духомъ, одинъ соблюдалъ всѣ утонченныя приличія къ нему, какъ къ своему начальнику. Таубе же это принималъ какъ за искательство съ его стороны, ибо зналъ, что Демидовъ хотя уважаемъ, но не особенно любимъ офицерами.

Во время обратнаго похода бригады, около Острова, Псковской губерніи, Демидовъ подалъ рапортъ Таубе, что въ его ротѣ вся коломазь, отпущенная для смазки колесъ подъ тяжестями, почти вышла и проситъ распоряженія его объ отпускѣ таковой, или денегъ для покупки. Таубе, вмѣсто личнаго объясненія съ Демидовымъ, отдалъ приказъ по бригадѣ, въ которомъ онъ указываетъ ему, что онъ не обращаетъ вниманія на выгоды казны, ибо для его роты коломази отпущено въ равной пропорціи, какъ и для другихъ ротъ; а какъ казна даетъ коломази съ избыткомъ, то при экономіи, подобно другимъ ротамъ, не могъ онъ ее всю употребить. Демидовъ выговоромъ этимъ чувствительно огорчился.

На другой день послѣ отданія упомянутаго приказа, во время похода, когда роты всѣ шли вмѣстѣ, Таубе, обгоняя ихъ, поровнявшись съ Демидовымъ, привѣтствовалъ его словами:

— Bon jour, colonel!

Вдругъ, къ удивленію всѣхъ, Демидовъ, поднявъ нагайку на Таубе, отвѣчалъ ему:

— Слушай, шмерцъ! я не colonel, а русскій полковникъ и научу тебя, какъ нужно обращаться съ нимъ.

Таубе едва успѣлъ ускользнуть отъ Демидова. Расбонфуженный и взбѣшенный, переѣхавъ къ головѣ бригады, онъ тотчасъ приказалъ полковнику Базилевичу ѣхать арестовать Демидова и отправить его подъ караулъ въ арьергардъ, а вслѣдъ затѣмъ сталъ рассказывать о дерзкомъ поступкѣ ѣхавшимъ двумъ братьямъ кн. Горчаковымъ, Столыпину и др. офицерамъ. Столыпинъ спросилъ у Таубе, что же онъ думаетъ сдѣлать съ Демидовымъ?

— Непремѣнно отдамъ подъ судъ, отвѣчалъ тотъ; только что прїдемъ на мѣсто, сейчасъ пошлю донесеніе.

Тогда князь Петръ Горчаковъ, усмѣхнувшись, замѣтилъ ему:

— Все это хорошо, Карлъ Карловичъ, отдавайте Демидова подъ судъ сколько вамъ угодно, а вы вотъ что намъ скажите: вѣдь онъ на васъ поднялъ нагайку. Послѣ этого врядъ-ли это пожелаетъ служить подъ вашимъ начальствомъ.

— Что же я долженъ, господа, по вашему сдѣлать? спросилъ Таубе.

На это ему возразили, что въ подобныхъ случаяхъ никто, кромѣ самого себя, не можетъ давать совѣтовъ, и всѣ, какъ-бы сговорившись, отвѣхали прочь, оставивъ Таубе одного размышлять о будущемъ своемъ поведеніи.

Между тѣмъ Базилевичъ возвратился съ донесеніемъ о выполненіи даннаго ему приказанія; Таубе обратился и къ нему за совѣтомъ, отъ котораго получилъ почти въ такомъ же смыслѣ отвѣтъ, какъ и отъ прочихъ офицеровъ; такъ что Таубе рѣшился вызвать Демидова на дуэль, отказавшись отъ перваго своего предположенія—отдать Демидова подъ судъ.

Когда дошли до мѣста стоянки и стали устанавливать паркъ, Таубе отправилъ съ Базилевичемъ шпагу къ Демидову и ему же поручилъ сдѣлать вызовъ. Демидовъ согласился, но отвѣчалъ, что онъ иначе не станетъ драться, какъ на пистолетахъ, на что Таубе долго колебался, но потомъ изъяснилъ свое согласіе. Демидовъ пригласилъ къ себѣ секундантами—Столыпина и князя Михаила Горчакова, а Таубе взялъ Базилевича и князя Петра Горчакова. Столыпину поручили выборъ мѣста и другія пріуготовленія.

Не вѣзжая еще въ городъ, бойцы и секунданты отправились на мѣсто. По пути Таубе сталъ спрашивать о порядкѣ

и условіяхъ дуэли, объявивъ, что ему ни разу не приходилось въ таковой передрагѣ участвовать, а потому вовсе не знаетъ, какія существуютъ для сего правила. Столыпинъ ему объяснилъ, что въ настоящемъ дѣлѣ послѣдовала тяжкая обида, то и дуэль непременно должна кончиться смертью котораго-либо изъ противниковъ и для этого короче всего стрѣляться по платву, взявшись за концы онаго. Но другіе секунданты рѣшительно воспротивились этому предложенію и постановили: стрѣляться на дистанціи десяти шаговъ, чрезъ барьеръ, отступя отъ онаго еще на 10 шаговъ далѣе, предоставляя первый выстрѣлъ на произволъ самихъ противниковъ.

Когда отмѣрили разстояніе, Демидовъ снялъ мундиръ, съ шеи платокъ и у него остался на груди только одинъ орденскій знакъ св. Анны 2-й ст. съ брилліантами, то и секунданты Таубе предложили ему снять скюртуеъ, а если онъ не желаетъ снять платокъ съ шеи, то чтобы снялъ свои ордена, которыхъ у него было навѣшено во множествѣ. У него висѣли: Георгій 3-й ст., св. Владимира 3-й ст., Анна 2-й ст., Краснаго Орла и «*Pour le merite*». Таубе мундиръ снялъ, а платка и орденовъ снимать не захотѣлъ, тогда его секунданты висѣвшіе на шеѣ кресты перенесли на спину. Зарядивъ пистолеты и отойдя на условленную дистанцію отъ барьера, противники стали сходитьсѣ и, подойдя къ барьеру, нѣкто не сдѣлалъ выстрѣла. Тогда Столыпинъ, ближе всѣхъ стоявшій къ нимъ, сказалъ:

— Я думалъ, что увидимъ что-нибудь трагическое, а выходитъ нѣчто комическое.

Начались новые толки и опять взяли прежнюю дистанцію. Сдѣлавъ два шага, Таубе выстрѣлилъ и далъ промахъ. Демидовъ остановился и, обратясь къ секундантамъ, произнесъ:

— Придвиньте г. Таубе.

— Что такое? спросилъ онъ.

Ему объяснили, что онъ долженъ дойти до барьера, и Таубе долго не хотѣлъ понять этого предложенія, но, наконецъ, по усиленнымъ убѣжденіямъ секундантовъ, исполнилъ это требованіе. Замѣтно было, что онъ совершенно упалъ духомъ. Демидовъ нѣсколько разъ подымалъ пистолетъ, прицѣливаясь, но потомъ опять его вновь опускалъ и, повторивъ это нѣсколько разъ, обратился къ своимъ свидѣтелямъ, сказавъ:

— Я не могу, я не хочу стрѣлять по Таубе.

Тутъ секунданты Таубе стали настаивать, чтобы Демидовъ непремѣнно стрѣлялъ, но какъ тотъ все упорствовалъ въ своемъ отказѣ, то они стали требовать отъ Таубе, чтобъ онъ настаивалъ самъ, чтобъ тотъ стрѣлялъ; но Таубе, совсѣмъ потерявшійся, объявилъ, что онъ совершенно предоставляет на волю самого Демидова. Тогда Столыпинъ, взявъ изъ рукъ Демидова пистолетъ и подойдя къ Таубе, выстрѣлилъ на воздухъ, прибавя:

— Полковникъ Таубе, Николай Петровичъ Демидовъ вамъ даритъ жизнь!

Битва кончилась. Таубе пригласилъ Демидова и секундантовъ къ себѣ на обѣдъ и, разумѣется, что при мировой хозяинъ предложилъ тостъ за своего противника; отвѣчая на оный, Столыпинъ просилъ позволенія выпить за здоровье хозяина, и когда бокалы наполнились, то онъ, провозглашая тостъ:

— Карлъ Карловичъ, ваше здоровье! — обратился къ Демидову: а васъ, Николай Петровичъ, поздравляю съ новорожденнымъ.

Когда гвардія возвратилась въ Петербургъ, куда я пріѣхалъ нѣсколько дней прежде, исторія съ Ярошевицкимъ возобновилась и офицеры вторично отправились къ нему требовать его удаленія. Полковникъ Базилевичъ отъ имени всѣхъ держалъ рѣчь. На это Ярошевицкій, гордо поднявъ голову, отвѣчалъ:

— Не знаю, господа, чего вы хотите отъ меня? Я не хочу оставлять ни службы, ни бригады. Готовъ каждому изъ васъ дать личное удовлетвореніе, начиная съ васъ, полковникъ, потомъ съ каждымъ, кто пожелаетъ.

На это ему возразилъ Базилевичъ, что отъ этого никто не откажется, но только тогда, когда онъ сниметъ нашъ мундиръ; а до того времени, отдѣльно. никто изъ насъ не почитаетъ себя въ правѣ отвѣчать на вызовъ, такъ какъ здѣсь не частное дѣло, но общее заключается настояніе.

Ярошевицкій все-таки наотрѣзъ отказался подчиниться ихъ желанію и офицеры ушли отъ него, не рѣшивъ окончательно, какъ поступить съ нимъ.

Ярошевицкій тотчасъ отправился къ Таубе и, по совѣщаніи съ нимъ, подалъ ему рапортъ, въ которомъ, объясняя въ подробности оба сдѣланныя противъ него настоянія, присовокупилъ,

что это дѣлается видимо не собственно противъ него, а противъ самого Таубе, и тутъ же включилъ и происшествіе на походѣ съ Демидовымъ и коснулся немного о дуэли, утверждая, что при этомъ обстоятельстве будто бы Столыпинъ ему положительно говорилъ, «что если сживемъ Таубе, то мы васъ оставимъ въ покоѣ...»

Таубе этотъ рапортъ лично отвезъ начальнику всей гвардейской артиллеріи, ген.-майору Козену, и при этомъ подалъ ему отъ себя еще другой, представляя все происшествіе, какъ явный бунтъ противъ него, и что это ничто иное какъ возобновленіе исторіи, начатой еще за границей, во Франціи, подѣ Труа, когда онъ только что былъ назначенъ командиромъ бригады. Козень взялъ на себя поддержать Таубе.

Государь тогда находился во Франціи; гвардіею командовалъ графъ Милорадовичъ, а начальникомъ штаба при немъ былъ ген.-майоръ Сипягинъ. Когда Козень донесъ о семъ Милорадовичу, тотъ немедленно приказалъ, арестовавъ Базилевича, Столыпина и Ярошевицкаго, посадить ихъ на гауптвахты порознь. Базилевича на сенатскую, втораго на смольную Новодѣвичьяго монастыря, а послѣдняго на арсенальную, и назначилъ особую комиссію изъ полковниковъ отъ каждаго пѣхотнаго гвардейскаго полка по одному, подѣ председательствомъ начальника 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи барона Розена, коей поручилъ произвести строжайшее слѣдствіе.

Въ то время я жилъ на Пескахъ, недалеко отъ Преображенскихъ казармъ, и какъ я былъ единственный независимый офицеръ въ бригадѣ, состоя въ резервѣ, то всѣ наши офицеры, попеременно навѣщая меня, при настоящихъ обстоятельствахъ, избирали квартиру мою центральнымъ пунктомъ сообщеній между Базилевичемъ и Столыпинымъ, и у меня собиравли свѣдѣнія о дѣлаемыхъ тому и другому вопросахъ и объ ихъ отвѣтахъ.

Между тѣмъ, не находя способовъ жить съ женою въ Петербургѣ, я рѣшился подать прошеніе о переводѣ меня въ армію и хотя уже не состоялъ подѣ начальствомъ Таубе, но онъ, вѣроятно, провѣдавъ о бывающихъ у меня совѣщаніяхъ, пожелалъ и меня привлечь къ дѣлу, донеся, что я женился, не получивъ отъ начальства на это дозволенія. Въ одинъ день я былъ чрезвычайно удивленъ пріѣздомъ ко мнѣ совершенно незнакомаго мнѣ адъютанта Козена, Гардера, который объяснилъ мнѣ, что онъ прі-

ѣхалъ удостовѣриться справедливо-ли донесеніе Таубе. Я отперся... и вмѣстѣ съ этимъ рекомендовалъ жену мою. Гардеръ, благородной души человѣкъ, понялъ шутку и взялся быть за меня защитникомъ у Козена, такъ что въ отношеніи меня все преслѣдованіе Таубе этимъ ограничилось.

Дня за три до пріѣзда государя въ Петербургъ, Базилевичъ и Столыпинъ были освобождены изъ-подъ ареста, и каждый изъ нихъ получилъ открытое свидѣтельство отъ гр. Милорадовича. что доносъ Ярошевицкаго на нихъ совершенно неоснователенъ. Всѣ мы уже радовались, что побѣдили,—вышло совершенно на-противъ.

По прибытіи государя, объявлено было повелѣніе на другой день быть у развода въ экзерциргаузѣ всѣмъ офицерамъ гвардіи. Разумѣется, не было исключенія и для артиллеріи. Но государь въ разводѣ не прибылъ, а приказано офицерамъ для представленія ѣхать во дворецъ. Но каковъ же былъ сюрпризъ для нашихъ (я у развода не былъ), когда, при входѣ въ покои дворца, у каждаго входа артиллеристовъ встрѣчало запрещеніе идти далѣе, съ объявленіемъ, что государь не желаетъ ихъ видѣть. Это крѣпко всѣхъ насъ смутило и заставило призадуматься.

....Много прошло съ тѣхъ поръ лѣтъ, страсти поуспокоились, старые враги встрѣчались, какъ старинные хорошіе пріятели, а кто былъ въ то время загадочнымъ другомъ, да пошелъ въ гору, тотъ на мелвоту, на нашего брата, совсѣмъ не глядѣлъ; такъ точно было и со мной; когда я находился на службѣ въ артиллерійскомъ департаментѣ, въ Петербургѣ, нечаянно встрѣтился съ Таубе и пошелъ у насъ воспоминанія о давно прошедшихъ дѣлахъ, въ томъ числѣ зашла рѣчь и о происшествіи, которое я выше описалъ, и вотъ дополненіе всему, что мнѣ разсказалъ самъ Таубе, такъ какъ, кромѣ него, никто не могъ быть свидѣтелемъ тому, что происходило съ нимъ во время представленія государю.

Когда кончился пріемъ, въ которомъ было отказано артиллеристамъ, государь потребовалъ къ себѣ въ кабинетъ Таубе.

— Я,—говоритъ онъ,—вошелъ ни живъ, ни мертвъ, чувствуя, что въ этой исторіи я былъ тоже не совсѣмъ правъ и, зная заранее почти за чѣмъ онъ меня требуетъ, я входилъ, признаюсь, съ трепетомъ, но тутъ совершенно потерялъ голову и не помню

болѣе себя, когда увидѣлъ передъ собой такое грозное лицо государя, какое мы никогда и представить себѣ не могли. Вошелъ въ кабинетъ, а далѣе не могу двинуться. Хочу броситься на колѣни—боюсь. Государь съ тѣмъ же гнѣвнымъ лицомъ подошелъ ко мнѣ и грозно сказалъ:

— „У тебя въ бригадѣ опять бунтъ. Ты не умѣешь быть начальникомъ и не похожъ, какъ посмотрю на тебя, на начальника. Я очень жалѣю, что тебя поставилъ на это мѣсто: а еще болѣе жалѣю, что для пользы службы долженъ поддержать тебя!“

Я, говорить Таубе, тутъ было низко поклонился.

— „Не смѣй мнѣ кланяться!—также гнѣвно сказалъ государь, — не смѣй это принимать за милость или за вниманіе къ себѣ! Знай, еще разъ случится подобное несчастіе — ты у меня полетишь туда, куда воронъ и костей не доноситъ. Теперь я не стану разбирать — кто правъ, кто виноватъ, по всему заключаю, что ты. До тебя моя артиллерія служила примѣромъ, а теперь вынужденъ принять крутыя мѣры. Подай сейчасъ кн. Волконскому записку, кого ты желаешь, чтобы перевели отъ тебя изъ бригады. Ступай и не забудь моихъ словъ!“

Таубе написалъ на запискѣ: полковниковъ: Базилевича, Демидова, кн. Горчакова 1-го (второй нѣсколько времени передъ этимъ поступилъ адъютантомъ къ Дибичу), штабсъ-капитана Глухова, и прапорщиковъ: Бибикова и кн. Горчакова 3-го—и всѣ они на другой день были переведены въ армію. съ потерей правъ, присвоенныхъ гвардіи. Графъ Аракчеевъ убѣдительно упросилъ государя включить въ это число и Ярошевицкаго, какъ виновника всей этой исторіи. Я, вѣроятно, уцѣлѣлъ потому лишь, что прежде самъ подался въ армію. да и не былъ уже подъ командой Таубе.

X.

Приѣздъ въ Орелъ. — Назначенъ командиромъ роты. — Приемъ роты. — Графъ Сергѣй Каменскій. — Жизнь его въ Орлѣ. — Его странности и причуды. — Мое съ нимъ знакомство. — Страсть его къ театру. — Заботы его о немъ. — Его обыденная жизнь. — Проѣздъ чрезъ Орелъ государя и великаго князя Николая Павловича. — Графъ Аракчеевъ.

1816—1819.

Мой переводъ послѣдовалъ 4-го марта (1816 г.) въ батареиную № 58 роту, квартировавшую въ Орлѣ, гдѣ командиромъ роты былъ капитанъ Поля. Въ то же время назначенъ былъ начальникомъ запасныхъ ротъ (безъ орудій и лошадей), около Орла расположенныхъ, ген.-маіоръ Эйлеръ и моя рота была въ числѣ прочихъ.

По прибытіи на мѣсто назначенія, я сдѣланъ командиромъ роты № 58, которая была въ такомъ жалкомъ видѣ, что трудно себя представить. Ее въ насмѣшку называли «голубою», потому что на солдатахъ были мундиры самаго свѣтлаго, выцвѣтшаго изъ темно-зеленаго цвѣта, и ни одного мундира въ запасѣ. Въмѣсто шинелей, этой ежедневной одежды солдата, висѣли какія-то лохмотья, носившія названіе «кружева Поля»; правда, что на новыя шинели только лишь было принято сукно, но опять въ разнородномъ видѣ: на половину англійское тонкое, а остальная часть — толстое русское. Въмѣсто киверовъ, какія-то лукошки, безъ чешуекъ, а, по прежнему образцу, съ ремешками. Обоза совсѣмъ не было и ни одной подъемной лошади. У Поля (моего предмѣстника) ни гроша въ карманѣ, — такъ что я рѣшительно не зналъ, какъ и приступить къ приему роты, тѣмъ болѣе еще, что между мной и Полемъ, съ самой первой встрѣчи, проявилась большая холодность и натянутость отношеній. Къ счастью моему, что оставлены были еще на одинъ годъ подъемныя лошади, которыя хотя и не находились въ ротѣ, но я все-таки сталъ на нихъ получать продовольствіе по справочнымъ цѣнамъ, до 600 р. асс. въ мѣсяцъ. Добрый мой помощникъ офицеръ Даниловъ приложилъ всѣ труды, чтобы меня успокоить, но никакъ не могъ убѣдить меня продолжать устройство роты на счетъ солдатскаго провіанта, уступленнаго хозяевами, который я обращалъ въ капиталъ и записывалъ въ счетъ солдатскихъ денегъ. Я говорю

«въ счетъ», ибо, дѣйствительно, я былъ вынужденъ прибѣгнуть къ займу солдатскихъ денегъ на улучшеніе наружнаго вида роты, а въ послѣдствіи деньги эти я пополнилъ изъ фуражнаго барыша моего.

Касательно же расчета съ Полемъ, я поручилъ Данилову составить опись однѣмъ только недостающимъ вещамъ, отнюдь не внося туда неисправныхъ, и чтобы онъ самъ условился съ Полемъ, сколько будетъ слѣдовать мнѣ получить съ него денегъ. Полю, самъ своей рукою, проставлялъ, сколько слѣдуетъ за каждую вещь и сумма дошла до 7,800 р. Когда же пришлось ему выдавать мнѣ деньги, онъ объявилъ, что таковыхъ не имѣетъ, а не желаю-ли я принять отъ него экипажи, столовый и чайный серебряный сервизъ, а въ остальной суммѣ вексель. Я на это предложеніе отвѣчалъ отказомъ и объявилъ, что въ квитанціи ему пропишу недостатки и оговорю потребную, имъ же назначенную, сумму. Полю сталъ распускать про меня слухи, что я хочу его ограбить; кончилось тѣмъ, что я представилъ донесеніе о найденныхъ недостаткахъ, а квитанціи ему не выдалъ, — и онъ уѣхалъ съ большимъ на меня неудовольствіемъ. Фуражное довольствіе, продолжавшееся семь мѣсяцевъ, дало мнѣ, по крайней мѣрѣ, возможность извернуться, такъ что въ слѣдующемъ году я далъ отъ своей роты караулъ въ дому государя, когда онъ изволилъ проѣзжать чрезъ Орелъ. Но и тутъ едва не попался въ бѣду. Какъ я уже говорилъ, что много мундировъ моихъ были очень свѣтлы, то для однообразія я ихъ выкрасилъ темною краскою, не распарывая ихъ, иначе бы они сѣлись, и едва государь отпустилъ роту, отправившись на маневры, какъ пошелъ не дождь, а ливень, и всю краску съ мундировъ погнало на лѣтніе панталоны и на обшивку. Случись это $\frac{1}{4}$ часа ранѣе, Богъ знаетъ, чтобы досталось мнѣ за подобный форсъ украшенія.

По окончаніи маневровъ, при которыхъ всѣ наши запасныя роты, безъ орудій и лошадей, представляли, какъ на театрѣ, статистовъ, т. е. лица безъ дѣйствій, государь подѣхалъ къ моей ротѣ и, похваливъ наружный видъ и выправку людей, всю 1-ю шеренгу предназначилъ къ переводу въ гвардію, а фланговаго рядоваго въ Конногвардейскій полкъ. Полковникъ Полю, десятка полтора лѣтъ будучи бригаднымъ командиромъ, комплектовалъ свою роту съ пристрастіемъ противъ другихъ ротъ, а потому меня нисколько не удивило, какъ другихъ, что государь выбралъ

52 человекъ въ гвардію. Князь Яшвиль еще столько же просилъ государя дозволить ему выбрать у меня въ конно-артилерію, но государь отказалъ, сказавъ, «что Жиркевичъ и такъ ограбленъ». Зато полковникъ Поль въ другомъ отношеніи былъ весьма разборчивъ. Въ батарейной ротѣ полагается содержать 50 бомбардировъ, т. е. рядовыхъ, имѣющихъ на рукавномъ общагѣ золотой галуны, то изъ экономіи у Поля было только 22 бомбардира, а 28 показывались въ недостаткѣ за неимѣніемъ въ виду достойныхъ. Эйлеръ чрезвычайно изумился, когда чрезъ недѣлю по моему вступленіи въ командованіе ротой, я ему представилъ къ повышенію въ бомбардиры 28 человекъ, и даже вначалѣ не хотѣлъ согласиться на это. Но я настоялъ, объясняя ему, что къ означенному повышенію я представилъ не по выбору, а по старшинству службы, исключая только тѣхъ, о коихъ получилъ невыгодные отзывы ротныхъ офицеровъ, и что этою справедливостію я замѣню необходимость (?) тѣлеснаго наказанія, снимая званіе бомбардира съ тѣхъ, которые не заслужаютъ въ послѣдствіи этого отличія; таковая мѣра оказалась, какъ я и ожидалъ, дѣйствительною. Солдаты, получившій прибавку къ своему ничтожному жалованью, дорожили званіемъ бомбардира и при томъ, видя мое справедливое вниманіе къ его поступкамъ, навсегда уже сталъ бояться моего гнѣва. Мнѣ ни разу, за все мое командованіе, изъ назначенныхъ вновь бомбардировъ не пришлось наказывать тѣлесно, а между тѣмъ я видѣлъ, что при одномъ взглядѣ моему и серьезному вопросу рѣдкій изъ нихъ не смущался и не робѣлъ при мнѣ....

Въ Орлѣ я простоялъ болѣе трехъ лѣтъ.

При началѣ моего командованія ротою въ Орлѣ, туда приѣхалъ Вельяминовъ, а за нимъ вскорѣ Ермоловъ, остановившіеся оба у меня. Ермоловъ ѣхалъ главнокомандующимъ въ Грузію. Будучи предупрежденъ противъ меня, когда былъ нашимъ начальникомъ, онъ не благоволилъ ко мнѣ, но тутъ сталъ убѣждать меня съ нимъ ѣхать въ Грузію, отъ чего я отказался, опасаясь подвергнуть жену свою столь долгому путешествію и къ тому же въ это время болѣзную. Ермоловъ прожилъ у меня болѣе недѣли, ѣздивъ въ деревню на свиданіе съ своимъ отцомъ, и уже съ Вельяминовымъ вмѣстѣ, въ одномъ экипажѣ, отправились въ дальнѣйшій путь.

Изъ жизни моей въ Орлѣ у меня остались въ памяти слѣдующія болѣе или менѣе достойныя интереса воспоминанія:

Графъ Сергѣй Михайловичъ Каменскій, генералъ отъ инфантеріи, кавалеръ орденовъ св. Александра Невскаго, Георгія 2-й ст., Владиміра 4-й ст., герой Базарджика, послѣ отца своего фельдмаршала, убитаго своими крестьянами недалеко отъ Орла, и послѣ брата гр. Николая Михайловича, главнокомандующаго молдавской арміею, наслѣдовалъ состояніе до 7 тыс. душъ крестьянъ, но до такой степени разоренныхъ, что ему уже въ это время приходилось до зарѣзу, и онъ нуждался часто въ сотнѣ рублей. Въ Орлѣ у него былъ деревянный домъ, или, лучше сказать, большая связъ деревянныхъ строеній, занимавшихъ почти цѣлый кварталъ. Повсюду, какъ внутри, такъ и снаружѣ, царствовала неописанная грязь и нечистота: болѣе чѣмъ въ половинѣ окнахъ торчали какія-то тряпцы и подушки. замѣняя стекла; лѣстницы и крыльца были безъ одной, а то безъ двухъ и болѣе ступенекъ, безъ балюсокъ; перила валялись на землѣ: однимъ словомъ, безпорядокъ страшный. Въ этихъ, не знаю какъ и назвать, сараяхъ—помѣщался самъ графъ, при немъ 400 человѣкъ прислуги, церковь и театръ, устроенный изъ крѣпостныхъ его дворовыхъ людей. До моего пріѣзда въ Орелъ, онъ жилъ на открытую ногу, стараясь подражать стариннымъ вельможамъ до такой степени, что по воскресеньямъ накрывался обѣденный столъ на 60 персонъ и въ столу могъ приходить каждый порядочно одѣтый челоѣкъ, даже совершенно незнакомый. Кушанье и вино были всегда отличныя; но я засталъ только два подобныхъ обѣда.

Мое знакомство съ графомъ началось тѣмъ, что я пріѣхалъ къ обѣднѣ вмѣстѣ съ женою и въ церкви увидѣлъ за кѣлїромъ, съ правой стороны, старуху мать его ¹⁾, вдову фельдмаршала съ двумя внуками и возлѣ нихъ самаго графа въ полной формѣ, въ лентахъ и орденахъ, а съ лѣвой стороны увидалъ молодую женщину, лѣтъ 30-ти, съ огромнымъ на груди, больше чѣмъ панатія, портретомъ Каменскаго, вдѣланнымъ въ медальонъ. Я поинтересовался узнать, кто это женщина? мнѣ сказали:

¹⁾ Графиня Анна Павловна, рожденная княжна Щербатова, похоронена въ Москвѣ, въ Новодевичьемъ монастырѣ. Ж.

«г-жа Курилова, любовница графа». Это меня чрезвычайно озадачило, но тутъ же мнѣ сказали, что ни мать, ни Курилова въ общемъ домѣ не живутъ, а каждая имѣетъ свое отдѣльное помѣщеніе. Тутъ мнѣ пришлось услышать о нѣкоторыхъ чудачествахъ графа, такъ напримѣръ, что видѣнный мною сегодня портретъ на груди г-жи Куриловой, она его, должно быть, на этой недѣли вполнѣ заслужила, потому что иначе, если навлечетъ чѣмъ-нибудь на себя неудовольствіе графа, то портретъ этотъ отъ нея отбирался, впредь пока она вновь заслужитъ расположение своего барина, а на мѣсто онаго давался другой, точно также отдѣланный, но на которомъ лица не было видно, а нарисована была чья-то спина и на спинѣ же г-жи Куриловой его вѣшали, и въ такомъ нарядѣ ей приходилось являться въ церковь на соблазнъ всѣхъ молящихся. Кромѣ этого наказанія, назначалось другое, которое, по моему мнѣнію, было несравненно жесточе, состоявшее въ томъ, что назначалась на квартиру г-жи Куриловой смѣна дворовыхъ людей, подъ командой урядника, которыхъ обязанность была каждые $\frac{1}{4}$ часа входить въ Курилову, что бы она ни дѣлала, и говорить ей: «грѣшно, Авулина Васильевна! Разсердили батюшку графа. Молитесь!» и бѣдная женщина должна была сейчасъ сдѣлать поклонтъ; такъ что ей приходилось иногда по ночамъ не спать и почти что не вставать съ поклоновъ. Графъ, чрезъ довѣренныхъ лицъ, повѣрялъ, исправно ли исполняется эта «эпитимья» и горе бывало тому, кто бы сдѣлалъ какую-нибудь поблажку. Къ счастью, Каменскій не былъ золъ. Объ особенныхъ какихъ-либо его варварскихъ поступкахъ не было слышно, и наказаніе, дѣлаемое имъ г-жѣ Куриловой, рѣдко когда продолжалось выше нѣсколькихъ часовъ, но за то прогулка съ портретомъ на спинѣ длилась иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ.

Передъ окончаніемъ обѣдни Каменскій вышелъ изъ церкви, но къ многолѣтію опять вернулся и, подойдя ко мнѣ, сказалъ:

— «Г. Жиркевичъ, позвольте хозяину дома познакомиться съ вами и представиться супругѣ вашей» (я былъ только капитанъ). Потомъ, обратясь къ моей женѣ послѣ представленія, продолжалъ: «вамъ, вѣроятно, не будетъ непріятно, сударыня, познакомиться съ моей матушкой», и, не дождавшись отвѣта, подбѣжалъ къ старухѣ, схватилъ ее за руку, не говоря ей ни слова,

поташилъ къ намъ. Я и жена, всѣмъ происходившимъ сильно сконфуженные, поспѣшили на встрѣчу почтенной старушки, начали ей рекомендоваться и просить извиненія, что не имѣли еще счастья быть у нея. Но она была такъ добра, или, лучше сказать, такъ привыкла къ причудамъ сына своего, что не обратила вниманія на неприличный поступокъ графа; чрезвычайно ласково и привѣтливо обошлась съ женой и пригласила идти въ покои къ сыну. На этотъ случай, какъ-будто нарочно, въ церкви изъ постороннихъ, хотя кое-кто и были, но завтракать къ нему никто не пошелъ, и мы у графа нашли накрытый завтракъ, по крайней мѣрѣ, человекъ на 70. На другой день жена и я отправились къ фельдмаршалшѣ и она намъ возвратила визитъ на слѣдующій день, а гр. Каменскій съ своимъ визитомъ пріѣхалъ ко мнѣ въ пятомъ часу утра, полагая, что его не примутъ; но какъ на бѣду единственный мой слуга куда-то отлучился и я въ халатѣ, за бумагами, имѣлъ честь принимать полнаго генерала¹⁾.

Онъ былъ во всей формѣ, въ мундирѣ и при шляпѣ. Извиняясь, что такъ рано меня обезпокоилъ, онъ все-таки просидѣлъ болѣе $\frac{1}{2}$ часа и въ разговорѣ предложилъ мнѣ билеты въ свой театръ. Не зная его привычекъ и чудачествъ, я принялъ оные, сказавъ, что, будучи любителемъ театральныхъ зрѣлищъ, я почти долгомъ абонироваться; но онъ мнѣ возразилъ на это, что абонимента у него въ театрѣ нѣтъ, но что онъ почтетъ обязанностью каждый разъ присылать ко мнѣ два билета и, если желаю, подлѣ его матери. Съ этого дня болѣе 3-хъ лѣтъ, которыя прожилъ въ Орлѣ, на каждый спектакль присылался ко мнѣ пакетъ съ надписью моей фамиліи и запечатанный большою графскою печатью; въ пакетъ влягалась особеннымъ манеромъ сложенная афиша, такъ что, не развертывая ее, можно было удобно читать дѣйствующихъ лицъ—и два билета въ кресла. Скоро я узналъ, что все это продѣлывалъ собственноручно графъ. Лакей его являлся ко мнѣ въ 5 часовъ утра и ждалъ моего пробужденія иногда до 9-ти часовъ, отзываясь, что ему приказано пакетъ отдать «въ собственные мои руки».

Я сказалъ уже выше, что актеры были крѣпостные люди,

¹⁾ Послѣ я узналъ, что онъ всѣмъ дѣлалъ свои визиты въ этомъ часу, чтобы не быть принятымъ нигдѣ. Ж.

но нѣкоторые изъ нихъ куплены графомъ за дорогую цѣну; такъ напримѣръ, за актеровъ мужа и жену Кравченковыхъ съ 6-и лѣтнею дочерью, которая танцевала въ особенности хорошо танцы «качучу и тампетъ» уступлена была г. Офросимову деревня въ 250 душъ. Музыкантовъ у него было два хора: инструментальный и роговой, каждый человѣкъ по 40, и всѣ они были одѣты въ форменную военную одежду. Въ частные дома своихъ музыкантовъ никогда не отпускалъ, говоря, «что они тамъ балуются и собьются съ такту». Вся его громадная дворня жила на военномъ положеніи, т. е. на пайкахъ и на общественномъ столѣ. Собирались на обѣдъ и расходились по барабану съ волторной и за столомъ никто не смѣлъ сидѣть, а непременно стоя, по замѣчанію графа, «что такъ будетъ ѣсть до-сыта, а не до безчувствія». Въ началѣ моего знакомства, вся прислуга и музыканты были одѣты довольно прилично, чисто, но за послѣдніе года это были какіе-то нищіе, въ лохмотьяхъ и босикомъ. Пьесы въ театрѣ безпрестанно мѣнялись и съ каждой новой пьесой являлись новые костюмы и великолѣпнѣйшія декораціи; такъ напримѣръ, въ «Калифъ Багдадскомъ» шелку, бархату, вышитаго золотомъ. ковровъ, страусовыхъ перьевъ и турецкихъ шалей было болѣе чѣмъ на 30 т. руб., но со всѣмъ тѣмъ вся продѣлка эта походила на какую-то полоумную затѣю, а не на стоящій театръ.

Въ театрѣ для графа была устроена особая ложа и въ ней примыкала галлерей, гдѣ обыкновенно сидѣли такъ-называемыя пансіонерки, т. е. дворовыя дѣвочки, готовившіяся въ актрисы и въ танцовщицы. Для нихъ обязательно было посѣщеніе театра, ибо графъ требовалъ, чтобы на другой день каждая изъ нихъ продемонстрировала какой-нибудь монологъ изъ представленной пьесы или протанцевала бы вчерашній «па». Въ ложѣ, передъ графомъ, на столѣ лежала книга, куда онъ собственноручно вписывалъ замѣчанныя имъ на сценѣ ошибки или упущенія, а сзади его, на стѣнѣ, висѣло нѣсколько плетевъ и послѣ всякаго акта онъ ходилъ за кулисы и тамъ дѣлалъ свои расчеты съ виновнымъ, вопли котораго иногда доходили до слуха зрителя. Онъ требовалъ отъ актеровъ, чтобы роль была заучена слово въ слово, говорили бы безъ суфлера и бѣда бывало тому, кто запнется; но собственно объ игрѣ актера мало хлопоталъ. Иногда сходилъ въ кресла, которые для

него были въ первомъ ряду. Во второмъ ряду, тотчасъ же за нимъ, сидѣла его мать и съ нею двѣ его дочери, а позади матери, въ третьемъ ряду, Курилова съ огромнымъ портретомъ на груди, такъ что когда графиня въ антрактахъ поворачивалась къ публикѣ, первое, что ей должно было бросаться въ глаза—это портретъ съ г-жей Куриловой, но старушка-графиня никогда не показывала виду, что замѣчаетъ это. Въ антрактахъ публикѣ, въ креслахъ, разносили моченныя яблоки и груши, изрѣдка пастилу, но чаще всего варенный превкусный медъ. Публики собиралось всегда довольно, но не изъ высшего круга, которая только пріѣзжала компаніей, для издѣвокъ надъ актерами Каменскаго и надъ нимъ самимъ, что онъ, впрочемъ, замѣчалъ, и разъ, когда пріѣхалъ въ театръ корпусной командиръ баронъ Корфъ, начальникъ дивизіи Уваровъ и др. генералы съ нѣкоторыми дамами, какъ графиня Зотова, г-жа Теплова, Хрущева и др., Каменскій замѣтилъ ихъ насмѣшки, велѣлъ потушить всѣ лампы, кромѣ одной, началъ масломъ всю залу, пріостановилъ представленіе и болѣе, какъ я слышалъ, ни разу этимъ лицамъ не посылалъ билетовъ.

Занятія Каменскаго заключались въ слѣдующемъ: утромъ въ 5 часовъ онъ дѣлалъ визиты до 7-ми часовъ, потомъ прямо отправлялся въ свою театральную контору и начиналъ изъ рукъ своихъ раздавать и разсылать билеты, записывая каждую выдачу собственными руками въ книгу, а равно вписывая полученные за билеты деньги. При этомъ всегда спрашивалъ отъ кого посланъ, и если личность, которая прислала за билетомъ, ему не нравилась, то онъ ни за какія деньги не давалъ его. Кто же былъ у него въ фаворѣ и къ кому онъ благоволилъ, какъ напримѣръ, ко мнѣ, билеты высылались даромъ и заготовлялись наканунѣ съ вечера. Въ 9 часовъ онъ закрывалъ контору до 4-хъ часовъ и отправлялся за булисы и тамъ до 2-хъ часовъ ежедневно присутствовалъ при репетиціяхъ. Въ 2 часа шелъ гулять пѣшкомъ по городу, постоянно по одному и тому же направленію до известнаго мѣста, не дѣлая ни шагу болѣе, ни шагу менѣе, и возвращался домой обѣдать. За обѣдомъ у него бывало мало приглашенныхъ, но всегда казался доволенъ, если кто къ нему пріѣзжалъ безъ зова; пережѣвъ блюдо за столомъ было нескончаемо и приготовлено очень удовлетворительно, винъ стояло во множе-

ствѣ и, кромѣ того, за каждой перемѣной блюда дворецкой ко всякому гостю подходилъ съ бутылкой вина и предлагалъ онаго. Прислуги при столѣ толпилась цѣлая орда, больше ссорившаяся и ругавшаяся громко между собой, чѣмъ служившая. Сервировано было чрезвычайно грязно: скатерти потертыя, порванныя и всѣ залитыя, въ пятнахъ; салфетки—тоже самое, а другимъ даже и не клали; стаканы и рюмки разныхъ фасоновъ: одни граненные, другіе гладкіе, а нѣкоторые даже съ отбитыми краями; ножи и вилки тупые и нечищенные;—по всему было видно, что въ домѣ не имѣлось настоящаго хозяйскаго глаза. За обѣдомъ онъ занималъ гостей болѣе всего разсказами о своемъ театрѣ и о талантахъ своихъ артистовъ, не любя, чтобы касались до чего-либо другаго, въ особенности не любилъ, когда напоминали ему его боевую жизнь и его достославнаго брата гр. Николая Михайловича Каменскаго, къ которому, какъ мнѣ казалось по нѣкоторымъ его отзывамъ, онъ питалъ зависть. Мать его никогда не присутствовала на его обѣдахъ.

Во внутреннихъ покояхъ царствовала такая же грязь и такой же безпорядокъ. Въ передней, уставленной вся кониками, на которыхъ валялся весь лакейскій хламъ, сидѣло постоянно 17 лакеевъ, которые обязаны были въ извѣстное для сего положенное время подавать графу кто трубку, кто стаканъ воды, кто платокъ, кто доблადывалъ о пріѣздѣ гостей, кто о приходѣ режисера и т. д., но ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ исполнить другаго порученія, кромѣ того, которое было на него возложено, и въ свободное время они, сидя на коникахъ въ передней, вязали чулки и невода. Зала была огромная комната, саженой 12 въ длину и саженой 7 въ ширину, уставленная кругомъ стѣнъ простыми стульями, выкрашенными сажей и покрытыми черной юфтью; на потолокъ висѣли три великолѣпныя хрустальныя люстры, а по стѣнамъ хрустальныя вѣнеты; въ одномъ углу залы стояли 2 турецкихъ знамени и 8 бунчуковъ и при нихъ часовой (изъ дворни), одѣтый испанцемъ, съ трембономъ, мѣнявшійся чрезъ каждые 2 часа. За залой шли 3 большихъ гостиныхъ, всѣ устланныя великолѣпными персидскими коврами, съ большими, въ простѣнкахъ оконъ, венеціанскими зеркалами и съ портретами, писанными масляными красками, покрывавшими стѣны отъ потолка почти до самаго пола. Въ первой гостиной висѣли портреты актеровъ и актрисъ всѣхъ воз-

можныхъ націй; во второй—предковъ графа и его сродниковъ; а въ третьей—доморощенныхъ его артистовъ. Мебель была вся изъ карельской березы, покрытой шелковою матеріею, весьма полинялою и потертою. Во второй гостиной, подъ портретами отца, брата и его, графа, лежали подъ стеклянными колпаками, на небольшомъ возвышеніи, всѣ ихъ регалии и мундиры вмѣстѣ съ фельдмаршальскимъ жезломъ, а напротивъ этихъ 3-хъ портретовъ, въ стѣнѣ, стояли большіе часы, купленные, какъ говорили мнѣ, у Медовса, въ Москвѣ, за 8 т. руб., игравшіе, когда часовая стрѣлка показывала 11 минутъ 3-го часа пополудни: «Со святыми упокой» и въ 4 часа, тоже пополудни, извѣстный польской: «Слався, слався храбрый россъ». Первый бой обозначалъ, что въ этотъ часъ найдено было тѣло убитаго фельдмаршала, отца графа, а другой бой—моментъ рожденія на свѣтъ самаго графа.

Отъ покойнаго фельдмаршала (отца гр. Сергія Каменскаго) былъ отданъ приказъ подъ страхомъ жесточайшаго наказанія, чтобы ни кучеръ, ни лакей, рядомъ съ нимъ сидящій, во время ѣзды ни подъ какимъ бы видомъ не смѣлъ бы обсораживать головы назадъ, такъ что когда подъѣхалъ экипажъ въ дому, въ немъ нашли уже бездыханное и обезображенное тѣло гр. Каменскаго, но вѣкъ совершенно было преступленіе, осталось въ мое время еще необъясненнымъ. Одни говорили—крестьянами, другіе ѣхавшими съ нимъ кучеромъ и лакеемъ, но дѣло въ томъ, что въ острогѣ по этому дѣлу содержалось болѣе 300 человекъ, изъ коихъ большая часть отправлена въ Сибирь и сдана въ солдаты. Въ другихъ комнатахъ мнѣ не пришлось бывать, а слышалъ, что въ кабинетъ его никто не впускался, кромѣ камердинера, и что у дверей были привязаны на цѣпь преогромныя двѣ медвѣдскія собаки, знавшія только графа и камердинера.

По окончаніи обѣда, графъ вводилъ своихъ гостей въ 1-ю гостиную, гдѣ столъ передъ диваномъ ломился уже подъ тяжестью наставленныхъ всевозможныхъ, домашнего производства, сладостей и бесѣдовалъ съ гостями до 5-ти часовъ. Едва пробиwali они, графъ съ послѣднимъ боемъ вставалъ съ своего мѣста и, не взирая на тѣхъ, кто у него въ это время былъ, просилъ извиненія и бѣгомъ отправлялся опять за кулисы, подготавливая самъ все въ спектаклю, который начинался въ 6^{1/2} часовъ, оставляя гостей своихъ дѣлать, что имъ угодно.

Въ обхожденіи своемъ онъ былъ чрезвычайно любезенъ и привѣтливъ, съ вѣрноподанными людьми добръ и помогать нищимъ, которыхъ 2 раза въ недѣлю собирали къ нему на дворъ и одѣляли мѣдными деньгами.

При театрѣ, во время спектаклей, караулъ былъ всегда отъ моей роты и караулъ этотъ обходился мнѣ весьма дорого. Въ послѣднемъ дѣйствіи пьесы графъ требовалъ въ свою ложу караульнаго офицера, вручалъ ему 5 пятирублевыхъ (синенькихъ) ассигнацій, а иногда одну 25-ти рублевую (бѣленькую) ассигнацію, всегда истертая и разорванная и весьма часто между ними фальшивыя, такъ что, получивъ ихъ для солдатъ и вѣдая въ артельную сумму, всѣ фальшивыя, негодныя въ размѣну ассигнаціи падали на мой счетъ, ибо обращаться къ графу совѣстился, въ особенности испытать, какъ одинъ разъ онъ отсекся офицеру, возвратившему ему тотчасъ по полученіи отъ него одну изъ негодныхъ ассигнацій, говоря, что онъ таковой никогда не давалъ ему и въ 3 года продолжки эти мнѣ стоили не менѣе 1 т. руб. ассигн.

Отъ громаднаго состоянія гр. Сергія Михайловича Каменскаго вскорѣ ничего у него не осталось, и когда онъ умеръ, 4 года спустя, буквально нечѣмъ было его похоронить, а сыновей его, прижитыхъ отъ Куриловой, помѣстили въ корпусъ, на казенный счетъ.

Въ 1817 г. государь былъ въ Орлѣ, и Каменскій на это время выѣхалъ въ деревню, гдѣ, какъ сказывали, женился на Куриловой тайно отъ матери, не хотѣвшей слышать и признавать эту свадьбу до самой своей смерти. Первымъ визитомъ въ городѣ государь почтилъ фельдмаршальшу, не позволяя ей говорить съ собой о сынѣ, говоря, «что полоумнаго могила исправить». Нынѣшній же (1847 г.) государь Николай Павловичъ, будучи великимъ княземъ, въ слѣдующемъ году (1818) посѣтившій Орелъ, показалъ ему еще болѣе свое неудовольствіе. Графъ вздумалъ послать на встрѣчу къ великому князю нарочнаго, прося ошаставить его домъ занятіемъ для пребыванія въ Орлѣ. Приказано было отвѣчать, «что ему, вѣроятно, уже приготовлена квартира». Послѣ подобнаго отвѣта, губернский предводитель дворянства былъ столь безтактенъ, что приготовилъ на счетъ дворянства обѣдъ великому князю въ домѣ Каменскаго и тотъ, во время стола, по старшинству своего званія, умѣстился возлѣ

великаго князя, который цѣлый обѣдъ, совершенно отвернувшись отъ него, проговорилъ съ лицомъ, сидѣвшимъ по другую его сторону.

Въ началѣ 1819 г. чрезъ Орелъ проѣзжалъ гр. Аракчеевъ. Какъ водится, караулъ въ его квартирѣ былъ данъ отъ моей роты. Ординарцевъ я представлялъ лично и графъ не узналъ меня. Когда я вышелъ, одинъ изъ приближенныхъ напомнилъ ему обо мнѣ, и онъ тотчасъ же велѣлъ вернуть меня, обошелся со мной самымъ дружескимъ образомъ, благодарилъ за прежнюю мою службу при немъ и усадилъ меня вмѣстѣ съ генералами: барономъ Корфомъ, Уваровымъ, Плахово и Эйлеромъ. При этомъ случаѣ Аракчеевъ сказалъ барону Корфу, что ѣдетъ въ военные поселенія.

— „Ну, что баронъ, я думаю вы всѣ браните меня за нихъ? У меня есть не отвергаемое оправданіе — воля моего государя! Всѣ охужденія я охотно беру на свой собственный счетъ. Пройдетъ не болѣе 10-ти или 15-ти лѣтъ, пусть тогда судятъ и осуждаютъ меня“.

Меня же Аракчеевъ болѣе всего спрашивалъ о Каменскомъ и о его чудесахъ и нѣсколько разъ во время моихъ рассказовъ вздыхалъ и пожималъ плечами.

XI.

Капитанъ Шипкинъ и семейство графа Чернышева.—Я отправляюсь съ ротой въ ихъ имѣніе.—Доброта и радушіе Чернышевыхъ.—Жизнь богатаго русскаго помѣщика въ деревнѣ —Затѣи графа.—Получаю новое назначеніе.—Отъѣздъ.—Встрѣча съ графиней Каменской.

1818—1819 г.

Въ числѣ другихъ командировъ, 59-й легкой ротой командовалъ капитанъ Гаврила Ш.... квартировавшій верстахъ въ 7-ми отъ Орла, въ имѣніи гр. Чернышева. Тачинѣ. Этотъ человекъ былъ самой черной души и не было подлости, на которую бы онъ не былъ способенъ. На себя надѣвалъ по нѣскольку орденовъ произвольно, не имѣя на то никакихъ правъ. Солдатъ своей роты отправлялъ въ Малороссію верстъ за 200, въ свое имѣніе, для работъ. До смерти загонялъ сквозь строй нѣсколько человекъ, показавъ ихъ умершими. Отъ крестьянъ разными изворотами домогался провіанта, слѣдуемаго на солдатъ, обращая оный въ свою

пользу. Сдѣлавъ лично связь, въ домѣ гр. Чернышева, съ крѣпостною его дѣвкой, подучилъ своего человѣка броситься въ ноги графини и просить дозволенія перевѣнчаться съ ней и затѣмъ открыто продолжалъ съ ней связь. Будучи сердитъ на графиню за то, что она видимо старалась его избѣгать, никогда не выходя изъ своихъ комнатъ въ рѣдкія его посѣщенія къ нимъ, онъ дозволилъ себѣ сыграть съ ней варварскую и подлую шутку. Квартира его была расположена въ деревнѣ, по другую сторону озера, въ саженьяхъ 300-хъ отъ дома Чернышевыхъ, но такъ, что изъ оконъ помѣщичьяго дома все можно было видѣть, что дѣлается подъ окнами его квартиры. Зная, что графиня вставала обыкновенно довольно рано, часу въ шестомъ, онъ въ самое это время послалъ съ непремѣннымъ приказаніемъ доложить графинѣ, чтобы она не тревожилась, если услышитъ барабанный бой, такъ какъ предъ его квартирой будутъ гонять севозъ строй нѣсколько человѣкъ. Дѣйствительно, въ скорости барабаны затрещали. Графиня, нервная женщина, какъ была въ одномъ платьѣ, бросилась пѣшкомъ по грязи, а это было въ началѣ октября, въ другую деревню—за 6 верстъ и до того перепугалась и вмѣстѣ съ этимъ простудилась, что въ тотъ же день слегла въ постель, опасно заболѣвъ ...

(Графиня послѣ этого просила Эйлера прислать другую роту смѣнить роту III*. Отправили Жиряевича).

...Меня приняли съ распростертыми объятіями, все семейство обошлось со мной, женой и всѣми моими офицерами, какъ родные, и я не знаю, чтобы когда-нибудь можно было имѣть болѣе покойнаго и пріятнаго постоя, которымъ мы всѣ пользовались. Стоянка эта еще болѣе пришлась мнѣ по сердцу, что самый близкій сосѣдъ изъ командировъ роты былъ мой добрый и благородный Даниловъ, получившій около этого времени въ командование роту. У Чернышевыхъ я простоялъ до окончательнаго раздѣленія запасныхъ ротъ по бригадамъ, т. е. до половины іюля 1819 г. Въ это время я былъ произведенъ въ подполковники, 1-го іюля 1819 года.

Семейство Чернышевыхъ, кромѣ мужа и жены, заключалось изъ одного сына и 6-ти дочерей и съ ними вмѣстѣ жила 90-лѣтняя старуха, мать графини, генеральша Квашнина-Самарина. Въ буквальному смыслу могу сказать, что съ прибытіемъ

моимъ оно умножилось мною и женою моею, ибо мы никогда не разставались, цѣлые дни проводя вмѣстѣ. Обыкновенно утромъ, часу въ 9-мъ, двѣ или три молодыя графини являлись къ намъ, уводили или увозили мою жену. Къ обѣду въ домъ я приходилъ со всѣми моими офицерами и расходились оттуда нивогда не ранѣе 10-ти часовъ вечера, а иногда за полночь. Каждый день музыка, танцы, прогулки верхами, въ экипажахъ, устройство разныхъ сельскихъ забавъ, партія въ вистъ или въ бостонъ,—наполняли цѣлый день и не давали возможность замѣтить, какъ онъ быстро пролеталъ, смѣняясь другимъ, еще болѣе пріятнымъ, а старики Чернышевы, наидобрѣйшіе люди, баловавшіе всѣхъ насъ, какъ дѣтей своихъ, изъ всѣхъ силъ старались доставлять наибольшее развлеченіе, тѣмъ болѣе, что и сами любили таковое. Для солдатъ моихъ по постой была сдѣлана уступка всей крупы и по 12-ти фунт. муки въ мѣсяцъ съ человѣка, что шло на ихъ артель, а лѣтомъ имъ давалась легкая земляная работа, или кошение, съ платой и съ угощеніемъ. Для моего дома и для офицеровъ ежедневно высылалось изъ конторы все довольствіе: хлѣбъ, крупа, мясо, вино, масло, яйца, словомъ, все, что нужно въ хозяйствѣ, и это отдавалось людямъ и фельдфебелю, ибо за всѣ семь мѣсяцевъ, я не помню и не знаю, чтобы кто-либо изъ офицеровъ не обѣдалъ 2-хъ разъ у графа. Въ день именинъ жены моей, 21-го апрѣля, изъ сосѣднихъ деревень, утромъ, пріѣхало ко мнѣ нѣсколько ротныхъ командировъ и офицеровъ другихъ ротъ; я приготовилъ для нихъ завтракъ, не предполагая ихъ задерживать къ обѣду, рассчитывая самъ отправиться обѣдать къ графу, гдѣ тоже одна изъ дочерей была именинница. Но какъ изумился я, когда, часу въ 10-мъ, увидѣлъ цѣлый поѣздъ изъ графскаго дома съ цвѣтами ко мнѣ. Графиня съ матерью въ кабриолетѣ, графъ съ дочерьми пѣшкомъ и у каждаго на рукахъ по горшку розъ или букету цвѣтовъ. Позади нѣсколько лакейскихъ слугъ съ носилками, установленными всѣми возможными пирогами, соусами и др. кушаньями и все это явилось у нашего порога, съ упрекомъ: «что я зову къ себѣ друзей изъ далека, а о ближайшихъ или забылъ, или не хочу видѣть!» Пиръ пошелъ горой и далеко за полночь мы разстались.

Графъ жилъ вельможей, на большую ногу, если не съ роскошью, то во всемъ видѣнъ былъ большой достатокъ. Домъ и всѣ

надворныя строенія были прочныя, каменные и съ красивой наружностью, садъ большой, съ подстриженными тѣнистыми аллеями, клумбами, полными цвѣтовъ, содержащій въ большомъ порядкѣ; цвѣточныхъ, фрутовыхъ, съ персиковыми, абрикосовыми и сливными деревьями, посаженныхъ въ грунтъ и въ кадкахъ, виноградныхъ оранжерей и ананасныхъ теплицъ имѣлось нѣсколько; кромѣ того, находился громаднхъ размѣровъ грунтовой сарай, въ которомъ посажены были испанскія вишни, и надо правду сказать, что послѣ Тачина нигдѣ мнѣ не приводилось видѣть такое изобиліе и ѣсть такихъ вкусныхъ и сочныхъ фрутовъ, въ особенности персиковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «Венусовъ» (Venus). Ихъ ѣли и утромъ до обѣда и послѣ обѣда, они, можно сказать, не сходили со стола; кромѣ того, всякій, кто бы ни пожелалъ, шелъ въ оранжерею или въ грунтовой сарай и срывалъ самъ съ деревъ плоды, и все-таки ихъ было въ такомъ множествѣ, что гости, бывавшіе у Чернышевыхъ, массаи отвозили къ себѣ домой. А пріѣздъ гостей къ нмъ былъ не малый; графъ славился своей привѣтливостью и своимъ хлѣбосольствомъ далеко. Въ извѣстные дни въ году, въ именины жены и свои, у нихъ собиралось на конюшняхъ до 500 коней пріѣзжихъ гостей, которые пробывали не день, а два, три, а иногда и болѣе. Тутъ развлечения смѣнялись оди другими, устраивались танцы, катанья на озерѣ днемъ и ночью съ пѣсенниками, музыкой, бенгальскими огнями, сжигались блестящіе фейерверки, а угощеніямъ не было конца. Не проходило дня, чтобы кто-либо изъ сосѣдей не пріѣзжалъ къ нимъ, такъ что положительно можно сказать, Чернышевы, за все время моей стоянки у нихъ, ни одного дня не были оди дома. Себя, жену и офицеровъ я тутъ не включаю, такъ какъ мы смотрѣли на себя, какъ на членовъ этого милаго семейства. Многочисленная прислуга и такая же дворня содержалась хорошо, отпускалось имъ все въ изобиліи и она не представляла тотъ грустный видъ нищеты, какой мнѣ довелось въ послѣдствіи видать у другихъ помѣщиковъ. Крестьяне, не обремененные очень работой, тоже были довольно зажиточны, судя по тому количеству сложенныхъ одонковъ хлѣба, которое я нашелъ уже зимой, въ январѣ мѣсяцѣ, а равно по тѣмъ постройкамъ, которыя принадлежали крестьянамъ. Графъ входилъ весьма мало въ хозяйство, а всѣмъ распоряжалась графиня. Она назначала работы, провѣ-

рѣла конторскіе отчеты, управляющаго, занималась постройками, садомъ, фабриками, которыхъ было нѣсколько, но самая замѣчательная изъ нихъ полотняная, тѣвшая превосходное столовое бѣлье и англійскаго пива одѣяла. Лѣчила сама больныхъ, въ устроенномъ ею лазаретѣ, всюду вникала бдительнымъ окомъ и находила время раздѣлять наше общество и оживлять его своимъ присутствіемъ. Трогательно было смотрѣть на отношенія, которыя существовали между мужемъ и женой, какъ они обоюдно старались сдѣлать другъ другу пріятное и съ какою неподдѣльной радостью глядѣли на доставленное удовольствіе. Остальные члены семейства жили между собой тоже въ большой дружбѣ и боготворили своихъ родителей, въ особенности отца.

Графъ, занимаясь изъ всего огромнаго своего хозяйства однимъ коннымъ заводомъ, состоявшимъ болѣе чѣмъ изъ 400 головъ замѣчательныхъ лошадей, въ особенности по статямъ ихъ, и содержащимся въ отличномъ порядкѣ, былъ человекъ весьма мягкій, любившій общество и его развлечения, былъ не безъ причудъ, и одною изъ его странностей была страсть къ разнымъ родамъ сюрпризовъ, и, если не каждый день, то по воскресеньямъ или по праздникамъ, всегда находили въ домѣ что-нибудь необыкновенное. Однажды утромъ я съ двумя офицерами отправился гулять въ графскій садъ, куда мы имѣли обыкновеніе ходить ежедневно, передъ обѣдомъ, и здѣсь увидали на довольно дальнемъ разстояніи отъ дома деревенскую хижину, покрытую берестой; насъ удивила вывѣска, на которой были изображены три красавицы, въ самыхъ соблазнительно-красивыхъ позахъ и надъ ними надпись: *Aux bons gourmands!* Натурально, что это возбудило наше любопытство и мы вошли въ «ресторанъ». Но каково же было наше удивленіе, когда представился намъ прислужникъ въ бланжевой куртѣ и панталонахъ, въ фартукѣ, съ колпакомъ на головѣ, держащій въ рукахъ карту кушаньевъ — самъ графъ, едва узнаваемый въ этомъ нарядѣ. Онъ тотчасъ предложилъ намъ выбрать, какіе мы пожелаемъ блюда, винъ, сигаръ, табакъ и всякихъ прохладительныхъ напитковъ. Самъ вынесъ намъ маленькіе столики на воздухъ и прислуживалъ, какъ самый исправный слуга. Являсь къ обѣду, мы, разумѣется, все рассказали, чему много смѣялись, и графъ объ одномъ только насъ просилъ — ежедневно посѣщать его трактиръ, но не болѣе трехъ лицъ

разомъ, чувствуя себя не настолько расторопнымъ и ловкимъ, чтобы исправно услужить болѣе многочисленнымъ посѣтителямъ.

Въ другой разъ, послѣ обѣда, мы отправились въ лѣсъ для прогулки и графиня приказала, чтобы къ возвращенію нашему, часа черезъ два, былъ бы приготовленъ чай на балконѣ, рассчитывая вернуться немного ранѣе домой для нѣкоторыхъ хозяйственныхъ занятій. Въѣхавъ въ лѣсъ на длинной долгушѣ, въ которой могло легко помѣститься до 18-ти человекъ, мы шагомъ подавались впередъ, наслаждаясь вечерней прохладой и весело разговаривая между собой; графъ былъ съ нами. Едва мы въѣхали на довольно большую поляну, какъ насъ поразило неожиданное зрѣлище. Посреди поляны возвышалась большая, изящно убранная палатка, вся въ зелени и цвѣтахъ, взятыхъ изъ графскихъ оранжерей, обвѣшанная вся разноцвѣтными фонариками. Въ палаткѣ и кругомъ ея виднѣлось много народу, который съ криками привѣтствовалъ наше появленіе. Подъѣхавъ ближе, мы встрѣчены были музыкой и знакомыми сосѣдами, приѣхавшими по настоятельной просьбѣ графа, въ самыхъ простыхъ домашнихъ костюмахъ, не въ домъ, а прямо къ шатру, куда графъ объявилъ, что въ такому-то часу привезетъ свое семейство, которому онъ хотѣлъ сдѣлать сюрпризъ, устроивъ неожиданный пикникъ. Въ лѣсу были разбиты другія небольшія палатки для играющихъ въ карты, для куренья, а въ прочихъ разливали чай и стояли фрукты и разные прохладительные напитки, а изъ самой большой палатки раздавался непрерывный стукъ ножей, возвѣщавшихъ, что возбужденный желудокъ гостей, чистымъ воздухомъ и моціонамъ танцевъ, въ скорости получить вождедѣнное удовлетвореніе. Лошади и люди приѣзжихъ размѣщались у устроенныхъ для сего коновязей, тоже въ лѣсу, около которыхъ горѣли громадные костры. Вся эта продѣлка графа такъ была имъ устроена скоро и тайно, что, кромѣ его и управляющаго, имъ посвященнаго для приведенія въ исполненіе нѣкоторыхъ его распоряженій, никто въ домѣ до послѣдней минуты и не подозрѣвалъ. Нечего и говорить, какъ всѣ веселились на этомъ импровизированномъ вечерѣ и только, когда солнце поднялось уже высоко, рѣшились покончить танцы и разъѣхаться по домамъ, благодаря отъ души милаго графа за доставленное всѣмъ удовольствіе.

Много было дѣлано графомъ и другихъ сюрпризовъ и неожиданностей, но всѣ доказывали доброту и привѣтливость его, такъ какъ всѣ они клонились къ тому, чтобы доставить удовольствіе лично одному или вообще всему обществу и теперь, повторяю вновь, память объ этомъ почтенномъ семействѣ и стоянка у нихъ навсегда составляютъ мои самыя свѣтлыя воспоминанія.

Наконецъ, пришло время разлуки нашей съ столь привѣтливыми хозяевами, рота моя поступила въ составъ 10-й артиллерійской бригады и походъ назначенъ въ Калужскую губернію, въ село Недѣльное.

Распоряженія мои къ выступленію начались тѣмъ, что я пожелалъ купить верховую лошадь на заводѣ графа; графиня предложила мнѣ за 300 руб. такую, которая, по дешевой цѣнѣ, стоила не менѣе 2,000 руб. и, вмѣсто денегъ, взяла съ меня стоги сѣна, заготовленные на лугахъ графа для моихъ собственныхъ лошадей и для подъемныхъ. Наканунѣ моего выступления графъ самъ привезъ ко мнѣ большое количество провизіи, состоявшее изъ холодныхъ пастетовъ, жареныхъ и всѣхъ возможныхъ винъ, съ росписаніемъ, что употреблять на каждомъ ночлегѣ и растахѣ вплоть до Недѣльнаго. Женѣ моей привезъ въ подарокъ большой коверъ, стоившій рублей 500, два куска тонкаго полотна, нѣсколько сватертей и одѣялъ его фабрикъ. Три дня къ ряду предъ этимъ семейство Чернышевыхъ со мной и съ офицерами не разлучалось ни на часъ, и когда мы уже совершенно простились съ ними, со слезами на глазахъ за всѣ ихъ ласки и доброе къ намъ расположеніе, графъ сказалъ, «что онъ еще не прощается!» Но я, зная, что рота выступаетъ завтра въ 3 часа, а графъ никогда не встаетъ ранѣе 9-ти часовъ, принялъ это за простую любезность и, возвратясь домой, приказалъ ротѣ, чтобы она выступила въ назначенный часъ, а самъ преспокойно проспалъ до 5-ти часовъ утра. Но каково же было мое удивленіе, когда мой камердинеръ мнѣ объявилъ, что графъ съ третьяго часа утра здѣсь и сидитъ въ полсадняхъ, подъ окнами.

— Зачѣмъ же ты меня тотчасъ не разбудилъ? спросилъ я.

— Нельзя было, сударь. Графъ мнѣ пожаловалъ 25 руб., чтобы я не смѣлъ васъ беспокоить, а если разбужу, то обѣщалъ 10 палокъ.

Тутъ мы еще разъ простились съ милѣйшимъ графомъ, кото-

раго, въ сожалѣнію моему, мнѣ пришлось вновь встрѣтить въ горькую для всѣхъ ихъ минуту.

На новыя квартиры, въ Недѣльное, я прибылъ съ ротою въ первыхъ числахъ августа, гдѣ мнѣ пришлось знакомиться съ новыми начальниками. Въ самыхъ первыхъ дняхъ моего новаго размѣщенія, однажды, часу въ 12-мъ ночи, приходятъ мнѣ сказать, что въ село пріѣхала графиня Каменская и убѣдительно просить меня съ нею повидаться. Полагая, что это фельдмаршальша, я въ ту же минуту надѣлъ мундиръ и отправился къ ней. Но каковъ же былъ сюрпризъ, когда я нашелъ бывшую г-жу Курилову.

— Простите меня, Иванъ Степановичъ, что я взяла смѣлость васъ потревожить и такъ поздно, сказала она;—по приглашенію, сдѣланному вамъ, вы, вѣроятно, предполагали встрѣтить здѣсь графиню Анну Павловну Каменскую, но здѣсь находите другую. Можетъ статься, васъ нужно увѣрять, что вы дѣйствительно видите предъ собою графиню Каменскую, да и немудрено, я и сама должна сомнѣваться въ этомъ, по тому неповиновенію, которое оказываютъ люди покойнаго моего мужа. Но могу совѣстью моею васъ завѣрить, что я дѣйствительно жена графа Сергѣя Михайловича, въ домѣ или, скорѣе, въ театрѣ котораго я имѣла честь встрѣчаться съ вами.

Я самымъ вѣжливымъ образомъ отвѣчалъ ей, что не имѣю никакого права не вѣрить ея словамъ и что нисколько не стоитъ меня убѣждать въ справедливости оныхъ, просилъ мнѣ объяснить, въ чемъ я могу быть ей полезенъ. Она просила меня дать ей надежнаго человѣка проводить ее до Калуги, иначе она боится, что люди дорогой ее ограбятъ. Я тотчасъ исполнилъ ея просьбу, далъ лучшаго и расторопнаго унтеръ-офицера, приказавъ ему, чтобы въ Калугѣ онъ остановился у генерала Красовскаго, скупившаго почти всѣ имѣнія покойнаго графа.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ ИВАНА СТЕПАНОВИЧА ЖИРКЕВИЧА

1789 — 1848.

Приступая къ продолженію печатанія Записокъ И. С. Жиркевича ¹⁾, считаемъ необходимымъ напомнить читателямъ «Русской Старины» перечень содержанія одиннадцати предыдущихъ главъ Записокъ И. С. Жиркевича: шляхетный корпусъ въ 1795 г.; выпускъ изъ корпуса; начало службы—битва подъ Аустерлицемъ (1805 г.); пребываніе въ Краковѣ и Брестъ-Литовскѣ; главнокомандующій Михельсонъ; Аракчеевъ; Эйлеръ; походъ 1807 г.; пребываніе прусскаго короля съ супругою въ Петербургѣ; кампанія 1809 г.; Барклай-де-Толли; А. П. Ермоловъ; отечественная война 1812 г.; партизанъ Фигверъ; Тарутинъ; кн. М. И. Голенищевъ-Кутузовъ; истребленіе французской арміи; переходъ русскихъ войскъ чрезъ границу и начало европейской войны 1813 — 1815 гг.; вступленіе русскихъ войскъ въ Германію; кн. П. Х. Витгенштейнъ; смерть кн. Кутузова-Смоленскаго; сраженіе при Бауценѣ; В. Г. Костенецкій; графъ Остерманъ-Толстой; битва подъ Лейпцигомъ; вступленіе въ предѣлы Франціи; вступленіе союзныхъ войскъ въ Парижъ 19-го марта 1814 г.; пребываніе въ Парижѣ; парадный спектакль 20-го марта; черты парижскихъ нравовъ; въѣздъ въ Парижъ графа д'Артуа и Людовика XVIII; молебствіе; панихида по Людовику XVI и парадъ на площади Согласія; святіе статуй Наполеона съ вандомской колонны; возвращеніе въ Россію; бытъ гвардейскихъ офицеровъ въ 1815 г.; пребываніе въ Орлѣ; графъ С. М. Каменскій и его домашній театръ съ крѣпостною группою; начало военныхъ поселеній (1818—1819); семейство графа Чернышева; примѣрный бытъ доброй помѣщичьей семьи.

Современникъ великой эпохи, представитель военного сословія 1805 — 1824 гг., И. С. Жиркевичъ въ своей автобіографіи является, чистѣйшимъ типомъ честнаго, ретиваго служака — всегда храбраго, покорнаго и терпѣливаго на полѣ битвы, непреклоннаго и вѣрнаго правителямъ чести при исполненіи общественныхъ и служебныхъ обязанностей. Злоупотребленія въ

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., томъ IX, стр. 207—244; томъ X, стр. 633—666; томъ XI, стр. 411—450; изданіе 1875 г., томъ XIII, стр. 554—580.

военномъ хазяйствѣ, казнокрадство, которому въ былыя времена были такъ съ руки обветшалые бюрократическіе приемы тогдашнихъ учрежденій—вотъ то зло, на которое нападалъ Жиркевичъ съ той поры, какъ переѣхалъ родъ службы и изъ полевой-военной перешелъ въ военно-гражданскую. Борьба, въ большинствѣ случаевъ, была неравная, и тѣмъ болѣе чести памяти автора «Записокъ», никогда не придерживавшагося пословицы: «съ волками жить—по волчьимъ вѣтъ»; противъ волковъ хищниковъ онъ былъ всегда вѣрнымъ «володавомъ», который стерегъ порученное ему добро. Къ сожалѣнію, возрѣнія И. С. Жиркевича на обязанности вѣрнаго слуги государства были не современны; они опережали вѣкъ и потому....

Остальное досказываетъ самъ авторъ «Записокъ», продолженіе которыхъ мы представляемъ тѣмъ охотнѣе, что Записки Жиркевича хотя, повидимому, и пренеполнены чисто личныхъ подробностей, тѣмъ не менѣе отличаются живымъ интересомъ: они весьма рельефно воспроизводятъ русское военно-служилое общество за полвѣка до нашего времени. Читая эти Записки, мы видимъ, во всѣхъ подробностяхъ, бытъ военнаго сословія въ мирное время, военное хазяйство, порядокъ приема и сдачи управляемыхъ частей, порядокъ самаго управленія, отношенія начальства къ подчиненнымъ и обратно, наконецъ, переходя съ авторомъ Записокъ изъ полевой службы въ департаментскую—знакомимся со всѣмъ строемъ тогдашней военно-административной машины.

1819-й годъ, съ котораго мы возобновляемъ продолженіе Записокъ Жиркевича, застаётъ Ивана Степановича командиромъ артиллерійской роты въ 10-й бригадѣ, по прибытіи ея къ мѣсту расположенія въ селѣ Нехѣльномъ, Калужской губерніи.

Ред.

ХІІ.

Служба въ полевой артиллеріи.—Сдача роты.—Торги.

1819—1821.

Новые мои начальники были: дивизионный—генералъ-маіоръ Мерлинъ, а бригадный—полковникъ Магденко. Первый квартировалъ въ Вереѣ, а послѣдній въ Алексинѣ. Я поспѣшилъ явиться къ послѣднему и онъ меня принялъ довольно холодно, но съ вѣжливостью; Мерлинъ-же вскорѣ самъ прибылъ въ Нехѣльное, инспектировать мою роту. Онъ мнѣ показался въ первыя минуты суровымъ и взыскательнымъ, но часа черезъ два все переѣнилось. Онъ совершенно подружился со мной и въ разговорѣ далъ мнѣ понять, что онъ непремѣнно будетъ просить кн. Яшвиля дать мнѣ роту съ орудіями, и не болѣе какъ чрезъ мѣсяцъ, Магденку произвели въ генералы, въ пѣхоту, и бригаду получилъ подполковникъ Воловичъ, съ которымъ я уже былъ знакомъ въ Галиціи въ 1809 году, а мнѣ дали роту, квартировавшую въ Тарусѣ. На мое мѣсто назначили капитана Пожидаева.

Въ это время мать жены моей раздѣлила свое небольшое имѣніе между своими дѣтьми и моей женѣ досталось до 20-ти душъ крестьянъ, и, съ этимъ вмѣстѣ, я получилъ предложеніе продать свою часть свояку, мужу старшей сестры жены, за 9 тыс. руб. ассигн., на что мы охотно согласились; это пришлось какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ имѣя въ виду сдачу роты, хотя уже довольно устроенной, но все еще не вполне, слѣдовательно, я предполагалъ доплату, довольно еще чувствительную. Съ Поля (предмѣстника по командѣ прежнею ротой) я еще ровно ничего не получилъ, а между тѣмъ въ ротѣ были уничтожены подъемныя лошади, за которыхъ я взялъ положенныя казной деньги, по 15 руб. за каждую, тогда какъ моимъ предмѣстникомъ, Полемъ, онѣ оцѣнены были по 100 руб. каждая. Я рѣшился просить прямо кн. Яшвиля обратить его вниманіе на справедливость моей претензіи и при этомъ случаѣ добровольно предоставлялъ Полю уступку той цѣны за подъемныхъ лошадей, которая превышала уплаченную мною въ казну, хотя лошади уже вполне принадлежали мнѣ, а не Полю. Кн. Яшвиль и Мерлинъ умѣли оцѣнить мое предложеніе. Выполнивъ это, я просилъ дать мнѣ отпускъ на 28 дней. Мерлинъ согласился, но настоялъ, чтобы я до отъѣзда принималъ роту отъ Воловича.

Пригласивъ всѣхъ офицеровъ прежней своей роты, я вмѣстѣ съ ними сдѣлалъ ближайшее соображеніе, что придется мнѣ заплатить Пожидаеву при сдачѣ роты, оцѣняя всѣ недостающія и неисправныя вещи по самымъ возвышеннымъ цѣнамъ, и мы насчитали до 3,500 руб. ассигн. Избѣгая затрудненій, я прямо рѣшился пожертвовать этимъ капиталомъ. Пріѣхавши въ Тарусу, къ Воловичу, для приѣма его роты, я просилъ его самого указать мнѣ неисправности и оцѣнить, какъ онъ заблагоразсудитъ. Воловичъ счелъ 900 руб. асс.—я улыбнулся, но, не сказавъ ни слова, выдалъ квитанцію. Капитаномъ въ новой вѣреннѣйшей ротѣ былъ совоспитанникъ мой по корпусу Кованько, которому я обрадовался, какъ владу, и просилъ его взять на себя обремонтровку роты лошадьми, на что, сверхъ отпущенной казной суммы, выдалъ ему, изъ собственныхъ, 4 тыс. руб., такъ что на каждую лошадь я додалъ 350 руб. Устроившись такимъ образомъ, поѣхалъ въ Смоленскъ повидаться съ своими родными

и тамъ, вмѣсто 28-ми дней, съ дозволенія Мерлина, пробылъ около 2-хъ мѣсяцевъ.

На обратномъ пути пришлось мнѣ проѣзжать отъ Недѣльнаго верстахъ въ 10-ти, куда выѣхали, на встрѣчу ко мнѣ, всѣ офицеры прежней моей роты и привезли мнѣ вѣсть, что они беспокоятся за меня и не знаютъ какъ я раздѣляюсь съ Пожидаевымъ, описывая его самымъ корыстолюбивымъ, мнительнымъ, упорнымъ и совершенно несговорчивымъ человекомъ.

Взглянувъ на новую роту, я отправился сдавать старую. Пожидаевъ явился ко мнѣ, какъ къ старшему, во всей формѣ, и на спросъ мой, осмотрѣлся ли онъ въ ротѣ? отвѣчалъ: «да что осматриваться. Люди всѣ на лицо, а хозяйство, я не знаю какъ выразиться передъ вами, его какъ будто и не существуетъ!»

— Все-таки, однаковъ, я полагаю,—возразилъ я,—можно будетъ намъ сойтись и какъ нибудь расчитаться, и на сколько вы полагаете можетъ, приблизительно, простираться начеть на мнѣ?

— Я еще не дѣлалъ этого соображенія,—сказалъ Пожидаевъ; а завтра, если угодно, представлю вамъ вѣдомость.

Я согласился. По утру Пожидаевъ опять пришелъ ко мнѣ и на вопросъ мой: «что-же причитается?» со вздохомъ и жалостной миной отвѣчалъ:

— Ей Богу, Иванъ Степановичъ, я боюсь, чтобы не испугать васъ. Я не успѣлъ оцѣнить еще половины, а выходитъ уже 8 тыс. руб.!

— Больше и не считайте,—сказалъ я,—это будетъ лишнее! Прежде васъ я уже сдѣлалъ соображенія и полагалъ съ излишкомъ удовлетворить васъ 3,500 руб. асс. Угодно получить эту сумму, она готова—а болѣе я не дамъ, да и дать не могу!..

— Нѣтъ, Иванъ Степановичъ, воля ваша, это не деньги, а на нихъ не только что ничего не выстрою, но даже первое время и не извернусь, а, если угодно, менѣе 10 т. руб. я и не думаю взять за роту.

— Не тверды вы, Василій Петровичъ,—отвѣчалъ я,—какъ замѣчаю, въ математикѣ: 10 т. не составляетъ половины къ 8 т., а придача къ ротѣ—не приданое!

И не ожидая дальнѣйшаго объясненія, уѣхалъ....

Вслѣдъ за этимъ началась обыкновенная исторія—нескончаемая переписка. Воловичъ прислалъ мнѣ вѣдомость, съ описаніемъ

недостатковъ и неисправностей, открытыхъ Пожидаевымъ, и спрашивалъ меня, не буду ли я согласенъ, чтобы, для разрѣшенія спора нашего, были назначены посредники, въ которые онъ предложилъ капитановъ: Бонетима и Каляно, бывшихъ еще долго послѣ меня кадетами въ корпусъ. Я охотно согласился на это предложеніе и поѣхалъ опять въ Недѣльное, гдѣ съѣхался почти въ одно время съ посредниками. Могу увѣрить, что ничего не могло быть любопытнѣе этого разбирательства. Я не выходилъ изъ роты, а положился совершенно и безъ апелляціи на совѣсть посредниковъ. Они оба, по нѣскольку разъ, съ удивленіемъ входили ко мнѣ, показывая что бракуетъ Пожидаевъ, а сейчасъ же бралъ сторону пріемщика и соглашался на его бракъ. Когда все разобрали, приступили къ оцѣнкѣ—и тамъ я взялъ сторону Пожидаева,—подвели итогъ, вышло нѣсколькими рублями болѣе предложенной мною суммы. Я не поморщась согласился, но Пожидаевъ—куда!.. и руками и ногами упирается, кричить, что его обсчитали и менѣе 8 т. руб. никакъ не можетъ взять! Видя такое корыстолюбивое упорство и недобросовѣстность, посредники и я собрались ѣхать обратно; является Пожидаевъ съ уступкой, просить только 5 т. р.; я поклонился, посредники расхохотались и мы разѣхались по домамъ.

Нѣсколько времени спустя, мнѣ прислали предписаніе, чтобы я немедленно пополнилъ недостатки и неисправности, показанные по вѣдомости Пожидаевымъ. Въ отвѣтъ я представилъ, что немедленно исполню и предложилъ на исправленіе поврежденнаго полную казенную цѣну, а за недостающее—въ 5 разъ и въ итогъ приходилось съ чѣмъ-то 800 р. асс. Это озадачило и Пожидаева и начальство, но по справедливости не было возможности требовать съ меня болѣе.

Въ первыхъ числахъ августа пріѣхалъ въ лагерь Мерлинъ и, послѣ общаго нашего представленія, онъ попросилъ меня у себя остаться, имѣя кое-что передать мнѣ. Послѣ ухода командировъ, онъ съ лаской обратился ко мнѣ, прося, чтобы я окончилъ счеты съ Пожидаевымъ, иначе ему будетъ много хлопотъ отъ Яшвиля, и рѣшусь ли я дать 2 т. руб., то онъ тогда беретъ убѣдить его принять эту сумму.—Нѣтъ, отвѣчалъ я, лучше призовите Пожидаева и спросите его, зачѣмъ онъ упрямится?—

Мерлинъ согласился, пришелъ Пожидаевъ и тотъ грозно спросилъ его:—Что же вы объ ротѣ? все торгуетесь, какъ жидъ?

— Я, ваше пр-ство, не думаю торговаться, но согласитесь сами, что за 800 руб. невозможно поправить роту.

— Я вамъ давалъ не 800 р. а 3,500 р., и теперь даю эту сумму, согласны вы или нѣтъ?

— Я съ моей стороны согласенъ! съ радостью вскричалъ Пожидаевъ и бросился цѣловать меня.

Мерлинъ приказалъ подать бутылку шампанскаго; налили бокалы, чокунулись и сдача роты была наконецъ окончена.

XIII.

Гадальщица на кофе.

1821—1822.

Весной 1821 года, войскамъ приказано было готовиться къ походу и роты велѣно было комплектовать на военную ногу. Отпустили на покупку лошадей по 175 руб. на каждую. У меня, въ это время, своихъ денегъ не случилось и это обстоятельство меня крѣпко беспокоило и разстраивало, такъ что я принужденъ былъ своихъ собственныхъ лошадей обратить въ ремонтъ, но и тутъ не извернулся; а между тѣмъ, чтобы хоть что-нибудь выиграть на фуражѣ, поспѣшилъ показать полную покупку лошадей на лицо. Черезъ 2 мѣсяца послѣдовало новое распоряженіе: обратить роты опять на мирное положеніе, но съ тѣмъ, чтобы изъ ротъ продать худшихъ лошадей, а деньги, отпущенныя по военному времени, внести въ казну, въ полномъ количествѣ. Въ приказѣ своемъ кн. Яшвилъ, обращаясь къ ротнымъ командирамъ, высказываетъ свое убѣжденіе, что дѣйствіемъ этимъ заслужимъ личную благодарность отъ правительства. Все это меня сильно разстроило, а тутъ и Мерлинъ слетѣлъ съ своего мѣста и вмѣсто него былъ назначенъ изъ гвардіи ген.-м. Ховенъ.

Въ 1822 году, въ Тулѣ, я условился съ нѣкоторыми знакомыми съѣхаться въ февралѣ въ Москвѣ и для этого испросилъ дозволеніе отправиться туда, подъ предлогомъ полученія годоваго ремонта изъ Московскаго депо. Въ Тарусѣ я подружился съ однимъ помѣщикомъ, Петромъ Ильичомъ Веселовскимъ, а у него въ домѣ—съ Петромъ Александровичемъ Нащокинымъ,

служившимъ въ гвардіи, но выключеннымъ изъ службы, за картежную игру. По приѣздѣ моемъ въ Москву, первый выѣздъ мой былъ въ Англійскій клубъ, гдѣ я нашелъ человѣкъ 5 артиллеристовъ, подобно мнѣ, приѣхавшихъ въ Москву за ремонтомъ. Они меня привѣтствовали: «что, за ремонтомъ? Такъ посиди маленько: мы были сегодня у Засядки (начальникъ Московскаго депо) и въ депо гроша нѣтъ!»

— Хорошо, господа, что сказали мнѣ,—возразилъ я,—по времену маленько, а то невесело прокатиться въ такую даль, какъ Красныя ворота, да еще даромъ!

Поговоривши немного съ ними, я разстался, найдя себѣ партію въ вистъ.

На другой день, по утру, я поѣхалъ къ Веселовскому, жившему у Прѣсненскихъ Прудовъ, рассчитывая провести съ нимъ утро; засталъ его еще за чаепитіемъ, въ халатѣ; встрѣтилъ онъ меня съ распростертыми объятіями. Вскорѣ подѣхалъ къ нему и Нащокинъ, привѣтливо поздоровавшись со мной, разспросилъ когда, зачѣмъ и на долго ли пожаловалъ въ Бѣлокаменную? Удовлетворивъ своему любопытству, онъ обратился къ хозяину:

— Ну, что, Петръ Ильичъ, ѣдемъ къ колдунѣ?

— Послушайте, Иванъ Степановичъ, Нащокинъ отыскалъ какую-то вѣдму, здѣсь въ Москвѣ, и непремѣнно хочетъ тащить меня къ ней! Поѣдьте съ нами, посмотримъ чтѣ изъ этого будетъ.

— Извольте, сказалъ я, но не думаю, чтобы вышло изъ этого что нибудь путнаго.

Веселовскій сѣлъ въ мою карету, а Нащокинъ, какъ жокаъ, пустился впередъ, на дрожкахъ.

Въ одномъ изъ самыхъ грязныхъ и темныхъ переулковъ, гдѣ-то около Грузинъ, остановились мы подлѣ небольшого деревяннаго дома, съ мезониномъ, выращеннымъ въ дикій цвѣтъ, съ зелеными ставнями; вышли изъ экипажей и, чрезъ дворъ, поднявшись на маленькое крыльцо, взопли въ домъ. Въ первой комнатѣ, довольно нечистой и убранной весьма бѣдно, увидали беременную женщину, повязанную бумажнымъ платкомъ, а возлѣ нея какого-то мушину, въ очкахъ и въ коричневомъ сюртукѣ; она гадала что-то на картахъ какимъ-то двумъ личностямъ, похожимъ на лакеевъ. Увидя насъ, гадающая женщина встала и

пригласила идти далѣе. Мы вошли въ другую комнату, болѣе опрятную и съ весьма порядочной мебелью.

— Ну, матушка,—началъ Нащокинъ,—вотъ я къ тебѣ въ другой разъ въ гости прѣзжаю. Слава Богу, что засталъ тебя, а то этакая даль!..

— Милости просимъ, батюшка, милости просимъ! Гостямъ рады, а если лишній разъ и проѣдешься, не взыщи! Кому нужно, тому не должно быть недужно. Что угодно милости вашей?

— А угодно намъ, сударыня, что-бы ты намъ погадала, всю-бы правду поразсказала и всѣ наши тайны пооткрывала, шута сказалъ Нащокинъ.

— Вамъ, гг.,—отвѣчала ворожея,—какъ вижу, въ этомъ большой надобности нѣтъ, а пожаловали ко мнѣ, чтобы посмѣяться надъ нами, гадальщицами, что-же—извольте! Намъ не первый разъ гадать господамъ, всѣ оставались довольны. На чемъ прикажете гадать? На картахъ или на кофе?

— На чемъ вѣрнѣе, на томъ и лучше,—отвѣчалъ нашъ путеводитель.

Ворожея вышла изъ комнаты и скоро возвратилась, неся чашку съ кофейной гущей. Поставила на столъ, зажгла трех-копѣчную восковую свѣчку, два раза капнула въ гущу, потушила опять свѣчу и подала Нащокину чашку съ гущей, прося, чтобы онъ дунулъ въ нее разъ, но какъ можно сильнѣе. Окончивши всю эту процедуру, она усѣлась возлѣ него, и, глядя пристально въ чашку, начала молоть какую-то чепуху, какъ обыкновенно, въ подобныхъ случаяхъ, русскія бабы болтаютъ, гадая на картахъ. Мы съ Веселовскимъ, сидя напротивъ ихъ, молча слушали и улыбались, не понимая ни слова. Вдругъ я замѣтилъ, что при одной для меня непонятной фразѣ—Нащокинъ вздрогнулъ, весь подался впередъ и лицо его приняло тревожное выраженіе. Охватившее его безпокойство обоими нами было тотчасъ замѣчено и мы съ удивленіемъ на него посмотрѣли; но онъ, не обращая на насъ никакого вниманія, весь отдался безсвязной болтовнѣ колдуньи. Окончилось гаданье, ворожея вышла изъ комнаты, чтобы переменить чашку со свѣжей гущей. Нащокинъ обратился къ намъ, по французски: «поняли-ли мы, что она ему говорила?» На отрицательный нашъ отвѣтъ, онъ продолжалъ: «она мнѣ сказала, или, лучше сказать, намекнула, о та-

ѣихъ вещахъ, которыя у меня только на душѣ, и о которыхъ никто и помыслу не имѣетъ».

Настала очередь Веселовскаго; тотъ во все время, пока продолжалось гаданье, улыбался и повторялъ: «какая ахинея», но будучи съ нимъ коротко знакомъ и зная хорошо почти всѣ обстоятельства его жизни,—правда, многого изъ того, что наговаривала ему баба, я не понялъ,—но за то многое уразумѣлъ и догадался, и подъ конецъ самъ Веселовскій, не выдержавъ, вскричалъ: «Чортъ, а не баба! Гдѣ ты, дьяволъ, все это видишь!» Когда дошла до меня очередь, я, крайне заинтересованный, подселъ къ ней и приготовился слушать со вниманіемъ. Не могу теперь вполне припомнить своеобразный тонъ ея рѣчи, ни порядка изложенія, но вотъ, между прочимъ, что она мнѣ наговорила:

— «Вы женаты (Веселовскому и Нащокину она этого не сказала, не смотря на то, что на видъ они были гораздо солиднѣе меня). У васъ жена блондинка, небольшого роста. — Зовутъ ее или Анна, или Александра, или Авдотья, только имя ея начинается съ буквы А.—Вы женаты или 7 лѣтъ, или 7 мѣсяцевъ, или 7 дней—(указывая на чашку) вотъ число 7».

Я посмотрѣлъ въ чашку и сказалъ: «не вижу».

— «И не увидите,—сказала она,—это не по вашему, а по нашему! Жена ваша больна. Да! она нездорова. Но не пугайтесь. Болѣзнь ея не опасная, пройдетъ современемъ. Вы считаете болѣзнь серьезною, а это просто ничего—одинъ испугъ, съ котораго и началась вся болѣзнь. (Жена моя, послѣ того какъ провалилась, чрезъ ледъ, на Днѣпрѣ, продолжала харкать кровью). Видите, она еще не родила, но непременно родитъ и у васъ будетъ 5 человѣкъ дѣтей (сбылось въ точности). Вы сюда пріѣхали за какимъ-то интересомъ и сомнѣваетесь успѣете ли въ этомъ (слѣдуетъ вспомнить вчерашній разговоръ о ремонтѣ). Да! Успѣте, непременно успѣте! Вотъ какой-то пакетъ, какія-то деньги. Да, непременно успѣте, не отчаивайтесь! Когда вы уѣзжали изъ дому, у васъ случилась пропажа (точно). Вы подозрѣвали человѣка или дѣвку, не знаю, но только какого-то слугу, и оставили это безъ розыска (вѣрно). Этотъ слуга при васъ куда-то выбылъ (точно), но теперь хозяйшка ваша безъ васъ опять приняла этого слугу и приласкала (это

оказалось точь въ точь); этотъ слуга дѣйствительно сдѣлалъ покражу (я въ послѣдствіи этого обстоятельства не повѣрялъ, но чрезъ годъ, когда случилась у меня другая кража и таже самая дѣвушка, будучи поймана съ поличнымъ, созналась, что первая кража была ею тоже совершена!) Ну! какой-же вы добрый! Да, какой-же вы за то и горячка! Съ вами нужно быть очень осторожнымъ! Вы по службѣ далеко пойдете. Васъ будетъ самъ государь знать, говорить съ вами будетъ, долго говорить будетъ. Высоко пойдете, да горячка ваша много вреда вамъ надѣлаетъ. Вскорости вы встрѣтитесь съ человѣкомъ, на котораго крѣпко надѣетесь. Да! этотъ человѣкъ «рыжій» (Ховенъ) много, много вамъ зла надѣлаетъ. Послѣ вы все это поправите, но сначала будетъ вамъ очень тяжело. Вы въ городъ, сюда, пріѣхали на тройкѣ сѣрыхъ лошадей (точно), а сегодня вы будете въ гостяхъ у одного пріятеля вашего. О! да какой-же онъ чудакъ! Какъ онъ странно говоритъ! А жизнь-то его, жизнь-то его какая! Все, что было у него, прожилъ и промоталъ на женщинъ! (кто зналъ князя Хилкова, тотъ согласится, что это его живой портретъ). Вы ѣдете по улицѣ—домъ на право, желтый, вы подъѣзжаете направо, а въ крыльцу становитесь лѣвымъ бокомъ...» и т. д. продолжая болтать еще съ $\frac{1}{4}$ часа, но самые пустяки, которые я теперь уже совершенно забылъ.

Кончивши нашу ворожбу, мы заплатили ей по 5 р. съ брата и вышли. Нащовинъ поѣхалъ домой, видимо разстроенный, а Веселовскій просилъ меня подвести его, въ моей каретѣ, въ Англійскій клубъ. Когда мы ѣхали по Садовой улицѣ, Веселовскій вдругъ дернулъ шнурокъ, протянутый къ кучеру. «Что вы?» спросилъ я.— «Заѣдьте, пожалуйста, къ кн. Хилкову, вѣрно его нѣтъ дома, а мы между тѣмъ сдѣлаемъ ему визитъ». — «Хорошо, сказалъ я, но гдѣ же онъ живетъ?» Веселовскій указалъ домъ, мы остановились и лакей побѣждалъ справиться дома-ли князь и принимаетъ-ли. Тутъ я припомнилъ слова колдуньи: домъ былъ желтый и стоялъ на правой сторонѣ улицы. Человѣкъ вернулся, объявилъ, что «дома и принимаетъ», и мы, повернувъ въ ворота, подъѣхали въ крыльцу лѣвымъ бокомъ! Я расхохотался, равно какъ и Веселовскій, и когда мы выходили изъ кареты, то я сказалъ ему: «Какова колдунья! Вспомните, какъ ова живо и мѣтко изобразила

Хилкова! Нѣтъ! воля ваша, я васъ до клуба доведу, но въ клубъ теперь не зайду, а поѣду прямо въ Засядкѣ. Посмотрите, если не получу сегодня ремонтную сумму».

Хохоча отъ души, мы вошли въ князю. Тутъ пробыли съ $\frac{1}{2}$ часа, заѣхали въ клубъ, гдѣ я выпустилъ моего спутника, а потомъ, заѣхавши домой, надѣлъ шарфъ и велѣлъ везти себя за Красныя ворота, къ генералу Засядко.

Отъ Прѣсенскихъ Прудовъ до Красныхъ воротъ—будетъ не менѣе 7-ми верстъ. Подъѣзжая къ дому, я отправилъ человѣка узнать, принимаетъ-ли генералъ? Человѣкъ возвратился съ отвѣтомъ «дома нѣтъ».—Ахъ, проклятая вѣдьма,—громко проговорилъ я,—нечего дѣлать, ворочайся назадъ, ступай въ клубъ,—и пока я продолжалъ мысленно ругать ворожею, а карета поворачивала, вдругъ выбѣгаетъ другой лакей изъ дома генерала и, оставивъ экипажъ, просить меня, отъ имени своего господина, взойти къ нему. Вхожу изъ передней въ первую комнату. Засядко (котораго прежде никогда не видывалъ), въ халатѣ, въ половину выбритый, а другая половина лица намыленная, у дверей кабинета, адресуясь ко мнѣ, спрашиваетъ:

— Посудите сами, что невѣжливо: заставлять дожидаться, или принимать въ такомъ неприличномъ костюмѣ?

Разумѣется, я принялъ вопросъ какъ слѣдуетъ, благодарилъ за оказанное имъ вниманіе и просилъ извиненія, что обезпокоилъ его.

— Нѣтъ! меня простите,—отвѣчалъ онъ,—что я васъ такъ принимаю! Но виноватъ, грѣшный человѣкъ, давно желаю съ вами познакомиться, почтеннѣйшій Иванъ Степановичъ, и еще разъ прошу простить меня за невѣжливость.

Усадивъ меня, онъ продолжалъ: «Вѣрно въ Москву пожаловали за ремонтомъ? Ахъ, бѣда какая! Право не знаю и совѣстно мнѣ, но не могу пособить. Денегъ у насъ въ Москвѣ, въ депо, ни гроша; болѣе 10-ти ротныхъ начальниковъ перебывали у меня и никому и ничего не далъ, принужденъ былъ всѣмъ отказывать!

— Что-же дѣлать, в. п-во, на нѣтъ—и суда нѣтъ, сказалъ я; да и сумма небольшая: больше предлогъ пріѣзда въ Москву, нежели надобность въ ней.

Въ это время доложилъ лакей: подполковникъ Саблинъ.

— А вотъ и нашъ казначей,—подхватилъ Засядко,—онъ оправдаетъ меня передъ вами! Ну что, Николай Оедоровичъ, много-ли у насъ денегъ?

— Да если всѣ суммы собрать,—отвѣчалъ Саблинъ,—по всѣмъ статьямъ, едва, едва наберется 1,500 руб., а ремонтной всего 2 рубля.

— А много-ли вамъ слѣдуетъ ремонту? спросилъ меня Засядко.

— Всего 1,100 р.

— Ну, такъ мы уладимъ дѣло! Пожалуйста, любезный Николай Оедоровичъ, поѣзжай въ депо, возьми всѣ деньги, какія есть, и привези ихъ сюда съ книгою. Перечисленіе мы сдѣлаемъ завтра, заднимъ числомъ, а я буду въ барышахъ: почтенный гость просидитъ со мною часокъ, въ ожиданіи.

Я получилъ деньги и, такимъ образомъ, второе предсказаніе ворожеи сбылось въ одинъ и тотъ же день. Но этимъ еще не кончилось. Возвратясь домой и отобѣдавъ, я получилъ съ почты письмо отъ жены, въ которомъ она, между прочимъ, пишетъ, что дѣвка, которую мы предъ этимъ мѣсяца за два отпустили на волю, и потомъ за шалость прогнали отъ себя, на другой день моего отъѣзда вернулась и, валяясь въ ногахъ, просила взять ее опять къ себѣ. Жена дозволила ей пріютиться въ рабочей избѣ, а въ комнаты не пустила и спрашивала моего совѣта — пустить ли ее въ комнаты или нѣтъ? Когда дѣвка эта еще служила въ комнатахъ, бригадный командиръ Воловичъ привезъ мнѣ однажды денегъ до 4 т. руб., которые я не считая принялъ и положилъ въ шкатулку. По уходѣ его, я сосчиталъ и не оказалось 100 р. Совѣстясь сказать о семъ Воловичу и не желая поклепать на кого-нибудь изъ прислуги, я не сдѣлалъ никакого разслѣдованія, но имѣя подозрѣніе на эту дѣвку, такъ какъ она одна входила въ мой кабинетъ, когда я провожалъ Воловича, то и отправилъ ее отъ себя...

Эти три случая были причиной, что я такъ подробно все здѣсь описалъ, и признаюсь откровенно, не имѣя никакихъ предразсудковъ, а и поныѣ (1843 г.) удивляюсь такому стеченію обстоятельствъ, оправдавшихъ на дѣлѣ всѣ слова ворожен. Не только сіи три незначительные случая, но вся послѣдующая моя жизнь

подтвердила слова гаданья и не одинъ разъ приходилось мнѣ вспомнить московскую волдунью.....

Хотя преемнику моему (по командованію артиллерійскою ротой) Козлову я и остался должнымъ нѣкоторую сумму, прося его взять въ счетъ экипажи и крѣпостныхъ людей, но онъ не согласился, предпочитая взять вексель, выдалъ мнѣ квитанцію и я въ сентябрѣ 1824 г. отправился въ Петербургъ на новое служеніе.

XIV.

Служба въ артиллерійскомъ департаментѣ. — Дѣло о лафетахъ. — Злоупотребленія. — Продажа казеннаго чугуна.

1824.

Въ 1824 году, оставя строевую службу, поступилъ я въ артиллерійскій департаментъ, куда и прибылъ въ сентябрѣ, именно въ такое время, когда великій князь Михаилъ Павловичъ поручилъ полковнику Жуковскому произвести подробную ревизію дѣлъ онаго по всѣмъ отдѣленіямъ. Составъ департамента былъ слѣдующій: вице-директоръ ген.-м. Гогель; начальники отдѣлений: 1-го — Разсаловичъ, 2-го — дѣйствительн. стат. совѣт. В*, 3-го — Г*, 4-го — Петровъ, 5-го — Фатьяновъ и 6-го — Трохимовскій; правитель дѣлъ — П*. Для испытанія, поручена была мнѣ повѣрка счетовъ, по нѣсколькимъ книгамъ, находившимся для обревизованія по 1-му отдѣленію. Едва я успѣлъ сдѣлать небольшое число черновыхъ замѣчаній по онымъ, какъ умеръ Разсаловичъ и мнѣ приказано вступить въ управленіе 1-мъ отдѣленіемъ.

Первое знакомство мое съ дѣлами этого отдѣленія ужаснуло меня совершенно. Едва ли возможно представить себѣ тотъ хаосъ, который былъ допущенъ во всѣхъ департаментскихъ распоряженіяхъ. Достаточно, чтобы вполне обнаружить оный, сказать, что, съ 1821 г., когда правительство, для соображеній, потребовало приблизительныя свѣдѣнія о количествѣ лафетовъ, состоящихъ подъ орудіями въ крѣпостяхъ и требующихъ исправленій и ремонта — завязалась переписка объ общемъ числѣ крѣпостей и укрѣпленій, снабженныхъ орудіями, и когда, послѣ 2-хъ лѣтнихъ справокъ и выписокъ, въ совмѣстномъ докладѣ департаментовъ артиллерійскаго и инженернаго, представили государю, чрезъ начальника штаба

ки. Волконскаго, докладъ по сему предмету, то въ немъ пропущено было около двадцати крѣпостей и укрѣплений, въ томъ числѣ половина имѣющихъ свои положенные штаты.

Ревизія, производившаяся полковникомъ Жуковскимъ, уже около 4-хъ мѣсяцевъ, продолжалась еще только по 1-му отдѣленію и в. в. Михаилъ Павловичъ безпрестанно требовалъ ускоренія оной и подробнаго къ себѣ представленія, что открыто; въ первыхъ же дняхъ управленія моего отдѣленіемъ, Жуковскій не окончательно еще представилъ около 300 листовъ замѣчаній своихъ о важнѣйшихъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, болѣе нежели по 300 предметамъ, имъ открытыхъ.

Генераль Гогель, человѣкъ, прослывшій ученымъ, показавшійся мнѣ сначала характера благороднаго и справедливымъ, по обстоятельствамъ увлеченъ былъ къ допущенію безпорядкомъ и къ прикрытію даже зла. За все оказанное мною ему уваженіе и преданность, онъ заплатилъ мнѣ самой злѣйшею неблагодарностью. Великій князь передалъ Гогелю представленные Жуковскимъ замѣчанія, требуя на нихъ объясненій, а тотъ, не взирая на недавнее мое поступленіе въ департаментъ, возложилъ этотъ трудъ лично на меня. Отправляя безостановочно теченіе настоящихъ дѣлъ, я долженъ былъ, въ одно и тоже время, давать и объясненія, дѣлая выборы болѣе чѣмъ изъ 1,000 дѣлъ, чтобы какъ нибудь найти слѣды и средства къ оправданію департамента, прибѣгая нерѣдко ко всевозможнымъ софизмамъ для опроверженія выводовъ Жуковскаго.

Здѣсь-то я, въ первый разъ, увидѣлъ явное и усиленное прикрытіе и даже потворство злоупотребленіямъ окружныхъ и нѣкоторыхъ артиллерійскихъ начальниковъ крѣпостей. Первое мѣсто между таковыми занимали полковники: Ш — нъ, начальникъ финляндскаго округа, Д — ль начальникъ бобруйскаго крѣпостнаго штата и затѣмъ шли начальники кievскаго округа и начальники штатовъ ближайшихъ крѣпостей къ Петербургу.

Первыя тетради моихъ возраженій на замѣчанія Жуковскаго приобрѣли мнѣ благосклонность и вниманіе Гогеля, и на нѣсколько вопросовъ обо мнѣ великаго князя, онъ всегда отзывался обо мнѣ, какъ о чиновникѣ отличныхъ дарованій и правилъ. Къ моему несчастью, это обратило на меня благосклонное вниманіе его высочества. Упомянутые выше чиновники вообще пользовались покровомъ

пительствомъ тогдашняго правителя канцеляріи фельдцейхмейстера — П—на, который первый замѣтилъ Гогеля, что хвалить меня предъ великимъ княземъ значило унижать прежнихъ членовъ департамента, въ числѣ которыхъ былъ и зять Перрена — Фатьяновъ, и тѣмъ остановилъ все направленіе прежняго ко мнѣ благо-расположенія Гогеля.

Изъ числа первыхъ знакомцевъ, приобрѣтенныхъ мной департаментскою службою, былъ оберъ-секретарь Ш—нъ, братъ полковника, пріѣхавшій ко мнѣ отыскивать послѣднему покровительство и товарищество. Но я скромно отозвался, что себѣ никакихъ правъ и средствъ лично не присвоиваю нигдѣ, уклоняясь отъ прямыхъ придирокъ, и просилъ написать брату откровенно, что со мной приведется дѣйствовать другими совершенно путями, чѣмъ шло прежде. Не прошло недѣли, какъ я получилъ по почтѣ письмо отъ полковника Ш—на, гдѣ со всею подробностью и весьма неосторожно излагалъ онъ мнѣ исповѣдь о своихъ домогательствахъ, о томъ какъ дѣлился по департаменту и преданалъ мнѣ себя совершенно на жертву. Но какъ человекъ, обремененный семействомъ и малолѣтними дѣтьми, онъ не видѣлъ другихъ средствъ избѣгнуть заслуженнаго наказанія, какъ предать судьбу свою и дѣтей своихъ въ благородныя руки.

Письмо это, на другой день полученія, я показалъ сыну В....., столоначальнику 5-го отдѣленія, который страшно испугался этого сознанія, компрометирующаго весь департаментъ, и въ особенности его отца, какъ главнаго лица, дѣйствовавшаго по всѣмъ распоряженіямъ департамента, ибо В*** по этой части служилъ болѣе 30-ти лѣтъ и былъ, такъ сказать, главной пружиной всѣхъ операций и ходячей справкой по департаменту.

Вообще всѣ отпускаемыя суммы для крѣпостей по департаменту дѣлились всегда почти на 4 равныя части; изъ нихъ: 2 шли въ распоряженіе Ш—на, одна — пополамъ С* и Д*, а оставшая уже дробилась на прочія крѣпости.

Въ общемъ распорядкѣ о дѣлахъ по департаменту, было положено ежедневно, отъ важнаго отдѣленія, подавать его высочеству меморіи о главнѣйшихъ предметахъ, составляющихъ текущую переписку. Великій князь, предупрежденный противъ полковника Ш* генераломъ Закревскимъ, генералъ-губернаторомъ Финляндіи, замѣтившимъ на этомъ посту Штейнгеля, еще до всту-

пленія моего въ управленіе отдѣленіемъ изволилъ сдѣлать разныя замѣчанія на меморіяхъ, относящихся до Ш—на, требуя по нимъ подробныхъ объясненій. Разумѣется, что мнѣ пришлось окончательно собирать и доносить объ оказавшемся. Въ числѣ многихъ статей, замѣчательнѣйшими оказались: продажа по Финляндскимъ крѣпостямъ чугуна, отъ негодныхъ орудій и снарядовъ, и постройка около Гельсингфорса и Шварцгольма сараевъ, для сохраненія пороха и снарядовъ.

По первой статьѣ, по видимой уклончивости Ш—на указать лицъ, покупавшихъ этотъ чугунъ, и количество онаго, я не нашелъ другаго способа дознать справедливости, какъ обратиться съ просьбою къ генераль-губернатору: узнать о томъ отъ фабрикантовъ и заводчиковъ чугунныхъ, справившись по ихъ фактурнымъ книгамъ. Не взирая на усиленное мое домогательство и множество запросовъ, присутствіе департамента не торопилось очень исполнять оныя, но, продержавъ мѣсяца два или три, возвращало ко мнѣ для передѣлки или добавки и, такимъ образомъ, дѣло это при мнѣ не было еще окончено. Носились частныя слухи, доходившіе до меня, что Ш—нъ имѣлъ два собственныхъ купеческихъ судна въ морѣ, на которыхъ какъ орудія, такъ и снаряды, перевозилъ въ шведскіе предѣлы и тамъ сбывалъ, и я имѣю право не сомнѣваться въ этомъ. По второй статьѣ, два сарая, строившіеся по одному и тому же плану, на разстояніи не болѣе 100 верстъ одинъ отъ другаго, оба на берегахъ того-же залива, но одинъ $\frac{1}{2}$ частью длиннѣе, обошлись казнѣ—одинъ болѣе 40,000 руб., а другой менѣе 8,000 руб.! Первый строился по незаконнымъ контрактамъ, подъ распоряженіемъ самого Ш—на, а другой тогда-же построенъ, но подъ наблюденіемъ адъютанта великаго князя, полковника Гардера,—и это обстоятельство, въ мое время, осталось тоже неразрѣшеннымъ.

Съ самаго начала управленія моего отдѣленіемъ, я былъ допущенъ въ общее присутствіе департамента, для совмѣстныхъ съ другими членами занятій по докладамъ и къ подпискѣ журналовъ, но послѣ меня уже туда не допускали, подъ тѣмъ предлогомъ, что я не пользуюсь настоящимъ званіемъ начальника отдѣленія, а только исправляю должность таковаго и дабы дать мнѣ еще болѣе почувствовать это, когда я просилъ генераль-маіора Гогеля войти съ представленіемъ о выдачѣ мнѣ, на общихъ прави-

лахъ, жалованья по должности начальника отдѣленія, онъ хотя и изъявилъ на то свое согласіе, но представленіе къ военному министру, помимо великаго князя, было такъ устроено, что военный министръ Татищевъ отказалъ мнѣ, подъ тѣмъ косвеннымъ предлогомъ, что «общія» правила изданы только для гражданскихъ чиновниковъ, а къ военнымъ ихъ примѣнять не слѣдуетъ. Въ этой исторіи болѣе всего дѣйствовали Горевъ и Фатьяновъ, подъ руководствомъ Перрена.

Въ это время Перренъ продавалъ свое имѣніе въ казну, которое департаментомъ признано было очень выгоднымъ купить для Сестрорѣцкаго оружейнаго завода, по недалекому отъ завода расположенію. Имѣніе это находилось въ Старой Финляндіи, слѣдовательно, на особыхъ правахъ того края. Въ одно воскресенье, когда я былъ, въ числѣ прочихъ, во дворцѣ великаго князя Михаила Павловича, Перренъ подошелъ ко мнѣ, говоря, что имѣетъ до меня крайнюю нужду, ибо его высочество имѣетъ ко мнѣ такое довѣріе, что не изволитъ давать своего согласія на покупку имѣнія, пока я не осмотрю его всего и пока я не удостовѣрю въ справедливости его оцѣнки—въ 350,000 р.; что цѣна сія самая умѣренная по числу душъ, но что нѣсколько изъ оныхъ находятся въ безвѣстной отлучкѣ и что именно объ этомъ обстоятельствѣ онъ хотѣлъ переговорить со мной. На другой день, войдя въ канцелярію фельдцейхмейстера, нашелъ я у Перрена Горева. Увидѣвъ меня, оба сконфузились и первый, съ видимымъ замѣшательствомъ, началъ мнѣ объяснять, что онъ не знаетъ какая причина побуждаетъ Гогеля возражать на полученное обо мнѣ предписаніе, что меня нельзя командировать, а представляетъ вмѣсто меня, по сему дѣлу, Горева, и что, вѣроятно, его высочество будетъ этимъ весьма недоволенъ. Я попросилъ у Перрена извиненія за то, что его потревожилъ и добавилъ, что кого найдетъ начальство полезнѣе послать, такъ пусть и дѣлаетъ, а я, собственно, за это нисколько не въ претензіи. Въ канцеляріи-же у Гогеля, правитель дѣлъ Павловъ показалъ мнѣ рапортъ его къ великому князю, гдѣ, распространяясь о существовавшихъ до меня безпорядкахъ по 1-му отдѣленію, свидѣтельствуется ревность мою и дѣятельность, коими устраивается уже видимый порядокъ въ дѣлахъ, то онъ полагалъ бы не только затруднительнымъ, но даже вреднымъ для службы, если хотя на

короткое время отлучусь отъ департамента, а рекомендуетъ для этого порученія — Горева. На это представленіе, по докладѣ Перрена, великій князь выразился: «послать, на мѣсто Жиркевича, кого хотятъ, только не Горева и не Воронина»...

Кстати здѣсь придется сказать нѣсколько словъ о характерахъ и нравственности судьбою поставленныхъ мнѣ по департаменту начальника и сотоварищей.

XV.

Сослуживцы въ артиллерійскомъ департаментѣ.

1824 — 1826.

Г...ль, съ обширными познаніями въ математикѣ и артиллерійской практикѣ, еще въ чинѣ полковника пріобрѣлъ извѣстность какъ ученый и благомыслящій чиновникъ, а потому, при образованіи артиллерійскаго департамента изъ экспедиціи, назначенъ былъ въ оный вице-директоромъ, хотя уже въ одно и тоже время занималъ должности директора Пажескаго корпуса и предсѣдателя военно-ученаго комитета. Скрытнаго характера, безъ малѣйшаго притязательства для себя лично, на все смотрѣлъ и судилъ съ совершеннымъ равнодушіемъ. Въ продолженіе моей съ нимъ службы, я не замѣтилъ въ немъ ни малѣйшей склонности къ злоупотребленіямъ, но уже разъ если зло было допущено кѣмъ либо изъ его подчиненныхъ, съ умысломъ или безъ умысла, — то не было софизмовъ, которыхъ-бы онъ ни употребилъ къ оправданію или поддержкѣ своего подчиненнаго. Причину такого потворства и равнодушія я нахожу въ томъ, что, прослужавъ въ департаментѣ около 20-ти лѣтъ, находился подъ вліяніемъ интригановъ и весьма дурныхъ людей, какъ начальниковъ отдѣлений Т*, В* и отчасти П — на, пользовавшихся большимъ довѣріемъ бывшаго инспектора артиллеріи барона Меллера-Закомельскаго. За это время онъ, такъ сказать, «отерпѣлся» и желалъ только покоя; но чтобы самъ лично въ томъ-бы участвовалъ, я никогда не вѣрилъ и не вѣрю, не взирая даже на одинъ случай, который бы могъ мнѣ дать самое превратное понятіе объ его нравственности, если-бы я не имѣлъ доказательствъ въ противномъ.

Когда я рѣшился просить Г...ля о ходатайствѣ за меня, на счетъ уравнинія жалованьемъ по окладу начальника отдѣленія, я

сталъ его въ саду Пажескаго корнуса, гдѣ я и объяснилъ ему мою просьбу. Онъ, выслушавъ меня съ добродушіемъ и благоклонностью, отвѣтилъ, буквально, этими словами: «Весьма справедливо. Жаль, что вы мнѣ прежде ничего объ этомъ не сказали». Потомъ улыбаясь продолжалъ: «я замѣчаю, что вы казенныя деньги очень любите, но только не для себя, а для казны. Это, право, не хорошо! Неужели вы думаете, если вы этихъ денегъ не будете брать для себя, то онѣ останутся въ казнѣ? Пустое! Другіе ихъ возьмутъ! Этотъ порядокъ не нами уже устроенъ!»

В....нъ, вышедшій изъ кантонистовъ и съ самыхъ молодыхъ лѣтъ начавъ службу въ артиллерійской экспедиціи, прослужилъ тутъ около 50-ти лѣтъ. Соединяя съ необыкновенной дѣлательностью опытность и тонкое познаніе всѣхъ канцелярскихъ формъ, узаконеній и распоряженій, о дѣлахъ судилъ положительно. При прямыхъ указаніяхъ и требованіяхъ высшаго начальства дѣйствовалъ осторожно и осмотрительно и, таковыя случаи всегда старался и умѣлъ выказывать во всей силѣ. Но, во всякомъ другомъ случаѣ, распоряжался по личнымъ своимъ расчетамъ или къ выгодѣ тѣхъ лицъ, которыя, по связямъ своимъ, могли доставить ему пользу. Но тогда все облекалъ формами, съ такою тонкостью, что хотя и былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и пружиною дѣйствія, оставался въ сторонѣ, и если, паче чаянія, казусъ отрывался, то къ нему нельзя было прямо отнести происшедшаго зла. Въ одномъ, въ чемъ можно было его обвинить, говоря офиціальнымъ языкомъ, это что ему было 70 лѣтъ отъ роду!

Г...въ, ученикъ и бывшій писарь Воронина, просто — канцелярская к....., готовый рѣшительно на всѣ продѣлки за деньги и по видамъ. Къ нему прямо обращались съ предложеніями кто имѣлъ какое нибудь дѣло по департаменту.

Петровъ, честный и благородный человѣкъ, но примѣрно упрямый въ своихъ только распоряженіяхъ, ничего не видалъ и ничего знать не хотѣлъ, кромѣ дѣлъ своего отдѣленія, а по другимъ все подписывалъ, не читая. У себя же иногда грѣшилъ, но безъ всякихъ корыстныхъ видовъ, а единственно по упрямству и капризамъ своимъ (ему было поручено, вмѣсто меня, произвести освидѣтельствованіе имѣнія Перрена, оцѣненное въ

350,000 руб., поступившее въ 1824 г. въ казну, и ни разу не давшее даже 7,000 руб. асс. дохода!).

Фатьяновъ, зять Перрена,—большой краснбай, обладавшій большимъ даромъ слова, но еще большою лѣнностью. О каждомъ предметѣ умѣлъ вести рѣчь по нѣсколько часовъ и не сказать ничего. Специальность же его состояла въ томъ, что огромные счета и расчеты по контрактамъ, весьма часто основанные лишь на однѣхъ фивціяхъ—обдѣлывалъ прочно, гладко, безъ малѣйшей задоринки, въ самое короткое время. Перренъ умѣлъ имъ дѣйствовать на другихъ.

Трохимовскій—честный и благороднѣйшей души человѣкъ, но подверженный губительной страсти запоя. Вель дѣла въ своемъ отдѣленіи такъ, что если напьется замертво и уснетъ, то уже нѣтъ средствъ, по его отдѣленію, спустить ни одной бумаги, которая съ умысломъ раскидывалъ такъ, чтобы никто не могъ добиться толку. Проснувшись, хотя еще пьяный, находилъ тотчасъ чтѣ спрашивали и сочинялъ, что нужно было, эспромптомъ, безошибочно. Отрезвившись, соблюдалъ приличіе и скромень былъ какъ красная дѣвица. Во хмѣлю, былъ циникъ въ самомъ большемъ размѣрѣ и выкидывалъ часто весьма дерзкіе и неприличные фарсы, иногда довольно остроумные. Такъ, напримѣръ, при себѣ, въ департаментской типографіи, велѣлъ отпечатать ярлыкъ съ надписью «Депо дураковъ» и прибилъ оный на дверяхъ присутствія военно-ученаго комитета. Когда Гореву дали владимірскій крестъ, то Т—й пришелъ къ нему въ отдѣленіе, выпросилъ у него этотъ крестъ на время, отыскалъ чернаго щенка, тайно притащилъ его въ присутствіе, надѣлъ на него крестъ и посадилъ на стулъ Горева.

Въ одно утро, одѣвшись въ мундиръ съ орденами, при шпагѣ, въ шляпѣ, Т—й, безъ исподняго платья, прошелъ нѣсколько разъ по главной аллеѣ Лѣтнаго сада и отправился далѣе по мосту, чрезъ Неву, чуть-чуть не попавшись въ такомъ одѣяніи государю Александру Павловичу, ѣхавшему съ Каменнаго острова, но, къ счастью, былъ остановленъ и спрятанъ полицейскимъ чиновникомъ. Выше сказано было какъ онъ любилъ распоряжаться бумагами въ своемъ отдѣленіи, но пьяная страсть кидала его иногда и на чужія дѣла въ томъ же родѣ. Одинъ разъ случилось, что онъ собралъ множество чертежей, табелей, положеній,

плановъ и другихъ бумагъ, присовокупивъ къ нимъ, на большомъ листѣ бумаги, рисунокъ, весьма нескромный и совершенно неприличный, пьянаго своего изображенія; распорядился всю сію разнородность, подобранную по всѣмъ отдѣленіямъ, переплестъ въ типографіи въ хорошій корешокъ и таковой сборникъ положилъ на столъ, въ общемъ присутствіи. Обстоятельство это оставалось нѣсколько лѣтъ сокрытымъ, какъ одинъ весьма важный случай, чрезъ меня, указавъ на эту шутовскую продѣлку. При вторичномъ моемъ вступленіи на службу въ департаментъ, разсматривая вѣдомости о крѣпостныхъ лафетахъ, я доложилъ директору, что въ Свеаборгѣ положено содержать, по новому штату крѣпости, не 2,000 орудій, какъ прежде, а только 510. Изъ этого завязался между мной и директоромъ споръ, ибо тотъ утверждалъ прежнее число. Когда я сказалъ ему, что, за время моего прежняго служенія въ департаментѣ, я видѣлъ самъ подлинный планъ, за подписомъ генераль-инспектора инженеровъ великаго князя Николая Павловича, гдѣ въ подробности изъяснено новое назначеніе орудій и надписано о Высочайшемъ сего утвержденіи, директоръ, озабоченный такимъ непростительнымъ промахомъ департамента, не переставалъ все-таки сомнѣваться, на томъ основаніи, что подлинный планъ, составляя государственный секретъ, не могъ бы пересылаться такъ легко и храниться въ артиллерійскомъ—когда долженъ непремѣнно находиться въ инженерномъ департаментѣ. Когда я сталъ утвердительно повторять мое показаніе, онъ приказалъ мнѣ отыскать этотъ планъ и, никому не сказывая, показать ему. Я бросился въ чертежную и по описямъ нашелъ планъ, но на лицо его не оказалось. Пошла сума-тоха и розыски. Къ счастью, пришло мнѣ въ голову, что я планъ видѣлъ когда-то въ рукахъ Трохимовскаго, обратился къ нему, едва успѣвшему отрезвиться. (Не только въ этомъ видѣ, но даже и въ пьяномъ, онъ мнѣ оказывалъ явное уваженіе). Онъ сознался, что, точно, планъ былъ въ его рукахъ, но что, къ сожалѣнію, съ лѣтами память его начала слабѣть и такъ какъ дѣло это давнишнее, то онъ рѣшительно не припомнитъ, куда онъ его дѣвалъ. Нанавѣ на слѣдъ, я машинально пошелъ въ общее присутствіе и раскрылъ переплетенный фоліантъ, съ надписью: «Чертежи крѣпостныхъ лафетовъ, на подвижныхъ платформахъ», и, конечно, тотчасъ нашелъ планъ, съ приложеніемъ и прочихъ

рисунковъ. Порядокъ—истинно прекрасный въ высшемъ присутственномъ мѣстѣ! Ежедневно рассылаютъ десятками выговоры и замѣчанія другимъ мѣстамъ и лицамъ, чинами выше самого предсѣдателя, а тутъ, подъ самымъ носомъ, Богъ знаетъ что творится!

Начальникомъ чертежной былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Сенъ-Жоржъ, эмигрантъ. Ежедневно являлся въ свое отдѣленіе въ 8 часовъ утра, сидѣлъ, не вставая съ своего мѣста, до 3-хъ часовъ пополудни и во все время едва ли, бывало, скажетъ два, три слова. Кроткій и хорошій человекъ. Рисовалъ превосходно. Прослужилъ на этомъ мѣстѣ болѣе 40 лѣтъ, умеръ, не оставивъ семьѣ куса хлѣба.

И. С. Жиркевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ ИВАНА СТЕПАНОВИЧА ЖИРКЕВИЧА

1789 — 1848.

XVI ¹⁾.

Ревизія по артиллерійскому департаменту. — Заказы орудій для крѣпостей Царства Польскаго. — Столкновение съ начальствомъ. — Письмо къ в. в. Михаилу Павловичу.

1824—1826.

Когда Гогель изъявилъ свое намѣреніе испросить мнѣ окладъ жалованья, то на другой день явился ко мнѣ, въ отдѣленіе, Горевъ и, заведя сперва разговоръ о совмѣстныхъ дѣлахъ, обратился потомъ въ просьбѣ—смягчить мое вниманіе по дѣламъ Швензона, который уже такъ запутался, что никакихъ средствъ не видитъ какъ выйти въ отставку, и что, будто бы, въ этомъ всѣ меня одного обвиняютъ. Окончилъ тѣмъ, что если я не хочу и не буду ладить съ другими, то, несмотря на то, что Гогель «наружно» будетъ дѣйствовать въ мою сторону, я рѣшительно никогда и ни въ чемъ не успѣю. Такая откровенность заставила меня невольно улыбнуться, а на третій день я уже удостовѣрился въ справедливости словъ Горева. Министръ мнѣ отказалъ не только въ жалованьи, но даже не изъявилъ своего согласія на мое утвержденіе въ должности начальника отдѣленія.

Между тѣмъ, полковникъ Жуковскій уже восьмой мѣсяцъ продолжалъ свою ревизію по департаменту и, сидя въ одной комнатѣ со мною, часто обращался ко мнѣ съ вопросами о моихъ критическихъ разборахъ на его замѣчанія; во многомъ соглашался со

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 627—648.

мною, повторяя, что во многомъ отдастъ мнѣ справедливость, ибо онъ дѣло свое дѣлаетъ какъ судья, а я поступаю какъ благородный адвокатъ департамента, и часто, къ его (Жуковскаго) невыгодѣ, весьма краснорѣчиво и дѣльно.

Въ сихъ щекотливыхъ обстоятельствахъ дѣйствуя съ чистой совѣстью и благонамѣренностью, въ текущихъ дѣлахъ я соблюдалъ строгость и справедливость. О прошедшемъ заботясь со всевозможною снисходительностью, стараясь всячески приккрыть зло, нежели вполнѣ выставить его наружу, тѣмъ не менѣе, по нѣкоторымъ дѣламъ, зашедшимъ уже далеко, не могъ не согласиться съ мнѣніемъ и замѣчаніями Жуковскаго. Кромѣ дѣлъ Швензона, важнѣе прочихъ обратили (на себя) вниманіе дѣла Девеля по заготовкѣ лѣса для лафетовъ и чугунныхъ колесъ подъ нихъ же. Въ первомъ дѣлѣ Девель, испрося дозволеніе на вырубку казенныхъ дачъ около Бобруйска, рубилъ и опустошалъ ихъ по произволу, рабочими крѣпостнаго штата, выдавая, или, справедливѣе сказать, выводя на нихъ заработную плату, но въ сихъ порубкахъ ни одно бревно не пошло въ дѣло, и весь лѣсъ оказался негоднымъ, а приказано потомъ ему же: необходимый лѣсной матеріалъ заготовить «хозяйственнымъ способомъ». Во второмъ дѣлѣ, еще въ началѣ постройки Бобруйской крѣпости, изъ видовъ предусмотрительности, въ 1809 или въ 1810 году, состоялось высочайше утвержденное положеніе — подъ орудія не имѣть чугунныхъ колесъ, видимо съ цѣлью, въ случаѣ оставленія крѣпости, изрубивъ деревянные колеса, хотя временно уничтожить дѣйствіе крѣпостныхъ орудій. Вслѣдствіе забывчивости или умысла, въ 1820-хъ годахъ, по вошедшему представленію отъ Девеля, департаментъ разрѣшилъ подъ орудія имѣть чугунныя колеса, для чего велѣлъ отлить оныя на Луганскомъ заводѣ, издержавъ на это около 80 тыс. руб., а доставка ихъ въ Бобруйскъ обошлась въ 120 т. р. Девель нашелъ всѣ колеса негодными, представилъ на образецъ два или три разбитыхъ и въ нихъ оказался не оправленный металлъ въ туляхъ и въ кускахъ, и все сіе дѣло, какъ ничтожное, оставлено, безъ ходу, по департаменту, и вся переписка по нему прекратилась. По замѣчаніямъ Жуковскаго, подать я о сихъ дѣлахъ докладныя записки, болѣе двухъ мѣсяцевъ лежавшія безъ движенія, выжидая, что разсудитъ присутствіе. Секретарь принесъ мнѣ записки обратно, сказавъ: «Иванъ Гри-

горьавицъ (Гоголь) призвалъ ихъ отдать вамъ». Я рѣшился спросить Гоголя, что ему угодно приказать по запискамъ? «Ничего!» отвѣчалъ онъ хладнокровно, «я дѣло это знаю и вы не хлопчите объ нихъ!» Въ послѣдствіи открылось, чтобы оправдать себя, а вину сложить на меня, при вторичной ревизіи, произведенной Жуковскимъ, Гоголь далъ отзывъ, что «моихъ записокъ онъ вовсе не выдалъ или, по крайней мѣрѣ, не читалъ, а что переписка по этимъ дѣламъ не только не прекращалась, но, напротивъ, весьма дѣятельно производилась и по сіе время идетъ по его канцеляріи».

Изъ этого краткаго разсказа, можно судить каково было мое положеніе. Съ 8-ми часовъ утра до 4-хъ по полудни въ департаментѣ; съ 6-ти ч. до 11-ти ч. вечера разбиралъ я старыя дѣла и замѣтки Жуковского; съ 4-хъ час. до 8-ми час. утра отписывался по текущимъ дѣламъ, и такъ постоянно, въ будни и праздники, — я не столько упалъ духомъ, какъ ослабѣлъ физическими силами. Въ награду за труды, вмѣсто 2,500 р., я получилъ окладъ только въ 900 р. Тогда я рѣшился во чтобы ни стало бѣжать изъ этого ада и съ этою цѣлью подалъ рапортъ, прося, по слабости здоровья и по семейнымъ обстоятельствамъ, перевода себѣ въ Московское артиллерійское депо. Сегодня я подалъ, а завтра записка была въ докладѣ у великаго князя. Когда что нужно, какъ скоро (у насъ) дѣлаются дѣла!

Сверхъ всякаго ожиданія, на другой день я получилъ письменный запросъ отъ Перрена, что его высочеству угодно знать, что дѣйствительно вынуждаетъ меня оставлять департаментъ, гдѣ бы ему очень желательно было удержать меня. Чтобы показать исполнѣ враждующимъ противъ меня разницу въ моихъ и ихъ дѣйствіяхъ, я отвѣчалъ только, что при настоящемъ жалованьи невозможно жить въ столицѣ, и (вотъ) чрезъ два дня военный министръ, по представленію великаго князя, примѣняя ко мнѣ тѣ же самыя правила, по которымъ прежде отказалъ, разрѣшилъ мнѣ дать настоящій окладъ и даже удовлетворить за прежнее время, а Гоголь былъ такъ милостивъ и внимателенъ, что, призвавъ казначея, велѣлъ ему лично, сейчасъ же отвезти деньги и книгу ко мнѣ на домъ, ибо я, отозвавшись нездоровымъ, для подачи рапорта, пересталъ ходить въ департаментъ. Когда я, изъ приличія, явился къ Гоголю благодарить его, онъ сказалъ мнѣ:

— «Вы видите, что не я одинъ отдаю вамъ должную справедливость; я уже вторично представилъ васъ объ утвержденіи вашемъ въ настоящей должности».

Горевъ, въ тотъ же самый день, пришелъ ко мнѣ въ отдѣленіе и, поздравя меня съ «неожиданною милостью», улыбаясь сказалъ: «ей, ладыте съ нами, увидите, что все пойдетъ хорошо, а нѣтъ — такъ и не хлопчите объ утвержденіи: не выйдетъ!» Пророчество Горева не совсѣмъ въ точности исполнилось: утвержденіе мнѣ вышло, но только на другой день послѣ моего увольненія изъ департамента, ровно чрезъ 10 мѣсяцевъ послѣ выдачи мнѣ оклада жалованья.

Теперь для меня пошли еще труднѣе занятія. Всѣ докладныя записки мои, особенно по тѣмъ дѣламъ, о которыхъ великій князь дѣлалъ замѣчанія въ меморіяхъ, въ присутствіи почти всѣ задерживались по мѣсяцу и болѣе, затѣмъ возвращались ко мнѣ для исправленія и передѣлокъ и для сего всегда былъ назначаемъ Воронинъ, который, руководствуясь форменностью, ласково и тихо доказывалъ мнѣ мою виновность въ ошибкахъ и недоразумѣніяхъ. Великій князь началъ уже давать предложенія департаменту, указывая на свои повторенія объ одномъ и томъ же дѣлѣ, и хотя я видѣлъ, что его высочество догадывается, что меня хотятъ подвести подъ его гнѣвъ, но желаетъ и въ этомъ случаѣ показать мнѣ свое милостивое снисхожденіе, а раза два или три намекалъ уже, чтобы ему донести, кто виноватъ въ замедленіяхъ? Отвѣты на подобные вопросы писалъ я, и одинъ разъ, выйдя изъ терпѣнія, заготовлялъ къ подписи донесеніе, что виноватъ — начальникъ отдѣленія, т. е. я, но «великодушный» Гогель не рѣшался подписать этого, а своею рукою исправя, давалъ таковой же уклончивый отвѣтъ, какъ и по всѣмъ прочимъ.

Въ 1821 году правительство предположило вооружить въ Царствѣ Польскомъ крѣпости Замостье и Ченстоховъ и потребовало отъ артиллерійскаго департамента соображеній: откуда, какими средствами доставить въ обѣ крѣпости орудія и снаряды и во что, приблизительно, могутъ обойтись таковыя? Дѣло сіе, особенной важности, какъ видно изъ переписки, было два раза въ докладѣ у государя, чрезъ начальника штаба Дибича. Департаментъ представилъ, что онъ не находитъ другихъ средствъ какъ взять что нужно изъ Кіева и Риги, ибо нигдѣ нѣтъ въ запасѣ орудій

тѣхъ калибровъ, которые требуются, а если, при этомъ, необходимо сохранить Кіевскую и Рижскую крѣпости въ оборонительномъ положеніи, то уже необходимо будетъ отливать новыя орудія на Луганскомъ заводѣ и въ Петрозаводскѣ. На перевозку же этихъ орудій въ Польшу, въ самое удобное время, нельзя ожидать цѣны менѣе 6 р. 50 к. съ пуда, а, можетъ быть, потребуются и болѣе.

Чтобы избѣгнуть сухопутной перевозки, зашла переписка между начальникомъ главнаго штаба Дибичемъ и морскимъ министромъ Моллеромъ—какъ удобнѣе перевезти орудія водою? Моллеръ отзывался, что военныя суда въ тому не могутъ быть употреблены, да едва ли можно будетъ принести къ тому средства и на частныхъ купеческихъ судахъ. Нѣсколько разъ приглашаемы были, для совѣщаній по саму предмету, биржевой гофъ-маклеръ и, по его соображеніямъ, положили, что доставка водою невозможна. По раскладѣ, перевозка должна была приблизительно обойтись слишкомъ 400 тысячъ рублей и даже назначены были къ тому, изъ суммъ Царства Польскаго, 250 тысячъ, но весь этотъ проектъ, по измѣнившимся обстоятельствамъ, былъ приостановленъ и дѣло сіе, какъ не влекущее за собой существенныхъ расходовъ, при ревизіи не подпало никакимъ замѣткамъ и для меня было вовсе неизвѣстно. Внезапно военный министръ потребовалъ, въ ноябрѣ 1823 года, обстоятельную изъ него выписку—когда велась переписка и на чемъ остановилось все дѣло? Выписка эта съ фельдъегеремъ отправлена была въ Тагаврогъ, гдѣ тогда находился государь Александръ Павловичъ, и, около 15-го того-же мѣсяца, департаментъ получилъ чрезъ военнаго министра высочайшее повелѣніе немедленно распорядиться къ проектированной перевозкѣ, не упуская удобнаго зимняго времени.—Дѣло плыло съ такою быстротою и настоятельностью, что для производства торговъ въ Кіевѣ и въ Ригѣ, совокупно съ торгами, имѣющими быть въ департаментѣ, посланы были туда астафеты. Однимъ словомъ, съ перваго приступа къ сему дѣлу, я не имѣлъ возможности не только опомниться, но даже оглянуться. Сдѣлавъ всѣ скорѣйшія распоряженія и выполнивъ высочайшую волю, я призадумался: какимъ образомъ состоялся отказъ въ возможности доставить орудія водою?

Изъ историческихъ фактовъ старыхъ временъ зналъ я, что, по

крайней мѣрѣ, до Площа отъ Данцига ходили плоскія суда и что и теперь они продолжаютъ ходить также благополучно какъ и прежде. Если одна перевозка изъ Кіева и Риги до упомянутыхъ крѣпостей обойдется до полъ милліона рублей, то во что станетъ, если надобность востребуетъ, отливка новыхъ орудій и снарядовъ, съ пересылкой ихъ до послѣднихъ мѣстъ? Предъ самымъ симъ временемъ, случайно былъ я въ арсеналѣ и увидѣлъ множество чугунныхъ орудій, лежащихъ на стелажахъ, которыхъ я считалъ всѣхъ негодными въ употребленію, соболѣзнуя сколь много государство несетъ напрасныхъ убытковъ, отливая орудія безъ нужды и потомъ оставляя ихъ безъ употребленія, пока ржавина и соръ, такъ сказать, ихъ не уничтожатъ. Таковыхъ орудій, правда, малаго калибра, я насчиталъ до трехъ тысячъ штукъ. Заинтересовавшись узнать, что это за орудія, когда и для чего заготовлены, я, придя въ департаментъ, перебралъ всѣ вѣдомости о количествѣ крѣпостныхъ орудій, т. е. о тѣхъ, кои считались и вѣдались по I-му отдѣленію, но, прерывшись въ нихъ болѣе двухъ сутокъ, ничего не нашелъ. Обратился къ правителю дѣлъ канцеляріи—и тамъ ничего; наконецъ, рѣшился заглянуть въ живой архивъ, т. е. обратиться къ Воронину (что, впрочемъ, избѣгалъ, по возможности, дѣлать, зная его хитрость), и онъ навелъ меня на мысль разобратъся съ третьимъ отдѣленіемъ, временнымъ — Горева. Тамъ нашлось особое дѣло, которое заключалось въ слѣдующемъ: еще въ шведскую кампанію, для снабженія и устройства пограничныхъ крѣпостей и укрѣпленій, отлито было болѣе трехъ тысячъ орудій въ Петроваводскѣ; оттуда доставлены въ Петербургъ водою и какъ благополучное окончаніе шведской войны, расширивъ предѣлы Россіи, не только устранило потребность новаго вооруженія и устройства крѣпостей, но даже дало возможность оставить вовсе безъ обороны многія прежнія крѣпости и укрѣпленія, откуда въ 1812 году были вывезены орудія въ Кронштадтъ, Ревель и Ригу,—поэтому всѣ заготовленные вновь орудія остались въ арсеналѣ на стелажахъ; они-то обратили на себя мое вниманіе, а во вѣдомостяхъ рѣшительно нигдѣ не показывались отъ начала учрежденія департамента—по обыкновенію уже тамъ порядку, т. е. по упущенію, съ оговоркой, что первое и третье отдѣленія знать ихъ не хотятъ: первое потому, что они лежатъ въ арсеналѣ, а третье—потому, что они заготовлены для

вѣрностей. Разсмотрѣвъ калибръ орудій, я открылъ, что потребность снабженія Замостья и Ченстохова можетъ удовлетвориться теми орудіями съ небольшою добавкою другихъ орудій, а именно десяти коронадъ, двухъ или трехъ мортиръ большихъ размѣровъ и, затѣмъ, всетаки двѣ трети всего числа остались бы въ запасѣ. Обстоятельство это я почелъ долгомъ немедленно доложить Гогелю и спросить его совѣта, какъ поступить въ семъ случаѣ?

Онъ хладнокровно отвѣчалъ мнѣ: «дѣло уже сдѣлано и намъ остается только буквально исполнить волю государя», потомъ присовокупилъ: «если государь прикажетъ дуну доставать зубами, мы должны хотъ лопнуть, а всетаки доставать!...»

Императоръ Александръ Павловичъ, въ томъ-же ноябрѣ 1825 г., скончался, и по вступленіи на престолъ Николая Павловича, для изліянія общихъ милостей, военный министръ потребовалъ отъ всѣхъ подчиненныхъ ему вѣдомствъ валовыхъ вѣдомостей къ наградамъ чиновниковъ. Вице-директоръ далъ предложеніе всѣмъ начальникамъ отдѣленій въ такомъ же смыслѣ. Работая усердно и съ натяжкою, я налицыхъ чиновниковъ, буквально, заваливалъ работою; но какъ староначальники и ихъ помощники, привыкшіе прежде, до меня, работать машинально, не обдумывая и не разбирая ничего, то я работою ихъ не всегда былъ вполне доволенъ, то представленіе такихъ сотрудниковъ къ знакамъ отличія я не считалъ приличнымъ, а потому представилъ ихъ всѣхъ къ усиленной денежной наградѣ. Дня чрезъ три, призвалъ меня Гогель и спросилъ, что за причина, что я представляю къ деньгамъ, а къ ордену ни одного, тогда какъ въ другихъ отдѣленіяхъ представлены и къ той и къ другой наградамъ? Я объяснилъ ему мой взглядъ на награды со всею откровенностію, но прибавилъ, что, если ему угодно, чтобы я измѣнилъ свое представленіе, согласуюсь съ представленіями прочихъ начальниковъ отдѣленій, то я готовъ тотчасъ исполнить. Выслушавъ мое объясненіе, онъ назвалъ его основательнымъ, но просилъ, ради единообразія, измѣнить мое представленіе и тутъ же при всѣхъ засвидѣтельствовалъ, что физически работаютъ у меня въ отдѣленіи больше всѣхъ. Представленіе я перемѣнилъ и оно со всѣми другими пошло по назначенію. Награды вышли къ новому году. Въ департаментѣ, безъ исключенія, были награждены всѣ. Четверо отлич-

тіями, другіе деньгами; только по первому отдѣленію ни я, ни одинъ чиновникъ, не получили никакой награды.

Озлобленный сею явною и обидною несправедливостію, въ пылу душевнаго негодованія, я въ тотъ же день написалъ рапортъ Гогелю и послалъ его. Въ этомъ рапортѣ я изложилъ съ чувствомъ всѣ мои прямія и доброжелательныя дѣйствія относительно его, Гогеля, личности, причемъ указывалъ на многіе примѣры; гдѣ я невинно, единственно изъ сожалѣнія, сталъ соучастникомъ и виновнымъ тѣхъ беспорядковъ, которые были допущены еще до меня, что, можетъ быть, настояцій поступокъ, т. е. неполученіе мною награды, приписываютъ какому-нибудь другимъ, особымъ видамъ, но что я самъ знаю, что это вадоръ и что одно только великодушіе его, Гогеля, замѣнило лишеніе награды другимъ чѣмъ-либо болѣе тяжкимъ изысканіемъ, за всю виновность, совершенную до меня. Но что я требую одного, чтобы служащіе чиновники подъ моимъ вѣденіемъ были бы уравнены въ наградахъ съ прочими, иначе я дѣло такъ не оставлю, а пойду выше. Затѣмъ, окончилъ письмо тѣмъ, что прошу его доставить мнѣ средство выйти изъ-подъ его начальства, что сочту себя вполне вознагражденнымъ не только за настояціе мои труды, но и за всю мою прежнюю службу. Рапортъ этотъ Гогель получилъ 2-го января (1826 г.) утромъ.

Придя по обыкновенію въ тотъ день въ департаментъ утромъ въ 8 ч. утра, удержавъ въ душѣ моей тревожившее меня волненіе, но съ наружнымъ хладнокровіемъ, я ожидалъ что будетъ? Всѣ, кромѣ моихъ, встрѣтили вице-директора съ благодареніями и я нарочно пошелъ съ ними въ присутственную залу. Хладнокровіе Гогеля, въ этотъ разъ, превзошло мое. Ни улыбки за благодарность, ни вида огорченія за сатиру, и все пошло по обыкновенію. Одно замѣтилъ я, что рапортъ мой содержался въ большомъ секретѣ.

Прошло дней семь и, не видя никакихъ результатов начатому, я рѣшился, заставъ Гогеля одного, спросить: что мнѣ дѣлать и что онъ волагаетъ учинить съ моимъ рапортомъ? Вотъ его буквальный отвѣтъ:

— «Вы считаете, что вы хорошо сдѣлали, подавъ мнѣ рапортъ, я этого у васъ не оспариваю. Чтоже я буду дѣлать съ нимъ — предоставьте мнѣ уже на мою волю!»

Когда я ему возразилъ, что не хотѣлъ бы самъ просить великаго князя, но теперь вынужденъ къ тому и съ терпѣніемъ буду ждать еще недѣлю—Погель добавилъ:

—Зачѣмъ же ждать? Вы великаго князя могли просить вчера, сегодня можете, завтра, наконецъ, сейчасъ, если угодно,—это ваше дѣло, а не мое!..

Возвратясь домой, я написалъ частное письмо на имя его высочества, и на другой день утромъ отправился къ нему во дворецъ, гдѣ отыскалъ шталмейстера Дивова, сослуживца моего по гвардіи и у котораго я прежде ни разу не былъ. Я просилъ его, чтобы онъ мнѣ сказалъ, кто домашній секретарь у его высочества, ибо я хочу ему подать частное письмо. Дивовъ отвѣчалъ: «Я! Но отъ тебя частнаго письма принять не могу. Тебѣ должно его передать чрезъ Перрена». Удостоверивъ Дивова, что въ моемъ вопросѣ не было умысла, что я точно не зналъ и не могъ вообразить, чтобы шталмейстеръ и домашній секретарь его высочества было одно лицо, объявилъ, что чрезъ Перрена идти не хочу и, не взирая на угрожающее мнѣ бѣдствіе, предпочитаю его уничтожить. Дивовъ принялъ во мнѣ самое искреннее и непритворное участіе, какъ старый товарищъ; сталъ меня расспрашивать, что такъ сильно меня огорчаетъ и почему не довѣряюсь я Перрену? Сорвавъ печать съ приготовленнаго письма, я прочелъ его Дивову. Тамъ я излагалъ вкратцѣ, не касаясь никакихъ дѣлъ, всѣ перенесенныя мною огорченія и просилъ великаго князя быть ко мнѣ милостиву—употребить меня на службу, куда ему будетъ угодно, но только, не отлагая, выпустить изъ департамента; въ дополненіе рассказалъ я другія подробности, меня тяготившія.

—Письма твоего я принять никакъ не могу,—отвѣчалъ Дивовъ,—но его высочество такъ ко всему внимателенъ и справедливъ, что, если случай дозволить, я могу передать ему разговоръ нашъ вполне, согласенъ ли ты на это?»

Слезы на глазахъ были моимъ отвѣтомъ.

Едва я вернулся домой, какъ прискакалъ изъ дворца верховой, съ требованіемъ, чтобы я немедленно прибылъ къ Дивову. Предчувствуя въ чемъ дѣло, я захватилъ съ собой гербовую печать, поѣхалъ къ Дивову и вотъ что онъ мнѣ передалъ: едва я вышелъ отъ него, въ другую дверь вошелъ къ нему великій

князь и Дивовъ, находясь подъ впечатлѣніемъ моего разсказа, не преминулъ ему тотчасъ передать, но передать въ совершенствѣ. Его высочество похвалилъ Дивова, что онъ отказалъ мнѣ въ приѣмъ письма, какъ жалобы, которую не иначе онъ можетъ принять, какъ въ форменномъ порядкѣ; приказалъ ему однакоже объявить мнѣ, что если я частно хочу писать къ его высочеству, то могу сіе не только теперь, но и всегда дѣлать, но только простымъ письмомъ и съ обыкновеннымъ адресомъ и чтобы Дивовъ такія письма, какъ частныя, сейчасъ-бы, не распечатывая, передавалъ по адресу.

Растроганный до глубины души такимъ снисхожденіемъ, не выходя изъ покоевъ, у Дивова, я написалъ нѣсколько строкъ, смыслъ которыхъ заключался въ слѣдующемъ: что въ департаментъ привела меня воля его высочества и она только, до сего времени, одна меня тамъ удерживала. Мои правила такъ несообразны съ укоренившимся образомъ дѣйствія еще до меня, что для настоящаго времени и для будущности, кромѣ непріятнаго, я ничего не вижу и не ожидаю, а потому прошу одной милости—освободить меня отъ сего рода службы... Передавъ это письмо запечатаннымъ Дивову, я прибавилъ: если это письмо попадетъ къ Перрену, то это уже будетъ для меня послѣднее несчастье, и просилъ такъ передать его высочеству.

На слѣдующій день, въ мое отдѣленіе пришелъ Перренъ и я тотчасъ догадался, что виною тому. Вынувъ изъ-за мундира письмо мое, сказалъ: «его высочество изволилъ лично подчеркнуть карандашомъ непріятности и приказалъ сейчасъ же мнѣ отправиться къ вамъ, спросить лично о непріятностяхъ и завтра, по утру, передать ему что вы скажете, ничего не утаивая».

Множество случаевъ въ жизни моей служатъ доказательствомъ, что при всякомъ кризисѣ, вмѣсто робости, въ душѣ моей возрождается какая-то самоувѣренность, твердость, доходящая почти до дерзости, и тогда обиліе словъ вырывается изъ души моей. Первыми словами, которыми я встрѣтилъ привѣтствіе Перрена, были: я просилъ великаго князя мое письмо не отдавать вамъ въ руки. Мои дѣла и ссора идутъ съ тѣми, которые всегда пользовались и пользуются вашимъ покровительствомъ. Но дѣло сдѣлано, а потому, извольте, разскажу все, что у меня на душѣ. Разговоръ нашъ, въ которомъ нѣсколько разъ задѣвалось самолюбіе Перре-

на, продолжался около двухъ часовъ и онъ его заботчилъ слѣдующимъ:

— «Вы, Иванъ Степановичъ, говорили съ такимъ жаромъ и такъ много на мой счетъ, что еслибы я и желалъ передать всѣ ваши слова его высочеству, — ей-Богу, не былъ бы въ состояніи, да и сомнѣваюсь, чтобы онъ тогда повѣрилъ точности словъ и выраженій вашихъ. Не смѣю васъ затруднять, ибо выполняю волю великаго князя переговорить съ вами, но вы бы меня облегчили, да и себя успокоили, если бы составили записку, въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ шелъ нашъ разговоръ и я бы ее прочелъ его высочеству, безъ утайки».

— Согласенъ, — сказалъ я, и, въ 10 часовъ вечера, записка моя пошла къ Перрену.

Когда я пришелъ на другой день въ департаментъ, то узналъ отъ преданнаго мнѣ чиновника, что уже въ общемъ присутствіи сидятъ Гогель и всѣ начальники отдѣленій. Рапортъ мой и еще какая-то записка (какъ я послѣ узналъ, копія съ данной Перрену, ночью снятая, а въ утру доставленная Гогелю) находятся тамъ же, и приказано никого не впускать въ залу безъ доклада; а если можно, то всѣмъ отказывать. Конклавъ просидѣлъ до 4-хъ часовъ и разошелся пасмурно. На другой день, съ утра таже самая исторія, но въ 2 часа вызываютъ меня въ присутствіе и Гогель, держа въ рукахъ мой рапортъ, сдѣлалъ мнѣ пять вопросовъ, — съ видимою цѣлью смѣшать меня, — но которые только дали мнѣ возможность удостовѣриться, что если не подлинная моя записка, то точная съ нея копія — въ рукахъ его. Получивъ отъ меня короткій отвѣтъ, разрѣшилъ выйти и, на слѣдующій день, онъ по всѣмъ предметамъ моего рапорта, кромѣ пяти словесно отобранныхъ отвѣтовъ, потребовалъ дать дополнительные объясненія. Въ этотъ день всѣ чиновники моего отдѣленія, по особому представленію военнаго министра, получили денежное вознагражденіе и съ привнательностью благодарили меня «за жертву собою». Зная всю хитрость и злобу враждующихъ ко мнѣ, я взялъ предосторожность, при объясненіяхъ на письмѣ, присовокупить и данные мною отвѣты на словесные вопросы...

Прошло еще нѣсколько дней. Общее присутствіе собиралось ежедневно, чего прежде не было. Горевъ, которому поручена была редакція по составленію противъ меня обвинительнаго акта, по-

слѣ каждого присутствія бѣгалъ съ бумагою въ рукахъ въ Перрену и всегда возвращался съ пасмурнымъ видомъ, привѣтствуя меня каждый разъ, ибо нельзя было миновать того мѣста, гдѣ я занимался. Я видѣлъ приближающуюся грозу, и ожидалъ только съ которой стороны грянетъ громъ. Наконецъ, по прїѣздѣ въ Петербургъ герцога Веллингтона ¹⁾, его высочество приказалъ обоимъ директорамъ артиллерійскаго и инженернаго департаментовъ прибыть на квартиру герцога для представленія и передъ выходомъ подошелъ ко мнѣ адъютантъ его высочества, вспомощникъ и ученикъ мой, сослуживецъ по гвардіи, князь Долгоруковъ, который сказалъ мнѣ въ полголоса:

— «Ну, батюшка Иванъ Степановичъ! Сегодня читали мы съ его высочествомъ рацею противъ васъ на 16-ти листахъ! Признаюсь, было что читать, а еще болѣе писать это! Но не опасайтесь ничего. Его высочество вполне оцѣнилъ клаузы и не выдастъ васъ!...»

Когда же великій князь вышелъ въ залу съ герцогомъ, то, приближаясь къ намъ, сказалъ по французски: «вотъ артиллерійскій департаментъ», и, какъ будто не замѣтивъ Гогеля, стоявшаго съ прочими начальниками отдѣленій, въ головѣ линіи, началъ съ меня:

— «Подполковникъ Жиркевичъ.—И, въ видѣ опыта, началъ съ него, чтобы преобразовать совершенно этотъ департаментъ, надея, что гражданскіе чиновники не всегда понимаютъ и (не всегда) ведутъ дѣла какъ слѣдуетъ»—и на меня взглянулъ съ особеннымъ одобрительнымъ взглядомъ...

Черезъ два дня послѣ этого, опять явился ко мнѣ въ отдѣленіе Перренъ и съ пасмурнымъ видомъ сказалъ мнѣ: «что его высочество, получивъ отъ меня записку и въ то же время противъ меня рапортъ Гогеля, прислалъ мнѣ сказать, что ему очень хотѣлось бы превратить эту распрю и въ особенности избѣжать малѣйшей о томъ переписки. Кромѣ того, не согласусь ли я на посредничество? Онъ выбралъ къ тому извѣстнаго добрѣйшаго чловѣка генералъ-лейтенанта Ѳедора Ивановича Апрѣлева, состоящаго при его высочествѣ. Но если я не согласенъ на сіе лицо, то чтобы самъ указалъ, кого желаю имѣть посредникомъ».

¹⁾ О прїѣздѣ герцога Веллингтона или Уелинттона въ Петербургъ въ 1826 г. см. въ «Русской Старинѣ», изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 546.

Не знаю, можетъ ли вниманіе и милость простираться далѣе и могъ ли я отказать въ согласіи на это?

Федоръ Ивановичъ Апрѣлевъ, предъ которымъ я почиталъ себя ребенкомъ, ибо едва ли онъ ни былъ уже тогда генералъ-майоромъ, когда я только, только лишь поступалъ въ корпусъ, прислалъ за мной, обошелся со мной необыкновенно ласково, усадилъ меня и спросилъ:

— Скажите, одѣлайте милость, что у васъ за исторія съ Гогелемъ? Его высочество поручилъ мнѣ разобратъ и, буде можно, помирить васъ обоимъ. Я васъ знаю и почитаю какъ благороднѣйшаго человѣка и Гогеля уважаю тоже, но только не предвижу, что я могу тутъ сдѣлать? На словахъ Гогель закидываетъ меня своими сужденіями, а писать—онъ поведетъ такъ, что и концовъ не найдець, да и великій князь запретилъ мнѣ принимать что-либо писанное. Признаюсь вамъ, это дѣло для меня совершенная коммисія! Что вы ссоритесь съ Гогелемъ, меня это нисколько не удивляетъ; но вы задѣли въ запискѣ вашей Церрена. Въ его рукахъ, такъ сказать, участь и будущій ходъ службы основной моихъ. Если я возьму вашу сторону, посудите сами, чего ждать должно для нихъ. Ради Бога, научите меня какъ-бы все кончить и свести васъ съ Гогелемъ? я безъотговорочно все одѣлаю, что вы ни укажете!»

— Попросите его высочество, чтобы онъ выпустилъ меня изъ департамента,—сказалъ я,—и съ моей стороны все дѣло кончено.

— Нѣтъ,—возразилъ Апрѣлевъ,—единственное условіе великаго князя, чтобы вы непремѣнно остались въ департаментѣ».

— Вотъ одинъ случай, гдѣ для меня воля его высочества имѣетъ свой предѣлъ,—отвѣчалъ я. Я долженъ выйти изъ департамента для чести своей—въ настоящемъ чинѣ или даже солдатомъ, видно уже такова судьба моя.

Этимъ разговоромъ окончилось предложенное мнѣ посредничество...

XVII.

Пронски чиновниковъ.—Дѣло о перевозкѣ орудій.—60,000 р. вмѣсто 700,000 р.—
Швензонъ.—Рѣшеніе дѣла по жалобамъ на начальство.—Смѣна Гогеля.

1826.

Время шло своимъ порядкомъ. Я продолжалъ работать и трудиться съ усиленною энергіею. Насталъ февраль. По дѣлу о вооруженіи польскихъ крѣпостей на торги, въ департаментъ, никто не явился. Въ Ригѣ и въ Кіевѣ выпросили цѣны громадныя: въ Ригѣ болѣе 10-ти р., а въ Кіевѣ 12 р. съ пуда и еще съ огорошкой, что если торги не будутъ сейчасъ утверждены, то они отназываются, потому что путь съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе портится. По расчету моему, вся операція по перевозкѣ обходилась бы назнѣ свыше 700 т. р. Ко мнѣ явился на квартиру какой-то еврей, но мной не былъ принятъ, а на другой день въ отдѣленіе пришелъ еврей, украшенный 4-мя или 5-ю медалями, объявилъ, что онъ подрядчикъ, за которыми остались торги въ Кіевѣ; что время не терпитъ, что для большихъ орудій нужно устраивать особаго рода повозки, могущія служить для зимней и лѣтней перевозки, что отъ этого цѣны немного высоки и если я потороплюсь этимъ дѣломъ, то ему и мнѣ будутъ выгоды. Тутъ же явился гофъ-маклеръ Краммеръ, получавшій за каждый подрядъ свои куртажныя по 2 копейки съ рубля, и вѣжливо просилъ меня объявить ему какъ идти и какъ я полагаю разрѣшить это дѣло? Мнѣ ему объяснилъ, что это вполнѣ будетъ зависѣть отъ военнаго министра, которому я уже готовлю докладъ и они, раскланившись со мной, ушли, въ полной увѣренности, что я не отказываю въ своемъ согласіи на ихъ дѣло. Но въ тотъ же самый день я изготовилъ записку и отослалъ готовую, для подписи, въ Гогелю, гдѣ, повторяя вѣрнѣе прежнюю переписку, прибавилъ, что въ то время, когда началась переписка, департаментъ не могъ распоряжаться еще запасными орудіями, предназначенными для финляндскихъ крѣпостей, ибо хотя и предвидѣлось уничтоженіе нѣкоторыхъ, но положительно ничего еще о томъ нельзя было сказать, ибо зависѣло совершенно и единственно отъ воли государя. Но что теперь открывается возможность, не разоруживая Кіева и Риги, взять орудія на берегу Невы изъ

арсенала, и хотя морской министр Моллеръ и находилъ затрудненія въ дачѣ военныхъ судовъ для перевозки, но русское купечество, вѣроятно, найдетъ свои выгоды перевезти орудія и снаряды до Данцига. Далѣе же департаментъ предположенія свои простираетъ не можетъ, но что положительнымъ извѣстно, что плоскодонныя суда легко ходятъ вверхъ по Вислѣ до Плоцка и если правительство признаетъ возможнымъ испросить отъ прусскаго — согласіе на дальнѣйшій пропускъ орудій, то, вѣроятно, снимутся въ Данцигѣ желающіе поднять тяжести по крайней мѣрѣ до Плоцка, а можетъ быть, и до Варшавы; между тѣмъ, какъ бы департаментъ ни спѣшилъ операціею, зимній путь пропадетъ, а съ полученія разрѣшенія и совсѣмъ уже провадетъ и орудія принуждены будутъ ожидать другой зимы. На вооруженіе вновь Риги и Кіева потребуется вновь болѣе милліона руб. Готель подписалъ и записавъ въ тотъ же вечеръ пошла къ министру, но разошлась съ предложеніемъ отъ него, въ коемъ говорилось: «что хотя частнымъ образомъ, но извѣстно, что торги по сей операціи кончены, министръ требуетъ рѣшительно, чтобы это дѣло было кончено не теряя минуты времени, ибо уже на все состоялась положительная высочайшая воля».

На другое утро прибѣжалъ ко мнѣ Краммеръ и удивился, что я не предварилъ его о придуманной мною перемиѣнѣ, утверждая, между прочимъ, что новое предположеніе ни къ чему не поведетъ, такъ какъ такихъ тяжелыхъ какъ 36-ти фунтовыхъ чугунныхъ орудій нельзя поднимать на плоскихъ судахъ по Вислѣ, и что все это одна химера, воображеніе, ибо уже объ этомъ прежде обсуждали Дибичъ, Моллеръ и онъ, — Краммеръ! Кончилось тѣмъ, что орудія и снаряды, ровно чрезъ годъ послѣ сего, водой, какъ мною было указано, перевезены до Варшавы и вся доставка обошлась казнѣ только около 60 тыс. руб.

Заваривши кашу, я не заботился нисколько кому придется хлебать оную и въ мартѣ, за нѣсколько дней до родовъ жены моей, когда я въ работахъ семейныхъ предположилъ отдохнуть нѣсколько дней, пославши рапортъ, что я нездоровъ, — внезапно вошелъ ко мнѣ прямо въ спальню полковникъ Швензонъ, въ отставномъ уже костюмѣ, и удивилъ меня, объявивъ — «что онъ чувствуетъ самъ, что поступилъ дерзко, войдя ко мнѣ безъ доклада, но онъ знаетъ, что я не приму его. Но какъ судьба его совер-

шейно въ моихъ рукахъ, то онъ на все рѣшился, даже быть выгнаннымъ, просить только его выслушать и затѣмъ пускай рѣшится его участь. Онъ не проситъ совершеннаго помилованія, ибо знаетъ, что дѣла слишкомъ далеко зашли, но проситъ одного: великодушно неидти и не разрывать далѣе! Знаетъ, что я уважаю его просьбу...» Поблагодаривъ его за столь хорошее мнѣніе обо мнѣ, я сказалъ, что вовсе никогда не желалъ и не думалъ дѣлать не только ему зла, но даже и тѣмъ, что явно враждуютъ противъ меня, но что правила мои таковы, что я всегда борюсь со зломъ и стараюсь если не могу его совсѣмъ уничтожить, то по крайнѣ мѣрѣ на столько ограничить, чтобы оградить окружающее отъ тлетворнаго его дѣйствія, и что теперь я только хлопочу объ одномъ, чтобы развязаться съ департаментомъ и ничту себя имѣть, Швензономъ, облагодѣтельствованнымъ, если онъ къ тому будетъ содѣйствовать. Тутъ онъ объявилъ мнѣ новость, что дѣло мое уже не у Апрѣлева, а у К. И. Оппермана, что первый отказался отъ посредничества, объявъ великому князю, что Гоголь считаетъ его своимъ личнымъ врагомъ и потому неприлично ему судить дѣйствія Гоголя; что Опперманъ честный и благородный вельможа, старѣе Гоголя чиномъ, пользуется довѣріемъ у государя и такимъ образомъ все дѣло мое теперь зависить отъ Оппермана, что всѣ бумаги по этому предмету находятся теперь у правителя дѣлъ Оппермана и по нимъ ему докладываютъ и по его-то, правителя, совѣту онъ, Швензонъ, пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы тоже какъ нибудь похлопотать замѣять отнѣсшіяся до него дѣла. Распространяясь далѣе, признался мнѣ, что, конечно, во многомъ виноватъ, самъ знаетъ и сознается въ этомъ и что на все на это есть документъ, находящійся въ моихъ рукахъ (его письмо, писанное ко мнѣ), но что, со всѣмъ тѣмъ, онъ проситъ пощады. Сознался, что отъ одной постройки сарая около Гельсингфорса получилъ выгоды болѣе 20 тыс. руб., но готовъ пожертвовать этой суммой съ 0/0, только чтобы далѣе не рылся». Вынувъ изъ шкатулки письмо Швензона, я спросилъ его, показывая ему, не это ли его беспокоитъ? Съ смущеніемъ онъ началъ меня увѣрять, что знаетъ очень хорошо въ какихъ «благородныхъ» рукахъ оно находится и потому оно не можетъ его тревожить, а что онъ пришелъ ко мнѣ единственно моля о пощадѣ и что если я ему дамъ слово, то онъ будетъ совершен-

но спокоенъ... Тогда я разорвалъ это письмо на маленькіе куски, отдалъ ему, прибавя: «вамъ будетъ стоить не болѣе 2 тыс. руб. уладить, чтобы меня выпустили — и, мнѣ кажется, я въ правѣ просить васъ объ этой жертвѣ». Признаюсь — я увидѣлъ слезу на лицѣ Швензона. Тронутый, какъ мнѣ казалось, моимъ поступкомъ, онъ началъ меня благодарить, сказавъ: «Иванъ Степановичъ, мнѣ нечего теперь таяться передъ вами; я предлагалъ 20 тыс. руб. съ $\frac{1}{10}$, слѣдовательно, дѣло не о двухъ тыс. руб., но въ томъ, что всѣ хлопотать васъ спихнуть и не то, чтобы за деньги, а сами бы рады дать, но все истощено! Великій князь слышать ничего не хочетъ. Богъ знаетъ, какъ все это окончится!»

По уходѣ его, крѣпко я задумался. Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится. «Съ сильнымъ не борись» говоритъ пословица и пожалуй, что она и права, какъ увидимъ далѣе...

Послѣ этого я уже ничего не слыхалъ о своемъ дѣлѣ, не видалъ ни Оппермана, ни его правителя дѣлъ, ни Перрена, ни Швензона, ни даже самого Гогеля. Въ послѣднихъ числахъ марта, въ одно прекрасное утро, входитъ во мнѣ въ отдѣленіе секретарь Павловъ, объявляя, что мнѣ Гогель приглашаетъ въ присутствіе. Я немедленно пошелъ и увидѣлъ весь ареонагъ, съ важной осанкой выдающій на меня взгляды. На поклонъ мой никто не отвѣчалъ, кромѣ Трохимовича, и Гогель, съ улыбкой обратясь къ Павлову, сказалъ: «Г. секретарь, прочтите указъ!» Въ указѣ я утверждался начальникомъ отдѣленія.

— «Это я хлопоталъ, — прибавилъ Гогель, — а теперь прочтите предложеніе великаго князя, которое Иванъ Степановичъ самъ выписалъ!»

Въ этомъ предложеніи, которое начиналось по подсвобкѣ: «По доносу подполковника Жиркевича», и проч. «Я въ подробности выикнулъ въ дѣло и нашелъ: во 1-хъ, что Жиркевичъ поступилъ весьма неосмотрительно и даже неосторожно, дѣлая свои натяжные по дѣламъ сужденія, какъ показано по прилагаемой выпискѣ. Во 2-хъ, рапортъ къ вице-директору написанъ въ неприличныхъ выраженіяхъ, — но, съ другой стороны, я нахожу, что Жиркевичъ былъ вынужденъ нѣкоторымъ образомъ на такой поступокъ, ибо, вопреки всѣхъ законовъ, его не допускали въ общее присутствіе и засѣданіе съ другими членами департамента и тѣмъ лишали его средствъ дѣлать справедливыя возраженія въ закон-

номъ порядкѣ, въ чемъ я даже вижу умыселъ, а потому предлагаю: Жиркевичу, въ общемъ присутствіи, объявить мою резолюцію, по каждому предмету въ выпискѣ изложенную, и вице-директору Гогелю дѣлаю за всѣ безпорядки строжайшій выговоръ и что одна его прежняя и долговременная служба изъмлетъ его отъ дальнѣйшаго строжайшаго взысканія. Жиркевичъ съ симъ вмѣстѣ назначается, по его собственному желанію, въ Московское артиллерійское депо».

Въ выпискѣ же было написано въ слѣдующемъ порядкѣ: въ одной графѣ «Жиркевичъ показывается», во второй графѣ «Гогель объясняетъ», въ третьей «Жиркевичу за незнаніе дѣла и за видимую натажеу сдѣлать выговоръ, но дѣло привести къ тому концу, какъ онъ предполагаетъ» (?). Когда все это прочли, я спокойно попросилъ позволеніе самому прочесть, чтѣ противъ меня сказалъ Гогель, ибо я хорошо не разслышалъ. Когда я удовлетворилъ свое любопытство, то я всю эту комедію окончилъ словами: «Благодарю ваше пр-во за одно только добро, которое вы въ два года для меня волею или неволею сдѣлали. Вашихъ замѣчаній не опровергаю и опровергать не стану, ибо почитаю себя счастливымъ, что все оканчивается давнишнимъ моимъ желаніемъ выйти изъ департамента, а еще болѣе, что постороннія лица, замѣшанные по сему дѣлу, благодаря Бога, не пострадаютъ отъ меня, ибо зла никому не желаю» — и съ тѣмъ, раскланявшись, вышелъ.

Не знаю, долго ли продолжалось торжество Гогеля, ибо на встрѣчу мнѣ внесли въ присутствіе департамента о смѣнѣ Гогеля; состоявшейся того же самаго числа. Это, кажется, онъ тоже самъ себя выпросилъ!

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ ИВАНА СТЕПАНОВИЧА ЖИРКЕВИЧА

1789 — 1848.

XVIII ¹⁾.

Отъездъ въ Москву.—Замаранный формуляръ.—Просьба объ отдачи подъ судъ.— Командировка въ Шостенскій заводъ. — Совершенное оправданіе.—Вторичное поступленіе въ департаментъ.

1826—1827.

Чистый совѣстью, спокойный духомъ, я полагалъ, что всѣ мои расчеты съ департаментомъ кончены, ожидалъ только отправленія своего въ Москву и пересталъ посѣщать департаментъ. Не знаю причины, но только цѣлый апрѣль мѣсяцъ не было ни слова о моемъ отправленіи. По воскреснымъ днямъ, сначала, являлся я во дворецъ великаго князя, но усмотрѣвъ, что тѣ самыя лица, которыя прежде принимали во мнѣ столь сильное участіе, стали избѣгать со мною разговоровъ и даже видимо охладѣли ко мнѣ, я уѣхалъ дома. Кромѣ прогулокъ, никуда не показывался. Наконецъ, въ первыхъ числахъ мая, я получилъ предписаніе отправиться въ мѣсту назначенія. Въ Москву я прибылъ 24-го іюля, а 25-го числа, въ день рожденія государя, являлся въ великому князю, находившемуся тамъ по случаю предстоящей коронаціи.

26-го іюня въ первый разъ явился я въ депо. На другой день, съ умысломъ или не нарочно, положены были на столъ бумаги

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 627—648; т. XVII, стр. 127—144.

изъ департамента о моемъ перемѣщеніи. Безъ цѣли взглянулъ я на нихъ и что же увидѣлъ въ полному моему изумленію? Гогель въ формулярномъ моемъ спискѣ отмѣтилъ: «что онъ не можетъ аттестовать меня достойнымъ къ повышенію чина, а почему—можно видѣть изъ прилагаемаго въ семъ же предложенія великаго князя» (предложенія, гдѣ мнѣ сдѣлано 10 выговоровъ, а ему, Гогелю, сдѣланъ строжайшій выговоръ). По кондуктному же списку, написалъ въ отмѣткахъ: «дѣятеленъ безъ усердія—сварливъ».

Поблѣднѣвъ какъ полотно, побѣждалъ я во дворецъ великаго князя и найдя тамъ адъютанта его Бибикова, служившаго тоже со мной въ гвардіи, просилъ его доложить обо мнѣ его высочеству. Бибиковъ, изумясь моего встревоженнаго вида, съ дружескимъ участіемъ спросилъ меня о причинѣ и успокоилъ меня нѣсколько, совѣтуя не являться къ великому князю въ такомъ разстроенномъ духѣ—и взялся передать письмо мое и на словахъ объяснить мое дѣло. При разсказѣ моемъ, что меня такъ взволновало, у Бибикова не одинъ разъ вырывались восклицанія: «п.....ть! месть!» обо мнѣ же и говорить нечего....

Возвратясь домой, написалъ я письмо къ его высочеству, гдѣ, объяснилъ, что служба моя по департаменту, по несчастнымъ для меня обстоятельствамъ, вмѣсто ожидаемаго поощренія, безвинно подвела меня подъ гнѣвъ его. Видя, что дѣло мое окончено исполненіемъ просьбы моей — переводомъ въ Москву, я не рѣшился бы никогда беспокоить его высочество новымъ пересмотромъ моего дѣла, если-бы не месть и не злоба Гогеля, который и здѣсь меня преслѣдуетъ. Но чувствуя себя совершенно правымъ, я прошу его предать меня суду, хотя мнѣ и сдѣлано 10 выговоровъ, и поступить со мной, не ослабляя ничего! Окончилъ письмо словами: «прошу не награды, жду не милости, а требую строгаго правосудія».

Когда я прочелъ это письмо свояку своему Озерову, онъ испугался и со слезами просилъ меня смягчить выраженія. Бибиковъ-же, напротивъ, прочитавъ со вниманіемъ, сказалъ: «Славно! Такъ пишутъ только честные люди! Давай—отнесу!» Три дня сряду являлся я къ Бибикову, чтобы узнать какой результатъ и всякій разъ получалъ отвѣтъ: «письмо распечатано и лежитъ на столѣ у великаго князя; замѣтно, что онъ его нѣсколько разъ пе-

речитывалъ, но ни слова объ васъ!» Наконецъ, на четвертый день, я получилъ повѣстку отъ Перрена—явиться къ нему, и онъ объявилъ мнѣ рѣшеніе: «что его высочество съ особеннымъ вниманіемъ, нѣсколько разъ, изволилъ читать письмо мое и приложенную къ нему записку; что я самъ накликаю на себя правосудіе и онъ сегодня же предписалъ новому директору департамента, собравъ всѣ бумаги, относящіяся къ моему дѣлу, лично разсмотрѣть ихъ, и теперь все будетъ зависѣть отъ N. N. Но если и онъ найдетъ меня виноватымъ, то чтобы я не пенялъ на великаго князя—самъ напросился!» Я просилъ Перрена поблагодарить и за сію милость его высочество.

Черезъ два дня получено въ депо предписаніе изъ департамента отправить меня немедленно на Шостенскій пороховой заводъ, въ помощь генералъ-маіору Богуславскому, для повѣрки силы пороха. Коммисія ничтожная, но цѣль видимая—удалить меня изъ Москвы, пока его высочество тамъ будетъ! Уѣхавъ въ іюнѣ, я вернулся назадъ въ ноябрѣ.

Новаго директора артиллерійскаго департамента я вовсе не зналъ; со всѣмъ тѣмъ рѣшился, въ сентябрѣ, изъ Шостенскаго завода, написать къ нему нѣсколько строкъ и намекнуть ему о справедливости. Въ Москву я возвратился 6-го ноября, а 9-го, наканунѣ смерти своего моего Озерова, имѣлъ еще удовольствіе прочесть ему письмо директора, въ которомъ онъ мнѣ писалъ «что, разсматривая мои дѣла, онъ нашелъ, что я на прежнемъ моемъ мѣстѣ дѣйствовалъ не только какъ чиновникъ со способностями, дѣятельно и усердно, но даже, и въ отношеніи личныхъ враговъ моихъ, какъ человекъ честный и благородный — щадилъ ихъ. А потому, не зная меня лично, но уважая мои правила, не спрашивая моего согласія, онъ рѣшился покороче со мной познакомиться и представилъ о назначеніи меня къ нему чиновникомъ по особымъ порученіямъ. Что это зависитъ совершенно отъ меня принять это мѣсто или отказаться. Въ послѣднемъ случаѣ, хотя я и получу предписаніе о новомъ назначеніи, но чтобы я не трогался съ мѣста, а написалъ-бы ему откровенно—почему не желаю и куда именно хочу самъ, и тогда онъ будетъ хлопотать за меня».

Конецъ письма меня однако озадачилъ: «Вы были на Шостенскомъ заводѣ и, вѣроятно, многое узнали тамъ...

Напишите мнѣ подъ рукою и секретно, что тамъ дѣлается? а письмо это сожгите!...» При письмѣ приложено предписаніе великаго князя уничтожить аттестацію Гогеля и сдѣланные мнѣ выговоры. Подумавъ и посовѣтовавшись дома, я отвѣчалъ директору, что первое предложеніе его я принимаю съ благодарностью, но прошу пособія для выѣзда, а о сдѣланномъ мнѣ вопросѣ откровенно сознался, что онъ удивилъ меня, ибо если онъ, NN, дѣйствительно считаетъ меня за благороднаго человека, то могъ бы обо всемъ, что онъ желаетъ, спросить меня офиціально. Къ секретамъ же я неспособенъ и потому не ошибали это въ его мнѣніи обо мнѣ,—тогда лучше вовсе и не брать меня.

Въ отвѣтъ я получилъ предписаніе ѣхать въ Петербургъ и 600 р. на подъемъ. Письмо директора я сжегъ.

По приѣздѣ моемъ въ Петербургъ, первый мой выходъ изъ дома былъ къ своему начальнику, чтобы поблагодарить за оказанную справедливость въ моемъ дѣлѣ. При этомъ свиданіи я имѣлъ съ нимъ довольно долгій разговоръ, гдѣ объяснилъ ему свои правила, а равно и свой образъ мыслей, и онъ просилъ у меня извиненія, что безъ умысла огорчилъ меня своимъ вопросомъ, дружески обнялъ меня и затѣмъ, пригласивъ меня съ собой, повезъ въ своей каретѣ на первое свиданіе въ департаментъ, восхищаясь мыслью какъ меня тамъ встрѣтятъ. Я же, чего и ожидалъ, нашелъ тамъ всѣхъ себѣ друзьями: Воронина, Горева и Фатьянова, а прочихъ же и подавно.

Скоро выбылъ въ отставку Перренъ, такъ какъ канцелярія фельдцейхмейстера замѣнена была особымъ штабомъ, коего начальникомъ назначенъ Засядко, а дежурнымъ штабъ-офицеромъ Жуковскій, ревизовавшій департаментъ и временно исправлявшій должность начальника штаба.

По вторичномъ прибытіи моемъ въ артиллерійскій департаментъ, когда явился я къ директору и онъ повезъ меня въ департаментъ, обратился ко мнѣ съ распросами на счетъ бывшихъ моихъ товарищей, членовъ присутствія, и просилъ меня, по секрету, рассказать и впередъ говорилъ бы ему что знаю, или что узнаю о нихъ. Я повторилъ ему мой отзывъ, что офиціально можетъ требовать всего и услышитъ всегда полную и совершенную истину, но если онъ намѣренъ употреблять меня какъ шпиона, то, судя по его же выраженіямъ, изложеннымъ въ его письмѣ, онъ долженъ видѣть,

что я къ тому вовсе неспособенъ и лучше въ началѣ меня отпустить, нежели въ послѣдствіи испытывать безуспѣшно меня.

Въ департаментѣ порученъ былъ мнѣ поверхностный надзоръ за 1-мъ отдѣленіемъ, которымъ управлялъ подполковникъ фонъ - Болъ, аккуратный, но весьма непроторный и мнительный нѣмецъ. Главныя же занятія мои заключались въ собраніи полныхъ и точныхъ свѣдѣній о числѣ орудій и годныхъ лафетовъ по крѣпостямъ.

Когда я явился для представленія къ великому князю Михаилу Павловичу, при этомъ находился кн. Яшвиль и его высочество, обратясь къ нему, сказалъ: «думали совсѣмъ съѣсть его, а онъ опять съ нами!»

Въ апрѣлѣ 1827 года возложено было на меня порученіе: ѣхать прежде въ Кременчугъ осмотрѣть вновь строящіеся тамъ для южныхъ крѣпостей лафеты, а оттуда въ Одессу для покупки 4 тыс. пудовъ сѣры и сколько можно англійскаго свинцу и красокъ для лафетовъ, затѣмъ, въ Херсонъ—осмотрѣть арсеналъ и представить обо всемъ, что найду, подробныя свѣдѣнія.

Постройкою лафетовъ въ Кременчугѣ завѣдывалъ подполковникъ Титковъ, бывшій фельдфебелемъ въ гвардейской артиллеріи, когда я еще тамъ служилъ, и потому мнѣ знакомый.

Кременчугъ былъ выбранъ пунктомъ заготовленія лафетовъ потому, что сюда совершенно за безцѣнокъ сплавляютъ лѣса внизъ по Днѣпру, а отсюда уже нагружаютъ на баржи и идутъ далѣе, до Херсона, а затѣмъ на судахъ, моремъ, въ Одессу и въ Севастополь. Эта перевозка обходилась весьма дорого, такъ, что бревно, стоящее въ Кременчугѣ 5 р., въ Одессѣ уже стоило 25 р., а въ Севастополѣ 30 р. Бревна покупались Титковымъ прямо съ плотовъ, просушивались искусственнымъ образомъ въ самое короткое время, вслѣдствіе чего подготовленные части, еще на мѣстѣ, уже давали трещины. Чего же должно было ожидать по перевозкѣ ихъ въ Севастополь, чрезъ степь и въ самое знойное лѣто? При всей своей заботливости и расчетливости, Титковъ всетаки едва не отданъ былъ подъ судъ, и какъ раздѣлялся окончательно—не знаю...

На закупку сѣры, свинца и красокъ въ Одессѣ со мной была отпущена сумма до 8 тысячъ руб. По справкамъ, взятымъ изъ департамента, сѣра, съ доставкой изъ Одессы на Шостенскій заводъ, обходилась отъ 8 р. 50 к. до 12 р. 50 к. съ пуда и съ

упадкомъ до $\frac{1}{4}$ части при сдачѣ ея на заводѣ. Англійскій же свинецъ покупался по 16 р. и до 18 р. 50 к. за пудъ. Не бывъ никогда хозяиномъ и закупщикомъ никакихъ предметовъ, брѣпко боялся я попасть въ просакъ и бѣду и, по прибытіи въ Одессу, прежде всего я принялся секретно разузнавать сущность дѣла и нашелъ, что сѣра на мѣстѣ никогда не продавалась дороже 4 р. за пудъ; свинецъ испанскій 6 р., а англійскій 6 р. 10 к. и 6 р. 20 к. за пудъ. Въ складахъ имѣлось свинца испанскаго до 15 тыс. пуд., а англійскаго только до 3 тыс. пуд. За послѣдній запрошена была цѣна 11 р. съ пуда, а за испанскій только по 6 р. За сѣруевреи просили по 3 р. за пудъ. Видя такую разницу въ цѣнахъ англійскаго отъ испанскаго свинца, я, при осмотрѣ того и другаго, на всѣхъ испанскихъ болванкахъ увидѣлъ клеймо: «Лондонъ». Тогда я рѣшился испробовать тотъ и другой и нашелъ, что испанскій даетъ самую незначительную часть утраты при переливѣ и нѣсколько хрупче англійскаго. Я рѣшился предварительно обо всемъ донести директору и послалъ къ нему образчики свинца чрезъ почту; сѣру на почтѣ не приняли. Въмѣсто ожидаемой благодарности, я получилъ замѣчаніе, чтобы я остерегался покупать сѣру, ибо сомнительно чтобы она была годная — по цѣнѣ ея, а свинца, кромѣ англійскаго, не смѣлъ другаго покупать, ибо таковой только всегда приобрѣтался департаментомъ.

На замѣчаніе мое, изложенное въ донесеніи моемъ директору, что евреи, покупающіе сѣру для Бердичева, укладываютъ ее въ холщевые мѣшки, а не въ бочки, что для возки несравненно вмѣстительнѣе и легче, ибо слагается лишній вѣсъ дерева, мнѣ было замѣчено, что сѣра всегда возилась въ бочкахъ и что бочки должны быть непремѣнно запечатаны. По всѣмъ этимъ замѣчаніямъ, я тотчасъ увидѣлъ, что г. Воронинъ—до тонкости знаетъ все дѣло. Я купилъ сѣру съ доставкой на заводъ по 4 р. 10 к. за пудъ и она тамъ оказалась съ барышомъ, такъ какъ на мѣстѣ она дала упадку только $\frac{1}{8}$ часть. Англійскаго свинца куплено около 3 тыс. пуд. съ доставкой по 9 р. 50 к., а испанскаго (съ клеймомъ «Лондонъ») сторговался по 5 р. за пудъ.

Окончивъ эти дѣла, я ожидалъ, что за нихъ меня потребуютъ въ Петербургъ, но получилъ отъ директора частное письмо, на-

полненное едва ли не любовными выраженіями и приказаніе немедленно ѣхать въ Петербургъ чрезъ Херсонъ.

Отъ многихъ одесскихъ купцовъ, слышалъ я весьма не лестные отзывы для моихъ предшественниковъ: мнѣ объявили, что они во мнѣ нашли «феномень», какового и не подозревали найти въ Россіи, т. е., что я предоставленный ими мнѣ процентъ съ товару просилъ зачесть уступкою цѣны, въ пользу казны, а чумаки, отвозившіе сѣру и свинецъ, за расчетъ и данные каждому ярлыки съ расчетомъ, въ буквальный смыслъ, разцѣловали мнѣ ноги...

Сверхъ сихъ порученій, предписано мнѣ было осмотрѣть въ Одессѣ заготовленные лѣса для починки старыхъ и постройки нѣкотораго количества новыхъ лафетовъ, а также и самыя лафеты, на поправку которыхъ по смѣтѣ предполагалось до 7 тыс. руб. Лѣсовъ я вовсе не нашелъ, и изъ числа 300 лафетовъ, для коихъ требовались дубовыя новыя оси, нашелъ только 2 оси (!) съ изъяномъ, а прочія всѣ отлично крѣпкія. Дубовыя бревна для осей продавались по 35 р. за бревно. Въ продолженіи 3-хъ недѣль не было подвозу лѣсу, въ которомъ ощущался сильный недостатокъ, то будучи самъ на пристани, осматривая лежащій тамъ лѣсъ, замѣтилъ, что лежащіе тамъ дубовыя обрубки въ 2¹/₂ и 3 арш. длины—подходящая мѣра для осей и такой же толщины какъ бревна—могутъ съ успѣхомъ и пользою для казны замѣнить самыя бревна. Бревна длиною 3 саж., какъ я выше сказалъ, стоили до 35 р. штука, а каждый обрубокъ въ 2¹/₂ арш. отъ 2-хъ до 3-хъ р., слѣдовательно, пользы имѣлось отъ каждаго бревна слишкомъ 25 р. и, во вторыхъ, въ обрубкахъ была та выгода, что если гдѣ имѣлась порча, то могла быть видна тотчасъ съ концовъ, а въ бревнѣ могла оказываться и въ срединѣ, почему дерево неминуемо должно было идти въ бракъ. Вслѣдствіе сихъ обстоятельствъ, я разъяснилъ директору рапортомъ мои предположенія, избѣгая всего что могло навлекать бѣды на начальника крѣпостнаго штата, а въ частномъ письмѣ, со всей откровенностью, описалъ все остальное.

Здѣсь приведу кстати одинъ случай по сему поводу.—Полковникъ Облеуховъ, начальникъ крѣпостнаго штата, испугавшись открытаго мною недостатка и обмана, припелъ ко мнѣ съ выговоромъ—«что я хочу его погубить, не взирая на большое семей-

ство, состоящее изъ трехъ дочерей (красавицъ) и уничтожить всю прежнюю его службу-; на отзывъ мой, что я сдѣлаю все, что уважаетъ мнѣ моя совѣсть, онъ бросился къ начальнику таможеннаго округа, знакомому мнѣ князю Трубецкому, искать его заступничества, а тотъ прибѣжалъ ко мнѣ съ просьбой о бѣдномъ. Въ ту самую минуту, когда онъ взошелъ ко мнѣ, я собирался запечатывать донесеніе и письмо мое къ директору, то, не говоря ему ни слова, далъ ихъ прочесть князю и предложилъ ему, если онъ желаетъ, то можетъ ихъ свезти и показать Облеухову, для его успокоенія. Черезъ часъ послѣ его отъѣзда, растворяется дверь и Облеуховъ—бухъ на колѣни. Я обомлѣлъ отъ удивленія и конфуза!..... Починка лафетовъ вмѣсто 7 тыс. руб. обошлась въ 300 р. и Облеуховъ въ слѣдующемъ году получилъ св. Владимира 3-й степени; о наградѣ мнѣ сказано будетъ ниже.

Насталъ разрывъ съ Турціею. — Графъ Дибичъ потребовалъ отъ директора записки объ общемъ положеніи артиллерійскихъ частей, по крѣпостямъ южнаго края и Чернаго моря. Записка требовалась въ 24 часа. Еще во время управленія 1-мъ отдѣленіемъ, я предвидѣлъ возможность подобнаго требованія и для сего содержалъ потребные къ тому свѣдѣнія въ такомъ порядкѣ, что въ нѣсколько часовъ могъ дать полный отчетъ, слѣдовательно, записка постѣла бы къ сроку. Означеннымъ округомъ, послѣ смерти подполковника Сигизмунда, командовалъ генералъ-маіоръ Брамъ—добрый, благороднѣйшій, но вовсе неспособный ни къ чему чловѣкъ, и какъ только объявленъ былъ разрывъ, то вмѣсто Брамма отправленъ былъ изъ Кіева для управленія крѣпостями того края ген.-маіоръ Дидрихсъ и, не болѣе какъ за два дня до предписанія Дибича, получено было отъ Дидрихса описательное представленіе на счетъ положенія запасовъ и лафетовъ по всѣмъ крѣпостямъ, на которыя, въ свой проѣздъ, онъ взглянулъ на лету. Само по себѣ разумѣется, что донесеніе его не могло согласоваться во многомъ съ моею запиской и это заставило Н. Н. тотчасъ усумниться на счетъ вѣрности моихъ соображеній и онъ, тайкомъ отъ меня, поручилъ вовсе несвѣдущему столоначальнику, по донесенію Дидрихса, справясь однакоже съ департаментскими свѣдѣніями, исправить мою записку. Эта операція продолжалась болѣе 3-хъ недѣль, а между тѣмъ каждая почта приносила къ директору дополнительные донесенія къ исправленію первыхъ, и моя

записка все болѣе и болѣе подтверждалась, такъ что чрезъ 3 недѣли она пошла въ первоначальномъ видѣ. Не знаю, остался ли Дибичъ благодарнымъ за ожиданіе. Здѣсь встати разскажу, какъ у насъ вообще все скоро дѣлалось чрезъ переписку.

Начальникъ южнаго округа генералъ-лейтенантъ Сиверсъ, тоже изъ опасенія разрыва, просилъ разрѣшенія о снабженіи разоруженныхъ береговъ Тамани и Фанагоріи, по примѣру прежнихъ турецкихъ войнъ. Департаментъ потребовалъ свѣдѣній отъ Оппермана, директора инженернаго департамента, — что нужно туда? Тотъ сослался на Грейга, которому въ 1815 или 1816 г. высочайше подчиненъ былъ комитетъ въ Севастополѣ о укрѣпленіи береговъ. Грейгъ отозвался, что онъ ничего не знаетъ, такъ какъ это дѣло относится собственно до инженернаго департамента, а онъ располагаетъ только берегами въ Севастополѣ! Переписка длилась и длилась, Тамань и Фанагорія во всю войну такъ и остались не вооруженными: счастье наше, что имѣли дѣло съ турками и хранились Божьимъ Промысломъ.

Въ послѣднихъ числахъ февраля 1828 года, я былъ командированъ вторично въ Одессу для закупки сѣры и открытія цѣнъ на свинецъ и на сей разъ отпущено мнѣ было 50,000 р. и, сверхъ того, предписано прежде ѣхать въ Каменецъ-Подольскъ, гдѣ производилась отправка разныхъ тяжестей въ Измаилъ. Этому новому порученію чрезвычайно обрадовались бывшіе мои товарищи, члены департамента, говоря, что въ прошломъ году, въ мирное время, на цѣнахъ удалось мнѣ выставить свое усердіе, каково-то будетъ теперь — когда открылась война! Прислушиваясь къ этимъ толкамъ, директоръ департамента предписалъ мнѣ, если цѣны будутъ высоки въ Одессѣ, ѣхать до Таганрога и гдѣ будетъ выгода, тамъ и произвести покупку. На словахъ разрѣшено мнѣ сѣру отправлять въ мѣшкахъ, а свинецъ дозволено купить испанскій.

Во время пути, на станціи Боровичи ожидали проѣзда государя. Его величество изволилъ прибыть на станцію, вмѣстѣ съ принцемъ Оранскимъ ¹⁾, часу въ 11-мъ утра, и оба вышли изъ коляски полусонные. За четверть часа до ихъ прибытія, пріѣхалъ

¹⁾ Вильгельмъ-Фридрихъ-Людвигъ, принцъ Оранскій, старшій сынъ Вильгельма I, короля нидерландскаго, род. въ 1792 г.

одинъ изъ генералъ-адъютантовъ. Увидя, что нѣсколько чело-
вѣкъ ожидаютъ прибытія государя съ прошеніями, приказалъ
всѣмъ удалиться отъ подъѣзда, говоря, «что грѣхъ, на каждомъ
шагу, безпокоить государя и безъ того уже озабоченнаго!» но
я, какъ не проситель, остался на крыльцѣ. Государь, выйдя изъ
коляски, подошелъ ко мнѣ, удостоивъ вопросомъ «кто я? Куда
ѣду и зачѣмъ?» и сказавъ: «Я знаю васъ!» вошелъ въ покои.
Черезъ полчаса пріѣхалъ графъ Бенкендорфъ съ генераломъ
свиты принца Оранскаго, и, найдя меня, все еще стоявшаго на
крыльцѣ, спросилъ: «давно пріѣхалъ государь? и не подавалъ-ли
кто нибудь прошеній?» Я ему отвѣчалъ, что государь пріѣхалъ
съ полчаса, а прошеній никто не подавалъ, ибо всѣхъ проси-
телей заблаговременно удалилъ N. N. — «Напрасно! Какъ это
можно дѣлать! Государь такъ милостивъ ко всякому, что не тяго-
тится принимать прошенія никогда. Прошу васъ, соберите тѣхъ,
которые хотѣли подавать государю, я сейчасъ выйду и доложу
объ нихъ!»

За симъ, пробывъ съ четверть часа въ комнатахъ, возвратился
къ просителямъ, которымъ я успѣлъ передать слова графа, рас-
просилъ каждого о предметѣ его прошенія, челоувѣкъ двухъ убѣ-
дилъ не затруднять государя, ибо ихъ просьбы были такого рода,
что подлежали разбору присутственныхъ мѣстъ и не перешли
еще апелляціонныхъ своихъ инстанцій, но и тутъ присовокупилъ:
«Я вамъ совѣтую это, но дѣлайте какъ знаете!» и затѣмъ по-
шелъ докладывать.

Государь въ ту же почти минуту вышелъ на крыльцо, въ
сопровожденіи графа Бенкендорфа, принялъ благосклонно отъ
каждого прошеніе и каждого удостоилъ словомъ. Позади всѣхъ
просителей находился исправникъ, отставной маіоръ въ егер-
скомъ мундирѣ, мужчина вершковъ 12-ти росту. Когда подѣхалъ
N. N., онъ не думалъ подавать просьбы, по крайней мѣрѣ,
не видно было у него въ рукахъ никакой бумаги; но слыша мой
разговоръ съ графомъ Бенкендорфомъ, онъ пошелъ въ комнату
смотрителя и тамъ, на листѣ почтовой бумаги, написалъ нѣ-
сколько строкъ—и, въ свою очередь, подалъ прошеніе государю
при послужномъ своемъ спискѣ. Списокъ былъ написанъ на трехъ
листахъ. Государь принялъ записку и съ глубокимъ вниманіемъ

сталъ читать списокъ, что продолжалось минутъ съ 10, потомъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— «Знаешь, чего просить? — Ему мало 11-ти ранъ — хочеть непременно получить двѣнадцатую!» Затѣмъ, обратясь къ маіору, прибавилъ: «Вы приняты, милостивый государь».

Надо знать, что съ открытіемъ кампаніи противъ турокъ, столько подано было просьбъ—о принятіи на службу въ дѣйствующую армію, что послѣдовало запрещеніе о принятіи таковыхъ далѣе, а маіоръ вздумалъ попытаться лично просить государя о томъ-же. Отобѣдавъ у смотрителя станціи, государь отбылъ далѣе къ Могилеву.

Въ Каменецъ-Подольскѣ я открылъ секретъ дороговизны перевозки снарядовъ и вообще всѣхъ тяжестей за Днѣстръ. По домогательству окружнаго начальника Сигизмунда, торги на всѣ перевозки производились въ Каменцѣ, а подводы заготовлялись всегда въ Хотинѣ, за 25 верстъ отъ мѣста торговъ. Карантинъ не допускалъ съ той стороны къ торгамъ никого, а упрочившіеся подрядчики отбивали всѣми средствами мѣстныхъ торговцевъ, т. е. огромностью своихъ залоговъ, а гдѣ нужно—отступною платою, удерживали цѣны отъ Каменца до Измаила съ пуда по 4, 5 и 6-ти руб., сообразно чего и залогъ требовался въ такомъ размѣрѣ, слѣдовательно, мелкіе торговцы по неволѣ устранились. Но когда явился ко мнѣ одинъ еврей и противу 4 р. 50 к.—цѣна, оставшаяся на торгахъ,—спросилъ 2 р. 50 к., то, не взирая на все домогательство присутствующихъ въ палатѣ и главныхъ подрядчиковъ, оспаривавшихъ малый залогъ сего торговца, я настоялъ о допущеніи его къ торгу и цѣна упала до 2 р. 40 к. съ пуда и хотя эта поставка осталась за главнымъ подрядчикомъ, но мелкому, какъ видно, была заплачена отступная сумма. Это заставило меня добратся до настоящей причины такого значительнаго пониженія и я узналъ, что тяжести довозятся до Хотина на мѣстныхъ подводахъ, съ платою отъ 8-ми до 10-ти коп. съ пуда, затѣмъ нагружаются на суда для перевозки на другой берегъ и тамъ уже переключиваютъ на воловья подводы съ платою отъ 30 до 40 к. съ перегрузкою, такъ что вся доставка до Измаила стоила не болѣе 50 к. Вотъ какъ грабили казну!...

Въ Одессу я пріѣхалъ 24-го іюня. Для исполненія коммисіи своей, прежде всего обратился къ Ризничу, продавшему мнѣ въ

первый разъ сѣру. Безъ дальнѣйшихъ запросовъ, онъ предложилъ мнѣ, не взирая на военное время, отдать свой товаръ за прежнюю цѣну и на тѣхъ же условіяхъ, т. е., если возьму все, то по 2, а если известное количество, — то по 2 р. 90 к. за пудъ. Мнѣ же приказано было купить только 5 т. пудовъ. Чумаки явились ко мнѣ сами и на этотъ разъ сѣра, съ доставкой на заводъ, обошлась казнѣ 3 р. 90 к. пудъ. О свинцѣ же онъ, Ризничъ, совѣтовалъ мнѣ не обращаться отъ себя прямо къ продавцамъ, ибо цѣна, до прибытія моего объявленная по преисъ-куранту 6 р., тотчасъ возвысилась до 7 р. 50 к., какъ только узнали о моемъ прибытіи, а потому Ризничъ ручался, что если я уѣду не показавши виду, что покупаю свинецъ, то онъ беретъ все количество купить для казны за 6 р., и, пожалуй, еще 50 коп. дешевле за пудъ; но требовалъ, чтобы этого никто бы не зналъ въ Одессѣ, кромѣ насъ двухъ. Обстоятельство это я почелъ долгомъ сообщить директору департамента, предложивъ мой совѣтъ снести секретно съ Ризничемъ чрезъ графа Воронцова, а самъ поспѣшилъ выѣхать. Но въ день, предназначенный къ выѣзду, къ удивленію моему, получаю отъ генерала секретное предписаніе, окончивъ дѣла въ Одессѣ, заѣхать въ Кинбурнъ и тамъ, подъ рукою, узнать — по какимъ цѣнамъ куплено начальникомъ крѣпостнаго штата нѣсколько бревенъ (бу-квально), ибо цѣны слишкомъ высоки, и если дознано будетъ, что за нихъ заплачено дешевле, тогда только произвести формальное слѣдствіе.

Я уже нѣсколько разъ повторялъ, какъ для меня были всегда несносны подобныя порученія, а потому я рѣшился, не исполняя настоящаго, ѣхать прямо въ Петербургъ, и это было поводомъ гнѣва на меня директора, который, получа отзывъ мой до моего возвращенія, велѣлъ написать ко мнѣ строгое вторичное предписаніе, съ угрозою объ исполненіи перваго, а нарочно — вернуть меня съ дороги. Но послѣ, вѣроятно, опомнясь, приказалъ курьеру, если и встрѣтитъ меня, не показывая вида, что есть ко мнѣ предписаніе, вернуться объявить, что разѣхался со мной. Курьера я встрѣтилъ около Великихъ Лукъ. Свинца куплено 5 т. пуд. по 10 р. пудъ не чрезъ Воронцова и Ризнича, а чрезъ начальника одесской артиллеріи, Гриневича.

Чрезъ 3 дня послѣ послѣдняго возвращенія моего изъ Одессы, принесли ко мнѣ предписаніе, подорожную и 2 т. р. денегъ на

прогоны—и въ предписаніи сказано «чтобы я сейчасъ же отправлялся!» Настоящее порученіе основано было на полной довѣренности ко мнѣ и хотя предписаніе было отъ директора, но на каждой страницѣ повторялось: «что сіе дѣлается по волѣ товарища начальника штаба графа Чернышева, которому прямо обо всемъ доносить и по возвращеніи къ нему тотчасъ явиться». Поручалось же мнѣ обозрѣть запасы артиллерійскіе въ Кіевѣ, въ Каменцѣ, въ Тирасполѣ и въ Измаилѣ. Во всѣхъ сихъ мѣстахъ повѣрить сдѣланные департаментомъ распоряженія въ ихъ исполненіи, и такъ какъ могло случиться, что нѣкоторые распоряженія послѣдовали не по точному направленію, основанному всегда на донесеніяхъ мѣстныхъ начальниковъ, то мнѣ дозволялось, по усмотрѣнію, измѣнить оныя именемъ графа Чернышева, донося лишь о томъ ему, чрезъ эстафету. Сверхъ того, кіевскій военный губернаторъ Желтухинъ жаловался Чернышеву на состояващаго при великомъ князѣ генераль-маіора Арнольди, что онъ сильно прижимаетъ при приѣмѣ изъ гражданскаго вѣдомства воловъ подъ осадную артиллерію. На этомъ донесеніи написано было рукой графа: «разобрать полковнику Жиркевичу, когда будетъ въ Кіевѣ». Однимъ словомъ, порученіе важное и лестное для меня....

Приѣхавши въ Кіевъ, прежде всего почелъ долгомъ явиться къ Желтухину и къ Арнольди, въ самомъ пылу ихъ враждебнаго другъ къ другу расположенія, а потомъ къ завѣдовавшему округомъ генераль-маіору Потапову. Повѣряя въ Кіевѣ сдѣланныя департаментомъ распоряженія, нашелъ, что во всемъ дѣйствовала чистая справедливость и истинное усердіе. Только въ приготовленіи патроновъ для арміи, коихъ приказано было приготовить до 8 милліоновъ, работа шла медленно. Артиллерійское начальство въ семъ отношеніи находилось въ полной зависимости отъ армейскаго; рабочіе присылались каждый день перемѣнные, приходили поздно, обѣдать ходили на дальнія квартиры и всѣ работы оканчивали рано, такъ что въ день выдѣлывалось не болѣе какъ отъ 14 т. до 18 т. патроновъ. Употребя предоставленное мнѣ право Чернышевымъ — дѣйствовать его именемъ, эту часть я повернулъ какъ слѣдуетъ. Назначили постоянную команду, которая и ночевала въ крѣпости, пищу начали варить тамъ же, слѣдовательно, въ нѣсколько дней люди съ этой работой

свыклись, пошло успѣшнѣе, на работу выходили рано, оканчивали позднѣе, такъ что работа учетверилась, начали выдѣлывать до 60 т., потомъ до 80 т. и даже дошло до 100 т. патроновъ въ сутки.

По прїѣздѣ въ Кіевъ, я, не теряя минуты, отправился въ Печерскую лавру и потомъ посѣтилъ пещеры. Не смотря на самое искреннее благоговѣніе къ святости мѣста, обращеніе монаховъ съ мощами св. угодниковъ нѣсколько охладило во мнѣ рвеніе; еще болѣе къ тому способствовало одно необычайное происшествіе, случившееся при мнѣ.

Одинъ монахъ Соловецкаго монастыря, во время поклоненія мощамъ, бритвой отрѣзалъ руку у мощей св. Варфоломѣя и когда послѣдующая партія поклонниковъ, въ которой находился я, настигла партію, гдѣ былъ этотъ монахъ, то онъ, будучи замѣченъ кѣмъ-то въ этомъ святотатствѣ, вынулъ оную часть на кучу навоза, а самъ бросился бѣжать, но его тутъ-же арестовали; это надѣлало большого шума.

Донесеніе губернатору о семъ происшествіи пришло въ то время, когда я у него обѣдалъ, и тутъ стали разсуждать, какъ принять это обстоятельство—силою вѣры и желаніемъ приобрѣсти святыню, или изъ корыстолюбивыхъ цѣлей. Къ несчастію, послѣднее оказалось справедливѣе, ибо въ квартирѣ его было найдено много ящичковъ, съ надписями на каждой частей мощей разныхъ угодниковъ, для чего и хотѣлъ дробить святотатственно отторгнутую часть отъ св. Варфоломѣя. Сообщницей въ этомъ дѣлѣ оказалась одна вдова, подполковница, въ домѣ которой квартировалъ монахъ.

Въ Кіевѣ я пробылъ 2 недѣли, въ Каменцѣ 5 дней, въ Тирасполѣ 2 дня и въ Измаилѣ недѣлю и долженъ отдать полную справедливость, что стараніе мѣстныхъ начальниковъ всюду было истинное.

Правильность дѣйствій мѣстныхъ артиллерійскихъ начальниковъ, не отымая заслуженной похвалы отъ Потапова и Дидрихса, дѣйствовавшихъ всегда добросовѣстно, я отношу къ тому, что главное артиллерійское начальство—великій князь и его начальники штаба—были, такъ сказать, подъ бокомъ — на границѣ Турціи.

Окончивъ разсказъ о моихъ двукратныхъ страданіяхъ по департаменту, коснусь нѣкоторыхъ случаевъ частныхъ за это время и за бытность мою въ Москвѣ, при депо.

XX.

Встрѣча и возобновленіе знакомства съ семействомъ графини Чернышевой.—
Никита Муравьевъ.—Его виды на меня.—Предложеніе графини Чернышевой.—
14-е декабря.

1823—1825 гг.

Скоро по прїѣздѣ моемъ въ Петербургъ, въ 1823 году, я встрѣтилъ въ Сергіевскомъ соборѣ, что на Литейной, графиню Чернышеву съ дочерьми, изъ коихъ вторая была уже замужемъ за Никитой Муравьевымъ, главнымъ изъ участниковъ заговора 14-го декабря 1825 г. Графиня ни за что не хотѣла отпустить меня, посадила съ собой въ карету, заѣхала за женой—и домъ ихъ сдѣлался для насъ, по расположенію, самымъ близкимъ. родственнымъ. Въ недѣлю мы уже обязаны были 3 раза обѣдать, а вечера жена всѣ проводила у нихъ, такъ какъ я, по службѣ своей, это время сидѣлъ въ департаментѣ. Послѣ наводненія въ 1824 г., жена моя во время похоронъ генерала Уварова простудилась и занемогла, графиня почти поселилась у постели больной, ни на минуту не покидая ея, а графъ безпрестанно присылалъ разныя кушанья для укрѣпленія больной, имъ самимъ приготовленныя. Муравьева очень часто прїѣзжала къ намъ, а съ мужемъ ея мы обмѣнялись визитами; весьма замѣтно было, въ началѣ, при частыхъ нашихъ встрѣчахъ въ домѣ Чернышевыхъ, что онъ хотѣлъ со мной сблизиться, но выражаемая мной не разъ преданность графу Аракчееву, о которомъ я всегда судилъ различно, чѣмъ онъ, и защищалъ его намѣренія — удерживала его отъ дальнѣйшихъ попытокъ....

Осенью 1825 года, Чернышевы выѣхали въ деревню и послѣ того я уже видѣлъ бѣдную графиню, убитую несчастіемъ и горемъ—участіемъ въ заговорѣ сына и зятя ея и смертью мужа. Но и тутъ она не покидала меня своимъ участіемъ, уговаривала оставить неблагоприятную службу, идти къ ней управителемъ ея имѣній съ жалованьемъ 10 т. р.

Въ бытность мою на службѣ въ Петербургѣ, умеръ Карлъ Карловичъ Таубе, бывшій мой бригадный командиръ по гвардіи, и, какъ я слышалъ, отъ излишняго своего рвенія къ службѣ—на какомъ-то ученіи онъ такъ кричалъ, сердился, что, возвратясь

домой, у него разлилась желчь и открылась сильная горячка, которая въ 5 дней свела его въ могилу.

Въ 1825 году, по полученіи извѣстія о кончинѣ государя Александра Павловича, мы присягнули Константину Павловичу, но, 13-го декабря утромъ, зашелъ ко мнѣ чиновникъ и по секрету объявилъ, что есть уже манифестъ объ отреченіи Константина и о вступленіи на престолъ Николая Павловича. Но все это онъ передавалъ мнѣ какъ слухъ, а потому я ему приказалъ молчать. 14-го же по утру, пришедши въ департаментъ, нашелъ я собравшихся въ кучкѣ въ большомъ смущеніи и переговаривающихся шепотомъ вице-директора Гогеля и другихъ начальниковъ отдѣленій. По нерасположенію ко мнѣ, съ моимъ появленіемъ всѣ замолчали и всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ, а чрезъ полчаса секретарь принесъ мнѣ прочесть манифестъ и пригласилъ идти вновь присягать въ соборъ. Исполнивъ сей обрядъ, въ 4 часа я возвратился домой обѣдать. Послѣ обѣда жена и сестра ея Варвара Ивановна поѣхали въ баню и возвратившись рассказывали мнѣ, что ихъ чуть-чуть не задавили зарядные ящики, которые неслись по Захарьевской улицѣ ко дворцу. Не подозрѣвая ничего, вечеръ мы провели покойно, но часу въ 12-мъ ночи разбудила насъ сестра Варвара Ивановна и рассказала намъ, что сейчасъ къ ней приходилъ, нанимавшій у насъ 2 комнаты, лѣкарь артиллерійскаго госпиталя англичанинъ Стинъ, который только-что возвратился съ дворцовой площади, гдѣ былъ свидѣтелемъ бунта и дѣйствующимъ лицомъ—перевязывая раны. Поговоривши объ этомъ неожиданномъ для насъ событіи, мы разошлись и благополучно проспали до слѣдующаго утра, а по утру, когда пошелъ въ департаментъ, увидѣлъ особые караулы въ арсеналѣ, а по угламъ улицъ многихъ адъютантовъ и другихъ чиновниковъ, съ смущенными лицами. Въ департаментѣ услышалъ уже рассказъ о возмущеніи 14-го декабря. По выходѣ поѣхалъ на мѣсто побоища, но, кромѣ слѣдовъ разложенныхъ огней, нѣсколькихъ разбитыхъ стеколъ въ сенатѣ и слѣдовъ на стѣнахъ отъ картечныхъ пуль,—ничего болѣе не видалъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ ИВАНА СТЕПАНОВИЧА ЖИРКЕВИЧА

1789 — 1848.

XXI ¹⁾.

Переводъ въ Тульскій оружейный заводъ.—Порядки и управленіе заводомъ.—
Исторія съ негоднымъ желѣзомъ.— Безурядица въ расходъ матеріаловъ.—
Ревизія.— Заводское хозяйство.

1829—1833.

Въ концѣ апрѣля 1829 г. я получилъ мѣсто помощника начальника Тульского оружейнаго завода ²⁾).

Безъ всякихъ способовъ, съ семействомъ, дотащился я кое-какъ до Москвы на долгихъ, а оттуда, въ Тулу пріѣхалъ уже на почтовыхъ. Первой обязанностью счелъ явиться къ командиру завода генераль-маіору Философову и къ инспектору всѣхъ заводовъ генераль-лейтенанту III*. Принять былъ ими—первымъ довольно сухо, а послѣднимъ со словами: «что вамъ вздумалось къ намъ на заводъ? Кажется, у васъ мѣсто было и значительнѣе и виднѣе нежели у насъ!»

Хороша была перспектива будущей моей службы.

Послѣдствія ознакомили меня съ обоими моими начальниками. Философовъ—благороднѣйшей души, хлѣбосоль, не глупый чело-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 627—648; т. XV II, стр. 127—144; 251—266.

²⁾ Эта глава написана, какъ видно изъ поимѣты составителя записокъ, 18-го марта 1843 г.

вѣкъ, но по дѣламъ не хлопотунъ, а болѣе беззаботный — назначеніе свое получилъ на заводѣ единственно по видамъ самого Ш*, т. е. принялъ отъ него заводъ, не заглянувъ даже чтò тамъ есть и чтò тамъ дѣлается. До самого моего прибытія, всѣ подробности заводскаго управленія, до самыхъ мелочей, завѣдывались самимъ Ш*, а Ф* только подписывалъ свое имя на журналахъ и на исходящихъ бумагахъ. Ш* же, принявшій заводъ въ 1816 году отъ предмѣстника своего генерал-маіора Воронова, нашелъ положеніе завода въ самомъ неблагоприятномъ образѣ (какъ и точно было) и Вороновъ лѣтъ чрезъ 5 или 6 умеръ подъ слѣдствіемъ за безпорядки. Но нельзя сказать, чтобы и Ш*, въ 11 или 12 лѣтъ своего управленія заводомъ, устроилъ бы въ немъ надлежащій порядокъ. Наружность и быстрота работъ были имъ, точно, доведены до необыкновеннаго вида, но за то внутреннее хозяйство, не столько еще отъ злоупотребленій, сколько отъ нетерпѣливости и измѣнчивости въ предположеніяхъ самого Ш*, до такой степени было расстроено, что меня обдало жаромъ, когда я взглянулъ на вѣдомости съ заводскимъ имуществомъ и захотѣлъ узнать гдѣ что находится, ибо хозяйственная часть прямо уже падала на личную мою отвѣтственность.

Ш*, хитраго ума человѣкъ, закоренѣлый черпатель въ казенномъ собственнаго блага, съ перваго шага своего вступленія на заводъ, необыкновенной своей дѣятельностью успѣлъ обворовать всѣхъ такъ, что долго, очень долго никто не обращалъ вниманія, что дѣлается за наружною декораціею завода. До меня Ш* купилъ 200 душъ въ 40-ка верстахъ отъ Тулы, устроилъ тамъ винокуренный паровой заводъ, домъ, садъ и разныя къ тому принадлежащія затѣи..... а передъ выходомъ моимъ въ отставку купилъ еще другую деревню верстахъ въ 20-ти отъ завода. Всегда слылъ отличнымъ хлѣбосоломъ и угостителемъ, имѣлъ большое семейство и проживалъ въ годъ навѣрно отъ 50 до 60 т..... Въ карты онъ вовсе не игралъ.

Прежде всего онъ представилъ о необходимости положительныхъ штатовъ и законовъ для заводскаго управленія. Въ послѣднемъ отношеніи, онъ внесъ въ положеніе завода такія статьи, которыя устраняли отъ него навсегда тотъ несчастный примѣръ его предмѣстника, лично отвѣтственнаго за недостатки по заводу.

Вся отвѣтственность за цѣлость имущества отнесена на все оружейное общество, избравшее изъ среды своихъ во всему смотрителей и вахтеровъ, но на такіе сроки, что никогда не имѣли времени окончить совершенно пріемъ главныхъ предметовъ для заводскаго надѣлія, если тогда имѣлось, и такимъ образомъ неоконченный пріемъ передавался въ началу для послѣдующаго за тѣмъ пріемщика и все, чего не доставало, изъ опасенія хлопотъ и утѣсненія личнаго, ходило отъ одного начальника до другаго, единственно на словахъ, безъ всякаго документа. Большое количество матеріаловъ числилось въ запискахъ, выданныхъ отъ лицъ давно умершихъ или выбывшихъ изъ службы, безъ означенія даже для чего и когда выданы изъ магазиновъ. А такихъ записокъ, приблизительно, по моему соображенію, было по крайней мѣрѣ на 60 т. р.

При вступленіи въ командованіе заводомъ, Ш*, вѣроятно по расчету, выхлопоталъ себѣ въ помощники зятя своего полковника Эмме, котораго лично я не зналъ, но слышалъ какъ о человѣкѣ съ честными и благородными правилами. Вглядѣвшись въ бездну, на краю которой поставилъ его Ш*, вздумалъ въ оправданію своему принять мѣры; изъ этого первоначально пошли у нихъ личныя неудовольствія, а потомъ, въ служебномъ порядкѣ, Эмме сдѣлалъ доносъ. Наряжена была комиссія разобрать его съ Ш*. Кончилось тѣмъ, что Эмме посаженъ на 1 годъ въ крѣпость и исключенъ изъ службы какъ «безпокойный чиновникъ». Около милліона пудовъ желѣза и нѣсколько сотъ тысячъ пудовъ мѣди одинъ не сосчитаешь, а повѣрку двухъ годовую или трехлѣтнюю сытный обѣдъ съ шампанскимъ и денежная закуска всегда повернетъ въ пользу «имущаго».

Другое постановленіе заводское ставило оружейниковъ подъ защиту и надзоръ собственной ихъ полиціи; воспрещался входъ въ ихъ дома и заведенія общей гражданской полиціи, безъ соучастія первой. Привезутъ корчемное вино въ домъ оружейника, городская полиція получаетъ извѣтъ. Относятся въ заводскую—для обыска. Заводскій полиціймейстеръ, по обязанности службы, занятъ другимъ заводскимъ дѣломъ, проходитъ часъ, два, три, идутъ на обыскъ и корчемства вовсе не было.

Винокуренный заводъ принадлежалъ Ш*, а постѣ уже военному еще губернатору. Также и по другимъ предметамъ, смотря

по обстоятельствамъ. Касательно же личнаго обращенія съ оружейниками, Ш* умѣлъ приобрѣсть къ себѣ ихъ привязанность. Защита бѣдныхъ, усиленіе задѣльной платы и количества отпускаемыхъ для выдѣлки оружія матеріаловъ, съ строгою внимательностью, чтобы все это до нихъ доходило — присвоили ему полное право на ихъ благодарность. Даже наказаніе виновныхъ производимо было всегда съ умѣренностью, не взирая на личную строгость самого Ш*. Но за то несчастные подрядчики и поставщики изъ оружейниковъ были уже сущіе его данники, не взирая ни на средства, ни на прибыль, ими приобрѣтаемую, и увы, были примѣры, что богачи, пользовавшіеся милостью и довѣренностью Ш*, при личномъ гнѣвѣ его, не только нищали, но ввергались въ несчастія, выходящія изъ границъ человѣчества.

Всякій разъ когда я бывалъ у магазиновъ или у работъ, мнѣ тамъ непремѣнно встрѣчались два лица, которые этимъ самымъ обратили на себя мое вниманіе. Это были заводскій полиціймейстеръ Брезгунъ и заводскій механикъ Зеховъ, женатый на сестрѣ Брезгуна. Послѣдній пользовался особенною довѣренностью Ш*, устроилъ у него заводъ, и все, что относится до строительной и механической части въ деревнѣ, возводилось подъ его наблюденіемъ. Не трудно было догадаться, что за мной присматриваютъ. Нисколько этимъ не стѣсняясь, я продолжалъ повѣрку отпусковъ и назначеніе рабочихъ внимательно, избѣгая однакожъ излишней строгости, и если гдѣ находилъ излишекъ или недостатокъ, исправлялъ все съ кротостью. Командиръ завода, послѣ отъѣзда Ш*, дней чрезъ пять, ознакомься со мной ближе, сталъ обходиться дружески, отдался совершенно на мои правила и заботливость и эти отношенія между нами продолжались до конца моей службы на заводѣ, около 4½ лѣтъ.....

Нѣсколько времени спустя по вступленіи моемъ въ должность, Ш* встрѣтилъ меня словами: «Прости ты меня, Жиркевичъ, что я, не зная тебя совершенно, огорчилъ при встрѣчѣ на заводѣ! Сознаюсь! Богъ далъ мнѣ кладъ и настоящаго помощника. До этого времени я одинъ завѣдывалъ заводомъ, но за всѣмъ услѣдить не могу, — да и не на моей обязанности прямо все лежитъ. Александръ (Философовъ) не большой хлопотунъ! А потому все передаю тебѣ: и власть и хлопоты, — выручай насъ обоихъ!»

Съ этой минуты всѣ заботы и распоряженія по заводу пошли чрезъ меня и въ 4^{1/2} года заводское начальство не получило ни одного выговора, ни одного замѣчанія, кромѣ благодарности за скорое и успѣшное выполненіе всѣхъ дѣлаемыхъ нарядовъ и отправокъ оружія, по назначеніямъ. Но увы! и здѣсь я долженъ повторить, что многіе не видятъ того, что дѣлается за кулисами.

Прожилъ я уже около 2-хъ мѣсяцевъ на заводѣ, какъ въ одно утро входитъ ко мнѣ главный смотритель магазиновъ 5-го класса Посниковъ, старикъ лѣтъ 80-ти, но не по лѣтамъ еще крѣпкій, бодрый и самой строгой нравственности, съ которымъ я познакомился еще года за 4 до моего назначенія сюда. Поздоровавшись, по обыкновенію, онъ мнѣ объявилъ, что изъ магазина назначено въ отпускъ проданное, съ публичнаго торгу, оружейнику Маликову (оружейному головѣ) 10,000 пуд. негоднаго, лома-наго, въ кускахъ желѣза и что на первый разъ, въ общее число, Ш* приказалъ отпустить ему цѣльнаго въ полосахъ 2,500 пуд.,— то какъ я прикажу сдѣлать?..

Мнѣ показалось, что я хорошо не вслушался въ слова Посникова и просилъ его вновь повторить то, что онъ мнѣ передавалъ, и затѣмъ, давъ ему окончить, замѣтилъ: «желѣзо, въ лому негодное, продано по 1 р. 50 к. пудъ, а полосовое казнь стоитъ 3 р. 50 к. и оно съ торговъ не продавалось, то по этому отпустите только то, какое вамъ предписано т. е. въ кускахъ, негодное.» Посниковъ вышелъ отъ меня съ неудовольствіемъ.

Дня черезъ четыре, Философовъ, жившій все лѣто въ деревнѣ. въ 25-ти верстахъ отъ Тулы, пріѣхалъ на заводъ и, вызвавъ меня изъ правленія, пригласилъ прогуляться съ нимъ по набережной, говоря, что, давно меня не видалъ, хотѣлъ бы немного со мной побесѣдовать. Поговоривъ очень много о городскихъ новостяхъ, но весьма мало о заводѣ, онъ, прощаясь уже со мной, чтобы ѣхать, пріостановился, какъ будто что-то вспомнилъ, и сказалъ: «Да, вотъ что, любезный Иванъ Степановичъ! Скажи пожалуйста, что это мы хотимъ ссориться съ Ш*? Мнѣ Посниковъ говорилъ, что ты Маликову не даешь желѣза?»

— Желѣзо я даю, но въ кускахъ, а не полосовое,—отвѣчалъ я. Я не понимаю, что значить этотъ подсылъ Посникова ко мнѣ?

Думаю, что это испытаніе! Пусть испытываютъ—я всегда готовъ къ этому.

— «Э, братецъ! замѣтилъ Философовъ,—какое испытаніе. Этотъ порядокъ ведется здѣсь съ искони, для того и желѣзо обращается въ бракъ! А то всякое желѣзо какъ желѣзо. Если худо, то худо все, а не кусокъ отъ полосы, а если хорошо съ одного конца полосы—то вѣрно и другой конецъ такой же! Мой совѣтъ тебѣ, Иванъ Степановичъ, не ссорься съ Ш*, впрочемъ, дѣлай какъ знаешь. Я себѣ не беру ничего и мнѣ съ тобой ссориться не зачѣто».

Черезъ нѣсколько дней послѣ свиданія моего съ Философовымъ, Ш*, по случаю своего рожденія, прислалъ изъ деревни карету и письмо, въ которомъ просилъ меня пріѣхать къ нему со всѣмъ моимъ семействомъ, на недѣлю. По пріѣздѣ къ нему, оказалъ мнѣ и всему семейству истинное радушіе и хлѣбосольство хозяина. Въ этомъ отношеніи онъ могъ служить образцомъ для каждаго! Отпуская же обратно въ городъ, онъ пригласилъ меня въ свой кабинетъ и тамъ прямо, безъ всякаго предисловія, началъ: «Ты, братъ, умная голова и съ тобой нечего церемониться! Что ты не берешь ничего, мы это всѣ знаемъ! Но позволь сказать тебѣ откровенно, въ этомъ отношеніи ты поступаешь не разсудительно! Что ты нашлѣ и что ты думаешь нажить этимъ? Враговъ! Ихъ у тебя уже довольно. Больше ничего не наживешь. Вотъ я о себѣ скажу: я живу мѣстомъ; менѣе тысячи мнѣ никто не дастъ, а кто даетъ тысячу—я всегда принимаю съ благодарностію, и это не называется руки марать! Но теперь дѣло не въ томъ. Мнѣ Философовъ говорилъ, что ты затрудняешься отпустить Маликову, вмѣсто кусковъ, полосовое желѣзо? Я расскажу тебѣ въ чемъ заключается обстоятельство и почему я приказалъ отпустить послѣдняго: лѣтъ 8 тому назадъ, одинъ вахтеръ, избранный изъ оружейниковъ, бѣдный, но честный человѣкъ, сталъ сдавать другому желѣзо, котораго оказалось въ недостаткѣ до 16 тысячъ пудовъ. Отъ чего это случилось—отъ растраты или безпечности, этого не открылось! Правда, что вахтеръ, прежде бѣдный человѣкъ, началъ поживать роскошно; а потому, когда открылся (въ желѣзѣ) недостатокъ,—это ему даромъ не прошло. Но ты знаешь заводское положеніе: «за всѣ недостатки отвѣчаетъ общество!» Заплатить около 70-ти тысячъ

рублей не легко, а если-бы это обнаружилось, то командиру и мнѣ было тоже не очень хорошо. Вотъ мы, посовѣтовавшись между собою, какъ пособить этому горю, рѣшили слѣдующимъ: показывать побольше желѣза въ ломъ, негоднаго, и при продажѣ онаго, дѣлая отпущекъ цѣльнымъ, послѣднее продавать по иной цѣнѣ и прибылью противу публичной продажи замѣнять недостатокъ. Желѣзо въ лому куплено Маликовымъ не для себя, а собственно съ этою цѣлью. Помогите нашему горю! Я велѣлъ Маликову явиться къ тебѣ и лично все объяснить».

— Маликова не присылайте ко мнѣ,—отвѣчалъ я,—а не то я буду обязанъ арестовать его; мнѣ достаточно того, что вы объяснили здѣсь. Я двѣ недѣли буду болѣнъ и не буду присутствовать и тогда распоряжайтесь безъ меня какъ угодно...

На основаніи заводскаго положенія, желѣзо отпускалось оружейникамъ по расчисленію и ломалось самими мастерами на арсенальномъ дворѣ, у магазиновъ, на куски, въ той соразмѣрности, какъ оно назначено въ дѣло, и очень часто изъ одной полосы, имѣвшей длины $2\frac{1}{4}$ аршина, выламывали 2 или 3 куска, признанныхъ годными для стволовъ, а 5 или 6 кусковъ обращалось въ бракъ, потому что въ изломѣ оказывалась или неровность или между искрами пятна. Дабы положительно увѣриться въ этомъ ложномъ и обманчивомъ лишь для видовъ занятій, не объявляя причинъ, я приказалъ, по собственному моему выбору, приносить къ себѣ признанное годнымъ и негоднымъ въ кускахъ желѣзо и по прошествіи нѣкотораго времени, впрочемъ, довольно продолжительнаго, такъ мѣсяца 4 или 5 спустя операціи, все «негодное» желѣзо отдавалъ въ плющильную машину для сплюсненія на стволы, а потомъ, смѣшавъ съ прочими, приказывалъ отпускать мастерамъ для дѣла. Никто этого не зналъ, не замѣчалъ и дѣло шло своимъ порядкомъ. Боже мой, сколько средствъ и благовидныхъ предлоговъ обкрадывать государство, но Боже упаси открыть зло... Кромѣ «враговъ» не наживешь ничего!

Въ томъ же году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, по какому-то доносу, в. в. Михаилъ Павловичъ прислалъ на заводъ ген.-м. Сумарокова обозрѣть заводъ во всѣхъ его частяхъ и удостовѣриться до какой степени справедливъ доносъ. На разслѣдованіи этого доноса, какъ

полагаю, болѣе всего настояль директоръ артиллерійскаго департамента, не долюбивавшій III*, но понимавшій его.....

Сумароковъ служилъ вмѣстѣ со мной въ гвардіи. Я былъ тогда штабсъ-капитаномъ, а онъ подпоручикомъ, а теперь онъ былъ уже генераль-маіоръ, а я все полковникъ и еще изъ «молодыхъ». По пріѣздѣ его въ Тулу, передъ самымъ обѣденнымъ временемъ, когда я только что, усталый, вернулся со службы и облекся въ халатъ, растворяется дверь и вижу, что идетъ ко мнѣ какой-то генераль въ полной парадной формѣ и прямо кидается мнѣ на шею. Я всматриваюсь—узнаю Сумарокова. «Честъ имѣю явиться, Иванъ Степановичъ; прибылъ на заводъ, по дѣламъ службы», сказалъ Сумароковъ, какъ бы представляясь старшему.

— Не слыхалъ, а то-бы я долженъ былъ явиться,—отвѣчалъ я,—прошу прощенія, а также и за мой костюмъ. Куда-же ты такъ нарядился?

— «Собственно къ тебѣ—и нигуда болѣе! Съ полчаса какъ пріѣхалъ и подумалъ: завтра явится Жиркевичъ—совѣстно будетъ его принимать. Нарядился—и у вашихъ приказаній. Дашь мнѣ что-нибудь пообѣдать?»

— Хорошо, но я полагаю, что ты поѣдешь еще къ III* и къ Философову?

— «Ни мало, совсѣмъ и не думаю, цѣлый день буду у тебя. Оставлю все до завтра; а теперь распорядись послать за сюртукомъ».

Сумароковъ разоблачился.... Подали щи, кашу и кусокъ жаренаго мяса. «Кончено, хочешь снова?» спросилъ я.

— «Неужели это всегдашній твой обѣдъ?»

— Нѣтъ, братъ! Нарочно для тебя приготовленъ. Я тебя ждалъ изъ Петербурга и хотѣлъ похвастаться!.. Слезы навернулись на глазахъ благороднаго сослуживца. Проговоривши о быломъ, Сумароковъ коснулся и настоящаго, т. е. завода, и вотъ какой отвѣтъ онъ получилъ отъ меня: «я, братъ, самъ теперь служу при заводѣ. Открой зло—я участникъ и отвѣтчикъ съ другими! Болѣе ничего тебѣ не могу сказать. Ройся! Можетъ быть, что-нибудь и сыщешь».

На другой день начались обыкновенные смотры, распросы, однимъ словомъ, вся форменность. Желѣзо въ правильныхъ ку-

чахъ, мѣдъ горою, дерево въ ярусахъ, оружіе, какъ у барышни кокетки на туалетѣ; оружейники въ красныхъ рубахахъ, съ подвязанными, глянцевыми ремнями, волосами, претензій никакихъ! Денежная сумма, если не въ наличности, то въ неопровержимыхъ документахъ; дѣла подобраны, подшиты и перевязаны форменнымъ шпуромъ; въ правленіи красные блестящіе шкапы, повсюду видъ устроенной англійской машины! Заводъ отъ ветхости теряетъ, не возраженъ—для этого всѣ полы усыпаны чистымъ пескомъ и стѣны выкрашены. Чего желать болѣе? Все прошло благополучно!.... По выѣздѣ ревизора обратно въ Петербургъ, не болѣе какъ чрезъ 5 минутъ, явился ко мнѣ III* и съ горячностью началъ жать мнѣ руки: «благороднѣйшій человѣкъ! вскричалъ онъ. Вотъ когда я узналъ тебѣ цѣну! Если-бы хотѣлъ—могъ погубить!»

— Обидно для меня слушать отвѣчалъ я улыбаясь,—что вы теперь только находите меня благороднымъ. Я о себѣ такъ давно уже думаю!..

Могу смѣло увѣрить, что дѣятельность движенія заводскихъ работъ никто не могъ такъ скоро возбудить изъ ихъ апатіи какъ III*. Имѣя отъ природы большія наклонности и страсть къ механическимъ занятіямъ, хотя безъ всякихъ техническихъ свѣдѣній, онъ, при живости своего характера и смысленности, въ самое короткое время ознакомился, до тонкости, со всѣми подробностями оружейныхъ работъ. Съ точностью и почти безошибочно опредѣлялъ какого качества и какое количество матеріаловъ требуется для извѣстнаго издѣлія и время, нужное для работъ, кои исполняются, такъ что сами мастера не могли никогда съ такой ясностью и точностью выполнить, что дѣлалъ III*. Находясь съ самаго ранняго утра на заводскихъ работахъ, единственно изъ страсти къ нимъ, и бесѣдуя съ каждымъ настоящимъ мастеромъ по-долгу, спрашивая все обстоятельно, что относится до его мастерства, онъ довелъ работы до такой отчетливости и чистоты выдѣлки, что оружейныя части, выдѣлываемыя штампами и машинами въ тысячахъ, перемѣшанные между собою, каждая отдѣльно, по своему назначенію, приходились не только къ назначеннымъ своимъ частямъ ружья, но и ко всякому другому ружью. Оружейники изъ нищихъ сдѣлались привольными, обстроились и, съ улучшеніемъ ихъ внутренняго быта, уменьшались развратъ и

пьянство. Самъ-же Ш* всегда былъ ревностнымъ и знающимъ двигателемъ ввѣренной ему части, не упуская случаевъ, гдѣ можно было поживиться на счетъ казны. Но если мало мальски подучалъ какое-либо неудовольствіе со стороны начальства за свои дѣйствія или отказъ въ новомъ для него поощреніи, тогда тотчасъ становился эгонистомъ. Старался мѣшать и препятствовать дѣламъ и перечить своимъ подчиненнымъ, безпрестанно на все ропталъ и уже изыскивалъ всѣ средства вытягивать то для себя, чего прежде и въ голову ему не приходило. (Примѣръ тому будетъ ниже). Впрочемъ, съ нимъ можно было ладить и, при надлежащемъ къ нему вниманіи, онъ могъ-бы принести гораздо болѣе пользы, нежели сколько, по своему корыстолюбію, наносилъ казнѣ вреда и ущербу.

За годъ до назначенія моего на заводъ, размыло перемычку, удерживающую резервуаръ воды, и чрезъ то послѣдовало общее разрушеніе плотины; сдѣлано было распоряженіе къ исправленію оной—и заводъ цѣлое лѣто оставался безъ дѣйствія. По окончаніи поправокъ, произведено было освидѣтельствованіе и, какъ должно полагать, довольно поверхностнос. Весной заперло резервуаръ накопленіемъ воды. Оказалась течь и потребовалась новая поправка, оцѣненная приблизительно въ 10 тысячъ рублей. Заводъ-же опять остался безъ дѣйствія. По настоянію директора артиллерійскаго департамента, новая передержка обращена была на счетъ виновныхъ, которыми признаны были Филосовъ и Ш*. Не помню, кто былъ производителемъ работъ и кто производилъ освидѣтельствованіе, но только большая часть взысканія пала на долю Ш* и вычетъ изъ его содержанія производился во все время моего служенія при заводѣ, слѣдовательно, все это время Ш* находился въ большомъ огорченіи.

Когда заводъ былъ пущенъ въ ходъ, при самыхъ усиленныхъ нарядахъ на выдѣлку оружія, Ш* сталъ насылать заводу самые строжайшія предписанія; лично, подъ рукою, чрезъ своихъ приближенныхъ, старался безпрестанно и во всемъ перечить прямымъ распоряженіямъ заводскаго начальства. Главной пружиной къ тому наиболѣе употреблялъ заводскаго механика Зехова. По собственному указанію Ш*, Зеховъ долженъ былъ приготовить 12 станковъ для обточки штыковыхъ трубокъ. Въ продолженіи 4-хъ лѣтъ, такихъ станковъ исполнѣ было отдѣлано

только 2, и 8 заготовлены только вчера; два же совсѣмъ не начаты. Философова вызвали въ Петербургъ, а я, оставшись управлять заводомъ, видя изъ переписки уклончивость Зехова отъ окончанія станковъ, за разными совершенно нелѣпными предложениями, велѣлъ установить неоконченные станки, чтобы по крайней мѣрѣ видѣть, что остается въ нихъ додѣлать. Зеховъ сталъ упираться на Ш*, что тотъ знаетъ совершенную невозможность окончить эту работу не прежде какъ чрезъ 2 года, и то когда его не будутъ отвлекать къ другимъ занятіямъ. Я всетаки настоялъ на своемъ и, осмотрѣвъ ихъ самъ, лично, установленными, я объявилъ Зехову, чтобы онъ 8 станковъ окончилъ бы въ недѣлю, а неначатые еще—на тѣ даю 2 мѣсяца срока (!), обѣщавъ ему въ противномъ случаѣ посадить подъ арестъ, до окончанія станковъ. (Онъ былъ въ чинѣ 5-го класса, а я полковникъ, слѣдовательно, моложе). Зная, что я шутить не стану—онъ первые 8 станковъ кончилъ въ 3 дня, а остальные два—чрезъ 2 недѣли. Потомъ признался мнѣ, что Ш* не хотѣлъ, чтобы станки были скоро готовы.

Обращая все вниманіе мое на счетъ хозяйственныхъ работъ, я счелъ обязанностью прочесть все дѣло объ исправленіи и освидѣтельствованіи плотины и ознакомиться за что именно болѣе пало взысканіе на признанныхъ виновниками упущенія. Оказалось, что, при вторичномъ освидѣтельствованіи порчи плотины, была найдена большая часть свай, вбитыхъ въ землю для утвержденія основы, въ половину подрубленныхъ. Посѣщая ежедневно всѣ работы, между прочимъ и тѣ, которыя производились на плотинѣ, я замѣтилъ, что это зло не совсѣмъ исправлено. Я настаивалъ на совершенномъ исправленіи, т. е. замѣненіемъ новыми сваями, но подрядчикъ плотниковъ для заводскихъ работъ, отдѣлявшій лучшихъ своихъ работниковъ къ Ш* для разныхъ его домашнихъ подѣлокъ и посему находясь подъ особымъ его покровительствомъ, жаловался ему не столько на меня, сколько на производителя гидравлическихъ работъ, полковника фонъ-Кершена, человѣка честнаго, строгаго и дѣтельнаго,—что его заставляютъ производить такія работы, которыя не упомянуты въ контрактѣ. Ш* нѣсколько разъ рѣзко выражалъ свое неудовольствіе фонъ-Кершену и мнѣ, подъ разными благовидными предложениями затягивалъ дѣло и своими ухищреніями довелъ до

того, что, когда онъ п Философовъ жилъ спокойно у себя въ деревняхъ, въ одно прекрасное утро прибѣгаютъ мнѣ сказать, что плотину вновь прорвало! Я бѣгу на мѣсто и дѣйствительно вижу, что вырвало два щита и въ отверстіе хлынулъ резервуаръ. Отъ сильнаго напора такой массы воды плотина вся потряслась до основанія. Заводская полиція, механики, оружейники и прочій людъ въ попыхахъ метались какъ угорѣлые и, наконецъ, положено было, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ запереть отверстіе досками, поднять всѣ щиты и спустить резервуаръ совсѣмъ, а затѣмъ, сдѣлавъ новые щиты, накопляютъ опять воду. что продлилось бы до конца осени. Но чтобы получить затѣмъ въ достаточности воды для производства заводскихъ работъ безъ остановки, нужно было ждать поздней осени, а между тѣмъ нарядъ на выдѣлку ружей былъ необыкновенный: болѣе 30,000 ружей п всѣ въ сроку. На мое счастье, при этомъ происшествіи находились два молодыхъ офицера корпуса инженеровъ путей сообщенія, поручики Адамовъ и Залѣсскій, п первый изъ нихъ, обратясь къ механику Зехову, спросилъ его: «Есть ли порогъ п какъ высокъ въ нижнемъ упорѣ щитовъ?» Зеховъ ничего не могъ отвѣтить, отозвался совершеннымъ невѣдѣніемъ; тогда Адамовъ, пожавъ плечами, потребовалъ бревно длиною сажени въ три, привязалъ къ одному концу веревку, а другимъ сталъ опускать въ быстрину, пробивающуюся въ отверстіе. Бревно приперло къ порогу стоймя. Въ это время, саженьхъ въ 100 отъ плотины, производилась постройка большого зданія подъ штампы, для выковки замковъ; я тотчасъ сообразилъ, увидя дѣйствія Адамова, что надо предпринять, п приказалъ всѣмъ оружейникамъ, сколько ихъ тутъ находилось, бѣжать къ постройкѣ п принести, сколько захватятъ, бревенъ! Притащили до 200 штукъ п тѣмъ же образомъ спустили къ порогу, по одиначкѣ каждое, и чрезъ часъ отверстіе плотно закрылось. Резервуаръ уцѣлѣлъ, плотина безъ поврежденія удержана до весны п выдѣлка оружія пошла безъостановочно. При первомъ взрывѣ щита, полиціймейстеръ послалъ нарочныхъ къ Философову п Ш*, съ извѣстіемъ, что рветъ плотину, но потомъ, когда погруженіе бревенъ начало оказывать свое дѣйствіе п ясно было видно, что вода задержится безъ порчи плотины, я тутъ же написалъ на лоскутѣ карандашомъ обо всемъ; чтобы ихъ успокоить, п послалъ

вторично нарочнаго, обнадѣживая ихъ благополучнымъ окончаніемъ дѣла. Они оба прибыли на другой день встревоженные и не находили словъ благодарить меня, въ особенности Ш*.

Но надолго ли этотъ случай исправилъ его?

Причисленный къ заводу для наблюденія за гидравлическими работами полковникъ фонъ-Кершенъ, послѣ обыкновеннаго несеннаго спуска воды осмотрѣвъ плотину, нашелъ, что она получила потрясеніе отъ бывшаго лѣтомъ прорыва щитовъ,—предложилъ еще поправки, незначительныя, но всетаки простирающіяся до 8,000 руб. Зная какъ замедляются вообще у насъ дѣла, требующія разрѣшенія или утвержденія, не смотря на самыя настоятельныя надобности, я предложилъ немедленно приступить къ исправленіямъ, не ожидая окончательнаго разрѣшенія. Со мной немного поспорили, но убѣжденные моими доводами, а главное, необходимостью—согласились и работы пошли въ ходъ заблаговременно. Фонъ-Кершенъ и я находились безотлучно при работахъ; дурныхъ плотниковъ отсылали тотчасъ прочь, не допуская до работъ, матеріалъ доставлялся отличный и въ началѣ мая поправка кончена, оставалось запереть резервуаръ. Ш* далъ мнѣ самое строжайшее предписаніе пустить въ ходъ заводъ немедленно, а самъ и Философовъ собрались ѣхать въ деревню. Я съ Кершеномъ стали настаивать объ освидѣтельствованіи работъ. Вдругъ, за полчаса до отъѣзда Ш*, мнѣ доносятъ, что онъ ходилъ съ механикомъ на плотину и тотъ указалъ ему небольшую течь изъ-подъ щитовой настилки и что они тамъ буравили и этимъ еще болѣе усилили течь. Затѣмъ, Ш*, пригласивъ Философова туда, сказалъ ему: «Гг. новые строители, кажется, много берутъ на себя, еще ничего изъ работъ не сдали, а уже показалась течь, пусть же за все они отвѣчаютъ, а заводъ сей же часъ пустить!» Философовъ, мимо меня приказавъ полиціймейстеру задѣлать щиты, тоже уѣхалъ и плотина осталась безъ освидѣтельствованія... Видя, что дѣло плохо и идутъ такіе подвопы, взваливая все на меня, я рѣшился распорядиться самъ и заставить освидѣтельствовать работы, какъ вдругъ узнаю, что механикъ Зеховъ, при коемъ и при совѣтникѣ должно было происходить освидѣтельствованіе, безъ спросу ускакалъ къ Ш*, въ деревню, за 40 верстъ. Възбѣшенный такими недобросовѣстными поступками всѣхъ поименованныхъ лицъ, я самовольную отлучку Зехова велѣлъ за-

писать въ журналъ правленія и вмѣстѣ съ этимъ, отмѣнивъ распоряженіе Философова, приказалъ спустить опять резервуаръ, донося обо всемъ обоимъ начальникамъ и прибавивъ притомъ, что работы по заводу до тѣхъ поръ не пойдутъ, пока не будетъ освидѣтельствованіе!.. Философовъ сейчасъ пріѣхалъ, а Ш* выслалъ только Зехова, и, вмѣсто благодарности, командиръ мой напустился на меня—что больше ничего какъ завожу интриги и неудовольствія. Я съ нимъ объ этомъ не распространялся, а настойчиво только требовалъ одного освидѣтельствованія. Тутъ опять нашли возможность и способъ насъ помучить. Видя, что нѣтъ возможности отдѣлаться отъ ненавистнаго освидѣтельствованія, приближенные Ш* подговорили совѣтника сказать больнымъ, что онъ и сдѣлалъ. Но тутъ я рѣшительно вышелъ изъ себя и началъ требовать, чтобы его больного привезли на плотину. Пошелъ шумъ и споръ, грозившій перейти въ личности, но наконецъ наши настоянія одержали верхъ, на плотину явились Зеховъ и совѣтникъ и первый, при всѣхъ, униженно сознался въ своемъ «поклепѣ» и свидѣтельство кончилось въ порядкѣ и совершенно къ чести Кершена и съ полною увѣренностью въ безопасности плотины.

Тогда и Философовъ сознался въ своей горячности, просилъ у меня прощенія и съ того времени до конца совмѣстной службы моей съ нимъ жили друзьями и безъ ссоры. Черезъ два дня вернулся Ш* и, какъ будто ни въ чемъ не бывало, сталъ благодарить меня за аккуратность и настойчивость мою, чѣмъ я лично будто бы сберегъ его и Философова.

Роясь въ дѣлахъ, я нашелъ множество росписокъ въ магазинахъ вмѣсто матеріаловъ, а потому я строжайше запретилъ всѣ отпуска безъ требованій, подписанныхъ моей рукою. Это нововведеніе не понравилось распорядителямъ работъ, а въ особенности самому Ш*, который со всею строптивостью, отдавая приказанія, не хотѣлъ и слышать о форменностяхъ, требуя лишь безусловнаго и немедленнаго исполненія. На поступавшія отъ него строжайшія предписанія, что онъ меня признаетъ одного виновникомъ въ промедленіи работъ, ибо я задерживаю отпуска, я отвѣчалъ ему, что нисколько не думаю затруднять ни его, ни тѣхъ, кому онъ лично что-либо поручаетъ, но я всетаки не соглашусь производить отпуска какъ нибудь, а что для меня достаточно будетъ, если во всякой

предварительной требовательной запискѣ была бы указана цѣль требованія и обозначено его приказаніе, и, не смотря на крики и угрозы Ш*, всетаки настоялъ, чтобы требованіе мое исполнялось въ точности. Кромѣ того, чтобы доказать мою готовность не привлекать къ отвѣту виновныхъ въ происшедшихъ упущеніяхъ, болѣе изъ боязни крика Ш*, нежели по умыслу, я сдѣлалъ предложеніе ему и Философому, чтобы давно загложшія росписки очищать, допуская нѣкоторый излишекъ при экстренныхъ требованіяхъ, чего никакая повѣрка въ мірѣ, но быстротѣ заводскихъ работъ, учесть и усмотрѣть не въ состояніи.

Винюсь въ этомъ грѣхѣ.

Но совѣсть моя совершенно чиста и ни мало въ томъ меня не упрекаетъ.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе, какъ самовластно распоряжался Ш*, приведу примѣръ. Строилась кузница для штамповъ, длиною слишкомъ чѣмъ въ 30 саж., цѣнностью болѣе нежели въ 150,000 р. Въ одинъ день я пришелъ взглянуть на работы и вижу у дверей двѣ огромныя чугунныя пушки, съ красивою отдѣлкою и во фризахъ, и два пьедестала. Спрашиваю: что это и для чего? Мнѣ объявляютъ, что это привезены чугунныя колонны въ штамповую и всѣхъ ихъ будетъ 32. Взглянувъ въ смѣту—колонны положены деревянные — спросилъ о цѣнѣ чугунныхъ, каждая стоитъ болѣе 200 р. съ установкой—никто изъ работавшихъ не могъ мнѣ дать удовлетворительнаго отвѣта. Не понимая въ чемъ дѣло, иду за разъясненіемъ къ Философому, а тотъ мнѣ говоритъ: «у насъ все такъ дѣлается! Ладъ, братецъ, какъ знаешь!» Не желая слышать крики, споры, которые мнѣ уже надоѣли до чрезвычайности, я началъ соображаться со смѣтой и нашелъ, что въ сдѣланныхъ уже постройкахъ оказалось значительное сбереженіе, а потому, сдѣлавъ по журналу новое предположеніе—изъ остаточныхъ суммъ устроить, вмѣсто деревянныхъ колоннъ, чугунныя,—я таковое предположеніе представилъ на утвержденіе Ш*. Отъ него послѣдовало согласіе; всѣ 32 колонны привезены, 16^ю установлены. Вдругъ, въ одно утро, вижу: тащутъ колонны вонъ изъ кузницы. Что это значитъ? спрашиваю я. Говорятъ: «темно! по смѣтѣ назначены деревянные, тѣ гораздо легче, больше будетъ простора и красивѣе видъ!» Прошу послѣ этого соображаться!

Колонны отливались на заводѣ князя Б*, сосѣда Ш*, постав-

лявшего для его винокуреннаго завода всѣ чугуныя необходимыя вещи, подъ наблюдениемъ Зехова.

На замѣчаніе мое III*, что, сдѣлавъ значительную издержку на приобрѣтеніе колоннъ, мы въ послѣдствіи всѣ можемъ подвергнуться отвѣту, онъ согласился съ этимъ, но возразилъ: «посуди самъ, Иванъ Степановичъ, пріѣдетъ Государь на заводъ — темно и мрачно! А съ деревянными колоннами свѣтло и красиво! Объ издержкахъ спрашивать не будутъ! Впрочемъ, я согласенъ, чтобы чугуныя колонны остались бы въ штамповой, но, вмѣсто парной установки въ ширину, поставить только по одной по срединѣ, т. е., вмѣсто 32-хъ — 16, а остальные размѣстить снаружи, подъ фронтоны». Позвали архитектора и механика, потолковали и устроили какъ захотѣлъ опять III*. Строеііе въ ширину было около 7-ми саж. Потолочныя балки были сросшены изъ 3-хъ кусковъ. Назначеніе колоннъ было именно поставить ихъ подъ сросшеніе оныхъ для прочности. Для чугуныхъ колоннъ положенъ былъ гдѣ слѣдуетъ фундаментъ и за установку 16-ти колоннъ рабочимъ уплачены деньги. За вытаскиваніе — еще. Стали класть новый фундаментъ по срединѣ — новая издержка. Наконецъ, колонны поставили — а тутъ балка въ двухъ мѣстахъ сросшенія осѣла и потолокъ сталъ угрожать паденіемъ. Новые толки, новыя хлопоты, новыя издержки. Въ сросшеніе пропустили желѣзныя связи и стянули оныя сверху потолка еще желѣзными полосами. Исправленіе временное и непрочное. Къ счастью для заводскаго начальства, чрезъ годъ пожаръ, истребившій почти весь заводъ, исправилъ и дѣло, и счеты, и самое зданіе. .

И. С. Жиркевичъ.

ЗАПИСКИ ИВАНА СТЕПАНОВИЧА ЖИРКЕВИЧА.

1789—1848.

XXII ¹⁾.

Отставка.—Поиски новой службы.—Штабелъ.—Пожаръ на тульскомъ заводѣ.—Поездка въ С.-Петербургъ.—Кн. А. С. Меншиковъ.—П. А. Колзаконъ.—Д. Н. Блудовъ.—Причисленіе къ министерству внутреннихъ дѣлъ.—Присяга въ сенатѣ.—Занятія при министерствѣ.

1833—1834.

Въ первыхъ числахъ декабря 1833 г. (sic) вышла мнѣ отставка съ чиномъ генераль-маіора, съ мундиромъ и пенсіономъ $\frac{3}{4}$ жалованья. Командуя, въ отсутствіе Философова, тульскимъ оружейнымъ заводомъ, я надѣялся, что меня ни часу не задержатъ; между тѣмъ, положеніе мое было вовсе не завидное. Ни гроша денегъ въ карманѣ, долгу, по роспискамъ казначея, до 2,500 р. и помощи ни откуда въ виду. Жена въ третьемъ мѣсяцѣ беременности, со всѣми признаками чахотки, такъ что проѣзжавшій въ то время чрезъ Тулу докторъ Буковскій, вернувшись въ Смоленскъ, объявилъ роднымъ нашимъ, что онъ не полагаетъ ее болѣе въ живыхъ. Ни экипажа, ни средствъ экипироваться, однимъ словомъ—не могу сказать, что могло меня въ то время поддерживать, хотя нисколько я не упалъ духомъ! На мое мѣсто былъ назначенъ полковникъ Михаилъ Тагайчиновъ, совоспитанникъ мой по корпусу, служившій въ конной артиллеріи, который принялъ мою должность

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 627—648; т. XVII, стр. 127—144; 251—266; 771—786. Напечатанная здѣсь глава написана И. С. Жиркевичемъ, какъ видно изъ его пометы: «8-го іюня и 31-го авг. 1844 г. въ с. Новницы».

въ январѣ мѣсяцѣ. Узнавъ отъ брата своего о моемъ критическомъ положеніи, онъ обратился къ капиталистамъ изъ оружейниковъ братьямъ Лялинымъ, Короткову и къ одному изъ старыхъ подрядчиковъ, убѣдилъ ихъ сдѣлать для меня складчину, что составило до 1,800 р., а въ остальной суммѣ положили за меня собственную росписку, и кромѣ того ссудили меня 200 рублями. За квартиру, я предоставилъ хозяину всю мою мебель, а своякъ мой, Ф. Н. Гальцовъ, пригласилъ меня и все мое семейство къ себѣ, въ деревню Новинцы.

Генер. Велѣяминовъ, узнавъ изъ приказовъ о моей отставкѣ, съ первую почтою прислалъ мнѣ ругательное письмо, въ которомъ пишетъ, что я разрушаю всѣ его расчеты, которые имѣлъ относительно меня и, приводя какъ мое настоящее положеніе, такъ равно и тѣ затрудненія, которыя я неминуемо встрѣчу отыскивая опять службу, безъ которой не могу существовать, предлагаетъ въ своемъ письмѣ другое на имя начальника морскаго штаба князя Меншикова и копію съ онаго, предоставляя на мою волю—доставить князю лично, или переслать по почтѣ, или и вовсе уничтожить. Содержаніе сего письма, на сколько теперь могу припомнить, заключалось въ слѣдующемъ: «Любезнѣйшій адмиралъ! Думаю, что ты не помнишь общаго нашего сослуживца Жиркевича, о которомъ я хочу просить тебя. Я знаю его вполне. Человѣкъ безкорыстный, умный и распорядительный. Онъ теперь въ отставкѣ и состоитъ на пищѣ св. Антонія. Доставь ему твое покровительство и мѣсто, ты сдѣлаешь истинное благодѣяніе и полезное для службы» и проч.....

Здѣсь не могу умолчать о двухъ обстоятельствахъ, выказывающихъ душу и характеръ бывшаго моего главнаго начальника, инспектора заводовъ Штадена. Зная всю подноготную, что дѣлается на заводѣ, онъ зналъ, что я многимъ оружейникамъ состоялъ должнымъ по роспискамъ и вексямъ, чего, впрочемъ, я даже и не скрывалъ, то, по полученіи отставки и по принятіи Тагайчиновымъ отъ меня, по вѣдомости, завода, онъ созвалъ къ себѣ моихъ заимодавцевъ, объяснилъ имъ, что у меня нѣтъ собственности, слѣдовательно, и возможности заплатить имъ, предложилъ, чтобы они, меня не выпуская изъ завода, представили бы ему жалобу, а онъ распорядится уже удовлетворить ихъ изъ моей пенсіи. Но благородство темныхъ людей превысило низость на-

чальника! Ни одинъ изъ нихъ не только не согласился на это предложеніе, но даже объявили ему рѣшительно, что въ настоящую минуту и требовать грѣшно. «Соберется съ деньгами,—сказалъ кто-то изъ нихъ,—тогда и заплатить, а такъ нельзя дѣлать. Мы памятуемъ его добро».

По сдачѣ моей, въ январѣ, завода, я вполне могъ узнать чувства къ себѣ бывшихъ моихъ товарищей, подчиненныхъ и вообще оружейниковъ. Я прожилъ, послѣ отставки, въ Тулѣ 4 мѣсяца и не смотря, что всѣ знали тамъ личное нерасположеніе ко мнѣ Штадена, не проходило не только ни одного праздника, но даже простаго воскресенья, чтобы первые чиновники завода и старшіе оружейники не приходили ко мнѣ съ поздравленіемъ, и даже жившіе на другой сторонѣ простые и послѣдніе оружейники приходили къ моему дому и ожидали по нѣскольку часовъ, подъ окнами, чтобы увидать меня и привѣтливо со мной раскланяться. Наконецъ, самъ Штаденъ, при всей злобѣ ко мнѣ, не могъ не отдавать мнѣ справедливости и одинъ разъ, отлучаясь на недѣлю, безъ дозволенія, въ Ефремовъ къ своей замужней дочери, оставляя по канцеляріи своей важныя не доложенныя дѣла, просилъ Тагайчинова привести ихъ къ концу, посоветовавшись первоначально со мной, и просить моего совѣта, предваряя его, чтобы онъ только то бы и отвѣчалъ начальству, что заслужить мою апробацію.

23-го іюня я выѣхалъ изъ Тулы, а 29-го того же мѣсяца, во время обѣдни, сгорѣло тамъ 600 домовъ и весь оружейный заводъ. За нѣсколько дней предъ моимъ выѣздомъ, сидя у себя подъ окномъ, въ квартирѣ, занимаемой въ домѣ оружейника Родіона Лялина, до котораго только и дошелъ пожаръ, я, какъ будто предчувствуя что либо, говорилъ своимъ: «Представьте себѣ, вотъ сколько времени я замѣчаю постоянно, всякій день поутру съ 9-ти часовъ подымается вѣтеръ съ юга и съ необыкновенной силой дуетъ въ этомъ направленіи до 6-ти часовъ по полудни. Боже сохрани, если въ это время, на горѣ, загорятся хоть одинъ домъ—ни города, ни завода не останется!» Не думалъ я, чтобы слова мои такъ скоро оправдались. Въ день Петра и Павла, Штаденъ, купившій не задолго предъ тѣмъ новое имѣніе въ 25-ти верстахъ отъ Тулы, праздновалъ тамъ свое пріобрѣтеніе; и Филосововъ, только что вернувшійся изъ Петербурга, наканунѣ отправился туда, а равно и другіе старшіе чиновники, в

томъ числѣ и заводскій полиціймейстеръ, приглашенные на это торжество, уѣхали на заводскихъ пожарныхъ лошадяхъ... Пожаръ продолжался цѣлый день и всѣ, которымъ бы слѣдовало озаботиться о безопасности завода, были въ деревнѣ и никто не могъ порядочно распорядиться. А спасти его было такъ легко, что утвердительно могу сказать, не уѣзжай я—заводъ былъ бы цѣлъ. Замѣчаніе мое о постоянствѣ южнаго вѣтра положительно бы къ тому способствовало. Чулковская слобода, въ которой живутъ рабочіе оружейники, болѣе трехъ тысячъ человѣкъ, оставалась совершенно въ сторонѣ отъ огня и отъ вѣтра. Распорядись какъ слѣдуетъ, возьми изъ слободы 500 или 1,000 рабочихъ, разставь ихъ по вточнымъ жолобамъ для дѣйствій машинами, а служащихъ съ шайками и ведрами, съ привязаніемъ обращать вниманіе на падающія головни на крыши завода—можно было бы удержать стремленіе пламени, тѣмъ болѣе, что ближайшіе дома отъ города и завода находились за каналомъ, на разстояніи болѣе чѣмъ въ 70-ти саженьяхъ, какъ я слыхалъ въ послѣдствіи. На заводѣ изъ начальниковъ никого не было, а кто и были, изъ младшихъ, такъ и тѣ растеряли головы. Оружейники вообще думали лишь о своей собственности; только малое число употреблялось для спасенія дѣла изъ правленія и тамъ не спасли многого. Это послѣднее обстоятельство послужило для начальства къ вящей ихъ пользѣ, такъ какъ всѣ темныя дѣла и по нимъ отчетности были якобы истреблены огнемъ. Такъ зло и въ самомъ гнѣвѣ Божіемъ ищетъ всегда себѣ оградъ!

Пріѣхавши въ Смоленскъ, я нашелъ уже къ себѣ письмо отъ кн. Долгорукаго, писанное еще въ январѣ, въ которомъ уведомлялъ меня, что в. к. Михаилъ Павловичъ предлагаетъ мнѣ вновь вступить на службу, командиромъ Ижевскаго оружейнаго завода. Я тотчасъ отвѣчалъ: «что взявши отставку съ чиномъ генерал-маіора, я уже не предполагалъ вовсе служить по военной части, но если его в—во принимаетъ на себя исходатайствовать для меня изъятіе изъ общаго правила — удержать чинъ со вступленіемъ въ службу, то онъ можетъ располагать мною совершенно по своему усмотрѣнію». Черезъ недѣлю я получилъ отвѣтъ: «что Нероновъ проситъ оставить его на службѣ, а великій князь будетъ имѣть меня въ виду на будущее время». Догадавшись, что все это шутокъ г. Птадена, я написалъ Долгорукому, что я въ службу

самъ не напрашиваюсь и прошу не считать меня уже кандидатомъ по артиллеріи.

Въ концѣ августа мѣсяца я пріѣхалъ въ Петербургъ..... Вскорѣ по пріѣздѣ я явился къ кн. Меншикову.

Князь А. С. Меншиковъ встрѣтилъ меня на верху, въ первой комнатѣ и, взявъ подъ руку, повелъ къ себѣ въ кабинетъ, куда мы шли чрезъ 3 или 4 комнаты. Въ это время у насъ шелъ слѣдующій разговоръ:

— «Простите меня, ваше пр—во, я очень виноватъ предъ вами, что я не отвѣчалъ вамъ. Вотъ истинная причина: я помню имя ваше—Иванъ, а отчество право позабылъ».

— «Напротивъ, ваша свѣтлость, я много виноватъ предъ вами, что взялъ смѣлость адресоваться къ вамъ. Не думайте, князь, чтобы я дерзнулъ полагаться на прежнее сотоварищество, я просто всецѣлъ вашего покровительства!» Тутъ мы дошли до кабинета, въ которомъ стояли два стола: большой посреди комнаты, а маленький возлѣ окна и у сего съ одной стороны кресла, а съ другой—стулъ. Князь, взявъ меня за руку, насильно посадилъ на стулъ, а потомъ, перейдя на другую сторону стола, сѣлъ, и нашъ разговоръ продолжался слѣдующимъ образомъ:

— «Вы писали ко мнѣ, что желали бы получить мѣсто. Скажите теперь—какое? и въ чемъ я могу вамъ быть полезенъ?»

— Теперь, князь, ни въ чемъ. Я чувствую, что невольно провинился предъ вами моею дерзостью писать вамъ и желаю одного—слышать отъ васъ, что вы на меня не гнѣваетесь за это.

— «Напротивъ, я еще разъ повторяю: извините меня и дайте мнѣ случай доказать вамъ, что я желаю быть вамъ полезенъ. Вы, я думаю, знаете Бѣловодскаго ¹⁾, который служилъ вмѣстѣ со мною въ Турціи, въ ротѣ Засядео; вотъ онъ недавно писалъ ко мнѣ и мы уладили. Я доставилъ ему мѣсто, по флоту, а вамъ ничего предложить не могу. Надо мной и такъ смѣются, говоря, что я не знаю что такое брамсель!... По хозяйственной части потому боюсь вамъ предложить, что я, зная лично васъ и дружбу къ вамъ Вельяминова, желаю навсегда сохранить мое расположение къ вамъ и ваше ко мнѣ, а тамъ непременно поссоримся! Скажите мнѣ откровенно—нѣтъ ли у васъ въ виду какого нибудь

¹⁾ Артиллерійскій офицеръ и товарищъ мнѣ по корпусу. И. Ж.

мѣста, о которомъ я могъ бы попросить кого нужно? У меня, слава Богу, найдутся люди, которые уважать, быть можетъ, мою просьбу».

— Я адресовался къ графу Чернышеву. Тотъ мнѣ не отказалъ и не обѣщалъ однакоже ничего.

— «Самое вѣрное средство у Чернышева не получить мѣсто— это просить чрезъ меня ¹⁾. Нѣтъ, этого я не беру на себя. А вотъ что пришло мнѣ въ голову: не знакомы ли вы съ Блудовымъ, и не хотите ли вы быть губернаторомъ?

— Съ Блудовымъ,—отвѣчалъ я,—не знакомъ, а губернаторомъ не мечтаю и не могу! Многого надобно! Безъ шести тысячъ руб. жалованья я никакого мѣста не приму, ибо менѣ этого для содержанія моего семейства и себя будетъ мало, а для званія губернаторскаго и тѣмъ болѣе. Взятоеъ я брать не стану!....

— «Знаю и вѣрю. Но всетаки можно будетъ поговорить съ Блудовымъ или съ другимъ кѣмъ нибудь. А для памяти и новаго знакомства мнѣ нужно имѣть по крайней мѣрѣ записку о службѣ вашей!»

Въ эту минуту отворилась дверь и безъ доклада вошелъ въ кабинетъ дежурный генералъ морскаго штаба, вице-адмиралъ, генералъ-адъютантъ Колзаковъ; я тотчасъ всталъ, чтобы уступить свой стулъ, но и князь всталъ и, взявъ меня подъ руку, слегка кивнулъ вошедшему головой, началъ ходить со мной по кабинету, продолжая начатый разговоръ, въ который вмѣшался и Колзаковъ.

— Здравствуйте, ваша свѣтлость,—сказалъ онъ.—А! кого я вижу! это тоже мой знакомецъ. Съ его прев—мъ мы видѣлись

¹⁾ Графъ Александръ Ивановичъ Чернышевъ весьма часто служилъ мнѣнью для насмѣшекъ Меншикова, который славился своимъ остроуміемъ и злостью своихъ каламбуровъ. Не задолго предъ моимъ посѣщеніемъ князя, сей послѣдній, въ одномъ многочисленномъ собраніи, прошелся весьма зло на счетъ Чернышева. Графиня Чернышева, супруга его, рожденная графиня Зотова, рассказывала какъ «Alexandre», т. е. ея мужъ, графъ Александръ Ивановичъ, отличался въ партизанахъ, какъ его боялся самъ Наполеонъ и что появленіе его предъ какой нибудь крѣпостью или городомъ съ горстью казаковъ немедленно вынуждало къ сдачѣ, и одно изъ замѣчательныхъ «faits d'armes Alexandre'a», о которомъ онъ и теперь съ гордостью вспоминаетъ, было взятіе города... Тутъ графиня, вѣроятно, забывши названіе города, обратилась къ Меншикову, рядомъ съ вею сплѣвшему и внимательно все время ее слушавшему, съ вопросомъ: «Prince, aidez moi! Quelle ville a pris Alexandre?»—Babylone, Comtesse! серьезно отвѣтилъ тотъ.

въ Тулѣ. Вотъ человѣкъ, котораго Штаденъ боялся какъ чортъ лапона!...

— Изъ чего это ваше пр—во изволите заключать?

— Это я знаю точно, отъ брата,—сказалъ Колзаконъ.

— Скажите мнѣ, Жиревничъ,—спросилъ князь,—что вы думаете о Штаденѣ?

— Князь! послѣ замѣчанія адмирала, мнѣ положительно трудно отвѣчать на вопросъ вашъ. Если его пр—во полагаетъ, что я скажу что нибудь особенно дурное о Штаденѣ—онъ ошибется, хотя я не увѣренъ, чтобы Штаденъ былъ обо мнѣ хорошаго мнѣнія, и скажу откровенно, что Штаденъ необходимъ при оружейныхъ заводахъ. Онъ уменъ и хитеръ и такъ устроился, что его замѣнить не кѣмъ и нельзя. Что Штаденъ любитъ деньгу—это всѣ знаютъ! Но если ему будутъ давать каждые шесть мѣсяцевъ награду, я ручаюсь за него, что онъ и братъ не станетъ. А оружейниковъ, послѣ Воронова, онъ воскресилъ и сталъ въ полномъ смыслѣ ихъ благодѣтелемъ. Правда, было два или три оружейника, но это подрядчики, которые чрезъ него погибли—изъ интересовъ, это исключеніе. Вообще же оружейники его любятъ и боятся; а если смѣстятъ его по какому нибудь случаю, то, ей-ей, станутъ плакать...

Тутъ разговоръ нашъ былъ прерванъ лакеемъ, который доложилъ о прибытіи вице-адмирала Рикорда и сенатора Поливанова. Князь ихъ принялъ какъ знакомыхъ, но нѣсколько холодно, и занялся съ ними разговоромъ, а Колзаконъ, взявъ меня подъ руку, завелъ какой-то незначущій разговоръ и между прочимъ звалъ къ себѣ—возобновить съ нимъ «старое» знакомство! Я его видѣлъ всего одинъ разъ у Философова, въ Тулѣ, и въ это единственное наше свиданіе его прев—во даже почти не удостоилъ меня поклономъ, когда насъ познакомили. Хорошо старое знакомство!... Видя, что князь занятъ, я пожелалъ уйти не замѣченнымъ, но онъ остановилъ меня у дверей, сказавъ: «Прошу не забыть о запискѣ; пришлите ее ко мнѣ сегодня или завтра».

— Въ буквальноймъ смыслѣ, князь, «прислать»,—спросилъ я,—или принести самому?

— «Повторяю, пришлите съ человѣкомъ и будьте увѣрены, что ее тотчасъ же отдадутъ мнѣ; до свиданія!» А потомъ, когда я уже былъ въ другой комнатѣ, онъ закричалъ мнѣ вслѣдъ: «ваше пр—во! чрезъ три дня милости просимъ опять ко мнѣ!»...

Я въ тотъ же вечеръ отправилъ къ нему требуемую записку.

Знакомые мои ожидали меня съ нетерпѣніемъ, чтобы узнать результатъ свиданія моего съ Меншиковымъ, и вѣрить не хотѣли моему разсказу! Они утверждали серьезно, что я вѣрно имѣю какой нибудь талисманъ, или знаю такое «слово», что могъ удостоиться такого ласковаго приѣма отъ гордаго и недоступнаго человѣка, каковъ Меншиковъ, который давно уже никого не хочетъ знать изъ прежнихъ своихъ сослуживцевъ.

Черезъ три дня я поѣхалъ опять къ князю, послѣ обѣда, въ 8 часовъ, и, войдя въ дежурную комнату, просилъ адъютанта доложить обо мнѣ, и я былъ немедленно принятъ съ прежнимъ радушіемъ. Разговоръ начался тѣмъ, что обо мнѣ уже было говорено съ Блудовымъ, который имѣетъ теперь же одно мѣсто, кажется, сходное съ моимъ желаніемъ, а именно: главнаго начальника калмыковъ. «Это,—прибавилъ Меншиковъ,—въ родѣ подвижнаго губернатора, шесть тысячъ руб. жалованья и еще кой какіе аксессуары. Но совсѣмъ тѣмъ, Блудовъ желалъ бы прежде съ вами познакомиться лично, а потому не возьмете ли вы на себя доставить отъ меня Блудову, лично, записку? Только предворяю васъ, къ Блудову рано ѣхать не нужно, такъ часу во второмъ или третьемъ: онъ поздно ложится и поздно встаетъ».

На другой день, въ назначенный княземъ часъ, явился я къ министру внутреннихъ дѣлъ Блудову и былъ тотчасъ имъ принятъ въ кабинетъ. Прочитавъ записку Меншикова, которую я ему передалъ, онъ началъ разспрашивать о прежней моей службѣ и пожелалъ знать—не имѣю ли съ собой бумагъ, относящихся къ оной. Я вручилъ ему мой указъ объ отставкѣ, два письма кн. Долгорукова съ приглашеніемъ и обнадеживаніемъ меня на службу и копію съ представленія обо мнѣ вел. князю отъ директора артиллерійскаго департамента, относившагося къ производству меня въ полковники. Взглянувъ бѣгло на всѣ эти бумаги, онъ приказалъ мнѣ явиться къ себѣ, ровно черезъ недѣлю, въ 9 часовъ вечера. Ровно черезъ недѣлю, въ 9 часовъ, я находился уже въ приемной, гдѣ познакомился, или, лучше сказать, возобновилъ свое одесское знакомство съ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Лексомъ, правителемъ канцеляріи министра.

—«Очень радъ васъ опять видѣть,—началъ Блудовъ, посадивъ меня на кресло,—и благодарю за аккуратность. Я все это время,

признаюсь вамъ откровенно, употребилъ на то, чтобы повороче съ вами познакомиться. Простите меня за мое любопытство—оно служить для васъ доказательствомъ, что я желаю искренно быть вамъ полезнымъ и вмѣстѣ угодить кн. Меншикову, действительно мнѣ васъ рекомендовавшему.

— Позвольте мнѣ спросить ваше высокопр—во, какой-же результатъ изъ собранныхъ свѣдѣній обо мнѣ?

— «Къ полному моему удовольствію и совершенно согласный съ моимъ ожиданіемъ. Я разспрашивалъ о васъ старыхъ вашихъ товарищей и моихъ хорошихъ пріятелей; всѣ единогласно отдаютъ вамъ должную справедливость, но вмѣстѣ указали мнѣ въ чемъ можно упрекнуть васъ!»...

— Въ чемъ же именно?—довольно рѣзко спросилъ я.

— «Именно въ томъ, съ какимъ тономъ произнесли вы настоящій вопросъ вашъ,—улыбаясь сказалъ Блудовъ.—въ горячности вашей!... Я вамъ отнюдь этого не вмѣняю въ порокъ! Горячность ваша всегда проявлялась, какъ я узналъ, тамъ, гдѣ вы встрѣчали зло. Благородной души человѣкъ, и обладающій хладнокровіемъ, не всегда терпѣливо выноситъ тѣ гадости, которыя творятся у него предъ глазами, а вы это, болѣе нежели кто другой, принимаете къ сердцу! Вотъ видите, какъ, при первомъ нашемъ знакомствѣ, я съ вами откровененъ и это вамъ вѣрное доказательство, что я искренно желаю добра и случая быть полезнымъ государю на службѣ. Познакомившись съ вами поближе, поговоримъ теперь о вашемъ дѣлѣ. Я предполагалъ, какъ о томъ говорилъ князю, дать вамъ мѣсто главнаго калмыцкаго пристава. Но какъ должность эта находится подъ непосредственнымъ начальствомъ астраханскаго военнаго губернатора Темирязева, человѣка тоже съ пылкимъ характеромъ, то я, разсудивъ, что у васъ легко могутъ выйти столкновенія, рѣшился лучше обождать немного и доставить вамъ такое мѣсто, въ которомъ вы были бы въ прямыхъ сношеніяхъ со мной. Узнаемъ другъ друга повороче — увѣренъ, что не поссоримся! Я думаю имѣть васъ въ виду на первую отрывшуюся губернаторскую вакансію. Знаю вашъ отзывъ по сему предмету, князь мнѣ передалъ (о взяткахъ), и цѣню его какъ слѣдуетъ. Скажу вамъ, хотя еще не утверждено, но это почти вѣрно, что съ 1-го января будущаго года содержаніе губернаторамъ будетъ удвоено: они будутъ получать по

12-го въ годъ и это содержаніе, какъ мнѣ кажется, будетъ весьма достаточно; но въ случаѣ каковаго нибудь непредвидѣннаго обстоятельства, я всегда буду радъ позаботиться о васъ»...

— Позвольте мнѣ поблагодарить ваше высокопр—во за вашу ко мнѣ милость и просить о переименованіи и соприсчисленіи меня къ министерству, съ сохраненіемъ моего пенсіона, впредь до дѣйствительнаго поступленія къ мѣсту, ибо, безъ того, чрезъ два дня я умру съ голоду!...

— «Согласенъ! Будьте покойны» — и Блудовъ протянулъ мнѣ руку, отпустивъ меня совершенно дружески.

Я нарочно такъ подробно описалъ первое наше свиданіе и знакомство съ Дмитріемъ Николаевичемъ, чтобы ближе обрисовать характеръ этого благороднаго человѣка, вѣрнаго въ своихъ словахъ и въ своихъ привязанностяхъ, въ которомъ я всегда находилъ моего защитника и покровителя, пока онъ не оставилъ своего высокаго поста.

Это происходило 22-го ноября 1834 г., а 24-го того же мѣсяца состоялся высочайшій указъ о переименованіи меня въ дѣйствительные статскіе совѣтники съ причисленіемъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ.

Еще въ Тулѣ я присягнулъ на чинъ генераль-маіора и заплатилъ священнику положенную за это дань; но, по переименованіи моемъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, я получилъ изъ сената экстренную повѣстку—явиться туда для присяги. Для любопытства неопытныхъ расскажу этотъ эпизодъ.

Явяся поутру, въ 12-ти часамъ, въ 1-й департаментъ, предварилъ о себѣ экзекутора. Тотъ доложилъ оберъ-секретарю, который просилъ меня обождать. Прошло часа 1½, надоѣло страшно, спрашиваю—почему такъ долго? Говорятъ: не всѣ съѣхались еще сенаторы. Жду еще съ часъ, наконецъ, приглашаютъ меня въ присутствіе. При входѣ моемъ, всѣ гг. сенаторы, человѣкъ болѣе 20-ти, привстали съ мѣстъ своихъ, удостоивъ меня поклономъ. Оберъ-секретарь, ставъ у предсѣдательскаго кресла—возгласилъ: «имянный высочайшій указъ!» сенаторы опять всѣ встали и указъ былъ прочтенъ. Съ послѣдними словами, когда произнесено было: «подписано Николай» — двери въ церковь, противъ предсѣдательскаго мѣста, отворились на обѣ половины, священникъ сталъ у аналоя, въ полномъ богатомъ облаченіи, цар-

скія двери отверзлись. На аналоѣ лежали крестъ и евангеліе, а въ сторонѣ стоялъ столъ съ присяжнымъ листомъ, покрытый, какъ и аналой, пунцовымъ бархатомъ. Во время присяги сенаторы не сажались. Присяжный листъ подписанъ мною и оберъ-секретаремъ. 25 рублей священнику уплачены. При выходѣ изъ присутствія, вновь удостоенъ привѣтствіемъ, т. е. поклономъ гг. сенаторовъ. Экзекуторъ поздравилъ меня въ другой комнатѣ и провожалъ до ближнихъ дверей—заплатилъ. У каждой двери, до самаго подъѣзда, стоявшій курьеръ, а ихъ было около 9-ти дверей, отворяя оную предо мной, повторяли одинъ за другимъ: «честь имѣю поздравить ваше пр—во съ монаршей милостью!»—вездѣ заплатилъ; швейцаръ, подавая плащъ, поздравилъ—заплатилъ, наконецъ, сторожъ, отворявшій, послѣднюю, при входѣ, дверь, поздравилъ—и тому заплатилъ, такъ что взявши изъ дома 40 руб. и рассчитывая на нихъ прожить недѣли двѣ, долженъ былъ занять у знакомаго 25 коп., чтобы расплатиться съ извозчикомъ. Въ столь высокомъ мѣстѣ непростительно и вовсе неумѣстно такое поведеніе, и вотъ прямая цѣль—для чего я рѣшился измарать цѣлый листъ бумаги.

Желая испытать меня, министръ чрезъ Лекса далъ мнѣ, для разсмотрѣнія, новый проектъ объ управленіи колонистовъ, составленный коллежскимъ совѣтникомъ Фадѣевымъ, съ тѣмъ, чтобы я, прочтя оный, изложилъ мое мнѣніе. Проектъ сей заключалъ въ себѣ до 500 листовъ писаной бумаги. Я тщательно занялся симъ порученіемъ и чрезъ недѣлю представилъ записку. Чрезъ мѣсяцъ послѣ того, не видя еще себѣ назначенія, я рѣшился просить Блудова дозволенія отправиться въ Смоленскъ къ женѣ и тамъ ожидать онаго. Дмитрій Николаевичъ объявилъ мнѣ, что онъ въ это время успѣлъ уже прочесть мою записку, благодарилъ меня за мои замѣчанія, ибо она есть какъ бы отголосокъ его собственнаго мнѣнія, а виѣстъ съ тѣмъ просилъ никакъ не уѣзжать изъ Петербурга, обѣщая скоро пристроить меня окончательно къ мѣсту.

Послѣ представленія мною упомянутой записки, я былъ назначенъ членомъ комисіи, подъ предсѣдательствомъ лейбъ-медика покойнаго государя, Вилліе, производившей слѣдствіе о разныхъ злоупотребленіяхъ по хозяйственному управленію медико-хирургической академіи. Комисіи сей мною положено было

только начало, ибо я былъ первенствующимъ членомъ; Виліе же въ оной ни разу не присутствовалъ. Занятія въ комисіи меня съ нимъ познакомили.

XXIII.

Назначеніе симбирскимъ губернаторомъ.—Представленіе министрамъ и служебныя знакомства.—Министръ внутреннихъ дѣлъ и его товарищъ.—Вопросъ о передачѣ казенныхъ крестьянъ въ Симбирской губ. въ удѣльное вѣдомство.—Перовскій.—Представленіе мое Государю Императору.—Рѣчь Его Величества.—Отзывъ Государя о полякахъ.—Танъевъ.—Гр. Бенкендорфъ.—Министръ юстиціи Дашковъ.—Пріемъ у кн. Меншикова.—Кн. П. М. Волконскій.

1834—1835 гг.

5-го марта ввечеру, часу въ 10-мъ, когда я, мучимый флюсомъ, лежалъ на постелѣ, фонъ-Дервизъ, войдя ко мнѣ, объявилъ, что отъ министра присланъ ко мнѣ курьеръ съ запиской. Записка была отъ Лекса; онъ въ короткихъ словахъ извѣщалъ меня, что я назначенъ губернаторомъ въ Симбирскъ, а курьеръ словесно доложилъ мнѣ, что министръ приказалъ просить меня къ себѣ на-завтра, въ 2 часа по полудни. Извѣстіе сіе такъ потрясло чувства мои, что жестокая боль, меня одолевавшая, въ ту минуту миновала совершенно и я шесть лѣтъ послѣ того не страдалъ уже флюсомъ! Всю ночь до утра провели мы въ разговорахъ о новомъ моемъ назначеніи и при тостахъ за здоровье мое, моего семейства и моего благодѣтеля—министра.

Не имѣя денегъ, первая моя забота была подумать какъ бы приступить къ экипировкѣ себя, и утромъ самые ранніе визиты мои были къ тетѣ, И. Ф. Гедеоновой, и къ брату А. М. Гедеонову. Сынъ первой, А. Д. Гедеоновъ, офицеръ Преображенскаго полка и адъютантъ Исленьева, самъ вызвался ссудить меня 1,000 р. денегъ и онъ первый объявилъ мнѣ, что каждый вновь назначенный губернаторъ получаетъ изъ казны на подъемъ по 5,000 р. Но сіе послѣднее обстоятельство въ отношеніи меня не вдругъ вполне оправдалось, ибо положеніе на сей счетъ заключалось въ томъ, что если новый губернаторъ назначается въ такую губернію, отъ которой мѣстопробываніе его было не далѣе 1,500 верстъ, то получалъ только 3,000 р., а далѣе—получалъ 5-т. руб. и сверхъ того прогоны. А какъ Симбирскъ нахо-

дится отъ Петербурга въ 1,450 верстахъ, то я долженъ былъ получить пособіе въ уменьшенномъ размѣрѣ.

Когда я прибылъ въ назначенное время къ министру, онъ принялъ меня самымъ благосклоннымъ образомъ. Привѣтливо поздравлялъ съ монаршею ко мнѣ довѣренностью, объявлялъ, что онъ надѣется совершенно, что мы будемъ подвизаться на новомъ для меня поприщѣ въ совершенномъ согласіи съ нимъ, повторивъ, что всѣ тѣ собранныя имъ свѣдѣнія обо мнѣ довершаютъ довольно и его личное ко мнѣ довѣріе, ибо достаточно было уже и одной рекомендаціи обо мнѣ кн. Меншикова, чтобъ положиться совершенно на меня. Къ сему присовокупилъ: «Я бы совѣтовалъ вамъ познакомиться хорошенько съ Жмакинымъ, знающимъ подробно и совершенно Симбирскую губернію». На вопросъ мой: кто такой Жмакинъ? Блудовъ съ удивленіемъ сказалъ: «Теперь я вижу, что вы истинный чудакъ! Жмакинъ—директоръ департамента исполнительной полиціи, съ которымъ всѣ губернаторы состоятъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ и даже въ нѣкоторой зависимости по дѣламъ». (Я состоялъ съ ноября при министерствѣ и не зналъ этого). «Я вамъ указываю потому на Жмакина, что онъ лѣтъ пять былъ симбирскимъ губернаторомъ, и хорошимъ губернаторомъ, т. е. дѣловымъ. Прибавлю откровенно, что въ примѣръ вамъ его не поставлю во всѣхъ отношеніяхъ! Между нами будь сказано: кто безъ грѣха! Но повторяю, что губернію вашу онъ знаетъ совершенно. Теперь же, вотъ еще одно обстоятельство: по Симбирской губерніи, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, всѣ казенные крестьяне обращены въ удѣльное вѣдомство. Это дѣло весьма важное и требуетъ особеннаго и большаго вниманія. Вамъ необходимо нужно будетъ явиться къ кн. Волконскому, министру императорскаго двора, но предварительно побывайте у гр. Перовскаго, вице-президента департамента удѣловъ; онъ объяснитъ вамъ весь ходъ сей операціи и всю важность, которую она въ себѣ заключаетъ при совершеніи оной; вы тогда сдѣлаетесь извѣстнымъ и государю. А какъ вы должны непременно представиться его императорскому величеству, то можете ли мнѣ теперь назначить день, когда вы будете къ тому готовы?»

Получивъ отъ меня отвѣтъ, что я еще не имѣю мундира и не могу отвѣчать ему на сіе опредѣлительно, дополнилъ: «нельзя-

ли къ вашему старому мундиру пришить воротникъ? ибо чѣмъ скорѣе это будетъ, тѣмъ лучше!» А между тѣмъ замѣтилъ мнѣ, что ежели я буду готовъ хотя бы до субботы (это была среда), то, чтобъ ночью, въ первомъ, во второмъ и даже въ третьемъ часу, прислалъ бы къ нему сказать объ этомъ: его разбудятъ и онъ пошлетъ тотчасъ же нарочную обо мнѣ докладную записку.

Отъ министра я отправился къ товарищу его, графу Строганову, генераль-адъютанту и артиллерійскому генераль-маіору. Отъ него я тоже получилъ подтвержденіе о важности случая обращенія казенныхъ крестьянъ въ удѣльные, съ наставленіемъ, чтобы, по прибытіи моемъ въ Симбирскъ, я даже не затруднялъ бы себя подробностями приѣма губерніи, прежде нежели вникну подробно и совершенно въ ходъ сего важнѣйшаго государственнаго дѣла, окончаніемъ котораго я успокою государя и ихъ всѣхъ... Однимъ словомъ, сила общихъ выраженій министра и его товарища на сей разъ необыкновенно меня озадачила. До того времени я даже и понятія не имѣлъ, что такое казенный и что удѣльный крестьянинъ? Я даже не полагалъ никакой разницы между ними и помѣщичьими вообще, но соединялъ ихъ въ одно общее названіе «казенныхъ».

Потомъ посѣтилъ я Лекса и наконецъ явился къ Жмакину. Первый объявилъ мнѣ, что о назначеніи мнѣ по положенію 3,000 руб. распоряженіе уже сдѣлано, а послѣдній, отрекомендовавшись мнѣ, сказалъ, что его министръ особенно просилъ со мною познакомиться.

Выходя отъ Лекса, изъ канцеляріи, встрѣтился я тамъ съ дѣйств. стат. сов. Жемчужниковымъ, товарищемъ моимъ по корпусу и по артиллеріи, бывшимъ уже въ Рязани губернаторомъ, но оставившимъ сіе званіе и теперь числившимся по министерству внутреннихъ дѣлъ. Онъ былъ въ близкихъ родственныхъ связяхъ съ Перовскимъ, а именно былъ женатъ на его родной сестрѣ, но въ то время уже былъ вдовъ. Поздравивъ меня съ назначеніемъ въ губернаторы, онъ объявилъ мнѣ, что эта участь была предназначена прежде для него; но зная совершенно своего роденьку, онъ просилъ гр. Бенкендорфа, при которомъ прежде служилъ, устранить его отъ сего назначенія и именно указалъ на меня, говоря, что я вѣрно буду въ состояніи устроить дѣла удѣльныхъ крестьянъ лучше его и согласнѣе съ Перовскимъ!... Когда же я сказалъ

ему, что думаю на-завтра ѣхать знакомиться съ Перовскимъ, то онъ просилъ меня прежде побывать у него, увѣряя, что онъ многое можетъ сообщить мнѣ впередъ, что нужно для моей же пользы и спокойствія, и взялъ съ меня слово вмѣсто Перовскаго быть на-завтра у него.

Когда я пріѣхалъ къ нему, по назначенію, въ четвергъ, и сказалъ, что отъ него прямо отправляюсь къ Перовскому, онъ сказалъ мнѣ, что тотъ сегодня рано отправился въ земледѣльческую удѣльную школу, откуда хотя и вернется часу въ первомъ, во рѣшительно убѣждалъ меня въ этотъ день съ нимъ не видаться, ибо посѣщеніе сей школы всегда оставляло за собою сильнѣйшее раздраженіе у Перовскаго и безъ того уже желчнаго по характеру, и первоезнакомство съ нимъ, въ минуты подобнаго расположенія, неминуемо должно было оставить навсегда за собой слѣды непріязни, а совѣтывалъ отправиться къ нему завтра, часовъ въ 8 и никакъ не позже 9-ти утра, когда онъ еще ничѣмъ и никѣмъ не разсерженъ.

Въ пятницу, въ осьмомъ часу, Перовскій принялъ меня весьма благосклонно, объявилъ, что Жемчужниковъ наканунѣ предварилъ его уже о моемъ посѣщеніи. Разказалъ мнѣ текущій ходъ дѣла передачи крестьянъ, просилъ до отъѣзда моего еще разъ съ нимъ повидаться и, ежели желаю представиться кн. Волконскому, то именно въ тотъ день, чтобы онъ могъ приготовить князя къ моему пріему.

Въ тотъ же день, въ 10 часовъ, я явился къ Жмакину; познакомивъ меня съ мѣстностью, промышленностію Симбирской губерніи, нравами ея разнородныхъ обитателей, онъ далъ мнѣ обѣщаніе познакомить короче и съ главнымъ общественнымъ ея сословіемъ—дворянами, прося для сего дня три срока, а по истеченіи сего времени онъ далъ мнѣ списокъ съ именами и прозваніями до 250 дворянъ и съ отмітками. Здѣсь я долженъ отдать полную справедливость Жмакину. Отмітки его были такъ вѣрны и такъ добросовѣстны, что въ послѣдствіи ни въ одномъ изъ объясненій, мнѣ данныхъ, я не имѣлъ случая ошибиться. Это обнаруживаетъ внимательный взглядъ, проницательность и совершенное знаніе людей Жмакинымъ.

Рѣзче всѣхъ онъ указалъ мнѣ характеръ и свойства коллежскаго совѣтника Андрея Васильевича Б..... ва, управляю-

щаго удѣльными имѣніями, съ которыми судьба прежде всѣхъ и короче всѣхъ доставила мнѣ случай состязаться. «Вотъ человекъ, — говорилъ мнѣ Жмакинъ, — души низкой, пронырливый, но ума утонченнаго! Изъ своихъ видовъ, — А. В. Б. . . . въ не только пожертвуетъ своими родными, женою, дѣтьми, и, ежели вѣра есть въ немъ, даже самимъ Богомъ! Онъ имѣетъ большія связи въ губерніи и въ столицѣ. Дай Богъ, чтобы у васъ не вышло съ нимъ какого либо непріятнаго столкновенія; но опасаясь рѣшительно, что это должно случиться. Нѣтъ мѣръ осторожности, которыхъ бы его хитрая душа не ниспровергла!»

Увы! Пророчество сіе сбылось не въ долгій срокъ времени...

Въ воскресенье, за нѣсколько минутъ до полудня, явился я во дворецъ и, въ покояхъ предъ кабинетомъ государя, я нашелъ другаго начальника губерніи, вновь назначеннаго начальника Ылостовской области, статскаго совѣтника Гоноропуло, также для представленія. Я былъ одѣтъ сообразно рисункамъ, какъ указано быть во дворцѣ, т. е. въ короткомъ исподнемъ платьѣ, въ чулкахъ и башмакахъ. Гоноропуло же былъ въ ботфортахъ. Разнообразіе нашихъ костюмовъ навело безпокойство на моего товарища и я, съ своей стороны, отъ всей души желалъ бы единообразія съ нимъ въ одеждѣ, но оставалось ровно $\frac{1}{4}$ часа до полудня и къ тому не предстояло никакой возможности. По прибытіи моемъ, тотчасъ вышелъ, въ военной формѣ, камердинеръ государя и спросилъ: «не представляться-ли я прибыль?» подавъ мнѣ листъ бумаги, прося записать мое имя въ докладъ государю, который въ это время находился еще въ церкви, у обѣдни. Черезъ пять минутъ въ этотъ покой вошли два флигель-адъютанта, Куртовъ (?) и Рамзай, также для представленія, но они пошли далѣе во внутренніе покои, а за ними прошли туда же военный генералъ-губернаторъ Эссенъ, комендантъ Мартыновъ и оберъ-полицеймейстеръ Кокоскинъ.

Видно было какъ государь изволилъ пройти по корридору въ кабинетъ, возвращаясь изъ церкви, и тотчасъ послѣ сего вышелъ другой камердинеръ и спросилъ: «кто г. Жиркевичъ?» На отвѣтъ мой, сказалъ: «государь проситъ извиненія, что нѣсколько минутъ заставитъ обождать». Всѣ пятеро, прежде прошедшіе во внутренніе покои — вышли. На часахъ стрѣлка вступила ровно на полдень и двери распахнулись на обѣ половинки. «Государь проситъ васъ, гг.!» сказалъ камердинеръ.

Пройдя одинъ покой, мы вступили вмѣстѣ въ кабинетъ. Государь стоялъ впереди письменнаго стола, въ сюртукѣ Семеновскаго полка, но безъ полусабли. Сдѣлавъ шагъ впередъ къ намъ, онъ привѣтствовалъ насъ словами: «Прошу пожаловать, господа. Г. Жиркевичъ, хочу съ вами познакомиться. Гдѣ вы прежде служили?»

— На Тульскомъ оружейномъ заводѣ, помощникомъ командира по хозяйственной части, В. И. В—во.

— «А передъ тѣмъ?»

— По полевой артиллеріи и при артиллерійскомъ департаментѣ, В. И. В—во.

— «Начали службу?»

— По гвардейской артиллеріи.

— «Когда вы вышли изъ гвардіи?»

— Въ 1816 году.

— «Вмѣстѣ служили, но не припомню. Мнѣ васъ рекомендовали и я очень радъ, что могу теперь съ вами покороче познакомиться. Я полагаю, что вамъ извѣстны обстоятельства, по которымъ я счелъ нужнымъ переимѣнить въ Симбирскѣ губернатора Загряжскаго. Я имъ былъ, впрочемъ, доволенъ, но онъ занемогъ,—политически, разумѣется! (Государь улыбнулся). У него вышли какія-то дразги съ губернскимъ предводителемъ княземъ Баратаевымъ. Личности, о которыхъ я и знать бы не хотѣлъ. Они могли между собою развѣдаться, какъ имъ было бы угодно. Мы бы сквозъ пальцы посмотрѣли бы на это, но, къ несчастію и моему неудовольствію, вмѣшалось тутъ дворянство—симбирское дворянство! Я не скажу, чтобы ими я былъ бы недоволенъ совершенно! Оно готово на все и много дѣлаетъ, полезнаго, но на этотъ разъ поступило крайне неосмотрительно, вмѣшавшись не въ свое дѣло. До той минуты, когда я назначилъ васъ въ Симбирскъ губернаторомъ, оно въ Загряжскомъ должно было знать своего прямого и настоящаго начальника. Загряжскій не умѣлъ поддержать званія своего какъ слѣдуетъ. Теперь вашему пр—ву предстоитъ трудъ поставить званіе сіе на ту точку, съ которой оному не слѣдовало спускаться. Я увѣренъ вполнѣ, что вы оправдаете мою къ вамъ довѣренность! Теперь о другомъ: въ Симбирскѣ около 300,000 казенныхъ крестьянъ по волѣ моей обращаются въ удѣлъ. Дѣло новое и обширное. Это дѣлается къ собственному ихъ благополучію, но, какъ въ дѣлѣ новомъ, конечно, могутъ

встрѣтятся разныя недоразумѣнія, а болѣе всего толки, несообразныя съ дѣломъ. Я возлагаю въ особенности на васъ обратить все ваше вниманіе на сей предметъ. Я получилъ отъ гр. Протасова донесеніе, что переверстка идетъ безъ затрудненія»...

— Я читалъ донесеніе гр. Протасова,—сказалъ я.

—«И такъ хорошо,—продолжалъ государь начатую рѣчь, не смотря на мой неумѣстный перерывъ,—что крестьяне даже просили дозволенія служить молебень за ихъ обращеніе въ удѣлъ. Такъ и быть должно! Это дѣлается собственно къ добру ихъ! Мнѣ остается присовокупить, что я ввѣряю вамъ спокойствіе болѣе чѣмъ милліона людей, а на этомъ спокойствіи основано мое собственное. Вы будете цѣнить это, я исполнѣн увѣренъ въ томъ!»...

Потомъ государь, обратясь къ Гоноропуло, привѣтствовалъ его—«что онъ уже давно знакомъ съ нимъ, но что въ настоящую минуту онъ долженъ ему напомнить, что въ Бѣлостокъ назначилъ его губернаторомъ по представленію кн. Долгорукаго» (тамошняго генераль-губернатора). Тутъ глаза государя заблестали, станъ выпрямился и онъ, возвыся голосъ, сказалъ:

— «Мнѣ нечего тебя учить, какъ слѣдуетъ обращаться съ полями. Долгорукій тебѣ живой примѣръ. Имѣй на рукахъ желѣзныя рукавицы! Къ тебѣ они полѣзутъ въ душу, будутъ изгибаться, кланяться, но помни мои слова: полякъ—всегда полякъ: не помнитъ благодѣяній и даже не чувствуетъ ихъ! Онъ будетъ виться змѣею у ногъ твоихъ, будетъ лизать ихъ, пока не доберется до шен—а тамъ задушитъ тебя! Повторяю опять: держи ухо остро!»....

И потомъ, съ прежнимъ ласковымъ взглядомъ обратясь ко мнѣ, спросилъ: «скоро вы располагаете ѣхать?» На отвѣтъ мой, что дня, чрезъ два, прибавилъ: «чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! Желаю вамъ хорошаго пути. А съ тобой,—продолжалъ государь, обратясь къ Гоноропуло,—еще увидимся—не прощаюсь».

Когда же мы оба вышли изъ кабинета, то государь сдѣлавъ шага два въ слѣдующій покой, изволилъ сказать: «прощайте, ваше пр—во, желаю вамъ счастливаго пути и исполненія вашихъ желаній! Увѣренъ, что они совершенно согласны съ моими. Прощайте!»...

Не умѣю выразить съ какимъ духомъ я приступилъ къ сей первой аудіенціи и съ какимъ вышелъ изъ оной! До прибытія моего во дворецъ я все еще размышлялъ и готовилъ себя какъ предстать предъ государемъ, но войдя я ничего не видѣлъ, кромѣ

благосклоннаго взора царева и его милости, забывшись даже до того, что въ одномъ мѣстѣ прервалъ рѣчь его. Выйдя изъ кабинета, я чувствовалъ, что не было такой жертвы, которую я не былъ-бы въ готовности принести для исполненія священной воли его ¹⁾).

Изъ дворца поѣхалъ я прямо къ Таньеву, съ которымъ я былъ уже знакомъ прежде, по службѣ его при гр. Аракчеевѣ. Возобновивъ наше забытое знакомство и вспомнивъ прежнее, онъ просилъ меня обратить вниманіе на дѣло о размежеваніи не-

¹⁾ По прибытіи моемъ въ Симбирскъ, я узналъ, что Загряжскій прежде служилъ тоже по удѣльному вѣдомству и былъ рекомендованъ въ губернаторы Перовскимъ. Съ губерв. предводителемъ Баратаевымъ онъ былъ въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ, но, къ несчастію, былъ нескроменъ въ рѣчахъ и часто, безъ размысленія о послѣдствіяхъ, велъ разговоры съ каждымъ лицомъ, не соображая тѣхъ связей, съ которыми то лицо было въ сношеніяхъ. Кн. Баратаевъ помогилъ старшую дочь за сослуживца Загряжскаго по гвардіи кн. Дадьяна. Въ разговорахъ съ симъ послѣднимъ, Загряжскій съ усмѣшкой намекалъ ему, что для него могла бы найтись болѣе выгодная партія, и даже коснулся короткости въ домѣ Баратаева, съ дѣтьми его и въ особенностяхъ со старшей дочерью, одного изъ учителей, преподававшихъ тамъ уроки. Это, конечно, дошло до свѣдѣнія Баратаева и поссорило его съ Загряжскимъ. Когда подошли дворянскіе выборы по Симбирской губерніи, то Баратаевъ, бывши губернскимъ предводителемъ болѣе 20-ти лѣтъ, на предстоящее трехлѣтіе отказался отъ занятія сей должности. Дворянство, зная, что виною этому была размолвка его съ Загряжскимъ и не уважая какъ слѣдуетъ сего послѣдняго, придумало дать обѣдъ князю, не приглашая губернатора, о чемъ и были сильныя толки и сужденія въ заглѣ дворянства. Баратаевъ, получивъ приглашеніе на обѣдъ, спросилъ: «будетъ ли на обѣдѣ Загряжскій?» и когда ему объявили, что его не намѣрены звать, изъявилъ свое согласіе быть на обѣдѣ, ставя условіемъ отсутствіе губернатора. Пошли опять новыя толки и рѣшили звать того и другаго. Обѣдъ назначили въ 3 часа. Загряжскій прибылъ въ назначенное время, а Баратаевъ въ 4 часа. Въ этотъ промежутокъ времени, каждый избѣгалъ, какъ будто, разговора съ Загряжскимъ. За обѣдомъ предложены были тосты: за государя, императорскую фамилію, князя Баратаева, архіерея и дворянство—и этимъ кончили. Но когда уже хотѣли вставать изъ-за стола, Баратаевъ напомнилъ о губернаторѣ и какъ будто въ насмѣшку, вѣдѣвъ со стукомъ стульевъ и посторонними разговорами, человѣка четыре провозгласилъ тостъ сему послѣднему. Это пустое обстоятельство подробно и даже съ назидательствомъ, чрезъ жандармовъ, а въ особенности чрезъ Андрея Бестужева, дошло до Петербурга. Бестужевъ былъ въ домѣ Загряжскаго самымъ короткимъ приближеннымъ, но когда пошла передача казенныхъ крестьянъ въ удѣлъ, на чемъ-то они размолвились между собою. Бестужевъ, опираясь на жандармскаго полковника Флинге, сталъ съ каждою почтою писать что нибудь о Загряжскомъ, а Флинге началъ посылать къ самому Загряжскому бумаги самаго дерзкаго содержанія. Все сіе вынудило государя смѣнить его съ должности начальника губерніи. И. Ж.

большаго имѣнія его въ Симбирской губерніи, которое совершенно хотятъ обрѣзать въ пользу сосѣдей, по крайней мѣрѣ такъ пишетъ ему управляющій,—и о продолженіи прежней нашей дружбы.... Затѣмъ совѣтовалъ мнѣ долго не засиживаться въ Петербургѣ, а спѣшить скорѣе выѣхать, ибо онъ увѣренъ, что государь еще не одинъ разъ объ этомъ будетъ спрашивать и его и другихъ.

На другой день я представлялся, уже въ мундирѣ, гр. Блудову, Строганову, Бенкендорфу, Чернышеву и Дашкову, министру юстиціи. Сей послѣдній меня не принялъ, но вечеромъ прислалъ ко мнѣ визитную карточку и просилъ меня быть у него еще разъ на слѣдующій день, вечеромъ.

Когда я пріѣхалъ представиться гр. Бенкендорфу, то я нашелъ тамъ начальника 1-го округа жандармовъ Полозова, гораздо младшаго товарища мнѣ по корпусу и по гвардейской артиллеріи, но въ это время весьма уже опередившаго меня по службѣ. Имѣя бездовладный доступъ къ графу, онъ, по всей вѣроятности, предупредилъ его обо мнѣ, такъ что когда онъ вошелъ въ пріемную, гдѣ стояло насъ нѣсколько представляющихся лицъ, Бенкендорфъ, услышавъ мою фамилію, сказалъ: «съ вами, ваше пр—во, я уже очень знакомъ и для меня пріятно было-бы, если и вы меня такъ же хорошо узнали, какъ я уже васъ знаю! Благодарю васъ, что вы доставили мнѣ случай лично познакомиться съ собою, и скажу, что я былъ однимъ изъ тѣхъ, которые васъ рекомендовали государю для настоящаго званія. Вы оное достойно получили!» Затѣмъ, взявъ меня за руку, отвелъ меня въ сторону, къ окну, и продолжалъ: «Мнѣ нечего говорить вамъ, что работы будетъ много и какія теперь обстоятельства по Симбирской губерніи. Я васъ прошу о двухъ вещахъ: тамъ теперь находятся моихъ два штабъ-офицера, которыхъ прошу принять подъ свое покровительство и еще—чтобы вы обо всемъ экстренномъ и о различныхъ недоразумѣніяхъ, могущихъ случиться, были бы въ прямыхъ сношеніяхъ со мной. Письмо ваше будетъ доказательствомъ ко мнѣ довѣрія, а я могу и даже желаю быть вамъ полезнымъ»...

На другой день, вечеромъ, въ 8 часовъ, я поѣхалъ къ Дашкову и безъ минуты ожиданія былъ допущенъ къ нему. Пройдя комнатъ восемь, меня ввели къ нему въ кабинетъ, гдѣ я нашелъ его лежащимъ на диванѣ, съ книгой въ рукахъ, одѣтымъ въ сѣрый,

фризовый сюртукъ. Привставъ, подалъ мнѣ руку и, усадивъ возлѣ себя, сказалъ: «Дмитрій Николаевичъ, мой искренній другъ, мнѣ особенно рекомендовалъ васъ. Душевно желаю познакомиться съ вами. Я самъ симбирскій дворянинъ, а потому вашъ покорный слуга и прошу вашего покровительства!»... Послѣ обыкновенныхъ возраженій на подобныя привѣтствія, онъ воснулъ, въ разспросахъ, моей прежней службы. Хвалилъ моихъ предшественниковъ, Жмакина и Загряжскаго; о послѣднемъ жалѣлъ очень, и подъ конецъ прибавилъ: «у меня въ Симбирскѣ есть два имѣнія, въ разныхъ уѣздахъ, и особенно ими никто не управляетъ. Я иногда бываю самъ тамъ, наѣздомъ. Но поверхностно заведуетъ ими старшій управляющій имѣніемъ княгини Вяземской, послѣдняя станція предъ Симбирскомъ. Я напишу къ нему, чтобы въ проѣздъ вашъ онъ явился къ вамъ. Взгляните добрымъ окомъ на старика. Онъ человѣкъ добрый, но немного крутенежъ съ крестьянами и они иногда на него даже жалуются, а потому я особенно его поручаю вашей милости!» Я отвѣчалъ, что, конечно, готовъ все сдѣлать для него удобное, но чтобы это было только вполне согласно съ закономъ и справедливостью. Дашковъ сказалъ: «Болѣе и не требую. Знаю, что, видя во мнѣ помѣщика, вы тоже будете видѣть и министра».—Юстиціи!—прервалъ я,—и въ этомъ отношеніи ваше высокопр—во, я увѣренъ, отдадите должное мнѣ одобреніе!... На этомъ мы разстались весьма привѣтливо. На другой день Жмакинъ сказывалъ мнѣ, что Дашковъ, увидѣвшись съ нимъ, сказалъ: «Ну, Блудовъ далъ теперь въ Симбирскѣ настоящаго губернатора!»...

Ужасно не понравилось мнѣ одно обстоятельство, во время посѣщенія Дашкова: это то, что, когда я вышелъ отъ него, камердинеръ, провожая меня до лѣстницы, отворивъ двери, ровно шесть разъ сказалъ: «поздравляю ваше пр—во съ монаршею милостью!» Я благодарилъ судьбу, что захватилъ съ собою деньги—ему далъ 25 руб., а швейцару, за такое-же привѣтствіе, 5 рублей.

Отъ Дашкова поѣхалъ я прямо къ кн. Меншикову, который на сей разъ принялъ меня не по прежнему, но—какъ служащаго чиновника—холодно и гордо, обратясь ко мнѣ съ указаніями на корабельные лѣса въ губерніи.

Въ пятницу утромъ, въ мундирѣ, былъ я у Перовскаго, прося

его представить меня кн. Волконскому, а вмѣстѣ съ тѣмъ снабдить меня нужными наставленіями, относительно удѣльныхъ крестьянъ. Перовскій объявилъ, что у князя умерла накануне внучка, по каковому случаю онъ даже и его не принимаетъ къ себѣ, а взялся доложить только о моемъ намѣреніи представиться. На счетъ удѣльныхъ крестьянъ просилъ: принять подъ особое покровительство ихъ дѣла и въ особенности тамошняго управляющаго удѣльной конторы, коллежскаго совѣтника Бестужева, рекомендуя его какъ отличнаго и усерднаго чиновника, благородно мыслящаго человѣка, котораго онъ вполне знаетъ и на котораго совершенно полагается. «Онъ явится къ вамъ по моему приказанію,—сказалъ Перовскій,—и будетъ просить вашихъ наставленій и руководства, въ которыхъ прошу васъ и лично ему не отказывать, а также дозвольте мнѣ иногда самому прямо и откровенно относиться къ вамъ!»

Когда я явился къ министру двора, то онъ, кн. Волконскій, усадилъ на диванъ съ собою и продержалъ меня ровно часъ, разговаривая о прежней моей службѣ, и разными подробностями, относящимися до нея, показалъ, что меня знаетъ. Между прочимъ выразился, что очень радъ, что судьба ставитъ насъ въ близкія сношенія! (?). Но сколько ни порывался я спросить его приказаній или наставленій, относящихся къ дѣлу, т. е. до удѣльныхъ крестьянъ—не могъ добиться ни одного слова! Наконецъ, всталъ, пожалъ мнѣ руку и, поцѣловавъ меня, пожелалъ счастливаго пути. Тѣмъ и кончилась моя аудіенція!

Изъ Петербурга выѣхалъ я 17-го марта.

Вышеназложенныя подробности укажутъ въ послѣдствіи характеры лицъ, съ коими я встрѣтился на поприщѣ сей важной службы моей—и что значатъ ложныя слова случайныхъ людей.

Сообщ. С. Д. Карповъ и В. Н. Жиркевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ ИВАНА СТЕПАНОВИЧА ЖИРКЕВИЧА.

1789—1848.

XXIV ¹⁾).

Выѣздъ губернатора въ Симбирскую губернію. — Симбирскъ. — Выѣздъ на ревизію въ губернію. — Крестьянскій бунтъ на мѣжѣ. — Маіоръ Э. И. Отоговъ. — Жандармы и отношенія къ нимъ губернатора. — «Секретная инструкція». — Гр. Строгановъ. — Бенардаки. — Основаніе его богатства. — Бурлаки и вопросъ о паспортахъ.

1834 г.

Въ Симбирскую губернію я въѣхалъ 29-го марта. Вода ливнемъ стекала съ горъ, земля во многихъ мѣстахъ обнажилась, а по дорогѣ черноземная грязь такъ затягивала полозья, что я на первой станціи Симбирской губерніи, не смотря, что въ экипажѣ мой впрягли восемь лошадей, принужденъ былъ его оставить, приказавъ его поставить опять на лѣтній ходъ, а самъ, пересѣвъ въ розвальни съ слугою, въ одномъ тепломъ сюртукѣ и вицъ-мундирѣ потащился далѣе, а чрезъ двѣ станціи прибылъ въ первый городъ Симбирской губерніи—Ардатовъ.

Тутъ и слуха не было еще о смѣнѣ прежняго губернатора и о моемъ назначеніи. Остановясь на постояломъ дворѣ, я послалъ просить къ себѣ городничаго, который, явясь ко мнѣ, самымъ подозрительнымъ образомъ на меня поглядывалъ и казалось, что онъ подозрѣвалъ во мнѣ самозванца! Какъ скоро это недоразумѣніе объяснилось, онъ тотчасъ предложилъ мнѣ, для отдыха, перебраться на его квартиру,—ибо дѣйствительно та, которую мнѣ предоставила судьба на первыхъ порахъ въ моей гу-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 627—648; т. XVII, стр. 127—144; 251—266; 771—786. Изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 401—423. Нынѣ помѣщаемыя главы написаны И. С. Жиркевичемъ, какъ видно изъ его помѣтки: «въ Витебскѣ, въ 1841 г. марта 31-го».

берній, была очень неудобна, а въ особенности грязна,—на что я съ благодарностью изъявилъ свое согласіе, тѣмъ болѣе, что кромѣ отдыха я хотѣлъ пробыть въ этомъ городѣ одинъ день для осмотра казенныхъ заведеній, а болѣе всего разспросить кое-что касательно начатаго уже обращенія казенныхъ крестьянъ въ удѣлъ. Попросивъ городничаго, прежде чѣмъ ѣхать къ нему на квартиру, свезти меня въ городскую больницу и тюрьму, мы вышли на крыльцо и, когда подѣхалъ его экипажъ, я подумалъ, что онъ надо мной смѣется, или долженъ быть весьма странный въ своемъ образѣ жизни: я увидѣлъ въ первый разъ тарантасъ,—экипажъ, о которомъ и понятія не имѣлъ!..

Признаюсь, первая встрѣча съ общественными заведеніями, тюрьмою и больницею не совсѣмъ меня порадовала, а разспросы о средствахъ къ улучшенію этихъ заведеній меня еще болѣе огорчили. Но за то другой предметъ, именно переходъ крестьянъ въ удѣлъ, меня успокоилъ.

Въ самомъ Ардатовѣ цѣлая слобода населена бывшими казенными, а теперь удѣльными крестьянами и они не только не огорчились переменой своей участи и названія, но, казалось, еще болѣе были довольны онымъ, ибо съ самой первой минуты перехода они заявили свои претензіи на сосѣдніе участки какъ въ городу, такъ и въ мѣстнымъ помѣщикамъ, и новое ихъ начальство крѣпко обнадежило и уже принялось за нихъ хлопотать... На другой день явился ко мнѣ исправникъ и подтвердилъ тѣ же свѣдѣнія касательно уѣзда, съ оговоркой, что тамъ крестьяне болѣе толкуютъ о своемъ переворотѣ и что по сіе время находятся въ чадѣ своего превращенія...

Не доѣзжая 12-ти верстъ до Симбирска, совершенно на ровномъ мѣстѣ, часу въ первомъ ночи, наѣхали на экипажъ, въ половину опрокинутый въ воду, которая потокомъ стремилась черезъ дорогу и черезъ мостъ. На послѣднемъ стоялъ человекъ, по волѣна въ водѣ и держа лошадь подъ уздцы, кричалъ намъ, чтобы мы держались другой стороны дороги, ибо собственный экипажъ свидѣтельствуешь, что здѣсь рывина, и что онъ едва-едва не утонулъ, а теперь ждетъ помощи изъ дер. Баратаевки, куда онъ послалъ верхомъ своего ямщика. Возница мой, слѣдуя совѣту, взялъ влѣво и мой тарантасъ немедленно сталъ въ pendant другому экипажу, т. е. на бокъ въ рывину, зачерпнувши кузовомъ воду.

Чиновникъ мой Бранцевъ, ѣхавшій со мной, еще наканунѣ жаловавшійся на большую головную боль, спалъ. До моста оставалось сажень пять, но вода въ этомъ мѣстѣ съ такой силой неслась, что я не рѣшился перейти, а, боясь быть снесеннымъ и какъ я ни желалъ сохранить свое инкогнито до самаго города, принужденъ былъ приказать своему ямщику, чтобы овъ, отпрягнувши осторожнѣе лошадь, скакалъ бы въ деревню и собралъ тамъ мужиковъ, чтобы шли скорѣе вытаскивать губернатора. Тутъ проснулся и Бранцевъ мой, у котораго отъ холода и, вѣроятно, отъ усилившейся болѣзни, открылся бредъ, и, не постигая гдѣ мы и что съ нами, началъ вертѣться съ боку на бокъ, нести всякую ахинею и непремѣнно требовалъ, чтобы его выпустили вонъ. Какъ ни убѣждалъ его оставаться въ покоѣ, принужденъ былъ вступить въ единоборство и еле-еле удержалъ его въ экипажѣ. Такимъ образомъ болѣе часу проваляндаясь мы, рискуя ежеминутно выкупаться: стоило коренной лошади дернуть и нашъ тарантасъ тотчасъ бы опрокинулся въ воду. Наконецъ, показались, верховыхъ и на саняхъ, человѣкъ 30 крестьянъ, и начались нескончаемые крики, толки, кончившіеся тѣмъ, что отъ тарантаса до моста установили до шести саней безъ лошадей и я по импровизированному мосту, перескакивая съ однихъ саней на другія, добрался до послѣднихъ—запряженныхъ, гдѣ усѣвшись на днищѣ торжественно былъ ввезенъ на клячѣ въ Баратаевку. Товарища моего вынесли на рукахъ и потомъ точно такъ же привезли въ деревню. На другой день въ городѣ происшествіе это разгласилось и князь Баратаевъ, владѣлецъ этой деревни, привѣтствовалъ меня русскимъ каламбуромъ:

— «Ваше пр—ство не можете жаловаться, чтобы васъ въ Баратаевкѣ сухо встрѣтили!»

Въ Симбирскѣ я пріѣхалъ ночью съ 30-го на 31-е марта.

Вѣхавши въ городъ, я велѣлъ ямщику везти себя въ лучшую гостинницу, строго запретивъ объявлять, что я губернаторъ. Подѣхавши въ какиъ-то воротамъ, принались стучать, чтобы вызвать дворника, который, послѣ долгихъ ожиданій, наконецъ явился и повелъ насъ въ номеръ, въ которомъ не было даже зимнихъ рамъ, а стояли одиночныя съ разбитыми стеклами, заклеенными большею частью бумагою, да и та мѣстами порванная. Холодъ и сырость въ комнатахъ были невыносимыя. Все убранство ея

состояло изъ трехъ или четырехъ просиженныхъ соломенныхъ стульевъ, изъ неокрашенной, загаженной мухами и клопами кровати съ соломеннымъ тюфякомъ, желѣзнаго сломаннаго ночника и стѣны, унизанныхъ прусаками. Наконецъ пришелъ хозяинъ, мѣщанинъ въ грязномъ сюртукѣ и растрепанный до-нелѣзя, объявившій съ самодовольствомъ, что это лучший № въ его гостиницѣ и что «самые хорошіе господа всегда у него притуляются». Дѣлать было нечего, безропотно поворился своей участи, и, чтобы какъ нибудь скоротать до разсвѣта, я приказалъ согрѣть самоваръ и пустился разспрашивать хозяина о городскихъ новостяхъ. Хозяинъ оказался очень глупымъ мужикомъ и вдобавокъ совсѣмъ неразговорчивымъ, такъ что я его тотчасъ отпустилъ, а самъ, сидя на стулѣ, не рѣшаясь лечь на кровать, продремалъ до свѣта.

Въ 6 часовъ утра послалъ челоуѣка съ дорожною оповѣстить полиціе-мейстера, что новый губернаторъ ночевалъ уже въ городѣ. Сей немедленно явился и я прсиль его дать мнѣ болѣе приличную квартиру. Онъ мнѣ объявилъ, что весь губернаторскій домъ къ моимъ услугамъ и что тамъ я могу остановиться хоть сейчасъ; тогда я повторилъ вновь свое требованіе—квартиру. Черезъ полчаса я уже перешелъ на нее и, очистившись отъ дорожной грязи, приказалъ себя везти къ бывшему губернатору Z*....., котораго встрѣтилъ уже на дорогѣ, ѣхавшаго ко мнѣ. Пересѣвъ къ нему въ сани, я отправился къ нему въ домъ. Z*..... я нашелъ въ совершенномъ отчаяніи; указъ о смѣнѣ его былъ полученъ въ Симбирскѣ 25-го числа, а до того времени онъ и не думалъ о томъ. Первое, что онъ мнѣ предложилъ—это очистить для меня домъ, но я ему объявилъ, что если онъ изъ Симбирска уѣдетъ прямо не изъ губернаторскаго дома, то моя нога въ ономъ не будетъ, со дня его отъѣзда, ровно шесть мѣсяцевъ, что меня сильно разстроитъ, но, не смотря на все, непремѣнно поступлю такимъ образомъ. Затѣмъ старался успокоить его и, какъ замѣтно, не безъ успѣха, передавъ ему мнѣніе и отзывъ о немъ государя и нѣкоторыхъ министровъ, такъ что когда вошла въ кабинетъ его жена, съ которою онъ меня познакомилъ, то онъ весело передалъ ей все мною сказанное, говоря, что положеніе его не такъ худо, какъ онъ себѣ воображалъ. Оба разсыпались въ благодарностяхъ за мою деликатность, что я не пользуюсь своимъ правомъ и не выживаю ихъ съ занимаемой ими квартиры,

просили домъ ихъ считать своимъ и, пова не обзаведусь своимъ хозяйствомъ, сдѣлалъ бы имъ честь обѣдать у нихъ. Поблагодаривъ за предложеніе, я далъ слово обѣдать у нихъ этотъ день, не ручаясь за будущее, и, пробывъ у нихъ около часу, вернулся домой, а между тѣмъ въ городѣ уже прошла вѣсть о моемъ внезапномъ прибытіи.

Я объявилъ полиціимейстеру, ожидавшему меня на квартирѣ, что я въ этотъ день никого принимать не могу, но желалъ бы лишь видѣть у себя вице-губернатора, управлявшаго губерніею, также управляющаго удѣльною конторою NN. и обоихъ жандармскихъ штабъ-офицеровъ: губернскаго—маіора Стогова, и командированнаго по удѣльной части—подполковника Ф..., которыхъ просилъ непременно пожаловать ко мнѣ. Вице-губернаторъ пріѣхалъ черезъ $\frac{1}{4}$ часа, а Ф... черезъ часъ. О Стоговѣ и о NN. полиціимейстеръ доложилъ мнѣ, что первый отозвался усталостью, такъ какъ онъ только что вернулся въ городъ, а послѣдній отвѣчалъ ему на приглашеніе «хорошо». Продавши сихъ двухъ господъ до 3-хъ часовъ, я поѣхалъ обѣдать къ Загряжскому, гдѣ, кромѣ хозяевъ, обѣдалъ еще съ нами Ф....

Послѣ обѣда, возвратившись домой, часовъ около 6-ти вечера, пріѣхалъ ко мнѣ старый мой знакомый, бывшій губернскій предводитель, кн. Баратаевъ, и едва мы перекинулись нѣсколькими привѣтствіями, какъ доложили о пріѣздѣ NN. Баратаевъ тотчасъ всталъ и, простившись со мною, вышелъ (Баратаевъ былъ въ мундирѣ). Вошелъ NN., въ черномъ фракѣ съ вытертыми и облѣзлыми пуговицами. Если бы я и не былъ предупрежденъ на счетъ NN., то и тогда такое неприличіе его костюма при первомъ свиданіи со мною, какъ съ начальникомъ губерніи, могло бы меня удивить, но тутъ я тотчасъ понялъ и цѣль и дерзость сего чиновника. Со всѣмъ тѣмъ, заботясь объ исполненіи лишь священнаго слова государя и о настоящемъ дѣлѣ, а не о формахъ одежды—я съ привѣтливостью пригласилъ г. NN. садиться; рекомендуясь ему какъ новопріѣзжій, просилъ о знакомствѣ, извиняясь, что не предупредилъ его моимъ визитомъ, и просилъ его вразумленія и свѣдѣній по общему нашему дѣлу. Съ первыхъ словъ онъ началъ бранить Z*....., казенную палату и прежнее управленіе казенныхъ крестьянъ. Въ самыхъ рѣзкихъ и неприличныхъ словахъ отзывался онъ о сдѣланныхъ, до

моего прибытія, распоряженіяхъ и съ нахальствомъ объявилъ, «что онъ сумѣетъ справиться», хотя видимо бунтуетъ крестьянъ ихъ прежнее начальство. Потомъ, все болѣе и болѣе удаляясь отъ дѣла, началъ рассказывать мнѣ городскіе анекдоты, распри Z*..... съ нимъ и съ другими и, наконецъ, свелъ свою рѣчь къ наставленіямъ меня какъ управлять губерніею. Раза три или четыре я пробовалъ прерывать его рассказы и сводилъ рѣчь на настоящее дѣло, но онъ какъ будто бы все увертывался отъ моихъ разспросовъ и еще съ большимъ увлеченіемъ продолжалъ свои росказни. Въ такой бесѣдѣ мы провели съ часъ времени и когда онъ всталъ и сталъ прощаться со мной, я ему сказалъ:

— Милостивый государь! Я знаю, что вы не подчинены моему начальству. Но въ настоящемъ дѣлѣ у насъ цѣль общая—ибо Государь повелѣтъ соизволилъ мнѣ въ особенности озаботиться, чтобы переходъ казенныхъ крестьянъ въ удѣлъ совершился мирно и покойно; а такъ какъ я долженъ признаться вамъ, что, служа постоянно по военной части и не бывъ помѣщикомъ, не знаю всѣхъ подробностей крестьянскаго быта, а между тѣмъ, по настояніямъ и моего и вашего начальства, долженъ предполагать, что существуетъ разница между бытомъ казеннаго и удѣльнаго крестьянина, а потому прошу васъ, ради пользы службы, если бы вамъ пришлось дѣлать какія либо распоряженія, разорительно перемѣняющія привычки крестьянъ,—приступая къ онымъ, не откажите мнѣ—не письменно, но хоть словесно, предварить меня, чтобы я, во всякое время, былъ готовъ, если надобность потребуетъ, вамъ содѣйствовать...

— «Вижу, ваше пр—во,—отвѣчалъ онъ мнѣ,—цѣль вашу: вамъ очень хочется взять удѣльныхъ крестьянъ подъ вашу руку. Это очень легко сдѣлать. Я завтра же рапортуюсь больнымъ и вы можете распоряжаться какъ вамъ будетъ угодно»...

— Г. NN.—вскричалъ я, весь вспыхнувъ отъ такой наглости, — я виноватъ, что поводъ къ такой дерзости вашей подалъ я самъ, тѣмъ, что съ перваго раза не осадилъ васъ, когда вы позволили себѣ явиться ко мнѣ, начальнику губерніи, въ этомъ фрагѣ! Знайте, что я не унижу себя принятіемъ вашихъ на себя обязанностей, но сейчасъ же васъ отрѣшу и съ жандармомъ прямо отправлю въ Петербургъ при донесеніи моемъ Государю, а васъ замѣню другимъ чиновникомъ.

Онъ затрясся отъ испуга и, перемѣня тонъ, тотчасъ сталъ извиняться, говоря, что, точно, былъ неостороженъ, что отъ усиленныхъ занятій голова его въ напряженномъ состояніи, часто не помнитъ что говорить и что онъ проситъ великодушно простить его и что дѣлъ у него точно та же, какъ и у меня—исполнить волю и повелѣніе государя. Въ доказательство того, что онъ смотритъ и почитаетъ меня какъ хозяина здѣшней губерніи, слѣдовательно, отчасти и своимъ начальникомъ—это то, что, когда завтра будутъ представляться мнѣ чиновники, онъ прибудетъ тоже со всѣми своими служащими и съ рапортомъ—однимъ словомъ, видимо перепугался и образумился.

Какъ много я ни былъ предупрежденъ въ Петербургѣ, но я не думалъ, чтобы NN. былъ таковъ, и, предвидя въ будущемъ общее съ нимъ служеніе, я взялъ на себя—опять пригласить его съѣсть съ собою, сталъ говорить о дѣлѣ. Отвѣты получалъ прістойные и удовлетворительные, а чрезъ полчаса, отпуская его, я же извинился въ своей горячности. Просилъ его не только извинить меня, но не перепускать черезъ порогъ этого происшествія и размовки между нами. Просилъ отнюдь не являться ко мнѣ съ рапортомъ, повторяя, что не признаю себя его начальникомъ въ частности, но на случай затрудненій при переходѣ крестьянъ, по волѣ его же начальства, обязанъ съ нимъ участвовать вмѣстѣ, и получилъ отъ него слово, что все останется между нами, какъ будто не было размовки, и никому ни слова не скажетъ объ этомъ. На другой день онъ пріѣхалъ, вмѣстѣ съ прочими чиновниками, въ мундирѣ, и я, въ тотъ же день, въ числѣ значительнѣйшихъ лицъ, заплатилъ ему мой визитъ. На Святой недѣлѣ обѣдалъ у него публично—а онъ, между тѣмъ, исказивъ нашъ разговоръ, съ жалобой на меня, въ тотъ же день, отнесся къ Перовскому и тѣмъ положилъ основу неприязни сего послѣдняго ко мнѣ и настоящему (писано въ 1841 г.) непріятному для меня положенію.

На другой день чиновники и жительствоващіе въ городѣ дворяне удостоили меня своимъ посѣщеніемъ, и послѣ нихъ явился и г-нъ майоръ Э. И. Стоговъ. Сей послѣдній доставилъ мнѣ въ разговорѣ по крайней мѣрѣ нѣкоторые свѣдѣнія, которыя указали мнѣ путь къ моимъ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ.

Ровно чрезъ двѣ недѣли послѣ вторичнаго посѣщенія NN,

я получилъ официальное письмо отъ Перовскаго, въ которомъ онъ пишетъ мнѣ, «что, при отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга, онъ просилъ меня покровительствовать и содѣйствовать удѣльнымъ распоряженіямъ, но онъ опасается, чтобы не произошло тутъ какого либо недоразумѣнія. Удѣльное начальство и управленіе имѣютъ особыя правила и учрежденія, состоя въ непосредственномъ вѣденіи удѣльнаго департамента, а потому, и теперь повторяя свою покорную просьбу о томъ же предметѣ, долгомъ считаетъ присовокупить, что эта просьба именно относится къ тѣмъ случаямъ, когда мѣстное удѣльное начальство само будетъ обращаться за содѣйствіемъ», — однимъ словомъ, я понялъ, что NN. жаловался на то, что произошло между нами при первомъ нашемъ свиданіи, представивъ Перовскому весь разговоръ въ превратномъ видѣ.

Я отвѣчалъ Перовскому, что помню въ буквальный смыслъ всѣ сдѣланныя имъ въ Петербургѣ мнѣ наставленія и порученія; что вовсе не думалъ ни на волосъ отступать отъ нихъ. Съ юности моей поставилъ себѣ за самое строгое правило—не вмѣшиваться никогда въ чужія дѣла, и я свято, по сіе время, слѣдую оному. Не нарушая его, не нарушу и въ отношеніи удѣльнаго вѣдомства. Черезъ двѣ почты я получилъ указъ сената, что сенатору Перовскому высочайше повелѣно отправиться въ Симбирскъ, для удобнѣйшаго устройства удѣльнаго управленія и для согласенія дѣйствій онаго съ мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ, предоставляя ему дѣйствовать въ семъ случаѣ на правахъ ревизующаго губернію сенатора. Перовскій прибылъ въ Симбирскъ около половины мая.

На первый день св. Пасхи я обѣдалъ у кн. Баратаева, уже не губернскаго предводителя, но, за неутвержденіемъ таковаго, исправляющаго эту должность. Кромѣ этого званія онъ исполнялъ обязанности попечителя губернской гимназій и секретаря «Общества христіанскаго милосердія», существовавшаго въ Симбирскѣ уже 15 лѣтъ. Первымъ учредителемъ онаго былъ кн. Баратаевъ, а предсѣдательница—супруга ген.-маіора Ивашева, и все общество состояло подъ непосредственнымъ покровительствомъ императрицы, сперва Елисаветы Алексѣевны, а потомъ Александры Федоровны. Цѣль онаго была — пособіе нуждающимся, стыдящимся просить милостыню, воспитаніе и покровительство дѣвицамъ, дочерямъ бѣдныхъ чиновниковъ и разночин-

цевъ, служащихъ въ губерніи. Первоначально число воспитанницъ назначено было 10, а затѣмъ, когда средства общества усилились, численность оныхъ прибавилась до 20-ти и потомъ до 30-ти, далѣе же не шла. Заведеніе это помѣщалось въ небольшомъ каменномъ двухъэтажномъ домѣ съ садомъ, пожертвованномъ однимъ изъ членовъ, и какъ внутреннее управленіе, такъ равно и воспитаніе, получаемое дѣвками, признано было примѣрнымъ не только всѣмъ, но и самимъ Государемъ, удостоившимъ, въ пребываніи своемъ въ Сибирскѣ, обозрѣть это заведеніе во всей подробности. Такъ какъ воспитанницы, поступившія туда, исключительно принадлежали къ бѣдному сословію и по выходѣ оттуда, по необходимости, встрѣчались въ семьѣ съ нуждой, то вся роскошная обстановка, какую встрѣтишь въ подобныхъ заведеніяхъ, была устранена, и только самая строгая чистота, поддерживаемая самими воспитанницами, по очереди, царствовала повсюду. Мебель, кровати, постельное бѣлье, были самыя простыя, ѣда тоже, но сытная, и все вниманіе начальницы обращено было на то, чтобы дѣвцы, относительно всего обываго и необходимаго, работы исполняли бы собственноручно, ничего не поручая служанкамъ, кромѣ, конечно, самыхъ черныхъ работъ. Занятія ихъ заключались преимущественно въ руководствѣ и въ преподаваніи нѣкоторыхъ новѣйшихъ языковъ и другихъ предметовъ, необходимыхъ чтобы быть порядочной гувернанткой, музыки и танцевъ—послѣднее скорѣе какъ гигиеническое средство, въ видѣ усиленнаго моціона. За все время своего существованія, заведеніе ни разу не испросило пособія ни копѣйки отъ казны, а постоянно поддерживалось одною частною благотворительностью, и во время пребыванія моего въ Сибирскѣ, благодаря разумной и честной распорядительности управленія этого заведенія, оно насчитывало у себя уже капиталу до 70 т. р. асс. Въ Сибирскѣ находилось еще и другое заведеніе, содержимое также на частныя благотворительныя средства,—дворянскій пансіонъ съ 20-ю воспитанниками, коимъ завѣдывалъ тотъ же кн. Баратаевъ.

Желая какъ можно скорѣе и ближе ознакомиться съ губерніею, и въ особенности съ положеніемъ бывшихъ казенныхъ, а нынѣ удѣльныхъ крестьянъ, я отправился, недѣли чрезъ три по-

слѣ своего приѣзда, на ревизію въ г. Буинскъ, верстахъ въ 50-ти отъ Симбирска. Но не успѣлъ я приѣхать туда, какъ получилъ съ нарочнымъ донесеніе отъ вице-губернатора, что въ Сызранскомъ уѣздѣ между Лапманами возникло безповойство, по поводу отчужденія сенатомъ участка земли отъ одной казенной волости въ помѣщичьему владѣнію. Это волненіе началось еще въ прошломъ году въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда былъ объявленъ имъ сенатскій указъ на мѣстѣ, и Лапмане оказали сопротивленіе, прогнавъ съ межи землемѣра съ земскою полиціей, не давъ первому приступить даже къ межеванью,—но, за позднимъ временемъ года, дѣло это было оставлено безъ разслѣдованія и отложено до весны. Теперь же, когда исправникъ и землемѣръ, взявшіе съ собой 12 человекъ инвалидовъ, прибыли на мѣсто для объявленія и исполненія сенатскаго указа, то Лапмане, огульно, и небольшое число удѣльныхъ крестьянъ, всѣхъ до 4 т. душъ, собравшись толпой, оказали сопротивленіе и чиновники вмѣстѣ съ командой вынуждены были удалиться. При семъ вице-губернаторъ Огневъ доносилъ мнѣ, что губернское правленіе сдѣлало уже распоряженіе о командированіи на мѣсто, на подводахъ, двухъ ротъ гарнизоннаго баталіона, но что онъ, въ ожиданіи моего согласія или разрѣшенія, приостановился отправленіемъ этой команды.

Постигая исполнѣ, что первыя мои распоряженія по столь важному предмету короче ознакомить меня и съ губерніей и съ правительствомъ, я поѣхалъ обратно въ Симбирскъ, и, по приѣздѣ, отношеніями пригласилъ къ себѣ на совѣщаніе NN., также гг. Ф.... и Э. И. Стогова. Первые два не явились и даже не дали отзыва, а когда послѣдній прибылъ и объяснилъ мнѣ все происшествіе отъ начала, какъ оно было, то я упросилъ его лично мнѣ содѣйствовать, отправиться тотчасъ на мѣсто—за 280 верстъ, объяснить дѣло, убѣдить словами невинующихся, предвара ихъ о крутости моего нрава и рѣшимости къ строгимъ мѣрамъ, если буду вынужденъ къ тому. А между прочимъ просилъ его, чтобы онъ по тракту приказалъ бы заготовить 200 подводъ и если онъ не увидитъ успѣха въ своемъ предпріятіи, то чтобы увѣдомилъ меня чрезъ нарочнаго и я, конечно, на другой день лично явлюсь для дальнѣйшихъ распоряженій. Извѣстія о семъ вторичными отношеніями гг. Ф.... и NN., я рѣшительно требовалъ отъ нихъ, чтобы, въ случаѣ моего выѣзда изъ города,

они оба мнѣ туда сопутствовали. Но какъ сіе подѣйствовало на ихъ мнѣнія—я не знаю, ибо дошло до моего свѣдѣнія, что оба они въ тотъ же день куда-то изъ Симбирска выѣхали. Послѣдствіе открыло мнѣ общую имъ обоимъ трусость дѣйствовать тамъ, гдѣ есть рискъ жертвовать собою лично.

На пятый день послѣ того, Э. И. Стоговъ возвратился ко мнѣ и передалъ на словахъ, а потомъ извѣстилъ меня письмомъ, что когда онъ прибылъ на мѣсто, то дѣйствительно нашёлъ тамъ въ полѣ, на бивуакахъ, толпу народа болѣе чѣмъ въ 2,000 человѣкъ, которые, безъ малѣйшаго волненія, избрали изъ среды своей выборныхъ, прислали ихъ въ Стогову, прося, чтобы онъ объяснилъ имъ въ чемъ именно заключается дѣло и какъ рѣшилъ сенатъ ихъ тяжбу съ помѣщикомъ? Стоговъ удовлетворилъ ихъ просьбѣ, весьма толково разъяснилъ все дѣло; оказалось изъ ихъ разсказовъ и разспросовъ, что волостной писарь ихъ, своими зривыми толкованіями, ввелъ крестьянъ въ сомнѣніе, утверждая, что дѣло еще не совсѣмъ рѣшено и что можно опять просить сенатъ о перерѣшеніи дѣла. Когда-же онъ объявилъ имъ о послѣдствіяхъ ихъ неповиновенія и какую бѣду они накликаютъ на свои головы, то они слезно начали просить его заступничества за нихъ предъ правительствомъ, изъявляя готовность свою тотчасъ доказать на дѣлѣ, что они и въ мысляхъ не имѣли сопротивляться указу, и тутъ-же начали помогать землемѣру въ его работахъ отрѣзки отъ нихъ земли въ пользу помѣщика, что и было исполнено при всемъ собравшемся народѣ. Стоговъ привезъ ко мнѣ трехъ выборныхъ, которые на колѣняхъ просили пощады и помилованія ихъ глупости и ведоразумѣнія, на что, конечно, я съ радостію согласился, прочитавъ имъ приличное наставленіе, и весь этотъ бунтъ, для усмиренія котораго собирали такую грозную военную силу, кончился тихо и мирно, съ отдачею подъ судъ лишь одного только писаря.

Признательность моя по сему дѣлу вполне принадлежитъ Э. И. Стогову и въ томъ-же духѣ донесъ я моему начальству о семъ происшествіи, а между тѣмъ другіе два героя, Ф... и NN., съ общаго согласія, представили дѣло сіе удѣльному начальству какъ весьма важное и влекущее за собою медленную еще развязку, при чемъ NN просилъ удѣльный департаментъ, что какъ по смыслу указа о переходѣ казенныхъ крестьянъ въ удѣлъ, въ

которомъ-о Лашманахъ включенъ особый параграфъ, сія послѣдніе поступаютъ въ удѣльное вѣдомство не вполнѣ, а только подчиняются завѣдыванію онаго, и Лашманы имѣютъ всѣ земли въ собственности у себя, а не въ общинномъ владѣніи деревнями или селеніями, и, при прежнемъ еще управленіи, у нихъ были непрестанныя тяжбы или между собою или съ сосѣдними помѣщиками, которыя и по сіе время разбираются судомъ,—то нельзя-ли, хотя на первый разъ, устранить удѣльныхъ чиновниковъ отъ присутствія при подобныхъ разборахъ, ибо и въ настоящемъ случаѣ, который можетъ продлиться весьма долго, губернаторъ требуетъ присутствія даже самого управляющаго удѣльною конторою, не взирая на то, что онъ въ настоящее время занятъ важнѣйшимъ дѣломъ переустройства удѣльнаго управленія, распространяющагося слишкомъ на 240,000 душъ. Послѣдствіемъ сего было, что департаментъ удѣловъ, разъяснивъ смыслъ параграфа о Лашманахъ, разрѣшилъ удѣльной конторѣ, согласно съ представленіемъ: «при разборѣ споровъ о лашманскихъ земляхъ, не отряжать вовсе своихъ депутатовъ и не только не защищать ихъ дѣлъ по спорамъ, но даже не вмѣшиваться въ нихъ», дополняя въ заключеніе, «чтобы управляющій резолюцію сію сообщилъ губернскому начальству, для будущихъ его, по подобнымъ дѣламъ, соображеній»—однимъ словомъ, испугъ NN. и Ф.... явиться на мѣсто, тамъ, гдѣ былъ личный рискъ ихъ, положили основаніе той ошибкѣ, которая въ послѣдствіи надѣлала большія затрудненія и непріятности!

Само по себѣ разумѣется, что предметъ сей привлекъ на себя все мое вниманіе и я сталъ подъ рукою вслѣдствіи стараться слѣдить за распоряженіями новаго надъ крестьянами начальства (прибавлю отъ себя — не изъ тайнаго желанія найти что нибудь дурное, для своихъ личныхъ цѣлей, а единственно во избѣжаніе новыхъ столеновеній, и, всетаки для общаго дѣла, знать что дѣлается). Гг. NN. и Ф.... безпрестанно выѣзжали изъ города въ удѣльные имѣнія и большею частью выѣстѣ. Ф...., какъ жандармскій уполномоченный, каждый разъ запискою давалъ знать губернатору о своемъ выѣздѣ въ такой-то уѣздъ, требовалъ, чтобы давалось исправнику строгое предписаніе исполнять всѣ его требованія—и каждый разъ онъ былъ удовлетворенъ вполнѣ. Въ числѣ записокъ его къ моему предмѣст-

нику, я нашелъ нѣсколько наполненныхъ не только извѣтельными указаніями о томъ, что ему, Ф...., не было сдѣлано встрѣчи, не исполнено въ точности или замедлено его предписаніе (такъ называлъ онъ сношенія свои съ земскою полиціей), но даже иногда относился съ упреками къ самому начальнику губерніи, и въ одной запискѣ онъ рѣшился даже требовать, чтобы исправникъ Ставропольскаго уѣзда немедленно былъ-бы смѣненъ и отданъ подъ судъ, что Z*..... и выполнилъ, къ сожалѣнію. Это уже такъ возвысило Ф.... въ своемъ собственномъ мнѣніи, что и ко мнѣ онъ началъ безпрестанно присылать записки съ извѣщеніемъ о своихъ поѣздкахъ, о неисправности мостовъ, дорогъ, по которымъ онъ ѣхалъ, о нескорой явѣ чиновниковъ и разномъ подобномъ вздорѣ. Но я съ перваго начала, въ различныхъ выраженіяхъ, въ моемъ отзывѣ указалъ ему, что онъ не можетъ писать того, что не входитъ никакъ въ его инструкцію, но что всякое дѣльное указаніе, сдѣланное имъ, всегда уважится вполнѣ и съ благодарностью, но что чиновники земской полиціи, кромѣ провожанія г. Ф...., имѣютъ другія, важнѣйшія занятія.

Между прочимъ доходили до меня слухи, что въ уѣздахъ, куда отправляется г. Ф...., все занятіе сопровождающихъ его членовъ земской полиціи заключается въ томъ, что отводятъ и устраниваютъ ему квартиру, доставляютъ ему разныя житейскія выгоды,

.
Почитая унизительнымъ входить въ подробныя по сей части изслѣдованія, не могу однакожъ не дать сему вѣры, ибо въ послѣдствіи изъ десяти исправниковъ въ губерніи, четверо, по особому, мимо прямого начальства, ходатайству, чрезъ удѣльный департаментъ получили подарки, перстнями изъ Кабинета. Всѣ четверо были самыя неисправныя и слабыя по первой своей обязанности и кромѣ того весьма предосудительной нравственности. Одинъ изъ нихъ, а именно, Корсунскаго уѣзда, К..... (я нарочно здѣсь выставляю его имя), въ первый пріѣздъ мой въ его уѣздъ, когда я, по обыкновенію своему, при встрѣчѣ меня на границѣ уѣзда, взялъ съ собою въ экипажъ и сталъ разспрашивать о дѣлахъ, меня интересующихъ, то онъ сталъ жаловаться на распоряженія NN. и Ф...., оуждая ихъ на каждомъ шагу. Но на строгое замѣчаніе мое, что на все, что удѣльное управленіе дѣлаетъ, онъ долженъ взирать какъ на высшее распоряженіе и, безъ всякой

критики о важнѣйшихъ дѣлахъ, непремѣнно доводить до моего свѣдѣнія,—оно видимо сконфузился и тотчасъ переимѣнилъ разговоръ. Черезъ мѣсяцъ онъ получилъ брилліантовый перстень и перешелъ на службу въ удѣльную контору. Замѣтно было, что онъ былъ направленъ NN. или Ф.... къ возбужденію моего противодѣйствія, дабы имѣть поводъ къ будущей клеветѣ на меня Перовскому.

Подполковникъ Ф...., въ числѣ прочихъ ко мнѣ своихъ записокъ, при самомъ началѣ доставилъ одну, гдѣ говорить, что онъ два раза писалъ уже къ Загряжскому объ одномъ удѣльномъ крестьянинѣ, съ котораго какой-то чиновникъ взялъ 1,200 р., чтобы нанять ему подставщика въ рекрута, но обманулъ его. Отыскавъ сіе дѣло, я нашелъ, что Загряжскимъ сдѣлано было уже должное распоряженіе къ производству слѣдствія, два раза уже онъ дѣлалъ по сему предмету понужденія; со всѣмъ тѣмъ рѣшился и я оное имѣть въ ближайшемъ виду и настаивать къ скорому его окончанію. Извѣстивъ о семъ вѣжливо Ф...., я далъ кому должно предписаніе. Дня черезъ два я получилъ еще о семъ записку, что дѣло это идетъ очень медленно (!). Я и на это ему отвѣтилъ, и еще далъ понужденіе. Наконецъ, еще чрезъ два дня, получаю опять записку отъ Ф...., настоятельно отъ меня требующаго, чтобы я извѣстилъ его, когда это дѣло кончится, ибо онъ полагаетъ, что крестьянинъ оттого лишь не получаетъ удовлетворенія, что онъ—удѣльный.

Надо сказать, что я замѣтилъ предъ этимъ, что Ф.... сдѣлалъ привычку, или умыселъ, навѣщать меня по дѣламъ службы въ сюртукѣ, что мнѣ вовсе не нравилось, что я и старался отстранить, не приглашая даже тогда садиться у себя въ кабинетъ, когда въ другое время всегда принималъ его привѣтливо, и это онъ, должно быть, замѣтилъ, вслѣдствіе чего сталъ забрасывать меня пустыми своими записками, такъ что иной день я получалъ отъ него штукъ до десяти.

Выведенный послѣднею запискою Ф.... изъ терпѣнія, я отвѣчалъ ему, что я искалъ въ законахъ формы переписки съ жандармскими штабъ-офицерами, но ближайшаго примѣненія не нашелъ, какъ ту, которая указана для командировъ баталіоновъ внутренней стражи (тѣ губернатору доносятъ, а губернаторъ къ нимъ пишетъ отношеніями), что отчетомъ въ моихъ дѣйствіяхъ я обязанъ только Государю и сенату. Но привыкнувъ все дѣлать гласно и изъ личнаго моего къ нему, Ф...., уваженія, на

этотъ разъ—въ послѣдній—я и ему даю отчетъ... и тутъ прописалъ все, что онъ самъ писалъ въ Загряжскому и ко мнѣ, что мы оба уже сдѣлали, что отвѣчали ему, Ф...., и заключилъ тѣмъ: «что, сдѣлавши свое дѣло, окончаніе предоставляемъ обыкновеннымъ формамъ судопроизводства и что, кромѣ понужденія, я не имѣю власти опредѣлить когда и какъ дѣло кончится».

Разумѣется, отвѣтъ мой ему не понравился. Онъ возразилъ мнѣ, что я его обидѣлъ, примѣнивъ его къ офицеру внутренней стражи; что онъ имѣетъ счастье носить одинъ мундиръ съ графомъ Бенкендорфомъ, и это мнѣ должно быть извѣстно, ибо я недавно самъ оставилъ военную службу. Отвѣтъ мой нынѣ вынуждаетъ его пріостановить всякую переписку со мной и впредь все, что дойдетъ до его свѣдѣнія, на основаніи «секретной инструкции», будетъ прямо доносить своему графу.

Я благодарилъ Ф.... за первое, со времени нашего знакомства, пріятное для меня извѣщеніе, ибо окончаніе этой корреспонденціи много убавить у меня дѣла—и затѣмъ я рѣшился всѣ записки Ф...., отъ прибытія моего въ губернію, включительно съ послѣднимъ отзывомъ, а также и копіи съ моихъ отношеній, представить министру, съ просьбой устранить отъ меня назойливую и бесполезную переписку жандармскаго штабъ-офицера, а равно и фамиллярные, въ скюртуѣ, визиты.

Вслѣдъ за тѣмъ гр. Бенкендорфъ, при особомъ письмѣ, выслалъ мнѣ секретную инструкцію, на которую ссылался Ф.....

.....
.....
выставлена въполнѣ цѣль учрежденія жандармовъ, коихъ обязанность заключается прямо въ томъ, чтобы все, что часто дойдетъ до ихъ слуха, сообщать словесно, въ родѣ предостереженія, начальникамъ губерніи для ихъ прямыхъ дѣйствій, и только въ случаѣ требованія самого начальника давать записки—но вовсе не въ обремененіи ихъ или не въ надзорѣ за ними и наставленіи; и въ письмѣ ко мнѣ гр. Бенкендорфъ поручаетъ особому моему покровительству обоимъ своимъ штабъ-офицеровъ, «изъ коихъ,—пишетъ онъ,—на Ф.... возложена обязанность лишь по дѣламъ, относящимся до удѣльныхъ крестьянъ», слѣдовательно, вовсе не до дорогъ или до земской полиціи, какъ тотъ мечталъ и блажилъ при Загряжскомъ и со мною.

Очень скоро по приѣздѣ моемъ въ Симбирскъ, проѣзжалъ чрезъ оный гр. Строгановъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, который пробылъ тутъ нѣсколько дней. Посѣтивъ присутственныя мѣста, зависящія отъ министерства, обозрѣлъ поверхностно архивъ губернскаго правленія, повѣрилъ возможность и скорость исправокъ и, кажется, остался вообще доволенъ. Изъ разговоровъ его со мной, болѣе замѣчательные приведу здѣсь.

— О жандармахъ. «Какъ вы съ ними въ сношеніяхъ? Откровенны или нѣтъ? Ладите ли съ ними?» (это было еще до послѣдней записки Ф....),—спросилъ графъ.

— Не знаю, можно ли и должно ли быть откровеннымъ съ жандармами,—отвѣчалъ я.—Они приставлены наблюдать за нами, пускай доносятъ что хотятъ обо мнѣ, я объ этомъ не забочусь, ибо на совѣсти ничего не имѣю. Отношеній ихъ къ предмѣстнику моему одобрить я не могу, ибо имѣю у себя образчики, не имъ въ пользу служащіе, — гр. Строгановъ взялъ два дѣла изъ канцеляріи, заключающія въ себѣ переписку губернатора Загряжскаго съ Ф.... о ставропольскомъ исправникѣ и о проч. дѣлахъ.—«Это правда,—замѣтилъ Строгановъ по прочтеніи дѣлъ,—записки Ф.... писаны не совсѣмъ въ приличныхъ выраженіяхъ; но, повѣрьте мнѣ, что къ вамъ никто такъ писать не осмѣлится, а Загряжскій самъ подалъ поводъ».

— О городской тюрьмѣ. «Врядъ-ли все это хорошо и практично, что такъ хорошо содержатся! Тепло, опрятно, сыто—много найдется охотниковъ для такой удобной жизни!»

.....

— О домѣ трудолюбія, воспитательнаго заведенія Общества христіанскаго милосердія. «Это такъ хорошо, что я въ Петербургѣ ничего лучшаго не видывалъ. Но знаете ли, что именно необыкновенно? Во всемъ виднѣнъ практическій смыслъ, которымъ здѣсь руководятся, начиная съ воспитанія и кончая самымъ помѣщеніемъ. Воспитанницъ здѣсь не готовятъ для блестящихъ пріемовъ въ салонахъ, гдѣ бы онѣ принимали гостей и болтали бы «des jolis riens» по французски, а выдуть хорошія помощницы для своихъ неимущихъ родителей, могущія сами зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба и, возвратясь отсюда въ свою семью, не будутъ тяготаться той бѣдной обстановкой, въ которой, быть можетъ, имъ во всю жизнь придется жить, такъ какъ глазъ ихъ съ малолѣтства привыкъ къ тому, что ихъ теперь окружаетъ. А гдѣ

онѣ въ настоящее время живутъ—это клѣтка, въ которой порожняго угла нѣтъ. Но все такъ чисто, опрятно, уютно. Непостижимо—кѣмъ все это держится и кто этимъ руководить?!

На замѣчаніе мое, что душа всего этого учрежденія кн. Баратаевъ—онъ замѣтилъ: «необыкновенный человѣкъ. Но вредный для себя: языку даетъ большую свободу».

— Тѣмъ не менѣе, в. с.,—сказалъ я,—онъ могъ быть употребленъ съ большою пользою на службѣ, какъ, напримѣръ, губернаторомъ, чего, какъ я слышалъ, онъ самъ желаетъ.

— «Никогда!»—возразилъ графъ.

Благородный пансіонъ гр. Строгановъ нашелъ для Симбирска недостаточнымъ. О заведеніи приказа общественнаго призрѣнія замѣтилъ мнѣ, что «много-много будетъ мнѣ трудовъ и заботъ».

Наканунѣ отъѣзда своего графъ просидѣлъ у меня утромъ часа полтора, и въ разговорѣ спросилъ у меня: «кто здѣсь содержитъ откупъ?»

— Кузинъ, Позенъ и К°,—отвѣчалъ я,—а представитель этой фирмы Бенардаки.

— «Это чтѣ за человѣкъ? Знакомы ли вы съ нимъ?»

— Сомнѣнія нѣтъ. Какъ не быть знакому съ откупщикомъ? Весьма умный и замѣчательно способный человѣкъ.

— «А знаете ли вы чтѣ даетъ откупъ полиціи?»

— Нѣтъ; меня это мало интересовало, ибо я знаю, что всѣ чины отъ мала до велика находятся у нихъ на жалованьѣ.

— «Я могу вамъ кое-что сообщить по этому предмету,—сказалъ графъ.—У меня есть привычка исправниковъ возить съ собою и разспрашивать ихъ о всѣхъ дѣлахъ въ ихъ уѣздахъ и, между прочимъ, чѣмъ и какъ содержатъ они себя. Многіе указывали на получаемое жалованье, на свои собственные имѣнія, но никто не заикнулся о какихъ либо косвенныхъ доходахъ. Только два исправника вашей губерніи, буинскій и симбирскій, на мои разспросы прямо мнѣ сказали, что главная поддержка ихъ благосостоянія находится въ зависимости отъ откупщика, отъ котораго опредѣлено имъ въ годъ: первому 2,500 р., а послѣднему 3,000 р., и что всего оригинальнѣе—это замѣчаніе, которое мнѣ сдѣлалъ буинскій исправникъ: «смѣю доложить в. с.—ву, что только въ одномъ мѣстѣ начальство и чиновники не берутъ съ откупа, а то вездѣ!» Гдѣ же,—спросилъ я? «Тамъ—гдѣ его нѣтъ!» отвѣчалъ онъ... Но мы

отдалились от нашего разговора о Бенардаки; скажу вамъ, что, слыша отъ васъ такой объ немъ отзывъ, мнѣ бы очень хотѣлось съ нимъ познакомиться»...

— Это весьма легко сдѣлать,—сказалъ я.—Но предвараю васъ, что съ крупными спросами не приступайте. Онъ застѣнчивъ и упрямъ. Въ общемъ разговоръ онъ разговорится и вы убѣдитесь въ познаніяхъ его и въ краснорѣчіи; но на рѣзкій тонъ отвѣчать не станетъ.

— «Я много говорилъ съ помѣщиками о хлѣбной торговлѣ здѣшняго края и много слышалъ новаго и хорошаго; хотѣлось бы поговорить и съ Бенардаки».

— Отъ него услышите и болѣе и дѣльнѣе, чѣмъ отъ кого либо: экономическое знакомство съ краемъ большое, сношенія у него обширныя, и я увѣренъ, что бесѣдой его останетесь довольны...

Вечеромъ я заѣзжалъ къ графу и, выходя отъ него часу въ восьмомъ, встрѣтилъ на крыльцѣ Бенардаки и Стогова, шедшихъ наверхъ къ графу. На другой день поутру, въ 5 часовъ, пришедши проводить его въ дорогу, такъ какъ онъ собирался выѣхать въ 6 часовъ, я услышалъ отъ камердинера, что графъ только съ часъ тому назадъ какъ уснулъ: просидѣлъ все время съ господиномъ, котораго я встрѣтилъ вчера уходя. Проснувшись, Строгановъ принялъ меня въ ту же минуту и первое его слово было: «правда ваша! Я познакомился съ откупщикомъ и его знакомство что нибудь да стоитъ».

Кстати здѣсь и я прибавлю отъ себя на счетъ Бенардаки, котораго мнѣ рекомендовалъ Жмакинъ, предъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга, имѣвшій въ этомъ откупѣ нѣсколько паевъ, и сверхъ того по прибытіи моемъ въ Симбирскъ я получилъ письмо отъ фонъ-Дервиза, въ которомъ онъ, по порученію Позена, правителя дѣлъ военно-походной государя канцеляріи, просилъ меня принять Бенардаки подъ мое особое покровительство. Самъ же явился ко мнѣ послѣ письма недѣли чрезъ двѣ и рекомендовался съ величайшей скромностью. Потомъ, спустя нѣсколько времени пріѣхавъ ко мнѣ, просилъ позволенія поговорить со мной откровенно наединѣ. Догадываясь нѣкоторымъ образомъ о поводѣ такого предложенія, я съ улыбкою согласился на это; тогда онъ сказалъ мнѣ:

— «Я знаю, что в. пр—во теперь не при деньгахъ и на-дняхъ заняли у Огнева (вице-губернатора) 2,000 р. для отсылки къ женѣ вашей. Позвольте мнѣ предложить вамъ свои услуги. Мы, откупщики, имѣемъ коренное правило—ежемѣсячно часть нашей

прибыли удѣлять начальству, и я смѣю просить васъ оказать мнѣ такую же благосклонность, какъ и предмѣстники ваши допускали: позволять, въ случаѣ нужды, предлагать отъ души пособіе-.

— Г. Бенардаки,—сказалъ я,—вы видите, что я нисколько не оскорбляюсь вашимъ предложеніемъ, ибо то, что уже вошло въ правило, не смѣю называть умысломъ къ обидѣ. Но позвольте же и мнѣ быть съ вами откровеннымъ. Мнѣ рекомендовали васъ какъ самаго честнаго и благороднаго человѣка; многія дѣйствія ваши къ пособію нуждающимся и вообще всѣмъ, которые участвуютъ съ вами въ дѣлахъ, мнѣ очень извѣстны, и Жмакинъ тоже предварилъ меня, что вы всегда готовы будете ссужать меня, когда я буду нуждаться; но я отъ васъ прошу не денегъ, нѣтъ! но гораздо важнѣйшаго—вашего личнаго ко мнѣ уваженія и содѣйствія мнѣ въ такихъ дѣлахъ, гдѣ ваше участіе можетъ не только сохранить, но даже поддержать мою репутацію.

Онъ началъ было опять настаивать на своихъ предложеніяхъ, но когда я, переѣнявъ тонъ, сказалъ, что неужели онъ не вѣрить, что есть на свѣтѣ люди, искренно желающіе сохранить въ себѣ уваженіе, тогда уже онъ сталъ извиняться передъ мной и просить, чтобы я не обвинялъ его въ дурныхъ замыслахъ противъ меня. На этой попыткѣ и вончился соблазнъ и болѣе не повторялся. Затѣмъ, завязался между нами разговоръ самый интересный, касательно торговли, помѣщичьей, удѣльныхъ крестьянъ, чиновничьей—и здѣсь онъ выказалъ мнѣ свои чувства и дарованія въ самомъ блестящемъ и благородномъ видѣ, такъ что два часа, проведенные въ его обществѣ, незамѣтно для меня какъ прошли, и съ этого дня, признаюсь, считалъ его лучшимъ для себя собесѣдникомъ и наставникомъ, особенно въ торговомъ отношеніи.

Не болѣе какъ чрезъ мѣсяцъ, представился мнѣ случай провѣрить его благонамѣренность на самомъ дѣлѣ.. Въ Ставропольскомъ уѣздѣ въ семъ году оканчивался устройствомъ казенный Мелекесскій винокуренный заводъ, долженствовавшій ежегодно выкуривать до 800 т. ведеръ водки для Симбирской губерніи. Бенардаки указалъ мнѣ всю важность этой операціи и предварилъ меня извѣстіемъ, что, еще за нѣсколько лѣтъ, зная распоряженіе правительства объ устройствѣ этого завода, всѣ ближайшія къ оному мельницы, числомъ болѣе 20-ти, онъ постепенно бралъ въ аренду. Весь помолъ за нѣсколько лѣтъ на сихъ

мельницахъ сохраняется у него, собственно для неизбежной первоначальной поставки муки на заводъ, и теперь уже имѣется у него на лицо до 30 т. четвертей; что теперь цѣны (въ маѣ) на муку очень высоки, т. е. по 10 р. и 10 р. 50 к. за четверть, и цѣна сія всегда держится до заподрада на заводъ, а потомъ вдругъ упадаетъ; торопиться вовсе не слѣдуетъ, ибо если Богъ дастъ урожай, то цѣна навѣрное понизится до 5-ти и даже до 4 р. 50 к. за четверть, а между тѣмъ онъ знаетъ, что министерство финансовъ дѣлаетъ уже распоряженіе для закупки 180 т. четвертей хлѣба, и, возлагая это на казенную палату, вмѣстѣ съ тѣмъ привлекаетъ къ тому губернатора лишь для вида и для отвѣтственности. Дѣйствительно, черезъ недѣлю я получилъ предписаніе министра финансовъ — оказать мое содѣйствіе палатѣ, указать средства заготовленія хлѣба выгоднѣйшія, подрядомъ или покупкою и проч.

Въ это время на базарахъ мука и рожь продавалась 70, 65 и 60 к. пудъ, понижаясь въ самомъ маломъ размѣрѣ — все зависѣло отъ урожая. Торги назначались въ августѣ. Лѣто все было дождливое и только въ августѣ едва окончили жать хлѣбъ, но свезти съ поля не было возможности отъ неперестававшихъ дождей, и рожь въ копнахъ начала проростать. Къ торгамъ никто не явился. Желая лучше удостовѣриться въ средствахъ снабженія завода хлѣбомъ, я въ августѣ лично отправился въ завожскіе уѣзды. Заѣзжалъ на нѣкоторые частные заводы и отъ хозяевъ оныхъ, такъ равно отъ поселянъ и помѣщиковъ, узнавалъ — что въ этомъ мѣсяцѣ всѣ частные заводы составляли условіе на доставку туда хлѣба по 70 к., безъ залоговъ, но и не дѣлая контрактовъ; а если на Мелекесскій заводъ казна утвердитъ цѣну выше этой, то хозяева за поставленное количество обязаны цѣну уравнивать съ казенною, но на дальнѣйшій заподрядъ оставляли за собою свободу дѣйствій. Казенная же палата ежедневно два раза бомбардировала меня разрѣшить ей положительно — какъ она должна поступить: купить ли хлѣбъ, или подрядить, и по какой цѣнѣ? При этомъ всякій разъ доносили, что мелочною покупкою, на базарахъ, по утвержденной мною цѣнѣ 70 к. за пудъ, едва ли можно купить болѣе 10 четвертей въ день; выключили наконецъ отъ меня цѣну 80 к. за пудъ. Торги перенесли на сентябрь, и за тѣмъ, въ третій разъ, — на половину октября. Справочная цѣна въ смежности съ Симбирскою губерніей стояла на рожь по 11 р. 50 к. за четверть. Въ октябрѣ мѣсяцѣ

явился наконецъ одинъ поставщикъ съ предложеніемъ по 12 р. 75 к. отъ четверти, оговариваясь краткостью времени: бездорожье было совершенное и, по свѣдѣніямъ, молотой муки въ окрестностяхъ завода, кромѣ какъ у Бенардаки, вовсе не было. Бенардаки мѣсяца два какъ уѣхалъ въ Оренбургскую губернію, гдѣ онъ купилъ огромное имѣніе; не съ кѣмъ было посоветоваться, каждый наговаривалъ что нибудь и какъ нибудь сорвать; мнѣ приходила рѣшительно бѣда. Тутъ еще, подъ рукою, дошло до моего свѣдѣнія, что одинъ изъ чиновниковъ, состоявшихъ при мнѣ, находится въ близкихъ связяхъ съ явившимся поставщикомъ, хвастается своимъ вліяніемъ на меня, чрезъ что могла пострадать еще моя репутація, а казенная палата не переставала дѣлать мнѣ представленія о послѣднихъ торгахъ, настоятельно требуя разрѣшить и указывая, что дѣйствія завода непременно должны открыться 16-го ноября, а на заводѣ имѣется только 2 т. пудовъ муки. Въ такихъ тяжелыхъ и непріятныхъ для меня минутахъ, узнавъ я, что пріѣхалъ Бенардаки, бросился къ нему за совѣтомъ и онъ меня тотчасъ же успокоилъ, сказавъ, что на заводѣ у чиновниковъ скуплено для оборота 15 т. четвертей (а мнѣ доносили—2 т. четвертей), да у него готово болѣе 30 т. четвертей, слѣдовательно, симъ количествомъ первоначальное дѣйствіе завода совершенно обезпечено, и что онъ охотно готовъ самъ приступить къ подряду, но въ настоящее время не имѣетъ у себя залога, ибо всѣ деньги и билеты употребилъ на покупку имѣнія, но для пріисканія залоговъ ему нужно не болѣе десяти дней. По настоящей распутицѣ и поздней уборкѣ хлѣба, онъ не можетъ объявить цѣны ниже 9 р. 50 к. за четверть, ибо все зависитъ отъ зимы, которая можетъ установиться еще въ ноябрѣ или декабрѣ и даже январѣ мѣсяцахъ. Хлѣба же вездѣ много и въ особенности въ Оренбургской губерніи, и если бы стала зима, то хлѣбъ можно было бы купить по 5 руб. четверть и, конечно, соразмѣрно съ этимъ, и понизить объявленную цѣну—слѣдовательно, операція можетъ дать большую выгоду или однѣ хлопоты—все зависитъ отъ погоды. Къ счастью моему, въ числѣ залоговъ, представленныхъ къ торгамъ явившимся купцомъ, я призналъ нѣкоторые неудовлетворительно ясными; зашла о нихъ переписка, что дало мнѣ потребное время, а чрезъ недѣлю я далъ предложеніе казенной палатѣ, указавъ на Бенардаки, что онъ изъявляетъ желаніе вступить въ подрядъ, цѣну мнѣ открылъ 9 р. 50 к. за четверть, а потому, исполняя буквально

по предписаніе министра финансовъ, я утверждаю сію цѣну какъ высшую, а заготовленіе разрѣшаю произвести подрядомъ. Между тѣмъ, за неокончаніемъ завода, министерство уменьшило предполагаемое заготовленіе до 500 т. ведеръ и закупку хлѣба до 115 т. четвертей. Казенная палата, исполнивъ формы новыхъ вызововъ къ торгамъ, окончательно представила мнѣ Бенардаки съ цѣною по 9 р. 25 к., которую я уговорилъ его спустить до 8 р. 90 к., и 28-го октября я утвердилъ эту цѣну. Въ тотъ же день пошелъ сибѣгъ хлопьями, 1-го ноября установился великолѣпный санный путь, и Бенардаки, являсь ко мнѣ, въ послѣдствіи сознался, что ему поставка хлѣба въ сложности обошлась съ небольшимъ 5 руб. за четверть. Можно судить какой страшный барышъ онъ получилъ въ такое короткое время въ одну операцію. Весь хлѣбъ онъ доставлялъ изъ Оренбургской губерніи, по причинѣ дурнаго урожая въ Симбирской губерніи въ этомъ году. Все сіе съ строжайшею точностью я довелъ до свѣдѣнія гр. Канкринъ, который поставилъ на видъ мое распоряженіе казенной палатѣ, упрекнувъ ее въ слабости мнѣ пособіи съ ея стороны, и вызвалъ Бенардаки въ Петербургъ въ январѣ мѣсяцѣ, т. е. когда цѣна уже стояла по 5 р. за четверть, на поставку для будущаго года на полное количество хлѣба для 800 т. ведеръ вина 180 т. четвертей, каковую онъ и принялъ по 6 руб. 50 к. за четверть. И тутъ громадный барышъ, такъ что эти два подряда, какъ мнѣ говорилъ самъ Бенардаки въ послѣдствіи, положили главное основаніе всему его богатству.

Главное и особенное вниманіе гр. Строганова, во время пребыванія его въ Симбирскѣ, обращено было на торговлю хлѣбомъ, на рыболовные промыслы и на участь бурлаковъ-работниковъ, нанимающихся для сплава судовъ по Волгѣ. Судохозяева, не смотря на всѣ узаконенія и правила правительства, изъ своекорыстія забираютъ на суда чернорабочихъ, часто безъ всякихъ видовъ, и тѣмъ даютъ поводъ къ укрывательству и къ переходамъ бѣглыхъ и дезертировъ; выдаютъ таковымъ для приманки задатки, и по прибытіи на мѣста—угрозами, что они объявятъ о ихъ виновности и немѣлкіи вида, задерживаютъ условленную плату; во время пути не имѣютъ о нихъ вовсе никакого попеченія и случись кому нибудь изъ бурлаковъ заболѣть, такъ что онъ не въ силахъ былъ бы работать, хозяева безжалостно высаживали его на берегъ и кидали тамъ какъ собаку, а въ случаѣ смерти—такъ въ воду, безъ погребенія.

Не знаю какія потомъ послѣдовали мѣры къ отстраненію и къ прекращенію сего зла, но онѣ были необходимы, въ виду той безчеловѣчности и въ особенности той безнравственности, въ которой были поставлены рабочіе въ отношеніи соблюденія условій и договоровъ хозяевами.

И. С. Жиркевичъ.

Сообщ. В. И. Жиркевичъ и С. Д. Карповъ.
(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ ИВАНА СТЕПАНОВИЧА ЖИРКЕВИЧА ¹⁾

1789—1848.

Приступая, шестнадцать лѣтъ тому назадъ, именно въ 1874 году, къ печатанію «Записокъ генерала Жиркевича», состоящихъ изъ четырехъ объемистыхъ фоліантовъ, мы предположили помѣщать ихъ на страницахъ «Русской Старины» постепенно, даже не изъ года въ годъ, дабы не утомлять вниманія читателей, отдавая любопытнѣйшій отдѣлъ изданія автобіографіи исключительно одного лица въ ущербъ другимъ историческимъ матеріаламъ. Нынѣ, приступая къ продолженію печатанія «Записокъ И. С. Жиркевича», считаемъ необходимымъ, въ краткихъ чертахъ, ознакомить читателей какъ съ личностью автора, такъ и съ содержаніемъ доннынъ помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ» (1874—1878 гг.) двадцати четырехъ главъ его записокъ.

И. С. Жиркевичъ — воспитанникъ 1-го кадетскаго корпуса, честный, прямодушный служака царствованій императоровъ Александра I и Николая Павловича, начавъ боевую службу гвардейскимъ офицеромъ на поляхъ Аустерлица (1805), впоследствии занималъ довольно видный постъ по артиллерійскому вѣдомству; затѣмъ былъ губернаторомъ Сибирскимъ, потомъ Витебскимъ, но по неумѣнью ладить съ людьми не всегда добросовѣстными — вышелъ въ отставку и скончался въ городѣ Полоцкѣ, весьма небогатымъ человекомъ.

¹⁾ См. «Русская Старина», изд. 1874 г., томъ IX, стр. 207—244; томъ X, стр. 633—666; томъ XI, стр. 411—450, 642—664; изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 554—580; изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 627—648; томъ XVII, стр. 127—144, 251—266, 771—786; изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 401—422; томъ XXIII, стр. 33—54. См. также упоминанія объ Ив. Степ. Жиркевичѣ въ «Русской Старинѣ» изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 73, 171, 173 и 74—80.

Высоко цѣнный императоромъ Николаемъ Павловичемъ, который многократно являлъ къ Жиркевичу несомнѣнные знаки благорасположенія, уважаемый тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Д. Н. Блудовымъ—Ив. Степ. Жиркевичъ не ладилъ съ мѣстною провинціальною бюрократією. Онъ не придерживался бюрократическихъ пословицъ того времени: «съ волками жить—по волчьему выть» и «рука руку моетъ». Онъ преслѣдовалъ волковъ; не имѣлъ надобности мыть чужихъ рукъ, будучи всегда самъ чистъ на руку, а потому въ сферахъ чиновничества былъ признанъ безпокойнымъ, строптивымъ, на службѣ малополезнымъ человекомъ.

Записки свои Иванъ Степановичъ началъ писать за семь лѣтъ до кончины, именно около 1841-го года; писалъ, конечно, не помышляя о томъ, что когда нибудь наступитъ время и онъ появится въ печати. Во многихъ своихъ разсказахъ «страха ради іудейска» онъ самъ же былъ себѣ цензоромъ—вычеркивая цѣлыя строки, заглавныя фамиліи заглавными буквами и проч. Между тѣмъ, припоминая свое время, боевое поприще и государственныхъ дѣятелей двухъ царствованій, Жиркевичъ, «не мудрствуя лукаво», занесъ въ свои записки множество живыхъ картинъ, портретовъ и вполне правдивыхъ характеристическихъ очерковъ.

Родился И. С. Жиркевичъ въ царствованіе Екатерины II, въ 1789 году, 9-го мая, въ день торжественнаго въѣзда въ Смоленскъ тогда всемогущаго князя Потемкина; воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ (Сухопутномъ Шляхетномъ) подъ надзоромъ графа Ангальта. Его ласкалъ герой отечественной войны—Милорадовичъ; будучи отрокомъ, онъ удостоивался вниманія императора Павла и великихъ князей Александра и Константина Павловичей. Прямо изъ корпуса—семнадцатилѣтній Жиркевичъ, офицеръ гвардейской артиллеріи, отправился въ походъ и былъ участникомъ Аустерлицкаго боя.

Затѣмъ, вотъ перечень событій и лицъ, о которыхъ разсказывалъ И. С. Жиркевичъ въ напечатанныхъ до сихъ поръ «Русской Старинѣ» (1874—1878 гг.) двадцати четырехъ главахъ его записокъ:

Пребываніе нашихъ войскъ въ Польшѣ; главнокомандующій И. Н. Михельсонъ; Аракчеевъ; Эйлеръ; походъ 1807 г.; пребываніе въ Петербургѣ прусскаго короля съ супругою; кампанія 1809 года; Барклай де Толли; А. П. Ермоловъ; отечественная война 1812 г.; партизанъ Фигнеръ; Тарутино; кн. М. И. Голенищевъ-Кутузовъ; истребленіе французской арміи

въ предѣлахъ Россіи; переходъ нашихъ войскъ черезъ границу и кампанія 1813—1815 гг.; вступленіе нашихъ войскъ въ Германію; кн. П. Х. Витгенштейнъ; кончина кн. Кутузова-Смоленскаго въ Бунцлау; сраженіе при Бауценѣ; В. Г. Костенецкій; гр. Остерманъ-Толстой; трехсуточная битва подъ Лейпцигомъ; вступленіе союзныхъ войскъ въ предѣлы Франціи; вступленіе въ Парижъ 19-го марта 1814 года; представленіе оперы «Весталка» на парадномъ спектаклѣ 20-го марта; жизнь въ Парижѣ и тамошніе нравы; торжественный вѣздъ въ Парижъ короля Людовика XVIII и графа д'Артуа; молебствіе; панихида по Людовику XVI и парадъ на площади Согласія; сверженіе статуй Наполеона съ Вандомской колонны.—Возвращеніе въ Россію; бытъ гвардейскихъ офицеровъ въ 1815 году.—Пробываніе въ Орлѣ; графъ С. М. Каменскій и его домашній театръ съ крѣпостною труппою; начало военныхъ поселеній; семейство графа Чернышева; примѣрный бытъ доброй помѣщичьей семьи.—Служба въ полевой артиллеріи; сдача роты съ приплатою денегъ; московская гадальница; артиллерійскій департаментъ (1824 г.); генералъ Гогель; сослуживцы по департаменту; столкновеніе съ начальствомъ.—Дѣльничъ и морской министръ Миллеръ; кончина Александра I; письмо къ великому князю Михаилу Павловичу; объясненіе съ Перенормъ; великій князь Михаилъ Павловичъ; дѣло о перевозкѣ орудій; Игвензонъ; сѣна Гогеля; отъѣздъ въ Москву; просьба объ отдахѣ подъ судъ; командировка на Шостенскій заводъ; полное оправданіе Жиркевича; вторичное поступленіе въ артиллерійскій департаментъ; императоръ Николай I; покупка военныхъ запасовъ; Одесса; разбирательство дѣла Желтухина и Арнольди въ Кіевѣ; семейство графини Чернышевой; Никита Муравьевъ. 14-го декабря 1825 г.—Тульскій оружейный заводъ (1829); генералъ-маіоръ Философовъ; отставка; Штаденъ; пожаръ тульского оружейнаго завода. Петербургъ; князь А. С. Меншиковъ; графъ Д. Н. Блудовъ; сенатъ. Назначеніе губернаторомъ въ Симбирскъ.—Жмакинъ; представленіе министрамъ; графъ Строгановъ; Жемчужниковъ; гр. Перовскій; Гоноролуло; представленіе императору Николаю I; распри Загряжскаго съ кн. Баратаевымъ; отзывъ государя о полякахъ; Танѣвъ; графъ Бенкендорфъ; Дашковъ; кн. П. М. Волконскій. Симбирскъ; ревизія губерніи; бунтъ крестьянъ на мызѣ; маіоръ Э. И. Стоговъ; отношеніе жандармовъ къ губернаторамъ; «секретная инструкція»; кн. Баратаевъ и богоугодныя заведенія; гр. Строгановъ; Бенардаки; подрады; бурлаки и вопросъ о паспортахъ.

Таково содержаніе двадцати четырех главъ «Записокъ Жиркевича», напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» съ 1874 по 1878 гг. и на время прерванныхъ нами на описаніи его губернаторской дѣятельности въ 1834 году. Перерывъ произошелъ исключительно въ виду наплыва множества записокъ, воспоминаній, очерковъ и матеріаловъ, которые, занявъ страницы «Русской Старины», отодвинули записки честнаго, правдолюбиваго губернатора-служки И. С. Жиркевича—этого представителя лучшихъ губернаторовъ Николаевского времени.

Такимъ образомъ, питомецъ 1-го кадетскаго корпуса, затѣмъ офицеръ гвардейской артиллеріи, участникъ великой отечественной войны 1812-го года, прошедшій въ рядахъ побѣдоносной арміи Россіи всю Европу до Парижа, потомъ начальникъ артиллерійской батареи, начальникъ особой части на Тульскомъ оружейномъ заводѣ, наконецъ губернаторъ Сибирскій, прямодушный, рыцарски благородный, но, въ то же время, непреклонный до упрямства, рѣзкій на слова и дѣйствія, Иванъ Степановичъ Жиркевичъ оставилъ въ обширныхъ своихъ запискахъ рассказы о всей своей жизни, разсѣявъ въ нихъ множество интересныхъ чертъ для обрисовки прошлаго быта русскаго общества вообще и военно-служащаго дворянства въ особенности. Двадцать четыре главы этихъ записокъ извѣстны уже читателямъ «Русской Старины».

Нынѣ предъ нами XXV-я и послѣдующія главы его труда. Онъ даетъ въ нихъ интересный отчетъ читателямъ въ управленіи имъ губерніями сначала Сибирской, потомъ Витебской... Здѣсь много мелочныхъ подробностей, но мы не сочли себя въ правѣ ихъ опускать, такъ какъ во всей полнотѣ ихъ, они живописуютъ внутреннее по губерніямъ управленіе и общественную провинціальную жизнь въ 1834—1840-хъ гг., столь, повидимому, недавняго времени, но, по существу, въ высшей степени рѣзко отличающагося отъ быта нынѣшняго времени, и не мудрено: между тѣмъ и другими временемъ подѣляются реформы всего внутренняго строя Россіи — Царя-Освободителя истинно незабвеннаго Александра II.

Настоящая XXV-я глава интересна еще и потому, что она повѣствуетъ о тѣхъ же событіяхъ, о которыхъ такъ живо и увлекательно разсказалъ Э. И. Стоговъ, одновременно служившій съ Жиркевичемъ въ Сибирскѣ (см. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXIII).

XXV ¹⁾.

Ревизія Симбирской губерніи сенаторомъ гр. Перовскимъ. — Острогъ. — Памятникъ Н. М. Карамзину. — Беспорядки по канцеляріи. — Моя ревизія губерніи. — Награды. — Отношенія мои къ служащимъ и помѣщикамъ. — Дѣло о виноторговцѣ въ Алатырскомъ судѣ. — Жалоба крестьянъ Сызранскаго уѣзда. — Недоразумѣніе съ Б-вымъ. — Выговоръ, полученный отъ Жмакина. — Объясненіе съ Д. Н. Блудовымъ. — Раздача акцій страхового общества. — Сѣздъ дворянъ въ Симбирскѣ. — Распоряженія по удѣльному вѣдомству.

Въ маѣ мѣсяцѣ (1835 г.?) прибылъ въ Симбирскъ Перовскій и остановился въ домѣ тещи управляющаго удѣльною конторою. Сдѣлавъ приличныя распоряженія къ приему его, я былъ принятъ имъ самъ съ видимымъ ко мнѣ уваженіемъ и вниманіемъ... Странно мнѣ показалось одно, что въ разговорахъ со мною Перовскаго, не взирая на предварительно въ Петербургѣ дѣланныя мнѣ наставленія, касательно совершившагося перехода казенныхъ крестьянъ въ удѣлъ, онъ ни одного раза не коснулся до сего предмета, да и вообще о дѣлахъ говорилъ со мною весьма кратко и неопредѣленно. Приступая къ ревизіи губерніи, онъ въ первый день просидѣлъ въ губернскомъ правленіи отъ 8-ми час. утра до 4-хъ час. пополудни, и, сколько я могъ замѣтить по настольному реестру, болѣе обращалъ вниманія на дѣлаемыя удѣльною конторою требованія, на числа поступленія ихъ и на время удовлетворенія. Съ совѣтниками губернскаго правленія не вступалъ даже въ разговоръ. Потомъ ѣздилъ со мною въ тюремный замокъ и въ заведенія приказа общественнаго призрѣнія, вездѣ замѣчанія свои дѣлалъ тихомолкомъ. По губернскому правленію прислалъ нѣсколько предложеній, однако же не по замѣткамъ своимъ, но по поданнымъ къ нему прошеніямъ или по особенно дошедшимъ до него свѣдѣніямъ (т. е. по докладамъ жандармовъ). По тюремному замку не похвалилъ и не сдѣлалъ осужденія, но въ больничныхъ заведеніяхъ указалъ, что имъ замѣчено: «что всѣ хозяйственныя закупки и поставки дѣлались подъ личнымъ распоряженіемъ члена приказа общественнаго призрѣнія Смоленскаго, а не подрядомъ, что предложилъ немедленно устранить, и если нѣтъ въ виду подрячиковъ къ поставкамъ, то возложить сіе хотя на смотрителя больницы».

Я и самъ, по прибытіи моемъ, въ послѣднихъ числахъ марта, въ Симбирскѣ, замѣтилъ сію неправильную мѣру многихъ предмѣстниковъ,

¹⁾ Эта и послѣдующія главы XXVI и XXVII писаны авторомъ, какъ видно изъ его помѣты, въ августъ и сентябрь 1844 года.

но, не торопясь, старался узнать прежде причину этого, а потомъ уже отыскать удобнѣйшее средство уладить; оказалось, что членъ приказа общественнаго призрѣнія, давно уже занимавшій сіе мѣсто, разными натяжками и уловками, такъ настраивалъ поставщиковъ, что уже нѣсколько лѣтъ къ торгамъ никто не являлся. Больничныя заведенія опущены были совершенно. Каменное огромное зданіе, оконченное въ истекшемъ году и стоившее казнѣ до 280 тыс. рублей, по случаю ожиданія пріѣзда государя, въ томъ году однако же не состоявшагося, было оштукатурено и обѣлено въ сыромъ состояніи—единственно для вида. Всѣ положенныя для больныхъ вещи устроены были на скорую руку и только $\frac{1}{2}$ для наличныхъ больныхъ, при томъ дорогою цѣною, съ предположеніемъ на остальныхъ усилить экономію, но съ моимъ прибытіемъ оговорено невозможностью.

Я же, по новости моей въ званіи начальника губерніи, опасался устранять себя отъ формъ и дѣйствовать въ денежныхъ расчетахъ рѣшительно съ личною моею отвѣтственностью. Смотритель больницы, офицеръ, изъ заслуженныхъ гвардейскихъ унтеръ-офицеровъ, человѣкъ честный, безкорыстный, былъ выбранъ самимъ членомъ приказа общественнаго призрѣнія и, при всей своей старательности, видимо былъ неспособенъ къ быстрому дѣйствію и къ промышленности въ закупкахъ, а потому, хотя я и старался убѣждать городского голову и другихъ купцовъ принять участіе въ заготовленіяхъ, но они всѣ рѣшительно отъ сего отказывались, а я все еще былъ въ ожиданіи, пока губернія со мною болѣе ознакомится и обыватели будутъ имѣть ко мнѣ довѣріе, чтобы мнѣ помогать въ моихъ дѣйствіяхъ...

Получа предложенія Перовскаго въ половинѣ мая, я былъ вынужденъ, въ тотъ же день, оное привести въ исполненіе и, пока Перовскій былъ въ Симбирскѣ, дѣло сіе не подалось ни на волосъ. На неоднократные вызовы къ торгамъ—никто не являлся; смотритель забиралъ припасы и матеріалы тамъ же, гдѣ бралъ ихъ и Смоленскій; но лишь только Перовскій выѣхалъ, каждый день по присутствію приказа я былъ затрудняемъ разными мелочными донесеніями и докладами такъ, что для закупки двухъ ночныхъ горшковъ пять разъ составлялись докладные журналы, а за превышеніемъ 5-ти коп. выпрашиваемыхъ цѣнъ противъ справки, дѣло это еще осталось неразрѣшеннымъ и по отбытіи моемъ изъ Симбирска.

Въ зданіи открылась сырость и копоть до такой степени, что во всѣхъ палатахъ должны были устанавливать желѣзныя печи, но и это мало помогало, хотя немного и очистило воздухъ. Полы разохлись совершенно и требовали общей переборки. Старая ограда развалилась, комплектъ вещей не дополнялся, а все шли да шли безъ-

успѣшно лишь форменные вызовы къ торгамъ. Это заставило меня войти съ представленіемъ къ министру и просить о перемѣнѣ члена приказа общественнаго призрѣнія. Въ донесеніи моемъ я все представилъ откровенно. Должно думать, что г. Смоленскій имѣлъ особыхъ покровителей и ходатаевъ за себя при министрѣ, ибо и графъ А. Г. Строгановъ, въ первый день своего пріѣзда въ Симбирскъ, спрашивалъ моего мнѣнія объ этомъ чиновникѣ, намекая, что онъ весьма замѣчательное лицо. Братъ Перовскій изъ архива два или три дѣла по приказу къ себѣ, но оныя возвратилъ безъ объясненій о томъ, что его тамъ могло интересовать.

Дѣло это кончилось тѣмъ, что я вдругъ получилъ предписаніе отъ министра, что Смоленскій, по прошенію его (которое онъ, вѣроятно, хотя и подалъ, но помимо меня), уволенъ, для перемѣщенія къ другимъ дѣламъ, а въ Симбирскъ назначенъ другой чиновникъ, бывший въ то время членомъ же приказа общественнаго призрѣнія въ Воронежѣ и уволенный оттуда по неудовольствію начальника губерніи. Этотъ господинъ съ перваго дня своего пріѣзда оказался горькимъ пьяницей и былъ такъ разслабленъ, что трясся всѣмъ тѣломъ. Это было поводомъ, что я сталъ просить Д. Н. Блудова, частнымъ письмомъ, меня уволить тоже, но благосклонный и любезный отзывъ моего начальника-благодѣтеля меня удержалъ.

Личное мое знакомство съ Перовскимъ много потерпѣло отъ двухъ случаевъ: когда пріѣхала моя жена въ Симбирскъ, я предварилъ ее, что она знакома съ вотчимомъ Перовскаго—ген.-м. Денисьевымъ. Всѣмъ извѣстно, что мать Перовскаго была крѣпостная дѣвушка графа Разумовскаго и, по прижитіи имъ дѣтей, съ большимъ приданымъ была выдана за Денисьева. Когда Перовскій пріѣхалъ къ женѣ моей съ визитомъ, она имѣла неосторожность сказать ему, что она знакома съ его вотчимомъ. Кто зналъ Перовскаго, тотъ можетъ посудить, какъ его это кольнуло! А другое: па третій день его пріѣзда въ Симбирскъ, возвратясь отъ него, гдѣ я видѣлъ (управляющаго удѣльною конторою) Б***, я получилъ пригласительный билетъ къ обѣду, который онъ предполагалъ дать на другой день Перовскому. Оскорбившись тѣмъ, что онъ не хотѣлъ лично ни предварить, ни просить меня, я тотчасъ же билетъ этотъ отправилъ Б*** обратно, съ цѣлью дать ему почувствовать неприличіе его поступка. Это случилось въ среду, обѣдъ назначенъ въ четвергъ. Б***, дабы оправдаться въ глазахъ Перовскаго, съ тѣмъ же посланнымъ, съ которымъ я возвратилъ ему билетъ, прислалъ мнѣ письмо, не въ извинительномъ тонѣ, а какъ будто бы билетъ былъ вложенъ въ это же письмо. Презрѣвъ такой маневръ, въ четвергъ на обѣдъ я не поѣхалъ.

Въ четыре часа, разбудивъ меня послѣ моего обѣда, доложили мнѣ, что пріѣхалъ удѣльный чиновникъ, который просить позволенія со мною видѣться. Поставивъ себѣ за правило никого не заставлять дожидаться аудіенціи, я вышелъ и нашелъ чиновника, который мнѣ объявилъ, «что у Б*** всѣ гости къ обѣду съѣхались и Перовскій съ часъ уже тамъ и что только меня одного ожидаютъ». Я приказалъ поблагодарить г. Б*** за приглашеніе, объявивъ, что я уже отобѣдалъ и занятъ дѣломъ. На другой день я пріѣхалъ, по обыкновенію моему, поутру въ восемь часовъ къ Перовскому онъ меня принялъ, какъ всегда, немедленно, но я замѣтилъ, что онъ въ большемъ волненіи. Когда же я сталъ просить у него извиненія, что наканунѣ, быть можетъ, неволью причинилъ ему неудовольствіе, заставивъ ждать меня къ обѣду, но что я вовсе не имѣлъ даже намѣренія быть у Б***, онъ отвѣчалъ, что «вовсе нѣтъ!» но тутъ же прибавилъ, что «ему однако-жь больно, что я огорчилъ его довѣреннаго чиновника такимъ обиднымъ образомъ». На объясненіе же мое, что и я точно также могъ бы считать себя обиженнымъ невѣжливостью г. Б***, по переносу сіе равнодушно, онъ замолчалъ, обративъ разговоръ къ другому предмету и потомъ, провожая меня до сѣней, чрезъ залу, гдѣ было много чиновниковъ, въ томъ числѣ Б*** и Флиге (жандармскій штабъ-офицеръ), остановилъ меня между ними, повторивъ мнѣ сдѣланное еще въ гостинной приглашеніе обѣдать у него, и спросилъ меня, въ которомъ часу я самъ обыкновенно обѣдаю, чтобы такъ и себя приготовить къ этому. На отвѣтъ же мой, что не ему, а мнѣ должно соображаться съ его привычками, онъ добавилъ: «Я о васъ аккуратно все спрашиваю! Знаю, что вы когда одни дома, всегда обѣдаете въ два часа, а же привыкъ обѣдать въ четыре, но, пока буду въ Симбирскѣ, подѣлимте наше время и станемъ обѣдать ровно въ три часа, этимъ мы уладимъ все къ общему согласію». Потомъ проводилъ меня даже до экипажа, повторилъ опять, что ждетъ меня ровно въ три часа. За четверть часа до сего срока, пріѣхалъ ко мнѣ Б***, просилъ въ буквальный смыслъ у меня прошенія, сознаваясь въ своей неосмотрительности и извинялся только множествомъ порученій, налагаемыхъ на него Перовскимъ. Разумѣется, что извиненіе сіе я принялъ съ признательностью какъ къ подчиненному, такъ и къ начальнику, и спрося Б*** не обѣдаетъ ли и онъ у Перовскаго и получивъ утвердительный отвѣтъ, просилъ взять меня въ его экипажъ и, примиренные съ виду, явились вмѣстѣ къ обѣду, что, повидимому, понравилось хозяину. За обѣдомъ, гдѣ былъ и Флиге, ни слова не было сказано о семъ обстоятельстве, ни о дѣлахъ. Но за то, лишь только я пріѣхалъ къ Перовскому на другой день по дѣлу, съ перваго слова началось объясненіе.

— «Покорнѣйше прошу садиться, в. п., сказалъ Перовскій, простите великодушно, я на минуту выйду», (возвратясь съ томомъ Свода Законовъ). «Вотъ, в. пр—во, законъ, который въ буквальномъ смыслѣ ясно выражаетъ: ни удѣльная контора, ни управляющій оною, не состоятъ по распоряженіямъ своимъ ни у какого губернскаго начальства, но во всемъ относятся въ удѣльный департаментъ, въ вѣдомствѣ котораго непосредственно состоятъ, и только отъ него одного получаютъ свои предписанія». (Я повторяю слова Перовскаго, а не передаю буквально мысль, изложенную въ Сводѣ).

«Я знаю этотъ законъ, ваше с—во, и понимаю его такъ, какъ и о другихъ предсѣдателяхъ и начальникахъ, каждаго по своей части. Въ своихъ дѣйствіяхъ, каждый обязанъ слѣдовать формамъ и порядку, указаннымъ въ законѣ, но тѣмъ не менѣе они всѣ подчиняются начальнику губерніи!»

— «Нѣтъ, ваше пр—во, вы не такъ толкуете законъ и напрасно требуете отъ управляющаго удѣльною конторою, чтобы онъ въ отношеніи къ вамъ былъ въ подчиненности и хотите, чтобы онъ даже всегда являлся къ вамъ въ мундирѣ».

«Я никогда не требовалъ, ваше с—ство, чтобы г. Б*** являлся ко мнѣ въ мундирѣ, но, слыша настоящее указаніе, могу прямо сказать, что съ г. Б*** во фракѣ я не хочу имѣть ни дѣла, ни знакомства, ибо послѣднимъ я его не удостоиваю!» Онъ съ перваго шагу поступилъ со мной неблагородно: давъ мнѣ слово о бывшей между нами размовкѣ молчать, онъ съ первою почтою писалъ о томъ къ вамъ»...

— «Напрасно вы это заключаете. Отъ Б*** я ничего не знаю, а если что и знаю, такъ отъ другихъ»...

«Черезъ Флиге?» спросилъ я.

— «Можетъ быть!»

«При отправленіи меня въ Симбирскъ, продолжалъ я, государь лично удостоилъ меня указаніемъ важности занимаемаго мною поста, да и самое названіе, которое я ношу—«начальника губерніи», имѣетъ уже вѣсъ въ глазахъ моихъ! «Всякій, кто находится въ кругу вѣренной мнѣ губерніи, начиная съ васъ, ваше с—во, если бы вы не были снабжены полномочіемъ разсмотрѣнія моихъ дѣйствій, я считаю подчиненнымъ моему управленію».

— «О! Какъ вы много думаете объ этомъ».

«Я думаю то, что приказалъ мнѣ государь думать».

— «Лучше всего, для разъясненія, испросить вамъ на сіе мнѣнія прямого начальника вашего, министра внутр. дѣлъ—вы увидите, что онъ согласится со мною».

«Короче, ваше сіятельство, донесите государю, что у него есть губернаторъ, который не понимаетъ закона».

— «Ваше пр—во! вскричалъ съ горячностью Перовскій, я знаю что доносить и писать къ государю, и не буду на это спрашиваться вашихъ совѣтовъ!»

«Позвольте же и мнѣ, ваше сіятельство, сказалъ я вставая и съ видимымъ намѣреніемъ казаться спокойнымъ, не руководствоваться ничьими совѣтами. Знаю, ваше пр—во, что вы имѣете средства и возможность написать обо мнѣ государю все, что вамъ угодно, и ваше мнѣніе обо мнѣ, конечно, будетъ имѣть вѣсъ. Вы видите, ваше пр—во, какъ я говорю спокойно и хладнокровно—это отъ того, что я знаю съ кѣмъ имѣю дѣло. Я говорю съ Перовскимъ»....

— «Садитесь, ваше пр—во, сказалъ онъ, спустивъ тонъ, будемъ оба говорить объ этомъ хладнокровно».

«Стоя предъ вами, я имѣю въ виду сенатора и отвѣчаю какъ губернаторъ. Если же я сяду—буду говорить тоже громко, а потому позвольте уже продолжать по прежнему».

— «Non! сказалъ Перовскій, взявъ меня за руку и насильно усаживая въ кресло, *asseyez-vous, je vous en prie! Avouons, entre nous, que vous êtes beaucoup, même trop susceptible!*»

«Мнѣ кажется сказалъ я сѣвши, въ этомъ случаѣ «слѣпой кривому глазъ колетъ». Всегда не только можно, но и должно быть щекотливымъ, если дѣйствуешь прямо и откровенно по совѣсти. Такъ и вашу щекотливость я уважаю и съ полною довѣренностью примѣняю къ себѣ».

— «Ну, перестанемте говорить объ этомъ; а между тѣмъ я скажу вамъ откровенно, что я имѣлъ у себя въ рукахъ вашу переписку съ жандармами, изъ которой я вывелъ то же самое, что и теперь происходить».

«Не постигаю, ваше пр—во, какъ г. Фриге могъ дозволить себѣ показывать другимъ то, что должно оставаться въ секретѣ между нимъ и мной».

— «Я не отъ него это знаю! Но признаться вамъ, что то, что было писано съ вѣжливостью и въ указанныхъ формахъ, вы тоже горячо принимали за нарушеніе приличія. Но что-же дѣлать! Мы и всѣ такъ иногда смотримъ».

Затѣмъ Перовскій просилъ меня опять обѣдать къ себѣ, и, провозжая черезъ залу, при своихъ чиновникахъ, еще болѣе усилилъ ко мнѣ свое вниманіе.

На другой день получилъ я отъ Д. Н. Блудова первое конфиденціальное письмо на счетъ переписки Флиге—и это открыло мнѣ глаза, что, вѣроятно, эта переписка, для соображенія и мнѣнія, была въ рукахъ Перовскаго, ибо и въ письмѣ Блудова помѣщены были буквально послѣднія слова Перовскаго.

Въ день Пасхи, вскорѣ по моемъ прїѣздѣ въ Симбирскъ, я изъ любопытства спросилъ у полицеймейстера: «Имѣеть-ли обыкновеніе здѣшнее купечество, по христіанскому милосердію, въ святые дни, помышлять о заключенныхъ?» Онъ мнѣ отвѣчалъ, что и очень—и дѣйствительно въ этотъ день пожертвовано 6 полунимперьяловъ и до 5 пуд. пшеничныхъ калачей, за что я и поручилъ благодарить благотворителей. Перовскій, проживъ съ нами уже недѣли три, въ одно утро пригласилъ меня сѣсть къ себѣ въ экипажъ и приказалъ прямо ѣхать въ острогъ. Зная, что тамъ всегда порядокъ и чистота, я ни мало о томъ не озаботился. На порогѣ острога Перовскій спросилъ смотрителя: гдѣ ваша контора? Тотъ повелъ туда—и тамъ такой-же порядокъ. «Книга ваша!» Смотритель подаль, Перовскій перевернулъ нѣсколько листовъ, взглянулъ въ одинъ, въ другой и третій, приказалъ принести шнуръ, свѣчку, сургучъ, велѣлъ сложить при себѣ всѣ книги, числомъ 11, выѣсть, связалъ шнуркомъ, вынулъ изъ кармана часы, самъ приложилъ печать къ шнуру, отдалъ приказаніе отнести книги въ экипажъ, а самъ пошелъ по камерамъ. Вездѣ чисто, опрятно, тепло. Осмотрѣвъ, поѣхали въ городъ и онъ довезъ меня до дому.

Для черезъ четыре получаю отъ него предложеніе и книги съ указаніемъ, что при подробномъ оныхъ разсмотрѣніи онъ нашелъ большія упущенія: въ графахъ подчистки, въ итогахъ невѣрности и пропуска, такъ что не досчитано выдачи до 28 руб. съ копѣйками, а потому онъ спрашиваетъ моего мнѣнія: «кого я признаю въ этомъ виновнаго? Разсмотрѣвъ книги, сверхъ замѣчаній, я самъ нашелъ, что въ книгу не записаны и тѣ деньги, которыя были поданы арестантамъ въ день Пасхи. Соблюдая форму, я далъ и отъ себя предписанія полицеймейстеру, тюремному смотрителю и уѣздному казначею, по закону связанными (?) въ своихъ дѣйствіяхъ и повѣркѣ суммъ по тюремному замку. Объясненія заключались въ неумышленныхъ ошибкахъ и забывчивости. «Сообразивъ все сіе, я и донесъ сенатору, излагая просто мое мнѣніе, что я всѣхъ трехъ признаю виновными, а между тѣмъ, пользуясь вниманіемъ Перовскаго, я осмѣлился спросить его: какъ ему пришла мысль заняться такою мелочною подробностью—вѣроятно ему донесли что-либо жандармы?» Онъ улыбнулся и сказалъ: «можетъ быть!» На замѣчаніе мое: но почему же жандармы, прежде чѣмъ ему, не сказали мнѣ объ этомъ? Кажется, я бы могъ тоже все повѣрить и исправить», онъ отвѣчалъ: «Справедливо!»—и на другой день далъ предложеніе губернскому правленію, прописать обширно и въ подробности самыя малѣйшія мелочи—отрѣшить смотрителя и предать суду; что же касается до казначея и полицеймейстера, то о нихъ будетъ

сдѣлано особое распоряженіе. Тюремный смотритель, получающій жалованье 200 р. асс., безвыходно, такъ сказать, заключенный съ колодниками, содержавшій въ тюрьмѣ такой образцовый порядокъ и чистоту, что гр. А. Г. Строгановъ и др. посѣтителіи весьма справедливо замѣчали: «хорошо-ли это, что такъ хорошо», не взирая на долготѣнную службу свою и большое семейство—за 28 р. асс. отрѣшенъ отъ должности, оставленъ безъ куска хлѣба и преданъ суду!... Въ продолженіе года на мѣсто его не являлось желающихъ и должность его исправляли, по очереди, квартальные надзиратели, изъ коихъ не всѣ отличались трезвостью, поэтому, само собою разумѣется, что порядокъ въ тюрьмѣ не перемѣнился къ лучшему. Правительствующій сенатъ, по жалобѣ, принесенной смотрителемъ, дѣло предоставилъ своему разсмотрѣнію и, по прошествіи 6-ти мѣсяцевъ, признавъ дѣло не заслуживающимъ столь строгаго взысканія, приказалъ за все время суда удовлетворить его жалованьемъ, не внося бытности его подъ судомъ въ формуляръ, и допустить опять къ исправленію должности. Но онъ отъ этого отказался. О казначей писано было къ министру финансовъ, и что тамъ ему сдѣлано за сіе—мнѣ неизвѣстно. Что же касается до полицеймейстера, то чрезъ 3 мѣсяца, послѣ видимо настоятельной переписки между Перовскимъ и Блудовымъ, я получалъ отъ послѣдняго предложеніе, что полицеймейстеръ, находясь подъ покровительствомъ комитета о раненыхъ, не можетъ быть, безъ суда, отрѣшенъ отъ должности, а потому (онъ) переводить (его) только въ уѣздный городъ Сингилѣй, но министръ предоставляетъ мнѣ право, буде я признаю нужнымъ, предать его сужденію...

Когда я прибылъ въ Симбирскъ, съ перваго дня всѣ получаемые на мое имя пакеты я сталъ вскрывать самъ. Между прочими бумагами, безпрестанно стали попадаться мнѣ запросы отъ лицъ и мѣстъ, отъ коихъ высылались деньги на устройство, въ Симбирскѣ, памятника историографу Карамзину—получены-ли высланные суммы, гдѣ и когда записаны на приходъ. На другой день секретарь приносилъ мнѣ подписывать отзывы, что деньги точно получены и вмѣстѣ съ этимъ подложилъ предписаніе казначею о запискѣ оныхъ на приходъ. На вопросъ же мой отчего это прежде не было сдѣлано, ибо нѣкоторыя деньги около года и болѣе уже получены, онъ отвѣчалъ, что иногда денежные пакеты оставались у 3-го и деньги онъ до времени задерживалъ всѣ у себя, а потомъ и самыхъ пакетовъ не отскидывалось, и откуда высланы деньги—канцелярія не знала, а потому не остается болѣе ничего дѣлать какъ выждать послѣдующихъ запросовъ, такъ какъ много-ли такихъ суммъ не записано еще въ приходъ—точно опредѣлить нельзя.

Сообразивъ, что это лишь одна увертка секретаря, я прямо изъ кабинета своего послалъ требованіе въ почтовую контору сообщить мнѣ выписку изъ книгъ, со времени открытія подписки на сооруженіе памятника, болѣе чѣмъ за два года, какія и откуда высылались суммы на имя губернатора или въ комитетъ, составленный на сей предметъ изъ симбирскихъ дворянъ. Получивъ чрезъ недѣлю подробную вѣдомость, я приказалъ секретарю Раеву сдѣлать противъ каждой статьи выправку и отмѣтку и, такимъ образомъ, нашелъ до 28 тыс. руб. высланныхъ, но еще не записанныхъ, изъ коихъ болѣе чѣмъ на 5 тыс. руб. и бумагъ не оказалось. Все сіе сдѣлалъ я тайно и безъ малѣйшей огласки. Казначей комитета, помѣщикъ Лысковъ, понявъ всю важность и деликатность сего дѣла, въ подробности объяснилъ мнѣ начало и поводъ сооруженія памятника, коему основаніе было положено въ домѣ Д. Н. Блудова, при содѣйствіи И. И. Дмитріева и Д. В. Дашкова, которые съ другими лицами подписались на 3,500 руб.; но что страннѣе всего было, что и эта сумма не была еще выслана въ комитетъ. Въ числѣ прочихъ жертвователей за полтора года находился фельдмаршалъ Сакенъ на 500 р. и эти деньги не были еще записаны и не дано въ полученіи ихъ отчета. Разузнавъ и устроивъ все это, я распорядился по первоначальной подпискѣ деньги немедленно прислать съ оговоркою, что сіе упущено канцеляріей. Капиталъ дошелъ при мнѣ за 70 тыс. руб. и комитетъ просилъ меня принять на себя званіе предсѣдателя, на что я съ разрѣшенія министра съ удовольствіемъ согласился. Я предложилъ было о сдѣланныхъ пожертвованіяхъ и о продолженіи подписки опубликовать въ вѣдомостяхъ, но объ этомъ замолчали. Съ этого времени дѣло это приняло правильный ходъ и установилась полная отчетность.

Я нашелъ по канцеляріи не утвержденныхъ дѣлъ, представленныхъ изъ уголовной палаты, до 200 и изъ уѣздныхъ судовъ болѣе 350. Между тѣмъ текуція дѣла требовали неупустительнаго исполненія и я поставилъ себѣ за постоянное правило, чтобы текущихъ бумагъ и дѣлъ отнюдь не задерживать и всѣ резолюціи класть собственноручно. Никто и никогда не выдавалъ въ моемъ кабинетѣ валяющихся бумагъ, какъ это я видѣлъ почти у всѣхъ губернаторовъ, съ коими имѣлъ вѣчныя сношенія. Дѣла же запущенныя при (моемъ предмѣстникѣ) Загряжскомъ разрѣшилъ или утвердилъ всѣ въ продолженіе мѣсяца, посвящая для сего ежедневно 4 часа. Но къ удивленію моему, въ послѣднихъ числахъ іюля, я получилъ отъ Перовскаго предложеніе объ одномъ уголовномъ дѣлѣ, которое болѣе года было представлено палатою предмѣстнику моему съ выпискою, для внесенія въ сенатъ, но куда поступило отъ него—палата не имѣла свѣдѣній. Дѣло

сие отыскалось въ канцеляріи, въ кипѣ другихъ запущенныхъ бумагъ, и, утвердя оное, сейчасъ же представилъ въ сенатъ. Я спросилъ секретаря—нѣтъ-ли у него еще подобныхъ дѣлъ въ канцеляріи, онъ началъ увѣрять, что такихъ болѣе нѣтъ и что «это дѣло Богъ знаетъ по какому случаю завалилось», тѣмъ не менѣе я и тутъ поступилъ какъ съ деньгами—секретно спросилъ палату, и оказалось еще 28 дѣлъ, по году и по два лежащихъ безъ движенія, конхъ слѣдовало, съ мнѣніемъ губернатора, внести въ сенатъ. Опасаясь доставить Загряжскому непріятности, я рѣшился сіи дѣла представлять по три въ недѣлю. Все шло благополучно и я полагаю, что по письму Раева, Загряжскій вѣроятно хлопоталъ въ сенатѣ, чтобы не дѣлали запросовъ о такомъ промедленіи.

Безпечность простиралась до такой степени, что объѣзжая во время ревизіи уѣздные города, въ одномъ острогѣ я нашелъ арестанта, содержавшагося за членовредительство болѣе полутора года. А рѣшеніе его дѣла зависѣло непосредственно отъ губернатора, съ личною его отвѣтственностью за малѣйшее промедленіе.

Разсчитывая, что жена моя должна пріѣхать въ іюнѣ мѣсцѣ, я пожелалъ ее встрѣтить на пути, на границѣ Симбирской губ., и какъ я не ревизовалъ еще уѣздовъ, гдѣ ей слѣдовало ѣхать, то я, предваря о семъ Перовскаго, испрашивалъ согласія его на мою отлучку. Тутъ онъ объявилъ мнѣ, что онъ въ свою побѣдку, по удѣльнымъ имѣніямъ, былъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда я собираюсь, и душевно сожалеетъ обо мнѣ. Познакомившись съ моимъ характеромъ, онъ воображаетъ, что я буду долженъ перенести въ каждомъ присутственномъ мѣстѣ отъ тѣхъ безпорядковъ, кои вкоренились въ нихъ и на которые не достаетъ терпѣнія смотрѣть равнодушно и трудно изыскать средства къ устраниенію оныхъ. Причемъ добавилъ, что въ донесеніи моемъ государю о пріемѣ губерніи я, вѣроятно, опишу все это въ подробности и, конечно, Загряжскій не получитъ похвалы за свое управленіе. Я замѣтилъ Перовскому, что его замѣчаніе съ одной стороны весьма справедливо, но касательно ссылки на Загряжскаго я опасаясь, чтобы этимъ не навлечь на себя упрека, ибо вообще составъ служащихъ въ присутственныхъ мѣстахъ бѣденъ какъ въ отношеніи количества, такъ и качества лицъ, и отъ этого дѣлъ вездѣ накапливается множество. Но Загряжскій все-таки болѣе моего имѣлъ средствъ къ управленію, ибо послѣ его отъѣзда изъ Симбирской губ. образовалось новое удѣльное управленіе, которое болѣе выгоднымъ содержаніемъ переманило и до сихъ поръ переманиваетъ къ себѣ лучшихъ по губерніи чиновниковъ и дѣльцовъ.

Получивъ дозволеніе отправиться на ревизію, я поѣхалъ въ Ар-

датовъ, Алатырь и Кармышъ, въ уѣздѣ коего я встрѣтилъ жену съ дѣтьми, и въ Симбирскѣ возвратился уже вмѣстѣ съ ними.

При ревизіи присутственныхъ мѣстъ въ первомъ и послѣднемъ городѣ я нашелъ то же самое, что въ Бунинскѣ и Корсунѣ, т. е. огромное накопленіе дѣлъ, упущеніе въ формахъ дѣлопроизводства и бѣдное устройство и содержаніе помѣщеній. Но, при внимательномъ разсмотрѣніи регистровъ о дѣлахъ, не нашелъ ни одного важнаго уголовного дѣла, которое замедлилось-бы ходомъ отъ мѣстнаго изслѣдованія и сужденія. Въ Алатырѣ-же, какъ въ земскомъ, такъ равно и въ уѣздномъ судахъ, нашелъ не только порядокъ, но даже утонченность онаго. Комнаты опрятны, воздухъ чистъ; мебель не роскошная, но чистая и крѣпкая; журналы, описи, архивы—какъ слѣдуетъ. Въ уѣздномъ судѣ, всѣ сданныя дѣла въ архивъ, съ форменными описями, связанныя желто-чернымъ шнуромъ, и на лицо всего 4 дѣла не оконченныхъ, за неполученіемъ отзывовъ. Сии два суда Перовскій ревизовалъ не задолго до меня.

Возвратясь въ Симбирскъ и явившись къ Перовскому, я объявилъ, что онъ доставилъ мнѣ пріятный сюрпризъ, обманувъ меня указаніемъ на ужасъ безпорядковъ. Полагая, что я шучу, онъ не возражалъ мнѣ, а только улыбнулся, но когда я сталъ ему рассказывать все, что я нашелъ въ Алатырскомъ уѣздномъ судѣ, онъ тотчасъ-же припомнилъ — что все сказанное мной справедливо и сознался, что и этотъ судъ, по всей вѣроятности, есть единственный въ Россіи! Но увы! Какъ часто сужденія наши бываютъ поверхностны и опрометчивы. Желая поощрить чиновниковъ, я поспѣшилъ представленіемъ къ министрамъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ о томъ, что нашелъ въ Алатырѣ, и просилъ достойнымъ награды, найдя удобнымъ сослаться и на слова Перовскаго. Мѣсяца черезъ три судья получилъ орденъ, исправникъ и засѣдатели подарки, а секретари денежное поощреніе, но нѣсколько дней до полученія извѣстія о сихъ наградахъ я былъ вынужденъ дѣйствія Алатырскаго уѣзднаго и земскаго судовъ представить строгому разсмотрѣнію уголовной палаты.

Здѣсь мѣсто объяснить принятый мною и постоянно соблюдаемый порядокъ въ отправленіи мною дѣлъ какъ въ Симбирскѣ, такъ въ послѣдствіи и въ Витебскѣ.

Со вступленіемъ моемъ въ должность губернатора, я вставалъ утромъ обыкновенно въ 5 часовъ, но если предвидѣлъ болѣе обыкновеннаго занятій, то въ 4, а иногда даже и ранѣе. Это соображеніе дѣлалось всегда наканунѣ вечеромъ. Часу въ девятомъ я входилъ въ кабинетъ суда; къ этому времени вносились всѣ полученныя въ теченіи дня бумаги и дѣла, подлежащія моему разсмотрѣнію или

къ подписи. Взглядъ или предчувствіе на предстоящую мнѣ работу дѣйствовали на меня такъ сильно, что какъ бы я поздно ни легъ спать, что случалось иногда только за полночь, я всегда просыпался самъ, въ предназначенное мною время, иногда проспавъ не болѣе двухъ часовъ. Не тревожа никого въ домѣ, зажегши изъ лампы свѣчу, отправлялся въ кабинетъ и тамъ, засвѣтя стоявшія на столѣ свѣчи, немедленно приступалъ къ работѣ. Первоначально вскрывалъ я всѣ пакеты и, прочитывая всѣ бумаги вполнѣ, на не требующихъ особыхъ выравокъ тогда же излагалъ резолюцію, а на протчихъ—перомъ означая число и мѣсяцъ, карандашемъ отвѣчалъ: «доложить». На важнѣйшихъ перомъ прибавлялъ: «нужное», «весьма нужное»; у послѣднихъ всегда загибалъ уголъ и откладывалъ особо, оставляя дѣла и журналы въ конецъ. Потомъ подписывалъ изготовленные бѣловыя бумаги, къ коимъ, при обыкновенной данной резолюціи, приобщались оригиналомъ и тѣ бумаги, на коихъ дѣлались отвѣты или давались разрѣшенія,—а въ случаѣ бывшихъ справокъ, влагали и самое дѣло, заложенное въ томъ мѣстѣ, которое указывало требуемую справку. Потомъ разсматривались и подписывались мною журналы губернскаго правленія, указы общественнаго призрѣнія и строительной коммисіи. Если изложенія журнала не затрудняли меня въ точномъ смыслѣ сужденія, или не казались мнѣ сомнительными—я оныя утверждалъ тутъ же. Но если встрѣчалъ сомнѣніе или неясность, я загибалъ на полулистѣ, гдѣ остановился, уголъ; карандашемъ подчеркивалъ то, что останавливало меня въ утвержденіи и когда входилъ ко мнѣ экзекуторъ съ рапортомъ, то, принявъ отъ секретаря журналы, онъ передавалъ ихъ по принадлежности въ тѣ мѣста, откуда поступали оныя ко мнѣ, а тамъ уже, ко времени моего прибытія, совѣтникъ или тотъ, кто завѣдывалъ отдѣленіемъ, приготавливалъ все дѣло, для взгляда моего, въ случаѣ, еслибы я того потребовалъ. За журналами я разсматривалъ слѣдственные дѣла, поступавшіе изъ уѣздныхъ судовъ, коихъ заключеніе почти всегда оканчивалось словами: «предать волѣ Божіей». Но здѣсь я неупустительно наблюдалъ за формами какъ приговора, такъ и первоначальнаго изслѣдованія и малѣйшее отступленіе всегда дополнялось мною со всею изысканностью. Въ концѣ же я разсматривалъ дѣла, представленныя изъ уголовной палаты и совѣстнаго суда. Первоначально прочитывалъ отъ перваго до послѣдняго слова выписку, а затѣмъ и самый приговоръ. Потомъ въ каждомъ дѣлѣ перелистывалъ слѣдствіе; дополненія и важнѣйшія статьи опять перечитывалъ и если ничто не казалось мнѣ сомнительнымъ или темнымъ, на приложенномъ донесеніи надписывалъ: утверждаю, мѣсяцъ и число. И, такимъ образомъ, какъ сихъ, такъ и уѣздныхъ

судовъ утвержденныя дѣла на другой день сходили при заготовленныхъ бланкахъ. Если дѣло приносили на третій день, я непременно журилъ секретаря, ибо я вовсе не требовалъ, чтобы онъ сіи дѣла вторично пересматривалъ; на тѣ дѣла, которыя по личному обзору моему требовали дополненія, я непременно, тутъ же чернилами, писалъ мои замѣтки, и по онимъ дѣлалось исполненіе, на что сроку я назначалъ не болѣе трехъ дней. На тѣхъ же дѣлахъ уголовной палаты и совѣстнаго суда, которыя я хотя и находилъ полными, но въ мнѣніи моемъ, съ ихъ рѣшеніями, не соглашался—я тутъ-же излагалъ со всею подробностью мое заключеніе, подчеркивая строки, на кои желалъ вывода изъ закона и, подписывая, требовалъ выписку, и только одни эти дѣла я требовалъ, чтобы секретарь вторично рассматривалъ самъ и мнѣ докладывалъ; тогда же, когда приносилось къ подпису моему предложеніе уголовной палатѣ о доставленіи выписки (то я всегда спрашивалъ его), не сдѣлаетъ-ли онъ отъ себя какихъ-либо еще замѣчаній или, если не согласенъ со мною, то чтобы объяснилъ мнѣ откровенно свою мысль.

Въ пять лѣтъ моего губернаторства ни одного разу не случилось мнѣ слышать возраженія. Когда дѣло поступало ко мнѣ вновь съ выпискою, я надписывалъ: «представить въ Правительствующій сенатъ съ прежнею резолюціею». На сіе тоже давалось три дня сроку и когда вносили ко мнѣ для подписи въ сенатъ донесеніе съ выпискою, то всегда прилагалось и первое донесеніе. Я неотмѣнно прочитывалъ въ подробности выписку, заглядывалъ въ сводъ законовъ, который, съ дѣломъ вмѣстѣ, всегда тоже вносился, и закладывались листы приводимыхъ статей, и въ четыре года, представля въ сенатъ болѣе 50 дѣлъ, по обѣимъ губерніямъ, въ особенности при началѣ управленія моего каждую, ибо когда примѣнялись ко мнѣ, то дѣйствовали съ большею осторожностью, мнѣ не пришлось ни одного раза, чтобы сенатъ не утвердилъ моего мнѣнія или сдѣлалъ бы какое нибудь замѣчаніе.

Сія утренняя работа продолжалась обыкновенно до 8 часовъ утра, къ которому часу оставались не оконченными иногда только одни уголовныя дѣла, а иногда захватывало и нѣкоторое количество дѣлъ уѣздныхъ судовъ. Въ 8 часовъ извѣщали меня, что жена встала и я шелъ къ ней пить кофе. Въ это время секретарь входилъ ко мнѣ въ кабинетъ, собиралъ рассмотрѣнныя бумаги, и то, что уже подписано; пробѣгалъ тѣ, у коихъ были загнуты углы и всегда подчеркинутыя карандашемъ, каковыхъ бумагъ бывало по двѣ, по три, но не помню, чтобы доходило до пяти. А когда я входилъ въ кабинетъ для одѣванья, тогда онъ спрашивалъ о моихъ замѣчаніяхъ на

загнутыя или докладывалъ то, о чемъ ему нужно было особое отъ меня разрѣшеніе. Одѣвшись, принималъ я рапорты полиціймейстера, экзекутора, тюремнаго и больничнаго смотрителей, и затѣмъ мой кабинетъ былъ открытъ уже для каждого нуждающагося въ объясненіи со мной. Ждать въ передней или въ пріемной никогда и никого не заставлялъ; если докладывали мнѣ о лицѣ, заслуживающемъ личнаго вниманія, въ ту же минуту я приглашалъ его въ кабинетъ. Къ незначительнымъ просителямъ я выходилъ тоже тотчасъ, для чего строго отъ меня было приказано, чтобы и самый простой проситель никогда не стоялъ бы на крыльцѣ, а немедленно вводимъ былъ въ покои. Со всѣми просителями я объяснялся привѣтливо и ласково. Прошеній на простой бумагѣ не принималъ ни отъ кого, кромѣ тѣхъ, кои, объясняя мнѣ замедленія своего дѣла въ губернскомъ правленіи, просили моего особаго на то вниманія; отъ такихъ я бралъ записки и на простой бумагѣ. Поданное просителемъ прошеніе я лично и при немъ всегда прочитывалъ до конца. Случалось читать по 4 листа мелкаго почерка и вдругъ я находилъ, что проситель до меня не обращался еще къ нижнимъ полицейскимъ управленіямъ, въ таковомъ случаѣ я всегда отказывалъ первоначально на словахъ, возвращая тутъ же и прошеніе; но при малѣйшемъ настояніи, дѣлалъ помѣтку на просьбѣ «передать въ губернское правленіе» и тамъ неупустительно приказывалъ возвращать прошенія, со взысканіемъ за гербовую бумагу. Этимъ способомъ я избѣгалъ излишней назойливости просителей, что замѣчательно въ особенности по Витебской губерніи, гдѣ евреи, при малѣйшей потачкѣ, не дадутъ начальнику вовсе покоя. Если въ числѣ пакетовъ попадалось мнѣ безымянное письмо или доносъ, какъ бы важенъ онъ ни былъ, прямаго хода никогда не давалъ, а надписывалъ всегда оставить безъ вниманія. Но подъ рукою на дѣло обращалъ особое вниманіе и по оному, буде нужно, дѣйствовалъ.

Въ губернское правленіе я ходилъ непремѣнно каждый день въ 12 часовъ и не позже перваго часа, а въ другія отдѣленія управленія губерніи оттуда уже и только тогда, когда предстояла въ томъ особая нужда. По прибытіи моемъ туда, передъ моимъ стуломъ, лежали уже не пропущенные мною журналы и по замѣткамъ моимъ я обращался съ распросами къ тому лицу, которое занималось этимъ дѣломъ. Большею частью вопросы заканчивались простымъ поясненіемъ и журналъ подписывался тутъ же. Иногда, но весьма рѣдко, не соглашаясь съ мнѣніемъ того совѣтника, который велъ дѣло, я требовалъ мнѣніе другихъ его сотоварищей и слушалъ, при разногласіи, ихъ диспутъ. Если производитель дѣла настаивалъ на своемъ мнѣніи,

я тутъ же бралъ дѣло, перечитывалъ спорныя статьи, соображалъ законы и, или соглашался съ мнѣніемъ дѣлопроизводителя, тогда спрашиваемого, не хочетъ ли протестовать подписывалъ, или въ противномъ случаѣ предлагалъ, занесенную уже по журналу резолюцію—уничтожить, а записать мое личное предложеніе къ исполненію, предоставляя, безъ сердца, на волю каждаго, протестовать противъ моего предложенія. Замѣчу здѣсь, что мнѣ въ четыре года одинъ разъ случилось видѣть протестъ противъ себя исправляющаго должность Витебскаго прокурора, но я протестъ его оставилъ безъ вниманія, а онъ не осмѣлился его повести далѣе, какъ бы это надлежало по закону. По тѣмъ дѣламъ, по коимъ подавались мнѣ записки для напamатованія, я въ тотъ же день неупустительно требовалъ дѣло, пробѣгалъ его по листамъ въ присутствіи, убѣждалъ совѣтника къ ускоренію и дѣло велось осмотpительнѣе.

Въ частномъ обращеніи моемъ, какъ губернаторъ, я не позволялъ себѣ ни съ кѣмъ и никакой фамильярности. Изъ составленныхъ мною знакомствъ въ Симбирскѣ и въ Витебскѣ я назову—въ первомъ только генераль-маіора Ивашева и князя Баратаева, у которыхъ въ домѣ я бывалъ иногда безъ предварительнаго приглашенія, а въ послѣднемъ т. е. въ Витебскѣ, рѣшительно ни у кого. Всякаго помѣщика и чиновника, дѣлавшаго мнѣ честь предвареніемъ въ знакомствѣ, я удовлетворялъ тотчасъ же контръ-визитомъ и приглашалъ, одинъ разъ навсегда, посѣщать меня, когда угодно, но въ особенности въ объявленный день, который постоянно, на недѣлѣ, назначенъ для вечернихъ у меня собраний. Значительнымъ людямъ дѣлалъ особые визиты въ день ихъ семейныхъ праздниковъ, а другимъ только въ праздники Рождества Христова и Свѣтлаго Воскресенья. Въ эти праздники, я не обходилъ уже ни одного лица, никогда не разбирая визитныхъ карточекъ или записокъ о пріѣзжавшихъ ко мнѣ въ первый день. На другой день, по порядку домовъ, объѣзжалъ всѣхъ и тѣхъ, которые были и не были у меня. Объ дѣлахъ и объ начальникахъ моихъ никогда и ни съ кѣмъ не разговаривалъ, кромѣ тѣхъ лицъ, до которыхъ тѣ дѣла относились. Если встрѣчалъ кого либо изъ молодыхъ людей, по легкомыслію начинавшихъ иногда знакомство (выражусь откровенно): «нахальствомъ», останавливалъ на первомъ шагу холодною и сухимъ пріемомъ, а въ случаѣ настойчивости рѣзко и даже повелительно останавливалъ, не взирая ни на родъ, ни на состояніе.

Въ перепискѣ моей никогда не начиналъ никакой ссоры и первую непріятность, мнѣ нанесенную, всегда относилъ къ неумышленности, возражалъ съ вѣжливостью, показывая даже, что оную не замѣчаю. Но за повтореніемъ (увy! къ несчастію!), платилъ утонченною

взаимностью, а сіе надѣлало мнѣ множество недоброжелателей между лицами, занимавшими важные посты въ государствѣ. Разбирая всегда лично переписку, при довольно свѣжей памяти и привычкѣ къ дѣлопроизводству, я весьма скоро ознакомился со служащими въ обѣихъ губерніяхъ и даже съ почеркомъ каждаго изъ нихъ и это иногда давало поводъ къ необыкновенному направленію дѣла. Сему примѣръ поставлю случай по Алатырю.

Выше сказалъ я, что я сдѣлалъ представленіе о наградахъ членовъ обѣихъ судовъ уѣзднаго и земскаго, какъ недѣли четыре послѣ того, получаю слѣдственное дѣло изъ уѣзднаго суда, о пропажѣ безъ вѣсти въ селѣ Астрamedовѣ, имѣніе генерала Бибикова, во время бывшей тамъ ярмарки, одного винопродавца. Дѣло сіе, какъ можно было видѣть по числамъ, поступило изъ Земскаго Суда въ Уѣздный на разсмотрѣніе дня за три или за четыре до ревизіи сихъ мѣстъ Перовскимъ. По слѣдствію привлеченъ былъ къ оному одинъ изъ обывателей Макарьевского уѣзда, Нижегородской губерніи, и по этому поводу, въ тотъ же день, когда пріѣхалъ Перовскій въ Алатырь, дѣло выслано на дополненіе въ Макарьевскій Уѣздный Судъ. Такъ и отмѣчено въ регистрѣ, такъ было видно и въ мою бытность на мѣстѣ. Но потомъ опять оно возвратилось, какъ не подлежащее разсмотрѣнію въ Макарьевѣ, въ Алатырь, и Уѣздный Судъ, какъ видите, рѣшилъ: «Происшествіе сіе за неясностью предать суду и воля Божіей».

Первое, что мнѣ кинулось въ глаза, при разсмотрѣніи сего дѣла, основной рапортъ сотскаго о происшествіи. Я замѣтилъ, что онъ былъ писанъ рукою писца исправника, потомъ числа отсутствія дѣла, недостатокъ нѣкоторыхъ бумагъ, а главное что при слѣдствіи не отыскавъ одинъ изъ обвиненныхъ, проживавшій въ то время въ Алатырѣ, повѣренный откупа, съ отзывомъ, что будто такового лица и при откупѣ никогда не находилось, тогда какъ я, дней за пять предъ тѣмъ, имѣлъ отъ того же лица бумагу по откупному дѣлу, только по другому уѣзду.

Сообразивъ все сіе, я сдѣлалъ числомъ девять замѣтокъ. Экстренно, ночью, отправилъ на мѣсто уголовныхъ дѣлъ стряпчаго, поручивъ ему, немедленно, по замѣткамъ моимъ, сдѣлать на мѣстѣ справки, начать дослѣдованіе и каждую недѣлю два раза доносить мнѣ что откроется и за чѣмъ остановилось дѣло. Съ перваго шагу, стряпчій открылъ, что виноторговецъ не просто пропалъ безъ вѣсти, но въ дракѣ съ повѣреннымъ, котораго будто бы не было никогда при откупѣ, получилъ сильный ударъ штофомъ въ голову. Но что съ нимъ сдѣлано послѣ этого, онъ, по множеству прикосновенныхъ лицъ, не могъ обстоя-

тельно еще дознать. Сотскій рапорта въ земскій судъ вовсе никакого не подавалъ, а писанъ оный въ полицію, подъ диктовку исправника; лице, прикосновенное къ дѣлу, изъ Макарьевского уѣзда, вовсе не подавало причины дѣло сіе сдавать въ тамошній уѣздный судъ; переписка Алатырскаго уѣзднаго суда съ Макарьевскимъ вся изъ дѣла вынута, какъ будто и вовсе никогда не существовала; повѣреннаго отыскали—однимъ словомъ дѣло завязалось важное. Наконецъ, стороной, узналъ я, что со стороны откупа начались хлопоты. Уголовныхъ дѣлъ страпчій подпалъ сильному искушенію; родственники пропавшаго сами стали заминать дѣло и оно вновь запуталось до такой степени, что по приведеніи онаго къ окончательному слѣдствію, мнѣ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ передать дѣло и всѣхъ прикосновенныхъ къ оному разсмотрѣнію уголовной палаты, ибо сильное настояніе съ моей стороны, по случаю успокоенія родственниковъ убитаго, конечно было бы принято, съ неблагопріятной стороны, за утѣсненіе. Впослѣдствіи частно писалъ мнѣ объ этомъ Бибииковъ, и черезъ него я получилъ подтвержденіе дошедшихъ до меня слуховъ, но дѣло уже находилось въ Палатѣ и рѣшено послѣ меня. Самъ содержатель откупа секретно объяснилъ мнѣ, что виноторговецъ умеръ отъ побоевъ, но родные то скрыли, и удовлетворены денежною суммою, что драка произошла въ пьяномъ видѣ, зачинщикомъ былъ покойный; онъ былъ холостякъ, а повѣренный—человѣкъ съ огромнымъ семействомъ. Тайна сія, переданная мнѣ какъ на исповѣди, не могла уже быть принята къ свѣдѣнію, да и не было повода къ раскрытію новаго слѣдствія.

Въ доказательство того, что весьма часто начальники губерній, при самыхъ чистыхъ и благонамѣренныхъ распоряженіяхъ, можетъ навлечь и имѣть для себя непріятности, приведу здѣсь еще одинъ случай. Выше сказалъ я уже, что въ годъ, въ который я прибылъ въ Симбирскъ, все лѣто продолжались непрерывные дожди, наконецъ, въ послѣднихъ числахъ августа, проведрило. Въ одинъ день, въ передней, я нахожу около 30-ти человѣкъ мужиковъ, авившихся ко мнѣ изъ Сызранскаго уѣзда, верстъ за 300 отъ Симбирска, съ жалобою на своего помѣщика (не упомяну фамиліи), что онъ съ ними жестоко обращается и что послѣ стоявшей непогоды, когда стала ясная погода, онъ не дозволяетъ имъ убирать собственныхъ полей, а употребляетъ ихъ, общимъ сгономъ, лишь для уборки своего хлѣба, въ домахъ не позволяетъ оставаться даже больнымъ женщинамъ, а что у одной, отъ вынужденной работы, отъ усиленныхъ трудовъ и наказаній, умеръ уже грудной младенецъ. Всѣ явившіеся мужики, какъ на подборъ, годились въ рекруты. Принявъ въ соображеніе отлучку ихъ

въ удобное время изъ-за такого дальняго разстоянія, ихъ свѣжій видъ, чистоту и опрятность одежды, я не могъ вывести инаго заключенія, что тутъ кроется какой нибудь умыселъ. Спрося каждого изъ нихъ отдѣльно, когда, сколько и какими образомъ помѣщикъ его наказывалъ и, получивъ утвердительное показаніе отъ одного, я спросилъ: давно-ли?

— «Дней пять назадъ».

«А больно?»

— «Очень жестоко!»

«Раздѣвайся» — на тѣлѣ не было и слѣда отъ недавняго наказанія.

Призвавъ полицеймейстера, я приказалъ показаніе крестьянъ записать въ подробности, а объявившаго себя наказаннымъ, немедленно, при полиціи, въ присутствіи прочихъ, наказать розгами и въ тотъ-же день отправить ихъ къ помѣщику, съ двумя жандармами, рассчитавъ переходы по 25 верстъ въ сутки, безъ растаговъ. А какъ ими былъ сдѣланъ извѣтъ въ уголовномъ происшествіи, то хотя оному я и не могъ дать вѣры, но почелъ себя обязаннымъ дѣло сіе изслѣдовать въ форменномъ порядкѣ. Справившись съ законами и съ предшествовавшими примѣрами, я почелъ не только возможнымъ, но даже должнымъ, возложить заботу сію на уѣзднаго предводителя Сызранскаго уѣзда Б—ва, и въ самыхъ приличныхъ и вѣжливыхъ выраженіяхъ поручилъ ему это дѣло, оговоривши произвести оное «при уѣздномъ стряпчемъ», вовсе не предполагая, чтобы выраженіе сіе могло бы служить поводомъ или мыслью къ личному оскорбленію Б—ва. Но къ удивленію моему, въ тотъ-же день, приѣхавъ ко мнѣ, онъ объявилъ, что считаетъ себя оскорбленнымъ подобнымъ выраженіемъ въ бумагахъ и если я хочу предоставить ему сіе дѣло, то чтобы я уволилъ его отъ участія съ нимъ стряпчаго. Сколько я ни старался успокоить его, доказывая, что и дѣли я не могъ имѣть къ огорченію его, онъ упорно стоялъ на своемъ. Впослѣдствіи я узналъ, что у него были какія-то личности со стряпчимъ, чего онъ не хотѣлъ мнѣ открыть. Стараясь сблизиться съ Б—мъ въ понятіи моемъ о его и моихъ обязанностяхъ, я счелъ нужнымъ обратиться къ посредничеству губернскаго предводителя дворянства, генераль-маіору Григорію Васильевичу Б*** (брату управляющаго удѣльною конторою). Но какъ я былъ пораженъ его отзывомъ, что и онъ находитъ выраженіе «при уѣздномъ стряпчемъ» для предводителя неприличнымъ, основываясь на томъ, что онъ очень хорошо и самъ понимаетъ значеніе сего слова, ибо на службѣ состоялъ при дивизіонномъ начальникѣ. Какъ я ни утѣрялъ г. Б***, что я, какъ начальникъ гу-

бернѣ, всѣ мои распоряженія произвожу при прокурорѣ, подлежу его контролю и не только не считаю этого оскорбительнымъ, но, напротивъ, спасительнымъ какъ для себя, такъ и для тѣхъ, къ кому относятся мои дѣйствія, но все было тщетно. Б*** и Б—овъ стояли на своемъ, чтобы уничтожить слово «при» и замѣнить его приличнымъ съ.

На другой день Б—въ отозвался, что онъ не можетъ принять на себя даннаго порученія, ибо въ законѣ ясно сказано, что не слѣдуетъ возлагать на предводителя другихъ дѣлъ, кромѣ тѣхъ, которыя буквально тамъ поименованы. Хотя въ одной статьѣ сказано, «что дѣло, касающееся собственно защиты дворянина, можетъ быть возложено на предводителя», но дѣлать было нечего съ упрямымъ! Я предложилъ губернскому правленію возложить сіе дѣло на одного изъ состоящихъ при мнѣ чиновниковъ для особыхъ порученій, а поступокъ Сызранскаго предводителя дворянства, чрезъ посредство мое, передать на распоряженіе г. министру внутреннихъ дѣлъ и все сіе было сдѣлано безъ украсовъ, скромно, въ самыхъ вѣжливыхъ и благонамѣренныхъ выраженіяхъ. Сдѣлавъ сіе распоряженіе, я долженъ былъ ѣхать на ревизію въ Заволжскіе уѣзды. Въ Ставрополѣ получаю вдругъ съ нарочнымъ письмо отъ губернскаго предводителя, въ которомъ онъ пишетъ ко мнѣ, что крестьяне, (указывая чѣмъ именно), сосѣди тѣхъ, которые приходили ко мнѣ жаловаться, вида безнаказанность ихъ поступка, начинаютъ волноваться, а потому онъ проситъ меня то порученіе, которое я хотѣлъ возложить на Б—ва, поручить ему, тѣмъ болѣе сіе удобно, что онъ на дняхъ уѣзжаетъ въ свое имѣніе, лежащее въ тѣхъ-же мѣстахъ.

Такъ какъ распоряженіе мною уже было сдѣлано и проволочка произошла, какъ видно, не отъ моей вины, а отъ г. Б—ва, то я не нашелъ нужнымъ передѣлывать то, что уже было мною сдѣлано, а съ тѣмъ вмѣстѣ, желая удостовѣриться полицейскимъ донесеніемъ, какъ велико въ справедливости опасеніе губернскаго предводителя, я отправилъ отъ себя тоже нарочнаго къ исправнику, который чрезъ день представилъ мнѣ подписки и того помѣщика, на котораго заносили мнѣ жалобу, такъ и отъ того, на котораго указывалъ Б***, что слѣдствіе уже начато и идетъ весьма покойно; первые крестьяне образумились и сожалеютъ о своемъ проступкѣ, во всемъ уѣздѣ все покойно; казалось-бы — и дѣлу конецъ! Какъ вдругъ, возвратясь въ Симбирскъ, я застаю предложеніе министра по департаменту исполнительной полиціи, подписанное вмѣстѣ съ министромъ директоромъ Жмакинымъ, бывшимъ до Загряжскаго въ Симбирскѣ губернаторомъ, упрекающее меня, что я поступилъ неправильно въ отношеніи Сызранскаго предводителя.

Чистый въ чувствахъ моихъ, со вниманіемъ вникая въ смыслъ закона, я сильно огорчился такою, по мнѣнію моему, несправедливостью ко мнѣ. Въ оправданіе свое я выписалъ буквально статью закона, дополнивъ послѣдующимъ отношеніемъ ко мнѣ Б*** и донесеніемъ исправниковъ, прежде бывшихъ при губернаторѣ Жмакинѣ, по подобнаго рода дѣламъ; выписавши два предложенія о производствѣ дознанія предводителями при стряпчихъ—указалъ, что Жмакинъ, подписавшій вмѣстѣ съ нимъ мнѣ выговоръ, прежде былъ одного со мною мнѣнія о статьяхъ закона, но дѣйствовалъ только грубѣе и рѣзче моего, а потому прошу его разрѣшить мое недоумѣніе. Въ отвѣтъ на мое донесеніе, министръ усумнился утвердительно согласиться на мое разъясненіе закона, но деликатно повторилъ, что онъ остается при мнѣніи, что удобнѣе было возложить слѣдствіе, мимо предводителя, на другое лицо, но вмѣстѣ съ тѣмъ приложилъ въ копій отношеніе свое къ губернскому предводителю, въ которомъ проситъ онъ сообщить г. Б—ву, что, оставаясь недовольнымъ отказомъ г. Б—ва, мнѣ слѣланнымъ, онъ утвердительно можетъ удостовѣрить его, что если онъ дорожить репутаціею своею по службѣ, то чтобы всячески старался-бы сблизиться съ тѣмъ справедливымъ начальникомъ, какого теперь имѣетъ Симбирская губернія, чѣмъ, конечно, заслужить онъ и его, Блудова, личное уваженіе.

Въ томъ же самомъ году составилось въ Петербургѣ 2-е страховое отъ огня общество. Въ каждую губернію были посланы губернаторамъ по 400 акцій, для раздачи желающимъ, съ ограниченіемъ выдачи на одно лицо не болѣе 50-ти оныхъ. Въ тотъ же самый день, когда принесли мнѣ съ почты акціи, поступило ко мнѣ болѣе 20-ти требованій отъ желающихъ, изъ коихъ каждый просилъ ровно 50 для него. Вмѣстѣ съ оными, я получилъ чрезъ почту письма отъ министра юстиціи Дашкова, отъ статсъ-секретаря Танѣева, отъ директора департамента исполнительной полиціи Жмакина и еще отъ четырехъ значительныхъ лицъ изъ Петербурга, выслать имъ непременно по 50 акцій, съ предвареніемъ меня, что я окажу имъ этимъ очень важную услугу. Видя невозможность удовлетворить всѣхъ и каждого изъ нихъ, я прехладнокровно распорядился извѣстить чрезъ полицію письменными отзывами, что раздачу акцій я назначаю произвести ровно чрезъ два мѣсяца и въ опредѣленное время, опредѣлилъ уравнительное число на каждого, отъ кого получится до того времени требованіе, и просилъ, если кто желаетъ взять акціи, то чтобы распорядился къ назначенному времени выслать деньги на то число, которое придется для него. По общему соображенію требованій, приходилось на каждого не болѣе четырехъ акцій, а потому тѣмъ,

кто просилъ менѣ, я выдавалъ столько, сколько просилъ, а прочимъ никому болѣе четырехъ. На шестнадцать акцій по росписанію не выслались деньги и я бы имѣлъ полное право всѣхъ ихъ оставить за собою, но, опасаясь укоризны, я еще далъ сроку двѣ недѣли для разобранія и сихъ шестнадцати. Распоряженіе сіе я предварительно представлялъ Блудову, и мнѣ пріятно было видѣть, что, по возникшему отъ нѣкоторыхъ губернаторовъ вопросу о затрудненіи въ равной степени удовлетворить требованія, мое распоряженіе, хотя безъ указанія на меня, было поставлено въ примѣръ прочимъ.

Губернскій предводитель Б*** просилъ моего распоряженія о необыкновенномъ созывѣ, для дворянскихъ дѣлъ, дворянства. По праву, указанному для меня въ законѣ, я удовлетворилъ его желанію. Съѣздъ былъ назначенъ въ декабрѣ мѣсяцѣ.

Когда съѣхались дворяне, то Б*** предложилъ мнѣ, чтобы дворянство, первоначально собравшись въ своемъ домѣ, предварительно отправилось въ церковь для молебствія и потомъ, чтобы я прибылъ въ домъ дворянства, для открытія собранія, но я твердо объявилъ ему, чтобы безъ малѣйшаго измѣненія былъ бы соблюденъ порядокъ, указанный въ законѣ для обыкновенныхъ трехгодичныхъ собраній. Это, кажется, не совсѣмъ понравилось Б***, не ему лично, а нѣкоторымъ изъ окружавшихъ его довѣренныхъ, которые находили въ этомъ личный мой капризъ.

Но я настоялъ на своемъ. Въ назначенный для собранія день, прибыли ко мнѣ въ домъ депутатами два предводителя и два депутата для приглашенія. У дверей залы встрѣтили меня губернский и остальные уѣздные предводители, и я церемониально былъ введенъ въ залу. Ставъ у портрета государя императора, я прочелъ предложеніе мое дворянству о причинѣ созванія онаго и открылъ засѣданіе собранія. Сіе предложеніе заключало въ себѣ въ краткости поводъ и мнѣніе мое, что каждый по сердцу своему чувствуетъ важность своего призыва, и въ заключеніе, что я почитаю себя счастливымъ, что государь предоставилъ мнѣ право въ сей торжественный день для дворянства непосредственно явиться въ кругу онаго и вмѣстѣ съ ними принести въ храмъ Господнемъ моленіе за благодѣтеля нашего и отца! При сильномъ вниманіи, когда я читалъ рѣчь, я нѣсколько оробѣлъ, но когда кончилъ, прибавилъ: «Прошу простить, гг.! Я оробѣлъ! Но это случилось впервые въ жизни моей. Вините ваше ко мнѣ вниманіе!»

Выходка эта, видимо, всѣмъ понравилась. Сей же часъ посланіе мое пошло переходить изъ рукъ въ руки и, послѣ молебна и обѣдни, всѣ присутствовавшіе дворяне удостоили прибытіемъ ко мнѣ въ домъ

съ благодареніемъ. Тутъ я познакомился болѣе нежели съ 150 дворянами, которыхъ я прежде вовсе не зналъ, иначе какъ по запискѣ Жмакина, но отгѣнялъ мое вниманіе къ каждому, показывая, что я заочно знаю каждого! Въ сей день я чувствовалъ себя до глубины души растроганнымъ, подобно тому, какъ буду имѣть случай говорить о послѣднемъ свиданіи съ симбирскимъ дворянствомъ.

Здѣсь еще упомяну одно лично лестное для меня обстоятельство, о которомъ рассказывалъ мнѣ Жемчужниковъ, бывшій тогда с.-петербургскимъ губернаторомъ, когда я былъ переведенъ въ Витебскъ. Дѣйствительный тайный совѣтникъ Ив. Ив. Дмитріевъ, извѣстный поэтъ, бывшій министръ юстиціи, симбирскій помѣщикъ, котораго Блюдовъ иначе не называлъ, какъ своимъ покровителемъ и образовательно, при Жемчужниковѣ сказалъ Блюдову:

— «Скажи, пожалуйста, Дм. Ник., что вы съ нами дѣлаете? Давно въ Симбирскѣ не было губернатора, наконецъ Богъ послалъ намъ одного въ Жиркевичѣ, а вы распорядились и этого опять у насъ отняли!»

НВ. Въ залѣ симбирскаго дворянскаго собранія, съ высочайшаго соизволенія, находятся портреты Дмитріева и Карамзина.

XXVI.

Ревизія присутственныхъ мѣстъ въ уѣздахъ. — Попытка къ введенію общественной запашки у лашманъ. — Пріѣздъ князя Лобанова-Ростовскаго. — Моя побѣда къ лашманамъ. — Покорность татаръ. — Запашка. — Запросъ кн. Волконскаго. — Наказаніе виновныхъ. — Пріѣздъ статсъ-секретаря Ник. Мих. Лонгинова. — Княжна Тамара. — Приготовленія къ приѣму императора Николая. — Назначеніе меня губернаторомъ въ Витебскъ.

Ревизуя уѣздныя присутственныя мѣста по Симбирской губерніи, я находилъ вездѣ большое скопленіе дѣлъ, бѣдность въ устройствѣ наружнаго, а еще важнѣе, бѣдность въ составѣ и качествѣ служащихъ по выборамъ и по набору, на малыхъ окладахъ жалованья. По Симбирской губерніи такъ мало было желающихъ служить по выборамъ, что на подобныя должности всегда являлись лишь «особые желатели» изъ личныхъ видовъ и имъ-то однимъ доставалась въ удѣлъ сія часть. Въ примѣръ поставлю симбирскій земскій судъ. Я ревизовалъ оный чрезъ мѣсяцъ послѣ выхода Перовскаго. Прибывъ туда по утру въ 8 часовъ, я потребовалъ регистръ слѣдственныхъ дѣлъ по уголовной части (по гражданскимъ искамъ много не бываетъ дѣлъ). Мнѣ подали тетрадь дестей въ восемь бумаж. Здѣсь заключались дѣла: о пропавшей овцѣ и объ клочкѣ вырванной бороды,

объ насиліи и объ зажигательствѣ. Число дѣлъ простиралось вообще до 3,800, съ помѣтками въ началѣ и въ концѣ: писано туда-то такого-то числа, повторено еще такого-то и такого-то, но сія статья записки никогда не доходила до послѣдней отмѣтки, а заключалась всегда: «передать для изслѣдованія такому-то засѣдателю». Регистръ сей читалъ я отъ начала до конца, ровно до 4-хъ часовъ пополудни. Между тѣмъ, какъ я занимался уже болѣе восьми мѣсяцевъ, лично, разсмотрѣніемъ накопившихся до меня дѣлъ, а равно и при мнѣ поступившихъ, то не мудрено, что я тотчасъ замѣтилъ, что въ семъ регистрѣ множество записано такихъ дѣлъ, о которыхъ не только слѣдствія, но даже и рѣшенія совершенно покончены, а другія, по лѣности къ разсмотрѣнію регистра или по неопытности, только при повременныхъ повтореніяхъ начальствомъ о скорѣйшемъ окончаніи, вносились по нѣскольکو разъ подъ другими номерами, такъ что одно дѣло попало мнѣ записаннымъ шестнадцать разъ! Указавъ все это на мѣстѣ исправнику и засѣдателямъ, какъ настоящимъ, такъ и отрѣшеннымъ по волѣ Перовскаго, я приказалъ секретарю весь регистръ повѣрить, отъ перваго до послѣдняго номера, и переписать въ новый регистръ тѣ дѣла, которыя, дѣйствительно, еще не окончены. Сроку я на сіе не назначилъ, ибо и опредѣлить было нельзя, но я потребовалъ, чтобы секретарь аккуратно каждую субботу въ 9 часовъ являлся ко мнѣ съ новымъ регистромъ для моего усмотрѣнія. Въ первую субботу я нашелъ, что изъ 300 дѣлъ или болѣе, вписанныхъ и числившихся по старому регистру, неоконченными оказалось всего девять, на второй недѣлѣ изъ 600 — съ небольшимъ 20, и такъ пошло до конца, разумѣется, чѣмъ ближе по времени къ настоящему, тѣмъ число нерѣшенныхъ дѣлъ прибавлялось. Но, кажется, секретарю работа эта показалась тягостною или лишнею. На четвертой недѣлѣ, въ числѣ записанныхъ имъ въ регистръ вновь дѣлъ, я усмотрѣлъ два, только что мною рѣшенныя. Показавъ ему на нихъ, я просто схватилъ изъ угла трость и, поднявъ къ ужасу сего господина, медленно сказалъ:

— «Губернаторъ принялъ на себя обязанность повѣтчика, а секретарь и тутъ не захотѣлъ быть только настоящимъ ему помощникомъ».

Но дѣло обошлось одною лишь угрозою. Регистръ нашъ сократился съ небольшимъ до 800 номеровъ. Призвавъ обоихъ гг. исправниковъ, спросилъ я стараго:

«За что отрѣшенъ Перовскимъ?»

— «За большое накопленіе дѣлъ».

«Но вы видите, что теперь мной открыто дѣлъ не такъ много, почему же вы не приняли мѣръ?»

— «Что дѣлать, ваше превосходительство! Наше дѣло заключается чтобы ѣхать въ уѣздъ съ Флиге (жандармомъ), съ Бестужевымъ или исправлять дороги! А повѣрять секретаря не имѣлъ самъ ни одной свободной минуты!»

И то справедливо...

Милостивые государи! Дайте средства, устраните личности и тогда уже судите, отрѣшайте и взыскивайте! Я не спорю, что есть злоупотребленія и что они велики. Но требовать, чтобы вовсе злоупотребленій не было, рѣшительно невозможно! Смотрите всегда справедливымъ взглядомъ; если преемникъ лучше предшественника, благодарите искренно его за это и безвременно опасайтесь упрекать и взыскивать, но старайтесь поощрять. Это одно только можетъ хотя нѣсколько исправить старое, а уничтожить рѣшительно невозможно. Я держался правила, при вторичной и послѣдующихъ ревизіяхъ присутственныхъ мѣстъ, кожуривши за упущенія, всегда спрашивать начальствующихъ: «Я васъ теперь бранилъ за то, что нашелъ, по, быть можетъ, я не видалъ того, что вы улучшили въ этотъ промежутокъ времени. Укажите». И если мнѣ указывали, всегда взвѣшивалъ улучшеніе противъ запущенія и старался поощрять видимо старавшихся служить правдою. Тамъ, гдѣ находилъ я архивы вовсе не существующими, я не требовалъ, чтобы къ будущему моему пріѣзду они были совершенно образованы, но настаивалъ, чтобы положено было начало разбору старыхъ дѣлъ и чтобы новыя складывались уже въ совершенномъ порядкѣ,—и въ послѣдствіи находилъ оныя если не вполне совершенными, то, по крайней мѣрѣ, имѣющими хотя нѣсколько пристойный видъ. Производители дѣлъ, хвастая мнѣ симъ, сами уже охотнѣе занимались симъ дѣломъ и впередъ само по себѣ все подвигалось къ улучшенію.

Удѣльное начальство сдѣлало большую ошибку, принявъ казенныхъ крестьянъ подъ свое вѣдомство. Оно распорядилось немедленно привести въ извѣстность ихъ земли чрезъ служащихъ землеѣровъ и въ томъ же году завело общественную запашку, принесшую важнѣйшую пользу для управленія. Если бы это было сдѣлано тогда и въ отношеніи лашманъ, оно конечно бы принесло такую же пользу, при всей предполагаемой неудобности къ оному, по случаю принадлежавшихъ, на правахъ собственности, лашманамъ земель. Но департаментъ, приведенный въ сомнѣніе, донесеніемъ Б***, о первомъ неповиновеніи лашманъ, первоначально думалъ, въ этихъ селеніяхъ, общественной запашки не вводить. Когда же Перовскій усмотрѣлъ, что и съ лашманами, по упомянутому происшествію, справился безъ особыхъ усилій, онъ предложилъ Б*** попытаться нельзя-ли и ихъ земли

также привести въ извѣстность, въ общей сложности, при каждомъ селеніи, неупотребляя къ тому казенныхъ земельровъ, а только посредствомъ сельскихъ властей и употребляя къ сему не межевыя цѣпи, а просто веревку. Предположеніе сіе началось приводиться въ исполненіе въ концѣ лѣта, передъ самымъ отъѣздомъ Перовскаго изъ Симбирска. Лашмане согласились на сіе безъ сопротивленія, но между ними начались уже различные толки: «отчего въ удѣльныхъ деревняхъ мѣряютъ землю чиновники, а у нихъ старосты, сотскіе и де-тскіе?» Слухи о семъ дошли и до Перовскаго, а онъ, уѣзжая, сказалъ Б***: «Это я предоставляю вашему личному благоразумію; но предвараю васъ, что если вы устроите мнѣ запашку и у лашманъ, то нѣтъ награды, на которую вы не имѣли-бы права въ глазахъ моихъ и князя Волконскаго, и я обещаю вамъ все, что вы сами себѣ пожелаете!

Обиѣреніе лашманскихъ земель производилось цѣлую осень, а въ декабрѣ Перовскій, пріѣхавъ въ Казань, вызвалъ туда, къ себѣ, Б***, который объявилъ, что дѣло идетъ успѣшно и далъ слово, что весною у лашманъ будетъ введена запашка. Перовскій приказалъ ему войти съ представленіемъ о семъ предположеніи и Б***, въ послѣднихъ числахъ декабря, представилъ о семъ въ департаментъ, а сей послѣдній, разрѣшая положительно множество другихъ статей, вошедшихъ въ то же представленіе, относительно введенія запашки, отвѣчалъ: «на предположеніе ваше ввести весною и у лашманъ общественную запашку, если не предвидится особаго затрудненія, департаментъ изъявляетъ свое согласіе».

По губерніи уже пошелъ слухъ, что лашмане объ этомъ толкуютъ. Мнѣ не оставалось ничего болѣе какъ выжидать, не смыкая глазъ, и быть вообще наготовѣ. Въ первыхъ числахъ апрѣля я узналъ, что въ одномъ лашманскомъ селеніи, когда стали наръзывать землю для запашки, одинъ удѣльный чиновникъ едва успѣлъ уѣхать отъ происшедшаго при томъ волненія и Б*** самъ отправился на мѣсто.

21-го апрѣля является ко мнѣ самъ Б*** и объявляетъ, что за 95 верстъ отъ Симбирска, въ одной лашманской волости, произошло возмущеніе: департаментъ предписалъ ему учредить общественную запашку, крестьяне не повинуются, прогнали его помощника, да и онъ лично не могъ успѣть ихъ образумить, а потому проситъ меня, въ настоящемъ случаѣ, оказать ему содѣйствіе, давъ, сколь можно, сильнѣйшую военную команду въ его личное распоряженіе. Выслушавъ Б***, я замѣтилъ, что онъ все еще что-то отъ меня скрываетъ, я просилъ его войти ко мнѣ отношеніемъ на бумагѣ. Онъ тутъ-же вынулъ отношеніе и передалъ его мнѣ. Бумага начиналась слѣдующими словами:

«Вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія о введеніи въ лашманскихъ селеніяхъ общественной запашки»..... и заключа-лась требованіемъ о командированіи на мѣсто двухъ ротъ гарнизоннаго баталіона и 25 конныхъ жандармовъ. Объясня, что я сдѣлаю мое распоряженіе, въ ту же минуту приступилъ къ предварительному приготовленію, но, образуясь, что лашманскія земли, какъ ихъ собственность, не подлежатъ прямому вѣдѣнію конторы, я рѣшился истребовать отъ Б*** копию съ того предписанія къ нему его начальства, въ которомъ указано «высочайшее повелѣніе». Бумагу сію, изъ предосторожности, я велѣлъ приготовить у себя въ кабинетѣ и отправилъ подъ большимъ секретомъ къ Б***. На откомандировку команды всѣ бумаги были уже готовы, но я ожидалъ его отвѣта. Прошелъ день—я сдѣлалъ повтореніе моего требованія—отвѣта опять нѣтъ! Повторилъ другой разъ. Получаю отзывъ отъ помощника управляющаго удѣльною конторою, съ приложеніемъ выписки нѣкоторыхъ статей представленія Б***ва, сдѣланнаго имъ въ декабрѣ мѣсяцѣ, и списокъ съ отзыва послѣдняго, гдѣ, какъ я выше сказалъ, разрѣшеніе о запашкѣ сдѣлано условное. Видимо, что «о высочайшемъ повелѣніи» нигдѣ не упоминалось. Въ заключеніе же своего отношенія помощникъ управляющаго писалъ, «что самъ управляющій выѣхалъ для обзора удѣльныхъ имѣній по уѣздамъ, но куда—ему неизвѣстно». Признаюсь, обстоятельство сіе сильно меня встревожило и привело въ недоразумѣніе. Чрезъ часъ дошли до меня слухи, что Б*** усакавалъ въ Петербургъ, но я этому никакъ не могъ дать вѣры. Пригласивъ къ себѣ штабъ-офицера корпуса жандармовъ, Стогова, я просилъ его немедленно отправиться на мѣсто, въ ту волость, гдѣ произошло неповиновеніе, давъ строжайшее предписаніе Буинскому исправнику, по сему предмету, поступить въ непосредственное сношеніе и подъ начальство Стогова, а самъ рѣшился ожидать отъ нихъ обоихъ донесеній¹⁾. Между тѣмъ отнесся настоятельно, чтобы меня извѣстили гдѣ находится Б***, ибо я имѣю необходимость въ личныхъ своихъ съ нимъ сообщеніяхъ, на что помощникъ повторилъ отзывъ о своемъ невѣдѣніи куда дѣвался его начальникъ, и другою бумагою извѣщалъ меня, что до свѣдѣнія конторы доходятъ слухи и даже получено донесеніе изъ одной волости, собственно удѣльной, по секрету, что и тамъ начинается волненіе, ибо удѣльные крестьяне, видя потворство губернскаго начальства лашманамъ, тоже думаютъ сами отказаться

¹⁾ См. Записки покойнаго Уразма Ивановича Стогова, между прочимъ, объ этихъ событіяхъ—въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., т. XXIII, стр. 659—680.

отъ своей запашки; а изъ лашманскихъ селеній, куда были командированы удѣльные чиновники, управляющій конторою призываетъ оныхъ выѣхать.

Въ тотъ-же день я получилъ новое увѣдомленіе изъ конторы, что оною получены донесенія изъ уѣздовъ Ардатовскаго, Алатырскаго (по тракту на Петербургъ, куда, можно было, по слухамъ, считать, отправился Б***, хотя сіе казалось и невѣроятнымъ), а главное изъ Курмышевскаго, что и тамъ лашмане оказываютъ сопротивленіе и между удѣльными крестьянами начинается волненіе.

Къ вечеру пришли донесенія отъ Стогова и отъ Буинскаго исправника; оба они, въ особенности первый, съ большою подробностью писали ко мнѣ, что, по прибытіи на мѣсто, нашли большое сборище лашманъ при волостномъ правленіи, толкующихъ о послѣднихъ распоряженіяхъ удѣльнаго начальства, но безъ шума и безъ особеннаго волненія. Когда Стоговъ спросилъ ихъ, для чего они собрались и о чемъ толкуютъ, старѣйшіе изъ нихъ согласно объявили, что въ волостное правленіе былъ полученъ сначала приказъ изъ конторы, что государь велѣлъ, чтобы у лашманъ была, у всѣхъ, общественная запашка, потомъ приказъ этотъ взять обратно, а прислали другой, гдѣ уже не сказано, что государь велѣлъ, а сказано что отъ начальства приказано, чтобы въ нѣкоторыхъ только деревняхъ произвести запашку, а о другихъ сказано, что какъ у нихъ земли собственныя, то представлено о томъ опять начальству. Что они этого распоряженія не понимаютъ! Если у лашманъ должна быть запашка, то почему не во всѣхъ деревняхъ вообще, а только въ нѣкоторыхъ, и поставляли въ примѣръ, что въ той деревнѣ, гдѣ волостное правленіе, запашка приказана, а та деревня, въ которой голова, начальникъ волостной избы, запашки дѣлать не будутъ. Къ нимъ пріѣзжалъ сперва какой-то удѣльный чиновникъ, и хотя они просили его растолковать имъ это дѣло, но онъ требовалъ, чтобы они только повиновались, началъ ихъ бить и стращать! Само собой разумѣется, что тутъ произошелъ ропотъ, вѣдь не всякаго удержишь, особенно кого бьютъ безвинно. Глупые стали дѣлать угрозы и тотъ чиновникъ уѣхалъ. Пріѣхалъ самъ Б***, котораго иные и въ глаза не знали и вѣрить не хотѣли, чтобы это былъ ихъ начальникъ; онъ пріѣхалъ въ какомъ-то красномъ кафтанѣ и ермолкѣ, закричалъ на крестьянъ, приказалъ принести розогъ—всѣ разбѣжались и ему даже грубости было дѣлать некому. Если-же государю угодно, чтобы у нихъ была запашка, они всѣ покорны волѣ государевой, но пусть имъ объявитъ это г. губернаторъ и они готовы снести свои дома и на мѣстахъ жилищъ будутъ пахать, если это будетъ приказано!

Сверхъ сего Стоговъ и исправникъ писали, что какъ по всему замѣтно это, видимо, одно только недоразумѣніе, а не умышенное волненіе и что, по мнѣнію ихъ, для усмиренія крестьянъ войска не для чего посылать, но если пришлютъ, хотя небольшую команду, то ни за что не могутъ ручаться и въ такомъ случаѣ просятъ меня, лично, прибыть на мѣсто. Сверхъ того Стоговъ приложилъ двѣ записки, копіи съ обонхъ приказовъ удѣльной конторы, изъ которыхъ одну записку подалъ ему какой-то крестьянинъ, а другую онъ приказалъ списать въ волостной избѣ.

«Видя, съ одной стороны, ошибочность распоряженій удѣльнаго начальства, а съ другой — явный злой умыселъ Б*** все сіе происшествіе, такъ сказать, взвалить на мою голову и на земскую полицію, я немедленно, въ подробностяхъ, донесъ съ нарочною эстафетою министру, приложивъ въ подлинникахъ всѣ присланныя ко мнѣ требованія и свѣдѣнія, списки съ моихъ отзывовъ и предписаній, принявъ, изъ осторожности, за правило, на первыхъ бумагахъ помѣчать число и часъ полученія, а на послѣднихъ, подобнымъ образомъ, означалъ время отправленія; это самое, безъ опущенія, означалось и на копіяхъ. Я приложилъ также основное отношеніе Б***, что земли лашманъ не подчиняются его направленію. Въ заключеніе просилъ меня снабдить высочайшимъ повелѣніемъ, чтобы общественную у лашманъ запашку ввести во всѣхъ селеніяхъ, безъ исключенія, и ручался головою моею за исполненіе. А между тѣмъ, зная уже по опыту, что, при подобныхъ обстоятельствахъ, посылка на первыхъ порахъ малой команды не только бесполезна, но даже можетъ быть вредна, я рѣшился чрезъ губернское правленіе указами предписать исправникамъ дѣйствовать съ осторожностью, и это было поводомъ хотя къ самому деликатному, но все таки замѣчанію, которое я получилъ въ частномъ письмѣ отъ министра внутреннихъ дѣлъ вмѣстѣ съ окончательнымъ по закону разрѣшеніемъ, которое находится въ бумагахъ моихъ. При подобныхъ обстоятельствахъ всегда бываютъ различныя толки въ народѣ и въ публикѣ, такъ было и тутъ. Но вообще все дворянство и чиновники удивлялись моему молчанію и спокойному виду. Нарочные скакали изъ одного конца въ другой безпрестанно; переписка моя шла прямо изъ кабинета и въ большой тайнѣ. Между прочимъ, одинъ изъ значительныхъ помѣщиковъ объявилъ мнѣ, что узналъ навѣрное, что Б*** отправилъ въ Оренбургъ эстафету къ тамошнему военному губернатору Перовскому, требуя войск!» Я улыбнулся, почитая сіе равно, какъ и побѣгъ Б***, выдумкой; каково же было мое удивленіе, когда недѣлю спустя отъ начала всей передриги, мнѣ привезли «Московскія Вѣдомости», гдѣ напечатано, что Б*** пріѣхалъ въ

Петербургъ (воспользовавшись подорожнымъ бланкомъ)—и чрезъ 10 дней явился ко мнѣ адъютантъ генерала Перовскаго, пріѣхавшій изъ Оренбурга, адресуясь ко мнѣ словесно—на который пунктъ слѣдуетъ направить войска, требованна управляющимъ удѣльною конторою и который генералъ его распорядился уже выслать? Безъ преувеличенія, озадаченный такимъ вопросомъ, я спросилъ адъютанта, имѣеть-ли онъ съ собою высочайшее повелѣніе, что Симбирская губернія подчинена генералу Перовскому? И получилъ отвѣтъ, что онъ ко мнѣ никакихъ бумагъ не имѣеть. Я отвѣчалъ ему, чтобы онъ донесъ своему генералу, что въ его войскахъ ни мало надобности не вижу, а если они нужны Б***, то чтобы онъ самъ отыскалъ его гдѣ хочетъ. Потомъ я ласково пригласилъ его въ кабинетъ и подробно разоказалъ ему все, что слѣдовало ему сообщить генералу Перовскому. Донесъ объ этомъ Блудову, но тутъ-же спохватился, что если я напишу, что Перовскій уже распорядился высылкою войска, то они или мнѣ не повѣрятъ въ такой безразсудности, или послѣ откажутся отъ словъ, а потому я рѣшился написать просто, что Б*** требовалъ войско, а я сказалъ, что оно не нужно! Мѣра эта впослѣдствіи оправдала мою осторожность.

Б***, до высылки ко мнѣ конін съ разрѣшенія департамента на счетъ запашки, прислалъ бумагу, въ которой написалъ, что не видя съ моей стороны немедленнаго удовлетворенія его требованія о присылкѣ на мѣсто возмущенія военной команды, онъ настоятельно требуетъ моего содѣйствія, чтобы силою власти заставить упорствующихъ повиноваться и, между прочимъ, приложилъ при семъ списокъ 27-ми возмутителямъ, прося распорядиться задержаніемъ оныхъ впредь до разрѣшенія его начальства. Этотъ списокъ я отправилъ къ бунинскому исправнику, который, объявивъ оный обвиненнымъ, убѣдилъ ихъ отправиться ко мнѣ, что они безъ малѣйшаго возраженія исполнили. Когда же они прибыли въ Симбирскъ, я обнадежилъ ихъ моей защитой, но добавилъ, «что до государева рѣшенія я долженъ ихъ задержать», и они всѣ преспокойно отправились въ полицію, гдѣ имъ отвели два покоя и приставили, для надзора за ними, десятскаго. Разумѣется, что и это все вошло въ мои донесенія.

Ровно чрезъ двѣ недѣли, по утру, въ 9-ть часовъ, получаю я чрезъ эстафету отъ министра внутреннихъ дѣлъ предписаніе, въ которомъ сказано: «что кн. Волхонскій объявилъ ему монаршую волю: первое: у лашманъ, безъ изыятія, ввести запашку; второе—по требованію управляющаго удѣльною конторою задержать тѣхъ бунтовщиковъ, которыхъ онъ укажетъ и, наконецъ, третье—предоставить въ распоряженіе Б*** воинскую команду, которую онъ требовалъ;

вмѣстѣ съ симъ пришло и то письмо ко мнѣ отъ Д. Н. Блудова, о которомъ сказано выше. Само собою разумѣется, что я тотчасъ же приступилъ къ выполненію того, что было приказано. Въ 10 часовъ полицеймейстеръ донесъ мнѣ, что Б*** вернулся, но самъ онъ ко мнѣ не являлся, а вечеромъ, въ 10 часовъ, когда я уже легъ спать, меня разбудили и доложили, что изъ С.-Петербурга пріѣхалъ генераль-адъютантъ кн. Лобановъ-Ростовскій и остановился въ гостиницѣ. Я освѣдомился, не спрашивалъ-ли онъ меня къ себѣ; когда сказали нѣтъ—преспокойно уснулъ и всталъ, по обыкновенію, по утру въ 5 часовъ.

Прежде всего я занялся отправленіемъ, чрезъ нарочныхъ, накупнѣ приготовленныхъ бумагъ, а въ 7¹/₂ часовъ отправился на квартиру къ кн. Лобанову-Ростовскому, но когда подѣхалъ къ воротамъ гостиницы, на встрѣчу выбѣжалъ лакей и объявилъ, что князя нѣтъ дома, онъ очень рано вышелъ куда-то со двора. Это было однако же несправедливо, князь былъ дома, но не принялъ меня изъ деликатности, повидимому, чтобы меня предупредить собственнымъ его визитомъ, ибо едва я возвратился домой, какъ мнѣ доложили, что князь пришелъ, и вотъ какой послѣдовалъ между нами разговоръ:

Князь. Простите меня великодушно, ваше превосходительство, что я такъ рано беспокою васъ. Вы сами меня предупредили, но я не смѣлъ васъ принять, не бывши еще самъ у васъ.

Жиркев. Ваше сіятельство! Извините меня, что я еще вчерашняго числа не былъ у васъ; ибо когда вы пріѣхали, я получилъ о томъ свѣдѣніе, но не считалъ себя въ правѣ, безъ особаго вашего зова, и опасаясь четверть часа оторвать отъ васъ нужнаго покоя послѣ столь долгаго пути.

Кн. Вамъ, конечно, извѣстна причина пріѣзда моего сюда?

Ж. Точно — нѣтъ еще, но догадываюсь. Вѣроятно, по дѣламъ удѣльнымъ?

Кн. Точно такъ. Меня государь отправилъ внезапно и приказалъ поспѣшать какъ можно скорѣе. Я пріѣхалъ сюда на пять дней. Б*** кажется уже возвратился?

Ж. Слышалъ я, что онъ вчера пріѣхалъ, но не видѣлъ его.

Кн. Государь хотѣлъ было отправить его къ вамъ съ фельдъегеремъ, но кн. Волхонскій упросилъ оставить эту мѣру... Теперь приступимъ къ общему нашему дѣлу. Скажите мнѣ, ваше пр—ство, что у васъ было? и на какой точкѣ оно теперь остановилось?

Тутъ я началъ, что называется, отъ самаго начала, не пропуская ни одной мелочи, но не упоминая ничего о задержанныхъ татарахъ. Князь слушалъ внимательно, и когда я окончилъ, сказалъ: «Все, что

наше пр—ство изволили объяснить теперь, находится въ вашихъ бумагахъ къ министру и онъ всѣ со мной; но когда вы получили высочайшее повелѣніе объявить общественную запашку и дать команду Б***?

Ж. Вчера утромъ, въ 9 часовъ.

Кн. Слѣдовательно, распоряженіе объ этомъ еще не состоялось?

Ж. Напротивъ, князь! Сегодня въ 6 часовъ утра во всѣ концы послали нарочные.

Кн. Вы знали еще вчера съ вечера, что я здѣсь, то отчего же вы не обождали объясненія со мной?

Ж. Высочайшую волю я привыкъ исполнять мгновенно! Хотя я и предполагалъ причину вашего сюда пріѣзда, но не считалъ, чтобы это могло остановить меня въ моихъ личныхъ распоряженіяхъ, на которыя, признаюсь, я никогда не спрашивалъ ни чьихъ совѣтовъ.

Кн. И справедливо поступаете! Я это различаю изъ дѣйствій и донесеній вашихъ къ министру. Теперь позвольте спросить, какъ вы думаете приступить къ исполненію третьей статьи высочайшаго повелѣнія—задержать возмутителей?

Ж. Эта статья давно уже исполнена! На другой день требованія Б***. Всѣ показанныя имъ лица находятся въ домѣ противъ гостиницы, гдѣ ваше сіятельство остановились.

Кн. Какъ это? а почему же не въ острогѣ?

Ж. Потому что не заслужили этого?..

Здѣсь опять я долженъ былъ подробно рассказать, что касалось до сихъ несчастныхъ, и князь, пожимая плечами, сказалъ: «странный бунтъ, когда главные лица содержатся, болѣе 20-ти человѣкъ, подъ карауломъ одного десятскаго?»

Кн. Позвольте мнѣ теперь, ваше пр—ство, поговорить съ вами по порученію кн. Волхонскаго. Какъ бы вы предполагали устроить лучше удѣльное управленіе и согласить оное съ губернскимъ?

Ж. Я не предвижу другаго—какъ управляющаго удѣльною конторою уполномочить управлять губерніею, а губернатора подчинить ему!

Кн. Вы, ваше пр—ство, говорите шутя, когда я имѣю порученіе отъ государя говорить серьезно!

Ж. Такъ какъ есть въ предметѣ вообще всѣ поволжскія казенныя имѣнія обратить въ удѣлъ, то назначить въ двѣ или три губерніи генералъ-губернатора, который соединялъ бы въ своемъ лицѣ власть и надъ губерніями и надъ удѣльнымъ управленіемъ. Другаго средства и быть не можетъ.

Кн. Эта мысль была первая, которая пришла государю, но князь

Волконскій при мнѣ возразилъ: Государь, у генераль-губернатора у всякаго есть правитель канцеляріи—будутъ вмѣшиваться въ «наше» управленіе и пойдеть все по старому! Если у васъ губернаторами вездѣ будутъ Жиркевичи, тогда можно и губернаторамъ довѣрить то, что вы предполагаете для генераль-губернаторовъ, но укажите, ваше величество, мнѣ другаго такого губернатора, а тогда совершенно буду согласенъ съ вами.

НВ. Собственные слова кн. Лобанова. Я не виноватъ, если они сошли здѣсь съ пера моего.

Ж. Очень лестно, но еще болѣе грустно! Если вѣрять мнѣ, то какже въ одно время вѣрять Б***? Кажется, между нами нѣтъ я не можетъ быть симпатіи.

Кн. Что дѣлать! Такъ сталъ свѣтъ! И такъ вообще идутъ дѣла въ немъ! Теперь позвольте присовокупить, что государь приказывалъ мнѣ непремѣнно лично быть на мѣстѣ, гдѣ началось возмущеніе, и тамъ все разузнать подробно и успокоить, если можно. Угодно будетъ вашему пр—ству со мной туда отправиться или нѣтъ?

Ж. Если ваше сіятельство объявляете мнѣ монаршую волю, чтобы я это исполнилъ, я готовъ на все, что вамъ будетъ угодно приказывать!

Кн. Нѣтъ! Въ переписку съ вами я не буду входить безъ нужды и бумаги вамъ теперь не дамъ никакой, а очень желалъ бы знать причину настоящихъ словъ вашихъ?

Ж. Званіе губернатора такъ высоко, что не слѣдуетъ унижать его ни въ какомъ случаѣ, въ особенности еще передъ простолюдинами, которые въ одномъ губернаторѣ видятъ своего защитника. Если я поѣду при васъ, я буду уже второстепенное лицо и ничего болѣе, какъ обыкновенный чиновникъ, исполнитель вашихъ приказаній. Какъ губернаторъ, я долженъ дѣйствовать всегда самостоятельно и все принимать на свою личную отвѣтственность.

Кн. Совершенная правда ваша! Но по крайней мѣрѣ вы позвольте взять съ собою Б***?

Ж. Я не начальникъ ему и даже официально не знаю, здѣсь ли онъ.

Кн. Мнѣ бы очень лестно было представиться ея пр—ству, но теперь еще такъ рано, что я не смѣю объ этомъ утруждать васъ моею просьбою.

Ж. Дѣйствительно, еще очень рано, но если бы ваше сіятельство удостоили меня сегодня у насъ откушать, я бы эту честь принялъ съ особою благодарностью.

Кн. Готовъ, но съ однимъ условіемъ: чтобы не было никого лишняго и въ особенности много приглашенныхъ.

Ж. Человѣка четыре или пять, которыхъ я желалъ бы лично представить вашему сіятельству, не болѣе. Б*** не будетъ.

Кн. Напротивъ! Я бы очень желалъ, чтобы и онъ былъ приглашенъ.

Ж. По душѣ и чувствамъ не могу этого сдѣлать!

Кн. Ваша воля!

Князь пріѣхалъ въ обѣду. Приглашены были: кн. Баратаевъ, губернской предводитель Бестужевъ, Ивашевъ, Шулигъ, начальникъ симбирскаго комиссаріата, Столыпинъ, почетный попечитель губернской гимназіи и Бенардаки. За столомъ былъ разговоръ о хлѣбной торговлѣ и о томъ, какъ бы уравнивать курсъ монеты повсемѣстно—предметъ, выполненный чрезъ три года послѣ этого.

Въ этотъ же день, до обѣда, князь былъ у «возмутителей», говорилъ съ каждымъ по одиночкѣ изъ нихъ и теперь просилъ меня отпустить ихъ домой. Но я отвѣчалъ, что я имѣю другое намѣреніе—содержать ихъ заложниками, до окончанія дѣла, и если ему будетъ кто нуженъ изъ нихъ на мѣстѣ, куда онъ поѣдетъ, то чтобы приказалъ, я отправлю его съ нарочнымъ. На другой день мнѣ объявили, что кн. Лобановъ и Б*** выѣхали по утру въ 4 часа.

На слѣдующее утро, когда я занимался еще въ кабинетѣ дѣлами, въ 9-ть часовъ доложили мнѣ, что отъ кн. Лобанова присланъ удѣльный чиновникъ. Когда я приказалъ допустить его къ себѣ, по торжествующей минѣ его я заключилъ, что встрѣтилось что-то необыкновенное, клонящееся не въ мою пользу! На вопросъ мой: «что новаго?» онъ объяснилъ мнѣ, что кн. Лобановъ отправился не прямо въ Буинскій уѣздъ, гдѣ началось волненіе, а въ другую волость Симбирскаго уѣзда, по той причинѣ, чтобы дать время въ первую прибыть военной командѣ, сегодня только еще выступившей. Волость, въ которую поѣхалъ князь, отстояла отъ Симбирска на 65 верстъ. Онъ пріѣхалъ туда въ воскресенье утромъ часовъ въ восемь и нашелъ тамъ симбирскаго исправника и удѣльнаго чиновника, объявившихъ крестьянамъ указъ губернскаго правленія о послѣдовавшемъ высочайшемъ повелѣніи, чтобы у нихъ была общая запашка. Когда князь пріѣхалъ, народу было мало, но и тѣ стали расходиться, говоря, что многихъ нѣтъ, что старѣйшіе изъ нихъ уѣхали въ городъ, на базаръ, и что они, безъ нихъ оставшіеся, ничего порѣшить не могутъ. Князь и Б*** стали увѣщевать ихъ къ немедленному повиновенію и накопецъ, частью убѣжденіями, а частью и угрозами заставляли сдѣлать нарѣзку земли для общественной запашки, обязавъ ихъ подпискою, что запашку они сдѣлаютъ, когда возвратятся съ торгу остальные и, распорядясь такимъ образомъ, отправились

дальше, въ ту волость, куда была направлена команда. Но едва они туда прибыли, какъ сей же часъ, вслѣдъ за ними, отъ симбирскаго исправника прибылъ нарочный и привезъ съ собою настоящий рапортъ.. Тутъ удѣльный чиновникъ съ улыбкою подаль мнѣ бумагу. Это былъ точно рапортъ исправника къ Лобанову, въ которомъ онъ писалъ: «что по отбытіи его, князя, изъ волости, народу набралось до 1000 душъ. Съ шумомъ и съ крикомъ началось между ними сильное волненіе. Одни говорили—надо исполнять, мы дали слово губернатору, другіе кричали — чему вы вѣрите! это подложный указъ и васъ обманываютъ! Наконецъ, иные стали утверждать, что съ Б*** пріѣзжалъ какой-то родственникъ его, котораго и прежде у него видали, и все это обманъ!» Когда исправникъ хотѣлъ властью своею ихъ успокоить и привести къ повиновенію, то всѣ рѣшительно закричали: «Пусть будетъ—что будетъ! А мы запашки не хотимъ и не дадимъ собственной земли нашей». Въ концѣ исправникъ прибавлялъ, что онъ долженъ былъ немедленно выѣхать въ ближайшее селеніе и тамъ ждать приказаній.

— Что же приказалъ князь сказать мнѣ? спросилъ я чиновника.

«Ничего болѣе, какъ изволилъ сказать: сей же часъ поѣзжайте къ нашему губернатору и отдайте ему эту бумагу. А на дорогѣ, если встрѣтите воинскую команду и жандармовъ, прикажите поспѣшать на подводахъ».

— Гдѣ же вы встрѣтили команду?

— «На первомъ назначенномъ ночлегѣ. Но я приказалъ имъ только отдохнуть и пообѣдать, а потомъ, взявъ подводы, поспѣшить дальѣе и сегодня къ вечеру, или завтра утромъ, они должны быть уже на мѣстѣ».

Видя, что и кн. Лобановъ недоволенъ мною, я приказалъ чиновнику чрезъ часъ явиться за отвѣтомъ, самъ же немедленно далъ предложеніе губернскому правленію, что выѣзжаю въ удѣльныя имѣнія; Лобанову донесъ—что часу въ третьемъ буду тамъ, откуда онъ получилъ рапортъ симбирскаго исправника, написалъ форменное донесеніе, въ обыкновенно принятомъ мною порядкѣ, министру, ибо на другой день отходила почта и, отслуживъ св. угоднику Митрофанію молебень, въ 10½ час. поскакалъ куда назначилъ. Со мной былъ одинъ чиновникъ для письма, жандармъ и камердинеръ. Въ означенную волость я пріѣхалъ ровно въ 3 часа пополудни.

Подѣзжая къ деревнѣ, я увидѣлъ кучу народа, идущую ко мнѣ на встрѣчу, и, оглянувшись назадъ, нашелъ, что за коляской моею стоитъ татаринъ, который на вопросъ мой—что ему надо? отвѣчалъ: «я здѣшній,—вотъ идутъ наши!» «Сдѣлали вы запашку?» «Нѣтъ еще!

Мы ждали собственно тебя сюда». «А почему же знали, что я буду?» «Какъ не знаты! И у насъ есть нарочные!» Видя такое прекрасное распоряженіе, и со стороны настоящихъ противниковъ уже моихъ лично, я остановилъ экипажъ, вышелъ изъ него, приказавъ ему слѣдовать поодаль, а самъ отправился къ толпѣ.—Какъ скоро увидали татары, что я иду—они остановились. Нѣкоторые стали на колѣни, но всѣ вообще сняли шапки, по голосу въ толпѣ: «снимай шапки! Губернаторъ!» За этимъ водворилась совершенная тишина. «Ступайте всѣ къ волостной избѣ, здѣсь я не хочу говорить съ вами». Всѣ двинулись молча. На вопросъ мой: «Мулла здѣсь?» отвѣчали: «въ деревнѣ». «Немедленно призвать его ко мнѣ! У входа въ деревню, встрѣтилъ меня голова, изъ казенныхъ русскихъ, съ печальнымъ видомъ.

На вопросъ мой: «Что это у васъ дѣлается?»—«Одинъ Богъ знаетъ, ваше пр—во, какъ все это кончится», отвѣчалъ онъ. Когда я вошелъ въ волостную избу, явился мулла. Оставшись съ нимъ наединѣ, я сталъ его спрашивать и упрекать—почему онъ не употребилъ своего духовнаго вліянія на народъ къ устройству дѣла. Онъ возразилъ мнѣ, что его вліяніе на другихъ гораздо слабѣе, нежели тѣхъ, которые бунтуютъ нарочно.... Я приказалъ, чтобы онъ называлъ мнѣ поименно тѣхъ, которые волнуютъ другихъ и, по мнѣнію его, сильнѣе его вліяніемъ. Онъ не хотѣлъ отвѣчать. «Ну такъ я примусь за тебя и тебя перваго на дерево!».. Испугавшись, онъ сказалъ: «я вамъ назову стариковъ, которыхъ татары болѣе другихъ уважаютъ и слушаютъ. Но не скажу, что они бунтуютъ другихъ, ибо это было бы несправедливо!» Мнѣ этого и хотѣлось—и по его указанію, я записалъ семь именъ, на лоскуткѣ бумаги; затѣмъ приказалъ муллѣ выйти въ другую комнату, смежную съ той, гдѣ я былъ, чтобы онъ прежде меня не могъ выйти къ народу, позвалъ голову, съ которымъ повелъ разговоръ въ подобномъ же тонѣ, домогаясь, чтобы онъ указалъ мнѣ на зачинщиковъ или на тѣхъ, которые имѣютъ вѣсъ на мнѣніе общее. Онъ мнѣ указалъ многихъ, и между ними находились всѣ семеро, записанные мною, по указанію муллы. Тогда я вызвалъ муллу изъ комнаты, приказалъ ему объявить народу, что я хочу говорить съ нимъ, а семерыхъ, записанныхъ мною, вызвать изъ толпы и приказать имъ стать ближе ко мнѣ, впереди другихъ. Затѣмъ умывши лице, я пошелъ къ народу, но въ сѣняхъ, рядомъ съ головою, увидѣлъ стоявшаго человѣка въ синемъ сюртукѣ. «Писарь головы?» спросилъ я.—Нѣтъ! удѣльный чиновникъ.—«Зачѣмъ безъ мундира?»—У насъ не положено, чтобы мы были въ мундирахъ при исполненіи дѣлъ нашихъ, по имѣніямъ.—«Вонъ отсюда, вскричалъ я, если не имѣете мундира!...» Замѣтя, что записка моя осталась на

столѣ, я вернулся въ комнату и взялъ ее; на все это потребовалось не болѣе пяти минутъ времени; выйдя же опять на улицу, первое лицо, которое я встрѣтилъ, былъ тотъ же чиновникъ, но уже въ мундирѣ! Не обращаясь еще къ народу, я рѣзко обратился къ нему съ выговоромъ и съ сердцемъ закричалъ: «Не это бунтовщики! А тотъ кто не уважаетъ начальство, служа самъ государю!» Тебя перваго надо повѣсить на воротахъ, въ примѣръ имъ! А съ ними я управляюсь немедленно!»

Народъ весь подался ближе ко мнѣ и нѣкоторые оставались въ шапкахъ; я выкрикнулъ по запискѣ. «Я хочу говорить съ вами, отъ имени государя! Всѣ шапки долой и на колѣни!» Немедленно исполнено. Затѣмъ я продолжалъ: «вамъ было объявлено начальниками, что у васъ слѣдуетъ завести общественную записку, для вашей же пользы, какъ и у удѣльныхъ крестьянъ? Нѣкоторые изъ васъ тому воспротивились, утверждая, что на это нѣтъ воли государя!» Я всѣхъ васъ и виноватыхъ и невинныхъ взялъ подъ мою защиту и просилъ прямо государя объявить, чрезъ меня, его волю. Вамъ вчера объявленъ указъ государевъ, но вы себя оказали ослушниками и теперь всѣ вы преступники! И, на бѣду, я васъ защищать уже не могу. Вы сдѣлали меня самого передъ государемъ обманщикомъ! Я ручался за всѣхъ васъ! Государь послалъ отъ себя довѣреннаго вельможу повѣрить слова мои. Вы и его ослушались, и теперь уже гнѣвъ государя со всею справедливостію падаетъ и на меня и на всѣхъ васъ! Вы думаете укрыть виновныхъ, прикрываясь не понимающими русскаго языка, но противъ этого у меня есть мѣра; тутъ я провозгласилъ семь именъ по запискѣ—продолжая: «вотъ у меня уже есть семь виноватыхъ, а изъ остальныхъ будетъ отвѣчать десятый! Хотите-ли вы повиноваться или нѣтъ? Будетъ-ли у васъ общая записка?»—Нѣсколько голосовъ, въ томъ числѣ два или три изъ числа семерыхъ, отвѣтили: «будемъ дѣлать—что прикажешь». «Хорошо,—отвѣчалъ я, я немедленно это узнаю, и тутъ, взойдя въ середину толпы, я взялъ за воротъ одного молодаго татарина и, выведя его впередъ, сказалъ: «я хочу наказать одного, чтобы показать, какъ я поступлю съ другими ослушниками», и, обратясь къ головѣ, приказалъ подать розогъ. Видно удѣльное начальство часто употребляло эту мѣру, ибо розги много явились на сцену! Стали раздѣвать избраннаго мною, который, съ блѣднымъ лицомъ, ожидалъ жестокаго наказанія. Но я, видя безусловную покорность, остановилъ исполнителей. «Довольно! сказалъ я. Я хотѣлъ только видѣть, какъ вы исполните мое приказаніе! Вотъ одинъ, котораго я прощаю именемъ государя! За него я беру отвѣтъ на себя лично. Но вы прочіе—всѣ преступники, за васъ я и просить

не берусь!...» Тутъ раздался общій крикъ: «Проси за насъ! Проси за насъ, губернаторъ! Мы всѣ будемъ тебя слушать! Прикажи! дома снимемъ и будемъ пахать на мѣстахъ ихъ». Молчать и слушать! крикнулъ я. «Я знаю все! У васъ уже у многихъ приготовлены подводы и уложено имущество, чтобы бѣжать, когда придетъ команда. Для этого я и команды не взялъ съ собой, а пріѣхалъ одинъ. Вотъ видите—я посреди васъ. Любой можетъ пырнуть ножомъ въ меня! Но я вѣрный слуга государя—и не боюсь этого! на мѣсто мое назначать другаго. Будутъ отыскивать и отыщутъ виноватаго! Бѣжавши, земель своихъ не увезете съ собою; поймаютъ на другомъ концѣ Россіи, потянутъ къ допросу, накажутъ, а землю уже не возвратятъ и вмѣсто временнаго занятія участка подъ общую запашку, земля ваша навсегда останется казенною. Въ Симбирской губерніи жителей много, а земель мало, найдутъ кѣмъ разрабатывать. Что же касается меня, пока я живъ, я столь строгій и точный исполнитель воли моего государя, что если бы онъ приказалъ мнѣ виновныхъ всѣхъ перевѣшать на собственной моей кожѣ, я бы это исполнялъ до той минуты, пока послѣдній вздохъ былъ въ тѣлѣ моемъ.—Будете-ли вы пахать?»—«Сей же часъ будемъ и вотъ увидишь самъ какъ это сдѣлаемъ!»—«Посмотрю».—Тутъ я приказалъ всѣмъ отправиться къ дѣлу, оставя при себѣ лишь молодаго татарина, котораго хотѣлъ наказывать и котораго, послѣ прощенія, отецъ принуждалъ лизать пыль съ моихъ сапогъ, до чего, разумѣется, я не допустилъ его; я сказалъ ему, чтобы когда все будетъ готово, то чтобы онъ проводилъ меня туда, гдѣ будутъ пахать. Войдя въ комнату, нашелъ, что еще не было и 4-хъ часовъ пополуночи, такъ мало потребовалось времени къ обороту дѣла. Чрезъ четверть часа явился мой провожатый и я пошелъ съ нимъ чрезъ все селеніе, раскинутое, какъ вообще всѣ татарскія селенія, на большомъ пространствѣ. Моему чиновнику, жандарму и исправнику (который въ это время прибылъ) я приказалъ остаться въ волостной избѣ. Проходя селеніе, я замѣтилъ, что изъ-за плетней выглядываютъ головы. На вопросъ мой—кто это? проводникъ отвѣчалъ: «бабы наши!»—«Съ бородами?» спросилъ я. (Я видѣлъ много мужицкихъ головъ). «А это наши каштаны! т. е. удалые, которыхъ у насъ такъ называютъ». «Скидай ихъ ко мнѣ, зачѣмъ нейдутъ?»—«Боятся». «Скажи имъ—напрасно. Я другъ всѣмъ тѣмъ, кто меня слушаетъ!» Пока дошли мы до конца селенія, отъ котораго нарѣзаемая земля еще была верстахъ въ двухъ, каштановъ собралось около меня человѣкъ до сорока и я съ ними дружески пустился въ разговоры и, между прочимъ, спросилъ у нихъ, сколько деревень приписано къ этой волости; узнавши, что 10, приказалъ имъ, чтобы сейчасъ изъ нихъ «удалыхъ» 9 человѣкъ

поѣхали бы въ каждую деревню и выслали бы стариковъ ко мнѣ. Все это было мгновенно исполнено.

Придя на мѣсто запашки, я нашелъ, что оную уже начали. Крестьяне плугами живо бороздили изъ одного конца въ другой, съ пѣснями и веселыми лицами. Потомъ пошли бороны и начался засѣвъ, такъ что чрезъ полтора часа, 12 десят. земли вспахано, взборонено и засѣяно, какъ ни въ чемъ не бывало! Рабочіе, окружавшіе меня, постоянно твердили: «проси, чтобы государь простилъ ихъ всѣхъ!» Для меня же были приготовлены: арба, уложенная вся пуховиками и устланная большимъ ковромъ, и верховой конь, съ богатымъ татарскимъ уборомъ, съ просьбой ѣхать на чемъ мнѣ будетъ угодно. Тутъ же я нашелъ и своихъ чиновниковъ.

На возвратномъ пути, при входѣ въ селеніе, я встрѣтилъ посланцевъ изъ ближайшихъ деревень, всѣхъ на колѣняхъ, умоляющихъ меня о прощеніи, съ увѣреніемъ и съ просьбой проверить лично, что и у нихъ точно также и охотно производится запашка. Поблагодаривъ ихъ за успокоеніе меня своимъ повиновеніемъ, я сказалъ: «что теперь буду просить за нихъ государя, но за усѣхъ ручаться не могу, ибо чрезъ нихъ я уже утратилъ къ себѣ довѣренность!» Затѣмъ спросилъ голову, приготовлена-ли мнѣ квартира? Онъ отвѣчалъ, что въ волостной избѣ—мы всѣ были въ это время посреди селенія, а та изба была у противнаго конца. «Далеко, сказалъ я, нѣтъ-ли тутъ поближе дома? Это чей домъ?» Явился хозяинъ. «Пусти меня ночевать къ себѣ». Онъ бросился къ ногамъ моимъ. «Осчастливъ меня, губернаторъ, этимъ!» и я направился къ дому. Немедленно написалъ къ Лобанову обо всемъ, какъ было; спрашивалъ его нужно-ли, чтобы я прибылъ какъ губернаторъ туда, гдѣ онъ дѣйствуетъ, и донесеніе это отправилъ съ жандармомъ. Жандармъ вернулся ко мнѣ съ отвѣтомъ Лобанова въ 3-мъ часу ночи и привезъ мнѣ два номера. Въ первомъ, въ 6 часовъ пополудни, Лобановъ писалъ, что, прибывъ въ волость, онъ нашелъ упрямое сопротивленіе лашманъ и ожидаетъ только команды, которая прибудетъ часа черезъ два. Во второмъ-же, въ 10 часовъ вечера, онъ писалъ: «по прибытіи команды, когда были приняты мѣры наказать главныхъ слушниковъ, татары, въ большомъ количествѣ, высыпали даже изъ окрестныхъ селеній съ топорами, косами и кольями. Нѣкоторые тутъ же были схвачены и крѣпко наказаны. Но часовъ около 9-ти волненіе стало утихать и когда пріѣхалъ отъ меня жандармъ, всѣ уже разошлись по домамъ, съ обѣщаніемъ на завтра повиноваться безпрекословно.. Розыскивая причину, онъ узналъ, что прежде жандарма, пріѣхали отъ той волости, гдѣ я былъ, два татарина и, узнавъ отъ нихъ, что ихъ сельчане по-

винуются мнѣ—порѣшили и имъ тоже слушать!». Князь благодарилъ за мое распоряженіе и присовокупилъ, что теперь нѣтъ никакой надобности мнѣ затруднять себя лишнимъ проѣздомъ къ нему. Объ удѣльномъ чиновникѣ, о которомъ я тоже откровенно писалъ ему, онъ распорядился посадить его подъ арестъ на двѣ недѣли на хлѣбъ и воду.

Возвратясь въ Симбирскъ по утру, къ 9-ти часамъ, во вторникъ, еще до ухода почты, я успѣлъ обо всемъ написать новое донесеніе министру, не взявъ старыхъ донесеній моихъ съ почты, ибо я всѣ подробности передавалъ съ помѣткою числа и часа, слѣдовательно, они все-таки должны были быть отправленными.

Черезъ нѣсколько дней прибылъ въ Симбирскъ и кн. Лобановъ-Ростовскій, который между тѣмъ объѣхалъ и другія лашманскія волости, тоже и въ Курмышевскомъ уѣздѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ находилъ небольшое волненіе и колебательство, но вездѣ оканчивалось покорностью и, не болѣе какъ въ 10 дней, у лашманъ запашка устроилась. Теперь оставалось дѣло въ окончательномъ объясненіи со мной.

Кн. П. М. Волконскій требовалъ, чтобы Лобановъ спросилъ у меня, отчего я не поѣхалъ лично, при самомъ началѣ возмущенія, на мѣсто, гдѣ оно возникло? Лобановъ деликатничалъ дать мнѣ письменный запросъ объ этомъ, но я сказалъ ему, что я вовсе не вижу ничего тутъ необыкновеннаго, я готовъ отвѣтить на все, но только мнѣ не понятно одно: какъ такая близкая особа къ государю можетъ объяснять его волю своимъ подчиненнымъ—сегодня такъ, а завтра иначе! Лобановъ ничего не сказалъ на мое замѣчаніе, но двѣ недѣли я не получалъ отъ него запроса. Видно было, что онъ писалъ о разговорѣ со мною къ кн. Волконскому, но потомъ прислалъ бумагу, заключающую въ себѣ: «что я, для рѣшительнаго окончанія возмущенія, былъ лично въ одной волости и тѣмъ тотчасъ прекратилъ волненіе, то почему не рѣшился я, при самомъ началѣ, употребить сію мѣру въ другомъ мѣстѣ?» Я отвѣчалъ рѣзко и рѣшительно: выставка въ началѣ статьи закона о полицейской власти, потомъ первое сообщеніе мнѣ о лашманскихъ земляхъ, какъ ихъ собственности, наконецъ, оставя весь ходъ происшествія, присовокупилъ: «что Б*** въ первомъ своемъ отношеніи ко мнѣ, прописавъ о высочайшей волѣ, чтобы у лашманъ была общественная запашка, обманулъ меня! Прежде онъ сообщилъ мнѣ, что его начальство объяснило ему, какъ слѣдуетъ взирать на подчиненіе ему лашманъ, что противорѣчило съ послѣднимъ его требованіемъ. Я привыкъ высочайшее имя произносить только въ важныхъ дѣлахъ и всегда съ подобающимъ къ оному уваженіемъ, какъ

къ святниѣ, а лашманамъ объявить высочайшую волю по обманному отношенію Б*** мнѣ было невозможно, ибо выполненіе онаго могло довести до пролитія крови, тогда меня же бы обвинили за легковѣріе, недоразумѣніе и жестокости. Да я даже и мыслить не смѣлъ, чтобы въ Россіи нашлось лицо, которое государеву волю подчиненному рѣшилось толковать сегодня такъ, а завтра другимъ образомъ». Это послѣднее выраженіе, какъ послѣ узналъ я, вооружило противъ меня совершенно кн. Волхонскаго и онъ даже просилъ государя отрѣшить меня отъ должности и судить.

Отвѣтъ мой на запросъ, Лобановъ общалъ лично вручить государю, прибавивъ: «что у него на сердцѣ легче, ибо на словахъ передавать то, что я ему говорилъ, изъ опасенія возстановить противъ себя Волхонскаго—онъ не рѣшился бы.

Слѣды сего дѣла однако же все еще оставались въ рапортѣ симбирскаго исправника, гдѣ было поименовано нѣсколько лицъ въ явномъ слушаніи, да и кн. Лобановъ въ первомъ письмѣ назвалъ нѣсколькихъ, болѣе упорствовавшихъ. О нихъ, чрезъ губернское правленіе, поручено было совѣтнику онаго, произвести слѣдствіе и предложено дѣлу дать ходъ по формѣ. Кн. Лобановъ, конечно, послалъ отъ себя донесеніе, а самъ еще оставался для объѣзда и осмотра корабельныхъ лѣсовъ въ Курмышскомъ уѣздѣ, по особому отъ государя порученію. Всего прожилъ онъ въ Симбирской губерніи недѣль шесть. По отъѣздѣ его, я получилъ отъ министра извѣщеніе, что государь предоставилъ окончательную расправу съ обвиненными произвести самому удѣльному начальству, по его усмотрѣнію. Форменное судопроизводство о семъ дѣлѣ прекратить. Потомъ, чрезъ нѣсколько дней, вторично извѣстилъ меня, что по представленію управляющаго удѣльною конторою, чтобы 10 человѣкъ лашманъ сдать въ рекруты, одного сослать въ Сибирь, а около 60-ти человѣкъ, наказавъ розгами, оставить на мѣстѣ жительства; по докладу кн. Волхонскаго, государь изъявить изволилъ на первыя двѣ статьи свое соизволеніе, во прочихъ приказалъ не наказывать тѣлесно, а объявить имъ присужденное наказаніе и выдержать ихъ въ тюрьмѣ мѣсяцъ. Впослѣдствіи тѣ, которые содержались въ Симбирскѣ, просидѣвъ въ острогѣ около 5 дней, прощены были лично государемъ, во время посѣщенія имъ острога.

Когда я уже былъ перемѣщенъ въ Витебскъ, одинъ изъ симбирскихъ помѣщиковъ показывалъ мнѣ два письма начальника штаба корпуса жандармовъ Дубельта и одно отвѣтное свое. Въ первомъ Дубельтъ писалъ, что «правительство очень неспокойно на счетъ свѣдѣній, доходящихъ изъ Симбирска о возмущеніи лашманъ, тѣмъ

болѣе, что управляющій удѣльною конторою утверждаетъ, что они бунтуютъ, а губернаторъ говоритъ противное — просилъ увѣдомить откровенно, которое показаніе справедливо». Тотъ отвѣчалъ: «Мы и сами рѣшительно въ такомъ же недоумѣніи, какъ и вы въ Петербургѣ! Слышимъ и думаемъ, что все готово вспыхнуть. Точно какъ сидимъ надъ бочкою пороха, съ зажженнымъ фитилемъ. Но смотря на почтеннаго начальника нашего, спокойно занимающагося своимъ дѣломъ, и мы пока покойны! А что будетъ впередъ—Богу извѣстно». На сіе письмо Дубельтъ извѣстилъ, что оно чрезъ $\frac{1}{4}$ часа по полученіи онаго, чрезъ гр. Бенкендорфа оное было уже въ рукахъ государя императора и прибавлялъ: «Вы, почтенный родной, а равно и достойный вашъ губернаторъ, конечно, не посѣтуете на меня за сей поступокъ».... Изъ этого можно заключить, какъ обстоятельство сіе занимало правительство!

Въ томъ-же году, на масляной недѣлѣ, случилось со мной необыкновенное происшествіе. Въ Симбирскѣ жилъ нѣкто генералъ-майоръ графъ Толстой. Кн. Баратаевъ, наконецъ, устроилъ свадьбу своей дочери съ кн. Дадьяномъ, (о немъ говорено по случаю смѣны Загряжскаго). У кн. Дадьяна въ качествѣ посаженнаго отца былъ я, а шаферомъ графъ Толстой. Чрезъ день послѣ свадьбы, я пригласилъ молодыхъ обѣдать къ себѣ. За столомъ всего находилось до 15-ти человѣкъ, изъ близкихъ Баратаеву и Дадьяну лицъ. Какъ-то случилось, что разговоръ коснулся до храбрости. Я, рассуждая о семъ предметѣ, сказалъ между прочимъ: «я не знаю, какой родъ храбрости предпочтительнѣе: пылкій или холодный. Мнѣ случилось видѣть въ сраженіи два лица, оба извѣстныя у насъ въ Россіи своимъ мужествомъ: кн. Яшвилъ и Ермоловъ. Первый, въ пылу сраженія, какъ истинный азіатецъ, бросается на штыки и пушки и его ничто не удержитъ. Но за то уже въ эту минуту никто и не подступаетъ къ нему съ вопросами! Отъ него другаго отвѣта, кромѣ ругательствъ, не услышишь. Ермоловъ—совершенно напротивъ. Лицо блѣдное, длинное. Глаза точно въ горячкѣ. Богъ знаетъ, что у него на душѣ! А если кто въ это время приблизится къ нему по дѣлу—онъ, кажется, готовъ стѣсть взоромъ. Но выслушавъ, отвѣчаетъ рѣзко и такъ положительно, что никакихъ дополнительныхъ поясненій уже не потребуется».

На другой день, поутру, приносятъ мнѣ письмо съ докладомъ: отъ гр. Толстаго. Читаю: «М. г., вамъ извѣстно, что я служилъ адъютантомъ при генералѣ Ермоловѣ. Вчерашняго числа, за обѣдомъ, при множествѣ постороннихъ, въ обидныхъ выраженіяхъ коснулись вы до сего почтеннѣйшаго моего начальника, а потому я считаю обязанностью просить объясненія вашего: по какому поводу вамъ угодно

было ему и мнѣ нанести оскорбленіе?» Я не повѣрилъ своимъ глазамъ и прочелъ въ другой разъ. Тутъ я вспомнилъ, что слышалъ когда-то разныя исторіи о рубакѣ Толстомъ, бывшемъ при Ермоловѣ—и вышло, что я, вовсе не взначай, наткнулся на него. Имѣя у себя множество писемъ Ермолова, писанныхъ имъ ко мнѣ, во время его отставки, когда я служилъ въ Тулѣ—и гдѣ во всякомъ, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, выражалъ ко мнѣ свое личное уваженіе, я взялъ изъ нихъ одно и отвѣчалъ Толстому: «М. г. мой! Я не постигаю, что могло подать поводъ письму вашему ко мнѣ! Объ Ермоловѣ я не думалъ да и не могъ никогда не выгодно отзываться. Лучшимъ доказательствомъ къ тому можетъ служить влагаемое здѣсь письмо, взятое безъ выбора изъ многихъ мнѣ принадлежащихъ. Одно высокое уваженіе къ Алексѣю Петровичу вынудило меня отвѣчать на ваше посланіе, а иначе я бы оставилъ оное безъ малѣйшаго вниманія. Предлагаемое же письмо прошу возвратить мнѣ. Вашъ покорный слуга». Послѣ этого, на другой день вечеромъ, на балѣ у помѣщика Родіонова, встрѣтился я еще разъ въ жизни съ этимъ графомъ. Я показалъ видъ, что его не замѣчаю, но онъ привѣтствовалъ меня самымъ уважительнѣйшимъ поклономъ, а письмо Ермолова доставилъ ко мнѣ обратно кн. Дадьянъ.

Послѣ отъѣзда кн. Лобанова, въ скорости прибылъ въ Симбирскъ завѣдывающій дѣлами государыни императрицы по богоугоднымъ заведеніямъ, статсъ-секретарь Николай Михайловичъ Лонгиновъ. Я встрѣтился и познакомился съ нимъ въ Корсунѣ, во время бытности моей тамъ для ревизіи. Онъ пробылъ между нами трое сутокъ; у меня обѣдалъ и провелъ два вечера. Само по себѣ разумѣется, что главная цѣль его была осмотръ дома Трудолюбія, чѣмъ онъ не могъ быть недоволенъ, ибо еще по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя прежде того доходили о семъ заведеніи до С.-Петербурга, онъ привезъ кн. Баратаеву лестный рескриптъ императрицы съ брилліантовымъ перстнемъ. Наканунѣ выѣзда своего изъ Симбирска, онъ убѣдительно просилъ меня дать ему какое-либо порученіе въ Петербургъ. Долго я отказывался за неимѣніемъ какихъ либо порученій, но онъ все настаивалъ на своихъ словахъ. Наконецъ, я ему сказалъ: Ну вотъ, ваше пр—во! Вы сами напрашиваетесь, а если я васъ стану просить—вы готовы будете отступить отъ своего слова.

— Попробуйте! Я увѣряю васъ, что нѣтъ!

Здѣсь въ Симбирскѣ есть нѣкто княжна Тамара, фрейлина ея императ. вел—ва, сосланная сюда изъ Грузіи на жительство, лѣтъ 6 тому назадъ, по поводу открытаго въ Тифлисѣ заговора грузинскихъ князей. Я ничего не буду говорить объ образѣ жизни сей

несчастной страдальцы! Ваше пр—во, изъ разговоровъ нашихъ знаете, что въ Симбирскѣ, какъ и во всякомъ губернскомъ городѣ, есть различныя партіи. Не укажу вамъ ни на одно лицо, но изъ всѣхъ партій спросите, по вашему выбору, любое: какого онъ мнѣнія о княжнѣ Тамарѣ? а потомъ взвѣсьте мою просьбу. Она писала по нѣскольку разъ къ гр. Бенкендорфу, къ барону Розену, ко всѣмъ. Отъ всѣхъ одинъ отвѣтъ: «Не могу принять на себя доклада о васъ государю». Побывайте у нея и рѣшите сами, что можно для нея сдѣлать.

— «Поѣдемте вмѣстѣ туда сейчасъ, сказалъ Н. М. Лонгиновъ, но я отказался, отозвавшись, что я начальникъ губерніи, у котораго она подъ наблюденіемъ и, можетъ быть, имѣетъ поводъ къ жалобѣ на мои распоряженія. Лонгиновъ поѣхалъ.

Послѣдствіями этого было письмо Лонгинова ко мнѣ изъ Москвы, а послѣ проѣзда государя—дозволеніе возвратиться въ домъ свой.

Княжну Тамару я лично не видалъ, но, за три дня до выѣзда моего, она пріѣзжала благодарить мою жену и привезла двѣ крупныя жемчужины, въ видѣ серегъ, и золотую цѣпь «на память для моей дочери». Жена моя имѣла неосторожность принять подарокъ, но въ тотъ же день должна была отвезти оныя обратно.

XXVII.

Пріѣздъ въ Симбирскъ императора Николая Павловича.—Разговоръ государя со мною.—Представленіе дворянства и чиновниковъ.—Гр. А. Х. Бенкендорфъ.—Посѣщеніе государемъ больницы.—Осмотръ острога.—Осмотръ города.—Домъ трудолюбія.—Посѣщеніе казармъ кантонистовъ.—Маленькій еврей.—Проектъ государя относительно набережной.—Опасный подъемъ на гору.—Вѣрность глаза и необыкновенная память государя.—Обѣдъ въ кабинетѣ государя.—Мнѣніе государя о корабельныхъ дѣсахъ.—Отъѣздъ государя.—В. Ѳ. Адлербергъ.—Случай подъ Чембарами.—Мой отъѣздъ изъ Симбирска.

Въ половинѣ іюля мѣсяца (1836 г.) получено было мной официальное извѣстіе, что государь изволитъ быть, проѣздомъ, въ Симбирскѣ 25-го августа, но съ тѣмъ вмѣстѣ, по его волѣ, дано знать, чтобы въ приѣму его никакихъ приготовленій не дѣлалось. Извѣстивъ о семъ бумагою губернскаго предводителя, я слышалъ отъ него, что нельзя же вовсе ничего не сдѣлать для такого высокаго и необыкновеннаго гостя, и положили, чтобы онъ частными письмами извѣстилъ о семъ предстоящемъ событіи уѣздныхъ предводителей, съ тѣмъ, чтобы живущіе въ губерніи дворяне оповѣщены были, хотя подъ рукою, объ этомъ. Съ своей же стороны, я долженъ былъ распорядиться на счетъ приуготовленія лошадей подъ экипажъ и свиту

государя. Для сего единственного предмета, я пригласилъ къ себѣ губернскаго предводителя Б***, управляющаго удѣльной конторою Б*** (который самъ не прибылъ, а прислалъ своего помощника) и губернскаго почтмейстера. Когда началось совѣщаніе, я предоставилъ каждому изъ нихъ изложить свое мнѣніе прежде меня, и въ заключеніе уже, согласивъ общія каждое изъ нихъ указанія, объявилъ свою мысль. Всѣ трое, единогласно, оную одобрили. Составили журналъ, подписали и въ ту-же минуту приказали напечатать наше постановленіе и изготовить предписанія кому слѣдовало о приведеніи всего въ исполненіе.

Вдругъ, на другой день, являются ко мнѣ губ. предводитель Б*** и губ. почтмейстеръ, и первый изъ нихъ, извиняясь, что онъ поспѣшилъ своимъ мнѣніемъ, а теперь, раздумавши хорошенько, предлагаетъ мнѣ другой планъ свой, съ которымъ согласенъ и губернский почтмейстеръ. Я отвѣчалъ, что сдѣланное постановленіе уже приводится въ исполненіе и бумаги по оному отправлены. Г. Б*** сталъ говорить, что есть еще время переимѣнить и можно послать другія предложенія, но я объявилъ, что я уже не согласенъ, да и управляющій удѣльною конторою тоже можетъ не согласиться, ибо его довѣреннымъ постановленіе тоже подписано вмѣстѣ съ нами. Б*** сталъ видимо горячиться; я хладнокровно возразилъ: «Всю отвѣтственность за сдѣланное я беру лично на себя»,—и онъ уѣхалъ отъ меня, огорчившись. Губернскій же почтмейстеръ объявилъ мнѣ, что онъ самъ вовсе не подумалъ бы объ измѣненіи прежняго изложенія, но что губ. предводитель присылалъ за нимъ и что онъ засталъ у него нѣкоторыхъ дворянъ, которыхъ назвалъ по именамъ (всѣ партіи Андрея Б***), которые съ крикомъ настаивали, чтобы губернский предводитель далъ другое направленіе наряду лошадей къ чему и его убѣждали, и такимъ образомъ, оба они вынуждены были, такъ сказать, ѣхать ко мнѣ съ новымъ предложеніемъ.

Въ первыхъ числахъ августа, стали съѣзжаться въ Симбирскъ дворяне. Я говорилъ выше, что, по окончаніи лапманской исторіи, я повторилъ къ министру просьбу объ увольненіи меня изъ губернаторской должности и въ письмѣ именно сказалъ, что не хочу быть въ отвѣтъ за Б***, не имѣя вліянія на его личныя разсужденія. 12-го августа, вечеромъ, я получилъ частное письмо отъ Д. Н. Блудова, что государь, безъ всякаго со стороны его доклада, назначилъ меня губернаторомъ въ Витебскъ, съ чѣмъ поздравлялъ меня, объясняя, что это сдѣлано какъ знакъ особой довѣренности, ибо тамъ нужно было для управленія довѣренное лицо. При чемъ, излагая мнѣніе, что онъ находитъ неудобнымъ въ такомъ случаѣ представ-

дять о желаніи моемъ вовсе не быть губернаторомъ, спрашиваетъ, хочу ли я настаивать на моей просьбѣ? На другой день я отвѣчалъ, что готовъ выполнить волю и новое назначеніе государя. Письмо это я содержалъ въ тайнѣ, тѣмъ болѣе, что оглаской его боялся помѣшать рѣшительнымъ мѣрамъ полицейскаго приуготовленія для проѣзда государя. Но слухъ о моемъ перемѣщеніи въ тотъ же день началъ распространяться въ высшемъ кругу дворянства. Андрей Б*** съ эстафетою получилъ это извѣстіе изъ Петербурга и сталъ говорить своимъ, по секрету, что это сдѣлано чрезъ кн. Волконскаго, по его, Б***, настояніямъ за лапшанское дѣло.

15-го августа, прокуроръ Ренкевичъ, прибывшій къ своему мѣсту не болѣе 2-хъ недѣль, человѣкъ благородныхъ правилъ и образованный, посѣтивъ меня, спросилъ, знаю-ли я, что дворянство располагаетъ моимъ домомъ для принятія государя и что назначаетъ въ немъ хозяиномъ Андрея Б***? Я отвѣчалъ, что рѣшительно ничего не слыхалъ, да и вѣрить тому не хочу, но Ренкевичъ присовокупилъ, что хотя онъ самъ и не былъ въ дворянскомъ собраніи, но слышалъ навѣрное, что тамъ готовится постановленіе почти въ томъ смыслѣ, какъ онъ мнѣ сказывалъ.

16-го августа получаю бумагу отъ губернскаго предводителя, въ которой онъ пишетъ, что симбирское дворянство, желая достойно принять августѣйшаго путешественника, предположило устроить для успокоенія его домъ, занимаемый губернаторомъ. Для чего избрало изъ круга своего с. сов. Андрея Б***, какъ хозяина въ распоряженіяхъ, съ присвоеніемъ ему званія маршала, на что и просить моего согласія. Възбѣшенный, въ полномъ смыслѣ слова, такою выходкою, я сію же минуту послалъ запросъ г. губ. предводителю—получилъ-ли онъ увѣдомленіе мое, что государю не угодно никакихъ приготовленій къ его приему и кто въ нарушеніи буквальнаго смысла закона разрѣшилъ собраніе дворянства? Отвѣта я требовалъ немедленно для отправленія о томъ на встрѣчу государя моего донесенія.

Предводитель Бестужевъ перепугался и 17-го числа, не смотря на лихорадку, нѣсколько дней его мучившую, пріѣзжаетъ ко мнѣ, и у насъ завязался слѣдующій разговоръ:

Б. Ваше пр—во прислали мнѣ бумагу, на которую я вовсе не знаю, что мнѣ отвѣчать.

Ж. Ваше пр—во сами потребовали отъ меня такой бумаги!

Б. Вы видите, ваше пр—во, что я человѣкъ больной и теперь меня трясетъ лихорадка, я, быть можетъ, и сдѣлалъ ошибку, но вы хотите погубить меня!

Ж. Ни мало не думаю! Я, какъ начальникъ губерніи, долженъ

знать причину поступка вашего и дворянства, которое я всегда въ душѣ своей уважалъ и которымъ не подалъ повода меня шокировать!

Б. Шокировать васъ никто и никогда не думалъ! Но вы знаете сами, ваше пр—во, что къ вамъ доступъ весьма труденъ. Заговори съ вами о дѣлѣ несогласно съ вашимъ мнѣніемъ, вы тотчасъ распѣтушитесь!

Ж. Г. губернский предводитель дворянства! Вы проговорили!.. Я дозволяю вамъ ваше слово взять назадъ — или не угодно-ли вамъ будетъ повторить его.

Б. (оробѣвъ). Я виноватъ, ваше пр—во! Простите моему болѣзненному состоянію. Я точно виноватъ и признаюсь въ этомъ.

Ж. Григорій Васильевичъ! Вы лучший свидѣтель, какъ я много и искренно уважаю симбирское дворянство. Я ничего не стану говорить въ укоризну за настоящій поступокъ, но признайтесь сами, что большаго неудовольствія и непріятности мнѣ нельзя было нанести! Всѣмъ извѣстна моя исторія съ вашимъ братомъ; онъ рассказываетъ въ слухъ, что смѣнилъ меня; я точно смѣненъ, но не по его настоянію. Знаю, что всегда найдутся легкомысленные и готовые потворствовать случайности, но въ настоящемъ дѣлѣ весьма ошибутся! На бумагу мою отвѣчайте: «ошибкою». Я все беру на себя и устрою. Но скажу вамъ откровенно, что это сдѣлаю при большомъ затрудненіи. Не я, жандармы донесутъ о происшествіи и государь, конечно, спроситъ меня объ этомъ,—что я долженъ отвѣчать? Я симбирскимъ дворянствомъ доволенъ, но семья не безъ уroda, и если онъ самъ спроситъ, чтобы я назвалъ ихъ, смѣло и откровенно назову двухъ или трехъ, которыхъ понимаю таковыми.

Съ этимъ я отпустилъ Б***.

Но едва онъ вышелъ отъ меня, какъ входитъ въ гостинную безъ доклада А. Б*** и привѣтствуетъ меня словами: «По выбору дворянства я назначенъ маршаломъ въ губернаторскій домъ, для приѣма государя! Почелъ долгомъ своимъ въ семъ званіи представиться вашему пр—ву.»

«Напрасно беспокоились, г. Б***!» отвѣчалъ я. Самозванцевъ я не признаю никакихъ. Во всякое другое время, я бы васъ, въ этомъ покоѣ, попросилъ бы садиться, а теперь, по русскому обычаю—скажу вамъ: «вотъ Богъ—а вотъ порогъ!»... Сконфуженный, не сказавъ ни слова, онъ въ ту же минуту вышелъ.

Григорій Б*** прислалъ бумагу, гдѣ называлъ собраніе дворянъ, «частнымъ собраніемъ» и прибавлялъ: «что на предложеніе дворянства, онъ хотѣлъ лично просить моего совѣта и согласія, но по случаю своей болѣзни, усилившейся еще внезапно до высшей степени, когда

объяснял сіе дѣло своему письмоводителю, тотъ, принявши оное за приказаніе, приготовилъ бумагу и далъ ему подписать, а потому просить у меня въ таковой ошибкѣ извиненія. Я отвѣчалъ ему, что хотя и состоялось высочайшее повелѣніе, чтобы не дѣлалось никакихъ приготовленій къ встрѣчѣ его величества, и желая оное буквально выполнить, я предполагалъ воспользоваться счастьемъ принять государя въ квартирѣ моей, при собственныхъ слабыхъ моихъ средствахъ; но какъ я получилъ частное извѣщеніе отъ министра вн. дѣлъ, что я перемѣщенъ уже въ другую губернію, и съ слѣдующей почтой ожидаю о томъ указа—то я съ благодарностью принимаю вниманіе симбирскихъ дворянъ устроить покой для государя въ губернаторскомъ домѣ, на свои средства. Желая оказать самъ сильный знакъ моего уваженія къ симбирскому дворянству, я соглашаюсь даже и на то, чтобы с. сов. Б*** замѣнилъ меня въ домѣ, какъ хозяинъ, но признать за нимъ, по сему предмету, какое либо званіе, я не считаю себя въ правѣ. Тѣмъ дѣло пока и кончилось.

19-го августа я получилъ указъ о моемъ перемѣщеніи и сдалъ начальство вице-губернатору. Того-же числа получилъ чрезъ Ивашева письмо отъ Н. М. Лонгинова изъ Москвы, вложенное въ пакетъ къ Ивашеву, не запечатаннымъ, въ которомъ Лонгиновъ отъ 9-го августа писалъ, что о перемѣщеніи моемъ онъ узналъ отъ государя лично, который выразился на мой счетъ при этомъ, что онъ знаетъ меня, какъ хорошаго человѣка и губернатора, и далъ мнѣ самую скверную губернію, чтобы я оную исправилъ! О княжнѣ Тамарѣ поручилъ мнѣ, въ проѣздъ государя чрезъ Симбирскъ, напомнить ему чрезъ В. О. Адлерберга.

20-го августа пріѣхалъ ко мнѣ Симбирскій помѣщикъ отставной генералъ-маіоръ фонъ-Блюмъ и въ разговорѣ со мной на счетъ сумятицы, происшедшей по случаю назначенія Андрея Б*** маршаломъ, спросилъ меня:

— «Правда-ли, что вы губернскому предводителю сказали: что вы назовете, если государь у васъ спроситъ, двухъ или трехъ уродовъ изъ симбирскаго дворянства?»

«Правда! отвѣчалъ я. Но какъ неостороженъ Б***, что то, что говорилось между нами, онъ распускаетъ въ обществѣ!»

— «Вчера вечеромъ, продолжалъ фонъ-Блюмъ, были толки объ этомъ въ собраніи и всѣ хотѣли, пріѣхавши къ вамъ, просить, чтобы вы этихъ уродовъ выставили бы лучше дворянству».

«Что-же положили окончательнаго?» спросилъ я.

— «Не знаю! Кажется, все осталось въ прежнемъ предположеніи».

«Я бы не совѣтывалъ имъ этого, сказалъ я. Пока я былъ сим-

бирскимъ губернаторомъ, я бы далъ отвѣтъ положительный. Теперь же, какъ частное лице, я не буду ничего отвѣчать обществу. А каждому отдѣльно готовъ отвѣчать моею личностью!»

21-го августа прошло для меня безъ тревоги, но въ этотъ день пришло свѣдѣніе, что государь еще до Казани ускорилъ свой маршрутъ и что вмѣсто 25-го его должно ожидать 22-го или 23-го августа. Дворянство готовило для государя балъ на 25-е число. 21-го ничего еще не было готово, даже полы въ домѣ дворянства не были вымыты. Въ ночь съ 21-го на 22-е пронесся слухъ, что пріѣхалъ передовой фельдъегерь. Меня разбудили—но оказалось, что фельдъегерь проѣхалъ съ послѣдней станціи, предъ Симбирскомъ отъ Казани, косвеннымъ путемъ на первую-же станцію за Симбирскъ, къ Петербургу, и говорилъ на станціи, что государь пріѣдетъ къ намъ непременно 22-го числа, поутру; вслѣдствіе чего, вставши въ 8 часовъ, я одѣлся такъ, чтобы на случай тревоги, мнѣ оставалось бы лишь накинуть одинъ мундиръ на плечи.

22-го августа, по утру около 7 часовъ, по случаю прекрасной погоды, я сталъ открывать окно въ гостинной — вдругъ вижу подъѣхала коляска Б***, въ которой сидѣли онъ и Блюмъ, оба въ мундирахъ. Заглянувъ еще въ окно, вижу цѣлую вереницу экипажей по улицѣ. Первая мысль: «объясненіе на счетъ уродовъ!» Бѣгу въ переднюю, чтобы отказать этотъ ранній визитъ, нахожу уже человѣкъ съ десять генералитета, въ мундирахъ и въ лентахъ. Служителей моихъ ни одного. Прошу извиненія, приглашаю въ гостинную, а самъ бѣгу надѣть мундиръ—и въ полной формѣ спѣшу встрѣтить. Въ залѣ и въ гостинной собралось болѣе 100 дворянъ. Обратившись къ Б***, я попросилъ его объяснить мнѣ, что за причина такого необыкновеннаго сѣзда ко мнѣ? Онъ едва могъ проговорить: «дворянство желаетъ, ваше пр—во, объясниться по случаю болѣзни моей, чрезъ г. сенатора Поливанова, а равно и мои чувства вмѣстѣ съ прочими».

Поливановъ началъ: «Симбирское дворянство, въ полномъ составѣ своемъ, которыхъ вы видите здѣсь, вмѣстѣ съ своимъ губернскимъ предводителемъ, возложило на меня быть ихъ общимъ отголоскомъ. Примите, ваше пр—во, благодарность за всѣ попеченія ваши о Симбирской губерніи и, въ особенности, за то вниманіе, которымъ не переставали ваше пр—во ни на минуту всѣхъ насъ удостоивать. Пусть эта благодарность будетъ самымъ искреннимъ пожеланіемъ при нашемъ съ вами разставаніи, и пусть она выразить, какъ мы сильно чувствуемъ утрату такого благороднаго и noctеннаго начальника, котораго мы теряемъ въ особѣ вашей!»

Возлѣ Поливанова стояли два помѣщика, на коихъ именно мѣтили

мои слова, сказанныя по огорченіи Б***, оба они въ одинъ голосъ прибавили: «Вѣрите, ваше пр—во, что это чувство общее всѣхъ насъ и здѣсь нѣтъ ни одного неблагодарнаго, который бы думалъ иначе!»

Можно себѣ представить сколь сильно поразилъ меня поступокъ дворянъ и слова представителя оного, въ особенности, когда я ожидалъ непріятнаго для себя объясненія. Слезы ручьемъ полились изъ глазъ моихъ и съ минуту я не могъ проговорить ни слова—наконецъ, сказалъ: «что я долженъ благодарностью дворянству, а не оно мнѣ за наши общія, одного съ другимъ, сношенія. Настоящее посѣщеніе есть лучшая для меня награда и еще сильнѣе даетъ мнѣ чувствовать, что разставаясь съ Симбирскомъ, я опять сиротѣю, какъ и поступая въ Симбирскъ, не имѣлъ тамъ никого знакомыхъ, кромѣ кн. Баратаева, и что только особое благорасположеніе дворянства, въ такое короткое время, могло оцѣнить усердіе мое къ пользамъ губерніи и къ дѣламъ, собственно до дворянъ относящимся.

Всѣ разѣхались и я, кромѣ губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства, тотчасъ-же сдѣлалъ благодарственные визиты генералитету: Ивашеву, кн. Баратаеву, Давыдову, Поливанову, Блюму, кн. Урусову, Тургеневу и нѣкоторымъ другимъ извѣстнымъ лицамъ. У обѣдни, въ этотъ день, никто изъ дворянъ не хотѣлъ идти впередъ приложиться къ Св. Кресту—и архіерей долженъ былъ пройти съ нимъ весь храмъ, такъ какъ я стоялъ въ концѣ оного.

Государь пріѣхалъ въ Симбирскъ въ тотъ-же день, въ три часа пополудни. На мосту, чрезъ который онъ проѣзжалъ весьма скоро, два обывателя бросились подъ экипажъ, со словами: «Дави! Да дай себя увидѣть, отецъ нашъ!» Государь приказалъ отложить уносныхъ лошадей, шагомъ доѣхалъ до крыльца пріуготовленнаго для него губернаторскаго дома. Я квартировалъ въ смежной улицѣ, дома чрезъ два, и, услыхавъ нескончаемое «ура», отправился заднимъ ходомъ въ покой. Тутъ я встрѣтилъ гр. Бенкендорфа, вышедшаго изъ кабинета государя и идущаго на свою половину. Когда я явился и назвалъ себя, графъ сказалъ: «Ахъ! слава Богу, что вы еще здѣсь и не уѣхали! Вы намъ можете много пособить. Преемникъ вашъ успѣлъ уже на подѣздѣ напутать. Сдѣлайте милость, займитесь вы нами. Государь въ три часа изволитъ ѣхать въ соборъ; распорядитесь, чтобы во время выхода представить ему дворянство и чиновниковъ. Я и о васъ доложу въ то-же время».

Сойдя съ парадной лѣстницы, я нашелъ въ сѣняхъ вице-губернатора, губ. предводителя, жандармскаго штабъ-офицера, человѣкъ съ 20 дворянъ, толкующихъ о представленіи. Объявивъ то, что я слышалъ отъ гр. Бенкендорфа, обратился я къ вице-губернатору и

пригласилъ его собрать немедленно желающихъ представляться дворянъ и чиновниковъ въ залу, но тутъ начались возраженія—громче всѣхъ разсуждалъ и распоряжался жандармъ! Желая прекратить шумъ и распри, я твердо объявилъ, что, выполняя личное приказаніе гр. Бенкендорфа, я прошу всѣхъ, кто будетъ представляться, пожаловать въ залу. На меня посмотрѣли косо, но стали собираться вверхъ. Черезъ полчаса, деликатнѣйшимъ образомъ устроилъ порядокъ, предложивъ дворянству занять мѣста противъ выхода, а чиновниковъ поставивъ лицомъ къ той стѣнѣ, откуда предполагался выходъ государя.

Гр. Бенкендорфъ не замедлилъ пройти чрезъ залу въ обыкновенномъ, обще армейскомъ мундирѣ, причемъ взялъ меня за руку и сказалъ: «благодарю васъ! Вотъ такъ прекрасно будетъ». Но едва онъ успѣлъ войти къ государю, какъ бѣгомъ возвратился назадъ и, проходя мимо, пробормоталъ: «Сегодня, 22-го августа, коронація, а я въ простомъ мундирѣ—досталось!» Черезъ 5 минутъ вернулся вновь въ залу, въ полномъ мундирѣ и въ лентѣ и, взявъ меня опять за руку, объявилъ намъ, чтобы мы прошли во внутреннія комнаты и что онъ о насъ сейчасъ доложитъ, а самъ пошелъ къ государю, гдѣ пробылъ не болѣе минуты времени; потомъ, возвратясь, прежде всего спросилъ у вице-губернатора: «Вы давно сюда прибыли?»—«5 мѣсяцевъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ тотъ. «Какъ 5 мѣсяцевъ! вскричалъ графъ. Такъ вы не настоящій губ—ръ?»—«Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство, я вице-губернаторъ и управляю губерніей только третій день». «Опять напуталъ! сказалъ Бенкендорфъ. Ну, такъ вы ступайте въ залу, съ прочими чиновниками, а вы уже одни здѣсь дожидаетесь», прибавилъ онъ, обратясь ко мнѣ, и опять пошелъ къ государю. Оттуда вышелъ вмѣстѣ съ камердинеромъ и отправился въ залу, а камердинеръ объявилъ мнѣ, что государь проситъ пожаловать.

Г. Здравствуй! Ты сердиться на меня, Жиркевичъ, что я перевелъ тебя въ Витебскъ?

Ж. Никакъ нѣтъ, государь! Я вездѣ готовъ служить, куда бы ни угодно было вамъ меня назначить.

Г. Ты мнѣ тамъ нуженъ. Ну что, каково здѣсь идуть твои дѣла по Симбирской губерніи?

Ж. Благодаря Бога все благополучно и покойно, государь! Даже между вашими удѣльными.

Г. (улыбнувшись). Знаю! Спокойствіемъ въ здѣшней губерніи я одному тебѣ обязанъ.

Ж. Государь! Я беру смѣлость удостовѣрить васъ, что въ Симбирской губерніи спокойствіе при мнѣ никогда не нарушалось.

Г. Мерзавецъ Б*** взволновалъ лашманъ, а ты ихъ успокоилъ.

Ж. Позвольте же мнѣ, государь, вступить за этого чиновника. Я бы желалъ имѣть у себя подъ рукою такого усерднаго исполнителя моихъ распоряженій, какъ онъ дѣйствуетъ по указаніямъ своего начальства! Если онъ виноватъ, такъ не столько, какъ кажется. Ошибки воспослѣдовали свыше.

Г. И это знаю. И Б*** знаю хорошо! Умный, но хитрый и проницательный чиновникъ; въ настоящемъ дѣлѣ онъ поступилъ какъ! Самъ же онъ донесъ, что бунтъ, возмущеніе! Ему надлежало первому умереть на мѣстѣ, если это было нужно, а онъ бѣжалъ и даже послалъ къ оренбургскому Перовскому требовать войска! Что если бы тотъ его послушалъ, въ какихъ бы онъ былъ дуракахъ! Я хотѣлъ его къ тебѣ отправить, но меня упростилъ Волхонскій.

Ж. Бунта и возмущенія, государь, никогда не было.

Г. Врешь! Б*** сдѣлалъ бунтъ и ты немедленно поѣхалъ когда уже бунтъ дѣйствительно былъ. Я тебя знаю. Ты во всякое бы время поѣхалъ, какъ и теперь было.

Ж. Я еще повторяю, государь, что бунта вовсе не было, а просто недоразумѣніе и глупость лашманъ.

Г. Ну, теперь оставимъ это дѣло. Мы распорядились съ Волхонскимъ, вмѣсто одной удѣльной конторы по Симбирской губерніи, учредить четыре. Это распоряженіе основано на томъ расчетѣ, что и до этого времени были конторы, управлявшія 50 тыс. душъ, а теперь по Симбирской губерніи будетъ четыре, изъ которыхъ нѣкоторыя дойдутъ до 62 тыс. душъ. Это не многимъ болѣе прежняго. Ну, какъ ты думаешь, пойдетъ у насъ дѣло лучше и согласнѣе?

Ж. Не думаю этого, государь! Вы къ одному противнику противъ губернатора прибавляете еще трехъ!

Г. И мнѣ это приходило въ голову. Но что-жъ дѣлать. Волхонскій упрямъ. Надобно потѣшить старика. Посмотримъ, что будетъ далѣе. (Улыбнувшись). Но теперь уже ни одинъ управляющій не станетъ мечтать, что онъ равносильнъ губернатору по числу душъ. Скажи, какъ ведутъ себя въ твоей губерніи безсрочно-отпускные?

Ж. По сіе время не имѣю противъ нихъ ни одной жалобы.

Г. Радъ и пріятно мнѣ это слышать. Безсрочно-отпускные — моя собственная мысль! Благодарю тебя и за то, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, гдѣ я проѣзжалъ, меня отпускные, какъ старшины, встрѣчали съ хлѣбомъ и солью. Это я желалъ-бы вездѣ видѣть. Кто служилъ, тотъ больше разумѣетъ порядокъ. Скажи, доволенъ-ли ты симбирскимъ дворянствомъ?

Ж. Совершенно доволенъ, государь.

Г. А губернскимъ предводителемъ?

Ж. Совершенно доволенъ, государь. Онъ во все время моего управленія былъ самымъ лучшимъ и искреннимъ моимъ помощникомъ.

Г. Говори правду! Здѣсь насъ двое и ты можешь и долженъ высказать все, что есть у тебя на душѣ.

Ж. Государь! Вамъ не смѣю говорить неправду.

Г. Фамилія Бестужевыхъ мнѣ знакома только по 14-му декабрю, а другихъ свѣдѣній о ней не знаю; хотя я и многое знаю и о многомъ доходить до меня вѣсти. Знаю, даже, и объ обѣдѣ. Да, кстати! Здѣсь есть еще одно семейство, причастное 14-му декабря — живы оба Ивашевы старики?

Ж. Оба живы, государь.

Г. Что они? Какъ переносятъ семейное несчастье?

Ж. Какъ истинные хрістіане! Занимаются благотворительностью и все упованіе ихъ на Бога и на в. и. величество! Старуха учредила здѣсь «Общество хрістіанскаго милосердія» и устроила прекрасное женское воспитательное заведеніе подъ именемъ: «Дома трудолюбія».

Г. Мнѣ Лонгиновъ говорилъ, что тамъ все твои любимицы! Прошу не погнѣваться, ты свезешь меня къ нимъ, но не бойся — ревновать не къ чему! Я бы и самъ опасался тамъ быть, да жена приказала тамъ быть непременно. Теперь, ваше пр—ство, извольте идти представлять мнѣ вашу губернію.

Ж. Я губернію уже сдалъ, какъ скоро получилъ указъ в. и. величества и теперь здѣсь самъ состою лишь гостемъ.

Г. Вздоръ. Пока я здѣсь, ты у меня одинъ за нее и за все отвѣчаешь! Изволь-ка идти впередъ.

Аудіенція сія происходила, такъ сказать, на глазахъ всего Симбирска. Губернаторскій домъ не высокъ — окна были открыты на площадь. Государь стоялъ посреди комнаты, противъ самаго окна, опершись на столъ, а я напротивъ его. Площадь была усыпана народомъ и я полагаю, что даже нѣкоторые слова, произнесенныя громко государемъ, могли быть слышаны народомъ, но вообще всѣ видѣли ту благосклонность на лицѣ монарха, до которой онъ осчастливилъ меня постоянною своею бесѣдою.

Изъ кабинета, вслѣдъ за мной, вышелъ государь, а за нимъ выѣжала его собака, которая не слушалась его голоса и не возвращалась обратно въ покой и государь вернулся назадъ, чтобы ее туда выпроводить. Этотъ промежутокъ времени далъ мнѣ возможность нѣсколько собраться съ духомъ и предварить собравшихся о скоромъ прибытіи государя.

Когда его величество вошелъ, то совершенно измѣнилъ видъ лица;

со мною говорилъ онъ съ веселою и пріятною улыбкою, а здѣсь принялъ строгій видъ. Обратившись ко мнѣ, онъ сказалъ:

— «Познакомьте меня, ваше пр—ство, съ симбирскимъ дворянствомъ».

Подойдя, я представилъ губернскаго предводителя, у котораго въ рукахъ былъ списокъ дворянъ, и самъ отошелъ на средину залы. Государь вступилъ въ разговоръ съ нимъ, спрашивая о прежней его службѣ, но столь сухо, что Б*** видимо трясся, дѣлая отвѣты, и когда сказавъ только нѣсколько словъ, государь расположился идти далѣе, онъ не пошелъ за государемъ, какъ бы слѣдовало, для представленія другихъ дворянъ. Государь замѣтилъ оторопѣлость его, обратился въ мою сторону и улыбкою какъ бы указалъ, чтобы я занялся представленіемъ. Не ожидая сего, безъ малѣйшаго приготовленія, безъ списка, я сталъ представлять по порядку. Сперва уѣздныхъ предводителей, за ними депутатовъ, но при одномъ изъ сихъ послѣднихъ, оторопѣвши также отъ скорости представленія, пріостановился произношеніемъ фамилій.

— «Безъ списка?» извоилъ замѣтить государь.

«Дойду государь до послѣдняго», и сталъ продолжать представленіе.

Противъ каждаго изъ генералитета, государь, останавливаясь, произносилъ нѣсколько пріятныхъ словъ или вопросовъ; но когда сталъ подходить къ концу, гдѣ, въ сліяніи дворянъ съ чиновниками, стоялъ съ своими удѣльными чиновниками А. Б., государь повернулся и пошелъ къ головѣ губернскихъ чиновниковъ, а потомъ опять, не доходя до конца сихъ послѣднихъ, т. е. не доходя до Андрея Б***, отклонился и отбылъ въ соборъ.

Въ этотъ день я государя болѣе не видалъ. Послѣ обѣда заходилъ къ гр. Бенкендорфу за приказаніями на слѣдующій день. Я нашелъ, что у него въ кабинетѣ въ это время находился Григорій Б*** и съ часъ времени онъ говорилъ съ нимъ. Со мною ожидалъ его выхода А. Б*** съ планами для представленія.

Когда графъ вышелъ, то обратился къ А. Б***, сказалъ: «чертежи остаьте здѣсь; я доложу ихъ государю или губернатору, кому онъ прикажетъ», а потомъ, взявъ меня за руку, продолжалъ: «васъ благодарю за моего жандармскаго шт.-офицера ¹⁾, вы употребили его какъ

¹⁾ Эразмъ Ивановичъ Стоговъ, род. 1797 г., ум. въ 1880 г. Обширные и весьма интересные очерки и рассказы изъ воспоминаній этого весьма умнаго и находчиваго человѣка напечатаны въ «Русской Старинѣ», см. по «Росписи содержанія «Русской Старины», изд. 1870—1884 гг., №№ 153—158, 618. Первое

слѣдуетъ и это доставило мнѣ большое удовольствіе. Признаюсь вамъ, что насъ всѣхъ происшествія ваши очень озадачили! Сперва и я самъ понять не могъ, почему вы не поѣхали на мѣсто, чтобы унять возмущившихся, но послѣ мы нашли всему развязку и государь вашими распоряженіями былъ очень доволенъ! Завтра по утру, послѣ обѣдни, государь поѣдетъ осматривать городъ и заведенія—приготовьте записку, куда надо ѣхать. Относительно церкви, гдѣ государь будетъ слушать обѣдню, нельзя-ли намъ предоставить какую нибудь, ежели есть въ казенномъ заведеніи, гдѣ бы было не много народу, или бы вовсе его не было».

Записку о заведеніяхъ я послалъ чрезъ жандармскаго шт.-офицера, а церковь назначилъ возлѣ дома губернатора, мало посѣщаемую.

23-го августа государь изволилъ быть у обѣдни, а какъ въ церкви не было никого, кромѣ свиты и старшихъ по управленію губервіи лицъ, то, выходя изъ церкви, гр. Бенкендорфъ сказалъ мнѣ:

— «Вы насъ сдѣлали на цѣлый день довольными тѣмъ, что въ церкви не было народа. Теперь поѣзжайте къ разводу; государь будетъ смотрѣть гарнизонный баталіонъ, а послѣ спроситъ васъ и вы повезете насъ осматривать заведенія».

Еще наканунѣ познакомился я съ статсъ-секр. Позеномъ, который просилъ самъ меня чрезъ Бенардаки. Въ это же утро, въ 6 часовъ, явился ко мнѣ фельдъегерь и подалъ записку о тѣхъ, кто приглашается къ обѣденному столу, ровно въ три часа пополудни. Въ этомъ списокѣ помѣщены были, безъ исключенія, всѣ тѣ лица, которыя приглашались, и моя фамилія поставлена была во главѣ списка. За мной слѣдовалъ прусскій полковникъ Раухъ, ѣздившій всюду съ государемъ и ведшій журналъ его вояжа, для передачи прусскому королю. (Со стороны Россіи было такое-же довѣренное лицо при прусскомъ королѣ—ген.-адъют. Мансуровъ). За Раухомъ были написаны гр. Бенкендорфъ, Адлербергъ и пр. Въ концѣ всѣхъ губернскій предводитель, Бестужевъ, далѣе одинъ изъ симбирскихъ жителей, слѣдовательно явно было, что мнѣ предоставленъ былъ почетъ. Когда же я зашелъ еще до обѣдни съ визитомъ къ Позену, онъ намекнулъ, что мнѣ назначена въ награду лента (но вышло не такъ). Я совѣтывался съ нимъ, что мнѣ хотѣлось-бы просить у государя милости одному служившему при мнѣ чиновнику, нѣкогда разжалованному изъ 7-го класса, а теперь въ первомъ офицерскомъ чинѣ.

добавл. къ Росписи содерж. «Русской Старины» 1835—1837 гг., №№ 2652 и 3129. Э. И. Стоговъ скончался 17-го сентября 1880 г., на 83 году отъ рожденія. Портретъ его помѣщенъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1836 г., томъ III, при стр. 129. Ред.

— «Я не совѣтую вамъ этого дѣлать», сказалъ онъ мнѣ; «откровенно скажу, что вамъ это здѣсь не удастся, а вы лучше возьмите его съ собою въ Витебскъ и тамъ примите первый удобный случай представить его къ награждѣ чрезъ ген.-губ. Дьякова, честнаго и благороднаго человѣка, который не откажетъ вамъ помочь въ этомъ. Тогда напишите мнѣ въ С.-Петербургъ и предоставьте мнѣ уже дѣйствовать. Я надѣюсь, что вы удостоите меня вашими порученіями и тѣмъ подадите случай доказать вамъ мое самое искреннее уваженіе!»

Отъ Позена я пошелъ къ В. Θ. Адлербергу, чтобы передать ему писанное Лонгиновымъ. Приемъ его удивилъ меня. Онъ квартировалъ въ канцеляріи и когда я вошелъ къ нему, по докладу обо мнѣ, онъ писалъ.

Привставъ со стула и согнувшись въ дугу, онъ спросилъ меня, имѣю ли я до него надобность? Я отвѣчалъ: «Просто съ моимъ почтеніемъ!» Поблагодаривъ меня, онъ не только не пригласилъ меня садиться, но самъ минутъ съ пять, т. е. все то время, что я простоялъ у него, стоялъ предъ столомъ, согнувшись на подобіе Z, и со мной не промолвилъ ни слова.

Послѣ обѣдни государь отправился къ разводу. Тамъ, осматривая батальонъ, внезапно потребовалъ меня къ себѣ, и когда я подбѣжалъ, онъ мнѣ сказалъ:

— «Бьюсь объ закладъ съ тобой, Жиркевичъ, что это солдатъ изъ твоей теперешней губерніи?» Потомъ, обратясь къ солдату, спросилъ: «Какой губерніи?» — «Витебской, ваше имп. вел—во». — «Видишь: не ошибся! Кровь съ молокомъ! Каковъ молодецъ!» И точно, рядовой сей былъ не выше 2 арш. 5 вершк., но строенъ и бѣлъ лицомъ до красоты.

Это замѣчаніе государя указало мнѣ на достоинство бѣлоруссовъ въ черномъ народѣ, преимущественно въ Витебской губерніи. Тамъ я много находилъ красавцевъ и красавицъ въ средѣ народа.

По окончаніи смотра, весьма неудачно со стороны войска, но со всѣмъ тѣмъ государь не перемѣнилъ выраженія лица своего, а приказалъ мнѣ идти предъ собою до экипажа. Полиціи вовсе не было видно и несмѣтная толпа народа стремилась видѣть своего отцоповелителя, но я, идучи впередъ, тихимъ голосомъ просилъ дать государю дорогу и такъ дошли до кабриолета, при всей тѣснотѣ, безъ малѣйшаго затрудненія. Государь сказалъ мнѣ: «садись впередъ» — и самъ сталъ надѣвать шинель на себя. Онъ въ этотъ день былъ въ вицъ-мундирѣ л.-гв. коннаго полка. Входя въ экипажъ, продолжалъ:

— «Сказывалъ тебѣ Адлербергъ? я надѣлъ сегодня на тебя военный мундиръ; статскій тебѣ не къ лицу. Военный тебѣ приго-

дится въ Витебскѣ. Губернія скверная, большіе безпорядки. Я назначилъ туда генераль-губернаторомъ Дьякова, прекраснаго и честнаго человѣка, но въ дѣлахъ опытности не имѣетъ и я тебя назначилъ ему въ помощники. Вы оба меня любите и истребите безпорядки. Теперь куда ты меня повезешь?»

«Куда прикажете, государь?»

— «Это твое дѣло, распоряжайся!»

Я сказалъ кучеру: «въ городскую больницу!» Народъ толпою бѣжалъ около экипажа, а государь продолжалъ благосклонно разговаривать со мной, спрашивая о строевнхъ, мимо которыхъ мы проѣзжали, и о нѣкоторыхъ лицахъ, имъ замѣченныхъ по пути.

Здѣсь я долженъ нѣсколько пріостановиться, чтобы дать понятіе о томъ, что послѣдуетъ.

Я уже говорилъ, что больница два года тому назадъ была только что выстроена и въ сыромъ видѣ занята подъ жилье. Въ предшествующую настоящему вояжу государя зиму, она просушивалась усиленными мѣрами, полы еще не были выкрашены, но внутренній порядокъ мной доведенъ былъ до приличнаго устройства, такъ что посѣщавшіе больницу при мнѣ: гр. А. Г. Строгановъ, Перовскій, кн. Лобановъ-Ростовскій, Н. М. Лонгиновъ, однимъ словомъ, всѣ отдавали мнѣ должную справедливость. Наканунѣ сего дня, лейбъ-медикъ Арендъ, прибывшій въ больницу прямо изъ Казани, во время ужина у государя, на вопросъ его: «гдѣ былъ?» отвѣчалъ: «Въ городской больницѣ». — «Что тамъ нашель?» — Отвѣчалъ: «Вы, государь, въ Казани видѣли роскошь; здѣсь изволите найти всегдашній порядокъ!» Казалось, послѣ этого трудно было ожидать непріятнаго. Губернію я уже сдалъ три дня до прибытія государя, слѣдовательно, въ эти дни я не посѣщалъ уже никакихъ заведеній. Теперь же, когда государь проходилъ по палатамъ, я видѣлъ, что Адлербергъ, при каждыхъ дверяхъ изъ одного покоя въ другой, посплывая пальцемъ, стиралъ черноту отъ пота около замковъ и дверей такъ, чтобы государь это замѣтилъ, а государь, проходя въ дверяхъ, незамѣтнымъ образомъ, указалъ мнѣ перстомъ и взглядомъ на сію неисправность, когда же мы изъ палатъ вышли на подъѣздъ, то оказалось огромное пятно на новомъ полу, отъ упавшаго и разбившагося наканунѣ фонаря и пролитаго масла. Государь нѣсколько сухо, но тихо изволилъ произнести:

— «Меня ждали, а не успѣли замыть грязь».

Въ другихъ отдѣленіяхъ больничнаго заведенія, ветхихъ по наружности, но вездѣ чисто содержимыхъ, государь не изволилъ ничего мнѣ поставить на видъ.

Сѣвъ обратно въ экипажъ, государь спросилъ:

— «Теперь куда?»

«Въ городской острогъ, если угодно приказать».

— «Пошелъ!» приказалъ онъ кучеру, потомъ, обратясь ко мнѣ, въ самомъ ласковомъ тонѣ, сказалъ: «Я думалъ заведенія твои найти лучше, нежели видѣлъ!»

Зацепило у меня сердце, по я, скрѣпясь, отвѣчалъ:

«Государь! Знаю очень, что они далеко не достигаютъ того вида, въ которомъ вамъ угодно ихъ видѣть. Но совѣсть моя покойна: я сдѣлалъ все, что только могъ успѣть и былъ въ правѣ лично устроить до вашего сюда прибытія!»

— «Знаю и слышалъ отъ другихъ»,—сказалъ государь,—«что ты исправилъ. Но, признаюсь, я отъ Жиркевича болѣе, нежели отъ другого требую! То, что я тебѣ указалъ, я другому бы вовсе не замѣтилъ. Кто у тебя управляетъ заведеніями?»

«Членъ пр. общественнаго призрѣнія».

— «Давно онъ въ Симбирскѣ?»

«Всего двѣ недѣли».

— «А кто у тебя въ приказѣ дворинскій засѣдатель?»

Я назвалъ его по фамиліи.

— «Этотъ давно-ли тутъ?»

«Мѣсяца съ два, не болѣе».

— «Ну, на этотъ разъ не брани ихъ за то, что я нашелъ, а только укажи какъ я показывалъ тебѣ, и предвари ихъ, что чрезъ 6 недѣль я пришлю къ нимъ кое-кого взглянуть, что они сдѣлаютъ послѣ моего замѣчанія; только чтобы не прогнѣвались, если найдутъ ихъ въ безпорядкѣ!»

Въ острогѣ государь изволилъ замѣтить въ одномъ углу сырость. Арестантовъ ему именовалъ по разрядамъ прокуроръ Ренкевичъ. Въ одномъ покоѣ, видя рослаго арестанта, изволилъ его спросить:

— «За что?»

«Бродяга», отвѣчалъ тотъ.

— «Не наказывая его на тѣлѣ, забрить ему лобъ», сказалъ государь, обратясь ко мнѣ.—«Но не выпускать сейчасъ, а учить пріемамъ въ острогѣ, пока совѣмъ не будетъ готовъ».

Потомъ въ одной камерѣ, человѣкъ до 20 крестьянъ, при входѣ государя, стояло на колѣняхъ.

— «Это что за люди?» спросилъ меня государь.

«Мои арестанты, в. и. вел—во, а ваши—удѣльные».

— «Встаньте, глупцы!» сказалъ государь. «Ступайте по домамъ, но впередъ у меня не шалить, а не то плохо вамъ будетъ,—и другимъ передайте, что сказалъ вамъ государь вашъ».

Проѣзжая по городу, государь приказывалъ мнѣ называть ему казенныя зданія, и нашелъ домъ дворянскаго собранія безобразнымъ до такой степени, что выразился: «Стыдно симбирскому дворянству имѣть такое помѣщеніе!» Про городскую думу сказалъ, что «и эта не годится». Изволилъ найти, что строящійся дворянствомъ новый соборъ искажилъ совершенно правильность площади передъ губернаторскимъ домомъ. Древній соборъ въ Симбирскѣ былъ совершенно въ центрѣ оной, а новый строился саженахъ въ 20-ти отъ стараго, а потому государь приказалъ: эту площадь до половины занять публичнымъ садомъ, для гулянья, разбивъ такимъ образомъ, чтобы старый соборъ былъ бы совершенно въ саду и одинъ боковой подъѣздъ его выходилъ бы наружу, а въ замѣнъ того, приказалъ немедленно устроить новую площадь съ того фасада губернаторскаго дома, который былъ обращенъ на маленькій садикъ, сломавъ всѣ смежныя съ онымъ строенія, изъ коихъ одинъ обгорѣлый домъ, принадлежавшій частному лицу, приказалъ мнѣ приторговать въ тотъ же день, спросивъ, давно ли этотъ домъ принадлежитъ настоящему владѣльцу.

Когда я отвѣчалъ, что онъ весьма незадолго купилъ его за 8,000 р., то государь изволилъ вымолвить:

— «Предложи ему 10,000 и скажи, что я знаю, сколько имъ было заплачено прежнему владѣльцу, и напиши ко мнѣ отвѣтъ въ Пензу». Затѣмъ приказалъ городской домъ даже просто сломать, добавивъ:

— «Купцы могутъ и должны выстроить себѣ лучше! Я имъ построилъ даромъ гостинный дворъ!»

Губернаторскій домъ приказалъ распространить, не взирая и на теперешнее обширное помѣщеніе его. Государю угодно было, чтобы та церковь, въ которой онъ слушалъ обѣдню, вошла всѣмъ составомъ своимъ въ домъ губернатора, причемъ приказалъ, чтобы у церкви одна наружность измѣнилась, а внутри чтобы точно было въ томъ же видѣ, какъ и теперь, и чтобы навсегда оставалась приходскою-же церковью.

Войдя въ новый соборъ, едва окинулъ взоромъ, нашелъ, что архитекторъ сдѣлалъ ошибку въ разбитіи карниза и указалъ, что на одной сторонѣ карнизъ нершка на два ниже, нежели въ противоположной сторонѣ.

Потомъ изволилъ посѣтить домъ Трудолюбія. Здѣсь генеральша Ивашева лично представляла государю всѣхъ членовъ «Общества христіанскаго милосердія» и всѣхъ заведывающихъ маленькимъ ея заведеніемъ. Любуясь на здоровый и веселый видъ воспитанницъ, изъ коихъ съ нѣкоторыми изволилъ разговаривать, его величество, со

всею внимательностію и подробностію разспрашивалъ какъ объ устройствѣ, такъ и о средствахъ онаго. Обойдя всѣ покои, спросилъ:

— «Гдѣ же вашъ лазаретъ?»

«У насъ нѣтъ лазарета», отвѣчала Ивашева.

— «Гдѣ же вы помѣщаете и лѣчите вашихъ больныхъ?»

«Въ 16 лѣтъ, государь, мы были такъ счастливы, что вовсе не нуждались въ лазаретѣ! Во все это время у насъ не случилось ни одной серьезной больной, а съ небольшими недугами нездоровую дѣвицу влассная дама помѣщаетъ съ собою.

— «Адлербергъ!» сказалъ государь, обратясь къ сему послѣднему, «пожалуйста, напиши своей матушкѣ, что я нашелъ такое дурное заведеніе, гдѣ въ 16 лѣтъ о больныхъ не слыхали!»

Тутъ государь пробылъ около часу времени и самымъ веселымъ и пріятнымъ тономъ бесѣдовалъ съ окружавшими. Потомъ, когда сталъ уходить, Ивашева сказала:

— «В. и. в.! Вы были такъ милостивы, что удостоили вашимъ взоромъ каждый уголокъ въ домѣ. Довершите оную взглянуть и на садикъ нашъ, или то, что мы называемъ садомъ».

Входя въ садъ, государь взглядомъ указалъ мнѣ, чтобы я не впускалъ туда никого, а самъ изволилъ пройти съ Ивашевой и съ инспектрисою дома, полковницею Кошкиною. Очень было замѣтно, что государь ожидалъ со стороны Ивашевой какого-то объясненія. Мать несчастнаго (декабриста), сосланнаго на каторжную работу, не могла собраться съ духомъ начать рѣчь о сынѣ, хотя я предупреждалъ ее, что государь меня спрашивалъ о ней и объ ея мужѣ. Во время разговора, она уронила платокъ, Государь поднялъ оный и, отдавая, поцѣловалъ у нея руку. Вдругъ г-жа Кошкина начинаетъ рѣчь съ государемъ; послѣ отъ Ивашевой узналъ я, что она удивила и ее и государя просьбою о томъ, что мужъ ея служить 16 лѣтъ полковникомъ, просила о производствѣ его въ генералы.

— «Когда заслужитъ этого, будетъ произведенъ въ свое время», отвѣчалъ государь, и тутъ же съ чувствомъ обратился къ Ивашевой, вторично поцѣловалъ у нея руку и вышелъ.

Сѣвши въ экипажъ, сказалъ мнѣ:

— «Почтеннѣйшая женщина! Ну, не удивляюсь, что ты такъ любишь это заведеніе: ничего лучше онаго я не нашелъ».

Затѣмъ приказалъ везти себя въ казармы кантонистовъ, надъ коими бригаднымъ командиромъ былъ Кошкинъ. Тамъ онъ нашелъ тоже большой порядокъ. Но зная, что въ Симбирскѣ кантонистовъ болѣе 1,200 чел., а здѣсь всего помѣщалось не болѣе 300, спросилъ: гдѣ же расположены прочіе?

— «Большую частью», отвѣчалъ Кошкинъ, — «по обывательскимъ квартирамъ. Здѣсь же мы преимущественно помѣщаемъ евреевъ, чтобы они не имѣли сообщеній съ евреями, живущими въ городѣ».

— «Жиркевичъ!» закричалъ государь сердитымъ голосомъ, — «у тебя евреи живутъ въ городѣ?»

— «Есть четыре человѣка, имѣющихъ позволеніе отъ министра, на основаніи вашего высочайшаго повелѣнія», отвѣчалъ я безъ робости.

Замѣтно было, что государь былъ недоволенъ самъ, что сдѣлалъ мнѣ строго вопросъ свой. Потомъ онъ изволилъ спросить: «гдѣ тутъ еврей, что вчера приходилъ ко мнѣ съ просьбой?» Вызвали впередъ мальчика лѣтъ 9-ти или 10-ти.

Спросивши батальоннаго командира, какъ еврей этотъ ведетъ себя и получивъ удовлетворительный отвѣтъ, онъ обратился нему:

— «Ну такъ ты одинъ сынъ у матери?»

«Точно такъ, в. имп. в.!»

— «Бенкендорфъ! Разузнать это, и если это справедливо — немедленно возвратить. А если солгалъ, то...» тутъ государь показалъ жестомъ обрядъ наказанія, которому надлежало подвергнуть обманщика.

Здѣсь я имѣлъ случай указать государю необыкновенное положеніе двухъ рѣкъ въ Симбирскѣ: въ небольшомъ пространствѣ одна отъ другой, саженьяхъ не болѣе какъ во 100 — Волга и Свіяга, текуція совсѣмъ въ противоположныя стороны, хотя и параллельныя одна другой, — и въ городѣ на Свіягѣ устроена даже мельница; она течетъ вверхъ по Волгѣ и за 250 верстъ впадаетъ въ оную, начиная быть судоходною верстахъ въ сорока отъ Симбирска.

Отъ кантонистовъ я хотѣлъ везти государя въ комиссію заготовленія суконъ, но онъ изволилъ сказать «не надо».

— «Еще куда?» спросилъ онъ меня.

«Я бы желалъ, государь, показать вамъ здѣшнюю пристань, которая, впрочемъ, весьма мало приноситъ пользы городу, по случаю затруднительнаго къ ней проѣзда. Всѣ мы, губернаторы, ежегодно тратимъ по 15 и 20 тысячъ на поддержку сообщенія съ оною, но совершенно бесполезно. Еслибы вы, государь, были столь милостивы, чтобы разрѣшили однимъ разомъ отпустить отъ 150 т. до 200 т. р., тогда бы Симбирскъ принималъ совсѣмъ другой видъ».

— «Вези! только, за шумомъ и крикомъ народа, а едва слышу что ты мнѣ говоришь».

«По дорогѣ мы будемъ проѣзжать дефиле, и если в. и. в. изволите приказать, то, при помощи квартальнаго, можно будетъ задерживать тамъ толпу».

— «Распорядись!»

Подѣхавъ къ спуску горы, которая здѣсь образовала узкую улицу, я приказалъ полицейскому офицеру никого не пропускать внизъ, а государю предложилъ изъ кабриолета пересѣсть въ тарантасъ.

— «Тарантасъ? Такъ ты это называлъ? Что это такое?»

«Вотъ вы изволите видѣть, государь, сей экипажъ!» (который тутъ же стоялъ въ готовности). Взглянувъ, государь удивился точно также какъ и я при первой встрѣчѣ, тѣмъ не менѣе изволилъ согласиться пересѣсть въ оный. Когда мы стали спускаться съ горы, на первомъ изломѣ оной я объяснилъ государю мое предположеніе, но на второмъ онъ привсталъ въ экипажѣ и сказалъ мнѣ: «Теперь не ты, а я стану говорить», и, окидывая взоромъ своимъ все мѣстоположеніе, государь удивился, какъ по сіе время не воспользовались онымъ не только для пользы города и губерніи, но даже и для украшенія мѣста. Сравнивая сію мѣстность съ нижегородскою, онъ изволилъ замѣтить, что тамъ надлежало вездѣ срывать, перерывать и укрѣплять землю—а здѣсь онъ находитъ натуральные контръ-форсы, на конхъ только слѣдуетъ расчистить и провести спуски и учредить улицы». Указавъ, что можно устроить 3-хъ ярусную набережную къ берегу до самой пристани и соединить одну съ другою прекрасными отлогими спусками. Предположеніе свое государь сталъ излагать въ столь обширныхъ размѣрахъ, что я осмѣлился сказать:

«Государь! я у васъ просилъ не болѣе 200 т. р., а вы изволите исчислять уже миллионы!»

— «Не твое дѣло», отвѣтилъ онъ: «мы найдемъ суммы. Но много будетъ зависѣть отъ твоего преемника и губернскаго предводителя; надобно, чтобы дворянство и помѣщики мнѣ пособили въ этомъ дѣлѣ. Я не потребую отъ нихъ никакихъ особенныхъ пожертвованій, но я вижу, что вся гора устѣна лачугами и обывательскими помѣщеніями низшаго разряда народа. Пусть дворянство воспользуется мѣстностью и, не стѣсняя низшихъ классовъ, скупить у нихъ эти дорогія мѣста: черезъ шесть лѣтъ мы не узнаемъ Симбирска, а пошлю тебя взглянуть на оный».

Потомъ, спустясь еще съ горы далѣе, государь спросилъ меня:

— «Нѣтъ-ли здѣсь инженера, который-бы понялъ и перенесъ на бумагу мою мысль?»

«Здѣсь, государь, всего три инженерныхъ офицера, которымъ я приказалъ быть на пристани, на случай, если-бы встрѣтилась надобность въ нихъ,—но люди все молодые».

— «Какъ зовутъ ихъ?»

«Старшій—поручикъ Варенцовъ».

— «Имя знакомое!» Въ это время мы съѣхали съ горы.

— «Поручикъ Варенцовъ! пожалуйста сюда. Да и лицо знакомое. Не дѣлали-ли вы намъ особыхъ большихъ проектовъ?»

«Я имѣлъ счастье, государь, представить вамъ проектъ Дмитріевскаго водопровода» (въ крѣпости св. Дмитрія), отвѣчалъ инженеръ.

— «Ну, вотъ видишь!» сказалъ государь, обратившись ко мнѣ, «онъ знаетъ свое дѣло и пойметъ меня!» потомъ приказалъ ему сѣсть съ нами въ тарантасъ и велѣлъ ѣхать дальше.

Проѣхавъ еще нѣсколько сажень, я сказалъ государю, что далѣе его вести не осмѣливаюсь, ибо и здѣсь я опасался подпасть подъ гнѣвъ его, за неисправность дороги—а тамъ уже неминуемо подвергну себя замѣчанію.

— «Но можно-ли кругомъ хотя по тычкамъ объѣхать?» спросилъ государь.

«Объѣздная гора», сказалъ я, «такъ крута, что я видалъ смѣльчакъ, которые съ нея спускались, но чтобы кто подымался въ эки, пажѣ, того не случалось мнѣ встрѣчать. Впрочемъ, если прикажете государь,—станемъ взбираться».

— «Съ Богомъ!» сказалъ государь. Тутъ формально поѣхали мы, какъ выразился государь, по «тычкамъ» и, наконецъ, стали подыматься въ гору. «Ну!» сказалъ государь, если уже тутъ насъ не вывалили, то это «неопровергаемый» экипажъ! Какъ ты его называлъ?»

— «Тарантасъ, в. н. в.!»

При всемъ томъ, въ одномъ мѣстѣ мы сошли съ экипажа и государь остановился на небольшой площадкѣ и любовался видомъ на Волгу и вообще всею мѣстностью. Въ это самое время одинъ обыватель, спустившись съ горы и не предвидя подобной встрѣчи, подлѣ самаго того мѣста, гдѣ мы стояли, сталъ сваливать поземь. Гр. Бенкендорфъ, который слѣдовалъ за нами въ особомъ экипажѣ съ Адлербергомъ, сказалъ вслухъ сему послѣднему:

— «Ну, видно, что государь сегодня веселъ, если все это такъ легко сходить съ рукъ губернатору!»

Когда же мы совсѣмъ поднялись на гору и подъѣзжали къ дому вице-губернатора, государь спросилъ: «Что за домъ?»

Получивъ отвѣтъ, онъ продолжалъ: «вотъ мѣсто для губернаторскаго дома, а не тамъ, гдѣ онъ теперь. Здѣсь вся Волга и весь городъ, по новому моему предположенію, въ виду, и потому запиши, чтобы здѣсь быть губернаторскому помѣщенію. Но этотъ проектъ тогда составить, когда распланируется верхняя набережная, а до того времени теперешній домъ губернатора непременно устроить какъ я сказывалъ, а потомъ онъ можетъ перейти къ вице-губернатору, гдѣ онъ удобно расположится тогда съ казенною палатою и со своими чинов-

никами». Обѣзжая далѣе, я замѣтилъ, что государь примѣтно становился веселѣе, смѣялся и шутилъ со мною; встрѣчая хотя нѣсколько замѣчательное лице, всегда спрашивалъ меня: «кто это?» и на одномъ балконѣ, замѣтя красивую даму, на вопросъ: «кто?» получивъ отвѣтъ: «не знаю», улынувшись мнѣ, сказалъ:

— «Твои шашни».

«Почему вы это полагаете?» спросилъ я.

— «Ты сегодня мнѣ наизусть сосчиталъ болѣе сотни помѣщиковъ и чиновниковъ, то какже тебѣ не знать здѣсь всѣхъ хорошенькихъ!»

«Государь!» замѣтилъ я, — «съ дворянами и чиновниками я всякій день имѣю дѣло, а хорошенькія появились въ Симбирскѣ вовсе не для меня!» и подобно этому государь очень много говорилъ со мной.

На квартиру возвратились мы въ четверть четвертаго. Отпустивъ всѣхъ, мнѣ и инженерному офицеру приказалъ слѣдовать за собой и въ залѣ, взявъ лоскутокъ бумаги и карандашъ, изволилъ на планѣ обозначить собственноручно все то, что указывалъ на мѣстахъ. Быстрота взгляда и память его простирались до такой степени, что, видѣвши одинъ разъ мѣстность, на планѣ сейчасъ усмотрѣлъ нѣсколько ошибокъ и исправилъ ихъ съ математическою точностью. Потомъ написалъ 12 пунктовъ для проектовъ, записку сію отдалъ Варенцову, а мнѣ сказалъ: «тебѣ же ничего! Пиши ко всѣмъ и все о чемъ мы съ тобою говорили въ пути!»

Я побѣжалъ домой умыться и очистить пыль, которою былъ усыпанъ, въ буквальномъ смыслѣ, съ головы до ногъ. Но едва успѣлъ это сдѣлать, какъ явился фельдъегерь съ докладомъ, что ждутъ обѣдать. Въ то время какъ я вошелъ въ пріемную комнату, я слышалъ какъ Адлербергъ громко сказалъ Позену: «Заставляютъ государя дожидаться!» Стоявшій у дверей камердинеръ въ ту же минуту пошелъ доложить и мы приглашены были слѣдовать къ столу. Гр. Бенкендорфъ, взявъ меня за руку, громко и ласково сказалъ, какъ будто въ опроверженіе словъ Адлерберга: «хорошо другимъ, а намъ съ вами и умыться не дали время! Государь приказываетъ вамъ, чтобы вы за столомъ сѣли возлѣ него».

Столъ былъ накрытъ въ кабинетѣ. Государь былъ въ сюртукѣ безъ эполетъ, и когда мы вошли, привѣтствовалъ насъ: «прошу не прогнѣваться, господа! Хозяинъ принимаетъ васъ въ неглиже, безъ церемоній! Признаюсь, усталъ немного».

За столомъ сидѣли: въ верхнемъ концѣ—прусскій полковникъ Раухъ, съ правой руки его—государь, возлѣ него я; съ лѣвой руки Рауха—гр. Бенкендорфъ, возлѣ него В. О. Адлербергъ и всѣ прочіе, по старшинству чиновъ.

Во время обѣда государь преимущественно изволилъ заниматься разговоромъ со мною, и вотъ два, обращенныя ко мнѣ, замѣчанія:

— «У тебя огромное здѣсь помѣщеніе, настоящій дворецъ, но не можешь похвалиться чистотою. Мебель эта твоя, или другого кого?»

«Помѣщика Кроткова, в. и. в.»

— «Славная и роскошная. Мнѣ тебя жаль, Жиркевичъ! ты соскучишься въ Витебскѣ».

«Отчего?» сказалъ В. Ѳ. Адлербергъ, вмѣшавшись въ разговоръ. «Я знаю витебское общество: оно небольшое, но весьма согласное и пріятное!»

«Я не боюсь скуки, государь», сказалъ я въ свою очередь; «я найду средство ее прогнать».

— «Чтоже ты будешь дѣлать?»

«Болѣе заниматься дѣломъ».

— «Съ ума сойдешь!» возразилъ государь. За обѣдомъ, какъ будто стараясь ободрить Аренда, который, во время разѣзда нашего, былъ у жены моей съ визитомъ и тамъ говорилъ: «ну, не пройдетъ мнѣ сегодня, что я похвалилъ заведенія больницы—а онъ (его величество) былъ недоволенъ ими»,—когда подали стерлядь, государь спросилъ у меня:

— «Часто у тебя попадаютъ такіе уроды?»

«Довольно часто, государь, это мѣстный продуктъ».

— «Вчера Миллеръ потрошилъ ее, а Николай Ѳедоровичъ засушиваетъ рукава и жалѣетъ, что не ему, а другому пришлось дѣлать операцію», и милостиво взглянулъ на Аренда, который до этого времени сидѣлъ пригорюнившись, а тутъ тотчасъ повеселѣлъ.

Когда встали изъ-за стола и мы вышли уже въ другой покой, государь приказалъ мнѣ вернуться и, разсуждая о корабельныхъ лѣсахъ, которые, по мѣстнымъ донесеніямъ, показывались пришедшими въ негодность, приказалъ принести одинъ дубовый кражъ и, указывая мнѣ, сказалъ:

— «Посмотри! вотъ что доставилъ мнѣ Лобановъ и что они называютъ никуда негоднымъ! Такого лѣса бездна валяется, чтобы онъ сгнилъ, или подъ рукою продается. Сегодня же напиши къ кн. Волконскому, что я видѣлъ этотъ кражъ и чтобы онъ распорядился непременно разобрать и отобрать все подобное и что окажется, чтобы доложилъ мнѣ. Ну, ступай теперь съ Богомъ!»

Когда я выходилъ, гр. Бенкендорфъ, остававшійся тутъ же, замѣтилъ мнѣ: «Вотъ вы думали, что со всѣмъ распрощались съ удѣльными—а пришлось еще переписываться съ кн. Волконскимъ!»

«Губ. предюдитель просилъ государя о балѣ, продолжалъ графъ, но какъ мы чрезъ часть уѣзжаемъ, то это рѣшительно невозможно.

Извините насъ тоже и вы предъ дворянствомъ». Потомъ, проходя пріемный покой, гдѣ ожидалъ его Андрей Б***: «Я не могу беспокоить государя на счетъ вашего желанія представиться: онъ васъ видѣлъ уже. Но если вы еще непремѣнно этого желаете, то чрезъ часъ, когда государь будетъ уѣзжать, будьте здѣсь и, если я найду случай, я доложу».

Въ 6 часовъ, въ пріемной комнатѣ, противъ дверей кабинета, стояли: я, Андр. Б*** и городской голова. Государь изволилъ выйти въ фуражкѣ на головѣ; взглянувъ на насъ, повернулся назадъ въ кабинетъ, и раздавшееся чрезъ минуту громкое «ура» возвѣстило, что экипажъ тронулся съ мѣста и государь выѣхалъ.

Я полагаю, что и теперь появленіе Андр. Б*** было для него непріятно и онъ чрезъ задніе покои и чрезъ крыльцо изволилъ пройти къ своему экипажу.

Я отправился къ Адлербергу спросить, не оставлено-ли какого приказанія? Онъ опять принялъ меня сухо и, помолчавъ немного, сказалъ:

— «Государь васъ переименовываетъ въ генералъ-маіоръ».

«Знаю это», отвѣчалъ я.

— «Отъ кого?» спросилъ удивленно Адлербергъ.

«Отъ самого государя!»

— «Когда и какъ вамъ объявилъ онъ это?»

Я объяснился.

— «Государю угодно было», сказалъ Адлербергъ, «сегодня же отдать приказъ объ этомъ. Но какъ съ переименованіемъ въ военный чинъ васъ дѣлаютъ также военнымъ губернаторомъ въ г. Витебскѣ, на что надобно изготovitъ указъ, то мы не успѣли этого здѣсь сдѣлать, а на первомъ ночлегѣ все устроимъ. Прощайте. Желаю вамъ счастливо оставаться!»..

Чрезъ три дня государь выѣхалъ изъ Пензы. Передъ Чембарами, по случаю опрокинутія экипажа, переломилъ плечевую ключицу и въ Чембарахъ провелъ нѣсколько недѣль ¹⁾, 16-го сентября возвратился въ С.-Петербургъ, а 17-го сентября (1836 г.) состоялся обо мнѣ высочайшій приказъ.

Я выѣхалъ изъ Симбирска 2-го сентября. Все время, проведенное мною еще тамъ, прошло въ прощальныхъ обѣдахъ и вечерахъ; такъ, я и мое семейство были на обѣдѣ, данномъ для меня губернскимъ

¹⁾ См. объ этомъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1882 г., т. XXXVI, стр. 523—534; изд. 1883 г., т. XXXVI, стр. 497, 729—730; изд. 1890 г., т. LXVI, стр. 149—157.

предводителемъ дворянства. При провозглашеніи тоста за мое здоровье, онъ, вставъ съ своего мѣста и цѣлуя меня въ плечо, сказалъ:

— «Господа! Я имѣю порученіе гр. Бенкендорфа, по высочайшей волѣ передать вамъ, что бывшій нашъ почтенный губернаторъ Иванъ Степановичъ о симбирскомъ дворянствѣ отозвался съ такою похвалою, что государю пріятно это было слышать изъ устъ его, и что мы всѣ обязаны ему особенною благодарностью, въ чемъ и собственныя чувства наши, кажется, насъ удостовѣряютъ!»

Всѣ присутствовавшіе съ замѣтнымъ удовольствіемъ приняли сей тостъ.

И. С. Жиркевичъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ЗАПИСКИ ГЕНЕРАЛА ИВАНА СТЕПАНОВИЧА ЖИРКЕВИЧА.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ¹⁾.

I ²⁾.

Выѣздъ изъ Симбирска.—Отзывъ императора Николая о ген.-губ. Дьяковѣ и о Витебской губ.—Встрѣча съ ген. Мердеромъ.—Первыя свѣдѣнія о Витебской губ.—Пріѣздъ въ Витебскъ.—Пріемъ чиновниковъ.—Осмотръ общественныхъ заведеній.—Столкновеніе съ инспекторомъ врачебной управы.—Визитъ супругѣ генералъ-губернатора.—Семейство Вейссы.—Характеристика лицъ мѣстнаго общества.—Пріѣздъ Дьякова.—Представленіе ему.—Высочайшій приказъ.—Письмо фонъ-Дервиза.—Комендантъ Соболевъ.—Бесѣда съ Дьяковымъ о губерніи.—Дурное состояніе почтъ.—Настроеніе умовъ въ губерніи.—Очеркъ, написанный Кульневымъ.—Отзывъ предводителя дворянства о губерніи.—Присоединеніе уніатъ.—Письмо архіерея Смарагда.

1836—1837 гг.

Не знаю, достанетъ-ли у меня силъ и терпѣнія описать тѣ несправедливости и непріятности, которыя я перенесъ и по сіе время (1844 г.) переносу здѣсь, въ Витебскѣ.

Я уже сказалъ, что въ бытность свою въ Симбирскѣ, государь лично изволилъ сказать мнѣ, что онъ назначаетъ меня губернаторомъ въ Витебскъ потому, что я ему нуженъ на этомъ мѣстѣ, «гдѣ буду служить вмѣстѣ съ генераломъ Дьяковымъ, человѣкомъ честнымъ и благороднымъ, но неопытнымъ въ дѣлахъ гражданскихъ», а какъ по

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., томъ IX, стр. 207—244; т. X, стр. 633—666; т. XI, стр. 411—450; изд. 1875 г., т. XIII, стр. 554—590; изд. 1876 г., т. XVI, стр. 627—648; т. XVII, стр. 127—144, 251—266, 771—786; изд. 1878 г., т. XXII, стр. 401—423; т. XXIII, стр. 33—54; изд. 1890 г., т. LXVI, июль, стр. 63—132.

²⁾ Эта глава и послѣдующія писаны въ 1844—1845 гг.

Витебской губерніи существуют большіе безпорядки, которые мы, вмѣстѣ съ Дьяковымъ, «любя его, будемъ умѣть истребить», и наконецъ, что онъ надѣлъ на меня военный мундиръ съ тою цѣлью, что онъ мнѣ въ Витебскѣ «пригодится».

Послѣднее выраженіе я понялъ, равно какъ и теперь не перестаю думать, относилось прямо на счетъ воинской строгости, необходимой для прекращенія большихъ безпорядковъ.

Изъ Симбирска я выѣхалъ 2-го сентября 1836 г., и 7-го или 8-го прибылъ въ Москву. Предполагая изъ словъ государя, что къ этому времени могъ уже состояться обо мнѣ высочайшій приказъ о переименованіи меня въ военный чинъ, я безпрестанно искалъ онаго въ приказахъ и газетахъ, но все тщетно.

Въ это время въ Москвѣ проживалъ, въ отпуску, генералъ отъ инфантеріи, кн. Хованскій, носившій еще званіе генералъ-губернатора трехъ губерній, въ томъ числѣ и Витебской, который, узнавъ въ англійскомъ клубѣ, отъ общаго нашего знакомаго и моего пріятеля, Озерова, о моемъ пребываніи въ Москвѣ, пожелалъ непременно меня видѣть, убѣдительно прося Озерова дать мнѣ о семъ знать. Принимая это сообщеніе за какое-то приказаніе, которое я не спѣшилъ исполнить, зная, что онъ уже не вернется къ старому своему мѣсту служенія, и кромѣ того, ожидая ежеминутно надѣть военный мундиръ, во время дороги я запустилъ усы, какъ принадлежность военной формы,—то и не хотѣлъ являться въ этомъ видѣ, чтобы не заслужить замѣчанія, и затѣмъ, проживъ въ Москвѣ дней пять и обмундировавшись совершенно, я выѣхалъ оттуда 12-го сентября. 21-го сентября 1836 года, по утру, я пріѣхалъ въ Витебскъ.

На пути, въ Дорогобужѣ, по случаю починки экипажа, будучи задержанъ нѣсколько часовъ на станціи, встрѣтилъ тамъ и познакомился съ ген.-маіоромъ Мердеромъ, окружнымъ начальникомъ баталіоновъ внутренней стражи, въ числѣ которыхъ былъ и витебскій, моимъ совоспитанникомъ по 1-му корпусу, но поступившимъ туда гораздо позднѣе меня. Съ братомъ его, состоявшимъ при особѣ государя наслѣдника, я былъ хорошо знакомъ. Мердеръ просидѣлъ со мною довольно долго, и какъ до своего производства въ генералы былъ лѣтъ шесть или семь жандармскимъ штабъ-офицеромъ въ Витебскѣ, то, зная всю подноготную губерніи, желалъ отчасти познакомить меня съ тамошними порядками и въ особенности съ чиновниками, о которыхъ вообще отзывался съ большимъ одобреніемъ, но предостерегалъ меня на счетъ правителя канцеляріи Дьякова, ст. сов. Г—кова, какъ о большомъ фанатикѣ и съ весьма тяжелымъ характеромъ; о чиновникѣ особыхъ порученій при губернаторѣ, Я—вѣ, котораго вся губернія не терпитъ,

за натяжки разнаго рода въ слѣдствіяхъ и въ особенности въ дѣлахъ, касающихся религіи, и на счетъ совѣтника губернскаго правленія, С—ко, котораго мнѣ описывалъ какъ человѣка умнаго, хитраго и весьма корыстолюбиваго (послѣдній отзывъ я выставляю здѣсь на видъ для того, чтобы въ послѣдующемъ разсказѣ показать, какъ могутъ быть различны сужденія даже людей безпристрастныхъ объ одномъ и томъ же лицѣ, не смотря на близкія къ нему отношенія).

Въ Смоленскѣ я слышалъ, что полоцкій архіерей держитъ себя такъ гордо и самостоятельно, что кн. Хованскій не смѣлъ ему ни въ чемъ противорѣчить, а предмѣстника моего, тайн. сов. Шрейдера, держалъ въ такомъ почтеніи и страхѣ, что когда бывало архіерей пріѣзжалъ къ Пасхѣ въ Витебскъ, то онъ его лично встрѣчалъ на берегу Двины, у парома, я провожалъ до церкви. Я не далъ особенной вѣры всѣмъ этимъ разсказамъ, но, увы! на мѣстѣ позналъ уже справедливость всѣхъ этихъ слуховъ.

По пріѣздѣ моемъ въ Витебскъ, я былъ встрѣченъ, вмѣсто управляющаго губерніею, предсѣдателемъ уголовной палаты Милькевичемъ, такъ какъ вице-губернаторъ недѣли двѣ уже какъ находился въ Люценскомъ уѣздѣ, для приведенія къ послушанію волновавшихся тамъ крестьянъ. Дьякова въ городѣ тоже не было, уѣхалъ въ Динабургъ. Не желая показать себя пренебрежительнымъ къ формамъ одежды, я уничтожилъ свои усы, такъ какъ до того времени еще не появлялось обо мнѣ никакого высочайшаго приказа, и отакомъ промедленія уже не зналъ что и думать.

На 22-е сентября я пригласилъ чиновниковъ познакомиться со мной и для сего назначилъ ровно въ 10 часовъ утра. Всѣ чиновники постороннихъ вѣдомствъ явились акуратно, но совѣтники губернскаго правленія и членъ общественнаго приказа, инспекторъ врачебной управы, какъ нарочно въ назначенное время не прибыли и я встрѣтилъ совѣтниковъ на подѣздѣ, когда садился въ экипажъ, ѣхать въ присутственныя мѣста. Это обстоятельство послужило поводомъ къ показанію перваго примѣра моей строгости на словахъ, сдѣлавъ имъ выговоръ за невниманіе и неуваженіе при встрѣчѣ новаго ихъ начальника.

Пріѣхавъ въ больницу приказа, я нашелъ тамъ инспектора врачебной управы, ст. сов. фонъ Гюбенталя, пользовавшагося, какъ я узналъ впоследствии, особымъ расположеніемъ Дьякова... Найдя больницу, по наружному виду, гораздо ниже той, за которую я въ Сибирскѣ получилъ замѣчаніе государя, я выразилъ свое мнѣніе въ этомъ смыслѣ, и съ приличною строгостью обратилъ мои замѣчанія къ смотрителю больницы, добавивъ при этомъ надежду видѣть ее

въ скоромъ времени въ болѣе приличномъ видѣ, чѣмъ въ какомъ я ее нашелъ.

Фонъ-Гюбенталь, привыкшій играть главную роль въ больницѣ и въ домѣ генераль-губернатора, взялъ на себя возражать, объясняя, что по сіе время онъ считалъ, что лучшаго порядка и быть не можетъ, ибо даже кн. Хованскій, извѣстный своею взыскательностью, всегда былъ доволенъ, посѣщая сіе заведеніе. Я вспыхнулъ, и суровымъ выговоромъ остановилъ потокъ краснорѣчія Гюбенталя, а смотрителя тутъ же арестовалъ, но при выходѣ изъ больницы, возвратилъ ему его шпагу.

Затѣмъ я отправился въ городскую тюрьму, гдѣ найдя большую нечистоту, сталъ выговаривать смотрителю и здѣсь, какъ на мою бѣду подвернулся прокуроръ Безкоровайный, тоже опоздавшій явиться ко мнѣ, а потому тоже назвавшійся самъ на непріятныя для него объясненія.

Слухъ о моихъ взысканіяхъ въ тотъ же день разнесся не только по городу, но какъ необыкновенный случай долетѣлъ до Могилева, за 150 верстъ отъ Витебска.

Окончивъ обзоръ присутственныхъ мѣстъ и другихъ заведеній, я считъ долгомъ сдѣлать визитъ супругѣ генераль-губернатора, Екатерины Андреевнѣ Дьяковой. Въ то время ей не было еще 40 лѣтъ. Небольшаго роста, съ миниатюрнымъ, острымъ личикомъ и сообразно тому стройною талією, она могла назваться если не красавицей, то весьма красивою женщиною, и въ такомъ смыслѣ она слыла у всѣхъ ея знакомыхъ. Но съ самаго перваго моего взгляда на нее, привыкшій смотрѣть на все съ хорошей и выгоднѣйшей для челоуѣка стороны, я почувствовалъ къ ней сильнѣйшую антипатію. Думаю, что и она мнѣ заплатила съ перваго взгляда тѣмъ же. Такъ какъ ея вліяніе было самымъ сильнымъ и основнымъ поводомъ къ послѣдующимъ и къ продолжающимся для меня до сего времени непріятностямъ, я хочу сказать нѣсколько словъ о ней.

Екатерина Андреевна Дьякова, дочь бывшаго въ Вильнѣ въ 1812 г. частнымъ приставомъ Вейсса, воспитывалась первоначально въ домѣ отца своего, который женился въ Дрезденѣ, на одной танцовщицѣ. Въ 1812 году, гвардія и покойный государь Александръ Павловичъ находились въ Вильнѣ, гдѣ въ то время старшая сестра Дьяковой, дѣвица Софья Вейссъ, слыла красавицей и блистала ловкостью своего обращенія на балахъ и въ другихъ общественныхъ собраніяхъ. Находившійся въ то время при особѣ государя ген.-ад. кн. Трубецкой, долгое время хлопотавшій о разводѣ со своею женою, рожденною принцессою Биронъ, успѣвшій, нако-

нецъ, въ своемъ желаніи, успѣвши доказать дѣйствіе развода, женился на Софѣ Вейссъ...

Не смотря на все свое увлеченіе, онъ видѣлъ недостаточность образованія въ своей женѣ, и тотчасъ началъ стараться усовершенствовать ее, а вмѣстѣ съ ней образовалась и младшая сестра, Екатерина, поселившаяся у нихъ, въ скорости пріобрѣтя весь наружный блестящій свѣтскій лоскъ, а по быстротѣ ума своего и по красивой наружности, скоро обратившая на себя вниманіе общества.

Замужество старшей сестры доставило ходъ и сыновьямъ Вейсса, изъ которыхъ старшій, Андрей, попалъ въ адъютанты къ вел. кн. Константину Павловичу, женился впоследствии на извѣстной баронессѣ Фридрихсѣ (она же Александрова), но съ женою прожилъ недолго и овдовѣлъ.

Дьяковъ, по окончаніи компаніи 1812 г., тоже попалъ въ адъютанты къ великому князю, и это общее служеніе, товарищество, весьма сблизило его съ Вейссами, гдѣ въ ту пору гостила Екатерина Андреевна. Красивая внѣшность, привычка и знаніе свѣта, блескъ природнаго ума—очаровали Дьякова, и онъ въ скорости женился на ней въ Варшавѣ, подчинясь съ того времени совершенно ей.

Дьяковъ возвратился изъ Динабурга дня черезъ четыре по прибытіи моемъ въ Витебскъ. По обязанности моей, я отправился къ нему представиться на другой день, въ 9 часовъ утра. Онъ привѣтствовалъ меня словами, что «онъ просилъ государя дать ему надлежащаго сотрудника и помощника и государь, по собственному выбору, изволилъ именно назначить меня и рекомендовать ему, обнадеживая, что онъ во всемъ и совершенно можетъ положиться на меня, и присовокупилъ, что я просилъ увольненія отъ званія губернаторскаго, но какъ это произошло отъ столкновенія моего съ кн. Волхонскимъ, то онъ нашелъ необходимымъ развести меня лишь съ нимъ, но потерять для службы не желаетъ».

Въ это время Дьяковъ сталъ вскрывать поданные ему съ почты пакеты и въ первомъ, гдѣ заключались высочайшіе приказы, въ самомъ заголовкѣ нашелъ и указалъ мнѣ мое имя, съ переименованіемъ въ генералъ-майоры и съ присвоеніемъ званія военнаго губернатора г. Витебска. Приказъ обо мнѣ состоялся 17-го сентября, а 15-го сентября и онъ, Дьяковъ, утвержденъ генералъ-губернаторомъ.

Поздравивъ меня съ искреннимъ радушіемъ, онъ обнадеживалъ меня на свое честное и безпристрастное расположеніе, и, сознаваясь самъ въ малоопытности своей, просилъ не оставлять его своими совѣтами и содѣйствіемъ.

Возвратясь домой, я нашелъ у себя письмо фонъ-Дервиза, при

которомъ тоже приложенъ былъ приказъ, и сверхъ того, онъ объяснялъ мнѣ причину замедленія, изъ которой я тотчасъ усмотрѣлъ недоброжелательство ко мнѣ и натяжку В. Ө. Адлерберга. До состоявшагося приказа онъ докладывалъ государю два раза обо мнѣ, и оба раза съ явнымъ желаніемъ мнѣ повредить. Въ первый, что я прослужилъ въ полковничьемъ чинѣ едва пять лѣтъ, и въ другой, какъ приказано будетъ зачислить меня, съ старшинствомъ или нѣтъ, ибо два губернатора, тульскій—Зуровъ и харьковскій—кн. Трубецкой, оба произведенные не по очереди изъ полковниковъ въ генералы, по сіе время считаются на линіи полковниковъ. Но государь приказалъ устранить эти соображенія и считать меня въ чинѣ и въ линіи генераловъ со дня переименованія.

Черезъ два часа послѣ сего, я отправился, въ военномъ уже мундирѣ, благодарить главнаго начальника за мое преобразование; я встрѣтилъ его сходящимъ съ лѣстницы на прогулку, и онъ меня совершенно не узналъ, такъ перемѣнила меня новая форма.

Года за два до назначенія меня въ Витебскъ, опредѣленъ былъ туда же комендантомъ ген.-м. Соболевъ, слѣдовательно, по чину старше меня, но въ продолженіе двухъ лѣтъ нашего общаго сослуженія мы оба держали себя въ сношеніяхъ одинъ съ другимъ такъ, что это никогда не служило къ размоламъ между нами, и я началъ съ того, что отъ Дьякова прямо поѣхалъ къ Соболеву, чтобы предупредить его, какъ старшаго, моимъ визитомъ, чѣмъ уже много утѣшилъ и обратилъ къ собѣ старика и, кромѣ сего, впоследствии старался выказать ему всегда мое уваженіе, когда представлялся сему малѣйшій случай.

Дьяковъ же поступалъ съ нимъ совершенно иначе: меня всегда принималъ съ видимымъ вниманіемъ, не заставляя никогда себя ждать ни минуты, а Соболева держалъ по нѣсколько часовъ въ приемной, не приглашая въ кабинетъ и не сажая его въ своемъ присутствіи, и все это дѣлалось единственно изъ угожденія своей супругѣ, которая съ самаго своего прибытія въ Витебскъ не возлюбила чету Соболевыхъ, въ особенности г-жу Соболеву, русскую, истинно русскую, почтенную старушку.

При вторичномъ моемъ свиданіи съ Дьяковымъ онъ объявилъ мнѣ, что замѣшательства и затрудненія, встрѣчаемыя въ настоящее время по Витебской губерніи, происходятъ отъ предпринятой великой реформы, присоединенія униатъ къ православной церкви, на что должно быть обращено все вниманіе властей. Мѣра эта отчасти только религиозная, но главная цѣль есть политическая—составить одно тѣло и одну душу. За это взялись весьма старательно, но черезчуръ

горячо, такъ что до правительства начали непрестанно доходить жалобы на притѣсненія и угнетенія обывателей, а кн. Хованскій, Шрейдеръ и епископъ Смарагдъ поставили дѣло такъ, что государь былъ вынужденъ первыхъ двухъ смѣнить, а послѣдняго оставить до времени, дабы видѣть, какъ мы будемъ съ нимъ ладить, а въ противномъ случаѣ, онъ назначить на его мѣсто архіерея изъ Варшавы, Павла. Государь настоятельно желаетъ, чтобы обращеніе униать въ православіе не прекращалось бы и доведено было до конца.

Далѣе Дяковъ коснулся того, что по губерніи существуетъ огромная недонимка въ уплатѣ податей, которыхъ вовсе не вносятъ, а недонимка ежегодно все возрастаетъ; затѣмъ онъ сталъ жаловаться на неисправность и дурное содержаніе почтъ по губерніи, и объявилъ, что по губерніи вообще почты такъ дурно содержимы, что не проходитъ недѣли, въ которую онъ, Дяковъ, не получилъ бы жалобы на остановку въ лошадахъ для проѣзжающихъ или на другія неудобства по почтовому вѣдомству, и на другой день препроводилъ ко мнѣ письмо, на-дняхъ полученное имъ отъ ген.-ад. кн. Лобанова-Ростовскаго, вѣдавшаго по высочайшему повелѣнію въ Берлинъ, который въ г. Рѣжицѣ въ оба пути имѣлъ остановку на почтѣ и даже непріятности.

Касательно же общаго духа обывателей Витебской губ. Дяковъ замѣтилъ, что поляки все еще въ лѣсъ смотрятъ, подобно волку, на котораго и кормъ въ селеніи не имѣетъ вліянія. Но со всѣмъ тѣмъ, однако-же, во время послѣдней польской революціи, помѣщики Витебской губ. не выказали ничего рѣзкаго, что бы можно было обратить имъ въ укоръ или въ желаніе уклониться отъ настоящаго ихъ къ правительству положенія.

Не прошло нѣсколько дней, какъ я получилъ отъ Дякова безимьянную записку, собственно пасквиль на общій духъ, какъ помѣщиковъ, крестьянъ, такъ и всѣхъ вообще служащихъ чиновниковъ по губерніи, съ секретнымъ предвареніемъ меня, что записка эта составлена помѣщикомъ Кульневымъ, нашимъ русскимъ, проживающимъ около Рѣжицы, въ имѣніи Корфа, и Дяковъ просилъ меня, при случаѣ, лично познакомиться «съ этимъ истиннымъ патріотомъ», и подробно поговорить съ нимъ о предметахъ, внесенныхъ въ его записку.

Въ это же время, Люцинскаго уѣзда, въ Яновольской волости, находившейся въ пожизненной арендѣ, по польскимъ еще правамъ, у гр. Борха, нынѣ уже умершаго, а черезъ то поступившей въ казенное управленіе, происходило между крестьянами волненіе. Когда умеръ гр. Борхъ, въ февралѣ мѣсяцѣ, въ волость отправленъ былъ чиновникъ, для принятія имѣнія въ вѣдомство казенной палаты, и

съ первымъ приступомъ къ тому онъ приказалъ собрать домохозяевъ, чтобы тѣ, по учрежденному порядку, выбрали для себя старшинъ. Для этого необходимъ былъ обрядъ присяги. Крестьяне, по наущенію или по глупости, объявили, что старшинъ выбрать они готовы, но присягать не станутъ, ибо «они теперь вольные, а когда присягнутъ, опять сдѣлаются помѣщичьими», и въ этомъ отношеніи упрямство между крестьянами дошло до такой степени, что ни вмѣшательство священника и полиціи, ни прибытіе на мѣсто высшихъ чиновниковъ казенной палаты, ни даже личное присутствіе бывшаго губернатора Шрейдера не могло прекратить его. Въ послѣднихъ числахъ іюля, Шрейдеръ уволенъ былъ въ отставку, но по его, однако-же, требованію, въ половинѣ августа, въ Яноволѣ присланъ былъ баталіонъ пѣхоты полка прусскаго принца, а въ первыхъ числахъ сентября отправился туда же исправляющій губернаторскую должность вице-губернаторъ Домбровский, съ тѣмъ, чтобы хотя силою обратить крестьянъ къ повиновенію.

Я пріѣхалъ въ Витебскъ 21-го сентября 1836 г., а 25-го числа Дьяковъ, черезъ правителя дѣлъ канцеляріи своей, Глушкова, прислалъ ко мнѣ только лишь полученное имъ отъ Домбровскаго донесеніе, что крестьяне не только что не повинуются убѣжденіямъ и приказаніямъ, но 18-го или 19-го числа (не помню точно), человекъ около трехсотъ бунтующихъ ворвались къ нему, Домбровскому, въ квартиру, и если бы не подоспѣла квартирующая въ самомъ Яноволѣ рота солдатъ, то онъ едва ли бы избѣжалъ отъ угрожавшей ему опасности. Нѣсколько изъ бунтовщиковъ захвачено, 78 человекъ изъ нихъ содержатся подъ стражею и преданы уже военному суду, но, по мнѣнію его, Домбровскаго, придется отдать подъ судъ рѣшительно всю волость, ибо ни одинъ крестьянинъ повиноваться не намѣренъ. Это обстоятельство въ началѣ показалось мнѣ весьма важнымъ, но когда я просмотрѣлъ всю производившуюся съ февраля мѣсяца по канцеляріи генералъ-губернатора и губернатора переписку, на что не потребовалось болѣе получаса времени, я тотъ же часъ отправился къ Дьякову и просилъ у него дозволенія самому мнѣ ѣхать немедленно въ Яноволь; когда же Дьяковъ пожелалъ узнать, какія я приму мѣры къ возстановленію порядка, я отвѣчалъ ему:

— Во всемъ этомъ дѣлѣ важнымъ нахожу, что крестьяне въ толпѣ кричали: «не хотимъ присягать, пускай что хотятъ съ нами дѣлаютъ, а мы присягать не будемъ». Я поставлю крестьянъ въ двѣ шеренги и буду каждого изъ нихъ спрашивать, по одиночкѣ, намѣренъ-ли онъ присягнуть, или нѣтъ; желалъ бы очень знать, много-ли будетъ ослушниковъ? Но какъ все-же такіе могутъ слу-

чится и ихъ немедленно должно будетъ наказать, въ примѣръ другимъ, тѣлесно, то я присоединилъ вопросъ: сколько за одинъ разъ виновныхъ онъ, генераль-губернаторъ, считаетъ въ правѣ себя подтвердить къ приговору къ тѣлесному наказанію?

По справкѣ съ законами, нашлось число 9, и я утвердительно завѣрилъ Дьякова, что болѣе виноватыхъ у меня не сыщется. На другой день я отправился въ Яноволь.

Послѣ знакомства съ генераль-губернаторомъ, я прибѣгнулъ къ разговору съ губернскимъ предводителемъ, коллежскимъ ассесоромъ Шадурскимъ, въ которомъ я нашелъ умнаго, образованнаго чловека, по наружности весьма красиваго собою, а по первымъ его словамъ, обращеннымъ ко мнѣ, я почувствовалъ и личное къ нему расположеніе.

— «Ваше пр—во, какъ я слышалъ отъ чиновниковъ, имѣвшихъ честь представляться вамъ, сказалъ мнѣ Шадурскій, прибыли въ нашу губернію съ предубѣжденіемъ противъ насъ. Смѣло могу увѣрить васъ, что это предубѣжденіе неосновательное. Мы несчастливы тѣмъ, что Богъ наказалъ насъ, въ продолженіе многихъ годовъ сряду, неурожаями, и нѣсколько лѣтъ правительство вынуждалось намъ оказывать денежное пособіе. Великодушіе правительства всегда насъ душевно трогало и мы, съ чувствомъ живѣйшей признательности, принимали оное, но, по независящимъ вовсе отъ насъ обстоятельствамъ, дѣлались и по сіе время состояніемъ дурными его плательщиками; со всѣмъ тѣмъ могу увѣрить васъ, что настоящія подати мы всегда платили исправно. Я прошу васъ убѣдительно, ваше пр—во, обратить на этотъ предметъ безпристрастно вниманіе ваше. Вы сами удостовѣритесь, что на насъ почти нѣтъ собственно недоимочнаго долга. Недоимка же заключается наиболѣе въ двѣнадцати-процентномъ налогѣ на временно сдѣланныя намъ ссуды и на временно, иногда по крайности, образовавшуюся недоимку. Конечно, правительство много я простило намъ, но все же мы не могли вполне очистить эту недоимку».

Когда я слегка коснулся предмета обращенія уніатовъ въ православіе, Шадурскій со скромностью выразился:

— «Витебскіе помѣшники большею частію католики, а крестьяне и другіе обыватели частію только принадлежать католической церкви, а наиболѣе уніатовъ. Я не буду утверждать, чтобы изъ числа католиковъ всѣ вообще помѣшники равнодушно смотрѣли на то, что подвластные имъ крестьяне уніатскаго исповѣданія присоединяются къ православной церкви, но скажу утвердительно, что когда образовалось точное понятіе, что правительство рѣшительно положило это въ своихъ

расчетахъ къ выполненію, тогда образованные и умѣйшіе изъ помѣщиковъ воздержались отъ малѣйшаго въ этомъ отношеніи вышательства, а предоставили все это (дѣйствию) тѣхъ мѣръ, какія правительство само признаетъ нужнымъ указывать въ этомъ. Къ нашимъ помѣщикамъ, по сіе время, никто не обратился объ этомъ предметѣ своевременно; православное же духовенство вдругъ обратилось въ селенія нашихъ съ рѣзкимъ требованіемъ—не только униатовъ заставить (?) обращаться съ духовными требованіями къ православнымъ священникамъ, но даже коснулось и католиковъ, объясняя, что многіе изъ сихъ послѣднихъ, по брачнымъ союзамъ съ униатами, необходимо вмѣстѣ съ ними должны присоединяться къ православной церкви. Согласитесь сами, ваше пр—во, позволяетъ-ли совѣсть чистымъ католикамъ быть строгими участниками въ подобнаго рода понужденіяхъ. Конечно, ежели бы намъ была объявлена прямо воля самого государя въ этомъ смыслѣ,—мы бы должны были и стали бы всё безпрекословно повиноваться. Но, выкинувъ въ дѣла здѣшней губерніи, ваше пр—во сами изволите удостовѣриться, что вообще этимъ жалобамъ православнаго духовенства, объ упорствѣ будто бы помѣщиковъ и о противодѣйствіи мѣрамъ правительства по этому важному предмету, начало всегда возникало (?) отъ православныхъ же священниковъ (?). Первый приступъ съ ихъ стороны всегда бываетъ одинаковъ; къ архіерею, обыкновенно, явится неожиданно челоувѣкъ изъ какого либо значительнаго селенія, съ просьбою о желаніи всѣхъ будто бы обывателей онаго обратиться къ православной церкви. Не стану и не хочу даже разсуждать, что всё подобныя искатели всегда были къ сему подстрекаемы и что даже большею частію въ числѣ ихъ непремѣнно есть люди, (по своему поведенію) не заслуживающіе уваженія. Епархіальное начальство такую просьбу всегда принимаетъ съ жаромъ, немедленно относится къ земскому начальству, извѣщаетъ оное объ отправленіи въ селеніе съ просителями особаго православнаго священника, требуетъ безъ малѣйшаго промедленія допустить православнаго священника въ приходскую униатскую церковь и указываетъ полиціи принять немедленно подъ покровительство всѣхъ обращающихся. Помѣщикъ, владѣтель имѣнія, иногда вовсе даже не знаетъ объ этихъ распоряженіяхъ, а православное духовное управленіе дополняетъ, что оно нисколько не имѣетъ нужды предварять объ этомъ помѣщика: церковь-де приходская, а не собственность помѣщика и не одни его крестьяне приписаны приходомъ къ церкви. Православный священникъ, не упуская минуты времени, пріѣзжаетъ въ селеніе, очень часто прежде даже прибытія туда чиновника земской полиціи, входитъ, обыкновенно, въ домъ помѣщика и, въ выраженіяхъ нерѣдко

далекихъ отъ приличія, объявляетъ ему причину своего наѣзда и отъ него требуетъ содѣйствія и настоянія къ открытію церкви. Вообще при всѣхъ подобныхъ случаяхъ, уніатскій священникъ скрывается, съ умысломъ или случайно,—этого рѣшительно нельзя вдругъ опредѣлить. Помѣщикъ иногда, испуганный внезапною, и самъ желалъ бы тотъ-же часъ выполнить настояніе прибывшаго священника, но дворъ его уже наполненъ крестьянами, болѣею частію немѣющими не только желанія къ присоединенію, но даже и понятія, чего отъ нихъ требуютъ. Конечно, при этомъ не можетъ быть совершеннаго спокойствія, иногда встрѣчается и сопротивленіе; тогда тотчасъ возникаютъ жалобы: крестьяне де бунтуютъ, помѣщикъ и уніатскій священникъ не только подстрекаютъ бунтующихъ, но даже научаютъ ихъ противо-дѣйствію. Чиновникъ земской полиціи, подѣхавшій къ этому случаю, всегда уже положительно обвиняется въ пристрастіи и потворствѣ католикамъ и очень часто отрѣшается отъ должности, а иногда и предается суду. Судъ же всегда оканчивается совершеннымъ его оправданіемъ».

Касательно содержанія почтъ, предводитель Шадурскій объявилъ мнѣ, что по Витебской губерніи въ этомъ отношеніи существуетъ почти монополія; болѣе половины общаго числа почтовыхъ ставцій сняты въ содержаніе помѣщикомъ Подвинскимъ, человекомъ недостаточнаго состоянія, но вообще занимающимся подрядами безъ капитала, а по однимъ лишь спекуляціямъ, и что онъ болѣе служитъ контръ-агентомъ для евреевъ, немѣющихъ права вступать въ подряды по содержанію въ селеніяхъ почтовой гоньбы, но что и Подвинскаго обвинять совершенно невозможно, ибо казна уплату денегъ за содержаніе почтъ производитъ весьма неаккуратно, на что всѣ почто-содержатели неоднократно приносили жалобы, но на это нисколько по сіе время не обращалось вниманія. О служащихъ, по выборамъ дворянства, чиновникахъ Шадурскій съ твердостью, приличною его званію, настоятельно мнѣ объявилъ свое одобреніе.

Чрезъ два дня по моемъ пріѣздѣ въ Витебскъ, я получилъ письмо отъ архіепископа Смарагда; предупреждая меня своимъ привѣтствіемъ и рекомендуя себя къ знакомству, онъ писалъ ко мнѣ, что, по обстоятельствамъ здѣшняго края, онъ будетъ имѣть необходимость въ частыхъ со мною сношеніяхъ, что дѣла здѣсь бываютъ иногда такого рода, что онныя нельзя подводить подъ обыкновенныя установленныя формы и, наконецъ, добавилъ, что предмѣстникъ мой съ нимъ былъ всегда въ хорошихъ отношеніяхъ и что посредствомъ его, Смарагда, не одинъ разъ обращалъ на себя вниманіе и получалъ награды отъ правительства.

Признаюсь откровенно, что это посланіе меня совершенно поразило. Я отвѣчалъ въ тотъ же день его преосвященству, благодарилъ его за его упрежденіе, но вмѣстѣ предварилъ его, что я въ дѣйствіяхъ моихъ всегда и безотступно слѣдую буквальному смыслу законовъ; ежели встрѣчу въ чемъ либо сомнѣніе,—не премину прибѣгать къ его совѣту, но въ заключеніе прибавилъ, что одно мое правило твердо и положительно: вниманіе и щедрость правительства извлекать изъ единственнаго и прямого источника.

II.

Знакомство со служебною дѣятельностью должностныхъ лицъ. — Совѣтники правленія. — Складенко. — Внутреннее устройство города. — Полиція. — Богоугодныя заведенія. — Полицейская прислуга. — Дороговизна продуктовъ. — Недонимочная вѣдомость. — Проекты объ улучшеніи сельскаго хозяйства. — Образцовый хуторъ. — Положеніе губерніи въ 1812 году. — Причина упадка. — Послѣдствія вывода евреевъ въ города. — Депутаты отъ духовенства. — Духовенство.

1836—1837 гг.

Изъ числа чиновниковъ, служившихъ въ то время по выборамъ, обратилъ на себя мое вниманіе въ особенности предсѣдателя палатъ: гражданской—Сипайло и уголовной—Милькевичъ. Послѣдній, во время пріѣзда моего, за отсутствіемъ вице-губернатора, управлялъ губерніею. На мои вопросы, сообразные съ тѣми, которые я дѣлалъ Шадурскому, отвѣчали они съ видимою уклончивостью и робостью, но со всѣмъ тѣмъ подтверждали слышанное мною отъ послѣдняго. Впослѣдствіи удостовѣрился я, что эти оба чиновника, весьма благороднаго образа мыслей, справедливо пользовались довѣріемъ къ нимъ дворянскаго сословія.

По губернскому правленію, въ совѣтникахъ, я нашелъ себѣ сотрудниковъ, знающихъ свое дѣло: Соколова, скромнаго, тихаго, безкорыстнаго человѣка, Складенко, скромнаго, но не застѣнчиваго характера, съ быстрымъ объемомъ въ сужденіи, но противъ котораго нѣтъ я нѣкоторое предубѣжденіе въ своевольномъ и не всегда чистомъ направленіи дѣлъ; предубѣжденіе сіе скоро во мнѣ рушилось, ибо всѣ его сужденія по дѣламъ, въ мое управленіе, совершенно согласовались съ моими; зато Рыжевичъ, о которомъ я прежде слышалъ похвалы, не приобрѣлъ къ себѣ моего довѣрія. Къ лучшему поясненію дѣйствій сихъ чиновниковъ, слѣдуетъ замѣтить, что прослужа уже по нѣсколько лѣтъ въ должности, всѣ трое они не блистали наружностью, ни въ роскоши, ни въ обращеніи, и даже ни одинъ изъ

нихъ не имѣлъ экипажа и всегда ходили пѣшкомъ, что если и не доказывало въ совершенствѣ ихъ безкорыстія, то, по крайней мѣрѣ, могло быть отводомъ и отъ мысли на лихоимство. Жалобы ко мнѣ на нихъ въ послѣдствіи доходили иногда на одного только Рыжевича и нѣкоторые оказывались довольно уважительными.

По городу я нашелъ на главныхъ улицахъ и площадяхъ замѣтную чистоту и опрятность, но за то въ боковыхъ улицахъ и переулкахъ заразительная вонь, гнилость, всюду сопровождающія скопленіе евреевъ. Полицеймейстеромъ былъ коллежскій совѣтникъ (скоро переименованный полковникомъ) Г—ка, старикъ расторопный, хитрый, но сомнительной честности; со всѣмъ тѣмъ, онъ пользовался расположеніемъ къ себѣ обывателей средняго и низшаго сословія, но чиновники и дворянство не всегда о немъ отзывались съ похвалою.

Неоднократно разсуждая съ прописанными мною выше лицами, слышалъ я общія замѣчанія, что бѣдность и тяжелое положеніе губерніи происходитъ главнѣйше отъ сокращенія торговли, отъ свода въ города евреевъ, немѣющихъ для себя въ виду постоянныхъ занятій и занимающихся лишь факторствомъ и перекупкою. Чиновники утверждали, что дозволеніе вольной продажи вина, развращая народъ, было самымъ сильнѣйшимъ зломъ и язвою, а помѣщики, напротивъ, упорно отстаивали оную, какъ необходимость, ибо, говорили они, отними у нихъ свободу винопродажи, по часто бываемымъ неурожаямъ въ губерніи, они рѣшительно не въ состояніи будутъ платить податей и еще болѣе запустѣть недомку.

Богоугодныя заведенія и внутреннее полицейское устройство въ губернскомъ городѣ нашелъ я въ весьма жалкомъ положеніи. Особенно замѣчательна была въ этомъ отношеніи полицейская прислуга; все старики въ лохмотьяхъ, съ подогнутыми штанами, вѣчно небритые, въ помятыхъ, разодранныхъ, разнокалиберныхъ шапкахъ. И на вопросъ, Г—къ сдѣланный, что это за люди и откуда они набраны, я получилъ отвѣтъ, что часть изъ отставныхъ солдатъ, а часть изъ безсрочно отпускныхъ, что порядочныхъ людей для примѣра прискать нѣтъ никакой возможности; жалованье назначено весьма скудное, но и то очень часто, за несборомъ въ свое время городскихъ доходовъ на содержаніе полиціи, доходитъ неаккуратно. Малѣйшее взысканіе за нерадѣніе или неопрятность непремѣнно влечетъ за собою отказъ нанимающихся въ служеніе, и очень часто хилаго и неуклюжаго старика, вмѣсто выговора, приходится еще упрашивать, чтобы онъ продолжалъ числиться по списку въ полиціи. Пожарный инструментъ не однообразенъ, ветхій; лошади—всѣ уже перешедшія далеко за десять лѣтъ и при малѣйшей тревогѣ едва-едва съ перваго

порыва дотаскивающихъ пожарныя трубы до мѣста пожара, а очень часто, при отправленіи подъ гору за водою, не возвращающіеся къ мѣсту своего назначенія.

Полицеймейстеру полагалось жалованья, изъ городскихъ доходовъ, всего 1200 р. ассигнаціями, безъ квартиры; изъ какихъ источниковъ, не имѣя собственнаго достоянія, могъ онъ не только безъ нужды содержать себя, но даже довольно часто предлагать обществу угощеніе?

Первая забота моя была составить отъ себя официальные обращенія, которыя могли бы или подтвердить или опровергнуть то, что я собралъ уже изъ рѣчей, мною слышанныхъ.

Я приказалъ немедленно въ губернскомъ правленіи составить мнѣ двѣ вѣдомости: одну о сложныхъ мѣсячныхъ цѣнахъ на хлѣбныя продукты, по крайней мѣрѣ, за десять лѣтъ, а другую вѣдомость о недоимкахъ по уѣздамъ, съ оставленіемъ пробѣловъ для моихъ отмѣтокъ, объ успѣшности взысканія оныхъ, слѣдовательно и о дѣйствіяхъ въ этомъ отношеніи земской полиціи и градскихъ властей. Эти двѣ вѣдомости сдѣлались настольною принадлежностью моего кабинета и я, разсматривая ихъ ежедневно, скоро открылъ, что всякій разъ, когда гдѣ-либо въ уѣздномъ городѣ оказывалось повышение цѣнъ на хлѣбъ, цѣна эта уже постоянно, до слѣдующаго урожая, не понижалась ни въ городѣ, ни въ уѣздѣ, хотя въ губернскомъ городѣ, напротивъ, измѣненіе случалось часто и даже вдругъ съ значительнымъ уменьшеніемъ, смотря по дорожнымъ путямъ и подвозу хлѣба изъ другихъ мѣстъ. Подати срочныя, настоящаго времени, поступали хотя не вполнѣ, но нельзя назвать и безуспѣшно; недоплата въ податяхъ вся почти оставалась въ равной мѣрѣ, только лишь взысканія за гербовую бумагу и пени замѣтно нарастали. Это замѣчаніе заставило меня обратиться въ казенную палату къ истребованію списковъ, на какихъ именно владѣльцахъ и съ котораго времени образовалась начальная недоимка. Открылось, что неисправными плательщиками были наиболѣе помѣщики большедушныхъ имѣній, однако-же не съ близкихъ сроковъ, а уже съ давняго времени, и что эти неплательщики пользовались льготою, десятилѣтнею отсрочкою, которая должна была оплатиться къ 1838 году. Далѣе, нашелъ я неисправными казенныя имѣнія, находившіеся во временномъ арендномъ содержаніи, а часть недоимокъ оказалась уже совершенно неоплатною, ибо лежала на опекунской неисправности, о которой десятки лѣтъ безуспѣшно шла переписка, пени же накаплились и нарастали ежегодно. Арендныхъ содержателей стоило только постращать внимательнѣе и почти

всѣ пополнили свои взносы въ скорости. Помѣщики же, по личному моему съ ними сношенію, обѣщали мнѣ съ окончаніемъ льготы уплатить что лежало на нихъ, и сдержали едва ли ни всѣ свое слово, такъ что въ 1838 г. губернія уплатила недомки болѣе 600 тысячъ рублей, по крайней мѣрѣ, хоть часть общей суммы.

Не полагаясь, однако-же, и на сіи изысканія, дабы провѣрить слова губернскаго предводителя, что губернія всегда была платежемъ исправна, кромѣ случайно падавшихъ на нее бѣдствій, я истребовала изъ казенной палаты свѣдѣніе по возможности, сколько она себя открыла могла за прошедшее время, сколько требовалось ежегодно съ губерніи денежнаго сбора и сколько внесла она такого.

Въ прежніе годы, т. е. въ началѣ царствованія Александра Павловича, предварительныхъ смѣтъ на трехлѣтіе о денежномъ сборѣ не составлялось, а встрѣтившаяся надобность въ теченіи года, по высочайшемъ утвержденіи, раздѣлялась въ томъ же году, или въ послѣдующемъ, на податныя сословія, для коихъ открылась необходимость въ издержкѣ, а потому палата, хотя и доставила мнѣ требуемое свѣдѣніе за 27 лѣтъ, но давнѣйшіе годы съ показаніемъ лишь только ихъ взносовъ, безъ предварительнаго опредѣленія оныхъ. Но за двадцать послѣднихъ лѣтъ раздѣлила свои графы, изъ коихъ въ первой оказалось—сколько слѣдовало внести каждый годъ, во второй—сколько дѣйствительно поступило суммы и въ третьей—сколько было недобора.

Видѣвъ съ тѣмъ, палата представила мнѣ другую вѣдомость, сколько въ послѣднее время давалось губерніи денежнаго пособія и сколько онаго потомъ, по разнымъ милостивымъ манифестамъ, сложено. Эти свѣдѣнія открыли мнѣ два обстоятельства: первое, что губернія, которая въ послѣднія двадцать лѣтъ должна была внести съ чѣмъ-то 38 милліоновъ рублей, дѣйствительно уплатила болѣе 32-хъ,—а другое, что въ интервалѣ 11 послѣднихъ годовъ, губерніи восемь разъ оказываемо было отъ правительства вспоможеніе, слѣдовательно, положительно можно было видѣть, что только три года въ этотъ срокъ можно было назвать урожайными.

Я какъ будто предчувствовалъ надобность въ этихъ свѣдѣніяхъ; очень скоро я получилъ отъ генералъ-губернатора, бывшіе уже на разсмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ, съ замѣчаніями министровъ, проекты кн. Хованскаго и Шрейдера, объ улучшеніи губерніи, и Дьяковъ требовалъ моего на оныя мнѣнія. Могъ ли я въ скорости объять вдругъ всѣ предметы касательно положенія и управленія

губерніи? Мнѣ не было иной возможности объясниться, какъ ссылаясь на теорію или на то, что я уже успѣлъ собрать.

Теперь я не могу обстоятельно и въ точности припомнить всѣхъ подробностей этихъ проектовъ, но кажется, что кн. Хованскій былъ противъ вольной продажи вина въ уѣздахъ, а Шрейдеръ отстаивалъ вино. Шрейдеръ полагалъ по губерніи ввести казенную продажу соли, Хованскій—ограничить числительность прислуги у помещиковъ, сообразно количеству душъ каждаго, сократить въ большомъ объемѣ псовую охоту, устроить образцовые хутора для хозяйства (посредствомъ секціи),—на что примѣръ уже создалъ при Витебскѣ, собравъ сумму и поручивъ управление хуторомъ агроному фонъ-Гюбенталю; совѣтывалъ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ генераль-губернатора, въ витебскомъ хуторѣ учредить особый хозяйственный комитетъ, члены котораго могли бы объѣзжать въ продолженіе года по всѣмъ, замѣчаемымъ въ дурномъ управленіи хозяйства, имѣніямъ и владѣльцевъ сихъ имѣній брать въ опеку. О евреяхъ въ городахъ была одна мысль—выводить ихъ въ другія мѣста, изобилующія землею, на хлѣбопашество.

Здѣсь скажу о бросившемся мнѣ въ глаза, при первомъ случаѣ, образцовомъ хуторѣ. Попечитель этого заведенія, инспекторъ врачебной управы, ст. сов. фонъ-Гюбенталь, казенный медикъ, неутомимый прожекторъ по всѣмъ предметамъ общественнаго устройства и хозяйства, обворожилъ кн. Хованскаго своими рассказами; но хуторъ имъ управляемый, въ продолженіе десяти или двѣнадцати лѣтъ, не только не принесъ никакой прибыли, но къ пріѣзду моему завелась объ ономъ переписка; акціонеры просили отчетности и премій съ доходовъ, а Гюбенталь вознагражденія собственности его отъ понесенныхъ убытковъ, и когда Дьяковъ разрѣшилъ это своимъ мнѣніемъ, разобравъ акціи, то никто изъ акціонеровъ ничего не получилъ въ возвратъ, а хуторъ въ совершенномъ разстройствѣ, безъ скота, съ разрушенными строеніями, поступилъ въ казенное управленіе. Потомъ, уже лѣтъ черезъ пять, мѣстный архіерей, преосвященный Василій Лужинскій выпросилъ оный себѣ, для причисленія къ архіерейскому дому. Теперь (1845 г.) этотъ хуторъ, дѣйствительно, есть образцовое имѣніе, доказывающее, что при денежныхъ средствахъ хорошее хозяйство, дѣйствительно, можетъ и самое разстроенное имѣніе поставить на должную ногу.

Дьяковъ, предполагая въ декабрѣ или январѣ (1837 г.) отправиться въ Петербургъ, просилъ меня поспѣшить моими замѣчаніями на проекты, ибо онъ хотѣлъ еще собрать, подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ, временный комитетъ изъ находившихся у него подъ рукою наиболѣе

уважаемыхъ помѣщиковъ. Я считалъ долгомъ отвѣчать, что въ короткое время обстоятельныхъ соображеній никакъ сдѣлать не могу, но, поддерживая мысли Шрейдера о вольной продажѣ вина и о продажѣ соли по однообразной цѣнѣ по всѣмъ уѣздамъ, я полагалъ весь барышъ или, приличіе, ту разность, которая по уѣздамъ противу имѣющихся цѣнъ на соль откроется, обратить къ составленію особаго губернскаго капитала, съ предположеніемъ, одну половину онаго въ запасъ, на пособіе, съ уменьшенными процентами или вовсе безъ процентовъ, случайно одержимымъ въ частности бѣдствіями помѣщикамъ, а другую половину къ общему зачету въ земскую повинность, по мѣрѣ того сколько тогда окажется прибыли, ибо, по соображеніи существовавшихъ иногда по губерніи цѣнъ вольной продажи соли, предположивъ на казенную соль незначительный барышъ, можно было полагать, что капиталъ долженъ въ скорости составиться значительный; прочія же предположенія кн. Хованскаго, именно—лишеніе правъ, вообще предоставленныхъ дворянству, я отвергалъ рѣшительно; а затѣмъ, изложивъ вѣдомости, представленныя ко мнѣ изъ казенной палаты, о которыхъ я сказалъ выше, я убѣдительно наставлялъ: состоявшую въ это время недонку съ имѣній помѣщичьихъ, имѣющихъ менѣе 300 душъ—сложить всю, до 500 душъ—половину, а съ больше помѣстныхъ—четвертую часть. Приворавливая мое замѣчаніе, что погорѣвшему отъ воли Божіей, ежели благотворитель желаетъ сдѣлать существенное пособіе и даетъ въ займы деньги, съ тѣмъ чтобы несчастный могъ извернуться,—конечно, онъ не станетъ уже требовать на эту сумму процентовъ, а удовольствуется лишь возвратомъ суммы, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Но ежели, вслѣдъ затѣмъ, Богъ несчастнаго еще поразитъ новымъ ударомъ, то конечно и на предназначенный срокъ благодѣтель возврата своего пособія уже ожидать не можетъ, а по самой необходимости долженъ отложить свою претензію уже не на удвоенный, а по крайней мѣрѣ на утроенный срокъ. Коли же Богъ погорѣвшаго, подвергнетъ за самъ и на третій годъ подобному несчастію,—что съ него можно ожидать къ возвращенію? Витебская губернія въ интервалѣ одиннадцати лѣтъ восемь лѣтъ терпѣла неурожаи: не справедливо-ли будетъ, ежели правительство примѣнитъ эту губернію къ указываемому мною послѣднему разряду. Богатый помѣщикъ, въ случаѣ крайности, можетъ извернуться, продавъ часть своего имущества, а бѣдный не въ силахъ этого сдѣлать и уже лишень совершенно возможности поправиться. Это мнѣніе мое, поддерживаемое практикою, впоследствии нашло себѣ поддержку въ государственномъ совѣтѣ, о чемъ объявилъ мнѣ генералъ П. Д. Киселевъ въ 1838 году, когда я былъ вызванъ въ С.-Петербургъ участвовать

въ разсмотрѣніи проектовъ объ управленіи государственными имуществами.

Комитетъ былъ собранъ; кромѣ Дьякова и меня, присутствовали въ ономъ вице-губернаторъ Домбровский, председатели палаты Милюкевичъ и Сипайло, правитель дѣлъ канцеляріи генералъ-губернатора ст. сов. Голушковъ, ст. сов. фонъ Гюбенталь, помѣщики Цехановецкій и Храповицкій. Комитетъ собирався два раза, говорили много, положительнаго—вовсе ничего; больше всего смѣялись и критиковали управленіе Гюбенталя надъ хуторомъ; помѣщики крѣпко отставали вольную продажу вина, а фонъ Гюбенталь горячился, шумѣлъ, что она одна причиною гибели этой губерніи и упрекалъ помѣщиковъ, что ежели онъ не успѣлъ на образцовомъ хуторѣ, то сами акціонеры тому виною, собравъ основной капиталъ въ недостаточномъ размѣрѣ, а послѣ на всё его предложенія не согласившись ему дать пособіе; какъ объ этомъ (т. е., заключеніяхъ комитета) представилъ Дьяковъ, я послѣ ни отъ него, ни отъ другаго кого-либо не слышалъ.

Стараясь далѣе составить себѣ идею о существенномъ положеніи губерніи и о средствахъ къ ея улучшенію, я неоднократно и съ различными лицами вступалъ въ особые объ этомъ предметѣ разгоры. Старики утверждали, да и самъ я, сколько могъ, вспоминалъ, что въ годахъ первыхъ войнъ императора Александра Павловича съ французами Витебская губернія не считалась въ числѣ худшихъ, что въ городахъ оной видно было живое движеніе промышленности и слѣды оной еще и по сіе время (1845 г.) видны. Въ Витебскѣ, Велижѣ, Полоцкѣ и въ нѣкоторыхъ даже мѣстечкахъ, видны еще остатки каменной мостовой; даже въ побочныхъ улицахъ, во многихъ мѣстахъ, по сіе время существуютъ хорошо построенныя каменные будки для караульщиковъ; рѣшительно во всѣхъ городахъ, гдѣ только были и есть католическіе костелы, изъ которыхъ многіе уже обращены въ православныя церкви, костелы выстроены прочно и замѣтны въ нихъ еще остатки бывшего ихъ прежняго великолѣпія. По селеніямъ, хотя не видно было большихъ, значительныхъ дворцовъ или построекъ, но всюду замѣчалась опрятность, чистота, и даже самые мелкопомѣстные помѣщики отличались своимъ хлѣбосолецствомъ (чему и теперь еще—1845 г.—сохранилась привычка). Въ селеніяхъ, а особенно въ большихъ мѣстечкахъ, на евреяхъ или, лучше сказать, на женскомъ полѣ этого поколѣнія, всегда блестяли жемчужныя и золотыя украшенія; крестьянинъ по виду хотя казался глупымъ и простоватымъ, но былъ трудолюбивъ и работящъ, чему въ доказательство приведу, что лучшими въ Россіи землекопами въ то время

считались — крестьяне Смоленской и бѣлоруссы Витебской губерніи. Лошади крестьянскія, при маломъ ростѣ, отличались крѣпостью; это въ особенности можно было замѣтить намъ, военнослужащимъ, когда, проходя эту губернію по нѣскольکو разъ вдоль и поперекъ, въ 1805, 1806, 1807 и 1808 годахъ, мы забирали въ оной, подъ свозъ нашихъ тягостей, подводы; изъ таковыхъ подводъ, при слѣдованіи до границы, насильственно достигали самаго рубежа оной, именно по той причинѣ, что лошадей Минской губерніи, а частію и Могилевской, мы находили тощими и худшими.

Куда же это все дѣвалось и отъ чего упало изобиліе?

Конечно, главною и важнѣйшею причиною было прекращеніе въ 1808 году торговли черезъ Ригу съ англичанами; торговля Витебской губерніи наиболѣе была переходящая, а не собственными произведеніями и издѣліями оной. Проводниками этой торговли искони были евреи, и вліяніе ихъ простиралось какъ на помѣщиковъ, такъ и на крестьянъ такъ далеко, что правительство рѣшилось положить предѣлъ оному и съ 1808 года евреи изъ селеній выведены всѣ на жительство въ города и мѣстечки. Помѣщики же чрезъ это лишились своихъ привычныхъ комиссіонеровъ; казалось бы, собственно быть поселянина долженъ былъ черезъ это улучшиться; вышло же совершенно противное тому; тутъ только стали помѣщики утверждать, что витебскій крестьянинъ въ своихъ понятіяхъ совершенно тушъ, лѣнивъ и ничѣмъ болѣе не занимается какъ пьянствомъ. Въ первомъ отношеніи замѣчаніе, можетъ быть, и справедливо, — крестьянинъ самъ никогда не занимался своею промышленностью, а дѣйствовалъ, какъ и помѣщикъ, всегда посредствомъ евреевъ. Могъ-ли же онъ вдругъ сдѣлать навѣкъ и изыскать тѣ извороты, которыми руководились еврей-факторы, и вотъ сельская промышленность по селеніямъ внезапно и совершенно прекратилась. Касательно же другаго упрека, отчего крестьянинъ могъ и стать пьянствовать болѣе прежняго — корчмы гдѣ были, тамъ и теперь существуютъ; вино, продаваемое въ оныхъ дешево, но тогда еще было дешевле, крестьянинъ часто за свои промыслы и произрастенія тогда еще не получалъ и не платилъ денегъ, а обыкновенно вино замѣняло ему уплату.

Я убѣдился совершенно, что выводъ евреевъ изъ селеній въ этомъ отношеніи тоже не пособилъ, не улучшилъ быта поселянина, ни благосостоянія городовъ, а наполнилъ города факторствомъ и мелочною промышленностью, которая повела города къ упадку, крестьянина же, отвлекая чаще отъ мѣстожительства его чрезъ частныя изъ селенія отлучки, повлекъ къ сугубому разврату и бродяжничеству.

Всѣ описанныя мною замѣчанія въ головѣ моей родились весьма

скоро, но въ бытность мою губернаторомъ я не имѣлъ времени сообразить и соединить нужныя средства къ отвращенію того, что тогда уже признавалъ за зло и вреднымъ.

Много мелочныхъ случаевъ, которые съ перваго взгляда могутъ показаться вздорными, впоследствии были бы весьма полезнымъ примѣромъ для начальства губерніи, съ готовностью, а потому и съ чувствомъ не эгоистической любви смотрящаго на вѣренное управленію его общество,—встрѣчалъ я для моихъ замѣчаній, а потому и хочу продолжать то, что уже началъ до предполагаемаго мною заключенія.

Въ первые дни занятія моего по губерніи, рассматривая въ подробности уголовныя и слѣдственные дѣла, мнѣ бросилась въ глаза необыкновенная числительность дѣлъ, возникшихъ собственно по извѣтамъ и по настоящему требованію духовнаго начальства. Въ особенности замѣтилъ я, что не только при каждомъ слѣдствіи, но даже и въ судахъ присутствуютъ депутаты съ духовной стороны. Обращаясь къ смыслу закона, конимъ постановлено, что депутатъ отъ духовенства при разборѣ или при сужденіи дѣла долженъ присутствовать лишь тогда, когда къ дѣлу прикосновенно духовное лицо или имущество, чего тутъ рѣшительно не встрѣчалось, я потребовалъ свѣдѣній отъ правителя канцеляріи моей—не было-ли по сему предмету по Витебской губерніи какого либо особаго, высшаго указа или постановленія, и, за отрицательнымъ отвѣтомъ, съ подобнымъ вопросомъ лично обратился къ предсѣдателю уголовной палаты; послѣдній объявилъ мнѣ, что назначеніе депутатовъ духовныхъ всегда дѣлается не иначе, какъ по настоящему требованію съ духовной стороны, всегда и до сего времени поддерживаемому генералъ-губернаторомъ или начальникомъ губерніи. Замѣтилъ я, что не было ни одного дѣла, гдѣ бы при окончаніи суда въ палатѣ, вмѣстѣ съ членами присутствовавшими въ ней, не подписывалъ дѣло и духовный депутатъ, иногда съ сильнымъ противъ рѣшенія протестомъ, а въ другихъ случаяхъ просто съ дополненіемъ требованія конимъ съ окончательнаго рѣшенія, и я никакъ не преувеличу, сказавъ, что въ общемъ итогѣ рассмотрѣнныхъ мною дѣлъ — $\frac{9}{10}$ были указываемой мною формы.

III.

Поѣздка въ Яноволь. — Въ Полоцкѣ у епископа Смарагда. — Полоцкій кадетскій корпусъ. — Директоръ корпуса генералъ Хвощинскій. — Полковникъ Базилевскій. — Военно-уѣздные начальники. — Встрѣча съ городецкимъ предводителемъ Ульяновскимъ. — Поѣздка въ Себѣжъ. — Похороны Беннславскаго. — Успокоеніе крестьянъ Яновольской волости. — Выборъ старшинъ.

1836—1837.

Выше сказалъ я о предположеніи моемъ отправиться въ Яноволь, для приведенія крестьянъ этой волости къ повинновенію. Выѣхавъ туда 8-го или 9-го октября (1836 г.), при проѣздѣ моемъ черезъ Полоцкъ, я счелъ обязанностью прежде всего навѣстить преосвященнаго Смарагда. Не только красивый, но можно назвать прекрасный собою мужчина, свѣжихъ лѣтъ, болѣе похожій на воинственнаго черногорца, нежели на смиреннаго владыку, онъ меня встрѣтилъ и принялъ весьма радушно, но съ первыхъ словъ я замѣтилъ, что природный умъ его не получилъ ни маломальской полировки. Въ Витебскѣ я составилъ себѣ идею, что онъ долженъ быть религіозный фанатикъ, но тутъ открылъ, что и предписаннымъ церковнымъ правиламъ онъ подчинялся лишь наружно; два или три случая меня тотчасъ съ нимъ ознакомили.

По пріѣздѣ моемъ въ Полоцкъ, явился ко мнѣ, состоявшій при мнѣ по особымъ порученіямъ, чиновникъ Я***, еще до пріѣзда моего командированный по духовнымъ слѣдствіямъ въ Полоцкъ. Объ этомъ чиновникѣ я слышалъ много, не выѣзжая еще въ губернію, какъ о человѣкѣ придиричавомъ по дѣламъ и не безъ упрека въ корыстолюбіи. По нѣкоторымъ разсмотрѣннымъ дѣламъ встрѣчалъ я уже его подпись и вездѣ замѣчалъ натяжку. При первой встрѣчѣ со мною, онъ вручилъ мнѣ пакетъ съ надписью: по секрету. Не распечатывая онаго еще, я спросилъ: «Отъ кого?». — «Отъ меня собственно», отвѣчалъ онъ, «по дѣламъ, касающимся до православія».

Прочитавъ бумагу, я нашелъ, что безъ предписанія отъ прямого своего начальства, но единственно по отношенію къ нему, прямо сдѣланному Смарагдомъ, онъ самовольно отправился въ одно имѣніе, помѣщика Клеподскаго, и тамъ будто бы убѣдилъ къ присоединенію крестьянъ къ православной церкви. Странность такового дѣйствія, конечно, должна удивить всякаго, кто хоть немного имѣлъ понятія о дѣлахъ. Я спросилъ его, при комъ онъ служить: при губернаторѣ или при архіереѣ?

Оторопѣвъ отъ сего вопроса, онъ тутъ же сталъ извиняться, что экстренность дѣла ему показалась столь важною, что не удовлетворить требованіе преосвященнаго онъ не осмѣлился. Я объявилъ ему, чтобы впредь онъ не позволялъ себѣ подобнаго рода произвольности.

Смарагда первыя слова, обращенныя ко мнѣ, были:

— «Ваше превосходительство на меня гнѣвается, и за меня страдальцемъ благородный Я—въ».

— «Нисколько, ваше преосвященство», отвѣчалъ я; «я на Я—ва не сердить, но, какъ его начальникъ, долженъ былъ указать ему путь его дѣйствія, а чтобы успокоить васъ, то предваряю, когда вы отнесетесь ко мнѣ о настоящемъ его поступкѣ, я, сославшись на ваше засвидѣтельствованіе, испрошу ему награду!», что впоследствии, дѣйствительно, исполнилъ. Потомъ начался у насъ разговоръ объ успѣхѣ присоединенія. Смарагдъ хвалился своею дѣятельностью и особыми рѣшительными своими поступками; о католикахъ, или, какъ онъ выражался, о полякахъ, онъ говорилъ не иначе, какъ съ презрѣніемъ, и для заключенія мнѣ сказалъ:

— «Я удостоился такой чести и милости, которую государь не всѣмъ архіереямъ оказываетъ; предъ отправленіемъ моимъ въ епархію, призвавъ меня, онъ приказалъ мнѣ дѣйствовать рѣшительно, объявивъ мнѣ въ словахъ, что въ Полоцкѣ я буду совершенный господинъ и владыко; но, видите ли, ваше пр—ство, какъ люди умѣютъ мастерить и обманывать даже самого государя. Я пріѣхалъ въ Полоцкъ, и вмѣсто того, чтобы мнѣ дѣйствовать одному, здѣсь еще другой владыка—уніатъ, Василій Лужинской».

— Позвольте объяснить вамъ, преосвященнѣйшій владыка,—вставилъ я,—какъ вы говорите со мною: какъ съ частнымъ лицомъ или какъ съ начальникомъ губерніи? Я не смѣю предполагать, что съ перваго взгляда на меня, я смогъ пріобрѣсть столь сильную довѣренность, которая допустила бы подобное сужденіе. А какъ начальникъ губерніи, я обязываюсь доложить, что ежели государю угодно было назначить васъ сюда сперва одного, а потомъ онъ изволилъ признать нужнымъ, чтобы и уніатскій епископъ былъ здѣсь, то, конечно, это нужно и должно такъ быть, и я осуждать этого никогда не осмѣлюсь.

Это пріостановило нѣсколько словоохотливости преосвященнаго и рѣчь пошла о другомъ—о случаѣ, по которому я ѣхалъ на этотъ разъ черезъ Полоцкъ; рассказавъ вкратцѣ о происшествіи, я прибавилъ:

— Вотъ, ваше преосв—ство, мое правило: на этого рода дѣла я никогда не пускаюсь иначе, какъ испрося прежде помощи и благо-

словенія Божія, и на этотъ разъ, въ минуту выѣзда моего, я отслужилъ молебенъ угоднику Божію св. Митрофану, образъ котораго, присланный мнѣ въ Симбирскъ отъ преосвященнаго Антонія, я всегда вожу съ собою во всѣхъ моихъ странствованіяхъ.

— «А! Антоній и вамъ приеалъ образъ», отвѣчалъ Смарагдъ. «О, онъ очень хорошо свои дѣла обрабатываетъ, и явленіе мощей Митрофанія въ Воронежѣ много ему пособило!»

Объяснивъ хорошенько эти выраженія, можно ли было называть Смарагда искреннимъ и прямымъ ратоборцемъ за вѣру?

Едва я возвратился на квартиру, доложили мнѣ о приѣздѣ Смарагда; онъ явился ко мнѣ сопровождаемый всѣми членами полоцкой духовной консисторіи; просидѣлъ у меня съ полчаса и когда сталъ со мною прощаться, архимандритъ Паисій пошепталъ ему что-то на-ухо.

— «Да, вотъ, ваше пр—ство, у меня до васъ убѣдительнѣйшая просьба; поживя съ нами, вы увидите какъ здѣсь дѣйствуютъ католики-поляки. Здѣсь, въ острогѣ, содержится одинъ православный крестьянинъ, перешедшій изъ униатовъ. По злости на него взвели какую-то клевету, но только могу увѣрить васъ, единственно за то, что онъ присоединился къ православной церкви. Слѣдствіе о немъ производили католики, судили они же и теперь его приговорили къ наказанію публично плетью».

— Чего же вы желаете, преосвященнѣйшій, спросилъ я.

— «Ради Бога, приостановите это наказаніе и пересмотрите сами вновь дѣло, ваше пр—ство; увѣряю васъ совѣстью моею, что вы сами найдете, что онъ долженъ страдать безъ вины».

— Ваше преосв—ство смотрите на это не такъ, какъ человѣкъ свѣтскій, но мы имѣемъ строгія наказы и правила. Ежели приговоръ утвержденъ,—наказаніе должно быть выполнено скоро и безотлагательно.

— «Генералъ-губернаторъ, однако же, имѣетъ право даже и послѣ наказанія пересмотрѣть дѣло».

— Все, что я могу сдѣлать, единственно изъ уваженія къ особѣ вашей, приказать полицеймейстеру на недѣлю приостановить наказаніе, и это дѣлаю я съ личною моею отвѣтственностью, и несогласно съ моими правами. Напишу сегодня или завтра къ Дьякову, пусть онъ побранитъ меня, но ежели несчастный невиненъ, охотно перенесу это, а самъ я дѣла пересматривать не могу.

— «Ну, я вижу, что и тутъ дѣлать нечего», отвѣчалъ Смарагдъ и вовсе не писалъ ничего по моему совѣту.

Въ этотъ же день я отдалъ визитъ директору Полоцкаго кадет-

скаго корпуса генераль-майору Хвощинскому, о дѣйствіяхъ котораго, по управленію корпусомъ, слышалъ слѣдующее сужденіе: «это не отецъ воспитанниковъ, а нѣжная мать имъ всѣмъ». Лѣтомъ, осматривая корпусъ, по приглашенію баталіоннаго командира Базилевскаго (Хвощинскій былъ въ отлучкѣ), я съ восхищеніемъ вышелъ изъ заведенія.

На другой день я ночевалъ въ Себѣжѣ. Ни Полоцка, ни Себѣжа, по части управленія, на этотъ разъ я осмотрѣть не имѣлъ времени, но въ Полоцкѣ еще познакомился съ однимъ полковникомъ, военно-уѣзднымъ начальникомъ, полковникомъ Агатовымъ.

Что такое военно-уѣздный начальникъ? Званіе это черезъ три года по выходѣ моемъ въ отставку, какъ неприносящее пользы, по представленію виленскаго военнаго (генер.) губернатора Ѳ. Мирковича, повсюду упразднено.

Въ 1833 году, по окончаніи польской революціи, согласно съ предположеніемъ кн. Хованскаго, въ губерніяхъ виленскаго и витебскаго генераль-губернаторствъ учреждена эта должность собственно и прямо для наблюденія наиболѣе за помѣщиками этого края. Въ инструкціи, нарочно для нихъ составленной, сказано, что они никому другому не подчиняются, какъ мѣстному губернатору и только съ нимъ имѣютъ, какъ настоящіе его подручники, свои сношенія, но начальникъ губерніи имѣетъ право, однако же въ однихъ экстренныхъ случаяхъ, употреблять ихъ и для производства слѣдствія.

По Витебской губерніи я нашелъ четырехъ военно-уѣздныхъ начальниковъ. Въ Витебскѣ—полковника Левенштерна, который тамъ вовсе или почти вовсе ничего не дѣлалъ, ибо былъ подъ рукою; тоже почти можно сказать и о подполковникѣ Брыкнерѣ, пребывавшемъ въ Невелѣ; оба они лютеранскаго исповѣданія; но за то двое, жившіе въ Динабургѣ, полковникъ Макаровъ и въ Полоцкѣ—полковникъ Агатовъ, дѣйствовали непрестанно, но только вовсе не по распоряженіямъ начальника губерніи, а они же поставили себѣ за правило миновать сего послѣдняго и переписку свою вели прямо съ генераль-губернаторомъ. Одинъ то и дѣло хлопоталъ о раскольникахъ, а другой—о присоединенныхъ въ православіе уніатахъ, и послѣдній очень часто и наиболѣе дѣлалъ это по прямымъ и личнымъ сношеніямъ со Смарагдомъ.

Я началъ съ того, что предписалъ всѣмъ четыремъ ничего безъ вѣдома моего не дѣлать, отъ постороннихъ лицъ требованій никакихъ не принимать, безъ предваренія меня, а ежели получать и отъ генераль-губернатора какое предписаніе и въ ономъ не будетъ сказано именно, чтобы миновать меня, то доносить мнѣ, также какъ и гене-

раль-губернатору, что кому предписано и какъ выполнено. Вотъ и тутъ по дѣламъ я уже былъ знакомъ съ Агатоновымъ прежде, ибо его подпись рябила въ глазахъ моихъ, и я нашелъ его не только въ дѣйствіяхъ, но даже и лицомъ похожимъ на моего чиновника Я—ва; я увѣренъ, что онъ не влюбилъ меня по свиданіи, не смотря на то, что я принялъ его весьма привѣтливо и стараясь лично обласкать.

Во время проѣзда моего до Яновольской волости, я подробно осматривалъ почтовые станціи; почти вездѣ лошадей находилъ въ дурномъ видѣ и содержаніи, и на каждой станціи бранилъ смотрителей. Передъ Себѣжемъ, на станціи (?) у подъѣзда встрѣтилъ меня дворянинъ съ двумя крестами въ петлицѣ. Я спросилъ, кто онъ? Онъ отвѣчалъ:

— «Городецкій предводитель Ульяновскій»,—и просилъ извиненія, что, по нечаянной со мною встрѣчѣ, я вижу его безъ мундира.

— Зачѣмъ же вы здѣсь и какъ вы сюда попали? спросилъ я его.

— «За отсутствіемъ брата моего, помѣщика Себѣжскаго уѣзда, я завѣдываю его имѣніемъ Долосцы,—сказалъ Ульяновскій; крестьяне этого имѣнія, бывшіе униаты, присоединены къ православію; священникъ села, гдѣ домъ моего брата, донесъ архіерею, что крестьяне уклоняются отъ исповѣди у него. Полоцкая консисторія требовала поименно нѣкоторыхъ выслать въ Себѣжъ къ благочинному, для увѣщанія; староста имѣнія доносилъ мнѣ нѣсколько разъ, что крестьяне были отправляемы, но или благочиннаго не заставляли дома или тотъ выгонялъ ихъ отъ себя, говоря, что онъ не имѣетъ предписанія о нихъ. Между тѣмъ, земская полиція то и дѣло требуетъ, съ подпискою, выслать крестьянъ. Вотъ я и рѣшилъ самъ ихъ отвести въ Себѣжъ.

— А далеко-ли вы живете? спросилъ я.

— «Я живу отсюда верстъ 250, а имѣніе брата отъ Себѣжа — верстъ 40».

Раскланявшись съ нимъ, я вошелъ въ почтовый домъ; ни смотрителя, ни старосты не нашелъ на станціи; ямщикъ кое-какъ и съ промедленіемъ меня выпроводилъ.

Въ Себѣжѣ я спросилъ почтмейстера; мнѣ отвѣчали: «Занятъ разборомъ почты». На вопросъ, когда отходить и приходить почта, я получилъ отзывъ, утвердительно опровергшій сдѣланный мнѣ насчетъ неоявленія почтмейстера отвѣтъ; дѣлать было нечего, я оставилъ это обстоятельство до своего возвратнаго проѣзда.

Въ самомъ Себѣжѣ, куда я прибылъ вечеромъ довольно поздно и куда меня вовсе не ожидали, я увидѣлъ казенное помѣщеніе присутственныхъ мѣстъ освѣщеннымъ и потому зашелъ въ оное, нашелъ

чиновниковъ при занятіи, вездѣ чистоту и опрятность, и это меня много порадовало. На другое утро, передъ выѣздомъ, я зашелъ въ острогъ, нашелъ оный тѣсно занятый арестантами, и вслѣдъ за этимъ обратился къ разсмотрѣнію поданнаго мнѣ о содержимыхъ списка. Каково же было мое удивленіе, когда я усмотрѣлъ, что двѣ трети содержащихся считались въ содержаніи за духовнымъ правленіемъ; я спросилъ городничаго, что это значить?

Тотъ отвѣчалъ мнѣ, что эти люди болѣею частью присылаются въ городъ къ благочинному, для увѣщеванія ихъ; но какъ онъ иногда, какъ и теперь случилось, находится въ отлучкѣ, то эти люди временно сажаются въ острогъ до его востребованія, а другіе содержатся тутъ какъ упрямые, за несоглашеніе идти къ исповѣди.

Я тутъ же, изъ Себѣжа, далъ предложеніе губернскому правленію сдѣлать немедленное распоряженіе, чтобы подобнаго рода арестантовъ не принимать, а содержащихся собственно по духовнымъ требованіямъ немедленно освободить и предписать городскимъ полиціямъ строжайше имѣть въ виду мое распоряженіе.

Приѣхавши въ Яноволь, я не засталъ тамъ вице-губернатора Домбровскаго, который въ этотъ день уѣхалъ въ Ягодинъ, на похороны умершаго уѣзднаго предводителя Бениславскаго. Не взирая, что на этихъ похоронахъ присутствовалъ лично управлявшій, пока по бумагамъ, губерніею начальникъ, что тутъ была и городская и земская полиція,—засѣдатель земскаго суда Динабургскаго уѣзда, по особому распоряженію кн. Хованскаго назначенный и опредѣленный проживать въ мѣстечкѣ Креславки, имѣнии гр. Платера, для ближайшаго наблюденія за помѣщикомъ и за его сосѣдами, донесъ генералъ-губернатору Дьякову, что когда хоронили Бениславскаго, то по этому случаю нарочно были выписаны нѣсколько ксендзовъ изъ Вильны; изъ нихъ одинъ говорилъ рѣчь, въ которой выхвалялъ покойника за службу въ 1812 году, въ рядахъ французскихъ войскъ; что на катафалкѣ въ церкви, надъ гробомъ, висѣлъ портретъ покойнаго въ мундирѣ польскихъ войскъ и съ крестомъ Почетнаго Легіона; ордена св. Анны, которымъ тоже былъ украшенъ предводитель, на портретѣ написано не было; добавлялъ, что во время шествія церемоніи черезъ городъ, гробъ сопровождается былъ нижними чинами инвалидной команды, хотя безъ ружей, но въ полной формѣ, и что все это дѣлалось будто бы съ умысломъ и при содѣйствіи къ тому начальника Люцинской инвалидной команды, поручика Михаловскаго—искренняго польскаго патріота.

Когда я возвратился въ Витебскъ, Дьяковъ предложилъ мнѣ все это строжайше обследовать, а я далъ въ такомъ же видѣ пред-

писаніе полковнику Макарову. Оказалось, изъ ксендзовъ одинъ только былъ вызванный изъ Вильны, старинный другъ покойнаго; онъ дѣйствительно въ рѣчи своей (которая вчернѣ приложена къ дѣлу), объясняя заслуги умершаго, просто и безъ малѣйшей прикраски упомянулъ, что онъ имѣлъ орденъ Легіона, а о наградахъ, полученныхъ имъ за службу отъ россійскаго правительства, о каждой распространялся съ приличіемъ и съ жаромъ. Портретъ, висѣвшій на катафалкѣ, писанъ съ него въ Варшавѣ, когда онъ еще служилъ въ войскѣ; наконецъ, нивалидная команда дѣйствительно шла за гробомъ, но единственно по уваженію къ званію покойника, всѣми любимаго какъ въ городѣ, такъ и въ уѣздѣ.

Представя это, я не воображалъ ничего худаго о заключеніи, но Дьяковъ настоялъ, чтобы поручикъ Михаловскій былъ устраненъ отъ командованія, какъ неблагонадежный.

Въ это же время я познакомился съ ст. сов. Карницкимъ, при кн. Хованскомъ бывшемъ, нѣсколько трехлѣтій сряду, губернскимъ предводителемъ и въ этомъ званіи приобретаемъ себѣ особенное уваженіе дворянства и правительства. Въ разговорѣ со мною, онъ былъ замѣтно остороженъ и скромнень, и на этотъ разъ я тоже не имѣлъ случая попользоваться его сужденіями.

Кромѣ Домбровскаго, я нашелъ въ Яноволѣ большое сборище другихъ чиновниковъ; тамъ нѣсколько недѣль находились уже: чиновникъ генералъ-губернатора кол. сов. Война-Куринской, совѣтникъ губернскаго правленія Соколовъ, ассесоръ казенной палаты Пальчевскій, нѣсколько лицъ люцинскихъ уѣздныхъ суда и земской полиціи, и все это было собрано съ цѣлью увѣщанія крестьянъ къ повиновенію. Меня тутъ вовсе не ожидали, и только передовой жандармъ предварилъ ихъ, что я буду черезъ четверть часа, вслѣдъ за нимъ. Я пріѣхалъ часу въ пятomъ пополудни.

На площади, передъ господскимъ домомъ, стояли въ козлахъ ружья двухъ ротъ солдатъ и расхаживали часовые; нѣсколько въ отдаленіи стояли двѣ группы: одна—состоявшая изъ крестьянокъ, а другая—изъ крестьянъ. На вопросъ мой, для чего они собраны, я получилъ отвѣтъ: «каждый день приводать по два раза для убѣжденія,—все тѣсно».

Я прежде всего обратилъ мое вниманіе на то, что чиновники, встрѣтившіе меня у подъѣзда, были всѣ не при формѣ, а нѣкоторые изъ нихъ только въ видъ-мундирахъ. Я привѣтствовалъ ихъ тѣмъ, чтобы у кого нѣтъ мундира—не осмѣлился бы являться ко мнѣ. Тамъ, гдѣ идетъ дѣло о возмущеніи, каждый долженъ имѣть всю форму на себѣ, и первый помнить и показывать, что онъ служить государю.

Незнакомые еще со мною, а нѣкоторые даже и незнавшіе, что я прибылъ въ губернію, чрезвычайно были озадачены моимъ прибытіемъ, и смятеніе ихъ перешло, нѣкоторымъ образомъ, и на крестьянъ. Пробывъ нѣсколько минутъ въ покояхъ, я вышелъ къ выстроеннымъ уже ротамъ и, принявъ приличную поступь, пошелъ къ толпѣ крестьянъ, но, проходя женскую толпу, спросилъ: «А для чего же сюда привели бабъ-то?»

Одна изъ нихъ, выйдя впередъ, обратилась ко мнѣ:

— Ну, милость ваша, у насъ уже такъ ведется: куда мужья — туда и бабы.

Признавъ выходку сію за дерзость, я приказалъ засѣдателю земскаго суда немедленно наказать розгами выскочку, и черезъ пять минутъ на площади не осталось ни одной женщины. Подойдя къ крестьянамъ, которые, числомъ около двухсотъ человекъ, всѣ стояли безъ шапокъ, я обратилъ къ нимъ, въ приличныхъ выраженіяхъ, мое предвареніе, что государь, по случаю безпорядковъ въ Витебской губерніи происходящихъ, назначилъ меня въ оную губернаторомъ. Званіе это налагаетъ на меня обязанность быть каждому селянину отцомъ, но для бунтующихъ я прежде всего каждому явлюсь грознымъ судьей, и они меня теперь видятъ въ одномъ послѣднемъ званіи. Я буду умѣть расправиться съ каждымъ въ свое время, а теперь чтобы они всѣ разошлись немедленно по домамъ. Едва я успѣлъ обратиться на другую сторону, одинъ изъ крестьянъ, вскинувъ шапку на бокрень, возгласилъ: «Ну, посмотримъ, братцы, пойдемъ домой!»

Замѣтивъ говорившаго, я вошелъ въ толпу и, взявши дерзкаго за воротъ, вывелъ впередъ, приказавъ немедленно подать плетей, и тутъ же велѣлъ наказывать его. Нѣсколько ударовъ онъ перенесъ съ твердостью, потомъ сталъ просить помилованія. Пріостановивъ наказаніе, я спросилъ его: «намѣренъ-ли онъ впередъ въ шапкѣ стоять передъ начальникомъ?» Онъ не отвѣчалъ, и я приказалъ возобновить наказаніе; три раза дѣлалъ я ему одинъ и тотъ же вопросъ и онъ все упрямился, но, видя, что и я тоже упрямъ въ моемъ наказаніи, наконецъ, далъ обѣщаніе не только передъ начальникомъ, но даже при сотскомъ и при десятскомъ всегда ходить безъ шапки, и я повторилъ приказаніе, чтобы крестьяне шли по домамъ къ себѣ.

Эти два внезапно сдѣланные примѣра такъ сильно подѣйствовали, что когда, черезъ полчаса послѣ этого, пріѣхавшій изъ Люцина земскій исправникъ Михаловскій явился ко мнѣ, то объявилъ мнѣ, что онъ верстахъ въ двухъ встрѣтилъ крестьянъ и они въ голосъ ему кричали: «Нѣтъ, батюшка! сюда пріѣхалъ не такой, какъ прежніе. Поѣзжайте-ка туда: и вамъ достанется; нѣтъ, съ этимъ шалить забу-

дешь!» и Михаловскій прибавилъ: «Я увѣрю васъ, ваше пр—ство, что крестьяне это говорили нешуточно, и смѣло завѣрю васъ, что теперь уже неповиновенія не будетъ!»

Я пошелъ посѣтить арестантовъ; они, въ числѣ 78-ми, содержались въ двухъ огромныхъ сараяхъ, и около каждаго изъ нихъ поставлено было по 6-ти часовыхъ, съ заряженными ружьями. Вызвавъ ихъ всѣхъ наружу, я выкликнулъ пятерыхъ, поименованныхъ особенно Домбровскимъ, въ его рапортѣ къ Дьякову, какъ замѣченныхъ лично въ толпѣ врывавшихся въ его квартиру. Этихъ приказалъ немедленно заковать и обрить имъ половину волосъ на головѣ и на бородѣ, а остальныхъ немедленно отпустить домой. За этимъ, я приказалъ исправнику, чтобы на другой день къ утру, въ 7 часовъ, изъ ближайшихъ деревень приведены были ко мнѣ одни только домохозяева; но пришлось объявить отъ меня строжайшее приказаніе, ежели я увижу хотя издали кого нетребованнаго, мужика или бабу, я велю непременно и больно наказать розгами; вмѣстѣ съ симъ объявилъ я, чтобы къ этому же сроку прибыли въ Яноволь священники, для приведенія къ присягѣ, православнаго и католическаго исповѣданія. Къ вечеру въ Яноволь возвратился и Домбровскій изъ Люцина, и на разспросы мои утвердительно говорилъ:

— Сами вы удостовѣритесь, ваше пр—ство, что упорство крестьянъ неодолимо и что нѣтъ другихъ средствъ, какъ всю волость судить военнымъ судомъ и, по крайней мѣрѣ, десятаго наказать изъ нихъ.

Баталіонному командиру я отдалъ приказаніе при квартирѣ моей поставить караулъ изъ 12-ти человекъ, а часовыхъ имѣть днемъ одного, а ночью двухъ около дома. Прочихъ же солдатъ всѣхъ велѣлъ распустить по деревнямъ, но по приводѣ крестьянъ въ Яноволь, имѣть еще нѣсколько человекъ, безъ артиллеріи, и притомъ велѣлъ приготовить, на случай надобности, нѣсколько пуковъ розогъ.

По-утру, при моемъ выходѣ, я нашелъ въ залѣ уже чиновниковъ всѣхъ, кромѣ Война-Куринскаго, въ мундирахъ, двухъ священниковъ, изъ которыхъ я къ православному подошелъ, по обычаю, къ благословенію; но сколько поразило меня: отъ него, какъ отъ винной бочки, несло уже виномъ, такъ что я рѣшительно отскочилъ назадъ. Само по себѣ разумѣется, что я разразился въ моихъ о семъ предметѣ замѣчаніяхъ, и отъ католическаго священника тоже былъ слышенъ запахъ вина, но въ маломъ размѣрѣ. Исправникъ объявилъ мнѣ, что съ вечера отправленъ былъ нарочный чиновникъ, за 40 верстъ, въ Себѣжъ за благочиннымъ, и тамъ его нашелъ онъ уже въ нетрезвомъ видѣ, а потомъ, по приѣздѣ на мѣсто, на всю ночь онъ его оставилъ у ксендза и, вѣроятно, тамъ онъ еще, какъ называется по

русски, опохмѣлился. Ежели бы не настоятельная надобность въ этомъ сановникѣ, я бы его тотъ же часъ отпразднѣлъ къ архіерею, съ приказаніемъ поддерживать въ немъ хмѣль,—что при пьяномъ его положеніи было бы вовсе не трудно,—а теперь крикомъ моимъ я его настолько отрезвилъ, что ко времени присяги онъ былъ уже довольно въ пристойномъ видѣ.

Когда исправникъ донесъ мнѣ, что домохозяевъ приведено 37-мъ человекъ, я велѣлъ имъ составить являной списокъ и поставить ихъ въ двѣ шеренги, а около нихъ составить цѣпь изъ 6-ти рядовыхъ изъ караульных; сверхъ того, приказалъ арестантовъ, накануне закованныхъ, безъ шапокъ, провести мимо теперь собранныхъ крестьянъ и объявить при этомъ, что ихъ ведутъ къ суду и что участь ихъ сегодня же будетъ рѣшена окончательно. Затѣмъ, я самъ вышелъ изъ покоевъ, окруженный большою свитою; обратясь къ крестьянамъ, я сказалъ имъ:

— Васъ долго и много увѣщевали, и все безъ успѣха; я говорить много не люблю: слушайте мое приказаніе. При выборѣ старшинъ для себя, вы должны всѣ присягнуть; этого требуетъ отъ васъ Богъ и государь. Я буду спрашивать по одиночкѣ каждого изъ васъ: на-мѣренъ-ли онъ присягнуть или нѣтъ? Другаго отвѣта не надо: «да» или «нѣтъ». Кто скажетъ «да», тотъ сейчасъ же присягнетъ; кто скажетъ: «нѣтъ» — пальцемъ не трону: тотъ будетъ судимъ по закону; вы видѣли преступниковъ,—вотъ всѣмъ примѣръ.

Окончивъ рѣчь, я приказалъ исправнику по списку вызывать крестьянъ, по одиночкѣ, впередъ; первый вышедшій, на вопросъ мой: будетъ-ли онъ присягать? отвѣчалъ: «Отчего же не присягнуть? я не прочь, когда и другіе станутъ тоже присягать».

— Я отъ тебя не требую разсказовъ, отвѣчай мнѣ словомъ: «да» или «нѣтъ», замѣтилъ я ему.

Онъ же опять повторилъ мнѣ то-же, т. е. что онъ тогда присягнетъ, когда будутъ присягать другіе. Я приказалъ подать розги и велѣлъ наказывать его просто за упрямство. Ударовъ съ пятьдесятъ выдержавъ, онъ сталъ просить о пощадѣ; приостановивъ наказаніе, я повторилъ, что требую короткихъ отвѣтовъ «да» или «нѣтъ». Ежели онъ скажетъ и «нѣтъ», я наказывать болѣе не стану, за этотъ отвѣтъ будутъ судить законы, но за упрямство возобновлю розги. Крестьянинъ опять сталъ ссылаться на согласіе другихъ, и я приказалъ снова сѣчь его за упрямство. Четыре раза начинали наказывать и, наконецъ, уже онъ просто отвѣчалъ: да. Тутъ одинъ изъ стоявшихъ во второй шеренгѣ закричалъ:

— «Плетьми и розгами каждого можно заставить дѣлать что хочешь!»

Я вызвалъ выскочку впередъ и тутъ же приказалъ сѣчь его. Ему не дали и десяти ударовъ, какъ онъ сталъ просить прощенія и кричалъ: «Я буду присягать безъ отговорокъ».

Я велѣлъ ему стать на свое мѣсто и объявилъ, что его наказывали за то, что онъ дозволилъ себѣ говорить, тогда какъ его еще не спрашивали; когда до него дойдетъ очередь, то и тогда онъ долженъ отвѣчать не болѣе да или нѣтъ. За лишнее слово я не премину снова высѣчь. Послѣ этого, до самаго этого же крестьянина, который былъ выскочкою, каждый отвѣчалъ уже мнѣ просто «да», но когда я обратился съ вопросомъ уже къ нему самому, онъ, пріосанясь, громко закричалъ:

— Кладите голову на плаху,—присягать не хочу и не стану!

Нисколько не возвышая голоса, я обратился къ исправнику:

— Прикажите заковать бунтовщика, обречь ему голову и сію же минуту отвести его къ суду, какъ отвели уже прежде семерыхъ.

Видя мое хладнокровіе и рѣшительность, сопротивникъ вдругъ упалъ на колѣни и сталъ умаливать о помилованіи. Я же, не обращая вниманія на него, сталъ продолжать далѣе допросы; другихъ сопротивниковъ не нашлось. Принесли наложъ, крестъ, евангеліе и священникъ приблизился, чтобы читать форму присяги; я просилъ его, чтобы онъ прежде объяснилъ крестьянамъ всю важность того священнодѣйствія, къ которому они теперь приступаютъ. Священникъ, едва еще опомнившійся отъ пьянства, смѣшался, оробѣлъ и я принялъ на себя то, что поручалъ ему. Когда же присяга была прочитана, то прежде нежели допустить присягавшихъ до креста и св. евангелія, я приказалъ самому священнику подать примѣръ троекратнаго поклоненія, а за нимъ послѣдовалъ я самъ и потомъ каждого крестьянина заставлялъ дѣлать то-же; рѣшительно могу удостовѣрить, что эта формальность, которая можетъ показаться мелочнымъ дѣйствіемъ, сильно подѣйствовала на присягавшихъ; я видѣлъ какъ каждый изъ нихъ съ трепетомъ и замѣтнымъ волненіемъ выполнялъ приказаніе и, приложившись къ кресту и евангелію, опять успокоивался. Точно тотъ же порядокъ и постепенность, т. е. примѣръ священника и лично мой, я удержалъ при присягѣ католиковъ, которыхъ было около 10-ти человѣкъ. Когда присяга кончилась и я подошелъ опять къ крестьянамъ благодарить ихъ и поздравить, они мнѣ въ одинъ голосъ отвѣчали:

— «Ну, отецъ нашъ, мы, глупые, до этого времени не знали сами, что дѣлать, а теперь какъ будто съ души что-то спало; славу Богу, вотъ мы всѣ присягнули!»

На другой день я приказалъ привести остальныхъ домохозяевъ

всей волости, слишкомъ 240 человекъ; не встрѣтилъ ни одного отреченнаго: всѣ присягнули безъ пренія; я приказалъ поспѣшить окончаніемъ суда и, при строгости приговора, объявленнаго преступникамъ, написалъ частное письмо къ Дьякову, прося его какъ можно смягчить наказаніе при конфирмаціи; изъ восьми виновныхъ, моему сопротивнику я просилъ опредѣлить наказаніе шпицрутенами черезъ 1,000 человекъ, четырехъ еще черезъ 500 человекъ каждого, перваго и трехъ старичковъ, за лѣтами не подверженныхъ тѣлесному наказанію, сослать въ Сибирь на поселеніе. Дьяковъ уважилъ мое представленіе, и черезъ день у меня были уже развязаны совершенно руки къ моему возвращенію.

Когда приговоренныхъ вывели къ наказанію, исправникъ донесъ мнѣ, что изъ сосѣдней волости, Нерзы, гдѣ тоже поговаривали о возмущеніи, пришло человекъ шесть мужиковъ изъ любопытства, чтобы видѣть, какъ будутъ наказывать. Я приказалъ призвать ихъ ко мнѣ, и велѣлъ поставить ихъ за фронтомъ между домохозяевами, вызванными мною въ полномъ числѣ для присутствія при наказаніи; а потомъ приказалъ, чтобы наказанныхъ непремѣнно еще проводили мимо всѣхъ для устрашенія. Когда же наказаніе кончилось, нерзынцевъ я приказалъ опять привести къ себѣ и, спрося ихъ мнѣніе: больно ли были наказаны виновные? велѣлъ исправнику всѣхъ прибывшихъ безъ приказанія, а изъ любопытства одного, наказать больно розгами, чтобы впередъ мои приказанія слушали безъ разсужденія, ибо отъ меня приказано было, чтобы посторонніе, безъ вызова, въ Яноволь не являлись.

Тотчасъ послѣ этого я приказалъ баталіону выстроиться внѣ селенія, а домохозяевъ собрать передъ мою квартиру на площади; выйдя къ нимъ, я объявилъ, что теперь они должны сами, безъ всякаго участія чиновниковъ, выбрать четырехъ человекъ старшинъ, изъ которыхъ я тутъ же утвержу двохъ въ этомъ званіи. Выборъ не продолжался и четверти часа; кандидаты мнѣ представлены на лицо. Пригласивъ ассесора казенной палаты, ибо это было его вѣдомство, я приказалъ ему избрать двухъ; черезъ двѣ минуты введенъ баталіонъ на площадь, избранные старшины подъ знаменемъ присягнули на вѣрность службѣ. Священникъ отслужилъ благодарственный молебенъ, съ колѣнопреклоненіемъ, и окропилъ всѣхъ святою водою, и все дѣло неповиновенія кончилось такъ, какъ я предварялъ Дьякова, т. е. поставя крестьянъ въ двѣ шеренги.

Въ присутствіи крестьянъ я объявилъ исправнику и администратору мнѣнія строжайшее приказаніе: 1-го и 15-го числа каждого мѣсяца доносить мнѣ, что дѣлается въ волости, не скрывая ни одного

ослушанія, даже десятскому, съ обѣщаніемъ при первой оказіи опять пріѣхать лично для расправы. Во все время, пока я былъ губернаторомъ, это выполнялось въ точности, и въ дѣлахъ остались свидѣтельства, что все совершенно было успокоено и продолжалось пока я не выбылъ въ отставку, а потомъ, къ несчастью, болѣе сорока жертвъ положили животъ по своей глупости тамъ, гдѣ теперь все такъ просто и благополучно кончилось.

ГЛАВА IV.

Расправа съ почтмейстеромъ.— Столкновения. — Болѣзненность между рекрутами.— Недостатокъ медикаментовъ.— Слѣдствіе по жалобамъ на неисправность почты.— Предводители дворянства въ Полоцкѣ и въ Городенцкѣ.— Дѣло суражскаго землемѣра.— Поѣздка генераль-губернатора Дьякова въ Петербургъ. — Выговоръ, полученный мною, и просьба объ отставкѣ.— Жалоба Смарагда графу Протасову.— Вопросъ о выводѣ евреевъ изъ Динабургской крѣпости. — Посѣщеніе динабургскаго коменданта.— Старообрядецъ Поторочинъ.— Адресъ, подписанный евреями.

1836—1837.

Возвращаясь чрезъ Себѣжъ, въ числѣ прочихъ чиновниковъ, явившихся ко мнѣ, прибылъ и почтмейстеръ, и на сдѣланное ему отъ меня замѣчаніе, что онъ ослушался меня и не явился, когда я его требовалъ къ себѣ,—онъ мнѣ далъ такой неприличный и обманчивый отвѣтъ, что я разгорячился, притомъ, выговоря ему за это, сказалъ, что я не люблю шутить и что я, привязавъ его къ колесу моего экипажа, довезу его до Витебска, тамъ посажу на гауптвахту и предамъ суду. Само по себѣ разумѣется, что этой угрозы я не имѣлъ въ виду, да и не могъ исполнить. Но, недѣли черезъ двѣ, городничій города Себѣжа донесъ мнѣ рапортомъ, что какой-то чиновникъ почтового вѣдомства, по распоряженію окружнаго почт-инспектора, прибылъ въ Себѣжъ и требовалъ отъ него, городничаго, и отъ уѣзднаго предводителя Медунецкаго засвидѣтельствovanja, что я ругалъ почтмейстера неприлично, и спрашивая меня, чтó ему слѣдуетъ отвѣчать.

Я приказалъ, разумѣется, чтобы онъ отвѣчалъ на это, что донесъ мнѣ объ этомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ я представилъ самъ это обстоятельство подробно Дьякову. Важно замѣтить, что предводитель Медунецкій присланному чиновнику далъ отзывъ, соотвѣтственный показанію почтмейстера.

Не останавливаясь въ Полоцкѣ, я отправился въ Витебскъ и

когда я увидѣлся лично съ Дьяковымъ, онъ отъ души благодарилъ меня за окончаніе этого важнаго, по его мнѣнію, дѣла, и, между прочимъ, объявилъ, что всѣ вообще смотрятъ на начало моихъ дѣйствій съ восхищеніемъ. Выслушавъ тоже мою расправу съ почтмейстеромъ, онъ одобрилъ оную. Между тѣмъ, отъ ближайшихъ ко мнѣ чиновниковъ услышалъ я, что духовенство на меня уже начинаетъ роптать понемногу, утверждая, что я покровительствую католикамъ.

Въ скорости по приѣздѣ моемъ изъ Симбирска въ Витебскъ, по принятому мною обыкновенію, я отправился въ ближайшую къ губернаторскому дому церковь, чтобы отслушать тамъ молебенъ. Это пришлось въ церкви Воскресенія Христова, гдѣ совершалась въ то время литургія. Замѣтивъ скудость убранства церковнаго, когда священникъ поднесъ мнѣ св. крестъ для лобызанія, я спросилъ, какъ великъ его приходъ и доволенъ-ли онъ своимъ мѣстомъ? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что, по недавнему обращенію церкви изъ униатской въ православную, онъ недавно еще и самъ при оной, но приходъ его весь состоитъ изъ десятка двухъ дворовъ ближайшихъ къ Витебску деревень, въ городѣ же онъ прямыхъ для себя прихожанъ не имѣетъ.

— Ну, такъ примите меня въ число прихожанъ вашихъ; я жду скоро къ себѣ старуху мать мою, женщину набожную, но лишенную зрѣнія; часто она не можетъ ѣздить въ храмъ Божій, а ей нужно бываетъ помолиться Богу въ домѣ у себя. Согласны-ли вы, батюшка, будете каждую субботу совершать у меня въ домѣ всенощную? Я за это опредѣлю вамъ въ годъ 200 руб. ассигнаціями. Праздничные дни не кладите въ счетъ; вы полюбите мою старуху—и она не будетъ вамъ неблагодарна.

Священникъ предложеніе мое принялъ, видимо, съ благодарностью. Черезъ нѣсколько дней послѣ моего вояжа въ Яноволь, матушка моя приѣхала въ Витебскъ. Въ первую субботу, вечеромъ, я послалъ за священникомъ: онъ тотчасъ прибылъ на зовъ, но объявилъ мнѣ, что службы у меня въ домѣ совершать онъ не можетъ.

— Это почему? спросилъ я его съ удивленіемъ.

— «Ваше пр-во приходомъ причислены къ собору, а не къ моей церкви».

— Мнѣ кажется, что я вправѣ самъ себя приписать къ приходу, куда мнѣ заблагоразсудится,—возразилъ я.

— «Я не умѣю вамъ отвѣчать на это», продолжалъ священникъ. «Моя церковь пользуется церковною прислугою отъ собора и я посылаю туда за причетникомъ, но протоіерей отказалъ мнѣ въ ономъ, приказавъ сказать, что губернаторскій домъ принадлежитъ къ собору, а не къ церкви Воскресенія».

Сколько ни поразило меня это объясненіе, но я воздержался и послалъ жандарма въ соборъ просить къ себѣ оттуда священника, который указываетъ мнѣ для служенія въ домѣ. Жандармъ вернулся съ отвѣтомъ, что священникъ служить всенощную, когда кончитъ, тогда придетъ на зовъ мой. Продавъ около часа времени, увидѣлъ я прибывшаго священника и на вопросъ мой: благочинный онъ или просто священникъ, онъ мнѣ отвѣчалъ, что самый младшій изъ всѣхъ состоящихъ при соборѣ.

— Отчего же не явился ко мнѣ благочинный?

— «Не знаю; онъ, вѣроятно, занятъ чѣмъ нибудь».

— Скажите, ради Бога, что значитъ вашъ отказъ о причетникѣ?

— «Всѣ губернаторы требы свои совершали всегда въ соборѣ, и я полагаю, и ваше пр—во должны совершать тамъ-же».

— Ну, а ежели я хочу причастить себя въ другой церкви?

— «Это какъ угодно будетъ вашему пр—ву; я разрѣшить этого никакъ не могу».

— Ну, дѣлать нечего! Сегодня я желалъ-бы помолиться прилично Богу, но, видно, не могу, и потому сей же часъ пошлю нарочнаго къ архіерею просить, чтобы онъ разобралъ это обстоятельство.

Священникъ бухъ въ ноги.

— Что вы это дѣлаете, батюшка?—спросилъ я его.

— «Ради Бога, не посылайте съ жалобою на меня къ архіерею: я буду погибшій человѣкъ».

— Встаньте, батюшка, не срамитесь, валяясь по полу; мнѣ больше дѣлать нечего, какъ просить архіерея, чтобы онъ дозволилъ мнѣ тамъ молиться, гдѣ я хочу самъ, а не тамъ, гдѣ принуждаютъ меня другіе.

— «Мы не будемъ наставлять ни на чемъ, ваше пр—во, только, ради Бога, не жалуйтесь архіерею, я сей-же часъ вамъ пришлю и причетника, и все, что угодно будетъ вашему пр—ву».

— «Ну, съ Богомъ, отвѣчалъ я,—не безпокойтесь. Я къ архіерею не буду писать; впередъ не вздорьте со мною».

И причетникъ чрезъ четверть часа явился для всенощной. Въ послѣдствіи слышалъ я, что соборный благочинный, протѣерей Ремезовъ, на другой же день послалъ донесеніе Смарагду, что я для служенія всенощной у меня въ домѣ приказалъ священнику Воскресенской церкви взять въ домъ къ себѣ изъ соборной церкви большое евангеліе и крестъ; но когда соборный священникъ, служившій въ это время въ соборѣ всенощную, отозвался, что эти предметы необходимы для настоящаго служенія, то я, въ азартѣ, отправилъ въ

церковъ жандарма, чтобы онъ оттуда съ собою привелъ ко мнѣ священника, давшего этотъ отвѣтъ.

Вскорѣ встрѣтилось у меня одно обстоятельство по приказу общественнаго призрѣнія. Въ числѣ прочихъ членовъ онаго положено быть и инспектору врачебной управы. Ст. сов. Гюбенталь, занимавшій эту должность, въ день прибытія моего въ Витебскъ получилъ отъ меня строгое замѣчаніе въ больницѣ приказа, за замѣченные мною безпорядки, и нажаловался уже на меня Дьяковымъ, мужу и женѣ, въ домѣ коихъ онъ пользовался особымъ довѣріемъ и привѣтливостью. Съ 1-го ноября по губерніи начался рекрутскій наборъ, и около половины этого мѣсяца я получилъ донесеніе изъ городовъ Динабурга, Рѣжицы и Люцина, что при значительномъ проходѣ черезъ эти мѣста рекрутскихъ партій, въ городахъ накаплиется большое количество больныхъ горячкою, въ особенности въ Рѣжицѣ. Больница тамъ устроена всего на двѣнадцать человѣкъ больныхъ, а теперь даже и медикаментовъ вовсе не имѣется; больные рекруты лежатъ по квартирамъ и безпрестанно начальники инвалидныхъ командъ обращаются къ городничему о пособіи въ этомъ отношеніи.

Сдѣлавъ немедленно распоряженіе отправить какъ можно болѣе лекарствъ и одежды въ Рѣжицу, я сталъ разяснять причину недостатка лекарствъ и нашелъ, что требованіе о лекарствахъ въ запасную больницу въ Смоленскъ отъ врачебной управы было послано еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, но по настоящее время ни лекарствъ, ни отзыва не получено. Замѣтивъ гражданскому члену приказа упущеніе изъ виду этого важнаго обстоятельства, я предложилъ тотъ-же часъ отправить въ запасную аптеку эстафету, съ требованіемъ скорѣйшаго удовлетворенія. Ліорнъ спросилъ меня: На чей-же счетъ послать эстафету?—я отвѣчалъ: «На счетъ виновнаго, кто впоследствии окажется, ибо теперь дѣло не о слѣдствіи, а о самомъ необходимомъ удовлетвореніи надобности».

Тотъ-же часъ принесли ко мнѣ журналы и отношеніе въ аптеку; оныя подписаны были уже однимъ Ліорномъ. Я утвердилъ моею подписью, приказавъ ни минуты не медлить, и все тотъ-же часъ выполнилось. На другой день Ліорнъ пришелъ ко мнѣ съ варочнымъ докладомъ, что журналъ подписалъ и губернский предводитель безъ прекословія, но Гюбенталь сдѣлалъ надпись, что онъ подастъ отъ себя протестъ противъ этого распоряженія. Подумавши нѣсколько, я приказалъ выждать протестъ Гюбенталю, а черезъ два дня оный мнѣ доложить. Когда же прошелъ этотъ срокъ, я послалъ объ ономъ происшествіи обстоятельное донесеніе Дьякову, во тотъ въ отвѣтъ мнѣ не далъ никакого отзыва.

По первоначальному замѣчанію Дьякова о неисправности почтъ, когда онъ препроводилъ ко мнѣ письмо генераль-адъютанта князя Лобанова-Ростовскаго, я предписалъ чиновнику особыхъ порученій, капитану Ясинскому, въ Рѣжицѣ, произвести слѣдствіе при чиновникѣ почтового вѣдомства, со стороны губернской почтовой конторы. Ясинскій и наряженный чиновникъ отправлялись два раза на мѣсто, и первый представилъ мнѣ слѣдственное дѣло, гдѣ я тотъ-же часъ увидѣлъ натяжку слѣдователей: оправдать завѣдывателей почтъ. Со всѣмъ тѣмъ бросились мнѣ въ глаза два важные предмета; первый, что вся книга на почтовой станціи исписана жалобами проезжающихъ; во-вторыхъ, что въ послѣдній проѣздъ кн. Лобанова-Ростовскаго, форейторъ, данный ему съ мѣста, на третьей верстѣ свалился съ лошади, по удостовѣренію князя—пьяный, а по свидѣтельству ямщиковъ, его товарищей, приложенному къ дѣлу и по увѣренію самого мѣстнаго почтмейстера,—якобы захворавшій въ пути уже, каковое засвидѣтельствованіе служители рѣзко выставляли по дѣлу. Сообразивши все это, я сдѣлалъ отъ себя строгое замѣчаніе Ясинскому, что онъ не уважилъ личное засвидѣтельствованіе государева генераль-адъютанта и что, по крайней мѣрѣ, онъ долженъ былъ воздержаться отъ собственнаго личнаго опроверженія онаго. Я представилъ это дѣло Дьякову, присовокупивъ собственное мнѣніе мое, что новаго переслѣдованія не признаю нужнымъ, но что при всемъ слабомъ вниманіи слѣдователей ясно обнаружены главныя обстоятельства дѣла, а именно, что почта неисправна и что форейторъ, данный князю, ежели не былъ и пьянъ, то уже вѣроятно былъ нездоровъ, и такового наряжать къ экипажу, слѣдующему еще на курьерскихъ лошадяхъ, вовсе не слѣдовало, а потому, сдѣлавъ отъ себя выговоръ Ясинскому, я полагаю справедливымъ испросить отъ почтоваго начальства выговоръ для почтмейстера, а смотрителя станціи даже слѣдуетъ, по мнѣнію моему, смѣнить, возложивъ издержку прогоновъ для слѣдователей на счетъ виновныхъ въ неисправности почтъ. Дьяковъ препроводилъ отъ себя такое же заключеніе.

Время, между тѣмъ, шло своимъ порядкомъ, и я ежедневно и усиленно старался очистить текущіе дѣла. Я говорилъ уже, что большая часть судебныхъ дѣлъ относилась собственно къ присоединенію уніатовъ. Въ особенности замѣтилъ я безпрестанное столкновеніе духовенства съ предводителями уѣздовъ: Полоцкаго—Бѣликовичемъ, и Городецкаго—Ульяновскимъ, изъ коихъ первый, вышедшій уже въ отставку, находился подъ особымъ, такъ сказать, надзоромъ военно-уѣзднаго начальника Агатонова, но лично былъ онъ тогда въ С.-Петербургѣ. Это побудило меня къ особенному объ этихъ двухъ

лицахъ наблюденію и къ разспросамъ. О Бѣликовичѣ я получилъ отзывъ, какъ о молодомъ, образованномъ и умномъ чиновникѣ, но весьма словоохотливомъ и ревностномъ къ католичеству; вообще, встрѣчались при этомъ намеки на сосѣдство имѣнія его съ монастыремъ полоцкимъ, гдѣ жилъ архіерей, ибо оно отдѣлялось только одною Двиною. Ульяновскаго же всѣ описывали очень кроткимъ, благороднѣйшаго нрава человѣкомъ. Да и встрѣча его со мною подъ Себѣжемъ таковымъ лично мнѣ уже показала.

«За что-же на него такъ сердитесь архіерей?» спрашивалъ я.

— «Ульяновскій взялъ на аренду по Невельскому и Городецкому уѣздамъ Езерейское староство; противники его, желавшіе староство удержать при торгахъ за собою, успѣли найти дорогу къ преосвященному»,—былъ мнѣ всеобщій отвѣтъ, и я впослѣдствіи въ этомъ совершенно удостовѣрился.

Еще по дѣламъ болѣе другихъ или чаще прочихъ встрѣчалось имѣніе Ушань, подъ Лепелемъ, принадлежавшее графинѣ Платтеръ. и Доложъ, Себѣжскаго уѣзда, брата Ульяновскаго.

Въ числѣ прочихъ случаевъ бросилось мнѣ въ глаза по Суражскому уѣзду отрѣшеніе кн. Хованскимъ суражскаго уѣзднаго землемѣра, по случаю нарѣзки церковной земли отъ помѣщика. Архіерей жаловался на пристрастіе его, и въ доказательство представилъ даже копію съ перехваченнаго будто къ помѣщику письма; землемѣръ преданъ суду. Уголовная палата потребовала подлинное письмо къ дѣлу. Полоцкая духовная консисторія, долгое время оставляя палату безъ отвѣта, наконецъ, по настоянію уже кн. Хованскаго, отвѣчала, что письмо оказалось подложно составленнымъ священникомъ, но священникъ уже оштрафованъ за это по духовному вѣдомству, а потому и письмо посылать къ дѣлу не зачѣмъ.

Затѣмъ встрѣтилось мнѣ отношеніе Смарагда къ Шрейдеру, въ которомъ онъ оффиціально просилъ, по выборамъ, старшаго по балламъ въ засѣдатели обойти назначеніемъ, собственно по той причинѣ, что послѣдній будто благонадежнѣе къ содѣйствію въ присоединеніи уніатъ. По гражданской палатѣ, казалось, куда бы даже и слѣду не было духовенству, опять я встрѣтилъ въ дѣлахъ письмо Смарагда къ моему предмѣстнику, гдѣ онъ просилъ одного изъ посредствовавшихъ по дѣлу чиновниковъ удалить, какъ явнаго врага владѣтельница имѣнія, о которомъ шло дѣло и (крестьяне котораго), будто-бы, по личному усердію владѣлицы, добровольно перешли въ православіе.

По казенной палатѣ жалобы на арендаторовъ, на завѣдывающихъ имѣніями, и въ особенности на брата Ульяновскаго, поступали едва-ли не ежедневно, и все съ требованіями смѣны всѣхъ противодѣйстви-

вателей. По уголовной палатѣ, въ подпискѣ духовныхъ депутатовъ встрѣчались такіа замѣчанія, о которыхъ, если бы я не былъ личнымъ оныхъ наблюдателемъ, я бы точно другому не далъ вѣры; духовное лицо удешевляло приговоренное наказаніе преступнику, съ излишнею строгостію приговоренному даже палатою.

Между тѣмъ Дьяковъ около Рождества Христова собирался ѣхать въ С.-Петербургъ. Нѣсколько разъ я принимался на словахъ объясняться съ нимъ на счетъ сдѣланныхъ мною уже замѣтокъ, но я замѣтилъ очень скоро, что онъ не только остерегается, но даже избѣгаетъ говорить со мною обстоятельно и уже начинаетъ не довѣрять мнѣ. Зная, какими людьми окруженъ онъ и, въ особенности, зная фанатизмъ правителя дѣлъ бывшаго кн. Хованскаго, а теперь его, Дьякова, Глушкова и подручника сего послѣдняго Синицына,—я пріостановился въ личномъ моемъ къ нему обращеніи, а составя въ кабинетѣ у себя особую обстоятельную записку обо всемъ, что я нашелъ въ отступленіи отъ законныхъ формъ управленія губерніею, лично вручилъ эту записку Дьякову. Не указывая опредѣлительно ни на одинъ случай, а говоря вездѣ въ общности, я въ нѣкоторомъ отношеніи оправдывалъ допущенныя уже отступленія; въ особенности я одобрялъ нахожденіе депутатовъ съ духовной стороны по всѣмъ вообще слѣдственнымъ дѣламъ, возникающимъ по требованію епархіальнаго начальства, а не только по тѣмъ, гдѣ замѣшано духовное лицо или имущество церкви, какъ было сказано въ законѣ, и въ заключеніе, просилъ даже подтвердить это отступленіе, хотя временнымъ разрѣшеніемъ, по обстоятельствамъ, для губерніи. Но нахожденіе депутатовъ отъ духовенства въ судахъ, при разсмотрѣніи дѣлъ, я почиталъ совершенно неприличнымъ, какъ явное недовѣріе не только къ судебному мѣсту, но даже и къ тому начальству, куда подобныя дѣла неминуемо входятъ на разсмотрѣніе. Однимъ словомъ, откровенно и смѣло изложилъ мнѣніе мое, я указывалъ даже на многіе другіе предметы, которые удобнѣе могли-бы споспѣшествовать присоединенію, и въ добавокъ всего, на словахъ просилъ Дьякова, записку мою, не выпуская изъ рукъ, прочесть кому онъ разсудитъ за благо: министру внутреннихъ дѣлъ, шефу жандармовъ или оберъ-прокурору св. синода, съ предвареніемъ, что ежели онъ записку передастъ кому-либо и дойдетъ она до синода, то синодъ не повѣритъ содержанію оной и потребуетъ подтвержденія фактами; за фактами у меня дѣло не станетъ, но этииъ Дьяковъ поставитъ меня въ противоположность и во вражду съ Смарагдомъ.

Чего я опасался, то и случилось.

Дьяковъ записку отдалъ графу Протасову, тотъ представилъ

синоду, и по резолюціи, тамъ состоявшейся, по прїѣздѣ Дьяковъ, требовалъ отъ меня дополнительныхъ поясненій.

Скоро по прибытіи своемъ въ Петербургъ, Дьяковъ прислалъ ко мнѣ отзывъ къ нему отъ управляющаго почтовою частію, кн. А. Н. Голицына, по дѣлу себѣжскаго почтмейстера, о которомъ, давая знать, что онъ сдѣлалъ строжайшее замѣчаніе окружному почт-инспектору, за самовольное распоряженіе его о производствѣ слѣдствія, по жалобѣ, принесенной ко мнѣ отъ почтмейстера, — со всѣмъ тѣмъ, кн. Голицынъ не можетъ воздержаться замѣчаніемъ своимъ относительно тѣхъ неприличныхъ выраженій, которыя отъ меня были обращены къ почтмейстеру, что подтвердилъ и увѣдный предводитель Медунецкій, а потому и просилъ остановить меня отъ подобнаго обращенія съ чиновниками почтоваго вѣдомства. Сколь ни справедливо было со стороны кн. А. Н. Голицына это замѣчаніе, что я и самъ вполнѣ чувствовалъ, но меня истинно тронуло, что Дьяковъ удовольствовался передачею мнѣ только оваго, а въ мою защиту отъ себя не далъ никакого новаго отзыва кн. Голицыну или, по крайней мѣрѣ, не увѣдомилъ меня объ этомъ.

Я съ первою же почтою отвѣчалъ Дьякову: «Государь назначилъ меня губернаторомъ въ Витебскъ и, надѣвъ на меня военный мундиръ, сказать изволилъ мнѣ: «Тамъ тебѣ этотъ мундиръ пригодится, безпорядки такъ велики, что ихъ непременно надо истребить». Я по сіе время полагалъ, что долженъ дѣйствовать съ особенною строгостію, остаюсь и теперь при той же мысли; можетъ быть, ошибаюсь и перешелъ за черту умѣренности, но никакъ постигнуть не могу. Я жаловался ему, Дьякову, на Гюбенталя, по приказу общественнаго призрѣнія, но не получилъ отвѣта; по безпорядкамъ на почтовыхъ станціяхъ, по собственному его, Дьякова, указанію, лично поступилъ строго, — получаю выговоръ, а потому и прошу его, если я дѣйствую ошибочно, по недостатку моего разумѣнія, то не признаетъ-ли онъ удобнымъ воспользоваться настоящимъ своимъ нахожденіемъ въ столицѣ и испросить себѣ болѣе надежнаго и умѣющаго его понимать помощника».

Дьяковъ съ первою же почтою отвѣчалъ мнѣ предлиннымъ официальнымъ письмомъ, что мое требованіе чрезвычайно удивило и огорчило его, тѣмъ болѣе, что государь спрашивалъ его уже два раза обо мнѣ, доволенъ-ли онъ назначеніемъ меня въ Витебскъ и онъ оба раза отвѣчалъ, что въ этомъ назначеніи онъ признаетъ особую высочайшую милость, ибо дѣйствительно нашелъ во мнѣ такого помощника, какого желалъ имѣть. Что на представленіе мое о Гюбенталѣ онъ не отвѣчалъ мнѣ по ошибкѣ канцеляріи его, но

Гюбенталю онъ тогда же сдѣлалъ выговоръ; что съ кн. Голлицынымъ онъ лично объяснялся обо мнѣ и оправдалъ меня совершенно, и что затѣмъ онъ просить меня продолжать служить съ нимъ. Это письмо и теперь (1845 г.) должно быть въ дѣлахъ у губернатора.

Возвратясь въ январѣ въ Витебскъ, при первой встрѣчѣ со мною, Дьяковъ, принявъ на себя тонъ начальника, спросилъ меня:

— «Что это вамъ вздумалось проситься отсюда?»

Я съ улыбкою отвѣчалъ ему, что развѣ онъ не читалъ того, на что самъ писалъ мнѣ уже отвѣтъ свой.

Почувствовавъ неумѣстность сдѣланнаго вопроса, онъ уже съ лаской прибавилъ:

— «Повѣрьте мнѣ, благороднѣйшій Иванъ Степановичъ, въ Петербургѣ есть у васъ недоброжелатели, такіе еще, которые стоятъ очень высоко. Просясь отсюда, вы не удивите, но, напротивъ, обрадуете ихъ, и потому я просто беру смѣлость предупредить васъ объ этомъ».

Между разговоромъ Дьяковъ объявилъ мнѣ, что онъ читалъ у гр. Протасова письмо къ нему Смарагда, въ которомъ онъ жалуется, что я со священниками православной церкви обращаюсь какъ съ солдатами и говорю имъ разныя грубости, но со всѣмъ тѣмъ держу себя въ отношеніи церковныхъ обрядовъ такъ, что меня упрекнуть нѣ въ чемъ; но за то онъ сомнѣвается, что жена у меня должна быть тайная католичка, ибо она еще ни разу не была въ церкви съ пріѣзда своего въ Витебскъ.

Мы очень много смѣялись этому, но потомъ слышалъ я отъ Г—ва, что это письмо Смарагда секретно, но официально было переслано къ Дьякову на его обсужденіе.

— «Я хочу спросить вашего совѣта, сказалъ мнѣ Дьяковъ;—до отъѣзда моего въ Петербургъ, я узналъ, что въ Вобруйской крѣпости всѣ евреи выведены на форштадтъ, а въ послѣднюю мою бытность въ Динабургѣ меня поразили вонь и духота внутри крѣпости. Тутъ же въ годъ два или три проѣзжаетъ государь, и я теперь, въ бытность мою въ Петербургѣ, просилъ у государя дозволенія и въ Динабургѣ распорядиться по примѣру Вобруйска; государь согласился, но теперь мнѣ сказали, что тамъ много домовъ по контрактамъ на нѣсколько лѣтъ уже занято евреями, и это можетъ задержать выводъ ихъ совершенно. Государь же, узнавъ это, будетъ недоволенъ теперь послѣ моего представленія.

— «Знаютъ-ли объ этомъ динабургскіе евреи?» спросилъ я.

— «Развѣ какимъ-либо духомъ дошло это до нихъ; ибо, кромѣ меня, объ этомъ даже не только на бумагѣ, но и на словахъ, кромѣ Глушкова, никто не имѣетъ свѣдѣнія».

— «Я завтра-же ѣду въ Динабургъ и все устрою», отвѣчалъ я.

Сказано-сдѣлано. Въ Динабургъ я пріѣхалъ на другой день, вечеромъ. Въ эту поѣздку замѣтилъ я, съ одной стороны, исправность и вниманіе чиновниковъ земской полиціи, а съ другой, напротивъ, безпечность городской. Первые служатъ по выборамъ отъ дворянства, а послѣдніе по назначенію правительства или просто по назначенію генераль-губернатора. Въ Динабургѣ меня не встрѣтили ни городничій, ни военный уѣзда начальникъ; о послѣднемъ узналъ я, что онъ дѣйствительно болевъ, и какъ я полагаю, сдѣлался жертвою горячекъ, свирѣпствовавшихъ на рекрутахъ. Ему я поручалъ устройство больницъ въ Рѣжицѣ, ибо тамъ городничій изъ военныхъ, Зброжинъ, казался больнымъ, просто отъ боязни заразы, а въ Динабургѣ городничій Винокуровъ, отставной подполковникъ, съ вечера отозвался болѣзнію, а по утру моему чиновнику объявилъ, что просто онъ былъ въ банѣ, но послѣ я узналъ, что онъ былъ не въ трезвомъ видѣ. И еще болѣе несправности мнѣ доказано было, когда я внезапно сказалъ ему проводить меня въ квартирную комиссію; онъ при мнѣ, обернувшись къ частному приставу, спросилъ его: «Въ чьемъ домѣ квартирная комиссія?» И этотъ городничій находился въ такомъ пунктѣ, гдѣ государь въ годъ по два, по три, а иногда и болѣе разъ проѣзжаетъ!

Напротивъ, исправники: полоцкій, дрисенскій и динабургскій, безъ малѣйшаго отъ меня предваренія, что я ѣду, каждый встрѣтилъ меня на границѣ своего уѣзда, конечно, по передачѣ свѣдѣній между собою отъ одного къ другому. А еще болѣе видѣлъ я расторопность ихъ въ отвѣтахъ на всѣ мои вопросы касательно ихъ уѣздовъ, и мое ласковое слово они принимали, какъ нѣчто необыкновенное, и впоследствии не было ни одного предмета, мною имъ указаннаго, котораго они не стремились бы со всѣмъ усердіемъ постигнуть и выполнить.

По утру, въ Динабургѣ, въ 6 часовъ, я вышелъ изъ квартиры, чтобы ѣхать въ крѣпость, къ коменданту, ген.-м. Гельвику, но не взирая на столь ранній часъ, онъ предупредилъ меня на своемъ крыльцѣ. Старикъ болѣе 60-ти лѣтъ отъ роду и съ которымъ я былъ знакомъ еще въ малолѣтствѣ моемъ, восхитилъ меня своею привѣтливостью и обхожденіемъ. Я ему при первой встрѣчѣ не объявилъ о причинѣ моего пріѣзда, но черезъ часъ, отправясь къ нему въ крѣпость, я взялъ съ собою городничаго, своего чиновника и тамъ уже, объясня мое намѣреніе, просилъ дать мнѣ одного плацъ-адъютанта съ тѣмъ, чтобы эти три чиновника сей-же часъ обошли всѣ дома въ крѣпости и отъ домохозяевъ отобрали контракты, которые заключены ими съ ихъ жильцами.

Какъ предполагалъ я, такъ и случилось. Контрактовъ было очень немного, всего два, а прочіе постояльцы всё жили на словѣ; думаю и полагаю даже навѣрное, ежели бы я далъ хоть часъ времени оглянуться или домохозяевамъ, или евреямъ, то контрактовъ явилось бы гораздо болѣе, а главное — что многие бы уклонились на время отлучкою и приняли бы потомъ другія какія мѣры. Но тутъ вышло все по моему желанію.

Обѣдалъ я у Гельвиха, а передъ обѣдомъ онъ водилъ меня осматривать госпиталь и крѣпость. Порядокъ вездѣ и устройство приличные ежедневному ожиданію внезапнаго проѣзда государя. Старика Гельвиха много утѣшило, когда я, разсматривая разныя постройки въ крѣпости, въ двухъ мѣстахъ указалъ ему, что изображеніе нѣкоторыхъ вѣроятно принадлежитъ самому государю, и точно, когда мы возвратились въ квартиру коменданта, онъ мнѣ принесть показать собственноручные два рисунка государя, присланные для отдѣлки тѣхъ частей построекъ, которыя мнѣ бросились въ глаза и на которыя я теперь показывалъ.

На другой день я приказалъ собрать къ себѣ всѣхъ купцовъ, какъ христіанскаго, такъ и еврейскаго происхожденія. — Первые, болѣею частью изъ раскольниковъ или, какъ сами называются, изъ старообрядцевъ. Со многими я былъ уже знакомъ нѣсколько по переходящимъ у меня дѣламъ уголовной палаты, ибо болѣшая часть этого сорта купцовъ были, такъ сказать, оборотливыми выскочками; по подрядамъ при постройкѣ крѣпости, они, изъ самаго бѣднаго или уже по крайности изъ средняго класса, сдѣлались коммерсантами; но почти всѣ были замѣшаны по дѣламъ отвлеченія отъ православія, или по пристанодержательству бѣглыхъ, что весьма обыкновенно между раскольниками. Въ особенности мнѣ встрѣчалось въ дѣлахъ нми Поторочина.

Прежде всего, я обратился къ евреямъ и объявлялъ имъ, что воля государя есть непремѣнный ихъ выводъ на форштадтъ, но что это дѣлается съ самымъ благотворнымъ намѣреніемъ: улучшить собственно бытъ ихъ и дома, ими выстроенные при пособіи отъ казны. Государь, въ проѣзды свои черезъ городъ, не одинъ разъ изволилъ замѣчать, что многіе дома совершенно почти пустыютъ отъ недостатка постояльцевъ, а между тѣмъ на хозяевахъ числятся неоплатная недоимка даваемой имъ ссуды для постройки этихъ домовъ; лавки городскія безъ товаровъ, въ совершенномъ разрушеніи, а, напротивъ, въ крѣпости, что шагъ, то замѣтна мелочная промышленность и вывѣски оной едва-ли не касаются чердаковъ. Слѣдовательно, если всѣ евреи безъ изъятія выведены будутъ на форштадтъ, никому

не будетъ это обидно, и торговля и постояльцы разойдутся по еврейскимъ-же домамъ.

Мнѣ возразили нѣкоторые старики, что тогда одни христіане будутъ торговцами Динабурга, ибо у нихъ останутся и даже размножатся лавки въ крѣпости, а оттуда никто не пойдетъ за покупками въ городъ, а главные и почти единственные покупатели—военные.

Въ ту-же минуту я сообразилъ, что это справедливо, и обѣщалъ, что возьму на себя испросить отъ правительства разрѣшеніе, чтобы въ крѣпости не имѣть вовсе лавокъ и магазиновъ, а развѣ только одну мелочную для необходимыхъ ежедневныхъ потребностей живущимъ въ крѣпости офицерамъ.

Евреи тотчасъ убѣдились моими словами, и по приглашенію моему дали мнѣ тутъ же обѣщаніе составить благодарительный актъ отъ себя за это распоряженіе. Ясно видно было, что они завидовали христіанскимъ купцамъ, торгующимъ болѣе другихъ въ крѣпости; но тутъ вышелъ впередъ одинъ изъ послѣднихъ, украшенный медалью, и обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— «Чѣмъ-же мы виноваты, ваше пр—во, что насъ вызывали строиться въ крѣпости и снабжали разными выгодами, а теперь вдругъ насъ обираютъ? Между нами нѣтъ ни одного, который не былъ-бы долженъ въ казну по ссудѣ, на которую нарастаютъ проценты. Мы и теперь не можемъ исправно платить долга нашего, а за выводомъ нашихъ постояльцевъ должны вовсе обанкротиться».

Я спросилъ, какъ зовутъ его.

— «Поторочинн!» отвѣчалъ онъ.

— «Не всегда годится, братецъ, быть выскочкой. Ты вѣрно думалъ, что я еще не знакомъ съ тобою? Ты не тотъ-ли Поторочиннъ, который обвиняется по пристанодержательству такихъ-то лицъ? Не твое-ли дѣло по подозрѣнію въ грабительствѣ такого-то дома?»—и далѣе я припомнилъ ему четыре или пять дѣлъ, совершенно свѣжихъ въ моей памяти, гдѣ замѣшанъ онъ, какъ главное лицо.

Это его чрезвычайно смѣшало, а другихъ присутствовавшихъ удивило.

Тутъ я прибавилъ еще, что дома въ крѣпости рѣшительно почти всѣ выстроены собственно на ссудную сумму. Ежели-бы оная своевременно была выплачена и долгу не составилось на заемщикахъ, то безпрекословно это была-бы ихъ собственности! Но теперь на всѣхъ домахъ числится недоимка, равняющаяся первоначально выданной ссудѣ, а на домъ Поторочинна даже превышаетъ оную, и ежели правительство разсудитъ за благо, за неисправность домъ обратить въ продажу или прямо взять въ казну—и это не будетъ несправедливостью.

Этимъ замѣчаніемъ я закрылъ ротъ недовольнымъ, но тутъ еще прибавилъ:

— «Тамъ, гдѣ объявляется желаніе государя, воля его для насъ всѣхъ должна быть равно священна; мы всѣ присягали жертвовать даже жизнью его пользѣ, а государь еще столько милостивъ, что при всѣхъ своихъ предположеніяхъ непрестанно заботится и о нашихъ выгодахъ и пользахъ, и теперь по выводѣ евреевъ онъ предполагаетъ въ крѣпости помѣстить комиссаріатъ переводомъ онаго изъ Вильны. Съ этимъ переводомъ дома почти всѣ займутся по добровольному согласію съ хозяевами и за выгоднѣйшую для нихъ цѣну. Изъ крѣпости вынесутся вонъ и зараза, и роптать рѣшительно никто не можетъ и не долженъ».

Послѣ этого я положилъ срокъ вывода черезъ шесть мѣсяцевъ, оставя два контракта до истеченія срока во всей силѣ. Отъ меня нѣкоторые купцы бросились къ коменданту, съ просьбою его покровительства на счетъ составленія записки по моему предположенію торговли въ оной. Комендантъ тотъ-же часъ пріѣхалъ ко мнѣ и сталъ меня просить прежде за четверыхъ, потомъ, спускаясь по одному, уже за двоихъ, но я рѣшительно отказалъ, ибо мое предложеніе я считалъ вполне справедливымъ, и въ крѣпости, не взирая на всѣ домогательства и жалобы, тогда по крайней мѣрѣ, разрѣшено было имѣть одну только мелочную лавку.

V.

Новыя непріятности со Смарагдомъ. — Жалоба лепельскихъ мѣщанъ. — Сѣтованіе Смарагда на минное преобладаніе въ губернскомъ правленіи католиковъ. — Просьба объ отставкѣ. — Разговоръ съ Глушковымъ. — Объясненіе съ Дьяковымъ. — Дѣло объ убіеніи священника въ имѣніи Станиславова. — Отношеніе ко мнѣ духовенства въ Витебскѣ.

1837 г.

Я вернулся въ Витебскъ, и когда представилъ Дьякову благодарительный адресъ еврейскихъ купцовъ, онъ не хотѣлъ вѣрить такому скорому и положительному окончанію этого дѣла....

Между тѣмъ, у архіерея со мною открылись уже совершенно непріязненные дѣйствія; началось тѣмъ, что при самомъ настоятельномъ требованіи съ его стороны, или въ губернское правленіе отъ консенсорія, о производствѣ слѣдствія или судебного разсмотрѣнія, я всегда въ резолюціяхъ моихъ, при согласіи, включалъ статью закона,

и эта статья утвердительно отвергала депутата; далѣе затѣмъ, архіерей узналъ о запискѣ моей, и поясненіе оной фактами, что по запросамъ, къ нему посланнымъ изъ синода, его чрезвычайно озадачивало. Мои распоряженія онъ уже явно называлъ противодѣйствіемъ, въ первомъ своемъ отзывѣ въ синодъ оправдываясь, что до меня десятки тысячъ униатовъ перешли въ православіе, а при мнѣ, при всѣхъ усиліяхъ его, архіерея, онъ едва-едва успѣлъ убѣдить до 60 человѣкъ.

Я удерживалъ себя въ одномъ огражденіи: всякое отношеніе архіерея, всякое требованіе полоцкой консисторіи удовлетворялъ немедленно, но съ буквальнымъ примѣненіемъ закона. Дьяковъ-же продолжалъ систему кн. Хованскаго, не разбирая, правильно или неправильно было требованіе Смарагда, лишь бы оное было ему послано. Такимъ образомъ, однажды я получилъ прошеніе изъ Лепеля нѣсколькихъ мѣщанъ, которые были посажены въ острогъ военно-уѣзднымъ начальникомъ, Агатоновымъ, по прямому извѣщенію Смарагда, что они, бывъ уже всѣ присоединены къ церкви, опять совратились въ унию. Мнѣ они жаловались, что когда архіерей при Шрейдерѣ пріѣзжалъ въ Лепель и тамъ, въ церкви, бывшимъ обывателямъ объявилъ свою волю, что они уже присоединены къ православію, ихъ даже въ Лепелѣ не было, а они находились въ отлучкѣ, что и просили разобрать строжайшимъ слѣдствіемъ.

Въ то-же самое время я получилъ отъ Дьякова предложеніе, на счетъ этихъ же просителей, отправить особаго слѣдователя и ихъ непремѣнно понудить къ восприсоединенію, отъ котораго они, по показанію архіерея, умышленно и въ соблазнъ другимъ отрекаются. Не было чиновниковъ, кромѣ Агатонова и Яганова, которые съ доброю охотою пускались на разбирательство подобнаго предложенія, ибо многіе лишились мѣста и даже находились подъ судомъ по обвиненію Смарагдомъ за пристрастіе. На этотъ разъ я положилъ самому себѣ отправиться на мѣсто и обстоятельно дознать всю правду.

Я слышалъ прежде о присоединеніи лепельскихъ мѣщанъ, что оно произошло въ слѣдующемъ порядкѣ.

Смарагдъ далъ звать предварительно о своемъ пріѣздѣ въ Лепель. Шрейдеръ предупредилъ его тамъ, съ тѣмъ, чтобы его встрѣтить, посредствомъ полиціи созвалъ всѣхъ живущихъ въ церковь, и когда архіерей прибылъ, сдѣлалъ ему торжественную встрѣчу. Смарагдъ, отслуживъ краткое молебствіе, благословилъ присутствовавшихъ крестомъ Спасителя нашего и, допустивъ каждого по одиночкѣ къ лобзанію креста, по окончаніи, громогласно объявилъ, что теперь всѣ, кто прикладывался ко кресту, присоединены къ православію и за отступленіе строго постраждутъ. Затѣмъ начались уже всѣ притязательства и натяжки.

Протоіерей лепельской церкви, Порошинскій, то и дѣло относился въ полицію, въ консисторію, къ архіерею, къ Агатову съ своими жалобами. Острогъ наполнялся отступниками, и не проходило дня безъ слѣдствій и передачи дѣлъ къ судебному разсмотрѣнію. Такъ и теперешніе просители попали въ бѣду! Испрашивая у Дьякова согласіе на мое предположеніе, я просилъ его разрѣшенія на одинъ случай, какъ привести мнѣ къ оправданію, если дѣйствительно окажется, что кто-либо изъ просившихъ не былъ тогда въ Лепелѣ, когда пріѣзжалъ туда Смарагдъ? Этотъ вопросъ озадачилъ Дьякова, и онъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ въ Лепель отправить отъ себя чиновника. Чиновникъ этотъ, угрозою и убѣжденіями, убѣдилъ просителей на присоединеніе. Вотъ какъ осторожно и внимательно слѣдовало дѣйствовать! Я-бы на угрозы не рѣшился и архіерей, конечно, воспользовался бы случаемъ обвинить и меня самого.

Когда я лично разсуждалъ съ Дьяковымъ объ этомъ дѣлѣ, онъ мнѣ отвѣчалъ:

— «Чего же вы хотите? Желаютъ присоединенія, и мы правдою или неправдою, но должны выполнить это желаніе».

Заносчивость Смарагда простиралась до такой степени, что однажды Дьяковъ препроводилъ въ губернское правленіе оригинальное отношеніе къ нему Смарагда, оканчивавшееся слѣдующими словами: «Я предваряю ваше высокопр—во, что я начинаю уже выходить изъ терпѣнія». Дьяковъ едва-ли замѣтилъ это выраженіе, а иначе онъ, конечно, постыдился бы такого рода замѣчаніе передать своимъ подчиненнымъ. Въ другой разъ, ко мнѣ, архіерей, началъ свое посланіе: «прежнее губернское начальство покровительствовало православію», требовалъ какого-то новаго слѣдствія и въ заключеніе дополнялъ: «не одинъ православный по злости католиковъ повесъ на себѣ тяжкое наказаніе, не одинъ уже въ отдаленіи отъ своего семейства за приверженность къ церкви томится въ Сибири».

Сдѣлавъ распоряженіе къ удовлетворенію въ законномъ порядкѣ требованія и немедленно, въ вѣжливыхъ, но холодныхъ выраженіяхъ, давъ отзывъ Смарагду, я счелъ необходимымъ представить въ оригиналѣ это отношеніе къ Дьякову и списокъ съ моего отвѣта. При этомъ я просилъ его обратить все вниманіе на слова обонхъ отношеній и вдобавокъ замѣтилъ: «Смарагдъ утверждаетъ, что прежнее губернское начальство пользовалось его довѣріемъ, слѣдовательно, окончательный упрекъ относится уже прямо ко мнѣ, а за мною и къ нему, генералъ-губернатору. По закону, онъ имѣетъ право даже рѣшенное дѣло истребовать къ своему пересмотру; не разсудить-ли онъ спросить Смарагда, чтобы тотъ указалъ ему хотя одно

дѣло, несправедливо мною конфирмованное». Но, во всякомъ случаѣ, просилъ я Дьякова устранить меня отъ подобныхъ колкостей.

Дьяковъ мое представленіе въ оригиналѣ отправилъ въ Смарагду, а его отвѣтъ, опять въ оригиналѣ-же, передалъ мнѣ, добавя только отъ себя замѣчаніе, что онъ отзывъ Смарагда находитъ уважительнымъ и проситъ меня, принявъ оный во вниманіе, согласоваться съ онымъ. Что же писалъ Смарагдъ?

Онъ началъ изрѣченіями изъ св. писанія (что именно и буквально воспрещается въ законѣ), приравнивая текстъ къ гоненіямъ православной церкви; потомъ, сослался, что въ витебскомъ губернскомъ правленіи засѣдаютъ все почти одни католики, которые ненавидятъ нашу религію, а потому и дѣлаютъ всевозможныя натяжки, чтобы угнетать православныхъ и оправдывать своихъ единовѣрцевъ. Касательно же указанія дѣлъ отозвался, что ежели прямое надъ нимъ, Смарагдомъ, начальство потребуетъ отъ него такового, онъ не откажется и не остановится представить оному, и просилъ не только что Дьякова самого, но и меня убѣдить—съ большимъ вниманіемъ и преданностью къ церкви вникать въ утонченныя производства изслѣдованія.

Я отвѣчалъ Дьякову: «Не на предложеніе в. пр—ва, но на предложенную при ономъ бумагу отвѣчаю въ подробности». Указавъ затѣмъ, гдѣ воспрещены тексты св. писанія въ официальной перепискѣ, замѣтилъ, что изъ числа присутствующихъ въ губернскомъ правленіи, я и два совѣтника православные, а одинъ только католикъ, и назначеніе этихъ лицъ не можетъ подходить подъ сужденіе архіерея, ибо есть прямая власть правительства; на счетъ дѣлъ объяснилъ, что Смарагдъ весьма ошибается и ни одного дѣла указать не можетъ, а наставленій его къ себѣ я примѣнять вовсе не имѣю нужды; вмѣстѣ съ этимъ я послалъ Дьякову просьбу по формѣ объ отставкѣ моей.

На другой день, по отправленіи моей просьбы, рано по утру, явился ко мнѣ правитель дѣлъ Дьякова, Глушковъ, и, подавая мнѣ прошеніе мое, говорить мнѣ:

— «Петръ Николаевичъ прислалъ меня просить в. пр—во, чтобы вы вашу просьбу взяли назадъ и повидались съ нимъ».

— «Мнѣ кажется, отвѣчалъ я,—что просьба моя форменная, и ежели генераль-губернаторъ считаетъ себя въ правѣ возвратить мнѣ оную, то на это есть тоже установленный порядокъ».

— «Дѣло не въ томъ, ваше пр—во, а Петръ Николаевичъ догадался, что огорчило васъ, и именно затѣмъ и послалъ меня лично, чтобы объяснитьсь съ вами; въ посланномъ вамъ предложеніи болѣе всѣхъ виноватъ я, а никто другой. Когда полученъ былъ отзывъ архіе-

рея, Петръ Николаевичъ не зналъ, что дѣлать съ онымъ, и я ему присовѣтовалъ подлинникомъ передать оный вамъ; касательно же выраженія въ концѣ предложенія, то прошу ваше пр—во во истинно повѣрить мнѣ, что оное было включено безъ умысла, такъ сказать, безъ мысли, чтобы оно могло огорчить васъ, и я въ этомъ лично прошу вашего прощенія».

— «Что вы часто пишете безъ умысла, или просто безъ смысла, замѣтилъ я,—я это давно уже вижу, а на этотъ разъ, что я вѣрю словамъ вашимъ, лучшее доказательство есть то, что вы сидите у меня теперь. Если-бы я предполагалъ умыселъ, не ручаюсь, чтобы вы не были уже за окномъ. Отвезите мое прошеніе назадъ къ генералъ-губернатору...» и я ушелъ изъ кабинета.

Черезъ полчаса жена вошла ко мнѣ въ спальню, гдѣ я въ огорченіи лежалъ на диванѣ, и объявила мнѣ, что пріѣхалъ къ намъ Дьяковъ и просить видѣться со мною; сначала я колебался выйти, но потомъ согласился. Дьяковъ былъ въ сюртукѣ безъ эполетъ, видно было, что онъ торопился и былъ чрезвычайно сконфуженъ. Взявъ меня за руку, онъ сказалъ:

— «Послушайте, Иванъ Степановичъ, не сердитесь на меня; право, я не имѣлъ намѣренія огорчить васъ, и пріѣхалъ просить васъ, чтобы вы возвратили мнѣ мое предложеніе и взяли ваше прошеніе назадъ».

Я съ кротостью отвѣчалъ Дьякову, что вовсе не заслуживалъ его къ себѣ нерасположенія, ибо съ чистымъ сердцемъ содѣйствую ему и знаю его благородное сердце, но что бумага его, можетъ быть онъ и самъ не разобралъ, обвиняетъ меня не только въ противодѣйствіи мѣрамъ правительства, но даже въ умысленныхъ неправильностяхъ и жестокости. Этотъ упрекъ я въ полномъ правѣ передать на лицо Смарагду, но воздерживаюсь именно потому, что постигаю я волю моего государя и направленіе правительства въ настоящемъ дѣлѣ. Давно уже замѣтилъ я, что онъ, Дьяковъ, мнѣ не довѣряетъ и вѣрить больше окружающимъ его фанатикамъ и даже просто глупцамъ, которые далѣе носа своего ничего не постигаютъ,—однимъ словомъ, просилъ его отпустить меня въ отставку.

Дьяковъ еще убѣдительнѣе сталъ упрашивать меня, и, наконецъ, вынувъ мое прошеніе изъ кармана, сказалъ:

— «Позвольте, Иванъ Степановичъ, разорвать эту бумагу».

Эти слова обращены были ко мнѣ съ такимъ видомъ добродушія, что я не отвѣчалъ ни слова, взялъ просьбу изъ рукъ его и, разорвавъ, бросилъ на полъ. Дьяковъ бросился обнимать меня и уѣхалъ.

Вскорѣ послѣ этого происшествія я получилъ новое отношеніе

Смарагда; препровождая ко мнѣ письмо арендатора казеннаго имѣнія Станиславова, Соколова, онъ требовалъ отъ меня строжайшаго слѣдствія объ убитомъ священникѣ этого имѣнія, и съ укоризною замѣчалъ, что это происшествіе есть слѣдствіе послабленія мѣръ мѣстной полиціи. Г. Соколовъ въ началѣ письма къ преосвященному восклицаетъ: «Горе православію, а еще болѣе горе намъ православнымъ, когда и священнослужители церкви лежатъ на распутіи, пораженные ударами злыхъ отверженцевъ нашей церкви!»

Слогъ письма, а еще болѣе обращеніе Соколова не къ полиціи, какъ слѣдовало, а къ архіерею, поразили меня, и я, призвавъ правителя канцеляріи моей, не объясняя ему причины, спросилъ, кто такой Соколовъ, арендаторъ имѣнія Станиславова?

— «О! это тонкая штука, отвѣчалъ мнѣ тотъ;—онъ прежде служилъ совѣтникомъ въ казенной палатѣ, но давно вышелъ въ отставку; имѣніе Станиславова онъ взялъ въ аренду послѣ г. Будзкі; эта передача много надѣлала шуму и много завела переписки. Будзко хотѣлъ обмануть Соколова и обѣщалъ ему дать, и кажется далъ, отступную сумму при торгахъ на имѣніе, но послѣ Соколовъ вошелъ съ особымъ прошеніемъ къ министру и выхлопоталъ, что имѣніе поручено въ аренду ему, а не Будзко.

Ту-же минуту я назначилъ слѣдователей: военно-уѣзднаго начальника Брикнера, чиновника Агатонова, городецкаго уѣзднаго стряпчаго и члена земской полиціи тамошняго суда. Брикнеру поставилъ на видъ особое вниманіе къ дѣлу, а отъ Смарагда просилъ назначенія депутата; онъ выслалъ двухъ.

Спустя нѣсколько дней, Брикнеръ представилъ мнѣ слѣдственное дѣло, по которому видно было, что сказанный священникъ вызванъ былъ къ одному корчмарю для крестинъ; довольно поздно вечеромъ отправился онъ домой и ему данъ былъ въ проводники крестьянинъ изъ деревни, но священникъ этого проводника, выѣхавши изъ деревни, отпустилъ. На другой день священникъ, на границѣ Полоцкаго уѣзда, въ которомъ имѣніе Станиславова, и Городецкаго, въ которомъ онъ былъ въ корчмѣ на крестинахъ, найденъ убитымъ, лошадь-же его, выпряженная изъ саней и обороченная къ оглоблямъ, усмотрѣна была не въ дальнемъ разстояніи въ кустахъ.

Первое извѣстіе о происшествіи получено было архіереемъ отъ Соколова и въ полоцкій земскій судъ дано уже знать отъ консисторіи. Собранныя показанія корчмаря указаны выше, а Соколовъ отъ себя дополнялъ, что онъ узналъ о смерти священника отъ возвратившагося отлучнаго изъ Станиславова крестьянина, и немедленно самъ отправился онъ на мѣсто, гдѣ лично убѣдился въ истинѣ. Онъ

имѣть большое подозрѣніе, что священникъ убить кѣмъ-либо изъ имѣнія, арендуемаго Будзкою по близости Станиславова, ибо тамъ всегда укрывается множество бѣглыхъ чужихъ крестьянъ и даже солдатъ, о чемъ уже заведено нѣсколько дѣлъ по земскому суду по его-же, Соколова, указанію.

Далѣе, разсматривая дѣло по освидѣтельствованію мертваго тѣла, замѣтилъ я, что у священника оказались порубы на груди и на головѣ острымъ оружіемъ, но ни слова не сказано объ изліяніи крови при порубѣ. Это послѣднее обстоятельство меня сильно поразило. Я счелъ долгомъ обратитъ слѣдствіе къ пополненію и назначилъ къ освидѣтельствованію мертваго тѣла члена врачебной управы (Мейера). Брикнеръ, съ нарочною эстафетою, донесъ мнѣ, что ко вторичному переосвидѣтельству тѣла не соглашаются духовные депутаты, объясняя, что священникъ въ облаченіи преданъ уже землѣ и отрывать его было-бы святотатство.

Не останавливаясь этимъ, я въ тотъ-же день отнесся къ Смарагду и требовалъ буквального выполненія закона, ссылаясь на статьи онаго. Едва я успѣлъ отправить это отношеніе, другая эстафета привезла мнѣ новое отношеніе Брикнера, что корчмарь, у котораго крестилъ священникъ, сознался стряпчему, что священникъ умеръ на дорогѣ скоропостижно, но что узнавъ объ этомъ, онъ, корчмарь, перепугался, и опасаясь, чтобы не обвинили его въ отравленіи священника, ночью подговорилъ одного еврея; они отправились вдвоемъ къ тѣлу и тамъ порубили уже мертваго топоромъ, чтобы этимъ дать отводъ отъ себя.

Архіерей прислалъ мнѣ отвѣтъ, что онъ разрѣшилъ отрыть и разоблачить тѣло убитаго, а въ тотъ-же день я получилъ донесеніе, что городецкій стряпчій, бывъ два дня боленъ горячкою, отъ воспаленія померъ. Черезъ нѣсколько дней я получилъ опять все слѣдственное дѣло и въ то-же время предложеніе генераль-губернатора по окончаніи дѣла представить оное къ нему. Это предложеніе послѣдовало по особому настоянію Смарагда. Въ дѣлѣ я нашелъ новыя обстоятельства; когда стряпчій, которому сознался корчмарь, вернулся въ комиссію и когда получено было предложеніе мое о переосвидѣльствованіи тѣла членомъ врачебной управы, немедленно прибылъ въ комиссію Соколовъ и объявилъ, что корчмарь вѣроятно на себя поклепалъ по постороннимъ какимъ-либо угрозамъ, ибо въ самый день происшествія, онъ прежде всѣхъ явился къ нему, Соколову, и вотъ какое дѣлалъ ему показаніе, которое писано въ точности со словъ его,—причемъ подалъ записку. Въ этой запискѣ показаніе совершенно согласовалось съ первоначальнымъ отъ корчмаря. Далѣе Соколовъ

утверждалъ, что когда его извѣстили объ убитомъ священникѣ, онъ, не теряя ни минуты, поѣхалъ, на мѣстѣ видѣлъ кровь въ большомъ количествѣ, а теперь не понимаетъ, отчего это не показано въ первомъ свидѣтельствѣ. Можетъ быть, позабыли и не обратили на это вниманіе, а можетъ статься кровь уже была затерта проходящими мимо тѣла. Но корчмарь подтвердилъ опять свое послѣднее показаніе, съ нимъ вмѣстѣ и еврей сознался въ участіи.

По второму свидѣтельству показано было и евреямъ, что смерть священника послѣдовала отъ апоплексическаго удара, и далѣе сказано, что во внутренностяхъ при вскрытіи тѣла никакого виннаго запаха не оказалось. Въ самое то время, когда я разсматривалъ дѣло, доложили мнѣ, что пришелъ докторъ Мейеръ. Допустивъ его, изъ любопытства, я спросилъ, зачѣмъ онъ включилъ послѣднія слова. Онъ отвѣчалъ:

— «У насъ вышелъ споръ: когда я вскрылъ внутренности, такъ и понесло виномъ, я тотчасъ далъ это замѣтить. Два депутата и Агатоновъ закричали на меня, что я говорю неправду, что запахъ этотъ происходитъ отъ гніенія тѣла; я настаивалъ на своемъ, но Брикнеръ убѣдилъ меня согласиться и показать просто, что священникъ умеръ отъ апоплексіи, ибо этого никто не могъ поставить къ обвиненію другаго лица, а депутаты настоятельно еще требовали, чтобы я вписалъ оговорку, что запаху отъ вина не было. Стряпчій же уже не присутствовалъ и черезъ день померъ.

Я опять обратилъ дѣло къ Брикнеру и велѣлъ спросить Соколова и корчмаря, не было-ли между ними стачекъ? Далѣе ничего не открылось или, лучше сказать, послѣднее обстоятельство померкло.

Дѣло поступило сперва въ уѣздный судъ, потомъ въ уголовную палату, а на рѣшительное заключеніе поступило къ Дьякову, и отъ него въ сенатъ.

Замѣчательно слѣдующее: арестанты болѣе года содержались подъ стражею; въ судѣ защитниками корчмаря усильно были депутаты съ духовной стороны, и по разсмотрѣніи сенатомъ, корчмарь и еврей оставлены безъ дальнѣйшаго наказанія, а бѣднаго проводника наказали плетью и сослали въ Сибирь на поселеніе. Мнѣ кажется, ежели корчмаря и еврея не слѣдовало обвинять въ убійствѣ, то они, по крайней мѣрѣ, подлежали наказанію за святотатство, но я остаюсь въ сомнѣніи и даже твердо увѣренъ, что за нихъ были особые и сильные заступники, опасавшіеся, вѣроятно, какой-либо особой разгласки.

Увидѣвшись въ первый разъ съ Брикнеромъ, я полюбопытствовалъ услышать отъ него подтвержденіе разсказа Мейера; онъ слово въ слово объяснилъ мнѣ то-же и еще присовокупилъ:

— «Когда было получено отъ вашего пр—ва предписаніе переосвидѣтельствовать тѣло священника, духовные депутаты воспротивились, и пока послано было къ вамъ объ этомъ донесеніе, стряпчій попросилъ позволенія отлучиться въ городъ. Уѣхавъ, онъ проѣзжалъ корчму, отъ коей началось происшествіе, и зашедъ туда, онъ объявилъ корчмарю о сдѣланномъ мною замѣчаніи, причемъ сталъ убѣждать онаго сдѣлать справедливѣйшее показаніе; корчмарь не долго колебался, признался стряпчему въ томъ, какъ онъ съ евреемъ порубили мертвое тѣло, и стряпчій, вмѣсто того, чтобы ѣхать въ городъ, возвратился въ комиссію, привезя съ собою и корчмаря; тогда нужно было видѣть, какой шумъ подняли депутаты и какіе дѣлали они упреки стряпчему, утверждая, что онъ выдумалъ новую исторію и научилъ корчмаря и еврея, что овъ непремѣнно самъ пойдетъ въ Сибирь». Брикнеръ присовокупилъ:

— «Я даже сомнѣваюсь, что причинами болѣзни стряпчаго и его смерти не были-ли сдѣланныя ему угрозы».

И. С. Жиркевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ ИВАНА СТЕПАНОВИЧА ЖИРКЕВИЧА.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ¹⁾.

VI.

Наводненіе въ Дриссѣ. — Распорядительность мѣстныхъ властей. — Бѣдствіе, причиненное наводненіемъ въ Динабургѣ. — Пожалованіе мнѣ аренды. — Дѣло о городецкомъ исправникѣ. — Дѣло о крестьянинѣ гр. Платтеръ. — Вопросъ о титулованіи архіерея. — Выговоръ, полученный Смарагдомъ. — Требованіе архіерея объ удаленіи Ульяновскаго. — Новая просьба объ отставкѣ. — Перемѣщеніе Смарагда. — Ремезовъ.

1837 г.

Въ 1837 году, во вторникъ на святой недѣлѣ, я получилъ донесеніе съ эстафетою отъ дриссенскаго городничаго, что рѣка Двина во время весенняго разлитія своего внезапно затопила половину города, такъ что жители затопленныхъ домовъ лишились скота, живности и всѣхъ сдѣланныхъ ими запасовъ, и что нужно принять скорыя и рѣшительныя мѣры для пропитанія несчастныхъ, иначе многіе должны будутъ умереть съ голода.

Полагая, что весенній разливъ бываетъ ежегодно, я обратился къ распросамъ о прежнихъ случаяхъ, и получилъ въ отвѣтъ, что въ Дриссѣ подобнаго никогда не встрѣчалось, ибо въ настоящій разъ и въ Витебскѣ Двина поднялась гораздо выше обыкновеннаго, но что

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., томъ IX, стр. 207—244; т. X, стр. 633—666; т. XI, стр. 411—450; изд. 1875 г., т. XIII, стр. 554—580; изд. 1876 г., т. XVI, стр. 627—648; т. XVII, стр. 127—144, 251—266, 771—786; изд. 1878 г., т. XXII, стр. 401—423; т. XXIII, стр. 33—54; изд. 1890 г., т. LXVII¹ июль, стр. 63—132, августъ, стр. 225—277.

ежели несчастье постигло Дриссу, то должно гораздо большего ожидать въ Динабургѣ, гдѣ ежегодно, безъ исключенія, часть форштадта бываетъ подъ водою. Узнавъ, что въ этотъ день выѣзжаетъ въ Дриссенскій уѣздъ, въ имѣніе свое, предводитель Шадурскій, я рѣшился самъ выждать донесенія изъ Динабурга, а его просилъ, заѣхавъ въ Дриссу, на мой счетъ раздать нѣкоторую сумму наиболѣе пострадавшимъ и нуждающимся.

Донесеніе изъ Динабурга не замедлило, и на другой день я былъ извѣщенъ тамошнимъ городничимъ, что на этотъ разъ несчастье въ городѣ усугубилось не столько отъ необыкновеннаго возвышенія воды, какъ отъ неожиданности случая, ибо въ истекшемъ году, черезъ форштадтъ по берегу рѣки настлано полотно для шоссе, которое собою образовало возвышенную дамбу и должно было совершенно предохранять форштадтъ отъ наводненія. Но какъ это полотно было еще не вполне окончено, а насыпи щебнемъ на ономъ вовсе не было, то Двина около форштадта, самою дамбою съузивъ русло свое, накопила огромную массу льда въ этомъ пунктѣ. Потомъ съ силою прорвало въ нѣсколькихъ мѣстахъ проведенное шоссе и вдругъ, когда жители почитали себя на первый годъ совершенно избавленными отъ наводненія, водою залило весь форштадтъ, а напоромъ льда не только повредило, но даже разрушило нѣсколько домовъ, а однакъ снесло съ мѣста и передвинуло болѣе нежели на сто саженой во внутрь города. При этомъ случаѣ у многихъ обывателей пропало все имущество, а главная потеря заключается въ унесеніи лѣса, приготовляемаго для разныхъ построекъ, и дровъ для топлива.

Подумавъ нѣсколько и сообразивъ, что поѣхавъ на мѣсто съ пустыми руками, я принесу не много пользы, ибо только увижу то, о чемъ имѣю (донесеніе) у себя на бумагѣ, и не имѣя въ моемъ распоряженіи никакихъ денежныхъ суммъ, я пригласилъ къ себѣ вице-губернатора (теперь—1845 г.—предсѣдатель казенной палаты) Гжелинскаго, просилъ его совѣта и пособія, т. е. спросилъ, можетъ-ли онъ, не подвергая себя отвѣтственности, изъ казначейства, на собственный мой страхъ, отпустить какую-либо значительную денежную сумму? Пересмотрѣвъ всѣ вѣдомости, мы согласились, чтобы я далъ палатѣ предложеніе отпустить въ прямое мое распоряженіе строительный капиталъ, съ нѣсколькими рублями болѣе 20 тыс. руб. Принявъ эту сумму, я въ тотъ-же день поѣхалъ прежде, черезъ Полоцкъ, въ Дриссу.

Остановясь на ночь въ Полоцкѣ, я сталъ подробнѣе разспрашивать о слухахъ о постигшемъ Дриссу несчастіи; слухи эти сообразовались съ донесеніемъ. Я приказалъ полиціймейстеру на другой день утромъ скупить 150 четвертей муки и 20 четвертей крупъ, нанять лодку и

спустить внизъ по Двинѣ до Дриссы,—издержка простиралась до 1,800 рублей,—и самъ пустился рано утромъ далѣе, передовымъ отправя жандарма.

На городской чертѣ, до Дриссы версты за двѣ еще отъ заставы, встрѣтилъ меня тамошній городничій на дрожкахъ; я пересѣлъ самъ къ нему и сталъ разспрашивать его о подробностяхъ. Онъ рассказывалъ мнѣ, изображая все въ самомъ горестномъ положеніи и утверждая, что болѣе половины скота, городу принадлежащаго, погибло въ волнахъ. Изъ людей-же утонулъ только одинъ кузнецъ, но и то по своей неосторожности, ибо въ самый разливъ на доскѣ хотѣлъ переправиться черезъ рѣку Дриссу, по близости устья оной съ Двиною, и унесенъ въ Двину. Мы подѣхали къ заставѣ и я приказалъ ѣхать туда, гдѣ болѣе городъ потерялъ, и сдѣлалъ это очень кстати. Я сейчасъ замѣтилъ рѣшительно въ каждомъ домѣ и козу, и курицу, и, наконецъ, тамъ, гдѣ прежде была, и корову; однимъ словомъ, ни скота, ни живности нисколько не погибло, а въ домахъ, гдѣ были полы, подняло оныя, размыло печи и выбило много стеколъ. Указавъ все это городничему, строго замѣтилъ я ему ложность его донесенія и спросилъ: пріѣзжалъ-ли въ Дриссу Шадурскій? Онъ отвѣчалъ, что самъ Шадурскій не пріѣзжалъ, а присылалъ управителя своего, который и роздалъ бѣднѣйшимъ 2,000 руб. ассигнаціями.

Приказавъ немедленно составить и подать мнѣ списокъ, кому были выданы деньги, я приказалъ тутъ-же городничему, подъ личною моею отвѣтственностью, всю эту сумму собрать отъ тѣхъ, кто получилъ деньги, а взаимѣнъ этого передать имъ муку и крупу, которая, по моему распоряженію, доставятся въ городъ. Какъ я рассчитывалъ, такъ и случилось, и деньги, хотя не вполнѣ, но соразмѣрно сдѣланной закупкѣ, собраны, и двѣ тысячи рублей возвращены Шадурскому.

Чтобы лучше объяснить разность усердія чиновниковъ, по выборамъ служившихъ, или по назначенію отъ казны, съ похвалою здѣсь подтверждаю, что хотя при настоящемъ разѣ Двина затопила бѣольшую часть прибрежной дороги, по которой размыло и снесло мосты, но я, при всей поспѣшности моего выѣзда, видѣлъ уже полную заботливость объ исправленіи поврежденнаго, а главное, что коммуникація почтовая вся уже перемѣщена была выше, съ удобностью, такъ что я и часа нигдѣ не былъ задержанъ.

Въ Динабургѣ я повторилъ мою продѣлку, но тутъ разстройство я нашелъ гораздо серьезнѣе. Нѣсколько домовъ порядочно пострадали, повреждены были значительно, такъ что у трехъ или четырехъ выбитъ былъ и разбитъ фундаментъ, много размыто половъ и печей, и по-выбито стеколъ. Когда-же я прибылъ на квартиру, городничій подаль

мнѣ вѣдомость о потеряхъ, простиравшуюся болѣе 120 тысячъ рублей. Я вторично съ нимъ отправился для соображенія потерь по городу, и на мѣстѣ указалъ ему неосновательность его свѣдѣній; затѣмъ составилъ я особую комиссію, включивъ въ нее моего собственнаго чиновника, и далъ отъ себя инструкцію, по которой составленный счетъ съ тѣмъ-то перешелъ за 16 тысячъ рублей и былъ очень близокъ къ истинѣ. Болѣе пострадавшимъ я тутъ-же роздалъ около 2.500 руб. и отправился обратно въ Витебскъ, откуда послалъ обстоятельное донесеніе генералъ-губернатору и прямо министру; въ частномъ письмѣ къ послѣднему я объяснилъ рѣшимость мою на счетъ денежныхъ издержекъ и просилъ его свисходительнаго вниманія, дабы онѣ не пали лично на меня. Недѣли черезъ двѣ министръ выслалъ не только издержанную мною сумму, но и ту, которую я просилъ въ пособіе обоимъ городамъ, по личному моему обзору.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1837 г., понуждаемый однимъ изъ кредиторовъ моихъ, я просилъ государя о пособіи. Отдамъ полную справедливость Дьякову: получивъ для представленія письмо мое, онъ спросилъ меня: «что хотите, чтобы я просилъ для васъ, аренду или капиталъ?» Я объявилъ желаніе мое на первую, и 2-го мая государь пожаловалъ мнѣ на 12 лѣтъ аренду, ежегодно по 1,200 рублей серебромъ.

За то, съ другой стороны, мы глядѣли съ Дьяковымъ на дѣла свои совершенно различно. Однажды, въ разговорѣ со мною о присоединеніи уніаты, онъ объявилъ самъ, что «кн. Хованскій и Шрейдеръ именно смѣнены по отношеніямъ къ этому предмету и что государь хотѣлъ въ то-же время смѣнить и Смарагда, а на мѣсто его дать Павла изъ Варшавы» (слова Дьякова). Но со всѣмъ тѣмъ, онъ самъ продолжалъ дѣйствовать по системѣ Хованскаго, т. е. каждое требованіе, каждое отношеніе архіерея, безъ разсмотрѣнія правильности и нужды, спѣшилъ удовлетворять безпрекословно.

Напримѣръ, сторожъ соборной церкви Витебска, изъ казенныхъ крестьянъ, былъ захваченъ корчемнымъ виномъ надсмотрщиками. Объ этомъ завелось слѣдствіе; протоіерей Ремезовъ жаловался архіерею, что слѣдствіе производится безъ депутата съ духовной стороны; тотъ отнесся къ Дьякову, а онъ потребовалъ отъ губернскаго правленія объясненія о нетребованіи депутата, прописывая буквально статью закона, гдѣ сказано, что когда слѣдствіе производится о церковно-служителяхъ, то слѣдуетъ быть при томъ депутату отъ духовенства. Губернское правленіе отвѣчало съ прописаніемъ полныхъ статей изъ закона, одной, что по дѣламъ въ выпискахъ изъ законовъ не должно никогда сокращать самыхъ статей, а выписывать ихъ вполнѣ, а другой, той же статьи, которой половина только въ отношеніи отъ Дьякова

была включена, и гдѣ во второй половинѣ именно поименовано, кого слѣдуетъ считать за церковно-служителей, и гдѣ не только сторожей, но даже и старость церковныхъ изъ свѣтскаго званія не показано.

Въ другомъ случаѣ, по распоряженію еще кн. Хованскаго, но по требованію Смарагда, отрѣшенъ былъ отъ должности городецкій исправникъ, о которомъ около двухъ лѣтъ шло уже слѣдствіе, что онъ однажды во время крестнаго хода въ городѣ, по близости онаго, не снялъ шапки, и что онъ уже не одинъ разъ замѣченъ въ пренебрежительномъ отношеніи къ обрядамъ православной церкви и своимъ обхожденіемъ подаетъ примѣръ къ соблазну. Это дѣло такъ странно въ своемъ ходѣ, что, конечно, любопытно-бы было каждому прочесть его вполнѣ. Но здѣсь приведу нѣсколько замѣтокъ. Крестный ходъ былъ около присутственныхъ мѣстъ, гдѣ временно помѣщалась церковь. Исправникъ въ шапкѣ стоялъ у воротъ своей квартиры; по многой перепискѣ измѣнялось разстояніе—всего около 70 сажень. Этого не довольно; священникъ показалъ, что однажды великимъ постомъ, когда было много причастниковъ, исправникъ, бывши въ церкви, безпрестанно смѣялся и разговаривалъ съ посторонними лицами. Исправникъ оправдывался и показалъ свидѣтелей; тѣ подъ присягою, человекъ съ тридцать, подтвердили его показаніе; спрошенъ былъ священникъ о выставленіи свидѣтелей съ его стороны, онъ отозвался, что священнодѣйствуя, онъ не можетъ развлекаться, и не помнитъ, кто былъ при этомъ случаѣ; но подтверждаетъ дѣйствительность своего доноса подъ словомъ священническаго сана.

Это дѣло Дьяковъ передалъ въ губернское правленіе, на разсмотрѣніе онаго; тутъ нечего было колебаться, и правленіе объявило свое мнѣніе: исправника допустить опять къ должности и удовлетворить за время нахожденія подъ слѣдствіемъ жалованіемъ. Дьяковъ опять обратилъ дѣло въ губернское правленіе, для дополненія онаго, ибо священническое показаніе заслуживало вѣроятія, а притомъ, чѣмъ занятъ былъ столько исправникъ, что онъ показалъ въ своихъ отвѣтахъ, что онъ не видѣлъ крестнаго хода? Этотъ запросъ я привожу здѣсь не шуточно.

Третье дѣло началось тоже при Хованскомъ и Шрейдерѣ. Лепельскій протоіерей Порошинскій донесъ архіерею, что въ имѣніи графини Платтеръ, мѣстечкѣ Ушачи, одинъ крестьянинъ (весьма зажиточный), по присоединеніи его изъ уни, не только самъ не былъ ни разу на исповѣди, но еще другихъ подстрекаетъ къ тому-же. По этому доносу наряжено было слѣдствіе, несчастный засаженъ въ тюрьму; земская полиція потребовала депутата съ духовной стороны. Полоцкая консисторія командировала доносителя Порошинскаго. Дѣло поступило

на разсмотрѣніе въ судъ; кн. Хованскій далъ предписаніе требовать и туда депутата; консисторія опять назначила Порошинскаго-же. Судъ вошелъ въ губернское правленіе съ представленіемъ, а оное снеслось съ полоцкою консисторіею и просило о переимѣнѣ депутата. Это все было до меня еще, но ко мнѣ отнесся архіерей еще, прямо жалуюсь на пристрастіе лепельскаго суда, который отвергаетъ отличнаго по заслугамъ священника, и просилъ меня это дѣло принять въ особенное вниманіе и разсмотрѣніе, и ежели губернское правленіе и я не можемъ сами измѣнить перваго рѣшенія, то представить все дѣло на разсмотрѣніе къ высшему начальству. Съ перваго взгляда я видѣлъ уже дѣло ясно, но собственно изъ уваженія къ архіерею потребовалъ подробнаго дополнительнаго поясненія отъ лепельскаго суда, съ прописаніемъ статей изъ закона. Смарагдъ, узнавши это, жаловался Дьякову на замедленіе, обвиняя гражданское управленіе въ томъ, что арестантъ за перепискою содержится болѣе года подъ стражемъ. Разумѣется, Дьяковъ предложилъ немедленно кончить переписку, разъяснить вопросъ и дать ему объясненіе; предложеніе было особенно въ строгомъ смыслѣ; по полученіи отзыва лепельскаго суда, губернскому правленію не осталось ничего болѣе, какъ, изложивъ весь ходъ дѣла Дьякову, просить его разрѣшенія; онъ послалъ въ сенатъ и, какъ послѣ оказалось, даже съ обвиненіемъ и меня въ числѣ членовъ губернскаго правленія.

Въ перепискѣ моей съ Смарагдомъ первоначально я держался формы писемъ, но послѣ выхода его, о которой говорено уже, сталъ держаться форменности отношенія, титулуя его преосвященствомъ. Однажды въ губернскомъ правленіи поднесенъ былъ мнѣ изготовленный журналъ, въ которомъ объяснялось, что полоцкая консисторія (замѣтить должно, что она обыкновенно писала въ губернское правленіе грубо и всегда ставя свое названіе выше правленія) препровождаетъ въ правленіе прошеніе одной женщины. За ошибкою въ архіерейскомъ титулѣ (вмѣсто виленскаго, было написано витебскій), требуетъ прошеніе это возвратить просительницѣ и взыскать за два листа гербовой бумаги деньги, а далѣе присовокупляла, что епархіальное начальство не однажды усматривало, что не только частныя лица, но даже и нѣкоторые изъ служащихъ, желая въ постороннихъ глазахъ уронить высокое званіе начальника паствы, титулуютъ его несообразно съ саномъ, а потому, препровождая форму, какъ слѣдуетъ писать титулъ архіерея, требуетъ разсылки оной по присутственнымъ мѣстамъ и разпубликованія по губерніи. Въ формѣ титулъ показанъ: «его высокопреосвященству высокопреосвященному Смарагду, архіепископу полоцкому и виленскому, и кавалеру». Журналъ былъ изготов-

лень и подписанъ уже другими членами въ смыслъ полного удовлетворенія этого требованія. Такъ уже привыкли всѣ присутственныя мѣста и лица слѣпо исполнять все, что хотѣлъ Смарагдъ.

Прежде всего, я замѣтилъ совѣтникамъ, что въ законѣ въ титулѣ указываютъ одно только высочайшее имя; далѣе, что каждое присутственное мѣсто неправильно поданное въ него прошеніе просителю должно возвращать прямо отъ себя, съ надписью, а не обременять этимъ другое присутственное мѣсто, и, наконецъ, я не знаю, почему полоцкій архіепископъ имѣетъ право титуловаться высокопреосвященнымъ, ибо это величаніе принадлежитъ одному митрополиту.

Совѣтникъ Скляренко тутъ-же подтвердилъ справедливость моего замѣчанія и добавилъ, что любопытиѣ всего, что въ томъ-же пакетѣ, въ которомъ прислано это требованіе изъ консисторіи, есть другое отношеніе, а при немъ копія съ указа синодскаго на имя архіерея, гдѣ нѣсколько разъ повторено слово «преосвященный» и «ваше преосвященство», въ чемъ мы всѣ тутъ-же удостовѣрились. Я приказалъ измѣнить журналъ, отвѣчать консисторіи, что прошеніе будетъ возвращено собственно во избѣжаніе лишней переписки, а впередъ, по смыслу статьи закона, съ прописаніемъ оной, правленіе просить не присылать подобныхъ актовъ, тѣмъ болѣе, что губернское правленіе не дерзаетъ даже и примѣнять замѣчанія консисторскихъ ошибокъ въ титулѣ и статьѣ закона (прописавъ оную); касательно-же распубликованія формы титула, то (опять прописавъ статьи) губернское правленіе распубликовываетъ только высочайшіе указы и указы изъ сената, а не угодно-ли будетъ епархіальному начальству свою претензію представить на разсмотрѣніе святѣйшему синоду.

Около этого-же времени послѣдовала развязка и по запискѣ, поданной лично Дьякову при первой его поѣздкѣ въ Петербургъ. Гр. Протасовъ писалъ къ Дьякову, а тотъ ко мнѣ, что по разсмотрѣніи записки и дополнительныхъ къ оной фактовъ, Синодъ призналъ, что Смарагдъ дѣйствительно въ нѣкоторыхъ случаяхъ перешелъ границу своихъ правъ и обязанностей. Это поставлено ему строго на видъ, оставя, однако-же, два дѣла еще на дальнѣйшее обсужденіе; но какъ Смарагдъ, въ данныхъ отъ него объясненіяхъ, оправдываетъ себя, что его къ ошибкамъ завлекло, конечно, излишнее его усердіе и ревность къ побѣдамъ православной церкви, то Синодъ просить, какъ генералъ-губернатора, такъ и начальника губерніи, принять это оправданіе къ своему снисхожденію.

Казалось-бы, что этотъ урокъ долженъ былъ подѣйствовать на Смарагда, но онъ взялъ только другое направленіе. Въ маѣ мѣсяцѣ (1837 года) Дьяковъ собирался опять ѣхать въ Петербургъ; за

нѣсколько дней до его выѣзда, Гжелинскій препроводилъ ко мнѣ прямое къ нему отношеніе Смарагда, съ требованіемъ особыхъ мѣръ къ отстраненію Ульяновскаго, арендатора Езерейскаго старостства, и его повѣренныхъ, какъ явныхъ противодѣйствователей православію. Гжелинскій въ своемъ ко мнѣ представленіи писалъ, что какъ это обстоятельство выше его собственныхъ правъ, то онъ почелъ обязанностью письмо Смарагда въ оригиналѣ передать мнѣ, но копію съ него, по важности содержанія, онъ почелъ долгомъ представить генералъ-губернатору. Однимъ словомъ, не довѣряя мнѣ, онъ подставлялъ меня въ настоящемъ разѣ подъ особое наблюденіе.

Разсмотрѣвъ бумагу Смарагда и огорчась поступкомъ Гжелинскаго, я счелъ долгомъ особо отъ себя представить Дьякову, что я рѣшительно не хочу оставаться въ губерніи; архіерей, не довольствуясь колкою перепискою со мною, видимо, стремится къ разрушенію согласія между мною и другими служащими чиновниками.

Жалоба Смарагда заключалась въ слѣдующемъ: однажды архимандритъ, объѣзжая для осмотра церквей, прибылъ въ одно казенное имѣніе; администраторъ Ульяновскій не встрѣтилъ его съ подобающимъ приличіемъ; 1 августа, когда архимандритъ приказалъ прихожанамъ быть у освѣщенія воды, тотъ послалъ всѣхъ къ работамъ. Въ другомъ имѣніи, также администратора Ульяновскаго, онъ отказывается крестьянъ высылать къ исповѣди къ православному священнику, и (самъ Смарагдъ пишетъ) хотя крестьяне на первой недѣлѣ поста были въ церкви, но тогда священникъ былъ нездоровъ лихорадкою и принять къ исповѣди крестьянъ не могъ. Этотъ священникъ уличенъ въ послѣдствіи въ стачкѣ съ администраторомъ въ своихъ показаніяхъ за нетрезвое поведеніе, какъ онъ уже давно аттестовалъ о немъ по списку, отстраненъ отъ прихода и ему воспрещено рукоположеніе къ благословенію; далѣе, въ другихъ имѣніяхъ на разные церковно-праздничные дни жалуюсь о воспрещеніи крестьянамъ ходить въ церковь, за работами, Смарагдъ просилъ Гжелинскаго, администраторовъ-католиковъ немедленно всѣхъ устранить и объ Ульяновскомъ сдѣлать особое представленіе.

Сдѣлавъ мои замѣчанія противъ cadaго пункта бумаги и особенно противъ выставленныхъ праздниковъ, которые даже и по календарю считаются рабочими днями, я совершенно опровергнулъ всѣ придирки и въ особенности указалъ на нѣаго священника, отъ котораго вышелъ первый доносъ. Въ этомъ донесеніи моемъ Дьякову я прямо и официально объявилъ, что дѣло восприсоединенія униатовъ признаю совершенно соотвѣтствующимъ политикѣ и нравственности, но что твердо отвергаю тотъ ходъ и тѣ мѣры, которымъ слѣдуетъ

Смарагдъ, и какъ по этому непрестанно возникаетъ между нами разногласіе, просилъ убѣдительно Дьякова употребить всѣ его средства развести насъ. Когда я еще лично сталъ просить объ этомъ Дьякова, онъ мнѣ далъ слово, непремѣнно государю объяснить мое положеніе.

Недѣли черезъ двѣ Смарагдъ перемѣщенъ въ Могилевъ, но мои распри съ духовенствомъ еще не окончились.

По Витебской губерніи образованъ былъ комитетъ для приѣма и передачи строеній, бывшихъ въ вѣдомствѣ католическаго духовенства. Предсѣдателемъ комитета—губернаторъ, членами: архіерей, директоръ гимназіи и обыкновенный членъ строительной комиссіи. Еще при Шрейдерѣ Смарагдъ выпросилъ, чтобы, вмѣсто личнаго его присутствія, засѣдать въ комитетѣ, по его довѣрію, священнику. Присутствовалъ Стефановичъ. Комитетъ дѣлами занимался медленно, да какъ могло быть иначе: съ одной стороны Стефановичъ, а съ другой—директоръ Рикманъ, каждый и каждое строеніе тянули на свою сторону; Рикманъ прямо спорилъ, а Стефановичъ не подписывалъ ни одного журнала безъ того, чтобы предварительно не посылать копіи для прочтенія Смарагду, а потому, ежели иногда и слаживалось какое-нибудь рѣшеніе, Смарагдъ разрушалъ оное, и Рикманъ опять оспаривалъ.

Однажды, стоя въ саду на террасѣ губернаторскаго дома, замѣтилъ я, что насупротивъ занимаются какимъ-то дѣломъ квартальный и причетники церкви. Я подозвалъ перваго къ себѣ и спросилъ, что они дѣлаютъ?

— «Передаемъ по-іезуитское строеніе соборянамъ», отвѣчалъ онъ.

Еще прежде я слышалъ, что въ іезуитскомъ костелѣ отличной живописи образа, и при этомъ случаѣ мнѣ вздумалось взглянуть на нихъ.

— «Спросите, продолжалъ я,—у него ключъ отъ церкви и прикажите отпереть для меня оную».

Квартальный тотъ-же часъ воротился съ донесеніемъ, что ключъ у Ремезова. Я приказалъ сходить къ нему и отворить церковь. Черезъ четверть часа посланный вернулся съ отвѣтомъ, что Ремезовъ занятъ дѣлами и ключа не далъ. Я повторилъ приказаніе отворить церковь и объявилъ, что для этого не нужно самого Ремезова. Прошло еще четверть часа и тотъ-же посланный донесъ мнѣ, что Ремезовъ вторично ключа не далъ, а велѣлъ объявить мнѣ, что я могу церковь осмотрѣть и завтра, въ 10 часовъ поутру, гдѣ онъ будетъ самъ въ эту пору. Полагаю, что cadaго удивить таковой отзвѣзъ, слѣдовательно, не мудрено, что онъ даже поразилъ меня. Но пока я еще разговаривалъ съ квартальнымъ, увидалъ я, что Ремезовъ

ѣдетъ на дрожкахъ съ полиціймейстеромъ Глинкою къ церкви. Глинка подбѣжалъ ко мнѣ и объявилъ, что церковь отпирается, что онъ, Глинка, узнавъ отъ квартальнаго объ отъѣзѣ Ремезова, самъ поспѣшилъ къ нему и убѣдилъ его исполнить мое приказаніе.

По неосторожности, не взирая на то, что кровь уже закипѣла во мнѣ, я пошелъ къ церкви. Ремезовъ въ корридорѣ вертѣлся еще у замка и я привѣтствовалъ его словами:

«Что это вздумалось вамъ ослушиваться губернатора?»

Онъ-же, не оборачиваясь ко мнѣ, возразилъ:

— «У каждого есть свое начальство и я занятъ распоряженіями моего собственнаго, не разорваться-же мнѣ на-двое».

Замѣтивъ неприличіе этого объясненія, строго, громко, но вѣжливо, я высказалъ Ремезову, что давно уже вижу стремленіе его, Ремезова, вывести меня изъ терпѣнія, и главнымъ виною этому признаю архіерея. Настоящій случай мнѣ развязываетъ руки и я, вернувшись домой, съ эстафетою отправлю мое донесеніе прямо государю, какъ о необыкновенномъ случаѣ оказанной мнѣ дерзости. Съ этимъ я и ушелъ домой.

Въ церкви, кромѣ меня, Ремезова и Глинки, случился священникъ Лоріонцевичъ.

Какъ ни мало пространство отъ церкви до дома, но жаръ во мнѣ уже простылъ и я тотчасъ сталъ думать: донесу государю—Ремезовъ погибшій человекъ, но за что-же пострадаютъ жена и дочь его; послѣдняя образованная въ высшемъ кругу и милая дѣвица. Оставить-же безъ вниманія поступокъ дерзкаго попа считалъ невозможнымъ и рѣшилъ написать къ оберъ-прокурору синода Протасову.

Въ письмѣ моемъ происшествіе я описалъ кратко и дополнялъ только, что Ремезовъ замѣченъ уже мною неоднократно умышленно мнѣ пресѣкающимъ священникомъ, а потому и просилъ за настоящій поступокъ образумить его взысканіемъ и заставить быть уважительнымъ къ начальству.

По нахожденію Дьякова въ Петербургѣ, къ нему я описалъ все подробно, но въ заключеніе сказалъ, что не желая Ремезову зла, я удовольствовался краткою жалобою на него оберъ-прокурору (и приложилъ копію) и просилъ поддержать мою жалобу словеснымъ дополненіемъ.

Ремезовъ бросился къ правителю дѣлъ, Глушкову, и вмѣстѣ съ нимъ особо написали какой-то вздоръ Дьякову, а сверхъ того, къ Смарагду Ремезовъ послалъ формальную на меня жалобу на двухъ листахъ.

Черезъ нѣсколько дней возвратился Дьяковъ и первое слово его, которымъ онъ встрѣтилъ меня, было:

«Скажите, пожалуйста, что у васъ за исторія вышла съ Ремезовымъ?»

Я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и отвѣчалъ:

— Вы вѣрно шутите, в. пр—во, или не получили моего донесенія?»

«Нѣтъ, я получилъ вашу бумагу, отвѣчалъ Дьяковъ, — но зачѣмъ вы писали прямо къ Протасову; неужели вы полагали, что Протасовъ такъ и бросится къ выполненію; онъ ко мнѣ-же передалъ ваше письмо».

— «Сожалѣю болѣе о васъ и о Протасовѣ, нежели о себѣ. Ну, тотъ, по крайней мѣрѣ, меня лично не знаетъ и можетъ ошибаться, а вы за что мѣняете меня, губернатора, на дерзкаго попа?»

Дьяковъ вступился за Ремезова, утверждая, что онъ пользуется общимъ уваженіемъ, а къ тому-же онъ—священнослужитель и духовникъ его.

— «Что онъ церковнослужитель, въ томъ я согласенъ; но чтобы онъ, какъ священникъ, заслуживалъ уваженія,—на это я никакъ не соглашусь. Онъ даже божественную литургію отправляетъ иногда безъ проскомидіи, даже и въ нашемъ присутствіи».

«Я церковной службы не знаю, возразилъ Дьяковъ, — а потому ни защищать его, ни спорить болѣе съ вами не стану».

Черезъ нѣсколько дней Дьяковъ прислалъ ко мнѣ переданную ему отъ Протасова на меня просьбу Ремезова, полную лжи и неправды, и просилъ отъ меня объясненія. Я обратилъ ему эту просьбу назадъ и отвѣчалъ, что послѣ моего донесенія о происшествіи я не имѣю ничего прибавить болѣе, а съ прошенія я даже не оставилъ у себя къ дѣламъ копій, ибо признаю постыднымъ имѣть ее у себя въ канцеляріи.

Ремезову черезъ консисторію и въ оной сдѣлали строгій выговоръ.

ГЛАВА VII.

О служащихъ по выборамъ.—Губернскіе архивы.—Полиція.—Жалобы на духовенство.—Возобновленіе моленъ.—Жалобы старообрядцевъ.—Пожаръ въ Полоцкѣ. — Комитетъ, учрежденный для помощи погорѣльцамъ. — Посѣщеніе Смарагда.—Его смиреніе.—Высочайшее пособіе погорѣльцамъ.—Распоряженія Дьякова.—Объясненіе съ нимъ по поводу Скляреньки. — Проектъ объ устройствѣ ярмарокъ. — Противодѣйствіе со стороны мѣстнаго еврейскаго купечества.—Переписка, возбужденная запискою Кульнева.

1837 г.

Скоро послѣ святой недѣли, я поѣхалъ обозрѣвать официально уѣздныя присутственныя мѣста и управленія, прежде въ Полоцкѣ, потомъ въ Себежъ, въ Люцинъ, въ Рѣжицу, въ Динабургъ и на возвратномъ пути—въ Лепель. Нашелъ почти вездѣ чиновниковъ, служащихъ по выбору дворянства, людей достаточно образованныхъ, свѣжихъ лѣтами и дѣйствовавшихъ съ особеннымъ усердіемъ. Конечно, встрѣчались и исключенія изъ этого, но такъ рѣдко, что не заслуживало-бы и замѣчать онаго. Жалобъ нигдѣ почти на дѣйствія этихъ чиновниковъ не встрѣчалось, а главное запущеніе, замѣченное мною, было разстройство, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже вовсе не существованіе, архивовъ, отвѣтственность за которые, конечно, болѣе падаетъ на постоянныхъ блюстителей внутренняго порядка мѣста, на секретарей, слѣдовательно, опять-таки на чиновниковъ, служащихъ отъ казны. Но всюду показавъ возможность, если не вполне составить архивы всѣмъ дѣламъ прошедшаго времени, то, по крайней мѣрѣ, образовавъ оныя, дать имъ основательный ходъ на будущее,—къ удовольствію моему, въ послѣдующую ревизію нашелъ я и это упущеніе много мною изглаженнымъ.

Но за то городская полиція вездѣ существовала, такъ сказать, по промыслу Божию, ибо кромѣ Динабурга, гдѣ сумма денежная на содержаніе полиціи отпускалась изъ казначейства на счетъ откупа, въ другихъ мѣстахъ таковая должна была уплачиваться съ городскихъ доходовъ, которые рѣшительно даже и въ Полоцкѣ, не мало-торговомъ городѣ, никогда не собирались вполнѣ, и вездѣ уже была огромная недоимка. Въ Полоцкѣ, полиціймейстера Садонова, и въ Себежѣ, городничаго Гардера, я нашелъ еще расторопными и дѣйствовавшими съ видимымъ усердіемъ. Но признаюсь откровенно, что боялся ихъ даже спрашивать, какими средствами успѣвали они быть хотя нѣсколько исправными въ ихъ управленіи, ибо безъ особыхъ побочныхъ натяжекъ на счетъ обывателей не было возможности

къ удовлетворенію этого. О чистотѣ воздуха въ городѣ и опрятности на улицахъ и помышлять было нечего. Конечно, къ моему пріѣзду, какъ къ проѣзду государя и генераль-губернатора, главныя улицы по тракту освѣжались и чистились, но, видимо, только на одни подобнаго рода случаи. Прибавлю здѣсь замѣчаніе, что по Витебской губерніи, кромѣ Велижа и перваго пріѣзда въ Полоцкъ, мнѣ не встрѣчалось ни разу видѣть у себя духовенства, а при посѣщеніи мною храмовъ Божіихъ, я замѣчалъ всюду священниковъ этой губерніи, видимо пренебрегавшихъ свѣтскую власть и почти въ каждомъ изъ городовъ, на путяхъ нашихъ стоявшихъ, подавались мнѣ жалобы на утѣсненіе крестьянъ духовенствомъ. Но этихъ жалобъ я не могъ и не долженъ былъ принимать въ особое уваженіе, по случаю настоятельной надобности окончательнаго присоединенія уніатовъ къ нашей церкви.

На полковника Макарова, Динабургскаго и Рѣжницкаго уѣзда раскольники непрестанно подавали и присылали просьбы, что онъ закрываетъ у нихъ издревле построенныя часовни, отбираетъ колокола; но всѣ подобнаго рода жалобы возникали уже не впервые, а по заведеннымъ дѣламъ видно было ясно, что до назначенія особаго епархіальнаго начальства въ Витебскую губернію, т. е. года за три или за четыре до моего пріѣзда въ оную, земская полиція слабо наблюдала за выполненіемъ закона, которымъ воспрещались возобновленіе и поправка существующихъ уже старообрядческихъ часовень. Съ прибытіемъ-же архіерея въ Полоцкъ, сосѣднее съ раскольниковыми селеніями духовенство открывало или старалось доказать, что поправка часовень производится уже по изданіи воспретительнаго на этотъ предметъ закона, и каждое донесеніе объ этомъ строго принималось къ обслѣдованію. Большею частью обвиняемые опровергали доносъ относительно времени поправокъ, да и обновленія оныхъ, но духовенство упорствовало въ своемъ, и этого рода дѣла всегда были темны. Мнѣ кажется, ежели-бы за всѣмъ тѣмъ, что было до учрежденія епархіи, не такъ строго слѣдить, а наблюдать за ближайшимъ ходомъ обстоятельствъ, много-бы устранилось и переписки, и хлопотъ, и утѣсненія. Въ невыполненіи закона издавна болѣе всего надлежало винить земскую полицію, дававшую потачку и, конечно, не безъ интереса своего, нежели осѣдлыхъ обывателей.

Едва я успѣлъ вернуться въ Витебскъ и далъ отъ себя назначеніе о прибытіи моемъ на другую половину губерніи, въ Суражъ, Велижъ, Невель и Городокъ, я получилъ эстафету изъ Полоцка, что тамъ произошелъ пожаръ, истребившій болѣе 200 домовъ, лучшую часть города. Это извѣстіе я получилъ на другой день начала пожара,

въ 10 часовъ утра; въ 6 часовъ вечера я былъ уже въ Полоцкѣ. Пламя погубило уже строенія, но на пепелищахъ во многихъ мѣстахъ еще вспыхивало, и въ мою бытность сгорѣлъ еще одинъ домъ. Я обошелъ лично все пространство, обнимавшее несчастный случай; тамъ, гдѣ счелъ нужнымъ, приказалъ поставить особыя караулы отъ обывателей и полиціи. При такомъ огромномъ несчастіи, конечно, никакая сила, никакія распоряженія не могли совершенно отвратить онаго, а потому ни шумѣть, ни взыскивать съ кого-либо за дѣйствія мнѣ не приходилось.

Съ 10 часовъ вечера до трехъ утра я занимался размышленіемъ и распоряженіями, какими средствами искать можно было пособить погорѣвшимъ. Прежде всего предположилъ я открыть на мѣстѣ и по губерніи подписку на сборъ денегъ и припасовъ для прокормленія бѣднѣйшихъ. Подписавъ отъ себя 400 рубл. ассигн., утромъ пригласилъ я на пожертвованіе, черезъ полиціймейстера, генерала Хвощинскаго, подписавшагося на 100 руб., и архіерея, даваго 50 руб ассигн.; къ этому началу, до объѣда отъ обывателей присоединилось еще до 1.200 рубл. Предвидя это, я предположилъ составить особый комитетъ для направленія и раздачи пособій; ближе всѣхъ изъ подчиненныхъ мнѣ лицъ, конечно, былъ военно-уѣздный начальникъ Агатоновъ, и я нисколько не сомнѣвался въ его честности; но какъ въ числѣ пострадавшихъ могли быть лица, принадлежавшія и кадетскому корпусу и духовенству, я расчелъ приличнѣйшимъ просить Павла Кесаревица Хвощинскаго принять учреждаемый мною комитетъ подъ его собственное наблюденіе и направленіе, на что онъ немедленно согласился. Подъ нимъ распорядителемъ упросилъ я быть состоявшаго теперь въ вѣдѣніи его, а нѣкогда бывшаго мнѣ по службѣ товарищемъ и постоянно моего друга полковника Доликова, котораго я вполне зналъ, какъ самаго безкорыстнѣйшаго и благороднѣйшей души человѣка, могущаго понять и оцѣнить мои мысли.

Упросивъ, такимъ образомъ, два совершенно стороннія отъ меня, по службѣ, лица къ главному участію въ комитетѣ, я не счелъ приличнымъ приглашать Агатонова, опасаясь, чтобы это не было сочтено за недовѣрчивость мою къ нимъ, а потому собственно миновалъ его; но полиціймейстера Садонова долженъ былъ включить, какъ лицо, долженствовавшее доставлять комитету необходимыя и ближайшія о всѣхъ свѣдѣнія.

Кромѣ этихъ лицъ, въ комитетъ я назначилъ городского голову и одного гласнаго отъ христіанскаго общества и трехъ кагаловыхъ—отъ еврейскаго. Для удовлетворенія потерпѣвшихъ, я поручилъ комитету прежде всего озаботиться, чтобы бѣдные всѣ были размѣщены на

одинъ мѣсяцъ, въ видѣ постоя, безъ платы, по домамъ, уцѣлѣвшимъ отъ пожара. Затѣмъ, чтобы раздача пособія производилась не деньгами, но покупаемыми припасами, мукою, крупю и печенымъ хлѣбомъ, покупаемыми непременно у евреевъ, по той причинѣ, что ни одинъ христіанинъ не будетъ пренебрегать таковыми припасами, напротивъ-же, евреи имѣютъ предубѣжденіе къ отвращенію того, что готовится христіанами.

Еще въ Симбирскѣ Государь за обѣдомъ изволилъ мнѣ сказать: — «Смотри, Жиркевичъ, твоя участь будетъ жить въ Полоцкѣ. Мы давно уже имѣемъ въ виду перемѣщеніе туда изъ Витебска, но генералъ-губернаторы какъ-то этого не хотятъ и отстаиваютъ; со всѣмъ тѣмъ я считаю, что тебѣ придется непременно туда переѣхать».

Это навело теперь меня на мысль, что на обгорѣлыхъ мѣстахъ постройки должны производиться съ особою осторожностью и осмотрительностью, и я безъ разрѣшенія моего воспретилъ даже и временныя построенія. Тамъ, гдѣ прежде были подвижныя лавочки, указалъ я устраивать ихъ въ приличнѣйшемъ размѣщеніи, но поставилъ на видъ полиціймейстера дозволеніе на это давать по одной лишь необходимости, стараясь, чтобы подвижныхъ лавокъ было какъ можно менѣе, ибо мнѣ хотѣлось непременно выбрать удобныя городскія лавки и обывателей заставить волею или неволею нанимать оныя въ прибыль городу. Немедленно написалъ я ко всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ, городничимъ, о разсылкѣ главнымъ помѣщикамъ по губерніи, письменно прося ихъ о дѣятельнѣйшемъ участіи въ сборѣ пособій и о высылкѣ оныхъ безъ задержки на имя учрежденнаго мною комитета. Утромъ, собравъ мѣстное купечество, лично убѣждалъ оное на подписку и внесеніе суммы; еще съ вечера посылалъ я полиціймейстера отъ себя спросить о здоровьи Смарагда (уже извѣщеннаго о переводѣ его въ Могилевъ) и о томъ, не обезпokoилъ-ли его особенно пожаръ, который коснулся до стѣнъ монастырскаго строенія, и спросить, дозволить-ли онъ мнѣ видѣть его. Смарагдъ далъ отвѣтъ:

— «Я боленъ, перепуганъ, а губернаторъ во всемъ господинъ, что угодно, такъ пусть и дѣлаетъ».

Сочтя это за отказъ и нежеланіе со мною видѣться, я рѣшился уже не заходить къ нему, но поутру жандармскій штабъ-офицеръ, подполковникъ Пѣвцовъ, придя ко мнѣ, объявилъ, что Смарагдъ чрезвычайно разстроенъ и огорченъ, и пѣняетъ, что я его не посѣтилъ. Я тотъ-же часъ взялъ шляпу и отправился къ нему. Онъ меня принялъ съ сильнѣйшимъ чувствомъ благодарности, можно сказать даже покорности, просилъ извиненія, что не можетъ мнѣ по болѣзни заплатить визита, но при отъѣздѣ черезъ Витебскъ будетъ у меня

лично, для изъявленія своего искреннѣйшаго раскаянія за разногласіе со мною въ дѣйствіяхъ.

— «Здѣсь я не прошу прощенія у вашего пр—ва, говорилъ онъ,— здѣсь не мѣсто, а въ Витебскѣ принесу мою повинную. Я монахъ, глушъ, свѣтскаго не понимаю, а ваше пр—во великодушны, добры и не будете поминать меня лихою».

Послѣ обѣда я отправился обратно въ Витебскъ.

Получивъ первоначально донесеніе о пожарѣ еще до выѣзда моего съ мѣста, я отправилъ съ эскафетою донесеніе государю и Дьякову, бывшему еще въ С.-Петербургѣ. Хотя въ рапортѣ полиціймейстера не было ничего упомянуто, что пожаръ не коснулся корпуса, но я, сообразя направленіе пламени отъ начала до другаго конца, въ моемъ донесеніи къ государю успокаивалъ его на этотъ счетъ, и въ заключеніе сказалъ, что сей-же часъ лично отправляюсь въ Полоцкъ.

Теперь-же, возвратясь въ Витебскъ и въ этотъ-же день, по случаю обыкновеннаго у меня по пятницамъ сборища общества, собравъ еще болѣе 1,000 руб. на погорѣвшихъ,— я въ подробномъ донесеніи государю изобразилъ все, что видѣлъ самъ лично и какія приняты мною на мѣстѣ мѣры. Далѣе дополнилъ, что всѣ несчастные успокоены мною окончательно на цѣлый мѣсяцъ и не будутъ терпѣть нужды, но что дальнѣйшую ихъ участь предаю его благотворной десницѣ. Причемъ просилъ, сообразно извѣстному уже мнѣ предположенію о перемѣщеніи современемъ губерніи въ Полоцкъ, оказать городу особое значительнѣйшее пособіе, какъ къ постройкѣ обывателями домовъ, такъ и къ выстройкѣ городскихъ общественныхъ лавокъ; для чего я полагалъ достаточнымъ дать въ ссуду безъ процентовъ 50 тысячъ рублей ассигнаціями, и для послѣдняго предмета, собственно городу, столько-же, безъ процентовъ, на 10 лѣтъ. Сверхъ того, просилъ я дозволенія подписку въ теченіи года распространить по всей Россіи, въ особенности-же обратиться къ купечеству, въ это время собравшемуся на нижегородскую ярмарку.

Черезъ день я отправился для ревизіи городовъ, какъ сказано уже, прежде всего въ Суражъ. Сообразивъ и расчитавъ, когда государь получитъ мое первое донесеніе, я былъ увѣренъ, что онъ прикажетъ Дьякову немедленно лично ѣхать въ Полоцкъ, а ужъ не было и малѣйшаго сомнѣнія, чтобы вмѣстѣ съ этимъ не пожаловалъ государь несчастнымъ первое денежное пособіе, и я приблизительно расчитывалъ на 50 тысячъ руб. На другой день утромъ, въ Суражѣ, я разговаривалъ о моемъ соображеніи съ предводителемъ, который, какъ и я, квартировалъ въ гостиницѣ, устроенной на почтовой станціи; мнѣ докладываютъ: «чиновникъ генераль-губернатора изъ С.-Петербурга».

— «Ну вотъ, видите, замѣтилъ я предводителю,—какъ вѣрны и точны мои расчеты». И дѣйствительно, чиновникъ Несмѣловъ объявилъ мнѣ, что черезъ часъ будетъ самъ Дьяковъ и везетъ 50 тысячъ рублей.

Дьяковъ, котораго я встрѣтилъ на крыльцѣ гостинницы съ рапортомъ, обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

«Вы, вѣрно, не ждали меня?»

— «Напротивъ, ваше пр—во; вотъ г. предводитель, который удосто- вѣритъ вамъ, что непремѣнно и именно сегодня ждалъ васъ, и для этого нарочно на нѣсколько лишникъ часовъ остался въ Суражѣ и даже зналъ, что вы везете въ карманѣ вашемъ».

Поговоривъ нѣсколько времени наиболѣе о нуждѣ, Дьяковъ уѣхалъ въ Витебскъ, а я пустился въ Велижъ, оттуда далѣе въ Невель и Городокъ, и черезъ четыре дня я уже возвратился назадъ въ Витебскъ, куда въ этотъ-же день вернулся изъ Полоцка, гдѣ онъ былъ, и Дьяковъ.

— «Благодарю васъ, Иванъ Степановичъ, за всѣ ваши распоряженія по Полоцку, которыя я одобряю; но я стелъ нужнымъ членомъ въ комитетъ присоединить Агатонова, сказалъ мнѣ Дьяковъ,—я не знаю, почему вы его не помѣстили туда?»

Я объяснилъ деликатный поводъ, меня остановившій въ этомъ, на что Дьяковъ не отвѣчалъ ни слова.

— «Завтра я донесу обо всемъ государю, прибавилъ онъ;—но здѣсь опять у насъ встрѣтится небольшое разногласіе; вы назначили собрать пособіе не только по губерніи, но даже по цѣлой Россіи, это какъ будто сомнѣніе въ милостяхъ государя; вотъ видите, государь самъ озаботился и со мною послалъ отъ себя пособіе, а потому я прошу чтобы подписокъ никакихъ болѣе не собирать».

— «Напрасно вы такъ рассчитываете, ваше пр—во возразилъ я,— сколько ни набралось-бы пособія, оно никогда не будетъ лишнее; вы, конечно, не имѣли времени въ Петербургѣ получить втораго моего донесенія, я въ немъ донесъ государю о подпискахъ по губерніи и о предполагаемой подпискѣ по всей Россіи, и просилъ для города 100 тысячъ рублей. Увѣряю васъ, государь одобритъ и уважитъ мое представленіе».

«Сомнѣваюсь», отвѣчалъ Дьяковъ; но ровно на другой-же день и сто тысячъ, и утвержденіе моего представленія получено уже было изъ Петербурга.

Продолжая объ этомъ предметѣ разговоръ со мною, Дьяковъ спросилъ:

«Какъ вы думаете, Иванъ Степановичъ, роздать пожалованныя уже государемъ 50 тысячъ рублей?»

— «Я полагаю, замѣтилъ я,—что вы эти деньги на мѣстѣ уже роздали, ибо, какъ кажется, это была мысль государя, когда онъ васъ такъ скоро и внезапно послалъ изъ С.-Петербурга».

Дьяковъ сконфузился, и продолжалъ:

«Безъ васъ я не хотѣлъ ничѣмъ распоряжаться, тѣмъ болѣе что вы всему уже дали начало, а главное, что сами на мѣстѣ все подробно и обстоятельно видѣли».

— «Это правда, отвѣчалъ я,—что я все видѣлъ на мѣстѣ, но мнѣ кажется, ежели 50 тыс. рублей, которые на мѣстѣ-же можно было раздать несчастнымъ, туда теперь отправлять черезъ почту, надо будетъ заплатить процентныхъ 250 рублей, а это капиталъ, на который порядочную избу для погорѣлаго можно выстроить, а потому позвольте мнѣ и довѣрьте эти 50 тысячъ рублей; я самъ лично отвезу ихъ въ Полоцкъ и передамъ въ комитетъ. Это уже будетъ дѣломъ самого комитета, кому и сколько именно дать безвозвратнаго пособія».

Дьяковъ согласился на это, и я опять поѣхалъ въ Полоцкъ. Тутъ я услышалъ, что Дьяковъ въ бытность свою такъ за пожаръ разбранилъ полиціимейстера, голову, кагальныхъ, словомъ—каждаго, кто только попался ему на встрѣчу; кричалъ, что я балую ихъ всѣхъ, и утруждаю государя напрасно объ излишнихъ пособіяхъ, что они больше не должны ожидать ничего. Потомъ приказалъ всѣмъ, кто на мѣстѣ получилъ отъ меня какое-либо предписаніе, принести и показать ему оное. Затѣмъ каждому далъ новое отъ себя предписаніе, гдѣ подтверждалъ вполнѣ то, что отъ меня уже предписано было, а Агатову далъ особое предписаніе присутствовать въ комитетѣ и наблюдать за распоряженіями онаго, и даже имѣлъ неосторожность предложить это или поставить на видъ комитету, чѣмъ сильно огорчился Хвощинскій, и когда онъ лично объяснялся со мною объ этомъ, я насилу могъ убѣдить его остаться предсѣдателемъ комитета. Я забылъ сказать выше, что Дьяковъ одинъ разъ уже возвращался изъ Петербурга и опять туда поѣхалъ для устройства своихъ домашнихъ дѣлъ. При первомъ возвращеніи его было у меня съ нимъ объясненіе на счетъ Ремезова, и разговоръ объ этомъ предметѣ у насъ былъ весьма крупный и громкій, такъ что я послѣ спохватился, что посторонніе чиновники, бывшіе въ ближнемъ покоѣ, отдѣленномъ только отъ кабинета Дьякова корридоромъ, могли слышать наши объясненія. Огорчася его замѣчаніемъ, что онъ все знаетъ, что дѣлается въ губерніи, и даже знаетъ, что говорить и гдѣ о немъ самомъ, Дьяковъ, я сказалъ ему, что онъ вѣроятно даже гораздо болѣе знаетъ, нежели и это, и конечно знаетъ даже, что думаютъ о немъ. Но я знаю одно, что по губерніи нѣтъ чиновника, хотъ мало дѣльнаго и расторопнаго, ко-

торый-бы не былъ положительно запятнанъ въ его мнѣніи черезъ его приближенныхъ, и что онъ рѣшительно никому въ губерніи не довѣряетъ.

«Укажите мнѣ хотя одного чиновника, замѣтилъ Дьяковъ, — котораго вы разумѣли-бы въ этомъ понятіи».

— «Я не говорю уже о себѣ, но вотъ возьмемъ въ примѣръ хоть совѣтника губернскаго правленія, Скларенку, отвѣчалъ я.—Когда я пріѣхалъ въ губернію, вы просили меня рекомендовать вамъ правителя дѣлъ для вашей канцеляріи и предварили меня, что министръ Блудовъ выставляетъ вамъ Скларенку, какъ способнаго на это мѣсто, но потомъ прибавили, что вы со стороны однако-же слышали, что Скларенко взяточникъ. Тогда я промолчалъ объ этомъ, но почелъ долгомъ особенно наблюдать за Скларенкою. Потомъ, вернувшись въ первый разъ изъ С.-Петербурга, вы повторили мнѣ, что Блудовъ вамъ вторично рекомендовалъ Скларенку, но что вы сыскали какого-то Драгомыжскаго, и снова повторили, что Скларенко взяточникъ. Я еще разъ промолчалъ».

«Ну, я и теперь то-же говорю, сказалъ вспылчиво Дьяковъ, — Скларенко взяточникъ, и первой руки взяточникъ».

— «Нѣтъ уже, ваше пр—во, возразилъ я,—восемь мѣсяцевъ я наблюдаю внимательно и строго за этимъ чиновникомъ; если вы его числите по сіе время первымъ номеромъ, спустите его ниже, а меня поставьте на его мѣсто».

Послѣ этого очень скоро разговоръ у насъ прекратился; я вышелъ, и тутъ уже замѣтилъ, какъ близко были отъ насъ могшіе слышать разговоръ нашъ; въ числѣ прочихъ чиновниковъ былъ и Скларенко; черезъ полчаса, едва я возвратился домой, пришелъ ко мнѣ прямо отъ Дьякова Скларенко и благодарилъ меня за мое къ нему вниманіе, ибо Дьяковъ, отпустя другихъ чиновниковъ послѣ пріема, позвалъ его въ кабинетъ и тамъ, объясня ему то хорошее и выгодное мнѣніе, которое будто я внушилъ ему, просилъ его занять мѣсто правителя его канцеляріи, на что онъ, однако-же, не далъ слова своего, безъ предваренія меня объ этомъ. Не знаю, ей Богу, какъ назвать этотъ поступокъ Дьякова, слабостью или благородствомъ души; конечно, собственныя мои чувства влекутъ меня скорѣе къ послѣднему заключенію.

Скоро послѣ пожара Полоцка, черезъ Дьякова я получилъ вопросъ, нельзя-ли воспользоваться настоящимъ случаемъ, и при томъ значительномъ пособіи улучшить городъ въ постройкахъ и изнутри города вывести евреевъ на другія мѣста. Замѣтивъ въ моемъ отзывѣ, что какъ въ городѣ выгорѣла лучшая часть онаго и почти всѣ каменные строенія, принадлежавшія богатымъ евреямъ, то безъ особой несправедливости нельзя ихъ лишить просто права на владѣніе по-

горѣлыми мѣстами, а я считалъ-бы возможнымъ: 1) На прежнихъ мѣстахъ давать дозволеніе строить новыя дома прежнимъ хозяевамъ не иначе, какъ по улучшеннымъ фасадамъ, и безъ малѣйшаго пособія отъ казны или насчетъ собранной подписной суммы. 2) У тѣхъ, которые безъ пособія не въ состояніи будутъ предпринять постройки (назначивъ срокъ постройки), мѣста скупить въ казну, по оцѣнкѣ обыкновеннымъ порядкомъ, и потомъ эти мѣста отдать подъ новыя казенныя устройства или хотя частнымъ лицамъ, по христіанскаго исповѣданія, по тѣмъ-же цѣнамъ, по которымъ приобретутся эти мѣста въ казну, съ допущеніемъ пособія христіанамъ. 3) Перепродать и раздѣлъ домовъ въ кварталѣ отъ евреевъ евреямъ воспретить и кварталъ собственно сдѣлать христіанскимъ. 4) Строжайше воспретить евреямъ въ домахъ отдавать участки подъ лавки для торгова, съ дозволеніемъ и самимъ хозяевамъ занимать для торгова только одинъ покой въ домѣ, дабы этимъ заставить ихъ строить особыя лавки, въ общемъ планѣ съ городскими или нанимать городскія собственно. 5) Для Полоцка учредить двѣ ярмарки срочныя, одну, со 2 февраля на двѣ недѣли—зимнюю, а другую, съ 10 іюля на три недѣли—лѣтнюю, и собственно для этихъ ярмарокъ выстроить на счетъ пожалованной городу ссуды лавки, частью только казенныя, а съ ними по плану-же дозволить пристраивать и частныя, что украсило-бы городъ и дало-бы оному средства къ содержанію въ лучшемъ видѣ городской полиціи. Эти сроки я призналъ потому удобнѣйшими, что въ первыхъ числахъ февраля кончается ярмарка въ м. Любовичахъ, Могилевской губерніи, отъ Полоцка всего верстъ 150, не болѣе, и откуда уже купцы разѣзжаются окончательно. Въ февралѣ удобность пути дала-бы возможность торгъ ихъ провезти до Полоцка и безъ распутицы еще возвращаться домой. Вторая-же ярмарка была-бы въ промежутокъ ярмарки Освейской, начинающейся 29 іюня, и Белешковецкой, которой начало 16 іюля. Купцы съ одной переѣзжаютъ на другую именно черезъ Полоцкъ, слѣдовательно, новая ярмарка была-бы имъ по пути.

При этомъ я имѣлъ въ виду, кромѣ сношеній моихъ съ начальниками сосѣднихъ губерній, лично съѣздить на ярмарки Любовицкую, Белешковецкую и Освейскую и убѣдить торгующихъ купцовъ посѣщать Полоцкія ярмарки, гдѣ прежде устроить всѣ удобства и необходимыя для общества развлеченія, и я увѣренъ, что совершенно успѣлъ-бы въ этомъ. Но другіе не поняли мою мысль, полагая, что достаточно будетъ оповѣстить только черезъ газеты, что ярмарки разрѣшаются; да и самыя лавки выстроены только на одну пожалованную ссуду собственно для обывателей, тогда какъ вся торговля въ Полоцкѣ въ упадкѣ, слѣдовательно, остаются лавки или праздными, или отдаются

только-что не даромъ, слѣдовательно, пользу приносятъ городу совершенно ничтожную; а еще лучше всего, что будто-бы за неявкою ни кого на указанные сроки въ Полоцкъ на ярмарки, сроки сіи отмѣнены и назначена новая ярмарка на 23 мая, т. е. на день св. Евфросиньи, покровительницы Полоцка. 25 мая время всегдашней распутицы, и по близости нигдѣ, ни прежде, ни послѣ, на короткіе сроки ярмарокъ не бываетъ; кто-же нарочно поѣдетъ на эту ярмарку?

Какъ справедливо было замѣчаніе государя, что генералъ-губернаторы не желаютъ перемѣщенія губернскаго управленія изъ Витебска въ Полоцкъ! Дьяковъ, передавая мнѣ прописанный выше запросъ, въ своемъ предложеніи ко мнѣ умолчалъ новсе, что министръ поставилъ ему на видъ имѣть въ предметъ будущее возможное измѣненіе, и уже черезъ два мѣсяца министръ случайно прислалъ мнѣ копію съ своего отношенія къ Дьякову.

Мѣстное-же еврейское купечество всячески хлопочетъ не допускать ярмарокъ. Два или три капиталиста, всѣми путями, въ канцеляріи генералъ-губернатора и даже выше, устраняютъ эту опасность ихъ монополіи, а оттого не только для Полоцка, но и для всей губерніи, въ центрѣ которой лежитъ Полоцкъ, цѣны на всѣ предметы, случайно поднавшись выше, никогда уже не понижаются, а держатся все въ одной соразмѣрности, до новаго еще возвышенія, а потому и мои предположенія всѣ остались въ небреженіи.

Прошло уже мѣсяцевъ восемь, какъ я получилъ отъ Дьякова записку Кульнева на счетъ губерніи, въ которой онъ рѣшительно и злостно все ругалъ, безъ исключенія, помѣщиковъ, чиновниковъ и остальныхъ обывателей. Въ интервалѣ этого времени я былъ два раза въ Рѣжицѣ, и всегда предваря заблаговременно о моемъ туда прибытіи, слѣдовательно, Кульневъ, живущій въ двухъ верстахъ отъ Рѣжицы, оба раза зналъ, что я буду у него въ сосѣдствѣ; когда я получилъ его записку отъ Дьякова, я писалъ къ нему нарочно и просилъ его лично со мною познакомиться; онъ пренебрегъ это предложеніе, а между тѣмъ, двѣ или три просьбы отъ него, дополнительно къ подаваемымъ имъ предмѣстнику моему, достаточно ознакомили меня съ его правилами въ тяжбахъ, а собранныя мною изустно свѣдѣнія еще лучше это дополнили. Теперь Дьяковъ потребовалъ отъ меня мнѣнія моего на записку, замѣтивъ, что я имѣлъ достаточно времени для моихъ соображеній. Само собою разумѣется, что съ вѣтою вмѣстѣ перемѣшивалась и правда, и я, разбирая записку, на каждый пунктъ оной дѣлалъ положительное заключеніе. Между прочимъ, долгомъ счелъ взять подъ защиту мою служащихъ по выборамъ чиновниковъ, готовность всѣхъ сословій уплачивать подати и

спокойствіе обывателей, нигдѣ не нарушимое безъ особаго сторонняго возбужденія.

Всѣ эти заключенія я сдѣлалъ съ твердостью, ибо повѣрилъ ихъ на мѣстѣ и собственнымъ обзоромъ, и въ этомъ видѣ сдѣлавъ донесеніе мое, возвратилъ записку. Дьяковъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ удивляется моему образу сужденія, что онъ самъ знаетъ многихъ чиновниковъ нерадивыхъ и неисполнительныхъ по ихъ части, что недоимка не убавляется, а спокойствіе по губерніи очень часто нарушается, и онъ долженъ принимать особыя мѣры къ восстановленію спокойствія между обывателями; что Кульневъ—чисто русскій дворянинъ и братъ знаменитаго Кульнева, павшаго на полѣ битвы за отечество; а любопытнѣе всего, Дьяковъ въ заключеніе излагалъ, что отъ государя ему предоставлено заботиться о благосостояніи губерніи и онъ ожидаетъ, что въ этомъ отношеніи я буду ревностнымъ ему сотрудникомъ.

Удивленный незаслуженному мною замѣчанію, я почелъ долгомъ на этотъ разъ дать отъ себя оправдательный отзывъ. Подробно описавъ стараніе мое познакомиться съ Кульневымъ и его отъ онаго отклоненіе, упомянулъ о кляузническихъ его просьбахъ и объ изустно собранныхъ мною о немъ свѣдѣніяхъ, и заключилъ, что русская пословица весьма можетъ оправдаться на семействѣ Кульнева, что семья можетъ быть и не безъ уroda. Далѣе, показаніемъ чиселъ доказалъ, что недоимка, ежели видимо не уменьшается, то по крайности и не увеличивается, и что къ уменьшенію оной должно ожидать окончанія льготнаго срока; что чиновники, служащіе по выборамъ, служатъ наиболѣе и хорошо; кромѣ личнаго моего въ томъ удостовѣренія, я доказывалъ тѣмъ, что нѣтъ другой губерніи, въ которой я встрѣчалъ оныхъ, столь много украшенныхъ знаками отличія еще при прежнемъ управленіи губерніи, а мнѣ остается поддержать это моимъ собственнымъ засвидѣтельствованіемъ. Ежели и мнѣ приходилось въ губерніи возстановлявать гдѣ спокойствіе, то самое скорое водвореніе онаго служило уже доказательствомъ, что сторонніе случаи, а не характеръ жителей, были виною безпорядковъ; наконецъ, добавилъ, что отвѣтственность за благосостояніе губерніи въ равной мѣрѣ возлагается и на меня столько-же, какъ и на него, генераль-губернатора. Бывъ усерднымъ исполнителемъ и въ частныхъ его распоряженіяхъ, мнѣ не нужно утверждать, что ежели онъ укажетъ мнѣ что-либо особое и для благоустройства губерніи, онъ будетъ имѣть во мнѣ одинаково постояннаго сотрудника и исполнителя его распоряженій. Дьяковъ—почетитель о благосостояніи губерніи! Эта мысль мнѣ показалась столь новою, что я опомниться скоро не былъ въ состояніи.

ГЛАВА VIII.

Проездъ императора Николая Павловича черезъ Динабургъ. — Назначеніе въ комитетъ для устройства государственныхъ крестьянъ. — Поѣздка въ Петербургъ. — Бесѣда съ Киселевымъ о состояніи Витебской губерніи. — Разговоръ съ Меркуловымъ. — Представленіе, сдѣланное Дьяковымъ въ сенатъ. — Вліяніе Дьяковой на мужа. — Устройство дѣтскаго приюта. — Учрежденіе должности ставровыхъ приставовъ. — Польскіе эмигранты. — Арестъ Канарскаго. — Архитекторъ Бетини. — Выходка Цѣхановецкой. — Какъ отнесся къ этому Дьяковъ. — Монаршее благоволеніе. — Выходъ въ отставку.

1837—1838 гг.

Около этого времени государь долженъ былъ проѣзжать черезъ Динабургъ за границу; я предварилъ губернскаго предводителя Шадурскаго, что, по моему мнѣнію, онъ не худо сдѣлалъ-бы, ежели-бы самъ былъ въ проѣздѣ государя черезъ Динабургъ; такъ какъ Шадурскій колебался, хотѣлъ просить разрѣшенія у Дьякова, я сказалъ ему, что напрасно, Дьяковъ не согласится, но утвердительно обнадеживалъ, что государю не можетъ быть непріятно, что подданные высокослужащіе жаждутъ видѣть его особу, но совѣтовалъ при вопросѣ о причинѣ прибытія въ Динабургъ отозваться случайностью и своею надобностью.

Я здѣсь говорю объ этомъ, чтобы показать, какъ велико было противъ губерніи предубѣжденіе, — каждый опасался попасться Государю на глаза въ оной. Самъ я поѣхалъ по пути удостовѣриться, все-ли изготовлено къ успокоенію проѣзда его величества, и сдѣлалъ это очень кстати: меня беспокоило очень, что весеннимъ разливомъ на пути между Люценомъ и Рѣжицею снесенъ былъ одинъ капитальный мостъ, который невозможно было успѣть выстроить оковчательно ко времени проѣзда.

На границѣ Рѣжицкаго уѣзда встрѣтилъ меня исправникъ, и на вопросъ мой, готовъ-ли и хорошо-ли наведенъ мостъ, оторопѣвши, отвѣчалъ, что мостъ еще не совсѣмъ готовъ и онъ не можетъ назвать оный вполне прочнымъ. Я поторопился сдѣлать ему строгое замѣчаніе. Подѣхавъ къ мосту, я вышелъ изъ коляски, но сколь велико было удивленіе мое, когда я временную постройку увидѣлъ красивою а обойдя со всѣхъ сторонъ увѣрился и въ прочности оной; не оставиваясь объявить мое мнѣніе, я сталъ извиняться, что напрасно бранилъ прежде, но исправникъ признался мнѣ, что они всѣ столько

уже напуганы строгостью моего вниманія, что онъ опасался вмѣсто удовольствія встрѣтить гнѣвъ мой на него.

Въ Люценѣ городничему я указалъ на ростъ травы на главной улицѣ, которую приказалъ при себѣ-же очистить и усыпать дорожки краснымъ пескомъ. Государь, проходя пѣшкомъ черезъ городъ, особенно изволилъ замѣтить это, какъ порядокъ. Объѣхавъ всѣ пункты, осмотрѣвъ лошадей и сбрую, я поспѣшилъ въ Витебскъ успокоить Дьякова, и какъ ему до Динабурга приходилось ѣхать не тою дорогою, по коей долженъ былъ лежать путь для государя, то я указалъ ему нѣкоторые пункты на его дорогѣ сравнительными съ тѣми, которые я нашелъ слабѣйшими на пути государя.

Государь, пріѣхавши въ Динабургъ, по выходѣ изъ коляски, пріѣтствовала Дьякова словами:

— «Я не узнаю Витебской губерніи. На дорогѣ я видѣлъ всюду порядокъ, разговаривалъ съ нѣсколькими чиновниками—все порядочный народъ», и затѣмъ, взглянувъ на Шадурскаго, бывшего тутъ-же, спросилъ у Дьякова: «кто это и зачѣмъ онъ здѣсь?»

Шадурскому поклонился съ особенною привѣтливостью.

Войдя въ покон, спросилъ Дьякова:

— «Звать мнѣ твоего предводителя къ обѣду?»

— «Какъ вамъ угодно, государь», отвѣчалъ Дьяковъ.

«Что мнѣ угодно, то я знаю, замѣтилъ государь,—я спрашиваю твоей мысли?».

— «Это будетъ счастье и для губерніи, и для Шадурскаго», нашелся Дьяковъ, и Шадурскій приглашенъ былъ къ обѣденному столу государя.

Послѣ этого проѣзда была у меня окончательная переписка съ Дьяковымъ о запискѣ Кульнева, и когда я упомянулъ въ первомъ отзывѣ моемъ, что самъ государь изволилъ одобрять чиновниковъ губерніи, Дьяковъ во второй бумагѣ своей замѣтилъ, что я не долженъ былъ ссылаться на его слова, и будто-бы одобрительное замѣчаніе государя можетъ быть выставлено въ примѣръ только тогда, когда оно было изложено письменно, а не на словахъ. Я-же возразилъ, что оно для меня свято даже и въ милостивомъ наклоненіи головы.

Въ первыхъ числахъ августа Дьяковъ извѣстилъ меня, что я буду обязанъ къ 1-му сентября отправиться въ С.-Петербургъ, для участія въ разсмотрѣніи проектовъ объ управленіи государственными имуществами; вмѣстѣ со мною туда были вызваны еще губернаторы: московскій — Небольсинъ, псковскій — Пещуровъ, курскій —

Муравьевъ, тамбовскій — Гаммалея, с.-петербургскій — Жемчужниковъ, кievскій — Переверзевъ и бѣлостовскій — Гонаропуло (этотъ послѣдній не прибылъ). Изъ насъ составилъ особый комитетъ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ генерала П. Д. Киселева.

Не относится къ цѣли настоящихъ моихъ записокъ обстоятельное описаніе нашихъ занятій по комитету, но два случая идутъ къ соображенію. Когда я явился Киселеву, который принялъ меня съ необыкновенною вѣжливостью и привѣтствіемъ, онъ сталъ разспрашивать меня о положеніи губерніи и въ особенности казенныхъ крестьянъ въ оной; на счетъ послѣднихъ я отозвался съ сожалѣніемъ, но касательно общности губерніи замѣтилъ ему, что о губерніи идетъ только слава, будто она хуже и неисправнѣе другихъ, но я нашелъ, что тутъ больше существуетъ предубѣжденіе, нежели истина. Сравнивая губернію Симбирскую и Витебскую, изобильнѣйшую и скуднѣйшую изъ всей Россіи, первой принадлежитъ право собственнаго оной благосостоянія, но въ послѣдней я нашелъ гораздо больше внутренняго порядка и въ особенности нашелъ, что служба по выборамъ дворянства тутъ еще не успѣла испортиться, какъ въ первой.

Киселевъ, порывшись въ бумагахъ, вынулъ записку безъ подписи и, передавъ мнѣ, сказалъ:

«Не угодно-ли вамъ будетъ прочесть оную. Я недавно получилъ ее черезъ почту; здѣсь вы найдете большую разность съ тѣмъ, что вы теперь мнѣ говорили».

— «Вы знаете генералъ, сказалъ я ему,—кто сочинилъ записку?»
«Нѣтъ».

— «Ну, а я уже читалъ ее и знаю ея излагателя; могу увѣрить васъ, что этотъ человѣкъ не имѣлъ ни средствъ, ни понятій обнять сущность дѣла».

И дѣйствительно, подобная записка была и въ канцеляріи моей, сочиненіе одного письмоводителя канцеляріи Дьякова.

«Ну, я вижу, ваше пр—во, возразилъ Киселевъ,—что вы на вашу губернію въ розовыя очки смотрите».

Потомъ, мѣсяца черезъ полтора, Киселевъ пріѣхалъ къ намъ въ комитетъ и занимался съ нами отъ 9 часовъ утра до 4-хъ. Прежде всѣхъ онъ обратился ко мнѣ.

«Вчера въ государственномъ совѣтѣ читалъ записку вашу по проектамъ кн. Хованскаго, ну, теперь и я соглашаюсь съ вами, что Витебская губернія вовсе не такъ неисправна, какъ о ней судили до этихъ поръ».

Потомъ обратился къ другимъ губернаторамъ:

«Я-бы искренно желалъ, господа, чтобы всѣ начальники губерній доставили правительству такія соображенія и доказательства, какія представлены генераломъ. Онъ цифрами объяснилъ то, чего никто изъ насъ не усматривалъ, т. е., что губерніи въ исправности, платежи податей не только не отстали отъ другихъ губерній, но едва-ли сыщутся подобно ей исправные».

Въ кругу нашемъ были лица, которыя имѣли или могли имѣть обстоятельныя свѣдѣнія о Витебской губерніи: Пенсуровъ и Гаммалея, бывшіе въ оной губернаторами, Муравьевъ—вице-губернаторомъ, а Переверзевъ—правителемъ дѣлъ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ Закревскаго.

При обсужденіи проектовъ по управленію казенными имуществами западныхъ губерній насъ было двое, я и Переверзевъ. Отдавая почетъ его опытности, я ему нисколько не пререкалъ въ его замѣчаніяхъ, и при предположеніи, чтобы имѣнія оставались по прежнему на арендномъ основаніи, самъ еще поддерживалъ эту мысль, ибо мнѣ казалось тогда, что это прямой и вѣрнѣйшій способъ опредѣлительно получать съ нихъ доходъ въ казну. Въ одномъ случаѣ я изложилъ только собственную мою мысль, что арендаторамъ должно быть предоставлено безусловное право наказанія за лѣность и нерадѣніе крестьянъ, безъ жестокости, но гласно и съ запискою каждый разъ о подобномъ случаѣ въ особую книгу, дабы по оной можно было судить и о крестьянахъ, и о строгостяхъ арендатора. Но какъ главная цѣль учрежденія особаго управленія государственными имуществами клонилась, такъ сказать, къ эмансипаціи крестьянъ, т. е. къ дарованію имъ правъ личной собственности и собственной расправы—мысль моя оставлена безъ вниманія.

Въ настоящую бытность мою въ С.-Петербургѣ, кромѣ Киселева, подробно о губерніи имѣли со мною разговоры Блудовъ и Клейнмихель, и я замѣтилъ, что они предубѣждены противъ меня, будто я иду противъ присоединенія униатовъ; я рѣшительно объявлялъ каждому изъ нихъ, что я не только не одобряю мѣры, принятая вначалѣ, а теперь уже думаю, что труднѣе выполнить то, что можно было совершить однимъ ударомъ, именно: подчинить униатовъ синоду, а по времени замолчать о папѣ. Мнѣ противопоставляли толки и сужденія иностранныхъ правительствъ, а я указывалъ на дѣйствія Екатерины II и Іосифа II, отнявшихъ имущества у духовенства.

Съ Блудовымъ говорилъ я еще подробнѣе; утвердительно обнадеживая его, что при общемъ присоединеніи упорствующими распоряженіямъ правительства окажутся только нѣсколько ксендзовъ, но и тѣхъ можно, не обижая, успокоить пенсіями при удаленіи. Здѣсь

прибавлю, что мысль льготъ при обращеніи для униатовъ у Блудова была гораздо обширнѣе, нежели мною предлагаемая. Въ послѣдующемъ году положено уже было начало моему предположенію, т. е. униатское духовенство подчинилось не прямо синоду, но отдано въ завѣдываніе оберъ-прокурора онаго (1838 г.), а черезъ годъ (1839 г.), по выходѣ уже моемъ въ отставку, послѣдовало и общее присоединеніе...

Какъ были различны мнѣнія мое и Дьякова въ отношеніи этого дѣла, можно еще привести одинъ примѣръ. Я говорилъ уже о представленіи имъ въ севать дѣла о депутатѣ духовномъ, отвергаемомъ лепельскимъ судомъ при сужденіи ушачскаго крестьянина, но я не зналъ, въ какомъ видѣ это дѣло было представлено. Однажды у пріятеля моего, фонъ-Дервиза, встрѣтился я съ сенаторомъ Меркуловымъ, нѣкогда бывшемъ востромскимъ губернскимъ предводителемъ; онъ просилъ фонъ-Дервиза познакомить меня съ нимъ. Сдѣлавъ мнѣ небольшое привѣтствіе, онъ отвелъ меня въ сторону.

«Извините меня, почтеннѣйшій генералъ, что съ первой минуты знакомства съ вами я хочу поговорить съ вами объ одномъ серьезномъ для васъ дѣлѣ, разсматриваемомъ въ сенатѣ. На васъ представилъ генералъ-губернаторъ Дьяковъ, что вы противодѣйствуете присоединенію униатовъ въ православіе, поддерживая въ судебныхъ мѣстахъ противящихся оному?».

— «Это очень мудрено для меня, отвѣчалъ я,—мы, кажется, съ Дьяковымъ не ссорились, жили въ ладу, и я очень желалъ-бы знать, по какому случаю онъ могъ сдѣлать противъ меня представленіе?»

«По дѣлу крестьянина гр. Платера изъ м. Ушачи».

— «Ну что-же Дьяковъ писалъ?»

«Онъ утверждаетъ, что полоцкая консисторія правильно по этому дѣлу назначила отъ себя депутата, а вы его хотите и домогаетесь устранить, и у насъ уже готовится журналъ поднести это дѣло въ докладъ государю съ невыгодою для васъ, именно—сдѣлать вамъ за это выговоръ».

— «Я помню очень обстоятельства дѣла, замѣтилъ я,—и скажу вашему пр—ву, что я не только смѣлъ, но даже иногда дерзокъ бываю. Ежели мнѣ сдѣлаютъ выговоръ, я буду просить какъ милости у государя, чтобы меня судили».

«Ну, не пеняйте на меня, добрый И. С., я хотѣлъ васъ предостеречь. Я не знаю, что имѣетъ противъ васъ сенаторъ Бибииковъ, но онъ ужасно какъ глумится по этому дѣлу, и расхваливаетъ Смарагда и бранить васъ».

Черезъ нѣсколько дней я получилъ изъ Витебска частное письмо,

за подписью всѣхъ совѣтниковъ губернскаго правленія, которые прислали мнѣ сдѣланный правленію въ самомъ строгомъ тонѣ запросъ изъ сената и отвѣтъ правленія, и я совершенно успокоился. Значить, Меркуловъ настоялъ, чтобы дѣло болѣе разъяснилось, и вмѣсто выговора сенатъ не только взялъ мою сторону, но даже строго воспретилъ участіе духовныхъ депутатовъ въ судебныхъ инстанціяхъ при подобныхъ случаяхъ и поставилъ въ обязанность правленію наблюдать за этимъ, а Дьякову сдѣлано было замѣчаніе за необстоятельное изложеніе имъ въ сенатѣ дѣла.

Изъ Петербурга я возвратился въ Витебскъ въ половинѣ января 1838 года. Въ мое отсутствіе съ Дьяковымъ случились первые припадки ипохондріи. Еще при первомъ моемъ съ нимъ знакомствѣ я замѣтилъ, что онъ подчиненъ совершенно вліянію жены своей, но теперь она уже рѣшительно стала управлять всѣми его дѣйствіями, а на меня всегда глядѣла непріязненно. Да, признаюсь, я и самъ платилъ ей взаимностью. Получивъ орденъ Екатерины, она вздумала устроить въ Витебскѣ, на счетъ другихъ, разумѣется, благотворительное заведеніе для призрѣнія дѣтей, подъ названіемъ «Дѣтскаго пріюта» (тогда еще не было общаго устава для подобнаго рода заведеній) и, пригласивъ къ участію новаго губернскаго предводителя гр. Борха и нѣсколько постороннихъ лицъ, меня обошла и даже не удостоила ни свѣдѣнія объ этомъ, ни вопроса. Однажды мнѣ подали въ губернскомъ правленіи для подписи журналъ, съ прописаніемъ въ ономъ записки генераль-губернаторской канцеляріи о произведенной публикаціи на пожертвованіе для пріюта, и въ запискѣ говорилось, что онымъ управляетъ особый совѣтъ, подъ покровительствомъ г-жи Дьяковой.

Я обратился къ Дьякову съ вопросомъ: какое это заведеніе, частное или казенное, и черезъ кого образовался и утвердился совѣтъ, завѣдывающій онымъ, ибо я, начальникъ губерніи, ничего о немъ не знаю.

Дьяковъ извинился упущеніемъ канцеляріи своей, что она меня не извѣстила объ его согласіи на учрежденіе пріюта, и просилъ меня и жену мою принять въ ономъ участіе.

Я послалъ 100 рублей ассигнаціями и вмѣстѣ прошеніе объ отставкѣ. Въ тотъ-же день получилъ отзывъ, что моя просьба пущена въ ходъ; но поздно вечеромъ произошелъ пожаръ въ генераль-губернаторскомъ домѣ, куда я поѣхалъ, и тамъ ночью, въ продолженіи шести часовъ, у меня было обширное объясненіе съ Дьяковымъ, кончившееся новымъ между нами примиреніемъ. Онъ сознавался въ

своей неосмотрительности, обвинялъ бабы сплетни въ виновности частныхъ между нами размолвокъ, и убѣдилъ меня продолжать съ нимъ службу, утверждая, что это онъ дѣлаетъ не собственно для себя, но для блага губерніи. Я послѣ этого слегъ въ постель больной и нѣсколько дней не въ силахъ былъ даже заниматься дѣлами.

Пока я былъ въ Петербургѣ, вышелъ новый уставъ объ обязанностяхъ начальниковъ губерніи и земской полиціи; при послѣдней учреждалась новая должность становыхъ приставовъ. Блудовъ прислалъ мнѣ прочесть этотъ уставъ и спрашивалъ откровенныхъ отъ меня замѣчаній. Я ему напрямикъ сказалъ, что оба предположенія долго не удержатся, ибо основаны на теоріи больше, а не на практикѣ. Въ мое отсутствіе Г—нскій распоряжался назначеніемъ становыхъ приставовъ, и такъ честно и безкорыстно, что едва я вернулся въ Витебскъ, какъ получилъ отъ Дьякова письмо къ нему, писанное Блудовымъ, въ которомъ онъ объяснялъ, что всѣ становые пристава назначены за деньги, и даже опредѣлили цѣну по 600 рубл. съ каждаго за мѣсто. Дьяковъ просилъ меня раскрыть это дѣло.

Стыдяся заводить формальную переписку объ этомъ предметѣ, я вызвалъ къ себѣ всѣхъ военно-уѣздныхъ начальниковъ и поручилъ имъ словесно приложить стараніе попасть на нить, по которой можно было-бы обстоятельно добраться до истины. Всѣ четверо потомъ писали ко мнѣ секретно, что молва подтверждаетъ извѣстіе, но ни одинъ не представилъ такого факта, на который можно было-бы твердо опереться для слѣдствія. Я представилъ о затрудненіи Дьякову, и онъ принялъ рѣшительную мѣру. Всѣхъ 36 становыхъ приставовъ предложилъ устранить, а мнѣ лично предоставилъ опредѣлить новыхъ. Таковой рѣшимости отъ Дьякова я вовсе не ждалъ и опасался за него, чтобы сенатъ не подвергъ его отвѣтственности, но, напротивъ, министръ поддержалъ это рѣшеніе съ своей стороны.

Я пригласилъ къ себѣ гр. Борха, и объявивъ ему предложеніе Дьякова, просилъ тутъ-же пересмотрѣть со мною списокъ представленныхъ во время выборовъ отъ дворянства кандидатовъ. Всѣхъ, кого онъ зналъ лично и одобрилъ, я опредѣлилъ въ должности; тѣхъ, о коихъ отзывался дурно, исключилъ вовсе изъ числа претендентовъ, а о тѣхъ, о которыхъ онъ отзывался незнаніемъ ихъ лично, я завелъ особня справки, но принялъ себѣ навсегда правило не опредѣлять въ должность такихъ, которые по спискамъ видѣлись часто измѣнявшими свою службу. Моимъ распоряженіемъ и назначеніемъ и гр. Борхъ, и губернія остались вполне довольны.

Дьяковъ опять уѣзжалъ за границу; передъ отъѣздомъ жена его просила мою заведеніе, ея устроенное, принять въ свое управленіе.

Находя, что послѣ того начала, которое она-же, Дьякова, положила дѣлу, въ частныя ея распоряженія не причлествовало моей женѣ выѣзживать, я ей отсвѣтовалъ это, и мы разстались съ Дьяковымъ друзьями, а съ его женою въ явномъ опять разладѣ.

Въ это время было получено большое число секретныхъ свѣдѣній о польскихъ эмиссарахъ, пробравшихся въ Россію для подготовки къ возмущенію въ западныхъ губерніяхъ, и даже сообщенъ былъ знакъ наружный, долженствовавшій быть признакомъ участія, именно—эмблема вѣры, надежды и любви. Зорко вникая во все, что могло вести къ открытію злоумышленниковъ, я имѣлъ случай въ Лепелѣ отыскать пуговицы съ сказанною эмблемою, изготовленныя въ Лондонѣ, и отправилъ ихъ гр. Бенкендорфу, но какъ особы, на которыхъ замѣчались такыя пуговицы, всѣ оказывались самими ничтожными и даже отличающіеся простотою люди, то я рѣшительно никого за это не беспокоилъ, и откровенно объ этомъ написалъ графу. Однажды, однако-же, пришелъ было въ большую тревогу.

Полковникъ Потаповъ, секретно разслѣдывавшій въ Лепелѣ о пуговицахъ, донесъ мнѣ, что тамъ захваченъ подозрительный человекъ, по описанію, совершенно сходный съ эмиссаромъ Канарскимъ, и еще страннѣе, что онъ самъ называлъ себя фамиліею, тоже состоявшею въ спискѣ объ эмиссарахъ. Я немедленно отправилъ жандармовъ привезти его въ Витебскъ, но по прибытіи удостовѣрился съ перваго взгляда, что онъ и фамилію, и примѣты приобрѣлъ суетно... Но въ то время, когда его везли въ Витебскъ, между обывателями дворянскаго разряда очень замѣтно было волненіе и множество бросились ему на встрѣчу. Всѣ такыя любопытствующіе взяты были мною въ особое замѣчаніе.

Канарскій, между тѣмъ, былъ захваченъ дѣйствительно въ Вильнѣ, и я отъ тамошняго губернатора имѣлъ отношеніе отыскать одного дворянина (не упомяну фамилію), у котораго нѣкоторое время скрывался Канарскій и имѣлъ съ нимъ особыя связи. Надобно-же было, чтобы въ это время я получилъ донесеніе отъ земской полиціи, что именно такой-же фамиліи дворянинъ на-дняхъ зарѣзался въ имѣніи помѣщика Гудимъ-Левковича. Я назначилъ строгое и аккуратное слѣдствіе, по которому оказалось, что дворянинъ жилъ у Левковича уже много годовъ и прежде былъ учителемъ въ Витебскѣ, бѣдный, скромный человекъ, вовсе не имѣвшій ни съ кѣмъ даже и случайной связи; слѣдовательно, ходъ дѣла открылъ его безвиннымъ въ участіи по возмущенію. Я не беспокоилъ Гудимъ-Левковича, но Дьяковъ, возвратясь изъ заграницы, на другой-же день рѣзко потребовалъ отъ меня по этому предмету объясненія и сдѣлалъ мнѣ

даже неприличное замѣчаніе. Пока мы переписывались, отъ вилѣнскаго губернатора я получилъ извѣстіе, что отыскиваемое лицо имъ уже найдено и судится вмѣстѣ съ Канарскимъ. Неправедливость Дьякова меня чувствительно тронула.

За упущеніе по должности и за явно корыстолюбивыя дѣйствія я арестовалъ архитектора Бетини, во время отсутствія Дьякова. Бетини пожаловался на меня гр. Толлю; завязалась переписка, по которой Толль, придерживаясь моей стороны, передалъ, однако-же, это обстоятельство на разсмотрѣніе Дьякову; тотъ принялъ сторону Бетини и, выйдя изъ своихъ правъ, предложилъ строительной комиссіи объявить ему, что я поступилъ неправильно. Это было второе обстоятельство, затронувшее мои чувства.

Наконецъ, въ домѣ Дьякова оставалась мать жены его, больная старуха, и у нея гостила дочь помѣщика Цѣхановецкаго, лѣтъ 18-ти, бойкая, умная и чистая польская патріотка. Однажды, въ публикѣ, гласно она дозволила себѣ рѣзкую рѣчь относительно государя; за это ей и ея семейству я отказалъ посѣщеніе моего дома. Самъ отецъ ея принялъ это съ чувствомъ и къ сердцу, какъ слѣдуетъ благородно мыслящему. Дьяковъ, возвратясь изъ заграницы, явно взялъ сторону Цѣхановецкихъ, мнѣ даже не сдѣлавъ визита, а ему и семейству его далъ публичный обѣдъ. Это послѣднѣе обстоятельство еще болѣе другихъ меня тронуло.

Къ тому же, ежедневно получая отъ Дьякова нумеровъ по пяти предложеній на свое имя и такое-же число въ губернское правленіе, я находилъ каждый разъ, по крайней мѣрѣ, по четыре, въ которыхъ поставлялось мнѣ что-либо на видъ, какъ упущеніе, и всегда почти несправедливо. Я рѣшился уже не возражать на это; но со всѣмъ тѣмъ не могъ воздержаться, когда Дьяковъ поставилъ мнѣ на видъ безуспѣшное взысканіе по губерніи недоимокъ, конхъ въ послѣднюю половину года моего управленія губерніею взыскано было около $\frac{1}{10}$ части, около 600 тыс. руб. Я отвѣчалъ, что правительство вѣроятно не такъ будетъ судить объ этомъ предметѣ, и ровно черезъ недѣлю за взысканіе недоимокъ получилъ особенное монаршее благоволеніе.

1-го сентября (1838 г.) я подалъ въ отставку.

Я былъ увѣренъ, что государь обратитъ вниманіе свое на меня, и не ошибся въ этомъ. Гр. Бенкендорфъ извѣстилъ Дьякова, что государю угодно удержать меня на службѣ и передавалъ это ему, проси его содѣйствія. Дьяковъ, слышавъ еще прежде отъ меня, что если я подамъ опять въ отставку, рѣшительно уже не возьму просьбы своей назадъ, написалъ къ Бенкендорфу, что онъ четыре раза меня

уже останавливалъ, но мой безпokoйный характеръ не ручается, чтобы я долго еще могъ продолжать службу; что я рѣшительно не могу быть ни у кого въ подчиненности и никакого начальства надъ собою сносить не могу, а потому онъ, Дьяковъ, почитаетъ даже вреднымъ для службы новое для меня убѣжденіе. Однимъ словомъ, вмѣсто благодарности, Дьяковъ убилъ однимъ ударомъ и службу мою, и приобретенное мною личное во мнѣ благоволеніе государя.

Судьба привела меня послѣ этого жить въ Витебской губерніи, и, какъ частное лицо, я имѣлъ случай еще сдѣлать многія замѣтки, которыя не дошли-бы до меня никогда въ званіи начальника губерніи.

Не прошло полугода, уніаты общеою массою присоединены въ православіе; мысль моя-же, а награды достались Дьякову и окружающимъ его.

И. Жиркевичъ.

Отъ редакціи. Послѣдующія страницы собственноручныхъ записокъ И. С. Жиркевича заключаютъ въ себѣ его разсужденія о разныхъ причинахъ плохого въ экономическомъ отношеніи состояніи Витебской губерніи за время съ 1836 по 1847 годъ, причемъ указаны различныя средства къ поднятію экономическаго положенія этого края. Предположенія эти, иногда весьма разумныя, относятся, по времени, къ крѣпостному періоду въ бытѣ нашего отечества, и теперь, поль-вѣка спустя, когда весь внутренній строй нашего отечества, а въ немъ и Витебская губернія, подвергся благимъ реформамъ Александра-Освободителя, многія предложенія и указанія бывшаго въ 1836—1838 гг. въ Витебскѣ губернаторомъ И. С. Жиркевича потеряли интересъ и значеніе. Тѣмъ не менѣе, хотя послѣдняя часть, очевидно составляющая одну изъ двухъ черновыхъ обширной записки, которую кому-либо изъ людей, у власти стоявшихъ, подавалъ или посылалъ бывшій начальникъ Витебской губерніи, заключаетъ не мало повтореній изъ фактовъ, пережитыхъ Жиркевичемъ,—она представляетъ нѣкоторыя событія и характеристики съ любопытными прибавленіями къ его мемуарамъ. Эти черты, какъ дополняющія вышеприведенный текстъ записокъ И. С. Жиркевича, мы приведемъ здѣсь въ отрывкахъ, соединивъ въ одну главу.

И. С. Жиркевичъ скончался въ Полоцкѣ въ 1848 г. отъ холеры.

Ред.

IX ¹⁾.

Отъѣздъ государя Николая о Смарагдѣ.—Камергеръ Скрипицынъ и вопросъ объ униі.—Епископъ Исидоръ.—Епископъ Василій Лужницкій.—Неурожай 1844 и 1845 гг.—Голодъ.—Мѣры къ снабженію продовольствіемъ.—Сенявинъ.—Заботы о казенныхъ крестьянахъ.—Исправленіе дорогъ.—Заключеніе.

Дьяковъ, соглашаясь совершенно съ моими замѣчаніями, при разговорѣ сказалъ мнѣ, что государь Николай Павловичъ при опредѣленіи его въ генераль-губернаторы именно указалъ ему, что важнѣйшіе безпорядки Витебской губерніи относятся прямо къ обращенію униатовъ; что Хованскій и Прейдеръ не умѣли взяться за это дѣло, а Смарагдъ дѣйствуетъ какъ невѣжда; что онъ первыхъ двухъ немедленно смѣнилъ, но архіерея до времени оставляетъ на мѣстѣ, чтобы не остановить присоединенія, которое необходимо, рѣшительно должно совершиться, ибо этого требуетъ политика и спокойствіе государства, но что ему угодно, дабы имя его не вмѣшивалось отнюдь въ обстоятельства.

— «Ежели мы увидимъ, прибавлялъ государь,—что иначе со Смарагдомъ нельзя управиться, я и его переведу отъ тебя, а тебѣ дамъ знакомаго тебѣ Павла изъ Варшавы».

Я здѣсь привожу въ точности слова Дьякова.

..... Между тѣмъ пріѣзжалъ въ Витебскъ чиновникъ отъ оберъ-прокурора синода, камергеръ Скрипицынъ, который, являсь ко мнѣ, спрашивалъ словесно моего мнѣнія, не признаю-ли я удобною мѣру, которую намѣрено принять правительство въ отношеніи къ остающимся униатамъ: церкви ихъ и духовенство предполагаютъ подчинить въ полное вѣдѣніе канцеляріи оберъ-прокурора. Я отвѣчалъ положительно, что не только эта мѣра, но и общее присоединеніе униатовъ не встрѣтятъ и не встрѣтило-бы никогда препятствія, если-бы вмѣсто теперешнихъ мѣръ начали дѣйствовать прямо на духовенство. Я увѣренъ, что упорныхъ священниковъ едва-ли сыщется въ общемъ числѣ десятка два, которыхъ можно политически, не оскорбляя, перевести въ другія губерніи, но тамъ, не давая имъ мѣстъ, замѣнить оныя пожизненнымъ пенсіономъ; тогда все присоединеніе послѣдуетъ безъ малѣйшаго замѣшательства.....

¹⁾ Какъ видно изъ помѣтки автора записокъ, глава эта писана въ 1847 г., въ Полодкѣ. Ред.

.....Скажу еще слова два о Смарагдѣ: заносчивость его и самонадѣянность простиралась до такой степени, что онъ на гражданскихъ чиновниковъ и на владѣльцевъ имѣній всегда смотрѣлъ съ пренебреженіемъ, и въ собственномъ ихъ даже присутствіи оказывалъ имъ явное презрѣніе. Не одинъ разъ за столомъ у кн. Хованскаго, при значительнѣйшихъ дворянахъ и сановникахъ, онъ выражался, называя ихъ злыми католиками, гнусными польскими вырожденцами, — и не нашлось ни одного лица къ возраженію противъ этой наглости.....

.....Смарагда перевели въ другую губернію, тамъ онъ сталъ дѣйствовать иначе и снисходительнѣе, и привлекъ къ себѣ расположеніе владѣльцевъ имѣній; въ Витебскъ на его мѣсто поступилъ могилевскій викарный епископъ Исидоръ, человѣкъ кроткій, благонравный и честный архипастыръ¹⁾. Со мною онъ тотчасъ сошелся и поналъ и намѣренія мои, и дѣйствія, и ежели по неизвѣстности къ свѣтской жизни иногда входилъ въ ошибочное сужденіе о дѣлахъ, по объясненіи о томъ легко усматривалъ ошибку и измѣнялъ свои мысли и направленіе. Черезъ два года и его перевели въ Могилевъ; обыватели витебскіе съ душевною скорбію и со слезами провожали отъѣздъ преосвященнаго Исидора въ Могилевъ; народъ встрѣтилъ его съ предубѣжденіемъ въ его пользу и хотѣлъ даже отпречь у него подъ экипажемъ лошадей и везти на себѣ до собора, — такъ много слышалъ о немъ похвалы.

Въ Витебской губерніи, духъ самовластиа, закравшись единожды въ духовенство, не скоро и безъ усилій едва-ли когда истребится. Теперешній (1847 г.) архіерей Василій (Лужицкій), перешедшій къ православной церкви изъ униатовъ, скоро, очень скоро, забылъ то унизительное и горькое положеніе, въ которомъ онъ былъ относительно къ Смарагду; онъ тоже хочетъ представлять и представляетъ изъ себя владыку; духовенство подъ нимъ вообще ставитъ себя въ первый рядъ государственнаго управленія, вовсе не постигая того, что ежели наружно и отдаются оному уваженіе и почести, но это нисколько не должно касаться до свѣтскихъ отношеній, а въ одномъ только духовномъ управленіи. Теперь ни одинъ священникъ съ владѣльцемъ имѣнія не говоритъ иначе, какъ съ подчиненнымъ себѣ, а изъ чернаго класса народа cadaго онъ считаетъ совершеннымъ для себя работъ. Крайне удивляло меня, когда я пріѣхалъ въ Витебскъ, печатное объявленіе новаго архіерея, въ видѣ приказа, чтобы при предназначенномъ имъ

¹⁾ Епископъ витебскій въ 1838 г., преосвященный Исидоръ нынѣ, въ 1890 г., высокопреосвященный митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій, всѣми высокочтимый архипастыръ.

крестномъ ходѣ всѣ прихожане, собираясь предварительно въ приходскихъ церквахъ своихъ, непременно присутствовали при общемъ ходѣ; чтобы всѣ служащіе чиновники были при томъ непременно. Очень часто теперь (1847 г.) возникаютъ прихотливыя притязанія мѣстнаго духовенства, чтобы чиновники собирались именно въ такую-то, а не въ другую какую церковь, въ табельные дни, для слушанія молебствія, не взирая ни на отдаленіе, ни на тягость, которая по мѣстности можетъ быть для этого служащимъ. Епархіальный начальникъ объ этомъ настоятельно пишетъ свои требованія къ гражданскому начальству, а оно слѣпо ихъ выполняетъ. У прихожанъ отнимается (1847 г.) воля не только приписываться по собственному желанію къ приходамъ, но даже препятствуютъ имъ имѣть такихъ духовниковъ, которыхъ они сами себѣ предназначаютъ. Я не постигаю, какая польза можетъ быть отъ такого принужденія, но самовластіе духовенства было и будетъ всегда во вредъ обществу, и по моему мнѣнію, необходимо должно положить оному преграду (1847 г.)....

....Въ 1844 году, еще лѣтомъ, начались толки и сужденія о плохомъ урожаѣ хлѣба по губерніи; генераль-губернаторъ Дьяковъ и губернаторъ Клементьевъ, осмысливая пророчество, утверждали, что это обыкновенная уловка витебскихъ помѣщиковъ просить о льготахъ и пособіяхъ. Съ сентября начали поступать объ этомъ отъ предводителей и земской полиціи форменныя донесенія, но господа главноначальствующіе не только не давали этимъ извѣстіямъ вѣры, но даже ни мало не озаботились отъ себя хотя поверхностно удостовѣриться въ справедливости; наконецъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, крестьяне одного помѣщика послали гр. Орлову жалобу, что они умираютъ съ голоду, а помѣщикъ не только собственный, но даже и ихъ хлѣбъ обращаетъ на винокурню. Изъ Петербурга былъ присланъ особый жандармскій штабъ-офицеръ, изслѣдовать жалобу. Первый онъ, а потомъ уже губернский предводитель, прямо отъ себя къ министру донесеніями, произвели тревогу. Вмѣсто того, чтобы обратитъ вниманіе тотчасъ и предварительно принять какія нужно мѣры, если справедливо донесеніе, чѣмъ-бы выигрывалось время къ пособію,—въ началѣ февраля (1844 г.) отправился въ Витебскъ, черезъ Псковскую губернію, въ коей тоже открылась нужда, товарищъ министра Сениавинъ; онъ повезъ съ собою кучу денегъ и чиновниковъ. Не знаю, что онъ дѣлалъ во Псковѣ, но, пріѣхавъ въ Витебскъ, онъ приступилъ немедленно собирать нуждающихся и лично выдавать имъ пособіе; должно замѣтить, что по городу Витебску нужда была еще вовсе нечувствительна, ибо цѣна хлѣба на рынкахъ не превышала 1 р. 20 к. или 1 р. 30 к. за пудъ муки ржаной, но едва почуяли присутствіе благодѣтеля, и внутренніе, и

внѣшніе поселяне кинулись на покормку; горожане бросились по квартальнымъ и частнымъ надзирателямъ полиціи собирать записки о бѣдности. Записка просящему стоила иногда 25, 20, 15 и даже 10 копѣекъ серебромъ, а онъ получалъ за это 2, 3, 5 и 10 рублей, а внѣшніе болѣе отставные или безсрочно-отпускные солдаты наводнили городъ; цѣны на муку поднялись вдругъ, и черезъ недѣлю дошли едва не до 3-хъ рублей за пудъ.

Замѣтить должно, что ежели-бы не только въ декабрѣ, но даже и въ февралѣ уже обращено было вниманіе на Бѣльскіе промыслы, на московскую и калужскую торговлю хлѣбомъ,—весною, въ маѣ мѣсяцѣ, рожь могла продаваться съ небольшимъ за 10 рублей четверть на ассигнаціи, но внезапно произведенное потрясеніе разлилось и туда, и тамъ цѣны тотъ-же часъ стали подниматься, но въ Витебской губерніи собственно торгующихъ хлѣбомъ купцовъ нѣтъ, а въ городахъ этимъ занимаются перекупщики, и коль скоро однажды цѣна гдѣ подымется, то она уже держится не мѣсяцы, а годы, и умышленно поддерживается главными спекуляторами.

Затѣмъ начались толки, какъ и чѣмъ пособить помѣщикамъ,—разумѣется деньгами. Но сеужать на слово не приходилось, а имѣніи болѣе $\frac{2}{10}$ числа оныхъ по губерніи заложены уже въ кредитныхъ учрежденіяхъ. Рѣшили роздать прежде небольшой запасный капиталъ, предназначенный именно на этотъ предметъ, а потомъ разрѣшить въ заложенныхъ имѣніяхъ(?). Если-бы это было разрѣшено въ равной силѣ на всѣхъ, тутъ, по крайней мѣрѣ, не давалось-бы повода къ ропоту, но положили образовать уѣздные комитеты подъ руководствомъ предводителей, или, приличнѣе выразиться, ихъ письмоводителей, для разсмотрѣнія нуждъ просящихъ пособіе и въ соразмѣрности опредѣлять количество пособія. Разумѣется, если кто изъ просящихъ имѣлъ болѣе вѣса по дворянству, тотъ и получилъ болѣе, а слабѣйшему доставались послѣднія крохи, но и это еще не бѣда, если-бы хлѣбъ можно было достать сходно на мѣстѣ.

Я утверждалъ и теперь утверждаю, что вѣрнѣйшее пособіе было-бы, если-бы высшее управленіе прежде всего устремилось на пунктъ начального заготовленія хлѣба; тамъ, безъ подряда и контрактовъ, но прямо изъ первыхъ рукъ, купило-бы хлѣба до 200, 300 или даже до 500 тысячъ четвертей; сплавомъ оный двинуло по Двинѣ, и вмѣсто денегъ предложено-бы хлѣбъ по обошедшейся казнѣ цѣнѣ,—тогда это было-бы чистое благотвореніе и пособіе, и въ послѣдующій годъ не было-бы голода; но даже если уже рѣшено было давать пособіе деньгами, то можно-же было сообразить, что кто богаче, тотъ скорѣе можетъ сыскать сторонній кредитъ, нежели бѣдный. Почему было не

ограничить количествомъ душъ имущества кому давать помощь; тутъ никто не могъ-бы жаловаться. Можно было-бы богатымъ предоставить путь просить особенно пособіе, бѣднымъ дать безъ процентовъ или съ должайшею разсрочкою, а богатымъ—на обыкновенныхъ условіяхъ.

Что-же вышло изъ настоящаго распоряженія? Денеть разбросано множество, съ надеждою (но, увѣряю, тщетною) къ возврату. Хлѣба не куплено, ибо купить было негдѣ, и поселяне не только чтобы утолить голодъ свой, но оставили и послѣдующій годъ поля свои безъ засѣвовъ. Базалось-бы, какъ хотя опыту не научить къ лучшему порядку!

Въ 1845 году опять оказался неурожай, что не только предвидѣть, но даже непремѣнно полагать слѣдовало, а между тѣмъ, и въ чужихъ краяхъ оказался голодъ. Требованія черезъ Ригу хлѣба за границу подняли цѣну онаго до несоразмѣрности. Тогда уже казна распорядилась подрядомъ заготовить большое количество хлѣба и часть онаго сплавила по Двинѣ, но позже всѣхъ частныхъ каравановъ и безъ малѣйшаго о томъ по губерніи оглашенія, такъ что мы, живущіе на берегу рѣки и тамъ, гдѣ была складка хлѣба, услышали послѣ, что казенный хлѣбъ продавался по точной рыночной цѣнѣ, а ежели и съ нѣкоторымъ пониженіемъ, то единственно въ руки перекупщиковъ.

Это отчего случилось? Вотъ причина: не губернское начальство, а министерство стало уже заботиться о дальнѣйшемъ ходѣ послѣдствій неурожая; повсюду разослало своихъ чиновниковъ; тѣ на мѣстахъ и по перепискѣ еще въ іюнѣ 1845 г. утвердительно удостовѣрились, что опять долженъ быть неурожай; заграницею, особенно въ Пруссіи, цѣны были умѣренныя; тогда министерство сдѣлало распоряженіе купить прусской ржи четвертей до 500 тысячъ и чрезъ Ригу поднять ее на легкихъ судахъ вверхъ по Двинѣ и предложить нуждающимся витебскимъ помѣщикамъ, сперва для покупки, а потомъ хотя въ ссуду по цѣнамъ, во что обошелся казнѣ хлѣбъ.

Операция сама по себѣ обошлась дорого, а на бѣду съ конца іюля пошли дожди, хлѣбъ въ худо покрытыхъ лодкахъ подмокъ и испортился, деньги, розданныя въ ссуду, истратились на другіе предметы, и хлѣбъ этотъ просто прогулялся по Двинѣ. Тутъ уже стали думать не о пособіи и благотворительности, а чтобы поправить сдѣланную ошибку, только о выручкѣ издержки,—и вотъ истинная причина безгласности о спущенномъ въ 1846 году хлѣбѣ и о продажѣ онаго по рыночной цѣнѣ.

Главное управленіе государственными имуществами нѣсколько благовременноѣ стало принимать мѣры для обезпеченія своихъ крестьянъ, но тутъ формы, многосложность, а болѣе корысть уничтожаютъ цѣль

благотворенія. Подрядчики подняли цѣну сперва на хлѣбъ, а потомъ на подвозъ онаго, и мѣстные чиновники помогли злоупотребленіямъ; мнѣ въ точности извѣстно, ибо я слышалъ прямо отъ самого блюстителя за торговъ и распорядителя въ передачѣ крестьянамъ хлѣба, что первоначально присланный хлѣбъ изъ Смоленской губерніи въ Витебскую черезъ Порѣчье, на пути своемъ освидѣтельствованный мѣстнымъ управляющимъ палатою и вице-директоромъ департамента, на пристанѣ доставленъ подмѣшаннымъ и частью негоднымъ даже въ пищу, и когда я спросилъ, какъ-же онъ не забраковалъ этого хлѣба? онъ мнѣ отвѣчалъ:

— «Да что-же вы хотите, чтобы меня отдали подъ судъ? Скажутъ, что я доношу на моихъ начальниковъ, и пожалуй еще на мой счетъ отнесутъ простой подвозъ прибывшихъ для накладки хлѣба изъ деревень».

О другихъ зимнихъ транспортахъ, перевозимыхъ съ Днѣпра, онъ-же мнѣ говорилъ, что до трехъ, а изъ иныхъ имѣній до четырехъ разъ поднимались подводы, и въ самую жестокую распутицу, доходя до мѣста, откуда назначался отпускъ, тамъ не находили хлѣба, и сами возвращались голодные, перемора болѣе нежели половину своихъ и безъ того тощихъ клячъ совершенно. Вотъ и при самомъ благовидномъ намѣреніи какъ усиливается зло отъ сложнаго устройства въ управленіи; не лучше-ли, если-бы администраторъ, котораго я предложилъ выше, бывши самъ хозяиномъ, самъ распорядился, откуда и какъ подвести подмогу своимъ крестьянамъ; имѣя судоходные пункты въ своемъ собственномъ участкѣ, онъ на немъ могъ-бы сдѣлать основной складъ своего запаса, къ оному подсылать подводы не вдругъ, а по частямъ и избѣгая по возможности дурныхъ путей.

Главное управленіе, извѣстясь о непомѣрной убыли въ лошадяхъ у крестьянъ, выслало значительную сумму денегъ для покупки оныхъ. Тутъ нѣтъ надобности распространяться, какія и какими средствами покупались лошади и какъ ихъ раздавали крестьянамъ; въ моей запискѣ къ министру я сдѣлалъ намекъ на то, о чемъ публично и гласно говорено было повсюду; чего-же можно ожидать при новой довѣренности на пособіе крестьянамъ чрезъ мѣстныхъ начальниковъ?

Наконецъ, вотъ нѣсколько словъ и насчетъ содержанія дорогъ по губерніи въ исправности. Сложите подать съ душъ, взимаемую за право вольной продажи вина, положите оную на самое вино; этимъ облегчится крестьянинъ чувствительно. Поправку и исправное содержаніе дорогъ возложите на ближайшія къ пунктамъ дороги селенія въ такой соразмѣрности, чтобы это не было тяжкимъ лишь для нихъ бременемъ (что, впрочемъ, они теперь по необходимости

тоже выполняютъ, но безъ всякаго возмездія). Остальныя селенія обложите новымъ посильнымъ налогомъ и зачтите этотъ налогъ, въ равной мѣрѣ по числу душъ, на тѣ селенія, которыя будутъ заняты постоянно исправленіемъ дорогъ. Въ случаѣ голода и неурожая, займите особеннымъ устройствомъ дорогъ большое число нуждающихся крестьянъ, съ платою имъ на кредитъ губерніи во ожиданіи послѣдующихъ благодатныхъ урожаевъ. Уплатить губерніа этотъ кредитъ—хорошо, не заплатитъ—обратите своевременно въ льготу; это будетъ и благотвореніе, и принесетъ болѣе пользы, нежели строгій учетъ однихъ недоимокъ, которыя, ежегодно умножаясь, все-таки доводятъ до такого-же конца, что приходится ихъ складывать со счетовъ.

Однимъ словомъ, хотите благоденствія губерніи, дружно и не жалея пожертвуйте капиталами по всѣмъ статьямъ вдругъ, довѣрьте въ этотъ ежели не начальнику губерніи, то генералъ-губернатору, и ежели тотъ, оставя мелочные предметы, употребитъ серьезно свои занятія на дѣло и благо общія, то—повѣрьте—губерніа, по мѣстности своей занимающая выгодный пунктъ въ государствѣ, не только подымется, но будетъ процвѣтать и сторицею вознаградитъ положенныя на нее издержки.

Воля русскаго царя такъ мощна,—повелитъ изъ Витебской губерніи сдѣлать садъ, и будетъ садъ изъ нея! Монументъ Петра I стоитъ на болотѣ и не колыхнется ни разу.

Полоцкъ, 26 апрѣля 1847 года.

Ив. Ст. Жяркевичъ.

Примѣчаніе. Здѣсь оканчиваемъ печатаніемъ «Записки И. С. Жяркевича»; приводимъ нѣсколько строкъ изъ предисловія къ нимъ о послѣднихъ годахъ жизни этого достойнѣйшаго человека, честнаго и усерднаго служака времени Николая I-го; вотъ что, между прочимъ, сказано въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г., томъ IX (стр. 211—212):

«По выходѣ своемъ изъ службы, въ 1838 г., Иванъ Степановичъ поселился съ семействомъ въ Полоцкѣ, и прожилъ девять лѣтъ самымъ скромнымъ образомъ, за неизмѣнимъ средствъ. Умеръ онъ отъ холеры въ 1848 году. Жена его, Александра Ивановна, рожденная Лаптева, неразлучная его спутница, не могла его пережить, и не прошло шести недѣль, какъ она, въ свою очередь, сошла въ могилу. Иванъ Степановичъ оставилъ послѣ себя двухъ дочерей, Н. Ив. Глушкову и Эльзанду Ив. Ганъ, и сына Владимира Ивановича, дружескому вниманію котораго мы обязаны сообщеніемъ нынѣ печатаемыхъ записокъ¹⁾. «Безпокойный, строптивый, неуживчивый человекъ», такъ отзывался

¹⁾ Владимиръ Ивановичъ, послѣ многолѣтней службы на посту лѣсничаго въ Западной Россіи, вышелъ въ отставку. Сынъ его, родной внукъ Ивана Сте-

объ И. С. Жиркевичъ его ближайшій начальникъ, безхарактерный генер. Дьяковъ; и не ему, этому заурядному въ то время генералу, было понять, что неуживчивость и строптивость Жиркевича вытекали изъ чистѣйшаго источника, именно—изъ неподкупной, фанатической честности, изъ преданности и любви къ царю и отечеству. Этими свойствами характера покойного запечатлѣны его записки».... Вообще Иванъ Степановичъ одинъ изъ ярко типичныхъ представителей энергичныхъ, весьма смѣливыхъ и способныхъ, честныхъ и горячихъ служакъ Николаевского времени. Если-бы такіе именно служаки не составляли-бы, пользуясь тому назадъ, довольно рѣдкаго исключенія въ Россіи, въ ея чиновныхъ и высшихъ служилыхъ сферахъ, то исходъ грозы, разразившейся надъ нашимъ отечествомъ въ 1853—1855 гг., былъ-бы, конечно, другой. Къ сожалѣнію, Жиркевичей было весьма немного, и императоръ Николай, любившій и цѣнявшій Ивана Степановича, понималъ это, но не въ силахъ былъ побороть казнокрадство, ложь и апатію. Для этого былъ нуженъ другой режимъ—и онъ насталъ съ освобожденіемъ крѣпостной Россіи и съ ея возрожденіемъ по жанию царя-преобразователя Александра II... Теперь Жиркевичей—много въ рядахъ военныхъ и гражданскихъ дѣятелей, много ихъ и въ средѣ земскихъ служакъ, а будетъ и того больше, если гласность, правда, судъ и просвѣщеніе будутъ и шире, и глубже разливаться и упрочиваться на святой Руси...

Ред.

пновича, Александръ Владиміровичъ, окончилъ курсъ въ военно-юридической академіи, служилъ въ западныхъ губерніяхъ по военно-судной части.